

**Библиотека
Московской
школы
гражданского
просвещения**

Библиотека
Московской школы гражданского просвещения

Редакционный совет:

А. Н. Мурашев

В. А. Найшуль

Е. М. Немировская

Ю. П. Сенокосов

А. Ю. Согомонов

М. Ю. Урнов

Кристофер Паттен

Что дальше?
Выживание в XXI веке

*Перевод с английского языка
Марка Дадяна и Давида Можарова*

**Московская
Школа
Гражданского
Просвещения**

2017

ББК 66.4 (0)

П 20

Дизайн серии *А.Бондаренко*

*Книга издана при поддержке
Стокгольмского института переходной экономики (SITE),
группы компаний «Рольф», частного взноса.*

Кристофер Паттен

П 20   Что дальше? Выживание в XXI веке. Перевод с англ. яз.
(Chris Patten. What Next? Surviving the Twenty-first Century.
Penguin books Ltd. Allen Lane. 2008) — М.: Московская школа
гражданского просвещения, 2017. — 576 с.

Кристофер Паттен — известный британский политик, последний губернатор Гонконга (1992–1997), один из крупнейших экспертов по международным делам. В этой книге он выступает как блестяще информированный глубокий аналитик широкого спектра актуальных и критических сфер глобальной картины мира в начале XXI века. Терроризм и распространение оружия массового поражения: исчерпание потенциала традиционных моделей экономического роста; симптомы климатического коллапса и варварская эксплуатация природных ресурсов; острые проблемы здравоохранения и наркотрафика и др. Тональность повествования в целом вызывает тревогу, но такой эффект, увы, обусловлен убедительной аргументацией, основанной на обширном личном профессиональном опыте автора и богатом фактологическом материале.

ББК 66.4 (0)

ISBN 978-5-91734-050-0

© Chris Patten, 2008

© Московская школа

гражданского просвещения, 2017

*Книга посвящается
Изабелле, Элоди, Уиллоу, Максу и Сэмюэлю:
это их век*

Оглавление

<i>Благодарность</i>	7
Глава 1. Смешной старый мир	10
Глава 2. Точка отсчета	25
Глава 3. Бигмаки и крах	55
Глава 4. Небо в огне	109
Глава 5. Грибовидные облака	148
Глава 6. Сто миллионов ружей	191
Глава 7. Алчность, война и «беднейший миллиард»	228
Глава 8. Вода и кровь	267
Глава 9. Всякое бывает	300
Глава 10. На игле	333
Глава 11. Топливный бак	367
Глава 12. Потепление	416
Глава 13. Кашель и насморк	456
Глава 14. Пусть звенит свобода	485
Глава 15. И так.....	523
<i>Примечания</i>	553
<i>Именной указатель</i>	564

Благодарность

Я благодарен родным, друзьям и коллегам за помощь в написании этой книги.

В первую очередь выражаю признательность моему издателю и другу Стюарту Профиту — исключительно вдумчивому, образованному и доброжелательному критику. Он всегда наставляет меня на новые дерзания, при этом стараясь меня не обескуражить. Без него книга никогда не вышла бы в свет. Неоценимую поддержку в сложные минуты оказывал мне мой агент, Майкл Стюарт, человек необыкновенной учености.

Начиная исследования в области тем, затронутых в книге, я испытывал нужду в подборе документальных материалов, способных разъяснить предметы, о которых я прежде знал очень мало. В этом мне помогли два аспиранта Оксфордского университета — Тайе Туакли-Восому и Ричард Пэн. Их помощь оказалась неоценимой.

По мере написания книги мне все чаще требовалась помощь со справочной информацией, документами и материалами. На подмогу мне пришли еще двое оксфордских аспирантов, которых, как и Туакли-Восому и Пэна, рекомендовал мне профессор сэра Роберт Адамс. Они обсуждали со мной сложные вопросы, высказывали замечания о тексте, точно и своевременно отвечали на мои вопросы. Я от всего сердца благодарю Эмили Паддон и Эндрю Бейкера. Они умные, не по годам проницательные, приятные в общении и глубоко порядочные люди. Не сомневаюсь, что их ждет яркое будущее в науке или общественной жизни. Если кого-то одолеет уныние относительно академического мира или будущего свободного общества, то для того, чтобы приободриться, достаточно просто познакомиться с Эмили или Эндрю.

В рукописи книгу читали, по частям, несколько коллег, которым я признателен за замечания. Особую благодарность за ценные советы хочу выразить профессору Робертсу. Я благодарен также Энтони Кэри и Эдварду Лувэлину. Профессор Пол Янгер из

Университета Ньюкасла очень помог мне советом при написании главы о воде, а профессор Анджела Маклин из Оксфордского университета обозначила по моей просьбе круг источников по теме эпидемических болезней.

Мой любимый (наряду с «Эллот-бей» в Сиэтле) книжный магазин располагается недалеко от моего дома, в одном из лондонских кварталов. «Барнс Букшоп», до которого добраться мне куда проще, чем до Сиэтла, представляет собой замечательный образец небольшого книжного магазина. Им управляют Исла Доуз и Марк Брайтон — настоящие книгочеи, оказавшие мне неоценимую помощь в поисках нужных мне книг. Их магазин — это моя слабость.

Первый вариант книги я всегда пишу от руки, что создает немало неудобств для тех, кто печатает текст. Значительную часть машинописи выполнила моя подруга Джейн Сигалофф — в перерывах между сочинением собственных остроумных романов. Благожелательный критик, она изумительным образом разобралась в моем затейливом почерке. Несколько глав книги напечатала моя младшая дочь Эллис, да и моя супруга Лавендер приходила на помощь, когда работа, казалось, нас одолеет. Моя старшая дочь Кейт провела исследование для главы о наркотиках. Средняя дочь, Лаура, помогала бы мне так же деятельно, если бы не заботы об Элоди и новорожденной Уиллоу.

Таким образом, этот том стал произведением «семьи и друзей», хотя автор, конечно, принимает на себя исключительную ответственность за все ошибки и неточности в тексте. Напротив, признанием заслуг, буде такое последует, я делюсь со всеми близкими.

Я посвятил книгу своим внукам, и для меня это тождественно посвящению их любящей и любимой бабушке. Лавендер пришлось вновь смириться с «мужем-писателем», чьи черновики устилают все поверхности в доме и который, в разгар занятий, становится довольно нелюдим. Моя жена заслуживает орденской ленты, но отблагодарить ее я могу только собственным обществом.

Крис Паттен

Я поняла, что мир есть огромная пустота, что зиждется на пустоте. И вот меня назвали повелительницей мудрости. Увы! Да знает ли кто-нибудь, что такое мудрость?

Песня совы из «Книги тысячи и одной ночи»

Тогда как все иные науки претерпели развитие, наука управления государством стоит на месте — ее понимают, быть может, чуть лучше или занимаются ею лишь ненамного лучше, чем три или четыре тысячи лет назад.

Джон Адамс, 1813 г.

Глава 1

Смешной старый мир

Все люди, подобные нам — это Мы,
А каждый сторонний — Они.

Редьярд Киплинг. Мы и они, 1926 г.

Правительства сегодня мало что могут изменить. Власть перешла из рук государственных деятелей... я даже затрудняюсь сказать, в чьи именно руки она перешла. Сплошное дрейфование.

Лорд Солсбери, 1895 г.

Моя политика состоит в том, чтобы иметь возможность купить билет на вокзале Виктория и отправиться туда, куда, черт возьми, мне заблагорассудится.

Эрнест Бевин, 1951 г.

На последнем заседании возглавляемого ею кабинета министров Маргарет Тэтчер произнесла знаменитую фразу: «Этот смешной старый мир». Впору было добавить, что мир, кажется, становится смешнее с каждым годом, что мир выходит из колеи. Ушли позавчерашние политические истины, когда гарантия взаимного уничтожения сковывала цепью хрупкого равновесия так называемый свободный мир и его коммунистического неприятеля. Ушли, по всей видимости, и теории, развившиеся после опасных десятилетий холодной войны, — не случился провозглашенный было триумф либеральных экономических и политических взглядов, не удалась модернизация мира по образцу Америки и Европы. Растаял, уже в самые последние годы, миф о «новой экономике» кредитного благосостояния, по мере того как долгий подъем сменился болезненным падением. Так что за безрассудная, но исправно строчащая сетевые дневники штука нависла над миром? Происходит ли она из отрицания власти и авторитета национальных государств, которые до сих пор служили политическими кирпичиками современного мира? Или она возникла из свержения принципа суверенности, который более трех с половиной веков был «организующей основой международных отношений»¹? Или

из отрицания западного взгляда на модернизацию? Намного ли экономическая глобализация (и сопутствующие ей социальные и экологические перемены) опережает политическое развитие? Можно ли ожидать, что эксцессы нерегулируемых финансовых рынков повернут обратно часы глобальной интеграции, которая уступит место национальному экономическому протекционизму? Что вообще с нами происходит и следует ли признавать новизну перемен или все это часть вечного «дрейфования», как выразился сто лет назад уставший от мира поздневикторианский политик лорд Солсбери?

В этой книге предпринята попытка сформулировать ответы на эти и ряд других вопросов. К ее написанию меня побудили несколько обстоятельств. Во-первых, курс Вашингтона в 2000–2004 годах не вызывал у меня ничего, кроме оторопи и приступов ярости, хотя серьезные проблемы в международной политике существовали и до прихода к власти в США Дж. У. Буша-младшего. В последующие годы частичный отход от бездумных и опасных форм «униполярности» стал желанным, хотя и недостаточным признанием цены совершенных ошибок и невозможности — даже для самой могущественной державы — решать мировые проблемы на собственных условиях. Президент Буш и его вице-президент появляются в моей книге лишь время от времени (например, в главе 4, где говорится о терроризме), а их политическое наследие обсуждается по мере необходимости развития тем. Однако американская демократия перевернула эту страницу, когда в Белый дом пришла новая администрация, увенчанная надеждой, но и отягощенная народными ожиданиями, которые поставили бы в затруднительное положение и чудотворца. В моей книге описываются задачи, с которыми столкнулась администрация президента Обамы. В начале 2007 года, когда я начинал писать книгу, то думал о себе как о зануде, который уверяет гостей на пикнике, будто слышит дальние раскаты грома. Но к времени ее выхода в свет небо уже затянуто тучами и всюю хлещет дождь.

Впрочем, гораздо большим значением, чем личности и политика ушедшего в историю периода злополучного догматизма, обладают для меня четыре не слишком оригинальных урока, которые я вынес из опыта международной политики. Думаю, что эти четыре пункта целостно описывают мое мировоззрение. Себя я не могу назвать слишком гневливым стариком, хотя за долгие годы моей работы в средоточии и на обочине большой политики мне

давали немало бранных прозвищ. Вспоминаю, к примеру, канадского журналиста исключительно правых взглядов Марка Стайна (к его чести, он был рядом со своим патроном, Конрадом Блэком, и в хорошие времена, и в плохие), который назвал меня Крисом Петеном*, реагируя на мою вполне умеренную критику вторжения в Ирак в 2003 году. Господин Стайн считал, что легкость военной кампании подтвердила правоту министра обороны Дональда Рамсфелда. Г-н Стайн и подобные ему авторы должны были устать повторять: «Простите, я ошибся». Можно пренебречь прямым оскорблением — таким как «Петен». Однако меня не раз приводило в бешенство, когда с многозначительной ухмылкой люди называли меня либеральным интернационалистом, как если бы это было недостатком умственного развития или изъяном в моем патриотизме. На мой взгляд, думающий человек не может быть никем иным, кроме как либеральным интернационалистом. Так что я решил написать о том, что «либеральный интернационалист» вкладывает в это понятие и каковы его взгляды. Главы книги освещают основные идеи теории либерального интернационализма, тесно связанные с путями решения стоящих перед миром задач.

Во-первых, либеральный интернационализм подразумевает твердую веру в принципы верховенства права, демократического управления, открытого рынка и свободы торговли. Я считаю также, что внешняя политика должна быть направлена на утверждение этих принципов — последовательно и без постоянного парада двойных стандартов или попыток втиснуть все страны мира в некие заданные рамки. Многие проблемы беднейших стран происходят из их отчужденности или самоизоляции от мировых рынков. Сложности возникают и из несовершенства системы управления, что есть одновременно причина и следствие политической нестабильности и насилия. Разжиганию конфликтов способствует и зависимость от сырьевых ресурсов (например, от алмазов, нефти), и широкое распространение стрелкового оружия (главы 6 и 7). Нам следует также предотвратить конфликты за водные ресурсы (глава 8).

---

* Аллюзия на предательство в 1940 году маршалом А. Петеном, тогда главой коллаборационистского правительства Франции (режим Виши с июня 1940 по апрель 1945) национальных интересов страны и ее капитуляцию перед гитлеровской Германией. (Здесь и далее *прим. ред.*)

Во-вторых, над мировым порядком, сформировавшимся после Второй мировой войны, согласно идеям, которые в целом соответствовали концепции мирового устройства, провозглашенным президентом США Вудро Вильсоном еще в 1918 году, нависли две опасности. Международные институты — в первую очередь Организация Объединенных Наций — работают гораздо менее эффективно, чем ожидалось, а баланс сил между государствами, особенно в экономических категориях, в недавнее время изменился вследствие усиления экономической мощи Азии. Не следует отказываться от попыток реформировать и вдохнуть жизнь в ООН. Но в ожидании обновления ООН нельзя отказываться от международного сотрудничества. Сотрудничество на региональном и мировом уровнях жизненно необходимо для противодействия эпидемическим заболеваниям (глава 13), а главное — серьезнейшей опасности глобального потепления и изменения климата (глава 12). Америка и Европа более не в силах в одиночку определять программу мирового развития. К решению мировых проблем они вынужденно привлекают Китай, Индию и другие страны, в том числе Бразилию и Южную Африку. При этом существенно, чтобы сотрудничество с Китаем не воспринималось как молчаливое согласие мировых демократий с критикой Пекина в адрес основополагающих ценностей и норм свободных, основанных на плюрализме обществ.

В-третьих, я убежден, что здравая внутренняя политика зачастую синонимична успешной внешней политике. К примеру, неспособность адекватно реагировать на поставки наркотиков из таких стран, как Афганистан, отражает неудачу внутренней политики по контролю над наркотиками в странах Запада (глава 10).

В-четвертых, невзирая на ярлык «либерального интернационалиста», я не считаю, что государство исчезает (или что ему следует исчезнуть) вследствие глобализации (глава 3). Но я и не думаю, что сегодня применимо определение государства, выработанное в XVII веке (глава 2). Правами обладает не только государство, но и личность. Национальные государства по-прежнему служат ключевыми звеньями в любых общемировых программах, направленных на решение проблем, с которыми не могут справиться отдельные правительства. Авторитет и эффективность национальных государств в современном мире должны основываться на допущении, что они оберегают и представляют «нас».

Итак, кого я имею в виду под этим удобным, но необъяснимым словом — «мы»? О ком я говорю? Что есть «мы»? «Мы» — люди, формируемые событиями, но и способные влиять на них. Определение «нас» служит отправной точкой всякого исторического или политического сочинения, а значит, оно существенно и для этой книги. Интересующее нас местоимение начинается с малого и разрастается до внушительных размеров, хотя в речи современного человека редко достигает масштабов, которые Алексис де Токвиль приписывал королям до Французской революции. Бурбоны видели в государстве всего лишь продолжение своего «я». *L'état, c'est moi*, — будто сказал Людовик XIV, «король-солнце», в 1655 году, и, несмотря на кажущуюся апокрифичность, король поистине верил в справедливость своих слов. Для большинства из нас понятие «мы» соотносится, в частности, с обстоятельствами времени и места. Детишки любят выписывать длинные «галактические» адреса: «А. Смит, 10, Стейшн-роуд, Оксфорд, Оксфордшир, Англия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Европа, Земля, Солнечная система, Вселенная». Все же и здесь не хватает разнообразных определений — англиканская церковь или ислам, болельщик «Арсенала» или «Челси», бой-скаут или гёрл-скаут. Все мы принадлежим к разным сообществам, и нередко наши чувства любви и привязанности противоречат друг другу.

Скажу, что именно в «пограничных областях» прошла значительная часть моей политической жизни. Католик консервативных взглядов из среды ирландских иммигрантов, я получил свой первый министерский пост в Северной Ирландии, где вскоре после назначения произвел небольшой скандал, осенив себя крестным знаменем после гражданского ленча в Дерри (к чему был приучен с детства). Публика усмотрела в этом поступке демонстрацию моего католичества. Но разве протестанты не крестятся? И находился ли я в католическом Дерри — католическом, конечно, если только вы не протестант, играющий за деррийскую команду по регби, или в протестантском Лондондерри, протестантском, конечно, если только вы не католик, состоящий в Лондондеррийской торговой палате? Неудивительно, что его называли Лондон/Дерри — город-дробь. Недостаточная чувствительность к конфессиональным тонкостям привела к тому, что я непростительно ошибся в различиях между ранеными коленями пациентов, когда пришел в отделение больницы скорой помощи в

Белфасте. Я возразил против уместности определения «протестантский характер ранения», мне же терпеливо объяснили, что речь идет не о религиозных, а о «племенных» различиях: просто католики используют в «неофициальном» правосудии над недругами (то есть нанесение увечья в области колена) стрелковое оружие, а протестанты прибегают к помощи дрели марки «Блэк энд Декер». Пусть это не имело никакого отношения к вопросу о папской власти, но указанный способ позволял отличить «их» колени от «наших».

Как последний генерал-губернатор большой британской колонии (мы называли ее территорией, так выходило чуть более нейтрально) я олицетворял власть для массы людей — по национальной принадлежности преимущественно китайцев. Власть британской короны молчаливо (хотя и не декларативно) признавалась будущей суверенной властью в Пекине, от которой в свое время бежала большая часть населения Гонконга. После «сдачи» колонии я отправился в Брюссель, чтобы «сдать» национальное государство (Великобританию) иноземцам: по крайней мере, именно так представили меня в популярнейшей британской газете, принадлежащей Руперту Мёрдоку. Мое назначение в 1999 году европейским комиссаром было отмечено в газете «Сан» карикатурой: на одном рисунке я рыдал над британским флагом в Гонконге, на другом — сдавал его безымянным фюрерам-бюрократам в Брюсселе. Конечно же, работа в самом сердце Европейского союза напрямую столкнула меня с современной доктриной национального суверенитета, а также с механизмами его оптимизации в условиях объединения. Я также вполне осознал, насколько велик разрыв между политической риторикой и, с другой стороны, общественными настроениями и государственной практикой «совместного суверенитета».

Одним словом, каковы бы ни были недостатки национальных институтов, в повседневной жизни мы имеем дело именно с ними и лишь в редких случаях — с организациями, учрежденными для управления коллективным или над «распределенным» суверенитетом, от Европейской комиссии в Брюсселе до ВТО в Женеве и ООН в Нью-Йорке. Национальные государства, что суть причина и следствие современного мироустройства, поглотили нашу племенную память, более узкую, чем принадлежность к той или иной стране, идентичность, стали нашими «воображаемыми сообществами», то есть столпами (пусть иногда дающими трещину)

политического мира². Национальные государства часто выступают с необоснованными притязаниями на историческую целостность и племенную сплоченность. Рассмотрим, к примеру, вопрос границ — возьмем Украину, страну, наименование которой буквально означает «приграничная область». Романист Джозеф Конрад (1857–1924) родился в селе на юго-западе от Киева. В самой ранней из сохранившихся рукописей Конрад благодарит свою бабушку за присланные пирожные. И подписывает письмо: «внук, поляк, католик, дворянин» (правда, в письме нет указания на материк или планету Земля)³. Джозеф Конрад — поляк с Украины, написавший свои знаменитейшие романы на английском, умер в Кенте и похоронен в Кентербери. Графство Кент, с четырех сторон омываемое Темзой и проливом Ла-Манш, не знало драматической перекройки границ, столь присущей украинской истории, на протяжении которой пограничные вехи и оборонные рубежи то и дело путешествовали по Галиции и в Карпатах. Город Львов (Львив), что лежит в пятидесяти милях на восток от современной польско-украинской границы, был Лембергом в составе Австро-Венгерской империи, Львовом в составе Польши в 1918–1945 годах и при советской власти, наконец — Львовом после обретения Украиной независимости в 1991 году. Съездите туда и спросите горожан: что есть «мы»? В Львове, если спросить меня, «мы» — это «среднеевропейцы».

Несмотря на все — зачастую надуманные — притязания национальных государств и страшные ошибки, совершенные ими в прошлом веке, они остаются основной регулирующей силой в мировой политике. Мы признаем, что их действия от нашего имени — «мы, граждане Великобритании [Австралии, Соединенных Штатов, Индии или Китая и т.д.]» — по-прежнему привержены защите наших интересов как личностей и членов национальных сообществ. К примеру, мы ожидаем от наших государств принятия адекватных мер для выхода из экономического кризиса. Мы понимаем, что (заимствуя оборот у лорда Пальмерстона) хотя у наших национальных государств может не быть постоянных союзников, у них есть постоянные интересы, включая сотрудничество в решении вопросов, требующих межгосударственного подхода. Понятие «мы» пронизывает границы. Сегодня «мы» все чаще звучит в контексте мирового сообщества, в отношении проблем, значимых для всего человечества. Эти проблемы, которым отведена большая часть настоящей книги, зачастую проистекают, словно равняясь на

гегелевскую диалектику, из действий по решению неких предшествующих мировых проблем. Современный мир утерял порядок, некогда созданный на обломках ксенофобского национализма и скреплявший, на протяжении сорока лет, хрупкий мир между двумя могущественными державами — демократической и тоталитарной. Одной из важнейших проблем грядущих лет будет предотвращение внутренней катастрофы — безработицы, массовой потери жилья, крушения компаний, — способной привести к «экономическому национализму», который отчасти ответствен за ужасные политические бедствия менее чем вековой давности.

Бедствия планетарного масштаба не неизбежны, хотя пессимисты выражают сомнение в способности человечества пережить XXI век⁴. Нам, то есть национальным государствам, приходится прокладывать курс среди рифов. У мира нет простого рецепта выживания, всеобщего плана спасения или эффективных единых институтов. Но есть надежда и разум. Как всегда в людских делах, есть более или менее удачные пути решения задач, выпавших на нашу долю. Так что настоящая книга — не манифест и не руководство по выживанию. Ее цель — предложить несколько путей, которым могли бы следовать реалистично мыслящие либеральные интернационалисты для разрешения важнейших проблем современности во имя приемлемого будущего.

Как я отмечал выше, государство — это необходимое условие политической жизни. Оно привязывает общество к территории, как явствует из любой политической карты. Рассмотрим, к примеру, границы Ирака, прочерченные прежде всего Великобританией во время франко-британского раздела Оттоманской империи — с видами на обнаруженные незадолго до того залежи нефти. Эта произвольная граница определяет на карте страну, тянущуюся от Курдистана на севере — через плато между Тигром и Евфратом — до пойменных равнин и болот южного Ирака. Границы сопредельных государств — Турции, Ирана, Кувейта, Саудовской Аравии и Сирии — также основаны на географии, случайности и истории ушедших империй. Общество и территория, образующие государство в категориях человеческого понимания и географии, увязаны, в свою очередь, с принципом осуществления власти. То, что немецкий политический экономист Макс Вебер называл внутренней монополией государства на применение силы (по меньшей мере в теории, хотя и не всегда в действительности, как в Ираке), образует основу для управления территорией и формирования

политической идентичности и лояльности лиц, проживающих на данной территории. Учитывая их властные полномочия, то есть способность взимать налоги, регулировать, защищать границы и безопасность общества, государства традиционно служили эпонимом сообщества, ради которого люди готовы «вставать в строй, убивать других и жертвовать жизнью»⁵.

В силу подразумеваемой способности устанавливать порядок на своей территории — в своей юрисдикции, говоря языком юристов, — государство было основной действующей силой на международной арене в течение пятисот лет. Каждое государство признает верховенство и суверенитет всех других государств в пределах их юрисдикции. Отношения между государствами основываются на теоретической предпосылке признанного равенства, так что «никто не вправе приказывать; никто не обязан подчиняться»⁶. Государства вольны идти на частичное слияние суверенитета согласно достигнутым договоренностям. В небольшой степени государства мира пошли на это в рамках ООН; в гораздо большей степени государства Европы — в рамках ЕС. Однако само государство есть власть, и в силу таковой оно вправе принять решение о распределении суверенитета. Государство обладает абсолютной властью на своей территории, тогда как за своими пределами государства, по меньшей мере теоретически, равны.

Флаги, полощущиеся на сентябрьском ветру у здания ООН на Манхэттене, когда главы государств и правительств со всего мира собираются на ежегодную Генеральную Ассамблею ООН, представляют 192* страны, входящие в эту организацию. У каждой есть собственный национальный гимн, правда лишь у немногих стран он столь трогательный, как «Братья Италии». У каждой — свои символы и система управления. У каждой — притязания на власть в собственной юрисдикции. Богота и Тирана якобы контролируют границы своих стран. Собирают налоги и вершат правосудие Киншаса и Могадишо. Считается, что указы королевы Елизаветы исполняются в североирландском Кроссмаглене, а указы президента Ху — в земле уйгуров на крайнем северо-востоке Китая. Когда государства сотрудничают, их «совместный суверенитет» заполняет зазоры, которые время от времени появляются в результате возникновения «автономного суверенитета», так что

---

* В 2015 году — 193 страны.

проблема, с которой государство не может справиться в одиночку, становится предметом коллективных действий. Впрочем, часто осуществление таких действий — несмотря на номинальное равенство США, Бангладеш и Бельгии — подкрепляется военной и экономической мощью единственной в мире сверхдержавы. Сверхдержава располагает возможностью — как все великие державы прошлого — использовать свою мощь для достижения желаемых результатов. Следует признать, что инструментами «американской гегемонии» (термин апологетов коммунизма) США пользуются с необычайной сдержанностью.

Похоже, что на рубеже XXI века непоколебимая вера в эффективность государств и их суверенитет растаяла как облачко после дождя. Насколько самостоятельны современные государства и каковы пределы их дееспособности? Могут ли они в одиночку обеспечивать благосостояние и безопасность граждан, охранять границы, регулировать экономическую деятельность, предотвращать финансовые кризисы, оберегать здоровье людей и противостоять опасности экологической катастрофы? По мере развития политического словаря, пользуясь которым государственные мужи сулят народам всевозможные блага, способность государств выполнять эти обещания все больше вызывает подозрение. Мирная жизнь (не говоря уж о счастливой жизни) оказывается гораздо более проблематичной, чем это следует из риторики политиков.

Американский Институт национальных стратегических исследований (ИНСИ) подчеркнул данные обстоятельства в своей оценке последнего года XX века. В отчете среди прочего поднят вопрос об организованной преступности и отмечается, что преступные группировки вовлечены в покупку, продажу и транспортировку людей, наркотиков, оружия, металлов, минералов, находящихся под угрозой исчезновения представителей флоры и фауны и даже газа фреона (хлорфторуглерод, используемый в промышленности). В отчете говорится также, что преступные группировки активно участвуют в отмывании денег, мошенничестве, вымогательстве, взяточничестве, экономическом шпионаже, контрабанде, транснациональной краже автомобилей, транснациональной проституции, промышленном и технологическом шпионаже, банковском мошенничестве, манипулировании финансовыми рынками, подделке и контрафакции, заказных убийствах и коррупционной деятельности. Коварная угроза со стороны организованной преступности

состоит, по словам экспертов упомянутого института, в «тайной подмене собой прерогатив государства и его контрольных функций над собственной деятельностью»⁷. Это уж точно! Указанные обстоятельства теневой жизни нашего мира запутаны и непостижимы, хотя их проявления мы наблюдаем ежедневно на страницах газет и даже в повседневной жизни. Мы читаем об отравлениях и темных делишках «отставных» агентов КГБ в лондонских ресторанах и на лондонских улицах. Мой гонконгский друг при посещении Пекина вдруг обнаружил, узнав прожженные сигаретой места на обивке сиденья, что его везут по китайской столице в его собственном, недавно украденном в Гонконге автомобиле. Однажды пять лет назад, по пути из Тираны в аэропорт этого города, я насчитал на улицах 350 «Мерседесов» — урожай лимузинов, собранный албанскими предпринимателями (своего рода) на богатом севере Европы. Напрасно жители Неаполя ожидали согласия мафии на вывоз тонн мусора. Потребовалось вмешательство армии и премьеров Проди и Берлускони, чтобы город стал избавляться от смердящих свалок.

Преступные сообщества ответственны за создание разветвленных сетей, которые состоят из лиц и групп, производящих, обрабатывающих, транспортирующих и сбывающих наркотики. В отчете ИНСИ приводится описанный французскими исследователями пример такой сети, объединявшей преступников из Латинской Америки, Восточной Европы, Израиля, Африки и Пакистана. Гашиш, изначально происходивший из Пакистана, перевозился в Момбасу (Кения), где его помещали в чайную упаковку и отправляли в Хайфу (Израиль) через Дурбан (ЮАР). В Хайфе наркотик доставляли на сухогруз, каждые две недели направлявшийся в Констанцу (Румыния). Из Констанцы — через Братиславу (Словакия) — наркотик попадал в Италию для местного потребления. Преступную сеть возглавлял гражданин Германии угандийского происхождения, работавший в румынской компании. Каждая из стран, через которую проходил гашиш, располагала собственной пограничной службой, внутренними войсками, таможенными правилами, органами наркоконтроля и другими атрибутами нештучного суверенитета.

Организованная преступность и незаконный оборот наркотиков (более ценный товар в мировой торговле, чем железо и сталь) — это лишь два примера более общего явления, а именно глобализации, и его воздействия на амбиции национального государства

(см. главы 9 и 10). Как государствам справиться, например, с внушающими панический страх эпидемическими заболеваниями? Помню, как я летел через Сингапур в 2003 году, на пике паники, вызванной атипичной пневмонией. Мой самолет в Австралию безлюдием походил на «Марию Целесту»*. Глобализация угрожает принимать различные формы. Вспомним, что среди террористов, стоявших за событиями 11 сентября 2001 года, были граждане относительно современных, открытых стран. Мохаммед Атта — вожак террористов — был инженером-градостроителем из Каира, работавшим в Гамбурге и прошедшим, с тремя своими сообщниками, подготовку в Афганистане. Согласно недавним экологическим исследованиям, примерно треть ртутных токсинов (производных сгорания угля) поступает в американскую почву и водоемы из других стран, в частности из Китая.

«Отец» пакистанской атомной бомбы А. К. Хан (о его деятельности подробнее говорится в главе 5) объездил в конце 1990-х годов весь мир, приторговывая доморощенными технологиями производства оружия массового поражения. Он помог Ирану среди прочих. Поговаривали, что Северная Корея (которой и торговать-то нечем, кроме как фальшивыми деньгами и наркотиками) лелеет мечту продавать штучные (пусть и примитивные) бомбы всякому государству или террористической группе, способным за них заплатить. Глобализацию считают основным двигателем победного шествия плюрализма в прошлом веке. Однако сегодня темная сторона глобализации выглядит угрозой суверенитету всех государств, включая страны, основанные на либеральных ценностях.

Спотыкались даже сильные мира сего. Задолго до того, как США столь безрассудно окропили кровью пески Месопотамии (и зарыли в них целые сокровища), американскому господству и технологической гордыне уже был нанесен страшный удар. После нападения «Аль-Каиды» на американские посольства в Найроби и Дар-эс-Саламе в августе 1998 года Вашингтон пролил дождь из ракет «Томагавк» на предполагаемые лагеря и убежища террористов в Судане и Афганистане. Крылатые ракеты общей стоимостью в три четверти миллиарда долларов разгромили фарма-

---

* «Мария Целеста» (Mary Celeste) — американское парусное судно, отправилось из порта Нью-Йорка в Геную 5 ноября 1872 года. 4 декабря было обнаружено без команды (капитан и семь моряков).

цветнический завод близ Хартума и лагерь подготовки террористов на границе Афганистана с Пакистаном. В этом последнем было предположительно убито шесть террористов. Многие из ракет не разорвались. Российская разведка донесла, что Усама бен Ладен продал часть неразорвавшихся ракет Китаю более чем за 10 миллионов долларов. Несколько ракет приземлились в Пакистане. Согласно генералу Хамиду Гулю, бывшему главе военной разведки Пакистана, было убито два пакистанца, а неразорвавшиеся ракеты, по косвенным свидетельствам, были использованы для разработки собственной пакистанской технологии производства крылатых ракет. Провалившаяся операция носила название «Бесконечный радиус»⁸. При всей бесконечности неверно рассчитанного радиуса это и другие фиаско положили конец чванливой самоуверенности американской военной машины.

Некоторое время казалось, что экономику политические бури обходят стороной, невзирая на заголовки газет. В течение пяти лет после крушения башен-близнецов и атаки на Пентагон мир стал свидетелем взрывов на Бали, в Касабланке, Стамбуле, Мадриде и Лондоне. Начались войны в Ираке и Афганистане. Израиль вступил в ожесточенное военное противостояние с «Хезболлой», в основном на территории Ливана. Право Ирана и Северной Кореи на ядерную программу оспаривали Америка и другие страны. Процесс ближневосточного урегулирования зашел в тупик. Все более осложнялись отношения России со своими соседями. Взлетели цены на нефть. Тем не менее в указанный период мировая экономика росла быстрее, чем когда-либо с середины семидесятых годов. Рост ВВП составил 3,2 процента на душу населения в год — это самый высокий показатель за всю историю наблюдений. Что было известно рынкам и неизвестно встревоженным политикам? Возможно, на рынках поняли, что рост Китая и Индии вызвал дефляционный бум, схожий с бурным развитием Чикаго и американского Среднего Запада в конце XIX века. И что было известно рынкам, по мере того как в Америке разрастался экономический пузырь, а банковские воротилы осыпали себя золотом? И все же, прежде чем случился американский банковский кризис 2007–2008 годов, волна мировой экономики вынесла из пучины бедности на берег относительного процветания десятки миллионов людей. Многие из них стали лучше питаться, лучше одеваться, получили доступ к образованию и возможность покупать своим детям фирменную одежду и модные электронные

штуковины. Что значило для них крушение вековых политических истин? Что им было тревожиться о фрагментации некогда обеспечивавшей их безопасность политической власти, которую размывала глобализация, по всей видимости, несущая им благополучие?

Политологи приводят объяснения происходящему, выуживая смысл из цепочки случайных событий, отталкиваясь в рассуждениях от поступков отдельных людей. Можно ли вообще называть политологию наукой? Ей присущ метод, это правда, но в какой мере документирование и статистика помогают ухватить суть происходящего? Политологов, как известно, мало занимает длина носа Клеопатры, но в силах ли они понять то, что Борхес называет «импульсом более глубинным, чем разум»? Истоки современного государства можно проследить до Вестфальского мира 1648 года. Можно изучать процессы накопления капитала, развития центральных банков, формирования централизованной бюрократии, «индустриализации войны» в XVIII и XIX веках. Можно отметить вехи развития западной демократии — всеобщее избирательное право, массовое образование, развитие капитализма «всеобщего благосостояния». Но как, к примеру, объяснить психологическое состояние инвесторов, частую смену эйфории и паники в богатой на кризисы финансовой истории? Исаак Ньютон, один из величайших умов в истории человечества, потерял состояние, спекулируя, в начале XVIII века, акциями «Компании Южных морей». «Я могу просчитать движение небесных тел, — заметил он мрачно, — но не людское безумие». Или как истолковать события Дня святого Вита 28 июня 1914 года в Сараево — роковой поворот лимузина эрцгерцога Франца Фердинанда, душевное состояние девятнадцатилетнего чахоточного студента Гаврило Принципа, внезапно увидевшего эрцгерцога и его жену на мушке своего револьвера? Согласно Клоду Кокберну, в 1920-х и 1930-х годах под Новый год в редакционной комнате «Таймс» играли в игру. Журналисты соревновались в составлении самого невероятного газетного заголовка. Однажды в конкурсе победила строка: «Эрцгерцог жив; Первая мировая велась напрасно». Если бы не Принцип, если бы не заблудившийся шофер — мог ли измениться ход истории? «Так накапливаются ужасные *если*», — написал Уинстон Черчилль¹⁰.

Как, следовательно, истолковывать произвольное, гнусное, поэтичное, неповторимое? Неужто падение Берлинской стены

было вызвано только экономической слабостью и перенапряжением бюрократической системы? Очевидно, что у болезни и изможденности советской колониальной системы присутствовали кратковременные и долговременные причины. Нужно, конечно, вспомнить и о заявлении Венгрии в 1989 году, сообщившей, что обязательства, недавно взятые на себя венгерским правительством согласно Конвенции ООН о беженцах, противоречат его тайному договору о беженцах с Восточной Германией. Но само действие — уничтожение стены камень за камнем, нежелание солдат открывать огонь, так же непостижимо, как события кануна Дня поминовения усопших 1517 года, когда Мартин Лютер прикрепит свои доводы против индульгенций к дверям Виттенбергской замковой церкви. По меньшей мере события эти не будут иметь смысла, если только мы не признаем их эмоциональную, страстную, даже лирическую природу. Речь идет о поэзии действия. Даже принимая во внимание предсказания нескольких выдающихся ученых, нужно признать, что большинство теорий политического прогнозирования оказались в 1989 году совершенно несостоятельными. Политологи бесславно ошиблись и в тот день, когда хорошо образованные мусульмане, принадлежащие к среднему классу и происходящие из государств с сильной политической властью (а не нищие, необразованные, безработные мальчишки из стран-изгоев), превратили гражданский самолет в управляемую ракету и направили ее в символическое сердце американской торговой и военной мощи. Так что слова политологов редко отражают целостную картину событий. И все же они помогают нам понять, как мир дошел до современного состояния — когда все больше увеличивается разрыв между предположениями и реальностью, когда национальные государства кичатся своим воображаемым суверенитетом, словно боксеры, молотящие кулаками воздух.

Глава 2

Точка отсчета

Мы... сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга. (А не чтобы вы гнушались друг друга.)

Коран

У народов, как и у людей, не растут крылья; народы странствуют пешком, шаг за шагом.

Хуан Батиста Альберди, 1837

Кто такие словаки? Никак не припомню.

Дэвид Ллойд Джордж, 1916

Беда людей, не знающих прошлого, состоит в том, что они не знают и настоящего.

Г. К. Честертон, 1933

На вопрос об истоках современного государства, о зарождении современного мира нет однозначного ответа. Адам Смит, в четвертой книге сочинения «Исследование о природе и причинах богатства народов» (вторая половина XVIII века), ведет современную историю с конца XV столетия, ознаменовавшегося открытием Америки и мореплаванием в Ист-Индию вокруг мыса Доброй Надежды — двумя величайшими, по словам Смита, событиями в истории человечества. Великую эпоху европейского мореплавания впоследствии назовут «Колумбовым веком». Ее затмило только изобретение и широкое распространение железной дороги и телеграфа.

Для Макиавелли началом современной эпохи было вторжение армии французского короля Карла VIII в Италию в 1494 году, когда эта армия стала походить на регулярную. Французская кавалерия уже не выглядела разнородным феодальным сборищем ушедших веков, хотя всадники по-прежнему следовали рыцарскому кодексу прошлого. Теперь кавалерия действовала как единая формация, повинная единым приказам, наносила решающие удары по пехоте неприятеля вслед за рассеивавшими пикинеров французскими стрелками. Города, считавшиеся неприступными,

падали под ударами невиданных доселе бронзовых пушек, которые были в армии Карла. Воины Карла не были наемниками под предводительством кондотьера (вроде чернорабочих, собранных на стройке подрядчиком), которых немало сражалось о ту пору в Италии. Они были солдатами французской короны на содержании королевской казны, выступавшими на поле боя организованными, взаимосвязанными соединениями. По составу и организации армию французского короля могли бы признать регулярной и герцог Мальборо, и Веллингтон.

В «Искусстве войны», единственном труде Макиавелли, опубликованном при его жизни, автор утверждает, что способность вести войну все меньше зависит от небольшого профессионального класса, состоящего из аристократов или наемников, и все больше — от способности всего общества выставить на поле боя подготовленную армию. Макиавелли восставал против преобладания в Италии наемнических войск — *compagnie de ventura*, возглавляемых кондотьерами. Богатейшими из держав Европы в XIV и XV веках были итальянские города-государства. Их власть и влияние объяснялись во многом полной доверху казной. Вследствие этого Италия притягивала наемников, становилась Эльдorado для «вольных копьеносцев», оказывавших услуги торговым государствам, например Флоренции или Милану, которые не обладали обширными землепашескими провинциями, необходимыми для поддержания феодальных порядков и феодального рыцарства. Однако к концу XV века стало ясно — по меньшей мере это осознал Макиавелли, что эра наемничества подходит к концу. Об этом свидетельствовала, в частности, карьера наиболее выдающихся «солдат удачи». Уроженец английского графства Эссекс сэр Джон Хоквуд — самый знаменитый из наемников эпохи (вторая половина XIV века) — вымогал деньги у городов-государств, предоставляя свой обгаренный кровью меч в распоряжение тех, кто предлагал самую высокую цену¹. Коварство, бесчестность, алчность и совсем не героическая осторожность — вот качества, которые чаще всего были присущи людям напоподобие Хоквуда. Это, впрочем, не помешало живописцу Паоло Учелло обессмертить Хоквуда на великолепной фреске флорентийского собора — отцы города пожелали, исходя из собственных интересов, чтобы Хоквуд олицетворял гражданские добродетели, которыми вовсе не отличался в жизни. Макиавелли видел в англичанине характерный пример военной системы, которая обречена на

исчезновение. Кондотьеры были ненадежны. Они были шантажистами. Они были дезертирами. Вне службы (то есть в то время, когда им не платил жалованье город-государство) они мало чем отличались от разбойников с большой дороги. В глазах кондотьера его войско представляло собой ценнейшее вложение средств. Поэтому он с большой неохотой вел его в бой. Наемники были осторожными профессионалами и нередко по-товарищески относились к наемникам, выступавшим на стороне неприятеля. Таким образом, успех в войне все чаще зависел от способности организовать, обеспечить и вывести на поле боя регулярную армию. Для этого требовались мощнейшие государства с неограниченной властью монарха — подобно французскому королевству Франциска I и Священной Римской империи Карла V. Макиавелли тревожил вопрос о жизнеспособности республики в подобных условиях. Он справедливо полагал, что республике понадобится армия хорошо обученных новобранцев.

Отсюда следует вести отсчет современной истории. С конца XV и до начала XVII века существенно увеличился разрыв между государствами, способными поспевать за развитием военной технологии, системы фортификации, новейшей тактики (все это требовало гигантских вложений), и государствами, отставшими от революции в военном деле. Вследствие их слабости эти последние были подчинены более сильными государствами или уничтожены. Так проходило испытание на военную устойчивость. Выдержавшие испытание страны вырастали в мощные государства и подавляли, часто ценой большой крови, феодальные пережитки, способные помешать централизации власти. Впрочем, история наемничества на этом не заканчивается. Мы вернемся к этой теме, рассуждая о военной тактике государств, не имеющих возможности содержать традиционную армию, которая отвечала бы задачам их безопасности, или неспособных убедить достаточное число своих граждан (сегодня, когда воинская повинность отменена почти повсеместно) надеть форму профессиональной армии.

Рубеж между Средневековьем и Новым временем соотносится и с ролью денег. Ветеран итальянских кампаний Карла VIII Робер де Бальзак писал: «Прежде всего успех в войне зависит от наличия денег, достаточных для нужд кампании»². Именно наличность спасла некоторые малые государства Европы, например Соединенные провинции Нидерландов, от поглощения круп-

ными державами. В XVI веке источником денег была торговля, и контроль над торговлей стал непременным условием войны. Ведение войны и торговля были, таким образом, почти синонимичными понятиями. Каперы с их «каперскими грамотами», узаконившими грабеж береговых поселений и нападения на торговые суда неприятельского государства, стали морским эквивалентом кондотьера, и сложно было провести различие между капером и пиратом. Вспоминаю экскурсию по великому собору в Сантьяго-де-Компостела, где присутствует табличка с упоминанием сэра Френсиса Дрейка. Наш испанский гид представил его «английским пиратом», что неудивительно, если учесть набеги Дрейка на побережье Галисии. «Полагаю, вы имеете в виду героя-мореплавателя и исследователя», — вмешался мой английский друг. «Подвиги» каперов получили правовое обоснование в силу договоренностей середины XVI века, допускавших западнее Азорских островов и южнее тропика Рака войны на море, «не препятствующие торговле» и без непосредственной угрозы миру в Европе. В годы холодной войны бытовало схожее негласное соглашение — войны между двумя блоками велись чужими руками, в странах третьего мира, не угрожая хрупкому миру между Востоком и Западом в Европе.

Однако торговлей дело не ограничивалось. Как было правителю-полководцу в XVI веке конвертировать богатство во власть? Можно было привозить пряности с Востока в Европу, но что дальше? Обычно правитель добывал средства посредством взятия неприятельских городов или рейдов по землям врага: это позволяло покрыть издержки военной кампании или содержать наемников до ближайшей военной победы. По мере стабилизации границ (хотя во многих местах границы оставались расплывчатыми вплоть до Второй мировой войны) происходило укрепление государственного порядка и развитие торговли. Налогообложение превратилось в средство законного обладания материальными ресурсами или перераспределения средств. Однако в XVII веке стало очевидно, что ни разбой, ни налоги не могут обеспечить столь необходимые для каждого государя определенность и порядок. Прорыв в развитии общественных отношений произошел с развитием кредитной системы и финансовой политики.

Пионерами в развитии новых отношениях стали голландцы. Так, банкиры Антверпена ссужали деньги знаменитой купеческой семье Фуггеров из баварского Аугсбурга, которые, в свою оче-

редь, финансировали войну испанского короля против его восставших голландских подданных в будущих соединенных провинциях. Это не слишком тревожило нидерландских банкиров, коль скоро в качестве залога выступали будущие поставки американского серебра. Ничто не должно вставать на пути деловых интересов. Фуггеры разорились в 1550-х годах, когда Филипп II Испанский отказался платить по счетам. Филипп был не первым монархом, обкрадывавшим дельцов и банкиров, но такая политика не отличалась дальновидностью. Наиболее практичные правители, например в Англии и Голландии, понимали, что оптимальный путь обеспечения постоянного притока наличности под разумные проценты — это своевременное погашение долгов. Кроме того, они осознали, что более целесообразно (и менее затратно) взимать налоги в собственной стране, нежели занимать деньги за рубежом. В государстве, для сбора экономически весомых налогов, должна присутствовать прослойка финансистов и купцов. Умевшие обращаться с наличностью голландцы (а чуть позже и французы) создали рынок капитала, где бюргеры могли купить подкрепленные налоговыми поступлениями государственные облигации с гарантированной процентной ставкой. Быть может, не случайно, что основавшие в 1600 году Ист-Индскую компанию англичане стали превращаться в мировую державу, потеснив голландцев, когда в конце XVII века королем Англии и Шотландии стал правивший Голландией Вильгельм III Оранский; затем был основан Английский банк³.

Постепенно способность вести успешные войны и денежная состоятельность стали двумя основными показателями политического успеха, но между успехом финансовым и военным никогда не существовало неразрывной связи. Воины далеко не всегда оказывались удачливыми дельцами. В раннюю пору новой истории Испания — страна конкистадоров, а позже и герильи — была великой военной державой. Однако впоследствии она целых двести лет влачила по обочине истории — обособленная, обнищавшая, отсталая, иссушенная солнцем. Но и финансовое благополучие не было залогом политических успехов. У Венеции и Генуи казна была полна так же, как у голландцев. Подобно голландцам венецианцы и генуэзцы использовали для формирования вооруженных сил государственные кредиты. Но в отличие от Нидерландов два итальянских города не стали успешными современными государствами из-за относительной малочисленности их населения.

Так что неверно выводить непосредственную связь между деньгами и войной. В действительности деньги связывает с войной, придавая им направление, политическая организация.

XVI и начало XVII века — эпоха Реформации и Контрреформации, Коперника и Бэкона; наступление сифилиса и отплытие «Мейфлауэр»* — произвели в Европе политический ландшафт поразительного разнообразия. Существовали суверенные города-государства, например Флоренция, Генуя, Венеция и Дубровник. Некоторые едва цеплялись за свою независимость, иные управляли целыми империями. Были лиги городов-государств. Кантоны Швейцарской конфедерации специализировались на поставке наемников европейским монархам. Ганзейская лига сосредоточивалась на торговле. Со времен Средневековья оставались на карте Европы огромные разнородные царства — в первую очередь Священная Римская империя. Наконец, развивались протонациональные государства, назовем их так, и среди них — Франция, Англия, Голландия и Португалия.

В череде форм политического устройства государственные образования (будь то города-государства или протонациональные государства) выделялись в первую очередь строго очерченной внутренней иерархией. Власти равно надзирали за мерами и весами, налогообложением и чеканкой денег. Появлялись признаки «выравнивания политического поля». Простолюдинам, компаниям, гильдиям или аристократам было запрещено уклоняться от обязанностей, налагаемых, в частности, торговыми соглашениями или уставом военной службы. Возрос и внешний авторитет государства. Территория, на которой действовали его законы, была обычно обозначена границами. Это придавало государству больший вес при переговорах с другими политиями и ведении военных кампаний. Сложность для городов-государств, лиг городов и средневековых империй состояла в присущей им множественности отношений, которая приводила к политической неопределенности. Кто мог бы назвать с определенностью все обязанности и права, связывавшие сюзеренов и вассалов в Священной Римской империи или в совете Ганзейской лиги? Кто мог бы точно изме-

---

* «Мейфлауэр» — английский парусник, на котором 16 сентября 1620 г. пустились в путь в Новый свет «отцы-пилигримы», переселенцы на североамериканский континент. Прибыли к американскому берегу 21 ноября 1620 г. и основали город Плимут.

речь степень ответственности в мутных водах венецианской политики? Макиавелли не брался предсказывать, станут ли горожане Пизы сражаться за Флоренцию. Карл V не мог быть уверен в том, что немецкие князья поддержат его в титанической борьбе с французским королем Франциском I (кстати, в конкретном историческом случае многие и отказались воевать с Францией). Ключом к политическому успеху в рассматриваемую эпоху (а значит, успеху на войне и в денежной политике) была способность государя соединить воедино все политические интересы на данной территории. Весьма современная задача.

На рубеже XVII века Европа оказалась разделенной между католиками и протестантами, а также суверенными правителями, яростно соревнующимися за власть. Притом что Священная Римская империя оставалась основной политической силой на континенте, она представляла собой конгломерат герцогств, графств, городов и епископств, лишь номинально признававших главенство императоров дома Габсбургов. Католикам Габсбургам также приходилось противостоять распространению в их владениях протестантства. Вопросы вероисповедания приобрели остроту в начале XVII века, с распространением межконфессиональных конфликтов и формированием политических союзов на религиозной почве. В начавшейся Тридцатилетней войне (1618–1648) император Фердинанд II стремился возродить вселенскую природу католичества, искоренить протестантство и восстановить пошатнувшуюся власть Габсбургов над всей империей. Для Габсбургов, и для Центральной Европы в частности, это обернулось катастрофой. В. Веджвуд, одна из лучших исследователей эпохи, уделяет значительное внимание человеческому фактору войны. Она пишет: «Сражавшимися руководил скорее страх, нежели страсть к завоеваниям или религиозное рвение. Они хотели мира и в течение тридцати лет сражались, чтобы установить его. Они не понимали, как люди не понимают этого до сих пор, что война порождает только войну»⁴. К окончанию Тридцатилетней войны Германия лежала в развалинах: треть населения погибла, торговля была нарушена, культура — уничтожена. Новая политическая реальность Европы нашла отражение в Мюнстерском и Оснабрюкском договорах, в совокупности именуемых Вестфальским миром (его еще называют «миром изнуренных»). В договорах нашли разрешение территориальные споры между Священной Римской империей, Францией, Швецией и немецкими

князьями. Существенно то, что стороны признавали право каждого государства определять главенствующую религию на своей территории (с некоторыми оговорками для меньшинств), как следовало из Аугсбургского договора 1555 года (Аугсбургский религиозный мир).

Из ужасной войны восстали только самые жизнестойкие европейские державы. С точки зрения многочисленных историков и политологов (включая Генри Киссинджера), Тридцатилетняя война положила основу современному государственному устройству. Война показала, что недостаточно платить солдатам жалованье только во время кампании. Им надлежало платить в течение всего года. Такая практика началась в Голландии — стране, способной в ту эпоху позволить себе столь внушительные расходы. От солдат, получавших постоянное жалованье, можно было требовать выполнения трех обязанностей — упражняться в военном деле, рыть траншеи и строить фортификации и, третье, соблюдать дисциплину. Муштра превратила пехоту в самое важное подразделение на поле боя. Благодаря тренировке пехотинцы научились слаженно стрелять и перезаряжать оружие, совершать контрмарш, обеспечивая непрерывность огня (то есть выпускать больше пуль за единицу времени). Муштра повысила устойчивость пехоты к огню и кавалерийским атакам неприятеля и действенность ее штыковых атак. Европу преобразили огромные системы фортификации, начало которым положили французы при Вобане и голландцы при Когорне: новые фортификации выдерживали залпы самых мощных пушек, позволяя противостоять артиллерии и вести анфиладный (вдоль строя) огонь по приближающейся пехоте неприятеля⁵. Защита или осада каждой построенной Вобаном крепости была длительным, тяжелым предприятием. Наконец, дисциплину можно было ввести только в отношении профессиональных солдат, подчинявшихся уставу и подлежавших трибуналу. Заслуга введения трех вышеуказанных составляющих в военное дело принадлежит Голландии, и в особенности принцу Морицу Оранскому (1567–1625). Нововведения помогли Голландии выжить и достичь процветания в век войн, пиратства и жестокости, хотя голландцам приходилось воевать почти постоянно. Примеру Голландии следовали другие государства, где происходила централизация власти и изыскивались новые способы пополнения казны. Так, в 1630-х годах кардинал Ришелье распространил и укрепил королевскую власть во Франции, подчинил

короне дворянство, учредил гражданский аппарат и превратил независимых воинов-аристократов в мушкетеров. Знаменитым поборником дисциплины в армии Людовика XIV был подполковник Мартине.

Вестфальский мир закрепил знакомую и по сегодняшней международной обстановке систему государств, в которой каждое обладало и признавало в других характерные черты организации, дееспособности и легитимности. Суверенитет, таким образом, определялся как территориальная монополия с государственными границами и внутренней административной инфраструктурой, содержащей госаппарат, систему сбора налогов и формирования вооруженных сил. Государства посылали за границу постоянных дипломатических представителей. Наряду с очерчиванием государственных границ внутри этих государств менялось общество. До Тридцатилетней войны гражданство было многомерным понятием. В Европе сосуществовали две ветви власти — церковная и феодальная. До XVI века верховенство католической церкви в Европе практически не оспаривалось. Учитывая вездесущность церкви, система средневекового гражданства и территориального управления той эпохи представляется особенно сложной. «Императоры, короли, герцоги, рыцари, папы, архиепископы, гильдии и города стремились вершить свою власть над одной и той же территорией, так что вся система гораздо больше походила на современную трехмерную сеть, нежели на пришедший ей на смену иерархичный государственный порядок»⁶. Вестфальский мир вывел Святой престол за рамки политической системы. Фактически он положил конец Священной Римской империи, признав суверенитет ряда его государств-членов. Так к середине XVII века вселенское сообщество католической церкви распалось, а мирская власть христианства была расшатана. Это обстоятельство выявило одну из важнейших политических проблем Европы со времен Реформации: если суверенитет исходит не от вселенской церкви (с ее обрядами коронации, таинством миропомазания, скипетром и державой), то где искать источник суверенной власти?

На этот вопрос можно ответить по-разному, и этих ответов три. Для Макиавелли ответ был прост. Власть оправдывает себя сама. Суверенитет обусловлен способностью распоряжаться властью, а цель защиты или укрепления такой способности оправдывает все средства для ее достижения. Государственная

необходимость вполне объясняла все действия государства, направленные на удержание властной прерогативы. Сегодня Макиавелли по-прежнему в почете у людей, которые желают казаться искусственными реалистами, якобы принимают мир таким, каков он есть, а не таким, каким нам хотелось бы его видеть, и считают, что мы — выдавшие виды граждане мира — меньше всего вредим миру, проводя политический караван от одного общего проявления безнравственности к другому. Другой, менее определенный ответ на поставленный вопрос состоит в том, что суверенитет проистекает из признания факта существования государства другими государствами в международном сообществе и, во-вторых, из признания способности такового употреблять власть в согласованном географическом пространстве. Наконец, в 1620-х годах, голландский правовед Гуго Гроций, «повсеместно признаваемый первым выдающимся теоретиком международного права»⁷, с изяществом постулировал существование естественного права, основанного на человеческой общности, объединявшей человеческие племена, у каждого из которых были свои «групповые» законы. Гроций описывал молодые европейские державы как часть системы, обладавшей *народным* суверенитетом — по меньшей мере в части того, что граждане имели право не подчиняться тираническому правителю.

Очередные изменения в системе международных отношений стали происходить в середине XVII столетия, хотя закреплены на бумаге они были только в Утрехтском договоре о мире 1713 года, который положил конец войне за Испанское наследство и навсегда разъединил французскую и испанскую короны. Речь идет о доктрине равновесия сил. Генри Киссинджер пишет: «Европа была ввергнута в “политику равновесия сил”, когда была сокрушена средневековая мечта о всемирной империи и на пепелище этого древнего устремления появилось множество более или менее равных по силе государств. ... Система равновесия сил не преследовала цели избежать кризисов или даже войн. При исправном функционировании она должна была ограничивать, с одной стороны, способность одного государства доминировать над другими и, с другой, размах конфликтов. Ее целью был не столько мир, сколько стабильность и умеренность»⁸. Доктрина равновесия сил отражала одну из ключевых ценностей века Просвещения. На смену средневековой геоцентрической Вселенной, где всем повелевал восседающий на престоле Бог, пришел разум. Это помогло нам понять,

что духовные и физические явления вместе образуют устойчивое, упорядоченное целое. Считалось, что последовательное применение научного метода Фрэнсиса Бэкона может привести в конечном итоге к выяснению причин всех явлений, а одна часть (подобно положениям американской конституции — одного из величайших плодов века Просвещения) всегда уравнивает другую. Доктрина равновесия сил как модель международных отношений просуществовала 200 лет, хотя она и подверглась серьезному испытанию во время наполеоновских войн, а также из-за возвышения Италии, Германии, Соединенных Штатов и Японии. Некоторые историки полагают, что классической демонстрацией доктрины равновесия сил стала Первая мировая война, когда большинство европейских держав объединились, чтобы не допустить господства Германии на континенте.

Между заключением Утрехтского договора и началом Первой мировой войны политический порядок в Европе, основанный на доктрине равновесия сил, в сущности, оставался устойчивым. Разумеется, это не исключало многочисленных войн и шоковых испытаний системы на прочность. Тем не менее система сумела приспособиться к внешним изменениям и подавила или переварила тех, кто угрожал ей изнутри. Казнь Людовика XVI в 1793 году оказалась одним из самых драматических событий, приблизивших конец века Просвещения, однако еще на протяжении целого столетия европейская государственная система и правящая элита оставались верными политическим доктринам Просвещения. На протяжении XIX века европейская аристократия прилагала все усилия по сохранению рациональных, нередко абсолютистских государств века Просвещения, противостоя демократам и националистам и обеспечивая исправное функционирование традиционной системы государств. В странах, где оказалось невозможно не прислушаться к требованиям националистических и демократических партий, например в Италии и Германии, революцию удалось обуздать благодаря ухищрениям государственных деятелей — Кавура и Бисмарка (так в свое время Талейран реабилитировал постнаполеоновскую Францию).

В XIX веке соперничество между европейскими государствами часто реализовалось в борьбе за землю и ресурсы в Африке и Азии. В последние двадцать пять лет XIX века более четверти земной суши было захвачено шестью европейскими державами. В номинальном владении европейцев оказались даже полярные

области. В покорении африканских и азиатских *политий* Европе помогли не только новые виды вооружений и успешная бюрократизация насилия. Как заметил американский историк Уильям Макнил, применение минерального топлива для транспортировки и снабжения войсковых сил, появление пароходов и строительство железных дорог помогли Европе распространить свою власть на отдаленные и прежде недостижимые местности⁹. С разработкой европейскими медиками эффективных средств профилактики малярии было преодолено основное препятствие на пути империалистической экспансии. Вслед за Европой к концу XIX столетия на «пустоши земные» (слова Кабота Лоджа, сенатора США, главного противника участия Америки в Лиге Наций) устремились Соединенные Штаты. В Африке колониальные державы стремились учреждать своего рода управляемые сообщества — проводя границы согласно предполагаемому удобству рельефа, втаскивая в мозаику подчиненных территорий племена и кланы с различными языками, интересами и культурами. В погоне за недвижимостью они сражались за места на планете, о которых не знали решительно ничего. Лорд Солсбери, британский премьер-министр, занимавший пост главы правительства на протяжении большей части 1890-х годов, заметил: «Мы дарили друг другу горы, реки и озера, да вот разве что не знали, где именно они находятся».

До сих пор наш экскурс в историю ограничивался Европой. Причина проста. Становление национального государства — это главным образом европейский феномен. Это не означает наличия иных форм правления, взаимных обязательств и общественного устройства в других частях света. Так, например, в Азии своеобразным было государственное устройство и империи Цин, и могольских владений в Индии, из которых вырастали централизованные государства, и феодального шогуната в Японии. В связи с этим Кристофер Бейли уместно говорит об «архаической глобализации»¹⁰. Однако в XIX веке европейские державы и их колониальные аппетиты изменили мировой порядок. Могольская империя в Индии начала разваливаться уже в XVIII столетии. По словам могольского поэта, «лик неба и земли переменился». В свободные пространства просачивались или, если требовалось, прокладывали дорогу силой Ост-Индская компания, а позже британский колониальный режим. Китай, примерно через сорок лет после бесславного посольства лорда Макартни в 1793 году, когда «пристыженные дары» Британии не сумели открыть ей китайский тор-

говый рынок, был разгромлен в первой опиумной войне. Для Китая началось столетие унижений. В 1850-е годы commodор Военно-морских сил США Мэтью Перри вынудил Японию открыть ворота для иностранной торговли: в сущности, именно это обстоятельство послужило катализатором Реставрации Мэйдзи, сочетавшей восстановление власти императора и ускоренную индустриализацию и милитаризацию страны. Так Запад навязал свои методы и практику ведения дел даже самым древним цивилизациям. В будущем Соединенные Штаты и в «белые» колонии в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке Великобритания экспортировала западные привычки оптом — наряду с пехотой, помогавшей строить эти новые страны.

Что послужило причиной крушения европейского порядка в 1914 году? Очевидно, что одной из причин политических конвульсий Европы в XX веке была демография, когда растущее население ломало привычный аграрный уклад в Центральной и Восточной Европе. Но были и политические причины. Во-первых, династия Габсбургов, по престижу которой уже нанесли чувствительный удар националисты в Италии и Германии, почувствовала ослабление своей власти на Балканах, где сербское национально-освободительное движение, по существу, отвергало легитимность одной из великих европейских империй. Взаимоисключающие требования и претензии европейских националистов становилось все труднее примирить с консервативным, аристократическим европейским порядком. Возвышение новых государств, особенно за пределами Европы, нарушало гармонию системы. Наконец, развитие новых технологий, особенно железной дороги, делало необходимым ускоренное принятие решений в условиях войны. Оперативная мобилизация стала одним из важнейших уроков Русско-японской войны. Летом 1914 года традиционная дипломатия не смогла угнаться за кризисом, который оказался ускорен новыми технологиями. Военные действия, казалось, вышли из-под политического контроля. Учитывая медлительность дипломатов в предотвращении кризиса, что могло остановить начавшуюся войну?

Карл фон Клаузевиц, прославленный прусский теоретик военного дела начала XIX века, с трудом делает различие между ограниченной и тотальной войной. Однако он с определенностью полагал, что война — это продолжение политики и *средство* достижения цели. Итак, почему европейская война не прекратилась после первой битвы на Марне осенью 1914 года, исключив-

шей всякую возможность решительной победы Германии (пусть французам победа в сражении и досталась дорогой ценой)? Крушение планов по нанесению Франции решительного поражения стоило нервного припадка Мольтке, главе германского Генерального штаба. По какой причине не был заключен мир? Страшная проблема европейских элит состояла в том, что они оседлали тигра национализма и не могли соскочить с его спины. Возбуждены были национальные чувства. На кону была национальная честь. На чаше весов было «выживание наций». «Родина нуждается в тебе» — она нуждалась в том, чтобы каждый стал частью массовых атак, которые, несмотря на их относительно невысокий военный смысл, сталкивали национальную волю противоборствующих сторон. Победу одерживал пулемет. Найти выход из этой гефсимании, покончить с бойней было особенно сложно еще и потому, что европейская элита страшилась обратиться против себя ярость собственных народов. Европейские правители также опасались собственных граждан, которых сами и вооружили, как и друг друга. Так, в известном смысле, война из политической превратилась в метафизическую, что привело к ужасающим последствиям. Французская республика и Германская империя окончили свои дни. Погибли Российская, Австро-Венгерская и Османская империи. Какие чувства ограничили разум людей? Какие романтические устремления вонзили кол в сердце старой Европы? Национализм! Ибо за предшествующий век изменились не средства государственного управления, а отношения между правителями и подданными. Государства уступили место *национальным государствам*.

В XVIII столетии, в великолепной преамбуле к американской Декларации независимости проводится различие между человечеством и человеком как гражданином: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее Творца, уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению». Именно прегрешения короля Великобритании Георга III и правивших от его имени министров сплотили жителей американских колоний в единую «гражданскую нацию» и «побудили их к отделению». (Впрочем, следует вспомнить, хотя это и не вошло в миф об основании

США, что недовольство колонистов было вызвано и тем, что корона утверждала свою прерогативу запрещать американцам захват индейских земель.) В глазах колонистов монарх потерял право на преданность своих подданных, а вместе с тем и суверенную власть — из-за дурного, тиранического правительства. Договор, описанный Гроцием, был нарушен.

Общий язык, семейные и клановые связи, ощущение единства корней, популярность народных баллад и сказаний, торговое взаимодействие, религиозная общность — все это может привести к развитию чувства сродства между людьми в государстве. Об этом убедительно писал Джон Джей, первый председатель Верховного суда США, в «Записках федералиста» — так называлась череда эссе, опубликованных в конце 1780-х годов и посвященных ратификации новой американской конституции. В конце концов, именно в общине, основанной на принципах соседства, большинство людей чувствуют себя наиболее комфортно, а расширение такого соседства сообщает им единое политическое и культурное пространство. Процесс становления национального самосознания вполне может быть естественным и ненасильственным. Среди ярких положительных примеров можно назвать патриота Игнация Падеревского — польского композитора и пианиста, избранного премьер-министром Польши в 1919 году, во время Версальской мирной конференции. Национализм может развиваться и среди групп, воспринимаемых как изгой, — как реакция на дурное управление. Нередко случается, что зерна национального чувства были заронены правительством, которое воспринимается как тираническое или олицетворяет иностранное владычество и интересы. Например, оформление культурной идентичности Финляндии было отчасти откликом на внешнее управление со стороны Швеции, а позже царской России. Немецкий национализм развивался в русле сопротивления Наполеону, на основе идей Гердера и Фихте. Однако воспламенение национального чувства может произойти и в результате внешнего воздействия. В 1861 году, на инаугурационной сессии парламента объединенной Италии Массимо д'Адзельо (пьемонтский художник, политик и патриот) отметил: «Теперь, когда мы создали Италию, нам нужно создавать итальянцев». В известном смысле этот процесс не завершен и сегодня — итальянцы по-прежнему доказывают себе и миру, что Италия — это нечто большее, чем «географическое понятие» (согласно оскорбительной фразе влиятельного австрийского дипломата,

канцлера Меттерниха). С первых же дней существования национальные государства ощущали потребность в едином языке, грамматике, словарях, фольклоре, единой истории триумфов и поражений. В XIX столетии евгеника вооружила их идеологией расовой солидарности и расового превосходства. Мнимое единство сообщала нации пролитая кровь (особенно в военное время). Тело неизвестного солдата, погребенное под сводами Триумфальной арки в Париже, было обретоно на полях Вердена, где, как считалось, не могло быть погибших еврейского и негритянского происхождения. В Великобритании леди Десборо — жена политика, известного до получения им титула как Уильям Гренфелл, — устроила в 1919 году званый прием, «встречу с матерью неизвестного солдата».

В Великобритании Акт о соединении с Шотландией 1707 года (или «Договор», как его называют шотландские историки), вколотивший Англию и Шотландию в Соединенное Королевство, предотвратил попытки создания единой «британской идентичности» с сильным английским акцентом под властью германорожденного короля. В начале XIX столетия Шотландия преобразилась под бурным натиском культурных инвенций, достойных их главного импресарио — сэра Вальтера Скотта. Родились ткань в клетку, затем килт, клетчатые штаны шотландских полков, оссианическая поэзия, торжественные ужины в честь Роберта Бернса (упаси меня Бог от выступлений хотя бы еще на одном из них) и замок Балморал королевы Виктории*¹¹.

Сегодня термин «национальное государство» настолько распространен, что едва ли не превратился в банальность. Однако это понятие соткано из противоречий. Само по себе государство — это вполне рациональное образование. Однако с государством сопрягаются понятия языка, культуры, национальной принадлежности граждан и «зова крови», отождествляемые с его народом. Это не просто романтическое пустословие. Национальное государство часто представляется как некая высшая субстанция, которой человек обязан служить, причем акт служения обладает духовной ценностью. Посол Великобритании в США в годы Первой мировой войны Сесил Спринг-Райс написал гимн «Клянусь тебе, моя страна», хорошо знакомый людям, которым случалось присутствовать на похоронах или поминальных служ-

---

* Частная резиденция королевской семьи Виндзоров в Шотландии.

бах в Великобритании. (Этот гимн исполнялся, в частности, на похоронах принцессы Дианы, а также, не без коммерческого душка, в качестве подпевки после невероятной победы английской крикетной сборной над австралийцами в турнире «Эшиз» в 2005 году.) Во втором куплете* повествуется о христианских обязанностях человека перед некой «иной страной», «исполненной доброты и мира». Но в первом куплете поэт прославляет любовь к своей родине — любовь, «которая не задает вопросов, проходит через испытания, возлагает на алтарь все самое лучшее и дорогое, которая никогда не изменяет, платит высокую цену и приносит величайшую жертву».

Спринг-Райс, разумеется, думал о тех, кто погиб в войне 1914–1918 годов. Люди эти, вне всякого сомнения, прошли через испытания, заплатили высокую цену, принесли величайшую жертву, неисчислимыми своими телами усеяв поля сражений. Они принесли себя в жертву во имя короля и отечества, кайзера и отечества, царя и отечества, президента и отечества, но не во имя разума, это уж точно, и не во имя лучшего отечества и лучшего мира.

Что бы ни предпринимали народы в ознаменование романтического свидания с собственной историей — террор в революционной Франции, чистки и показательные судебные процессы в России, фашизм в Италии и нацизм в Германии — у этих событий и движений, увы, всегда находились апологеты, причем как внутри страны, так и за границей. Милан Кундера вспоминал, как в годы сталинистской Чехословакии французский поэт Поль Элюар отказался от своего пражского друга, которого ожидала казнь. Кундера отмечает: «...когда убивает палач, это в конце концов нормально; но когда поэт (причем великий поэт) подпевает палачу, вся система ценностей, которую мы считали священной, внезапно разваливается»¹². Среди авторов, которые в то или иное время ставили свой литературный талант на службу злу, значатся имена Ж.-П. Сартра, А. Жида и Э. Паунда. Как объяснить их славословия ужасу? Знали ли они, что происходит в действительности? Возможно, и не знали, но в их незнании сквозит оттенок театральности. Безусловно, основная причина их гимнов и апологий в том, что они были романтики. Они были согласны с *духом времени*, пред-

---

* В оригинале гимна три стиха, из которых обычно поются 1-й и 3-й, названный здесь вторым.

почитая не вникать в неудобную правду. Так или иначе, но это отношение вполне согласовалось с их пониманием истории и судьбы. И эта романтическая воля, воля народа, которую марксисты стали называть волей истории, овладев политическим инструментом, то есть современным государством, принесла народам Европы и мира чудовищные невзгоды. А если человек отказывался склониться перед духом времени или первостепенными с точки зрения «национального клана» моральными требованиями, если он отказывался признать дух истории, забыть о собственной человечности, он становился, с точки зрения правителей, ненужным. Из человека он обращался в ноль. Трагично, но подобная судьба была уготована большинству людей, проглотивших яд национализма.

Быть может, мы выбирали в истории не тех героев. Быть может, следуя примеру Киссинджера, нам надлежало возносить хвалу персонажам, подобным Меттерниху и Талейрану, которые пытались обуздать волну национализма и романтизма. До тех пор пока государство сохраняло верность принципам, заимствованным из века Просвещения и предполагавшим осознание понятий добродетели и сдержанности, оно было относительно доброкачественным образованием. Наделение государства романтической волей быстро превратило его в убийственную машину — не таков ли был смысл демарша Маргарет Тэтчер в 1989 году во время поездки в Париж на празднование 200-летия Французской революции, спустившей с цепи псов национализма*. Какая ирония в том, что мы осуждаем Меттерниха и Талейрана как циничных реакционеров, сковывавших свободное развитие наций, а уже в следующую минуту клеймим смертоносный национализм мировых войн XX века. В каждой стране героями неизменно считают исторических персонажей, которые способны были вызвать к жизни дух национального государства. Националисты знали о политике нечто очень важное. Они, Наполеон, Гарибальди и даже принадлежащий к совершенно другому классу Гитлер с его патологической злобой, знали, что нация — это нечто большее, чем государство. Нация воплощает нечто большее, чем юрисдикция

---

* Речь, по-видимому, о высказывании Тэтчер о том, что для развития принципов свободы в истории человечества английские традиции гражданского права были намного важнее, нежели французская Декларация прав человека и гражданина.

внутри определенных границ. Так упомянутые деятели превратились в культовые символы, их слова приобрели афористичность, их деяния стали служить примером. Они сформировали общепринятое ныне представление о гражданах, которые действуют в качестве политических единиц.

Таким образом, национальное государство вряд ли можно считать оптимальным решением проблемы государственного управления и идентичности. Это состояние внутреннего противоречия: соревнования между романтической «национальной волей» и рациональными принципами «эффективного управления». Такое противоречие хорошо понимали отцы-основатели США и попытались разрешить его в своей конституции, начертанной для молодого национального государства.

Национальные государства, залившие берега Соммы и Марны кровью неисчислимых воинов, тогда еще не дошли до точки полного саморазрушения. После войны 1914–1918 годов и Версальского мира, после распада последних колониальных империй и появления новых национальных государств перед Европой встала новая проблема. Как, в сложившихся обстоятельствах, следовало поступать с национальными меньшинствами? Вопрос о защите меньшинств, очутившихся *не по ту сторону* новых государственных границ, оставался в повестке дня мирных переговоров вплоть до 1923 года. Лига Наций, выросшая из Версальского мира, была большей частью занята арбитражем между государствами, которые стремились защитить представителей титульной национальности, притесняемых другими государствами, или вопросами переселения этнических групп из одного государства в другое — как в случае с Грецией и Турцией. Казалось, что в международной политике возобладал новый принцип: каждый народ, вместо того чтобы обращаться к национальному или международному праву, должен был искать защиты у государства, представлявшего его национальность. Гитлер с величайшим хитроумием использовал этот принцип, балансируя на грани войны в 1930-х годах. Впрочем, так вели себя не одни немцы, а немецкие евреи были не единственной этнической группой, которая якобы представляла собой «неразрешимую» проблему из-за отсутствия у них национального государства — при всем их вполне понятном желании *учредить* свое государство. Но именно Германия явила миру самый варварский пример злобного, безжалостного национализма. Ханна Арендт утверждала, что

Холокост не мог бы произойти без полноценного сотрудничества немцев с нацистами по всей Европе. Соучастие режима Виши в чудовищных преступлениях против евреев хорошо документировано вопреки — ограничимся лишь одним примером — жалким и своекорыстным стараниям президента Миттерана скрыть правду. Как во время, так и после Первой мировой войны пагубный национализм не был сугубо германским явлением, тогда как средства, предписанные против него Лигой Наций — открытый арбитраж, народная дипломатия и в конечном счете мировое общественное мнение, оказались явно недостаточны.

Политики и дипломаты, учредившие Лигу Наций, осознавали опасность национализма и меньшинств. Однако они не ожидали, что им придется столкнуться с экономическим изоляционизмом и автаркией. Можно ли их за это винить? Критики империализма, придерживавшиеся либеральных взглядов, всегда утверждали, что основная цель империи — это подавление свободной торговли. Авторы — от Кобдена до Гобсона — убеждали мир, что если избавиться от империи, то торговля будет развиваться беспрепятственно и, таким образом, будет сразу устранена основная причина войн. Как подобные воззрения могли пережить, к примеру, мирные переговоры в Версале, где стало очевидно, что государства, как и империи, весьма ревностно относятся к своим торговым правам? США, к примеру, категорически отказывались списывать долги европейцев, даже частично. Неудивительно, что Великобритания использовала переговоры, чтобы присвоить германский торговый флот, а Франция — чтобы захватить немецкий уголь и золото. Обе державы наложили на Германию колоссальные репарации, которые в значительной степени испарились вследствие инфляции, то есть не были выплачены. Дж. М. Кейнс в классическом труде 1919 года «Экономические последствия мира» предостерегал от грядущих бедствий. Учитывая, что мир и процветание в Европе целиком зависели от ее экономического восстановления, было настолько же благоразумно способствовать свободному перемещению товаров, ресурсов и валюты, насколько безрассудно — разорять собственных соседей. Книгу Кейнса, немедленно ставшую бестселлером, цинично использовали для очернения всего мирного процесса и фактически оправдания бездействия. Кейнс стремился к упрочению мира. Вместо этого он стал свидетелем иной действительности: его доводы использовались в качестве завесы, укрывавшей постепенное, неумолимое разрушение мира.

Есть две разновидности автаркии: во-первых, попытка придерживаться принципов экономической самодостаточности — таково было стремление нескольких экономических невежд, включая политиков Имона де Валера в Ирландии и Майкла Мэнли на Ямайке. Во-вторых, попытка доминирования или контроля над важными ресурсами в ущерб другим государствам. В обоих случаях речь идет о завоевании или сохранении власти и рычагов контроля, примерно так же, как Владимир Путин использует нефтяные и газовые ресурсы России в политических целях (см. главу 11). Особенно проблематичной политика автаркии была в двадцатые и тридцатые годы прошлого века. Половина европейского континента, до недавнего времени организованная в великие по протяженности империи, теперь состояла из враждующих государств. Каждое из них было намерено контролировать свои «жизненно важные» отрасли экономики. Таким образом, значительная часть производства, поставок и финансовых потоков в Европе была реорганизована в ущерб эффективности. За реорганизацией последовал экономический кризис, рост протекционизма и охранительных тарифов, карательные меры в экономике, замораживание активов, конфискация имущества различных меньшинств, за которой следовали новые и новые волны конфискации. Когда во второй половине двадцатых в Европе наметилось неуверенное экономическое восстановление после Первой мировой войны, то отзыв долгосрочных американских кредитов, в частности из Германии, уже в конце того десятилетия повлек за собой первые признаки депрессии в Центральной и Восточной Европе.

По мере распространения европейского экономического недуга на другие части света обострились и прочие проблемы автаркии. Фондовая катастрофа на Уолл-стрит привела к возведению Соединенными Штатами торговых барьеров, посредством, во-первых, печально знаменитого закона Смута — Хоули (1930) о таможенных тарифах на импорт и, во-вторых, формирования долларовой блока в Западном полушарии, включавшего Канаду. Великобритания ответила тем же, приняв в экономической зоне фунта стерлингов те самые протекционистские меры, за которые с начала века ратовали империалисты вроде Джозефа Чемберлена и Лео Эмери. Вслед за США и Великобританией, пытавшимися реструктурировать торговлю и финансы таким образом, чтобы стать самодостаточными и «сильными», к обособлению стали

стремиться и другие державы, так что вскоре большинство стран мира жили за высокими экономическими заборами.

Такое положение дел в экономике могло представляться жизнеспособным Советскому Союзу, Соединенным Штатам и Великобритании, способным, в пределах своих широких экономических зон, добывать насыщенные для современной промышленности ископаемые — алюминий, бокситы, хром, нефть и цинк. ГУЛАГ позволил СССР осуществлять добычу руды и минерального сырья на огромных пространствах Сибири и Средней Азии. США извлекали все необходимое из владений в Западном полушарии, а Великобритания — из своих колоний и доминионов. Наверное, было неизбежно, что в изменившихся обстоятельствах (и в нарушение системы международных отношений, сложившейся после Первой мировой войны) другие великие державы, в частности Германия и Япония, стали проводить в жизнь планы агрессивной экспансии, густо замешанные на идеях расового и национального выживания, преследовавшие цели расширения «жизненного пространства», ресурсной базы и торговых привилегий. Яростное экономическое соревнование в годы Великой депрессии побудило Японию «бросить самурайский меч на чашу весов корысти», склонявшихся не в пользу Страны восходящего солнца¹³. Уже в 1920-х годах премьер-министр Танака утверждал, что успешное вторжение в Китай подготовит плацдарм для дальнейших завоеваний в Азии и за ее пределами.

После Версальской конференции многие политики-демократы заключили, что крушение империй и уход со сцены управлявшей ими международной аристократии станет триумфом либерализма и приведет к установлению нового мирового порядка, при котором каждая страна будет хозяином собственной судьбы, открыто и свободно выражая свою позицию на всемирном форуме (в некоей лиге государств) и преследуя собственные естественные (и рациональные) интересы в духе миролюбия и терпимости, с открытыми для передвижения людей и торговли границами. Основанный в 1919 году новый порядок базировался на постулате, что национальное государство несет планете мир и процветание. К 1945 году ни у кого не оставалось сомнений, что национальные государства, если на то пошло, более агрессивны, склонны к насилию и иррациональны, чем предшествовавшие им империи. Система международных отношений, сложившаяся после Второй мировой войны, по-прежнему основана на идее о политической состоятельности

ности национальных государств, но в ней очевидным образом учитываются и присущие им недостатки.

Среди наиболее успешных организаций в системе международных отношений, сложившихся после Второй мировой войны, следует выделить учреждения, которые способствовали оздоровлению мировой экономики и развитию торговли. К ним относятся такие финансировавшиеся США и Европой структуры, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций и План Маршалла. Краеугольным камнем данного порядка стало учреждение доллара в качестве мировой торговой валюты, приравненной к золоту, на Бреттон-Вудской конференции, прошедшей в июле 1944 года, в разгар войны. Все перечисленные установления изобличали глупость экономического национализма, развившегося за двадцать лет до Второй мировой войны и набравшего силу в годы Великой депрессии.

Международные институты, призванные способствовать укреплению порядка и безопасности на планете, оказались гораздо менее успешными, так как членство в них, в соответствии с принципом универсальности и расстановки сил в конце Второй мировой войны, было распространено на Советский Союз. ООН, однако, оказалась более эффективной организацией, чем Лига Наций. Совет Безопасности ООН и распространение права вето только на его постоянных членов (то есть сужение права вето по сравнению с государствами — членами Совета Лиги Наций) в большей степени соответствовали политической реальности мира с доминирующим положением великих держав. Однако многие изначально спроектированные исполнительные элементы ООН — международные военно-воздушные силы, комитет начальников штабов, «соглашения о безопасности» между государствами и сам Совет Безопасности — быстро зачахли и умерли. В результате ООН нередко представляется организацией скорее выживающей, нежели способной разрешить великие кризисы современности. Взять хотя бы Кубу, Вьетнам и Ирак среди прочих примеров. Слишком часто ООН выступает благонамеренным актером в драме, а не автором ее разрешения. Палестина и Израиль фигурируют в повестке дня Совета безопасности более полувека, но и мелькающая то и дело надежда на разрешение кровавого конфликта проистекает, как правило, не из действий ООН. В действительности резолюции и заявления ООН иногда лишь осложняли

поиски мира в данном регионе. Тем не менее ООН полезна в той мере, в какой это соответствует благим намерениям государств-членов. Наконец, относительная эффективность ООН не в последнюю очередь объясняется геркулесовыми усилиями ее служащих. У ООН появилось немало полезных функций — например, миротворчество, а также инициативы в тех областях социальной жизни, экономики и защиты окружающей среды, которые интересны для государств-членов. Неудачи ООН следует объяснять в первую очередь действиями или бездействием государств-членов, а не воображаемыми недостатками, присущими идее создания ООН. Нам нужна сильная, а не слабая ООН, и нам нельзя отказываться от этого института.

После 1945 года вопросы безопасности в большей степени основывались на региональных, а не глобальных договоренностях. В Восточной Европе в результате революций сороковых, совершенных при прямой поддержке Москвы преступниками и убийцами, установились коммунистические режимы, образовавшие вместе с Советским Союзом Варшавский блок. (К сожалению, в ряде регионов мира ЦРУ США прибегало к схожей тактике.) В Западной Европе безопасность обеспечивалась НАТО (Организацией Североатлантического договора), стержнем которого стали США. В свою очередь, западноевропейские страны были вынуждены заплатить политическую цену за приверженность США союзническим обязательствам, уступая Вашингтону в вопросах экономической и политической интеграции. Попытка создания похожей организации региональной безопасности на Ближнем Востоке, Багдадского пакта (инициирован в 1955 году), не увенчалась успехом, так как явная цель данной инициативы состояла в сохранении британского влияния в регионе. Пакт рассыпался в результате смены режимов в Ираке и Иране, и в частности иранской революции 1979 года. СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии), образованная после ухода французов из Индокитая в 1954 году, вряд ли оказалась более успешной. В начале 1950-х годов США, Австралия и Новая Зеландия заключили несколько более устойчивый договор о коллективной безопасности, от которого Новая Зеландия отделилась ввиду отказа принимать в своих портах американские корабли с атомными силовыми установками или с ядерным вооружением на борту.

Если послевоенный порядок, согласно замыслу, должен был учитывать некоторые недостатки национальных государств, то в

последующие десятилетия мир наблюдал беспрецедентный рост числа новых государств — членов ООН (их число возросло на 141 — с 51 в 1945 году) и триумф национализма в самом разнообразном обличи. XX век начинался как век колоссальных, многонациональных империй — например, британской, французской, португальской, османской, австро-венгерской и нидерландской. Он закончился как век национальных государств. На этом пути мы стали свидетелями различных альтернативных политических образований. Некоторые империи задержались на мировой арене в различных вариациях — взять хотя бы систему опеки ООН над некоторыми территориями и Британское Содружество наций, организацию, в которой (как сказал один остряк) все дороги ведут в Вашингтон. Коммунизму советского извода, несмотря на всю жесткость системы, не удалось навязать национальным государствам понятие об их принципиальной нелегитимности (согласно доктрине исторического материализма). В XX веке наблюдались и этнические коалиции государственного толка, подобно Югославии и ОАР. Однако, так же как в XVII веке, суверенное государство и теперь сумело дать отпор иным формам государственной организации, изобретая при этом формы регионального сотрудничества (например, ЕС), позволяющие государствам работать вместе для собственной и общей пользы.

С 1945 года в мире прошло несколько волн деколонизации, причем недавняя имела место в Центральной и Восточной Европе и в бывшем Советском Союзе с 1989 по 1991 год. Число государств в рассматриваемый период росло экспоненциально, а если предположить, что в разных частях света возобладают националистические тенденции (вспомним, например, о движении курдов, басков и шотландцев), это число будет возрастать и дальше. В Европе и Северной Америке государство развивалось в классическом ключе, одновременно как выражение философии человеческих отношений и как лучшее средство политического выживания в конкурентной среде. В свою очередь, история многих новых государств Азии и в особенности Африки, в последние полвека получивших независимость от европейских колониальных держав и столкнувшихся с пресловутым наследием колониализма, оказалась совсем иной. В отличие от государств, возникших в XVII веке в Европе, эти последние образования — не столько результат стратегической конкуренции, сколько способ побега от нее, в той мере, в какой нормы современного международного права защи-

щают их от завоевания, империализма и полного распада. Некоторые авторы тоскуют по временам, когда богатые и могущественные европейцы властвовали над «курортными странами», утвердив сильное, хотя и колониальное правительство. Впрочем, не следует забывать, что колониальные власти несут свою долю ответственности за разжигание окончившейся чудовищным насилием вражды между различными этническими и религиозными группами в бывших колониальных странах — тутси и хуту в Руанде, мусульманами и христианами, игбо и остальными нигерийцами. Империи не возродятся, даже в их относительно мягкой разновидности. Сегодняшние новые государства зачастую живут за счет международных программ — займов с мягкими условиями погашения, программ помощи в развитии и деятельности НКО. Многие из них — это скорее порождения современной международной системы, а не ее создатели. Элита в подобных государствах не слишком озабочена здоровой конкуренцией с другими странами; она может позволить себе направить всю энергию на сохранение власти и подавление инакомыслия, одновременно пользуясь правом равного голоса в ООН, с трибуны которой представители таких режимов нередко читают нотации другим, менее репрессивным государствам о нарушениях прав человека. Может быть, с уст этих людей нечасто слетают слова о Вестфальском мире, но они с замечательным постоянством отстаивают принцип национального суверенитета.

Триумф национального государства привел к возникновению двух взаимосвязанных проблем. Первая состоит в том, что сегодня в мире господствует весьма консервативный порядок, в годы после окончания холодной войны поставивший перед международным сообществом новую политическую дилемму. Продолжая признавать номинальный суверенитет и равенство всех государств, мы сталкиваемся с опасностью опосредованной поддержки и субсидирования несправедливого общественного порядка в разных частях света, то есть в том числе поддержки разнокалиберных тиранов со всеми присущими их режимам бедами — экономическим застоєм, экологическим вырождением, низким уровнем здравоохранения и растущей эмиграцией. Возьмем пример Демократической Республики Конго — страны, которая страдает от всепроникающей коррупции практически со времени получения независимости в 1960 году. После ожесточенной войны, которая отчасти велась за минеральные ресурсы провинции Катанга, а

также отважной, но, в сущности, бесплодной интервенции ООН и убийства (во время переворота и при пособничестве Америки и Бельгии) законно избранного, пусть и безрассудного, премьер-министра страны*, власть вскоре захватил получивший бельгийское военное образование генерал Мобуту. Президент с 1965 года, Мобуту управлял страной на протяжении тридцати двух лет. Гротескно бессовестный хищник, он служил пешкой в холодной войне и пользовался поддержкой Франции, Бельгии и США. Пусть он и был разгневанный убудок, но он был на *нашей* стороне. После падения Мобуту в 1997 году к власти в ДРК пришел Лоран Кабила — политик, по коррумпированности ничем не уступавший своему предшественнику. Ранее Кабила успел разочаровать героя революционной Кубы Че Гевару, который приехал в Конго помочь делу революции, но обнаружил, что попойки и бордели интересуют его конголезских адептов больше, чем битвы. На смену Кабиле пришел его сын. Многолетнее вооруженное противостояние между соперничающими группировками вовлекло в войну соседние с Конго страны (в частности, Зимбабве, Руанду и Уганду), вступившие в борьбу за минеральные ресурсы ДРК, как то: медь, кобальт, алмазы, золото, колтан и олово. О печальной истории Конго — истории разграбления и массовых убийств — подробнее повествуется в главе 7. В одном из социологических опросов Всемирного банка конголезцам был предложен вопрос: «Если бы государство было человеком, как бы вы взаимодействовали с ним?» «Убил бы его» — часто звучал ответ¹⁴. Последнее, разумеется, невозможно. Мы поддерживаем жизнь в этом и в некоторых других государствах отчасти благодаря программам финансовой помощи, не имея им жизнеспособной альтернативы.

Как и в случае с Конго, многие проблемы, стоящие перед слабыми государствами, выходят за их государственные границы. Ввиду страданий, которым подвергается местное население, политический порядок в подобных государствах внутренне неустойчив, а их распад может привести к нарастанию хаоса в регионе. Вмешательство международного сообщества в дела молодых государств в целях установления справедливой судебной системы и прочного административного порядка может, напро-

---

* Первый законно избранный в мае 1960 года премьер-министр Республики Конго Патрис Лумумба был похищен местной оппозицией и убит 17 января 1961 года.

тив, размыть и без того непрочный фундамент национальной государственности и привести к созданию системы, целиком зависящей от внешнего мира. В то же время мы сами не в состоянии предать забвению этот «четвертый мир» слабых, унижающих государств, затолкать их в гетто, вычеркнуть из жизни. Проблема состоит не только в слабости отдельных государств, но и в отсталости «наций», их населяющих, чаще всего переживших колониальную историю. Такие страны напоминают новые государства Центральной и Восточной Европы после Первой мировой войны — разнородные, часто разделенные общества, пытавшиеся совладать с проблемами несправедливо прочерченных границ, национальных меньшинств, порочной политической теории, еще худшей теории экономической, враждующих лагерей корыстной элиты, враждебного отношения к соседям и полного отсутствия технократической бюрократии, которая могла бы способствовать выявлению и рациональной защите национальных интересов.

Каким образом старые державы Запада — Северная Америка и Западная Европа — достигли сегодняшнего относительного благополучия? Следует признать, что дорога была долгой и извилистой и тянулась от религиозных войн к войнам империй, затем к торговым войнам — через бесчинства — и вновь к завоевательным войнам, к войнам объединительным, национальным войнам, геноциду, холодной войне, снова к войнам империалистическим (в частности, на Балканах) и многочисленным «опосредованным войнам». Где-то в пути мы стали существами более или менее цивилизованными — в странах с более или менее стабильными суверенными правительствами. Нам помогло то обстоятельство, что к 1991 году почти все люди в Европе (за исключением Балкан), которые не владели нужным языком в нужном месте, переехали, приспособились к новой действительности или умерли. А ведь стоит вспомнить, что даже в Северной Ирландии, где у людей одинаковый цвет кожи и говорят они на одном языке, нам приходилось переселять людей в обособленные по религиозному признаку кварталы или иметь дело с последствиями их ужасной вражды. (Моим первым политическим решением в качестве младшего министра в Ирландии было выстроить еще более высокую стену — стена высотой в три с половиной метра казалась недостаточной — между двумя общинами, представители которых, на взгляд стороннего наблюдателя, были очень схожи, но поклонялись одному христианскому Богу несколько по-разному: на

Шенкил-роуд Белфаста было доподлинно известно, что Иисус Христос — оранжист*, а на Фоллс-роуд ничуть не сомневались, что Он — зеленый фений**.) Созданию современного цивилизованного порядка в Европе, возможно, способствовало и то обстоятельство, что во второй половине прошлого века наиболее сильные из современных государств разработали средства полного и неумолимого взаимного уничтожения. Так страны научились балансировать между перспективой «объединенных наций» и катастрофой ядерной войны. Народы научились жить в мире, так как альтернативой миру стал Армагеддон. Сегодня положение в международной политике значительно лучше, чем в годы холодной войны. Каковы бы ни были неудачи и провалы современного международного сообщества, а также проблемы многих молодых государств, не следует забывать о событиях всемирной исторической важности, а именно об относительно мирном и упорядоченном переходе стран Восточной Европы, ряда государств акватории Индийского океана и многих государств Азиатско-Тихоокеанского региона (за внушительным исключением Китая) к либеральной демократии и рыночной экономике. Сегодня больше людей проживает в успешных государствах, нежели в государствах-банкротах, в государствах-изгоях.

В последние полвека мы нашли ряд институциональных решений, способствующих сотрудничеству между народами и предотвращению войн. Однако наша вера в «совместный суверенитет», необходимый для внедрения таких институциональных решений, оказалась подорвана — и не в последнюю очередь из-за политики администрации президента Буша — как раз в то время, когда *мы*, то есть национальные государства, больше чем когда-либо в истории должны действовать сообща. Для чего требуется расширение сотрудничества? В последующих главах предпринята попытка ответить на этот вопрос. Впрочем, в первую очередь расширение сотрудничества необходимо потому, что мир изменился. Радикальным образом сократились расстояния. Границы стали

---

* Оранжисты — протестанты; в Ирландии сторонники английского владычества над Ирландией.

** Фении (легендарная военная дружина древних ирландцев) — ирландские революционеры-республиканцы 2-й половины XIX — начала XX века, ставившие цель отторгнуть Ирландию от Великобритании. Зеленый цвет — символ борьбы Ирландии за свободу.

проницаемыми. Претензии государства на право полного самоуправления оказались размыты. Наконец, сомнениям подверглось первенство США в процессах глобализации и либерализации торговли, отчасти из-за безрассудной финансовой политики, а то и попросту из-за глупости. Увеличивается разрыв между номинальным суверенитетом государств и фактическим контролем, который они способны осуществлять над общественными процессами. Последнее не означает, что государства умирают, но пределы их компетенции в определенном смысле сужаются, причем мир взывает все более активного, вдумчивого сотрудничества между народами.

Нас ожидает не конец государства, а новая эпоха государства. Все больше видоизменяется политика, постепенно выходя за привычные рамки понятий государства и суверенитета. Так, вероятно, и должно быть. Создавшаяся ситуация имеет важные последствия в контексте нашего восприятия гражданственности, как внутри, так и вовне государства, а также в контексте наших ожиданий от отдельных граждан в мире, где ответственность, власть и контроль уже не ограничиваются понятием государства. Как развить и распространить чувство гражданственности, так чтобы глобализм не превратился в анархию? Как убедить граждан в том, что суверенитет в конечном итоге принадлежит им?

Позже мы изучим вопросы, связанные с глобализацией. В первых, мы рассмотрим саму эту концепцию, порождающую противоречивые истолкования. Затем, в последующей главе, рассмотрим обстоятельства, в которых плохо понимаемые и в основном нерегулируемые процессы (и перехлесты) финансовой глобализации поставили под сомнение саму идею экономической интеграции. Наконец, в оставшихся главах мы обратим взгляд на некоторые беды, которые угрожают нам всем — от терроризма до изменения климата.

Глава 3

Бигмаки и крах

Нет большей банальности, чем определение.

Джон Морли, 1905 г.

ВТО убивает; убей ВТО.

Скандирование манифестантов в Сизтле, 1999 г.

Плоский мир.

Название книги Томаса Фридмана, 2005 г.

Почему никто этого не предвидел?

*Королева Елизавета II
(вопрос об экономическом кризисе, потрясшем
большинство ее подданных, ноябрь 2008 г.)*

Я только что вышел из местного супермаркета — здесь, в департаменте Тарн, во Франции. У входа на автопарковку в городке Гайаке располагается «Макдоналдс». Сегодня он, похоже, заполнен людьми. Он выглядел заполненным и в прошлый раз, когда я проезжал мимо, а у окна торговли на вынос, как и всегда, выстроилась очередь из автомобилей. «Макдоналдс». Заполнен людьми. Во Франции.

Послушайте политиков и противников глобализации во Франции, и предпочтение, которое многие французские семьи отдают фастфуду, покажется коллективным актом кулинарного предательства. По крайней мере в стране, где в ресторанах подают улитки, фастфуд, или быстрое питание, выглядит культурным уродством. Более того, в глазах критиков «Макдоналдс» воплощает все худшее в глобализации; все худшее — и точка. «Макдоналдс» олицетворяет собой большой, жестокий, плюющийся на этику бизнес, американский империализм, уничтожение окружающей среды, потерю рабочих мест и утрату национальной самобытности, уничтожение великого французского терруара, дальнейшее обеднение обездоленных и так далее и тому подобное. Мир — это скверное место, которым руководят неолиберальные идеологи. (Точное значение частицы «нео» в этом слове ускользает от меня, разве что следует принять, что она

стала популярным синонимом слова «омерзительный»). Государство, похожее, погубило от рук хищных банкиров и алчных транснациональных корпораций.

Как же могло случиться, что со всем этим шумом и яростью золотые арки «Макдоналдс» легли в основание теории глобальной деревни, жители которой мирно питаются бигмаками? Когда-то говорили, что ни одна страна, в которой возвышаются золотые арки, никогда не пойдет войной на другую страну со схожими строениями. Теория эта стала осыпаться, когда сербы развязали войну и этнические чистки в 1990-х годах и позже, когда самолеты НАТО бомбили Сербию. Несмотря на то что эта сеть ресторанов быстрого питания олицетворяет собой так много, хорошего и плохого, должен признаться, что я ни разу (даже из стремления получить чуть больше знаний об окружающем мире) не попробовал гамбургер «бигмак» — этот удивительный сэндвич из Юнионтауна, штат Пенсильвания, прочно обосновавшийся по обе стороны делящей мир надвое манихейской границы. Позор мне!

Шельмование или возвеличивание «Макдоналдс» показательно не только с точки зрения гневной болтовни (учитывая ее происхождение, можно назвать эти разговоры тартюфством) — политической болтовни во Франции и в других странах, но и с точки зрения воздействия самого предмета глобализации на наши мысли о мире, о его несчастьях и радостях, о смелых предприятиях и о темных заговорах, о надеждах и страхах. Начнем с Франции, страны, которую я люблю, как и многие мои соотечественники, хотя Франция часто изумляет и раздражает меня.

Как говорил экономист Майкл Весет¹, французы, конечно, очень успешные «тайные глобалисты». Французский бизнес — компании по предоставлению общественных услуг, аэрокосмические корпорации, производители предметов роскоши, розничные сети — очень успешны на мировом уровне. Луи Виттон — Моэт — Хеннесси владеет виноградниками Клауди-Бэй в Новой Зеландии. Ну а как быть с уважением к терруару? По размеру массовых предприятий розничной торговли «Карфур» (Перекресток. — *Ред.*) уступает только «Волмарту». Франция — это третий крупнейший получатель прямых иностранных инвестиций в Европе, а «Макдоналдс» (скажем о нем еще пару слов, прежде чем навсегда оставить гамбургеры) — это один из крупнейших иностранных работодателей во Франции, считающий свой французский бизнес одним из самых прибыльных в сравнении со всеми 120 странами,

в которых «Макдоналдс» присутствует, причем здесь он обладает большей популярностью, чем в любой европейской стране. Но при этом во Франции очень сильна и кольбертистская традиция, называемая так в честь Ж.-Б. Кольбера, главного министра Людовика XIV, который на протяжении двадцати лет в середине XVII столетия выстроил во Франции своекорыстную экономику на основе промышленных субсидий и высоких тарифов, с единственной целью, конечно, оплачивать военные расходы своего царственного патрона и его версальский двор. Кольбертистская традиция часто лежит в основе французских нападков на свободную торговлю и на идею открытой глобальной экономики. Вспомним президента Саркози, который поначалу принадлежал к либеральному крылу этой философии, но вскоре начал колебаться, напоминая о поведении своих предшественников и соперников, консерваторов и социалистов, насквозь приверженных протекционизму. Президент Ширак приравнивал либерализм к коммунизму. Неужели старый циник и популист верил в то, что говорит? Эдуард Балладюр, некогда соперник Ширака на президентских выборах, задавался вопросом: «Что такое рынок? Это — закон джунглей, закон природы. А что такое цивилизация? Это борьба против природы». Кто или что в глазах подобного француза олицетворяет закон джунглей? Соединенные Штаты, или «гипердержава», как некогда называли ее сами французы? А кто воплощает цивилизацию? Франция. Бывший министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин, интеллектуал и реалист во внешней политике, утверждал, «что основная характеристика Соединенных Штатов, объясняющая внешнюю политику США, состоит в том, что США с самого рождения воспринимали себя как избранный народ, на котором лежит задача просвещения остального мира». Измените наименование страны, удалите Соединенные Штаты и вставьте Францию, и фраза ничуть не потеряет смысла. Следует только вспомнить риторический подвиг одного из французских министров иностранных дел — Доминика де Вильпена, который сделал следующее утверждение в ООН в феврале 2003 года, перед началом иракской войны (впрочем, по сути этой войны Франция оказалась права). «Франция, — заключил он, — всегда стояла прямо перед лицом истории человечества». По-французски звучит лучше.

Как колониальная держава, Франция пропитала свои заморские территории французским духом и культурой — едой, языком,

системой образования, образцами градостроительства. Например, в Ханое даже сегодня отдельные кварталы выглядят вполне французскими — площади, бульвары. Круассан распространился в мире так же широко, как гамбургер. Так что политический класс питает отвращение не столько к коммерческому или культурному империализму как таковому; проблема только в том, что на фабричном клейме не было слов «Сделано во Франции». Хаотичный открытый мир за пределами Франции представляет собой угрозу для французской культуры; здесь издеваются над присущим французам почтением к государству и его учреждениям; такой мир несет опасность французской идентичности. У Франции много причин для гордости, но какую часть самой себя она утрачивает, по мере того, как мир становится менее французским? Канадский журналист Адам Гопник в очаровательной книге «От Парижа до Луны» описывает свою озадаченность поддержкой, которую французская общественность оказывала в 1995 году бастующим студентам и железнодорожникам, протестовавшим против реформ системы социального обеспечения, предложенных премьер-министром Аленом Жюппе². Гопник считает отношение французов к экономической политике и конкуренции недоступным для понимания. Тем не менее автор ухитрился, притом что видел, какой ущерб нанесли стране забастовки, купить лучшую индейку, которую он когда-либо приносил на семейный ужин в День Благодарения. Быть может, между вещами существуют внутренние связи, понять которые дано только французам. Во время беседы с поваром, который продал ему запеченную индейку, автору показалось, что повар верит, будто забастовка железнодорожников мистическим образом отводит людей от супермаркетов и от покупки замороженной птицы. Желание это, пожалуй, настолько же тщетно, насколько надежда на то, что обрядовый танец индейцев оживит убитого бизона, и все же люди умудряются в такое верить.

Есть мнение, что сами французы в наибольшей степени вредят вещам, которые можно назвать истинно французскими, тогда как глобализированная экономика господствует только над полками в супермаркетах. Взгляните на крупногабаритную бытовую технику в любом крупном торговом центре, на электронику, на доступную по цене одежду — все сделано уж точно не во Франции, а главным образом в Азии. А теперь побеседуйте с хозяином небольшого дела — с булочником, с мясником, с изготовителем

сыров, с владельцем ресторана, спросите его, насколько ему легко приходится, и вы обнаружите, как французская политика в сфере социального обеспечения и налогообложения уничтожает эти великолепные образцы французской идентичности. Может быть, президент Саркози (если бы он не стал комиком, чередуя любовные страсти с драматическими политическими жестами) или какой-нибудь другой французский президент сумел бы выправить ситуацию, согласно своим отважным избирательным лозунгам, сумел бы скорректировать политику планирования, вытесняющую торговые предприятия из городов и деревень в гипермаркеты, выросшие посреди пастбищ, сбалансировать социальные налоги на работодателей, которые делают столь сложную задачу найма работников, законодательные нормы, которые защищают монополии и картели (от банков до водителей такси) и тормозят конкуренцию. Поистине, похожим на героя Астерикса из одноименных французских комиксов и мультфильмов выступает французский антиглобалист Хосе Бове, хотя на некоторое время в умах французов его вытеснил Жером Кервьель, которому удалось нанести ущерб своему родному банку «Сосьете Женераль» на кругленькую сумму в пять миллиардов евро. Бове, овцевод и сыродел, впервые вышел протестовать против всего света, когда Вашингтон в отместку за европейский запрет на ввоз американской говядины ввел тарифы на европейскую продукцию, включая сыр «Рокфор», производимый Бове. Ныне Бове, ветеран борьбы с «Макдоналдс» и злаками, содержащими ГМО, выглядит таким героическим противником свободной торговли, индустриализованного сельского хозяйства (в этом я с ним совершенно солидарен) и так называемой пищи Франкенштейна, то есть привнесения в сельское хозяйство биотехнологических технологий и новшеств, которые могли бы помочь обездоленным людям мира получать более питательную, устойчивую к заболеваниям и климатическим колебаниям пищу. Однако угроза сыру «Рокфор», который в отличие от бигмаков я очень люблю, проистекает не из американского империализма, большого бизнеса или предприятий быстрого питания. Опасность исходит из политики французских правительств, а также из политических предрассудков многих соотечественников Бове. Когда социологические опросы во Франции показывают, что примерно в два раза больше французов в возрасте от 20 до 25 лет опасаются глобализации, чем видят в ней надежду, когда довольно передовые, как обычно считается,

французские студенты протестуют против умеренных реформ, направленных на снижение безработицы среди молодых (какова бы ни была цена этих протестов для безработных людей в пригородах), а также выходят на демонстрации против реформ пенсионного обеспечения, то даже такой франкофил-иноземец, как я, осознает, что любому французскому правительству придется предпринять огромные усилия, чтобы сделать свою замечательную страну более конкурентоспособной частью открытой мировой экономики. Чтобы достичь успеха, французскому президенту необходимо побудить французов быть честнее с собой. Пользуясь фразой персонажа Танкреди из великого романа Лампедузы «Леопард», обращенной к дяде — сицилийскому князю Салине: «Если мы хотим, чтобы все оставалось как есть, нужно, чтобы все изменилось»³. В годы итальянского Рисорджименто многое должно было поменяться как в социальной иерархии, так и в экономике — даже на Сицилии, хотя следует признать, что на этом прекрасном и безжалостном острове изменилось не очень много.

Политические и экономические возмущения в Италии XIX века — полезное напоминание о том, что глобализация далеко не нова. Точно так же не новы понятия бизнес-циклов, экономического спада и рецессии, которые иногда ставят в тупик обозревателей и комментаторов, не способных определить, можно ли сегодняшнюю рецессию считать худшей с 1974 года, или с 1929 года, или (для тех, кто лишен воображения) худшей в истории. Что, по существу, означает глобализация? В основном литература, посвященная этому предмету, основывается или посвящена тому, что такое и как следует изучать глобализацию. Плоскости, банальности, тавтологии и клише истекают из каждого слова. Мы живем на одной планете. У нас одна земля и общая история. Ничего не подделаешь. Человек — не остров. Всемирная экономика глобализована или, если угодно, всемирная экономика всемирна. Нам известно о существовании сетей взаимозависимости, соединяющих людей независимо от места их проживания, в той или иной степени посредством движения людей, а также торговли, передвижения денег и информации. С течением времени эти сети расширяются и становятся более сплетенными, а технология позволяет новостям распространяться с невиданной быстротой. В 1453 году весть о падении Константинополя достигла папы римского за сорок дней. Индию и Китай некогда соединяли с Европой верблюды, парусники и муссоны. В последние годы Второй мировой

войны вице-президент США Генри Уоллес высказал мысль, что могущество в воздухе преобразит мир и упразднит межгосударственные границы. А что бы он сказал сегодня об оптоволоконных кабелях, о Google и Yahoo, об интернет-браузерах и об аутсорсинге? Все это глобализм. Пользуясь метафорами, которые вторгаются в эти дебаты, соединенный или подсоединенный к Сети мир становится меньше и доступней. Глобализация, по сути, означает увеличение общемирового присутствия. Это определение того, каков есть наш мир, то есть набор разрозненных явлений, которые внезапно порождают связи, подобно эффекту взмаха крыл бабочки в теории хаоса. В Америке или в Великобритании разоряется банк, и мир поражает ударом. Бедные домовладельцы в штате Флорида не способны платить за ипотеку, а люди на улицах английских городов выстраиваются в очередь за своими сбережениями в банках. Вот кто-то чихнул в самолете, и в мире разбушевалась смертоносная простуда.

Корни глобализма стары как мир. Первая, пусть и неосознанная глобализация началась во время расселения человека из Африки 60 тысяч лет назад. Охотники и собиратели плодов (*Homo sapiens*) переходили с континента на континент на протяжении последующих 50 тысяч лет, в частности преодолели Берингов перешеек, ступив на американский континент. Как напомнил нам Наян Чанда, исследования ДНК за последние двадцать лет подтвердили наше общее африканское происхождение⁴. Утверждения некоторых китайских ученых о том, что якобы их отдельная ветвь *Homo sapiens* развилась на основе межконтинентального генного обмена после выхода из Африки *Homo erectus* с миллион лет назад, могут, пожалуй, быть сброшены со счетов — эти аргументы лишь свидетельствуют о нежелании признать, что древняя цивилизация Поднебесной империи происходит, в конце концов, из Восточной Африки.

Человек достиг Тихоокеанских островов и Новой Зеландии лишь в недавние тысячу лет всемирной истории, однако неспешное расселение людей по планете многократно ускорилось после завоевания европейцами Америки и Океании и последующей колонизации Африки и части Азии. Последовала ужасающая история работорговли, приведшая к насильственному переселению 9–12 миллионов африканцев в период до конца XIX века. Еще более существенной волной переселения стала массовая миграция европейцев в период с 1815 по 1915 год: за это время шесть-

десять миллионов европейцев эмигрировали из Европы в Америку, Океанию, в Южную и Восточную Африку; тогда же наблюдалось значительное переселение из Азии в США, Канаду и европейские колонии, а также из Центральной России в Среднюю Азию и Сибирь. Во время Первой мировой войны международная миграция резко сократилась. Во время и после Второй мировой наблюдалось вынужденное и добровольное переселение больших масс в Центральной Европе, на полуострове Индостан и в Корею. Бежавшие от Холокоста и европейского шовинизма евреи обосновались в Палестине и создали государство Израиль. В 1948 году прибытие корабля «Эмпайр Виндраш» с Ямайки в Британию ознаменовало начало массовой миграции из бывших колоний в Европу: переселенцы помогали строить динамичную послевоенную экономику. Современная легальная и нелегальная иммиграция в США из латиноамериканских и азиатских стран увеличивает население Североамериканских штатов на один процент ежегодно, тогда как население европейского континента уменьшается (ожидается, что к середине века общее население Европы снизится с 730 до 660 миллионов). В рамках государственной демографической политики Канада намеревается ежегодно допускать в страну иммигрантов, насчитывающих до одного процента ее населения. Гастрономические привычки британцев претерпели существенные изменения под воздействием гонконгских китайцев, а также индусов, пакистанцев и бангладешцев, превративших курицу в соусе тикка масала в «британское блюдо». За пределами Шотландии проживает больше шотландцев, чем в границах страны. Десять процентов граждан Швеции родились за ее пределами. Крупнейший греческий город за пределами Греции — это Мельбурн. Номо sapiens оказался великим путешественником.

Все переселенцы были переносчиками биологических материалов, в том числе болезнетворных организмов, и это не могло не привести к угрожающе быстрому распространению эпидемических заболеваний. В середине четырнадцатого века народы Европы выкосила Черная смерть — эпидемия чумы, зародившейся, как нам представляется, в Китае и пришедшей в Европу путями морской и сухопутной торговли. В середине XVI столетия оспа, завезенная в Новый Свет сопровождавшим Эрнандо Кортеса африканским рабом, помогла испанцам разгромить ацтеков и создать испанскую империю в Америке. В начале XX века, за несколько месяцев, следовавших за окончанием Первой

мировой войны, испанский грипп — «испанка» — унес жизни десятков миллионов жителей планеты, от эскимосов до полинезийцев.

Однако пионеры, колонисты и солдаты принесли в мир далеко не только болезни. Они торговали новыми технологиями, например секретами производства огнестрельного оружия и стали; они обнаруживали и распространяли новые виды растений (скажем, помидоры, кукурузу и картофель) и животных (например, лошадей и бизонов). Одни военачальники и племена, подобно Чингисхану и монголам-кочевникам, только захватывали земли и грабили, не оставляя за собой ничего, кроме ужаса. Иные, от Александра Великого и римлян до европейских империалистов, несли с собой также новые идеи, понятие государства и государственного управления, языки и религию. Исламские полководцы пытались донести свою веру и культуру до сердца Европы — до стен Тура в VIII веке и до ворот Вены в XVII; купцы-мусульмане распространили ислам до Малабарского и Коромандельского побережья Индии и дальше, до Малайзии и Индонезии. Миссионеры-буддисты пронесли свои священные тексты и учение по Великому шелковому пути. Иезуиты Франциск Ксаверий и Маттео Риччи достигли юга Индии, Китая и Японии; францисканцы распространили знание Библии в Японии. Дэвид Ливингстон исследовал Африку и принес на Черный континент Евангелие.

Хищнический колониализм, следовавший за Ливингстоном, привел со временем к вырождению окружающей среды — купцы и предприниматели эксплуатировали природные ресурсы для удовлетворения потребительского спроса в Европе и в США. Леса вырубали в Африке, Азии и Америке; исчезали биологические виды; подвергалась эрозии почва. Местные последствия растущего аппетита к ресурсам стали тем более очевидными с ростом уровня загрязнения, а также с ростом населения и индустриализации доселе аграрных экономик в последние полвека. Человек вознамерился утвердить господство на земле, под землей и в воздухе. Сегодня в Калифорнии даже речными потоками управляют компьютеры. О печальных итогах бездумного империалистического аспекта глобализации говорится ниже.

В центре сегодняшних дебатов о глобализации находится связь между демографическим ростом и развитием поддерживающей такой рост экономики; торговлю следует признать как действующей силой, так и катализатором подобных отношений. Историк

экономики Ангус Медисон утверждал, что за первое тысячелетие от Рождества Христова численность населения мира и средний уровень жизни почти не претерпели изменений. За второе тысячелетие население земли увеличилось в двадцать два раза, тогда как мировой внутренний продукт возрастал еще в тринадцать раз быстрее⁵. Экономический рост был неравномерным; некоторым странам сопутствовал гораздо больший успех, нежели другим. Однако независимо от точек концентрации роста, подъему сопутствовало перемещение людей, увеличение потока товаров и услуг. Между 1500-м и 1800-м годами мировая торговля росла примерно на один процент в год; начиная с 1820 года она возрастала примерно на 3,5 процента в год (в реальном выражении). За XIX век европейская торговля выросла в объеме в сорок раз. Мы прошли долгий путь от весельных галер, сходявших с венецианских верфей в XII столетии и призванных соединять города-государства со средиземноморскими рынками; остались в глубоком прошлом великие походы китайской армады под водительством Чжена Хэ в Индийском океане и вдоль восточного побережья Африки; прошло время господства «Короля-хлопка» в XIX веке, когда американские фермеры поставляли белоснежную культуру на британские заводы.

Интеллектуальные аргументы в пользу развития свободной торговли между народами и доводы против меркантилизма были, пожалуй, наиболее явственно сформулированы Адамом Смитом в трактате «Исследование о природе и причинах богатства народов» в конце XVIII столетия. Основываясь на своей теории разделения труда и опираясь на практический пример производства булавок, он выступил за максимальное увеличение производительности труда посредством создания широчайших рынков, не ограниченных национальными границами и агрессивными тарифами. Адам Смит считал, что благо, создаваемое внутри страны, укрепляет страну в целом. «Невидимая рука рынка», согласно этой теории, должна действовать на всех континентах, пересекая океаны. Эта точка зрения была оспорена в XIX столетии, и не в последнюю очередь американскими сторонниками протекционизма. В 1824 году британский политик, ученый Томас Маколей отмечал сложности в аргументировании свободы торговли: «Свободная торговля — одно из величайших благословений, каковое правительство может даровать людям, непопулярно почти во всех странах». Однако с течением лет все в том же XIX веке сторонники свобод-

ной торговли возобладали в Великобритании, причем старейшая политическая партия в стране — Консервативная партия — на десятилетия оказалась отстранена от политической власти. Отмена британских зерновых законов в 1946 году, позволившая ввозить в страну дешевое продовольствие, а также актов о навигации в 1849-м, которые до тех пор ограничивали международные морские перевозки, привела к эпохе свободной торговли на пике британского торгового могущества. Британские либералы — сторонники свободной торговли, утвердились на международной арене. В 1860 году Великобритания подписала соглашение о свободной торговле с Францией и другими европейскими державами, хотя позже в том же веке протекционизм вновь усилился в связи с введением европейских тарифных барьеров, направленных против экспорта американского зерна. Тем не менее была вымощена дорога к поразительному торговому буму предвоенных лет, которому сопутствовало удешевление и убыстрение коммуникаций посредством пароходов, телеграфа и железной дороги. Подобно истории последнего торгового бума, в конце XIX — начале XX века ключевым фактором всплеска коммерции стало снижение барьеров, создаваемых географическим расстоянием. В первые годы XX столетия торговля занимала примерно такую же долю ВВП в европейских экономиках, как и в конце XX столетия. В Японии торговля занимала меньший объем, а в США — гораздо больший объем от общего ВВП, что отражало растущую силу и открытость экономики США.

Нобелевский лауреат Норман Энджелл писал в первом издании своего широко известного труда «Великое заблуждение» в 1909 году, что война в начавшемся столетии «экономически невозможна». Если Германия нападет на Англию, «немецкий капитал, ввиду интернационализации и тонкой взаимозависимости нашей кредитно-финансовой и промышленной систем, также исчезнет, что приведет к слому немецкой кредитной системы, а единственная возможность восстановить ее для Германии будет состоять в завершении хаоса посредством противодействия условиям, его вызвавшим». Аргументы эти и сегодня звучат знакомо: процветание народов положит конец патриотизму; война между великими державами — устаревшее понятие; взаимозависимость зашла слишком далеко, чтобы ее можно было обратить вспять. Как отмечает Мартин Вульф, воздавая дань уважения Энджеллу, следует признать абсолютную правоту слов Энджелла о том, что

война будет означать катастрофу для всех воюющих сторон. Но человеческая глупость не знает границ⁶.

В некотором смысле глобализация, преобразующая наш мир в XXI веке, — это не что иное, как движение в пространстве людей, перемещающихся географически, пользующихся преимуществами новой эры, политически и экономически, развитием идей и технологий, пользующихся относительной свободой передвижения, доступностью коммуникаций и относительной открытостью образовательной системы, способствующей самосовершенствованию и возвышению. Глобализация тождественна прогрессу, и в этом она универсальна. Следовательно, стремление реализовать права и свободы личности, вера в социальный и научный прогресс, стремление к преодолению границ, открытие новых ресурсов, захватывающий дух путешествий — все это стало сегодня скорее систематичным фоном жизни, нежели случайным стечением вещей. Мы обсуждаем аспекты изобретения китайцами пороха, европейцами часов и арабами алгебры. Но ведь не порох, не часы, не алгебра и даже не открытие Америки созидали современный мир; мир построен на изобретении новых путей восприятия и использования этих открытий, методичного использования накопленных богатств для личного обогащения и общественного блага, путей эффективного производства и торговли материальными благами. Рискну сказать, что общество, которое в наибольшей степени восприняло идеи Просвещения и по этой причине служит наиболее показательным примером всемирного общества — это Соединенные Штаты. США стали всемирным обществом не посредством экспансии или имперского доминирования. Скорее американское общество создало верные условия, чтобы стать глобусом в микрокосмосе, привлекая бедных, угнетенных, молодых, честолюбивых и талантливых людей со всего мира. Латиноамериканцы, переезжающие в Америку сегодня, несмотря на все препоны, образуют лишь последнюю волну этой иммиграции. Эти люди хотят присоединиться к сорока одному миллиону латиноамериканцев, уже живущих в Соединенных Штатах.

Несовершенство периода глобализации вековой давности привело к рождению противоположных сил, в конце концов разрушивших все положительное в этом процессе и оставивших нас сражаться с двумя обанкротившимися альтернативами либерализму XX века — а именно с фашизмом и коммунизмом. Этот опыт, пожалуй, должен напоминать нам о том, что защита либеральных

ценностей — открытого рынка, регулируемого надлежащим образом во избежание злоупотреблений и избыточности, — требует бдительности, а без этого процесс глобализации может оказаться на удивление хрупким. Для разумных сторонников либерального интернационализма вопрос не в том, как защитить пресловутую глобализацию, а в том, чтобы выстроить строгую аргументацию, избегая гипербола, выигрывая одну позицию за другой и стремясь к усовершенствованию всего механизма ради процветания и сохранения мира. Потребность в таком подходе сильно возросла после финансового кризиса 2007–2009 годов, вызванного, по сути, безудержной алчностью и ужасающей глупостью. В регулировании деятельности банков и банковской системы нет ничего нелиберального. Прозрачность настолько же жизненно необходима свободному рынку, насколько принцип ненарушаемости договора.

Движение против глобализации тесно связано с современными течениями «антипросвещения» (а также с современным антиамериканизмом). Любопытно, как на политическом поле смыкаются крайне левые и крайне правые силы. Романтики от правых утверждают, исходя из коммунитарной традиции, что глобализация уничтожает общины и терруар, размывает традиции, уничтожает обычаи и приносит в нашу страну (где бы она ни была) множество странных людей, которые едят не ту еду, поклоняются не тем богам и говорят не на том языке. Да, и к тому же их не записать в группу болельщиков за национальную сборную. Романтики от левых утверждают, исходя из космополитической традиции, что глобализация делает сильных сильнее, а слабых — слабее, размывая индивидуальные свободы, подтачивая основу «социального государства» в развитых странах и повсеместно обрекая личность (как и предсказывал Маркс) на безжалостную эксплуатацию капиталом. Обе стороны в этом споре следуют определенной философской системе, не лишенной внутреннего напряжения и противоречий. Однако обе тенденции, в частности, сходятся в противостоянии либеральным принципам, правительствам, желающим расширять торговлю между странами и готовым ограничивать участие государства в делах рынка. В недавнее время нападки со стороны левых и правых на глобализацию ожесточились в силу финансового краха и рецессии. Критика глобализации редко принимает вид осмысленной альтернативы; чаще всего она ограничивается яростным ревом. Наян Чанда приводит

пример молодого демонстранта во время сорвавшейся встречи ВТО в Сиэтле в 1999 году, который метнул металлическую урну для мусора в стеклянную дверь кафе «Старбакс». «Прекратите, — закричала на него пожилая прохожая, — вы позорите нашу страну и наш город». «Это самооборона», — запротестовал юнец. «От кого вы обороняетесь? — воскликнула женщина. — От витрины?»⁷ Сближение левых и правых радикалов помогает лучше понять, почему старомодные коммунисты иногда терпимы к фашиствующим исламистам и почему на марше противников глобализации можно увидеть рядом скинхеда и социалиста. В русле такой логики можно понять и прерванную коалицию выступающих против либерализации торговли демократов и недовольных массовой иммиграцией республиканцев в конгрессе США, мечтающих, наверное, вернуться в славные гуверовские годы. Напротив, сторонники глобализации, даже если они подвергают критике отдельные ее элементы, выступают за либерализм — за свободу выбора и выражения, за либеральную доктрину, в соответствии с которой в условиях свободного рынка люди, как правило, совершают разумный выбор, несущий пользу им самим и их обществу.

Итак, глобализация в конечном итоге соотносится со свободой выбора на глобальном уровне: экономического выбора, выбора образа жизни и даже выбора идентичности (последнее особенно значимо в контексте терроризма). Граница между сторонниками и противниками глобализации в меньшей степени связана с правыми и левыми взглядами, и в большей — с восприятием свободы выбора для максимально большого числа людей на планете. Возьмем пример нобелевского лауреата Джонни Уильямс, которая с немалым успехом выступала за мир, свободный от противоположных мнений, действуя из собственной кухни и имея в своем распоряжении только телефон, факс-аппарат и компьютер. Пожалуй, радикалов-антиглобалистов, будь то Жан-Мари Ле Пен, Хосе Бове или Пет Бьюкенен, наилучшим образом характеризует удивительное неверие в таких людей, как мисс Уильямс. Согласно таким деятелям антиглобализации, передвижение людей между странами якобы уничтожит национальную сплоченность и целостность. Народы будут перемолоты, лишены национальной идентичности из-за обезличенной всемирной капиталистической машины. Выбор потребителей будет искажен и подчинен состязанию брендов. Сравнительное преимущество «дешевой рабочей силы» при-

ведет к экспорту рабочих мест из богатых стран в бедные, к обеднению белых и голубых воротничков. Глобализация воспринимается как инфекция, как безжалостная машина или как зловещий заговор. Ирония в том, что антиглобалисты, будь они из лагеря экологического друидизма, исламского радикализма, изоляционизма скинхедов или закоренелого марксизма, с превеликим удовольствием пользуются плодами цивилизации — доступными авиабилетами, интернет-связью, платформами блогеров, системой денежных переводов — пусть даже осыпают их проклятьями. Однажды в Лондоне на демонстрации я видел человека, вероятно лишенного чувства юмора, который нес плакат: «Всемирное движение против глобализации». Как знать, может быть, ирония глобализации и в том, что основы подлинно всемирного гражданского общества заложат активисты, организации и благотворительные фонды движения антиглобалистов. Они уж точно способны использовать технологии и методы глобализации для влияния на выбор, совершаемый людьми. Несмотря на все разговоры об их неспособности, противники глобализации имеют возможность остановить этот процесс, если достигнут критической массы, если они смогут взять в руки рычаги власти. Следует помнить о том, что люди, которые в 30-е и 40-е годы XX века едва ли не похоронили европейскую демократию и ценности разума и либерализма, начинали свою жизнь в бандах экстремистов. Ленин, Сталин и Гитлер выросли на развалинах либерализма.

Вот еще два «-изма», которые нам необходимо пристально наблюдать, если наша цель состоит в справедливой глобализации. Первый — это технологический детерминизм. Известный американский обозреватель Томас Фридман, написавший две весьма успешные книги о глобализации, не раз подвергался критике за то, что утверждал, будто ввиду технологических новшеств единственный путь к успеху состоит для стран мира в подражании Соединенным Штатам. Одна из его недавних книг называется «Плоский мир»⁸. Автор едва не опровергает собственное утверждение в конце книги. Тезис его состоит в том, что примерно до 1800 года экономическая конкуренция сталкивала друг с другом страны, тогда как в последующие два века сталкивались — уже ввиду развития технологий — компании с компаниями, а в последнее время развитие информационных технологий позволило расширить сотрудничество и, напротив, углубить конкуренцию между отдельными личностями (особую роль здесь играют жите-

ли Индии и Юго-Восточной Азии). Сегодня этот процесс зашел так далеко, что значительное число американцев заказывают подготовку своих налоговых деклараций работникам в Индии. Так называемый аутсорсинг и инсорсинг, браузеры и интернет-чаты, Google и Yahoo, Билл Гейтс и Нандан Нилекани (сопредседатель индийской информационной технологической компании «Инфосис») — вот слова и имена, связанные с таким радикально-либеральным взглядом на прогресс. Я и сам, подобно Фридману, посетил однажды городок компании «Инфосис» близ Бангалора. Место это действительно впечатляет: совершенно новые здания, подобные сооружениям университетов Лиги плюща, и 14 000 молодых индийских программистов и разработчиков программного обеспечения (на то время). Что уж тут говорить о западноевропейцах, которых волнует конкуренция со стороны польских сантехников? Тем не менее это не убедило меня в том, что мир плоский. Не думаю, что и сам господин Нилекани придерживается таких взглядов. На пути в городок «Инфосис» мы видим множество примеров того, что мир — не плоский. В Индии блеск и сияние соседствуют с крайней нищетой. Да и сама дорога в «Инфосис» совсем не плоская, будто свидетельствуя об ухабах на пути индийского прогресса. Фридман совершенно прав, утверждая, что сегодня технологии могут связывать людей друг с другом, беспрецедентным образом способствуя эмансипации; мы знаем и о том, что технологии могут привести к огромным потерям, в том числе к финансовым. Однако нам не следует преувеличивать — и этого, будем справедливы, не делает Фридман — значение Интернета, авиационного сообщения и контейнеровозов по сравнению с технологическими новшествами прошлого века; не надо забывать о том, что большинство людей в мире по-прежнему не вошли в киберпространство. У них нет ни телефонов, ни модемов, ни компьютеров, хотя эти технологии и развиваются быстро.

Предположение о том, что из-за современных технологий никто не несет ответственности за глобализацию и что в условиях могущественных рынков политики бессильны, игнорирует все парадоксы технологии, с которыми как раз и сталкиваются политики (об этом убедительно пишет ведущий экономический обозреватель «Файнэншл Таймс» Мартин Вулф)⁹. Глобализация, возможно, и делает плоскими отдельные части мира, но она умножает и ухабы с рытвинами. Разрыв между людьми, имеющими

доступ к новым технологиям, и людьми, лишенными их, заметно увеличился. Глобализация повышает объемы торговли и товарооборота, но и поощряет протекционизм. Глобализация ускоряет и облегчает поток капиталов и инвестиций и все же иссушает их, если одна из частей системы идет вразнос. Процесс глобализации ведет к распространению правдивой информации, но также к дезинформации и лжи. Бизнес становится более конкурентоспособным и в то же время испытывает давление конкуренции. Благодаря передаче информации люди лучше осведомлены об индивидуальных свободах и гражданских правах, и в то же время мы видим рост ксенофобии, ненависти и распространенности порнографии. Глобализация сокращает разрыв между странами и континентами и увеличивает разрыв между поколениями, между стариками и молодыми. Да, глобализация соотносится с выбором, но иногда кажется, что выбора у нас больше, чем мы можем себе позволить. Иными словами, технология — это не участь. Мы можем и должны контролировать развитие и применение технологий, не в последнюю очередь ради окружающей среды. Технология и глобализация не покончили с политикой или, как будет показано, с национальным государством. Французы могут спать спокойно.

Второй «-изм», от которого следует отказаться, — это антиамериканизм. Как справедливо отмечают авторы — неolibеральные политологи Роберт Кеохэйн и Джозеф Най: «Глобализм присущ не только американцам, пусть даже его современная стадия находится под сильным влиянием событий в Соединенных Штатах»¹⁰. Вся история глобализма, кратко нами описанная, свидетельствует о многообразии причин, следствий и факторов влияния на этот процесс. Повсеместно презираемые символы американской культурной экспансии — заслуживающей тем больше ненависти, чем больше их потребляют — это, в известном смысле, дань германскому прошлому Америки. Мы поглощаем гамбургеры и франкфуртские сосиски, заливая их своеобразной смесью из настойки коки с добавлением содержащего кофеин растения кола, медицинские достоинства которой впервые описаны немцем.

Утверждение о том, что глобальная цивилизация тождественна американской цивилизации — это бездумное преувеличение. Дэвид Бекхэм, быть может, и всемирная звезда спорта, которого знают от Бирмингема до Пекина и Борнео, но вот в Балтиморе о нем недоумевающее спрашивают: «Какой еще Дэвид?»

Итальянский кулинарный журнал «Гамбео Россо» утверждает, что хотя за пределами Соединенных Штатов в мире действует 17 000 ресторанов «Макдоналдс», за пределами Италии существует около 54 000 достойных итальянских ресторанов¹¹. Скорее можно говорить о том, что США предлагают своеобразную и, по крайней мере на сегодняшний день, успешную и конкурентоспособную систему ведения дел: так, например, американский предприниматель совмещает несколько типов кухни для создания мобильной сети быстрого питания на основе «фьюжен», дает всему предприятию французское название, получает финансирование от транснациональной корпорации, которая в то же время помимо выдачи кредитов на малый бизнес занимается стратегическими исследованиями и рекламой, а также ведет бизнес по уборке помещений и предоставляет информационные услуги фирме в Мумбае. В этом — деловой гений Америки. Экспорт модели «Макдоналдс» — это гораздо больший компонент глобализации, нежели экспорт самого ресторана «Макдоналдс», тогда как потребление как модели, так и продуктов «Макдоналдс» — это, конечно, вопрос выбора на свободном рынке. В указанном аспекте американской культуры нет ничего навязываемого или имперского, во всяком случае, не больше, чем в распространении итальянских ресторанов. Ни бургер, ни паста не олицетворяют собой колониальное господство.

Иными словами, хотя США и представляют собой производное длительного процесса глобализации, недавнее в историческом плане расширение глобального сообщества в меньшей степени связано с экспансией собственно американского общества, чем с вкладом Америки в систему ведения дел. США стали мощным стимулирующим фактором глобализации (например, покупая массово товары у развивающихся экономик), но не единственным локомотивом этого процесса. При этом Америка больше любой другой страны сделала для того, чтобы оформить правила и сформировать институты, которые легли в основу мировой экономики в последние полвека, имея своей целью скорее глобальный «эмпорий» (рынок. — *Ред.*), нежели глобальную империю. Выступая сторонником капитализма и, как правило, принципа свободы торговли, Соединенные Штаты пользовались своей военной мощью для поддержания системы мировой безопасности; таковая определялась главным образом как часть света, в контроле над которой США отказывают иным силам и державам. Порой

американская политика приводила к ужасным ошибкам: пренебрежению к урокам истории; суждениям об определенных вопросах безопасности исключительно с точки зрения того, входит ли страна в орбиту Америки или в орбиту противоборствующих держав; и даже игнорированию национальной гордости и интересов других стран. Иногда двусторонние отношения США с тем или иным государством, например в случае Ирана, оказывались похороненными вследствие всех трех вышеназванных ошибок.

Соединенные Штаты часто сравнивают с империей. Это не слишком удачное сравнение. Военная мощь Америки на порядок выше, чем у любой империи в истории, что делает США непобедимыми в любом всемирном высокотехнологичном конфликте. Однако Ирак показал ограниченность даже такой сверхдержавы. Более того, империя — это чаще всего утверждение факта, что лишь полная формальная оккупация и контроль над территорией могут обеспечить культурную, экономическую и политическую интеграцию данной земли в конкретную систему управления. Америка скорее импортирует, нежели экспортирует людей. В США нет школы колониальных чиновников, специально подготовленных для управления миром, наподобие имперской гражданской службы Великобритании. (Примерно 350 выпускников моего Оксфордского колледжа Бэлиол с 1853 по 1947 год служили британскому колониальному правлению в Индии; двоих из их числа загрызли тигры). В большинстве случаев все, что надлежит делать США для интеграции в мировую систему, созданную с помощью Америки, это отвергать право иных притязателей на ту или другую территорию. Именно этой цели служит сеть американских военных баз, одиннадцать боеспособных военных группировок, войска специального назначения, десантные и специализированные армейские соединения, военно-воздушный флот, военно-морской флот и технологии орбитального наблюдения. Учитывая, что силы эти размещены на основе многочисленных политических гарантий, соглашений и договоренностей, они прикрывают огромные части земной поверхности от внешней агрессии и завоевания. Таким опосредованным образом американская армия защищает Израиль, Западную Европу, Южную Корею, Кувейт и Тайвань. Этому служит и союзничество США с другими крупными державами, обладающими мощным оружием. Большинство других государств, способных на развитие подобной военной мощи, например Япония и Германия, отказались от этого пути и

находятся в союзных отношениях с США. В лучшем случае Америку можно назвать неплохим центральным банком, область деятельности которого не акции, а безопасность. США до сих пор удавалось удерживать равновесие в мире, но не посредством грубой силы, а экономическими рычагами и поддержанием особых отношений с другими подобными «банками безопасности».

Хотя американцы, как и большинство людей на свете, в большей степени моралистичны, нежели моральны, и хотя они, как опять же большинство из нас, не слишком последовательны, американцы тем не менее соизмеряют свою политику с тем, в какой мере они распространяют свободу и демократию в других национальных государствах, защищая эти государства от иных опасных влияний, таких как империализм, коммунизм или религиозный радикализм. Неудачи и катастрофы американской внешней политики воспринимаются и заносятся в анналы не как следствия неудач или невезения, сложных обстоятельств, непреодолимых препятствий (американцы не верят в непреодолимые препятствия), а скорее как несчастливые отклонения от традиционных идеалов Америки. Даже многие жестко критические работы, посвященные американской политике, например книга Габриэля Колко о роли США во Вьетнаме или критика Артура Шлезингера в адрес имперского президентства, представляют собой во многом описание неспособности самих американцев соответствовать своим идеалам.

Итак, мир, в котором Соединенные Штаты выступают единственной сверхдержавой, мир, экономическое развитие которого исторически отражает американский подход к ведению дел, не заслуживает ненависти и враждебности. Политику США можно критиковать, при этом не считая Америку «большим сатаной» или безумным машинистом огромного агрегата, с которым метафорически сравнил глобализацию известный американский экономический публицист Уильям Грейдер: «Эта машина огромна и подвижна, она чем-то напоминает комбайны современного сельского хозяйства... Только подумайте, как это чудовище мчит по земле, игнорируя все известные нам границы... Она... выбрасывает во все стороны огромные снопы богатства и достатка, оставляя за собой борозды опустошенной земли»¹². Испытывать вражду к Америке — это, зачастую, испытывать вражду к тем самым решениям, которые мы принимаем в жизни, к решениям купить на рынке тот или иной продукт или следовать отчаянно рискован-

ной финансовой политике, или к решению вести свои дела тем или иным образом, или, наконец, к решению европейских налогоплательщиков не тратить на оборону столько, сколько нам следовало бы. В частности, если европейцам хочется жить в таком мире, где уважают международное право, они должны принять, что для этого иногда требуется применение силы, и если Европа не будет делать свой военный вклад в дело обороны, то Америка продолжит делать это самостоятельно, по-своему, или же задача останется вовсе нерешенной. Европейская склонность предлагать всевозможную помощь, кроме реальной, — если только ситуация не изменится коренным образом — может и в дальнейшем создавать серьезные проблемы в трансатлантических отношениях, как это уже бывало в прошлом.

Чтобы избежать головной боли антиамериканизма (за исключением, конечно, представителей экстремистских течений — их не исправить), Америке в первую очередь следует перестать биться головой о стену. В тех случаях, когда США бездумно применяют военную силу или лицемерят в международной политике, люди за пределами Штатов закономерно забывают о мягкой силе Америки, а именно об американском укладе, о возможностях, которые таит в себе американская земля, о политических ценностях, о культуре, о свободной прессе и системе высшего образования. Но Америке следует помнить и о другом. Во-первых, необходимо понимать, что чаще всего Америка — это единственная страна, способная добиться международного консенсуса или выстроить союзы, необходимые для решения проблем, встающих перед миром в результате глобализации. Вряд ли есть хоть одна проблема в мировой политике, которую мы можем решить без энергичной поддержки Соединенных Штатов. Во-вторых, статус США как единственной сверхдержавы в мире не подвергается угрозе в результате возвышения Индии и Китая. Однако рост азиатского экономического могущества, а вместе с тем и политического влияния, обязывает США искать пути сбалансированного распределения лидерства в деле решения стоящих перед миром проблем. Фактор, который в наибольшей степени сообщал динамизм мировой экономике в последние годы, это, конечно, вступление на мировую арену Китая и Индии, держав, вышедших из тупика развития и насчитывающих более 2,5 миллиарда жителей. Два этих вопроса рассматриваются в последующих главах книги.

Третий вопрос, который представляет для США дилемму в области дипломатии и безопасности, приобрел особую значимость после американской гуманитарной интервенции в Сомали в 1993 году. Как Америка, хранитель равновесия в международной политике, должна реагировать на небольшую, но от того не менее опасную группу государств или псевдогосударственных образований, не желающих присоединиться к большой, стабильной и, в общем, безопасной части мира, которая более или менее удовлетворена существованием системы во главе с Америкой? Можно ли оставить тех, чье поведение выходит, скажем так, за рамки приличия, именно за этими рамками? Учитывая, что многие конфликты имеют характер не глобальных столкновений, а событий в своеобразных «гетто», можем ли мы попросту огородить эти гетто и объезжать их на колеснице истории?

Если у кого-то оставалась призрачная, хотя бы и циничная надежда на то, что жители гетто продолжат сжигать свои анклав, а нас оставят в покое (такова одна из теоретических гарантий в мире суверенных государств в конечном итоге), то эта надежда обрушилась 11 сентября 2001 года. Глобализация означает, что дым от горящего гетто портит воздух в близлежащих областях; она означает, что потоки людей, бегущих от насилия и разорения, хлынут в другие страны, создавая новые точки напряжения; она означает, что оружие, применяемое в местных войнах, а также наркотики, алмазы и рабы будут поставляться на мировой рынок; она означает, что униженные или жестокосердные люди продолжат ходить по земле, сея ужас и разрушения без жалости и без сожаления; она означает, что помешанные фанатики будут по-прежнему ставить ужасные спектакли, наполненные чувством отчуждения, разочарования и ярости. Бывший советский дипломат Георгий Арбатов однажды предостерег Запад — в то время, когда Советский Союз разваливался на куски: «Мы сделаем с вами что-то ужасное. Вы лишитесь врага». По сравнению с миром холодной войны, когда задача США состояла в том, чтобы не допустить врага в те или иные части света, этот новый мир гораздо более сложен и опасен. Безопасность каждого государства остается краеугольным камнем всемирной системы безопасности. Однако все здание глобализации сталкивается с угрозами, факторами упадка и даже разложения, которые могут подточить его и обрушить.

Однако основная угроза глобализации исходит от богатых и могущественных государств, теряющих самообладание и веру в

рынки и неспособных реформировать систему на благо общества. Масштаб угрозы существенно вырос в результате разрушительного влияния кризиса на всемирную экономику, массового разорения банков и финансовых институтов. Защита экономической глобализации не подразумевает идеологического отказа от критики: крах западной банковской системы в 2007–2009 годах служит дополнительным подтверждением этого. И уж конечно, нет никакой необходимости защищать до последнего всемирные институты, управляющие этим процессом в настоящее время, то есть Всемирный банк, ВТО и Международный валютный фонд (о реформе последнего речь пойдет ниже). Как ни прискорбно, но премьер-министр Малайзии Махатир, похоже, оказался более проницательным в отношении многих аспектов азиатского финансового краха 1990-х годов, чем утверждающий свою непогрешимость МВФ. Банк вел этот спор с великой надменностью, но когда господин Махатир спросил: «Почему бы не предоставить нам совершать неверные поступки, если мы этого хотим?» — он оказался прав. Защита принципа свободы торговли не обязывает его сторонников думать, что все к лучшему или что мир стал плоским. Однако вера в либеральную мировую экономику подразумевает и веру в рынки, и веру в их регулирование, и поиск путей воздействия экономического роста на решение проблемы бедности (но не социального неравенства). Либерал волен вспомнить о дискредитированном социализме и политике центрального планирования. Как однажды сказал лейбористский премьер-министр Австралии Пол Китинг: «Сегодня правительства гораздо больше заинтересованы в том, чтобы стоять у штурвала, а не грести веслами».

Рост мировой торговли в XX веке оказался значительным. В отношении к всемирному валовому продукту этот показатель вырос в два раза. Рост торговли подразумевает расширение экономической деятельности, создание рабочих мест, рост капиталовложений и процветания. К началу прошлого десятилетия от четверти до трети роста в торговле приходилось на 60 000 транснациональных корпораций и их 820 000 иностранных филиалов. Менее чем за четыре десятилетия экспорт производственной продукции из развивающихся в развитые страны вырос в двенадцать раз. Особенных коммерческих успехов достигли страны Юго-Восточной Азии.

Иностранные инвестиции достигли необычайно высокого уровня в период после Первой мировой войны, особенно благода-

ря Великобритании. В течение сорока лет инвестиции британского капитала за рубежом составляли 4,6 процента ВВП, а на пике в два раза превосходили этот показатель. Если сегодня сравнительные показатели по мировым инвестициям капитала не выглядят столь впечатляющими, они тем не менее росли экспоненциально, особенно в последние двадцать пять лет. На международных биржевых рынках ежедневный оборот превышает полтора триллиона долларов. Большая часть инвестиций из богатых стран — государств — членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), основанной в 1961 году, приходится примерно на тридцать новых, находящихся в стадии индустриализации экономик. В результате, скажем, бразильский Сан-Паоло стал одним из крупнейших «немецких промышленных городов», домом компании «Фольксваген» и большего числа немецких промышленников, чем, как считается, любой другой город за пределами Германии.

Рост торговли и инвестиций стал фактором экономического подъема, который вывел из нищеты огромное число людей, особенно в Азии. В 1990-е годы число людей в Юго-Восточной Азии, влачивших жизнь в крайней нищете (то есть менее чем на один доллар в день), снизилось с 486 до 275 миллионов. В Китае это число снизилось с 376 до 222 миллионов¹³. Уровень нищеты снижался и в Южной Азии, по мере того как индийская экономика открывалась миру. Позже мы рассмотрим пример Экваториальной Африки, где ситуация, увы, оказалась совершенно иной. В Индии приведенные показатели были бы гораздо более впечатляющими, если бы реформы проводились более обстоятельно. Сейчас в Индии уместно говорить об устойчивом консенсусе в пользу умеренных реформ; это во многом следствие искаженной политической системы, а не проблем демократического процесса. Для формирования правительств необходимо мобилизовать поддержку широчайшего спектра индийских политических партий, разобщенность которых повышает способность групп лоббистов блокировать реформы и усиливает корыстные соблазны политиков. Как это происходит везде (только посмотрите на систему функционирования государства благоденствия среднего класса в Великобритании), давление со стороны групп интересов особенно явственно в блокировании радикальных перемен в расходовании средств бюджета. Признано, что около десяти процентов ВВП Индии, то есть примерно сорок процентов всех государственных средств, идет на субсидирование

продовольствия, водоснабжения и электроэнергии, потребляемых относительно состоятельной частью общества.

Мы располагаем вескими доказательствами того, что рост торговли и экономики в последней четверти прошлого века вывел из нищеты сотни миллионов людей. Глобализация оказалась не заговором богатых против бедных. Хотя нельзя отрицать и того, что глобализация помогла не каждой стране, так как некоторые страны случайно или намеренно исключили себя из этого всемирного либерального проекта; некоторые остались на обочине ввиду несовершенства их системы; в некоторых правительства слишком некомпетентны, чтобы извлечь выгоду из глобализации. Кроме того, глобализация не привела к снижению социального неравенства в тех странах, которые извлекли из нее пользу. Поистине, разрыв в доходах в относительно открытой глобальной экономике между высококвалифицированными и менее квалифицированными работниками будет возрастать (как не раз случалось в истории) по мере того, как отрасли, производящие продукцию с большей добавленной стоимостью, повышают конкурентоспособность, отрываясь от отстающих отраслей. Более того, ослабленные профсоюзы в богатых странах не сумели отстоять существенную долю растущих прибылей, которые технология принесла в корпоративный сектор. Однако внутренняя политика может смягчить или, наоборот, обострить эти проблемы как в относительно богатых, так и в развивающихся экономиках. Хороший пример являет Китай, где в основном из-за разницы в уровне жизни между городским и сельским населением растет неравенство. Согласно международно принятому показателю дифференциации доходов населения (коэффициент Джини), неравенство в Китае сегодня даже выше, чем в Соединенных Штатах. Доходы распределены более равномерно в странах-пионерах азиатского экономического чуда — в Японии, Южной Корее и Тайване. Следует вновь подчеркнуть, что правительства государств имеют возможность осуществлять регулирование. Результат не предопределен некими неумолимыми силами глобализации. Недавно посетив Пекин, я прогулялся по трехэтажному колоссальному магазину на первых этажах гостиницы, где жил; это целый комплекс со своим ледовым катком. Несомненно, комплекс был выстроен в преддверии пекинской Олимпиады — здесь были представлены самые дорогие западные розничные сети и модные товары. Но даже я, человек, испытывающий неподдельный интерес к походам в магази-

ны, не стал здесь ничего покупать, ужаснувшись ценам. Китайцев в гипермаркете было очень немного, а среди них еще меньше покупателей. Я думаю, что большинство покупателей были китайские толстосумы. Один Бог знает, что бы подумал об этом месте крестьянин из провинции Юнань или заводской рабочий из города Бухань (хотя следует признать, что селяне и рабочие в Китае живут получше, чем их собратья в Индии). Мао точно переворачивается в гробу, наблюдая за ростом потребительства в Китае. Но Мао Цзэдун, если уж на то пошло, это лишь начало, а не конец современной китайской истории.

При Мао Цзэдуне, в условиях всеобщей ужасающей нищеты, когда китайцы голодали (во время большого голода 1959–1961 годов погибло до тридцати восьми миллионов человек), в Китае, конечно, было меньше социального неравенства. Впрочем, немногие предпочли бы такое жестокое равенство потрясающему экономическому буму последних лет и последовавшему за ним росту неравенства. Хотя китайские реформы («квaziкапитализм», разбуженный призывами Дэн Сяопина к экономическому росту) начались с сельской местности, основную выгоду из реформ извлекли именно города, особенно в прибрежных провинциях. В Китае наблюдается разлом между востоком и западом — страна столь велика, что ее превращение в производственную мастерскую планеты не могло обойтись без неравного распределения экономических плодов. В стране не существует эффективной системы налогообложения и бюджетных ассигнований, которая позволила бы перераспределять богатства в пользу относительно бедных слоев населения и регионов. Впрочем, к чести правительства Ху Цзиньтао, председателя КПК, и премьер-министра Вэнь Дзябао, правительство Китая пыталось проводить политику, которая позволила бы сгладить наиболее острые углы социальных противоречий. Одна из причин драматического увольнения могущественного партийного босса в Шанхае в 2006 году состояла в том, что он — Чен Ляньгу — выступал за дальнейшее обогащение городов, подобных Шанхаю, выступая за так называемое просачивание богатства и благ в нижние слои общества. Чен, должно быть, стал первым аппаратчиком китайской Компартии, уволенным за поддержку теории, которую отстаивают многие правые политики и экономисты на Западе.

Применительно к Китаю представляется ошибочным обвинять глобализацию в увеличении разрыва между богатыми и бедными,

вместо того чтобы воздавать этому процессу должное за существенное сокращение бедности в стране. Экономисты продолжают спорить о том, в какой мере свобода торговли, какую большинство людей считают стимулом экономического роста, нейтральна с точки зрения распределения доходов, или же она несет выгоду изначально более богатой, более образованной части общества. Как я уже говорил, неудивительно, если на первых стадиях торгового бума в относительно открытой экономике представители класса с более высоким образовательным уровнем или экономическим достатком достигнут больших успехов. Но по мере общего роста доходов должен повышаться и уровень жизни среднего класса и относительно бедных слоев, если только этому не помешают система налогообложения и политика перераспределения доходов, как это произошло в Соединенных Штатах, где увеличился разрыв не только между богатыми и бедными, но и между богатыми и семьями среднего достатка.

В Соединенных Штатах глобализацию обвиняют в растущем разрыве между богатыми и бедными главным образом потому, что, дескать, рабочие места перемещаются из Америки в бедные страны. Впрочем, большинство людей сегодня согласны с тем, что образование и профессиональные навыки могут помочь в сокращении социального разрыва. При этом недовольство социальным неравенством разрастается ввиду того, что сегодня богатые живут лучше, чем когда-либо с времен Ревущих двадцатых*. Корпоративные доходы выросли до небес, отчасти в результате развития технологий, тогда как низкодоходные профессии остались на прежнем месте. Пожалуй, именно бюджетная и налоговая политика администрации президента Джорджа Буша-младшего сделала неравенство в Америке гораздо более резким. При этом правительстве корпоративная жадность стала проявлением патриотизма. Иногда жадность вырождалась в воровство. По меньшей мере компания «Энрон» стала жертвой чрезвычайного рвения регуляторов, хотя уровень бесчестности компании таков, что результату удивляться не пристало. Жадность одних неизбежно ведет к росту зависти и возмущения множества людей. Глава компании в Японии зарабаты-

---

* «Ревущие двадцатые» (название американского фильма 1939 г.) — эпоха 1920-х годов в истории Северной Америки и западноевропейских стран после возвращения к мирной жизни характеризовалась бурным ростом во всех сферах. За ней в 1929 г. последовала Великая депрессия.

вает, как правило, в одиннадцать раз больше, чем ее средний служащий; доход типичного американца в той же должности существенно выше. Некоторые обозреватели называют цифру 170, а недавно газета «Вашингтон пост» показала эту величину как в 360 раз! Не нужно быть социалистом, чтобы испытывать негодование при таком положении дел. Неудивительно, что в Соединенных Штатах один процент семей обладает большим богатством, чем 90 процентов общества. Неудивительно и то, что данное обстоятельство вызывает гнев, обращенный, к несчастью, и, по правде говоря, несправедливо, на глобализацию. Одним из результатов глобализации стало развитие нового класса сверхбогачей в развивающихся странах с высокими темпами роста, которые в целом подвержены страшным социальным язвам. В списке миллиардеров 2007 года журнала «Форчун» из 178 новичков было 19 русских, 13 китайцев и 14 индусов. Богатейшим человеком мира, согласно этому рейтингу, оказался мексиканский миллиардер Карлос Слим.

Враждебность к принципу свободы торговли растет и в США, и в Европе во многом потому, что торговый либерализм воспринимается как угроза для местных рынков труда и для экономики в целом, особенно на фоне обостряющейся рецессии. Достаточно посмотреть новостные программы Лоу Доббса на Си-эн-эн, и вы услышите много слов о размывании американского среднего класса. Говорится, что под натиском конкуренции извне работу теряют не только голубые воротнички (рабочие текстильной и автомобильной промышленности), но и белые воротнички, которым угрожает аутсорсинг. В то же время, как считается, Соединенные Штаты наводняют иммигранты, отчасти из-за больших корпораций, желающих уменьшить затраты на труд и ослабить профсоюзы. Однако цифры за первый квартал 2004 года показывают, что лишь два процента увольнений в Соединенных Штатах стали результатом выведения бизнеса за границу. Исследование, заказанное компанией «Маккинзи», показало, что каждый доллар, истраченный на аутсорсинг в Индии, привел к росту доходности в самих США. Иные авторы говорят, что рабочие места исчезают не из-за Индии или Китая, а потому, что в прошлое отходят некоторые профессии вследствие развития новых технологий. Протекционизм — это неизменное средство защиты проигравших, пострадавших от процесса глобализации, обрекающее рынок труда на низкооплачиваемую работу за счет потребителей и налогоплательщиков¹⁴.

Впрочем, социология рисует другую картину. Данные множества опросов показывают, что глобализация воспринимается гораздо более благосклонно в бедных, нежели в богатых странах. Опрос, проведенный для газеты «Файнэншл Таймс» в июне 2007 года, цель которого состояла в анализе отношения к глобализации в США и некоторых странах Европы, показал, что ни в одной из этих стран глобализация не воспринималась как в большей степени положительное, а не отрицательное явление. В Испании, Великобритании и США менее пятой части опрошенных сочли, что глобализация принесла им пользу; в частности, участников опроса не устраивало растущее неравенство в доходах, и они в основном придерживались резко негативного мнения о руководстве крупных компаний.

После того как блага глобализации стали доступны в относительно бедных странах, представляется, что их более состоятельные кузены возражают против процесса, приведшего к неизбежному росту конкуренции. Впрочем, так было всегда. Богатые навязывали бедным свободную торговлю и открытые рынки, причем страны ОЭСР зачастую извлекали из этого выгоду. Теперь многие люди в развитых странах стремятся ограничить свободу торговли из-за несправедливости с точки зрения Запада неисчерпаемого рынка дешевого труда в развивающихся странах.

Склонность к протекционизму, растущая в США и Европе, тем более отвратительна, что преисполнена лицемерия. Мы проповедуем принцип свободной торговли бедным странам, закрывая для их товаров собственные рынки или же навязывая им запретительные тарифы. Наиболее показательны примеры в области сельского хозяйства, хотя многие политики всеми силами открещиваются от обвинений в такой политике. Однажды мне довелось стать свидетелем спора в Европейском совете, когда Тони Блэр и Жак Ширак буквально столкнулись в отношении вопроса о воздействии сельскохозяйственного протекционизма на бедные африканские страны. В ответ на достаточно умеренную критику со стороны господина Блэра в адрес несоответствия между французской обеспокоенностью нищетой в Экваториальной Африке и французской же поддержкой протекционизма в своем сельском хозяйстве президент Ширак сорвался с тормозов. Ярость президента разгорелась еще пуще от замечания, что, так сказать, викарий прелюбодействовал на заднем дворе церкви. Однако утверждения о протекционизме в сельском

хозяйстве США, Европы и Японии справедливы. В начале XXI века Европейский союз предоставлял субсидий на каждую европейскую корову в сто раз больше, чем финансовой помощи каждому жителю Экваториальной Африки (девятьсот тринадцать долларов против восьми). Японские коровы пользуются еще большим преимуществом, достигающим 2000 раз. Американцы ежедневно тратят в три раза больше на субсидирование хлопководов-фермеров в США, чем на помощь в преодолении бедности в Экваториальной Африке. В целом помощь богатым фермерам в странах ОЭСР в шесть раз превышает весь объем помощи в рамках программ международного развития. Субсидии в богатых странах, которые неизбежно адресуются наиболее состоятельным фермерам, нарушают функционирование глобальных рынков и сужают экспортные возможности бедных фермеров из бедных стран. Нетарифные барьеры также снижают экспорт из бедных стран посредством завышенных требований к санитарным нормам. Мартин Вульф отмечал, что наименее развитые страны мира сталкиваются с тарифами, которые в 4–5 раз выше, чем те, которые приходится преодолевать богатым экономикам¹⁵.

Начальная стадия переговоров под эгидой ВТО, получивших название Доха-раунда* (широко разрекламированная цель богатых стран скорректировать курс, ведущий к торговому дисбалансу с бедными странами), более или менее совпала с введением Соединенными Штатами в 2002 году тридцатипроцентного временного тарифа на импорт стали, преследовавшего цель гарантировать несколько мест в палате представителей конгресса на промежуточных выборах. Давление со стороны Америки на переговорах о либерализации финансовых услуг, в которых традиционно сильны страны ОЭСР, было сопряжено с сопротивлением открытой конкуренции в таких секторах, как строительство и морские перевозки, где преимуществами часто обладают развивающиеся страны. Жесткая защита прав на интеллектуальную собственность компаний из богатых стран, например в области фармацевтики, намного превосходит бюджеты на научные исследования. Бедные страны и в прошлом страдали от необходимости платить

---

* От места проведения Четвертой международной конференции в рамках ВТО, состоявшейся в ноябре 2001 года в г. Доха (Катар), где была принята Программа переговоров по развитию правовых норм и принципов ВТО и либерализации условий торговли товарами и услугами.

за лекарства и иные запатентованные продукты больше, чем люди в богатых странах. К счастью, наиболее вопиющая проблема — стоимость препаратов для лечения СПИДа в Африке — была решена. Бедные страны также закономерно выступают против биопиратства (то есть патентования средств народной медицины и продуктов питания международными компаниями).

Таковы, по существу, вопросы, неизменно встающие в рамках многосторонних переговоров; однако успех представляется маловероятным. Впрочем, вина лежит не только на США, Европе и Японии. Препятствием на пути прогресса выступала и жесткая политика Индии и Бразилии, которые, пожалуй, и вовсе не обеспокоены невозможностью заключить соглашение. Однако нет сомнений, что при наличии политической воли и поддержки со стороны государств ОЭСР прогресс на пути дальнейшей либерализации торговли был бы очевиден. Пожалуй, мир не признал в должной степени прогнозы Всемирного банка об огромном всплеске мировой торговли при либерализации коммерции в сельском хозяйстве, сфере услуг и текстильной промышленности (такой прогресс послужит, конечно, и бедным, и богатым странам); кроме того, наблюдается растущее противодействие уже введенным мерам по либерализации торговли. Пожалуй, основная задача сегодня не в том, как ускорить прогресс, что, безусловно, было бы желательно, но в том, как не скатиться в яму протекционизма. Истечение срока действия Соглашения по многим видам текстильных волокон в 2005 году (эта мера изначально была направлена на защиту текстильной промышленности в богатых странах) привело к вполне предсказуемому взрыву в импорте текстиля в богатые страны из развивающегося мира, в частности из Китая. Европа немедленно пошла на попятный, отказавшись, по крайней мере на некоторое время, от принципов свободной торговли, учредив ограничения на пути импорта и развязав краткую, но униزительную «войну бюстгалтеров» с Китаем. Европейские политики все больше и все чаще говорят о необходимости защищать свою промышленность от азиатских конкурентов, причем иногда подкрепляют слова соответствующей политикой. В Соединенных Штатах эти споры стали еще более ожесточенными. В 2006 году американцы уже воспользовались довольно лицемерным предложением — интересами безопасности, чтобы заблокировать продажу шести предприятий по обслуживанию портов в США дубайской компании. Против этой сделки тогда выступили сенаторы Джон

Кэрри и Хиллари Клинтон. Рост протекционизма наблюдается даже в том крыле Демократической партии, которая некогда провела через конгресс соглашение НАФТА*. В 2008 году в мире, и особенно в Азии, ожидалось, что смена Вашингтонской администрации приведет к выработке более совершенного многостороннего подхода к вопросам безопасности, но этому же противостоял страх перед расширением унилатерализма в экономической политике. Возможно, американским политикам следует вспомнить о протекционистском законе Смута–Хоули 1930 года, который, по сути, погрузил Соединенные Штаты и весь мир в Великую депрессию. Как отмечалось в предыдущей главе, неудачи экономической глобализации привели, спустя всего десять лет после начала Великой депрессии, к глобализации военной. Быть может, падение стоимости доллара и рост экспорта из США в результате кризиса 2007–2008 годов позволит охладить протекционистский пыл политических кругов.

Рост числа международных корпораций, охватывающих более двадцати процентов мирового промышленного производства и семидесяти процентов мировой торговли, приводит в ярость противников глобализации. Ситуация обостряется и дальше ввиду расширения поля инвестиционных инструментов, таких как хедж-фонды и частные фондовые компании. Такие компании в настоящее время выступают посредством своих европейских инвестиций работодателями для примерно того же числа людей, что и население Нидерландов. К роли этих новых финансовых инструментов возникают серьезнейшие вопросы, касающиеся их прозрачности, налогообложения прибыли, повышения риска в инвестиционной политике и общего роста объема кредитов на рынке. Однако эти вопросы (в которых игнорируется тот факт, что основные инвесторы в этих компаниях — это обычно организации, занимающиеся нашими с вами пенсиями) не добавляют ничего нового к общей тональности гнева против большого капитала.

Напряженность в международных делах возрастает отчасти и в результате быстрого накопления суверенных фондов. Таковыми называются государственные инвестиционные капиталы, накопленные государствами с нефтяным богатством, подобно странам Персидского залива, Норвегии и России, или валютные запасы,

---

* Соглашение 1994 г. о свободной торговле между Канадой, США и Мексикой.

полученные от экспортного профицита такими странами, как Сингапур и Китай. В настоящее время общий объем суверенных фондов составляет от двух до трех триллионов долларов США, причем ожидается, что к 2015 году они возрастут до шести–девяти триллионов. Сам предмет их стратегического использования переплетается с лицемерием и парадоксами. Страны с большим торговым и бюджетным профицитом вполне удовлетворены тем, что на эти фонды приобретаются низкодходные американские и европейские правительственные облигации, тем самым спасая нас от последствий сверхпотребления. Однако США, Германия, Франция и другие страны достаточно нервно относятся к иностранным правительственным фондам, предпочитая инвестиции более динамичные, чем казначейские облигации, и скупая тем самым большие доли в так называемых стратегических компаниях. Понятная, хотя и не слишком последовательная враждебность к приватизации активов в своем государстве тут же уступает место готовности скупать активы в другой стране. Ответ достаточно прост: решить эту проблему можно, не блокируя иностранные инвестиции, но настаивая на единстве правил для всех участников рынка. Если Сингапур, Россия, Дубай, Китай или любая другая страна желает инвестировать в американский или европейский сектор телекоммуникаций, электроэнергетики, авиостроения, банковского дела или судоходных компаний и др., такие страны и сами должны быть открыты для западных инвестиций в данных областях. Чтобы русские, к примеру, воспользовались относительно открытым европейским рынком для покупки энергетических активов, необходимо, чтобы и они открывали для инвестиций собственные богатства и территории. Опасения относительно потери контроля над стратегическими отраслями (примером может служить популистский случай в США относительно морских портов, приобрести которые намеревался дубайский концерн) весьма преувеличены. Нам не следует блокировать иностранные инвестиции, но необходимо настаивать на взаимности и прозрачности с точки зрения состава суверенных фондов и их стратегических целей. Норвегия подала всем в этом пример. Следует надеяться, что опасения в отношении суверенных фондов и попытки использования их в качестве предлога для протекционизма были нивелированы воздействием ипотечного и финансового кризиса 2007 года. Большинство крупнейших банков потеряли за время краха такие суммы денег (оценки общих потерь

составляют триллион долларов или даже выше), что вынуждены были обратиться к суверенным фондам за помощью в выходе из обстоятельств, возникших из-за их безумной опрометчивости. Нищие, конечно, лишены выбора, даже если они обитают в роскошных, как дворцы, банках на Уолл-стрит или в лондонском Сити.

Два других критических замечания, которые требуют ответа, состоят в том, что, во-первых, глобализация ведет к катастрофическому ухудшению положения трудящихся, экологической ситуации и законодательства, а также, во-вторых, что глобальная экономика угрожает сломом национального государства.

Некоторые аргументы против капитализма невозможно рассматривать серьезно. Деньги часто ведут к власти — экономической власти, политической власти. Справедлива ли жизнь? Нет. Оказались ли успешны коллективные попытки сделать ее более справедливой? Нет — если только равенство в нищете и угнетенности не считать желаемой целью. Наслаждаются ли богачи жизнью больше, чем мы, остальные люди? Что ж, они в состоянии тратить больше денег, это уж точно, но вот почему они, к примеру, выбирают для этого места, подобные Монте-Карло, всегда озадачивало меня. Неужто низкие налоги делают жизнь в этом городе такой привлекательной? Впрочем, в гущу споров о глобализации ведут не только зависть и неприязнь к деньгам и богатству. В конце концов, среди нас были бы богачи даже в мире крайнего протекционизма, а социализм, как мы знаем, ведет не только к общей бедности, но и к крайнему неравенству.

К слову сказать, не «катастрофическое ухудшение» экономического положения вывело профсоюзы на демонстрации в Сизтле в 1999 году. Профсоюзы главным образом заботило не ухудшающееся положение трудящихся в бедных странах. Их интересовала задача сохранения собственных рабочих мест в богатой стране. В бедных странах, как правило, жалование ниже, а условия работы хуже. Экономический рост ведет к увеличению жалования и улучшению условий труда. У нас немного свидетельств в пользу того, что жалование сокращается из-за деятельности транснациональных корпораций; мы не располагаем доказательствами и того, что такие компании способствуют или вызывают постоянное ухудшение условий труда. Напротив, с ускорением экономического роста падает процент детского труда. Любая транснациональная компания, рассуждая здраво, заинтересована в том, чтобы ее предприя-

тия по всему миру соответствовали высоким стандартам: это вполне крепкая бизнес-логика, тем более что потребители и сами кадры по всему миру все больше этого требуют. Хотя в Китае, к примеру, мы наблюдаем много тревожных явлений, у нас нет уверенности в том, что крупнейшая из проблем — это отсутствие сильных профсоюзов. Сильные профсоюзы, безусловно, выглядели бы признаком здорового развития гражданского общества в Китае, но они могут и сдерживать экономическое развитие, как это произошло в Индии. Индийские профсоюзы были, пожалуй, слишком эффективны, выдвигая требования к правительству и работодателям, которые сдерживают рост, и, к сожалению, способствуют росту безработицы и тунеядства.

Истории известны ужасные случаи злостного безрассудства капиталистов в развивающихся странах; утечка опасных веществ на предприятии в индийском Бхопале в 1984 году может служить показательным примером. Впрочем, капиталисты не всегда ошибаются, как показал инцидент 1995 года, когда компания «Шелл» и британское правительство под нажимом активистов «Гринпис» отказались от вполне разумного плана по затоплению нефтедобывающей платформы «Брент Спар» в открытом море ради гораздо более дорогостоящего и экологически более опасного процесса утилизации платформы на суше. При этом не следует забывать, что история центрального планирования экономики также не свидетельствует об улучшении жизненных условий трудящихся или окружающей среды. Доказательством может служить хотя бы визит в Среднюю Азию, например на берега исчезающего и загрязненного Аральского моря. Справедливо утверждение, что экономический рост сказывается на окружающей среде; однако вину за это не следует возлагать на глобализацию, если только мы не готовы принять так называемую экототалитарную позицию, в соответствии с которой каждый человек имеет неотчуждаемое право жить на лоне первозданной природы. Исследование Всемирного банка 2003 года показало, что, за несколькими исключениями, компании инвестировали в относительно бедные страны вовсе не ради того, чтобы снизить уровень загрязнения окружающей среды в своих, более богатых странах.

Другой вывод, который возвращает нас к рассуждениям, данным в первой главе, сводится к тому, что глобализация убивает государства, по крайней мере государства в известном нам виде. Означает ли экономическая глобализация конец суверенитета и

воцарение новой системы управления, возможно, посредством всемирных корпораций, обладающих, по словам канадского писателя Джона Ролстона Сола, собственным королевским двором в Давосе и собственной забавой, ежегодным Всемирным экономическим форумом¹⁶? Увидим ли мы, как национальные государства склоняются перед региональными надгосударственными образованиями, например ЕС? Превратится ли ООН, до сих пор находящаяся в полной зависимости от государств-членов, в подлинное планетарное правительство, будто гусеница в бабочку? Нет, Давос, Брюссель и Нью-Йорк не должны и не смогут уничтожить национальные государства.

Главная опасность при обсуждении глобализации состоит в том, чтобы позволить этому феномену вырваться за пределы определяемого понятия. Мы осознаем, что основная черта указанного процесса состоит в расширении торговли между относительно открытыми экономиками, сблизившимися вследствие развития технологии. Однако транснациональные корпорации «Эксон Мобил», «Дженерал моторс», «Волмарт» и другие, которые способны координировать и вести деятельность более чем в одной стране, тем не менее действуют в рамках структур, оказывающих на них влияние и ограничивающих их. То же со всей очевидностью относится к другим сетям и компаниям, производителям и клиентам. Основным регулятором всякого производственного предприятия или процесса остается национальное государство, хотя в мире существуют и другие наднациональные институты, такие как МВФ, ВТО или региональные организации, например ЕС или Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), которые также играют роль в регулировании деятельности компаний. В свете расширения государственной юрисдикции страны учреждают все большее число надгосударственных организаций¹⁷. Правила морских перевозок учреждаются Международной морской организацией; правила авиационной безопасности — Международной организацией гражданской авиации; многие продовольственные стандарты регулируются Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН. Сети влияния и контроля охватывают разные сферы — от банковского дела и бухгалтерии до здравоохранения и пользования водными ресурсами. Многие корпорации неизбежно пытаются обходить те или иные правила для достижения привилегированного положения; а многие государства предоставляют такие привилегии. Но непрелож-

ным остается тот факт, что все крупные корпорации продолжают работать в рамках национального и международного правового поля, пусть даже некоторые компании проявляют изобретательность в целях снижения налоговой нагрузки. С экономической точки зрения глобализацию определяет не архаизация государства, не рост мегакорпораций, стоимость которых превосходит ВВП отдельных стран. Основной чертой этого процесса можно назвать новый режим взаимодействия между корпорациями и регуляторами на национальном и международном уровнях.

Когда регулирующие органы в каждой конкретной стране выполняют свои обязанности надлежащим образом, пользу из этого извлекают все участники рынка — производители, потребители, инвесторы, служащие. Так называемый кризис субстандартного ипотечного кредитования стал наглядным примером того, как важно располагать заслуживающими доверие государственными структурами, во главе которых стояли бы профессионалы, взаимодействующие с правительствами других стран и опирающиеся на формальные и неформальные сетевые сообщества. В этом нет никакой магии. Справедливость данного тезиса доказана исторически, и не только в отношении недавнего кризиса.

В качестве примера можно привести Южную Америку, о которой при обсуждении международных отношений речь заходит нечасто. Почему этот регион обходят вниманием? Во-первых, потому что он не представляет для нас угрозы, пусть мы и тревожимся по поводу наркотиков и нелегальной иммиграции. Много лет назад два крупнейших государства Южной Америки — Бразилия и Аргентина (которые недавно договорились о совместном строительстве ядерного реактора) — добровольно приняли решение не направлять свои интеллектуальные возможности на создание атомного оружия. Так что латиноамериканские бомбы не нарушают наш сон. Латиноамериканские страны, как правило, не воюют друг с другом. Они не настолько убоги и нищи, как многие африканские страны; в наших газетах не публикуются фотографии истощенных южноамериканских детей с распухшим животом. И при этом страны региона — это далеко не экономические сверхдержавы. Поистине, в экономике заслуги их не слишком велики, так же как и достижения. При этом о Бразилии, к примеру, говорят, что это страна будущего. Что касается Аргентины, то эта страна явила пример необыкновенно длительного спада, будто читаешь грустную повесть о футбольном клубе, который сезон за

сезоном снижает результаты, переселяясь из лиги чемпионов в низшую лигу. Аргентину не назовешь развивающейся страной; это развитая страна, которая попала в черную полосу и осталась в полосе неудач. Одна из причин, по которой Латинская Америка оказалась на обочине истории, состоит в кризисе государственного управления. У Южной Америки большая история неудачных правительств и слабых институтов; во главе правительств чаще всего стояли крайне правые и коррумпированные генералы или коррумпированные же популисты-леваки. Первых поддерживали консервативные католики, вторых — склоняющиеся к теории заговора социалисты. Иногда заговоры оказывались реальными, например когда избранный президент Чили Сальвадор Альенде был свергнут отчасти из-за экономического хаоса, отчасти из-за американских козней. Однако пример Чили показывает, чего возможно достичь с надлежащим государственным управлением и здоровой политикой. При президенте Лагосе, умеренном социалисте, избранном через некоторое время после отставки генерала Пиночета, Чили восстановила демократию и оздоровила свою экономическую систему. Более того, Чили удалось подпереть экономические успехи развитыми социальными программами. Сегодня это правовое государство с эффективной системой управления. Следует отметить, что раскрывать свой потенциал начала и Бразилия — один из двух гигантов региона (второй гигант — Мексика) и четвертая по величине демократия мира. В Бразилии колоссальные природные ресурсы, развитая промышленность и большое культурное наследие. Тропические леса Амазонки сообщают стране огромную важность с точки зрения климата на планете и защиты окружающей среды. Банк «Голдман Сакс» полагает, что если Бразилия продолжит идти путем, начерченным президентами Кардозу и Лулой, то к 2031 году бразильская экономика вполне может превзойти по объемам французскую. На всем континенте мы видим, что с повышением качества государственного управления растет экономика, развиваются социальные программы и поддержка демократии. Компетентные правительства извлекают наибольшую выгоду из глобализации. Если так пойдет дальше, Латинская Америка вполне может явить миру пример замечательного успеха.

Разлад системы государственного управления в Соединенных Штатах, Великобритании и в других странах в результате глубоко укоренившегося якобы философского предубеждения против

чрезмерного регулирования на финансовых рынках привело непосредственно к финансовому краху 2007–2009 годов, потрясшему сами основы мировой экономики. Хаос и замешательство на всех континентах оказались столь значительны, что это дискредитировало идею финансовой глобализации и снизило доверие к процессам глобальной интеграции применительно к рынку труда, торговле и инвестициям. С возрастающей тревогой приходилось наблюдать, как гибнут плоды либерализации торговли, а страх перед конкуренцией из-за рубежа замещает собой высокомерное убеждение, что хорошие времена, которыми мы обязаны якобы Америке и Великобритании, будут длиться вечно. Премьер-министр Соединенного Королевства Гордон Браун бахвалился, как раз незадолго до краха, что он, дескать, отменил циклы развития капитализма, периоды чередования подъема и спада. Благодаря ему экономические циклы будто бы стали достоянием учебников по экономической истории. Когда же рухнули банки и их теневые фонды, когда иссохли рынки кредитов по всему миру, что привело к разорению преуспевающих предприятий и свернуло торговлю, идолы прошлых лет опрокинулись один за другим. Банкиров презирали, что, впрочем, не мешало многим главам финансовых институтов по-прежнему пытаться выгадывать барыши. Правительство, которое некогда воспринимали врагом рыночной экономики и экономического роста, внезапно оказалось по-следним лучиком надежды в наступающей тьме. Может быть, глобализация все же не разрушила государство. Конгрессмен-демократ от штата Массачусетс Барни Фрэнкс, председатель банковского комитета палаты представителей, высказал мнение, что пройдет еще много лет, прежде чем кто-нибудь рискнет повторить излюбленную шутку республиканцев, которую часто произносил покойный президент Рейган. Он говаривал: семь самых страшных слов в английском языке звучат так — «Я из правительства, я пришел помочь вам». Теперь от помощи никто не отказывался. В крупнейшие экономики мира правительства вкачивали миллиарды долларов, фунтов стерлингов, евро и юаней. Дефицит не поддавался лечению, и правительства бросали в топку новые миллиарды. В демократических странах Запада, например в США и Великобритании, приходилось принимать экстренные меры для спасения массовых групп потребителей. Рынок жилья, рабочие места и сбережения оказались в смертельной опасности из-за чрезмерных трат и задолженности. Правительства, отбрасывая

старые лозунги, принимали на себя ответственность за управление целыми отраслями промышленности и услуг. Правительства, только вчера верившие в свободу предпринимательства и «невидимую руку» рынка, национализировали банки. Политики занялись ипотечным кредитованием. Промышленные производители с протянутой рукой бросились в правительственные учреждения — из Детройта на Коннектикут-авеню. Капитализм был посрамлен. Любопытно, что ни один революционер-марксист или приверженец социалистического эгалитаризма не выдвинул последовательной или даже непоследовательной альтернативы «капиталистическим» рецептам выхода из кризиса. Люди бунтовали, били окна и витрины, осыпали проклятиями правительство и саму систему, золотой урожай которой они так долго пожинали. Хотя надежда на чередование циклов сохранялась, то есть сохранялась вера в то, что за кризисом и бедствиями придет пора роста, многие пессимисты считали, что ничего уже не изменится. Зачастую пессимистами оказывались те самые люди, которые вчера еще говорили, что пирушка не закончится никогда. Как мудро заметила пожилая английская королева, которую мы цитируем в качестве эпиграфа к этой главе, для экономических пророков и обозревателей, так часто зарабатывавших на прогнозах, настали тяжелые дни.

Можно выделить несколько причин кризиса. Во-первых, в рождении экономических пузырей неизменно играют роль алчность, безрассудство и нечистоплотность в делах. Во-вторых, на протяжении ряда лет во многих странах, и в частности в Америке, развивались социальные и экономические причины склонности к легким барышам. В-третьих, оказалось, что в современной экономике присутствует ряд аспектов, которые мы понимаем весьма слабо (так обстояли дела и во время краха 1929 года). В-четвертых, процессы, которые мы не понимали в должной мере, не поддавались регулированию. В-пятых, глобализация банковского сектора и теневого банковского сектора означала, что финансовая инфекция быстро переросла в пандемию. В-шестых, в основе роста предшествовавших кризису лет лежала фундаментальная нестабильность, скорректировать которую весьма сложно. Некоторые авторы считали, на первых стадиях рецессии, что часть мира сможет избежать разрушительных последствий кризиса. Экономике таких стран, утверждали политики, будто бы отъединены от всемирной. Но, пожалуй, в экономике современного мира отъединенной можно назвать разве что Северную Корею;

все мы поднялись вверх в гондоле одного воздушного шара и вместе же рухнули на землю.

Кризис субстандартного ипотечного кредитования считают сместившейся глыбой, с которой начался сход лавины. По существу, потребителей побуждали покупать дома и квартиры, которые они зачастую не могли себе позволить; ипотечные залоги затем превращались в деривативные ценные бумаги, которые выставлялись на финансовые рынки мира. Растущий спрос на жилье взвинчивал цены. Стоимость активов возросла до небес, люди занимали под их залог все больше средств, и всем хотелось участвовать в игре. Домовладение — это часть американской мечты, да и британской тоже. Однако в Америке, даже тогда, когда первые колонии откололись от короны, домовладение было более распространено, чем в Великобритании. Определенное время этот процесс развивался посредством кредитов — в частности, для покупки жилья, но и для других покупок — тогда как банки и другие институты превращали их в инвестиционные инструменты для хедж-фондов, пенсионных фондов и даже для иностранных правительств. Учитывая, что рынок жилья в США стоил триллионы долларов, трансформация ипотечных залогов в ценные бумаги представлялась выгодным делом, причем две организации с федеральным финансированием — Федеральная национальная ассоциация ипотеки, известная как «Фанни Мей», а также Федеральная корпорация жилищных ссуд, известная как «Фредди Мак», и сами покупали ипотечные залоги, предлагаемые банками, тем самым позволяя им выдавать еще больше кредитов на покупку жилья. Такая практика стала набирать обороты в конце 1970-х годов, по мере того как инвестиционные банки, во-первых, конвертировали жилищные займы в обычные облигации, а затем начали их делить на пакеты. При этом наиболее рискованные инвестиции обеспечивали самую высокую доходность. Именно последние и превратились в токсичные бумаги, заразившие и обрушившие всю систему, включая чрезвычайно разветвленную сеть страховки от рисков и чудовищно усложненные финансовые деривативы. Данные формы страховки, организованной в пакеты по кредитному дефолту, поставили на колени колоссальную страховую компанию «Эй-ай-джи». Фактически в результате этого процесса значительная часть американских заимствований перешла в нерегулируемый теневой банковский сектор. К 2006 году восемь долларов из каждых десяти, выдаваемых в качестве креди-

та, выдавались не подпадающими под регулирование организациями. Действительно ли представители регуляторов, а также участники сделок понимали, что они делают? Я помню, как молодой банкир довольно нетерпеливо объяснял мне, как ипотечный заем безработного одинокого мужчины или женщины с ребенком в Сент-Луисе может чудесным образом превратиться в надежную финансовую инвестицию в Лондоне, Нью-Йорке или Париже. Хитроумные финансовые гуру превращали бедность в «специализированный инструмент инвестиций». Бедняк получал жилье, богач — прибыль. И все же, сколько он ни пытался донести до меня изумительные в своей простоте особенности этого процесса, я оставался в недоумении. Как же глупо с моей стороны было не понять этого блистательного молодого человека, сотрудника почившего в бозе банка «Леман Бразерс»! Кто-то из ироничных журналистов сказал, что банк этот так и не оправился от проклятия Гордона Брауна, открывшего его лондонское представительство в 2004 году. Г-н Браун сказал: «Сегодня “Леман Бразерс” — великая компания; в прошлое она смотрит с гордостью, а в будущее — с надеждой».

Возможно, что гордыню банкиров на Уолл-стрит, в Канэри Уорф и в иных внушительных сооружениях питала память о былых успехах и миф об устойчивости к кризисам. Бизнес, который некогда представлялся респектабельным и скучноватым, вдруг стал опрометчивым до дерзости, до безрассудства. К началу XXI века мир уже прошел через скандалы, связанные с выплатой невероятных бонусов управляющим на фоне весьма скромных дивидендов акционеров, через взрыв «интернет-пузыря», через крах созданной нобелевскими лауреатами теории «Долгосрочного управления капиталом» — и все же финансовый рынок все еще подчинялся правилам. Сдержанность проявляли, в частности, бывший секретарь казначейства США Роберт Рубин и Хэнк Полсон, секретарь казначейства в последние годы президентства Буша. Однако до того, как разразилась катастрофа, корыто заполняли регулярно и рыла в него погружались. Один из обозревателей, анализировавших субстандартный рынок кредитования, заметил: «Я обнаружил, что банкирам с Уолл-стрит наплевать на то, что они продают». Другой сказал: «Кажется, я был единственным аналитиком, писавшим о компаниях, которые все без исключения разорились. Я видел, как фаршируют экономическую сосиску — выглядело страшновато»¹⁸. Исторически соотношение

между средней стоимостью дома в США и доходом семьи составляло 3 к 1; к концу 2004 года эта величина составила 4 к 1. Но в Лос-Анджелесе данный показатель достигал 10 к 1; а в Майами — 8,5 к 1. В 2000 году рынок субстандартных жилищных ссуд составил 130 млрд долларов, из которых 55 млрд были преобразованы в ипотечные облигации; к 2005 году первый показатель возрос почти в пять раз, до 625 млрд долларов, тогда как на ипотечные облигации приходилось уже 507 млрд. В условиях безудержной спекуляции на финансовые рынки стали выплескиваться «токсичные бумаги». Некоторые компании специализировались на ссудах для будущих домовладельцев с плохой кредитной историей и отсутствием подтверждения доходов, не требуя у них начального взноса и рекомендуя им ограничиваться выплатой процентов по займу в ущерб основному капиталу. Уроженец Мексики, собиратель клубники в Калифорнии с годовым доходом в 14 000 долларов получил кредит на покупку дома стоимостью в 720 000 долларов¹⁹. Удивительно только то, что картонный домик не рассыпался так долго. Кредиты категории надежности 3В превращались в облигации категории 3А; риск возрастал, и это устраивало участников рынка, зарабатывавших на спекуляциях деньги. Не исключено, что некоторые из банкиров, по словам бывшего руководителя компании «Ситигруп», не отличали обеспеченное залогом долговое обязательство от списка из прачечной; но они точно согласились бы с Робертом Рубином (банковским служащим, впоследствии служившим в администрации президента Клинтона): «Если хотите больше зарабатывать, нужно больше рисковать»²⁰. Оценку и контроль риска полностью вытеснила алчность. Система выбрасывала на рынок яд; кто-то стриг купоны. Оркестр играл все громче; вечеринка продолжалась; но однажды музыка прекратилась.

Банки и их теневые структуры стали валиться в Британии, как деревья в бурю. Одним из первых принял удар на себя концерн «Норзерн Рок», британское акционерное строительное общество. Желая завладеть еще большей частью рынка, эта некогда вполне консервативная и уважаемая строительная компания северо-востока Англии быстро росла, отчасти благодаря выдаваемым рискованным кредитам, но еще и потому, что она перешла от кредитования собственными средствами к системе ссуд, основанных на своих краткосрочных заимствованиях на международных рынках. Когда поток наличности на международных рынках иссяк,

Банк Англии, весьма неповоротливая машина, стал присматриваться к ситуации, однако взволнованные вкладчики отреагировали гораздо более оперативно, выстроившись в огромные очереди за своими сбережениями. Так Великобритания пережила первое большое банковское потрясение после краха банка «Оверенд–Гарни» в 1866 году. В конце концов британское правительство национализировало этот банк. Банки по всему миру разорялись или выживали за счет налогоплательщиков. «Беэр Стернс» был приобретен компанией «Джей-Пи Морган», а «Мерил Линч» — Банком Америки; «Леман Бразерс» и «Вашингтон Мючуал» разорились; «Фанни Мей» и «Фредди Мак» были спасены правительством США, хотя, несмотря на государственное участие, они вели себя как самые хищнические частные компании; «Эй-ай-джи» также спаслись, благодаря деньгам налогоплательщиков и несмотря на безумные авантюры его лондонского офиса с залогом долговых облигаций. Банки в других странах — например, «Фортис» в Бельгии — были расчленены, перекуплены, национализированы частично или целиком или переведены на систему жизнеобеспечения на те же деньги налогоплательщиков, тогда как их акции пошли на дно. Крах банковской системы Исландии привел к отставке правительства и потере вложений иностранными инвесторами. Потери банков достигли бесчисленных миллиардов, а стоимость их активов камнем полетела вниз. Масштабы помощи со стороны правительства росли экспоненциально: правительства и центральные банки стремились заткнуть кровоточащую денежную дыру, провести повторную капитализацию частных банков и побудить их к возобновлению кредитования. Банки, которые только что, казалось, выдавали кредиты кому угодно и на что угодно, теперь, напуганные до смерти, не выдавали кредитов никому и даже друг другу. Финансовый кризис породил развал кредитной системы, а жертвой, конечно же, стала так называемая реальная экономика — рабочие места, дома, пенсии, магазины, инвестиции, малые, средние и крупные предприятия. Потери банков теперь сравнивали с недавними бонусами и премиями людей, выступивших фактически дирижерами катастрофы. Сэр Уин Бишоф, некогда председатель правления «Ситигруп», признал, что понимает критически настроенную общественность в отношении «асимметрии» между потерями средств и дивидендов руководства. Баснословная «асимметрия», конечно же, бросалась в глаза. По мере роста гнева в обществе, тем более связанного с

необходимостью спасать банки ввиду их центральной ключевой роли в каждой монетаристской экономике, руководители банков стали оправдываться, а некоторые из них были даже готовы признать, что «культура бонусов» зашла слишком далеко. Тем не менее в Америке несколько банкиров умудрились критиковать президента Обаму за максимум, наложенный на выплату бонусов руководителям тех банков, которые спаслись благодаря налогоплательщикам. Они критиковали президента за решение, которое, по их словам, могло бы позволить иностранным банкам украсть с небосклона самые яркие звезды.

Следует ли винить в столь масштабном экономическом бедствии одних только банкиров? Это вряд ли справедливо. Так, например, британское правительство того времени добилось переизбрания за успехи в период так называемого нерегулируемого экономического бума. Правительство и само истратило огромные средства во время экономического подъема, позволяя то же британскому обществу. Объем ипотечных заимствований возрос, как никогда, наряду с ценами на жилье; в то же время британцев склоняли к тому, чтобы растрачивать свое номинальное состояние, гарантируемое якобы недвижимостью, в череде бесконечных покупок. Господин Блэр, премьер-министр в годы, когда разворачивались эти события, избежал экономического и политического бесчестия, оставив пост летом 2007 года; кроме того, никто и не думал, что за предшествующие 10 лет Гордон Браун, который сел в его кресло премьера, когда-либо допускал господина Блэра к управлению экономическими делами. Господин Блэр, покинувший дом на Даунинг-Стрит, 10, чтобы сколотить состояние и, согласно его же заявлениям, примирить величайшие мировые религии, в годы своего премьерства стоял на капитанском мостике, но не у штурвала. Он «все предоставил Гордону», а Гордон Браун позволил британским потребителям скопить на своих кредитных картах половину общеевропейской банковской задолженности. Задолженность британских потребителей — в основном по ипотеке и кредитным картам — равнялась примерно годовому ВВП Соединенного Королевства, то есть 1,4 триллиона фунтов стерлингов. Наследие нового лейборизма состояло в том, чтобы приватизировать плоды искусственного бума и распределить потери подлинного краха: вот вам «третий путь». Но при этом следует помнить, что не британское правительство истратило эти деньги на два отпуска за границу в год, на телевизор с плоским

экраном, на графический планшет на каждого ребенка в семье и на прочие магазинные утехы. Не делали этого и председатели правления банков, хотя кредитные карты с названиями этих банков предоставляли потребителям инструменты для приобретения неотложного удовольствия. В конце концов виной нужно делиться; для потребительского бума по меньшей мере необходимы потребители, причем многие из них наверняка чувствуют в глубине души, что не могут позволить себе вещи, на которые тратят деньги.

Рост внутреннего долга в США затмил собой аналогичные показатели для Великобритании или континентальной Европы. В середине 1970-х годов внутренний долг в США составлял 680 миллиардов долларов; к 2008 году он вырос до 14 триллионов долларов, причем вырос почти вдвое за семь лет президентства Буша. В среднем на каждую американскую семью приходилось 13 кредитных карт, причем на 40 процентах из них числились задолженности. Что объясняет такое любопытное проявление страсти к непомерным расходам? Социологи и экономисты любят рассуждать на эту тему; здесь прослеживается безусловная, прискорбная зависимость между распределением доходов в американской экономике и одним из интереснейших обстоятельств так называемой американской мечты, то есть отсутствием концепции разумной достаточности. Алексис де Токвиль начал свой труд «Демократия в Америке» (1839) знаменитыми словами: «Среди множества новых предметов и явлений, привлекших мое внимание во время пребывания в Соединенных Штатах, сильнее всего я был поражен равенством условий существования людей». Однако времена изменились. Бедняки и средний класс все больше отставали в доходах от богатых, как мы отмечали раньше, пытаясь при этом наверстать упущенное в доходах бесконечными заимствованиями. Неравенство в Америке росло на протяжении многих лет; это результат далеко не только правления Буша. В 1999 году средняя заработная плата с поправкой на инфляцию все еще не достигала показателей 1973 года; трудящиеся работали больше часов, чем прежде, однако средний доход на семью в 90-е годы XX века вряд ли вырос вообще. Судить ли о социальном разрыве по заработной плате, доходам или общему финансовому состоянию, но богатые в Америке на рубеже XXI века богатели гораздо быстрее, чем когда-либо в истории; этой сомнительной цели достиг президент Буш, но демократам не слишком ловко признавать, что исходил он

из предшествующих лет развития американской модели. При президенте Буше взмыли вверх не только индексы на бирже и размеры частных состояний. Непомерно возрос и дефицит федерального бюджета США. Президент Клинтон оставил после себя сбалансированный бюджет, но республиканцы (хотя бы вице-президент Чейни) утверждали, что в годы Рейгана дефицит не препятствовал росту. На фоне того, как богатые получали подарок за подарком в форме налоговых вычетов и привилегий, на фоне многомиллиардной кампании в Ираке, дефицит бюджета США шел в гору, а национальный долг вырос почти в два раза, достигнув 10,7 триллиона долларов. В течение нескольких недель после отставки господин Чейни критиковал стоимость фискального стимулирующего пакета, предложенного президентом Обамой, который увеличивал дефицит в целях подъема экономики. При этом необходимо отметить, что заслуги Чейни как блюстителя фискальной политики вряд ли очевидны наблюдателям.

Ошибки совершали правительства и, конечно, руководители центральных банков: вспомним хотя бы бывшего главу американского федерального казначейства Алана Гринспена. Человек, которого долго считали гением, сыгравшим ключевую роль в длительном подъеме экономики США, теперь предстал главным архитектором краха. Однажды предшественник Гринспена на посту главы Федерального казначейства при президенте Никсоне Уильям Мартин сказал: «Роль Федерального казначейства состоит в том, чтобы убрать чашу с пуншем как раз в ту минуту, когда пир достиг кульминации». Господин Гринспен, очевидно, ставил свою задачу иначе: чем более разнузданной становилась пирушка, тем больше бренди добавляли в чашу с пуншем. Гринспена обвиняли не только в проведении чересчур толерантной монетаристской политики, но и в неумении понять суть происходивших событий или, возможно, в вынесении неверных заключений. В начале Великой депрессии Джон Мейнард Кейнс утверждал, что хотя двигатель экономики в целом работает исправно, его важнейшая часть сломалась. Кейнс говорил: «У нас проблема магнето. Мы попали в чудовищную трясику, совершив трагические ошибки в управлении чувствительнейшей машиной, механизм которой был нам не понятен». Господин Гринспен верил в то, что финансовые рынки, и не в последнюю очередь казино жилищного кредитования, сумеют регулировать себя сами, брать себя под уздцы во избежание излишеств и злоупотреблений. После краха он при-

знал, что его образу мыслей оказался присущ «дефект»: дефект оказался недешевым как для Америки, так и для остального мира.

По мере того как правительства стран мира стремились во что бы то ни стало провести повторную капитализацию банков, разобрататься с невозвратными долгами, растопить вечную мерзлоту, которая, казалось, сковала рынки кредитования, смягчить страхи, восстановить доверие и обозначить некую точку дна оказавшихся в свободном падении экономик, от которой можно было бы отсчитывать дальнейший рост, — эти же правительства часто говорили о необходимости перестройки так называемой международной финансовой архитектуры. Нередко это выглядело предложением, попыткой перенести вину за неудачу национальной политики на некие темные международные институты и силы. Поистине, когда Бреттон-Вудские институты, в особенности Международный валютный фонд, критиковали бездумное поведение во время экономического расцвета в отдельных странах, например в Великобритании, они получали резкую отповедь. Но, как и в контексте других угроз нашей безопасности и стабильности, описываемых в настоящей книге, контроль над последствиями финансового и экономического кризиса требует как более рациональной внутренней политики, так и расширения международного сотрудничества, причем это сотрудничество во многих случаях должно далеко превосходить наши прежние формы.

Очевидной задачей представляется корректировка баланса влияния и полномочий внутри Всемирного банка и МВФ, так чтобы эта система в большей степени отражала растущее экономическое влияние развивающихся экономик, в частности Китая, Индии и Бразилии. Исторические страны «Большой семерки», то есть ведущие промышленно развитые демократии, воспринимали себя неофициальными менторами в развитии мировой экономики. Одним из важных следствий экономического краха стало то, что группа из примерно 20 стран, представляющих собой самые сильные экономики нового века, собрались на совещание в Вашингтоне в конце 2008 года, а затем группа «Двадцати» вновь провела встречу в Лондоне в апреле 2009-го, дабы определить новые ориентиры мировой экономической политики.

После стабилизации экономики необходимо непосредственно заняться вопросом о политике предотвращения кризисов, подобных недавнему. Для этого потребуются учреждение более жесткого контроля и регулирования в области как движения капитала,

так и банковского дела, учитывая транснациональный характер финансовых институтов в современном мире. Человеку пришлось перестроить и переналадить механизмы финансового рынка после Великой депрессии так, чтобы лучше понимать их и предотвращать их перегрев. Тот же принцип должен применяться сегодня. Любой институт или ведомство, обладающее способностью нанести значительный ущерб экономике в случае распада, подлежит регулированию. В какой-то мере это выводит из уравнения фактор катастрофического риска. Из экономики невозможно полностью устранить фактор риска, не подавляя перспективы роста, однако риск должен быть понятным, прозрачным, рассчитанным и управляемым в случае какого-либо сбоя. Теневой банковский бизнес должен быть введен в регулируемые рамки, а банки и сами должны вспомнить о преимуществах сдержанности и скупного благоразумия.

Национальным правительствам будет непросто согласиться на расширение международного наблюдения и контроль над финансовым сектором. Еще более сложной представляется задача огромного дисбаланса между странами с дефицитом и профицитом бюджета по всему миру, что в конце концов приводит к сверхпотреблению, например в США, Великобритании, Испании, Франции, Италии и Австралии. На протяжении первого десятилетия XXI века страны с высоким уровнем доходов и либеральной монетаристской политикой накопили огромные долги, например в секторе жилищного строительства, что в конечном счете уравнялось положительным балансом в других частях света. В сердцевине этой проблемы неизбежно оказываются Соединенные Штаты и Китай; на протяжении ряда лет наибольший рост в мире объяснялся дефицитом бюджета в Америке и ростом китайского экспорта. Американцы, похоже, были готовы покупать все, что предлагал им остальной мир. В значительной степени они заимствовали на это деньги у китайских и других азиатских экспортеров. В этом состояли условия подразумеваемой сделки. Американцы согласны были обеспечивать открытость своих рынков, а китайцы взамен покупали казначейские облигации США. Договоренность устраивала обе стороны. Американцам удавалось жить не по средствам. Китайцы, со своей стороны, привязали свою валюту (женьминьби-юань) к доллару, для достижения конкурентоспособности своих экспортных цен. За 15 лет объем китайского экспорта в США вырос на 1600 процентов. Для того

чтобы избежать избытка денежной массы и инфляции внутри страны, китайское правительство накопило огромные валютные запасы, превосходящие триллион долларов. Покупка Китаем американских долговых обязательств помогала Соединенным Штатам удерживать на низком уровне процентные ставки, а эту политику, как мы уже отмечали, проводило Федеральное казначейство США, стремившееся избежать спада или тем более рецессии в экономике. Итак, китайский экспорт стремился ввысь; росли американские заимствования; росла мировая экономика. Однако все это, увы, укладывалось в первый закон экономики, постулированный американским экономистом Гербом Стайном: «То, что не может продолжаться вечно, не будет продолжаться вечно».

Сегодня Китай представляет собой страну с наибольшим активным платежным балансом: в 2007 году положительное сальдо Китая составило более 370 миллиардов долларов из общего объема положительного сальдо в мире в 1680 миллиардов долларов. Дефицит США составил 44 процента этих излишков. Добавьте Великобританию, Австралию и Испанию, и показатель достигнет 63 процентов. Неизбежным следствием подобного дисбаланса стало то, что крах экономической модели роста и крах рынков в странах с дефицитом привел и к слому экспортной модели в странах с положительным балансом. Потребители стали отказываться от кредитных карт в Америке и в Великобритании, а в Китае стали закрываться заводы. В конце 2008 года мэр города Шенцень объявил, что в его особой экономической зоне закрылось до 700 предприятий. Более показательного примера взаимосвязи приводить не нужно. Опасность, однако, в том, что отдельные страны, восприняв взаимозависимость или интеграцию как проблему, попытаются спастись в одиночку, закрывая свои экономические границы. К этому, по существу, и сводится протекционизм, а сторонники протекционизма по всему миру то и дело призывают к необходимости соответствующих мер. Американские законодатели, например, намереваются ввести в пакет экономического стимулирования статью «Сделано в Америке». То и дело британские профсоюзы выступают за британские рабочие места для британских рабочих. Президент Саркози ратует за государственную помощь французской автопромышленности, что вызывает тревогу в остальной Европе. Европейский союз и сам далеко не всегда высказывает приверженность к интеграции, сотрудничеству и

Общему рынку, так долго составлявшему предмет его гордости. Китайцы рассматривают новые пути поддержания экспортеров посредством налоговых вычетов из их прибыли. Однако в конце концов протекционизм приведет к катастрофе, как это уже случилось в прошлом, ограничивая торговлю, замедляя рост и стимулируя националистические чувства, часто ведущие к опасным политическим последствиям.

Протекционизм не решит вопрос о дисбалансе профицита и дефицита в мировой экономике. Для его решения потребуется координация национальной политики целого ряда государств. Оправившись от рецессии, американцы должны вспомнить о бережливости и меньше брать в долг. Китайцам необходимо будет наращивать внутренние расходы и меньше сосредотачиваться на сбережениях, в частности совершив переход от инвестиций в капиталоемкие, ориентированные на экспорт промышленные предприятия к индустрии услуг и созданию социальных институтов, охватывающих здравоохранение и пенсионную систему. Именно такие реформы требуются в Китае. Дело не в том, что китайцы манипулируют обменным курсом, как верно заметил Тимоти Гайднер, секретарь казначейства при президенте Обаме; китайская экономика должна пройти через повторную балансировку. Именно такова должна быть цель международных переговоров после того, как правительства остановят сползание экономики в рецессию. Результаты такой деятельности определяют состояние мировой экономики на долгие годы.

Вышесказанное свидетельствует о том, что глобализация не заменила собой государство. Для расширения процессов глобализации и во избежание катастрофы миру нужны эффективные государства, которые, к примеру, в случае США и Великобритании, могли бы проводить ответственную фискальную политику и способствовать развитию культуры сбережений у населения. Поэтому не следует поддаваться различным толкованиям и демонизировать этот процесс — в противном случае мы вполне можем оказаться в компании таких людей, как Росс Перо, утверждающих, что экономическая деятельность утрачивает «территориальную основу». Росс Перо, в частности, полагал, что после того, как Соединенные Штаты подпишут договор с НАФТА, произойдет массовое сокращение рабочих мест в США и их перетекание в Мексику и Центральную Америку. Однако, несмотря на то что глобализация расширила потенциальные возможности в

каждой компании, непреложен тот факт, что экономическая деятельность, согласно своей истории и природе, по-прежнему привязана к отдельным географическим точкам, и не потому, что таковы требования законодателей, а потому, что это выгодно. Так, например, высокотехнологичные отрасли группируются в Силиконовой долине и в треугольнике Лондон–Оксфорд–Кембридж. Финансовые услуги сосредоточены в Нью-Йорке и в Лондоне. Неверно было бы утверждать, что мировая экономика состоит из однообразных заданных потоков. Экономика сложна, динамична и неоднородна. Американские политологи Роберт Кеохэйн и Джозеф Най напоминают нам о том, что географические расстояния, так же как и границы, по-прежнему играют заметную роль в нашей жизни. Торонто, указывают они, торгует в десять раз больше с Ванкувером, нежели с Сиэтлом²¹. Глобализация предоставила бизнесу новые возможности по снижению трудозатрат или затрат на регулирование, а также новые стимулы государствам для корректировки бюджетных расходов и улучшения сектора госуслуг. Но не следует ударяться в крайности. Государства и система социального обеспечения вовсе не отжили свое. Рост бюджетных расходов в ВВП, возможно, и снизился, но мы не увидели триумфа политики *laissez-faire*. Высокофискальные экономики с развитым социальным сектором Северной Европы стоят в авангарде новых высокотехнологичных отраслей. Фискальная система не служит подтверждением того, что все страны танцуют под одну дудку. Пожалуй, можно сказать, что общее управление в экономической политике государств, эффективность предоставляемых услуг и общая стабильность сыграли существенную роль в привлечении инвестиций и корпоративной активности. Добросовестные правительства полезны для бизнеса.

Более того, следует помнить, что факторы, влияющие на общее состояние мировой экономики, не ограничиваются режимом расходования средств и регулирования. Выбор диктуется совокупностью факторов, и в том числе наличием работников с надлежащей квалификацией, местоположением выгодных рынков сбыта, наличием необходимой инфраструктуры (например, портов), потерями от неиспользованных возможностей и т.д. Транснациональным компаниям известно и то, что они находятся под пристальным вниманием глобальной сети коммуникаций, средств массовой информации и НПО. Случись, например, мировому биз-

несу по производству тачек переехать в Зимбабве, владельцы, вероятно, могли бы ограничиться выплатой заработной платы в виде небольших продовольственных пайков. Однако коррумпированность государственных властей, политическая нестабильность, отсутствие инфраструктуры, неопределенность условий для экспорта, не говоря уж о недостатке квалифицированного персонала и о возмущении мировой общественности (если бы бизнесу вздумалось уподобиться президенту Мугабе и платить рабочим продовольственными подачками) — все эти факторы вынуждают компании-производители держаться в стороне от Зимбабве.

Мы убедились в том, что мировые рынки неспособны к полному саморегулированию. В мировой экономике присутствуют точки напряженности, сообщающие ей определенную хрупкость. Некоторые из пороков стары, как сама алчность. Чувства, которые иногда позволяют жадности одержать верх над здравым смыслом, хорошо известны, и XXI век не принесет в этом смысле ничего нового.

Создание многосторонних институтов, призванных надзирать за мировыми рынками, осложняется и тем, что «всеобщие проблемы» часто становятся «ничьими». Всемирная система управления в экономической или, по здравому размышлению, в любой иной сфере не может быть проектом одного государства. Даже если бы США желали возглавить усилия по созданию такой системы (а в условиях растущего протекционизма Америки это все менее вероятно), Америке пришлось бы сотрудничать с другими странами. Точка отсчета все же существует. Как указывает политолог из США Энн-Мари Слотер, в пору экономической глобализации сотрудничество между правительствами стран мира стало более тесным. Были созданы сети межправительственного сотрудничества — с участием банкиров, регуляторов на рынках ценных бумаг, страховых учреждений и антимонопольных ведомств²². Вспомним, к примеру, об упрочивающемся сотрудничестве между американскими и европейскими ведомствами в области соблюдения конкуренции. Очевидно, в период обвала на финансовых рынках создание и развитие подобных межправительственных сетей должно происходить динамичнее. Смерть государства, слава богу, нам пока не грозит; мы знаем, что следует за развалом государства — в Китае 1920-х и 1930-х годов, в республиках, входивших в состав распавшегося СССР, в отдельных частях современной Африки. Последствия смерти государства ужасны. Государства

обязаны сотрудничать в целях сохранения ответственности перед собственными гражданами. Это необходимо как в экономической, так и в иных областях. Взаимозависимость не подразумевает конца самостоятельности государств. Государства стремятся к сохранению целостности системы международного сотрудничества не из-за слабости, а в силу осознанного выбора. В экономике и других областях основой глобализации должен выступать национальный интерес. Одна из сильнейших и в то же время потенциально опасных сторон системы глобального регулирования состоит как раз в том, что такая система скреплена совокупностью решений, основанных на принципе взаимовыгодного выбора. Эта идея ведет не к исчезновению государств, а к необходимости разумного суверенитета, исходящего из необходимости сотрудничества в условиях растущей глобализации.

Глава 4

Небо в огне

Первый, самый великий, самый решительный акт суждения, который выпадает на долю государственного деятеля и полководца, заключается в том, что он должен дать определение <...> предпринимаемой войне; он не должен принимать ее за нечто такое, чем она при данных обстоятельствах не может быть, и не должен стремиться противоестественно ее изменить.

Карл фон Клаузевиц. О войне

...ибо вовсе не открытое сражение является его главной целью. Она в том, чтобы переложить ответственность за последствия своих преступлений на всю общину, в надежде что возмущение и гнев — неминуемые следствия всякого наказания ни в чем не повинных людей — обеспечат ему постоянный приток все новых и новых сторонников.

*Лоренс Даррелл. Горькие лимоны
(Перевод В.Ю. Михайлина)*

Когда началась новейшая история, современный мир? В исторической науке принято разделение на удобные периоды — Гомерово эпоха, Римская империя, Средневековье, Возрождение, Просвещение и так далее. За неким последним «самобытным» отрезком прошлого следует наше время. Все же когда оно началось? Когда впервые проявляется новая форма или модель нашей жизни? Когда события покидают привычную колею и устремляются в новом направлении? Какой факт вывел нас из состояния благодушного допущения, будто мы знаем о нашем мире все, удивил нас осознанием, что мир изменился, что теперь все иначе, что ничто и никогда не будет как прежде?

Говорят, министр иностранных дел Великобритании сэра Эдвард Грей заметил в один из вечеров в начале августа 1914 года, когда он ожидал официального объявления Германии ультиматума о недопустимости вторжения в Бельгию: «По всей Европе гаснут фонари. Сомневаюсь, что мы доживем до того времени, когда

их зажгут снова». Это высказывание всегда вызывало у меня определенное недоумение, так как сэр Эдвард (даже если признать, что он был человек с плохим зрением) в описанное время наблюдал светящиеся, а не гаснувшие газовые фонари внутреннего двора министерства иностранных дел. Как бы то ни было, можно с уверенностью признать, вслед за ним, что в тот год закончилась одна глава истории и началась другая. Разворачивавшиеся события были спровоцированы актом, упомянутым в первой главе, — террористическим убийством эрцгерцога Австрийского, Франца Фердинанда, боснийским сербом Гаврилой Принципом. В 1916 году Принцип сказал тюремному психиатру, что потрясен последствиями своего деяния. У него и у его сотоварищей-заговорщиков не было определенных целей. Их воодушевлял пример русских анархистов и возмущали бедность и аннексия их страны. Принцип был огорчен, что во время войны 1913 года его не приняли на военную службу в сербскую армию из-за маленького роста. Низкорослый для того, чтобы воевать самому, он отправил на фронт миллионы своих сверстников. Хотя он и желал героической смерти для себя, ему, в отличие от большинства людей его поколения, было отказано в возможности рисковать своей жизнью в страшной войне, началу которой способствовало его деяние. Последствия террористических актов всегда более значимы, чем ужас и горе, причиненные при их совершении.

Одиннадцатое сентября 2001 года для многих из нас приобрело значение Сараевского акта, стало фактическим началом нового тысячелетия, кошмарным зачином нового века, задувшего все фонари. Мы помним, где находились в минуту, когда увидели или услышали о кровавых преступлениях. Я, в перерыве между встречами, работал в своем брюссельском кабинете и вспомнил, что надо бы позвонить жене в Лондон и поздравить ее с годовщиной нашей свадьбы. Неужели девятнадцать террористов, убив три тысячи мужчин и женщин, изменили лик мира? Тогда не было недостатка в людях, утверждавших, что это именно так, что все навсегда изменилось. «Та ночь опустилась уже над другим миром, — сказал примерно через неделю президент Буш, — над миром, где нападению подверглась сама свобода»¹.

Это был мир, где злодеи скрывались в тени, зловещее поле битвы, где выживает только сильнейший. Вдруг пропала уверенность в том, что мы, представители цивилизованного мира, насле-

дуюм царство земное, благодаря силе и универсальной действенности наших ценностей. Нам предстояло вступить в бой с врагами, сражаться не на жизнь, а на смерть за то, во что мы верили. Бог, несмотря ни на что, на нашей стороне — Бог Ветхого Завета; Бог, поразивший врагов Своих. «Саул поразил тысячи, а Давид — десятки тысяч». Божественное преимущество рассеет наших противников.

Масштаб смертоносных атак 11 сентября был беспрецедентным. Жертв на американской земле оказалось больше, чем когда-либо со времен Гражданской войны в США, превывсив, более чем на пятьсот человек, число жертв при нападении на Пёрл-Харбор в 1941 году, причем все убитые были гражданскими лицами. В апреле 1995 года Тимоти Маквей убил в Оклахома-Сити 168 человек*; семь лет спустя людей погибло почти в двадцать раз больше. Несмотря на ужасающее число жертв, несмотря на то что сам теракт 11 сентября достиг цели — устрашения, мир, после того как над ним «опустилась ночь», не стал намного более опасным, а смертоносная деятельность террористов сама по себе не стала каким-то абсолютно новым проявлением зла. В течение сорока лет после Второй мировой войны мы, по сути, жили в мире, который бывший Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр называл «миром потенциально смертельной опасности».

Подобно аббату Сийесу во времена Французской революции, мы могли бы по окончании холодной войны с облегчением сказать, что пережили ее благодаря взаимному страху Вашингтона и Москвы уничтожить не только своего противника, но и всю планету. Пусковые установки, бомбардировщики и подводные лодки по-прежнему находятся в режиме готовности к уничтожению мира, и были минуты — Карибский кризис в 1962 году, сбитый в 1983 году южнокорейский пассажирский самолет, — когда мы были близки к тому, чтобы свалиться в геополитическую пропасть. Читая книги по внешней политике, написанные до конца 1980-х годов, я поражаюсь, в какой степени выводы авторов обуславливались страхом просчета и надеждой на ядерное разоружение. Мир был действительно другим, но не существенно более мирным или безопасным. Такие изменения проявляются по-

---

* 23 апреля 1995 года рядовой армии США, расист Тимоти Маквей организовал взрыв в административном здании в Оклахома-Сити. Казнен 11.06.2001.

разному. Сегодня Джону Ле Карре трудно убедить читателей в том, что транснациональные фармацевтические компании представляют собой такую же угрозу, как некогда КГБ в его романах. В Великобритании дискуссии в связи с обладанием ядерным оружием потеряли прежнюю остроту; наличие у нас нескольких ракет — это скорее разновидность страхового полиса на домашнее имущество, нежели реальная защита Лондона от полного уничтожения.

Таким образом, ничего нового о первородном грехе мы сказать не можем, а его проявление в террористических актах не стало новым феноменом. Иосиф Флавий описал панику, царившую в Палестине из-за жестокой тактики сикариев или zelотов в их борьбе против римского господства в I веке нашей эры. Они сновали в толпе и закалывали выбранных ими жертв, убивая в основном тех, кого они считали еврейскими коллаборационистами. Их действия привели к народным восстаниям и самоубийствам в Масаде, послужили одной из причин бедствий, от которых долгие годы страдало местное еврейское население. Шииты-ассасины в XII и XIII веках тоже убивали свои жертвы на всем исламском пространстве, чем, согласно их убеждениям, способствовали очищению ислама. Они сознательно шли на мученическую смерть, чем давали основание окружающим видеть в этом безрассудстве при совершении актов воздействие наркотиков (по одной из версий название «ассасины» происходит от арабского «гашшашины» — «употребляющие гашиш»). Индийские туги* убили около полумиллиона человек, пока их самих в XIX веке не уничтожили британцы.

Среди действовавших в относительно недавнее время террористических групп выделяются русские анархисты и ирландские террористы XIX века. В период с 1881 по 1914 год революционеры убили семь глав государств. В числе погибших президент США Уильям Мак-Кинли, король Италии Умберто I и премьер-министр Испании Антонио Кановас дель Кастильо. Все трое убиты анархистами. В 1867 году в Лондоне, при попытке организовать побег из тюрьмы Клеркенвелл путем подрыва стены, ирландские террористы убили шесть гражданских лиц. Один из фениев (ирландские радикалы. — *Ред.*) был осужден — чтобы

---

* Туги (душители) — средневековые бандиты, посвятившие себя служению богине смерти и разрушения Кали. Грабили караваны, жертвы душили веревкой или шарфом.

удовлетворить королеву Викторию, хотя она предпочла бы большее количество осужденных — и стал последним публично казненным в Великобритании человеком. Ирландский терроризм просуществовал практически до наших дней, периодически приобретая печальную известность, как, например, после убийства в 1882 году в Феникс-парке в Дублине лорда Фредерика Кавендиша, незадолго до убийства назначенного министром по делам Ирландии, вместе с его заместителем; недавними жертвами (соответственно в 1979 и 1990 годах) стали лорд Маунтбеттен (адмирал и последний вице-король Индии) и Ян Гоув, личный секретарь Маргарет Тэтчер. Многие американцы до последнего оправдывали и даже поддерживали ирландский терроризм, так как воспринимали его как патриотический протест против удержания шести графств северо-восточной части острова Ирландия в составе Объединенного Королевства. На мнение американцев не очень сильно влиял тот факт, что подавляющее протестантское большинство указанных графств высказывается в пользу объединения с Британией и что большинство людей на юге, вероятно, почувствовали бы себя счастливыми, если бы им удалось избавиться от воинственных протестантов Ольстера. Усама бен Ладен был далеко не единственным человеком, у которого глаза на лоб полезли от приемов в Белом доме, оказанных в последние годы снявшему свою балаклаву Джерри Адамсу*.

Сам я впервые столкнулся с терроризмом во время убийства члена парламента Эйри Нива 30 марта 1979 года. В то время я работал директором исследовательского отдела Консервативной партии. Это был последний день парламентской сессии перед началом избирательной кампании выборов в парламент 1979 года. Маргарет Тэтчер находилась в своем избирательном округе в Северном Лондоне, а я с несколькими другими членами предвыборного штаба — в ее офисе в Вестминстере, с видом на участок, прилегающий к Биг Бену, и на выезд из подземной автостоянки. Мы услышали звук взрыва, выглянули в окно и увидели дымящийся остов автомобиля, застывший на пандусе. Мы быстро определили, что это автомобиль Эйри Нива. Нив, признанный герой войны (в 1942 году он бежал из немецкого замка Колдиц, где содержались военнопленные) и руководитель успешной пред-

---

* Джерри Адамс (1948), председатель ирландской националистической партии Шинн Фейн с 1983 г.

выборной кампании Маргарет Тэтчер в то время, когда она возглавляла партийное руководство, был убит небольшой боевой группой ирландских республиканцев — Ирландской республиканской армией. Енох Пауэлл выдвинул собственную конспирологическую версию убийства Нива в результате тайного заговора ЦРУ, другие же предполагали, впрочем, без убедительных доказательств, что в убийстве были замешаны сотрудники парламента левых взглядов.

Четыре года спустя я был назначен парламентским заместителем министра по делам Северной Ирландии, и ко мне приставили отряд охраны, состоящий из четырех здоровенных североирландских полицейских (по крайней мере, пока я находился в Провинции). Вернувшись обратно в Лондон и в свой избирательный округ города Бат, мы заменили входную дверь квартиры на более прочную и взяли за привычку пользоваться палкой с зеркалом для поиска заложенных под машину бомб. Мы жили в районе Вестминстер, в расположенном позади собора многоквартирном доме, где проживал также министр по делам Северной Ирландии, сам пострадавший от взрыва в середине восьмидесятых. Нам советовали не парковать машины на улице возле дома, а оставлять их на Вестминстерской парламентской автостоянке, в полумиле от дома. В свое время я собственными глазами наблюдал «защищенность» этой автостоянки и поэтому отказался испытывать неудобства, диктуемые безопасностью. Несколько моих знакомых по работе в Северной Ирландии были убиты; в большой опасности находились умеренные католики, поддерживавшие действующую власть в Провинции. Однажды я видел, как куски человеческой плоти соскребали с дороги, ведущей в город Ньюри, и ботинок — со ступней внутри или без, не уверен, — найденный неподалеку на кусте рододендрона. Непостижимым образом в моей семье не сильно боялись физической расправы, хотя я и был ошеломлен (почти так же сильно, как мои дети), когда во время просмотра ночных телевизионных новостей мы услышали, что мое имя внесено в «расстрельный список», обнаруженный во время облавы на предприятие, где изготавливались бомбы для ИРА. Полиция сочла, что важнее сообщить об этом не нам, а журналистам, возможно, чтобы заработать за эту информацию.

Как я уже писал в другой книге, даже после ухода с работы в Северной Ирландии, меня достаточно регулярно посылали в Вашингтон и в другие американские города, чтобы разъяснять

британскую политику в Ирландии и пытаться убедить американских политиков остановить сбор средств в США для ИРА. Обычно меня принимали очень любезно, но ничего не менялось. И только после 11 сентября 2001-го, после того как была доказана связь ИРА с колумбийскими террористами и благодаря храбрости пяти сестер Маккартни (которые не позволили после убийства своего брата Роберта снять вину с членов ИРА), общественное и политическое мнение в США изменилось, вынудив политиков признать, что ИРА — это не активисты Общества святого Викентия де Поля*. Северная Ирландия вернулась в мою жизнь в 1998–1999 годах, когда я возглавил независимую комиссию, готовившую рекомендации по реорганизации полиции Провинции. Комиссия была создана в свете Белфастского соглашения 1998 года при посредничестве сенатора Джорджа Митчелла, что стало возможным благодаря отваге и лидерским качествам премьер-министров Великобритании и Ирландии — Тони Блэра и Берти Ахерна. В рамках нашей работы мы провели около сорока открытых общественных собраний по всей Северной Ирландии, причем некоторые в местах, где до этого никогда не бывал ни один британский политик. Я вполне отдавал себе отчет в том, что моя безопасность была практически в руках террористов, которым взорвать меня или членов нашей комиссии не позволяло, по-видимому, только чувство чести. Зависеть от чувства чести террориста?! Было странно и довольно неприятно общаться с людьми, которые когда-то пытались меня убить, к счастью, не слишком настойчиво и безуспешно, и которые убивали знакомых мне людей. Это служило своеобразным напоминанием о пропасти между теми, кто просто заявлял о своих политических целях, и теми, кто во имя этих же целей убивал невинных. Я не испытываю сочувствия к людям, которые считают, что Джерри Адамс, Мартин Макгиннесс и прочие личности всего лишь сменили карьеру «подпольных общественных деятелей» на другую, более публичную. Мартин Макгиннесс носил прозвище «подручный мясника», и, как и его коллеги, он заслужил его не только за давний опыт, связанный с бойней в магазине Дьюхерст. Существует терроризм особого рода, справиться с которым (обоснования я приведу ниже) можно только при наличии определенной политической договоренности.

---

* Международное католическое движение, занимающееся благотворительностью.

Насильственный характер ирландского национализма не вызывает сомнений, но иногда для достижения необходимых договоренностей приходится отбросить щепетильность.

Позже мне пришлось еще раз столкнуться с настоящими террористами в Шри-Ланке. В 1987 году, будучи на посту британского министра по вопросам развития заморских территорий (1986–1989. — *Ред.*), я занялся проблемами кровопролитной гражданской войны, раздиравшей этот прекрасный остров. Индийская армия вмешалась в конфликт в 1987 году и была вынуждена покинуть страну в 1990-м. Во время визита на остров, когда мы пытались выяснить, какую помощь можно оказать для установления мира и согласия, я был доставлен индийским боевым вертолетом на север страны в тамильский город Джафна. Спустя четыре года вмешательство Индии привело к убийству в мае 1991 года тамильской женщиной-смертницей премьер-министра Индии Раджива Ганди. Гражданская война унесла 65 000 жизней и жестоко прервала процесс мирного развития страны, которая могла стать одной из самых успешных в Азии. Я побывал там и в ноябре 2003 года, уже в качестве комиссара Европейского союза по иностранным делам, для поддержания усилий норвежцев по прекращению конфликта. Я согласился встретиться с Велупиллаи Прабхакараном, основателем и лидером террористической организации «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ), чтобы разъяснить ему, что международное сообщество хочет урегулирования и не будет признавать тех, кто подрывает территориальную целостность острова, а также призвал его отказаться от террористической тактики, в частности от насильственной вербовки детей и нападений на мусульман в восточной части острова. До меня с ним встречался только один западный министр, и мой визит представлялся довольно спорным делом, причем премьер-министр Шри-Ланки Ранил Викрамасингхе уговаривал меня провести эту встречу, а президент страны Чандрика Кумаратунга заняла более неопределенную позицию. В итоге она дала мне разрешение, и меня на правительственном вертолете доставили в бывшую штаб-квартиру ТОТИ в захолустной деревне под названием Килиночки на севере страны. Стоял сезон дождей, и группы выстроенных под моросящим дождем детей махали нам флагами «тамильских тигров» — террористический торжественный прием, — пока мы ехали от вертолетной площадки до бунгало, где нам предстояло встретиться с Прабхакараном. Если учитывать его репутацию

грозного террориста-убийцы, человек этот не производил сильного впечатления. Окружавшие его молодые люди в темных очках старались выглядеть «братвой» из телевизора. Человек с нерешительным рукопожатием, Прабхакаран на протяжении почти всей нашей встречи позволял вести беседу двум своим помощникам, изредка направляя свой взор непосредственно на нас. Он казался чрезвычайно неуверенным в себе. В его беспощадности никто не сомневается, но у него отсутствует даже злодейский демонизм, которым, по идее, должен обладать человек, ответственный за столько убийств. Одной из жертв «тигров», через некоторое время после моей встречи с их предводителем, стал мой друг и соратник, выпускник колледжа Баллиол, Лакшман Кадиргамар. Христианин из тамильской семьи, выдающийся специалист по международному праву, он провел первое официальное исследование страны (Южный Вьетнам) для «Амнести Интернэшнл», дважды занимал пост министра иностранных дел Шри-Ланки, выступая против иностранного финансирования «тигров» и в защиту демократии и гражданских свобод. Он понимал, что пытаться разобраться в политическом контексте терроризма не означает его оправдания. «Терроризм», по его словам, — «это метод, крайне отвратительный, но это не группа злоумышленников и не цели, которые они преследуют. Терроризм определяется тем, что именно совершают люди (или группы людей), а не тем, кто они или чего пытаются добиться». Лакшман был застрелен возле бассейна в своем доме в Коломбо в августе 2005 года. Умеренные и храбрые люди всегда становились основными мишенями для политических расправ.

Масштаб тамильского восстания в Шри-Ланке обуславливает отличие ТОТИ от большинства террористических группировок. Наряду с тем, что «тигры» применяли традиционную террористическую тактику — взрывы, производимые террористами-смертниками, и убийства — были примеры и открытых столкновений между вооруженными силами Шри-Ланки и их противниками. Вследствие этого использование слова «война» в отношении происходившего на этом острове нельзя считать совершенно необоснованным. (В последнее время чаша весов в конфликте все более решительно склоняется в пользу правительства.) При этом называть все, что мы сегодня делаем на Ближнем Востоке, сражением в «войне с терроризмом» — значит неправильно понимать задачу и выбирать курс, возможность достижения успеха на котором наименее вероятна. Очевидно, что Америка добилась успехов в

тех местах, где изначально учитывались сложности и специфика задач. Все совсем не так виделось президенту Бушу или его давнему гуру — старшему советнику Карлу Роуву. Лучше «президент войны», сейчас избиратели способны это понять в полной мере, чем президент, пытающийся совладать со сложностями и призраками глобального терроризма. Так, 20 сентября 2001 года президент Буш объявил: «Наша война с террором начинается с «Аль-Каиды», но на этом война не заканчивается. Она не закончится до тех пор, пока не будут выявлены, остановлены и повержены все террористические группировки по всему миру». Объявив войну терроризму, президент перешел к расширению арены боевых действий. В декабре того же года Буш дал собирательный образ врага, то есть говорил о людях, которые «ненавидят прогресс и свободу, право на выбор, культуру и музыку, смех, женщин, христиан, евреев и всех мусульман, отвергающих их извращенные учения». Война обернулась битвой со злом и злодеями. Борьба со злом — это честолюбивое начинание, но, увы, шансов на победу в ней еще меньше, чем в войне с терроризмом.

Не нужно быть лингвистом, дабы понять, что войны ведутся с именами собственными, а не нарицательными. Воевать можно с конкретной страной или с неприятелем. Войны с наркотиками, войны с бедностью, войны с мусором — все это тщетный, хотя и впечатляющий способ описать обреченные на неудачу политические предприятия. Амбициозные клише служат только украшением банальной, бессодержательной политики. Кроме того, с так называемой войной с терроризмом связана еще одна проблема: мышление, связанное с этой метафорой, существенно осложняет осуществление успешных действий. Когда неприятель единствен в своем роде — например, он как никто другой олицетворяет зло, значит, традиционными методами ведения войны можно пренебречь. Предполагается, что раз террористы неразборчивы в средствах, то же в отношении терроризма дозволено и нам, а это лишь отдаляет желаемую цель. В настоящих войнах присутствуют сражения, атаки, отступления, переговоры, заявления, капитуляции, победы, трофеи, репарации. Ничего этого нет в борьбе с терроризмом. Сэр Кен Макдональд, генеральный прокурор Великобритании, заметил в начале 2007 года: «Борьба с терроризмом на британских улицах — это не война. Это работа по предотвращению преступлений, исполнение наших законов и восстановление справедливости для лиц, пострадавших в результате их нарушения».

Возможно ли действительно победить в войне с терроризмом — выиграть войну, во имя которой американские военные получают награды за отвагу в Ираке и Афганистане? Возможно, холодная война и ее драматическая развязка способствовали злоупотреблению понятием, подобным «войне», то есть подразумевающим ограниченное по времени вооруженное противостояние, в котором мы неизбежно одержим победу. Однако «война с терроризмом», подобно войнам, то и дело объявляемым наркотикам, бедности и загрязнению окружающей среды, — это процесс. Не следует надеяться, что в противостоянии с террористами придет день, как на КПП «Чарли» в Берлине, когда покинет пост последний часовой и патрули отправятся домой. Холодная война, в конце концов, соотносилась с определенной идеологией, с конкретным чудовищным социальным строем. Напротив, террор произрастает и живет в сердцах, вне досягаемости караульных и снарядов. Поэтому в «войне с террором» победить практически невозможно: ведь вполне может случиться, что в минуту объявления о победе, посреди всеобщего ликования тот или иной экстремист, обвешанный взрывчаткой и готовый нести смерть и увечья, спустится в метро. В конце 2006 года это чувство в полной мере пришлось испытать премьер-министру Испании Сапатеро, который похвалялся успехом мирных переговоров с баскской группировкой ЭТА незадолго до того, как в аэропорту Мадрида жертвами бомбы стали два человека. Если война, которую мы ведем, — это война против тактики и типа мышления, то как мы сможем в ней победить? Прежде чем принять незыблемость этого очевидного сомнения, необходимо отметить, что невозможность победы в «войне с террором», не говоря о «войне со злом», не должна приводить нас к выводу о невозможности победы вообще в сражении против террористов. При президенте Буше мы достигли некоторых успехов, вопреки его стратегии и благодаря определенным тактическим действиям с его стороны.

В 2005 году в выступлении перед Консервативной партией в Нью-Йорке Карл Роув убеждал аудиторию, что «после 11 сентября консерваторы сказали: мы победим наших врагов. Либералы, увидев, что случилось с нами 11 сентября, заявили: нам необходимо понять наших врагов». В современном мире, несомненно, присутствует зло, и ему необходимо противостоять. Но утверждение о противоречии между пониманием и победой выглядит весьма странно; никто не возьмется обвинять Джорджа Кеннана в непо-

нимании Советского Союза при разработке им политики противостояния коварным амбициям СССР после Второй мировой войны. Он осознал намерения СССР еще до Ялтинской конференции, причем в полной мере. Смею предположить, что всем ясно, что на самом деле имел в виду г-н Роув. По его мнению, «понимание» эквивалентно «отчаянной нерешительности». Однако с такими врагами, как террористы, невозможно бороться, не понимая их (последнее справедливо даже в большей степени, чем в отношении советских коммунистов).

Каковы основные характеристики терроризма и террористов?

Из истории нам известно, что называем мы людей террористами или борцами за свободу прежде всего в зависимости от того, кто побеждает в борьбе и кто проигрывает, а также от вида власти, которая стала объектом насилия. Как правило, официальную версию событий излагают победители, и нередко терроризм — достаточно посмотреть на историю, скажем, Израиля и Ирландии — преподносится как борьба за свободу, если, конечно, сторона, поддерживаемая террористами, вышла победителем. Были ли террористами повстанцы, участвовавшие в Пасхальном восстании в Дублине в 1916 году или партизаны Сопrotивления во Франции во время Второй мировой войны? Были ли борцами за свободу члены «Банды Штерна»*? Что г-н Буш (младший. — *Ред.*) сказал бы о роли зла в упомянутых противостояниях? Мы адаптируем терминологию в зависимости от того, согласны ли мы с мотивами, лежащими в основе применения террористической тактики в отдельных случаях. Мы оказывали финансовую и военную поддержку афганским моджахедам, когда они сражались против афганского правительства и советских войск. Были ли моджахеда террористами, как талибы, на которых мы сегодня охотимся в горах Афганистана? Определения могут быть безнадежно неоднозначны; объективность не всегда дается легко. Выявить террориста можно только в том случае, если вы его увидели.

Какими признаками можно воспользоваться для определения терроризма? Во-первых, у террористов есть некая программа, и в

---

* Название сионистской террористической группировки «Борцы за свободу Израиля», действовавшей в Палестине в 1940–1948 годах. Основана Авраамом Штерном (убит в феврале 1942 г.), действовала в том числе путем уничтожения крупных чиновников и иных терактов, добиваясь создания еврейского государства.

этом они не уникальны. Такая программа может быть сформулирована как узко, к примеру если речь идет о высвобождении животных из университетской лаборатории с целью защиты их прав, так и широко, как установление «Исламского халифата» от Атлантического до Индийского океана. Большинство проявлений терроризма, с которыми мы столкнулись в последние годы, было связано с борьбой за национальную независимость. Фронт национального освобождения Алжира (ФНО), как и упомянутые выше сикарии в Палестине, боролся за освобождение своей страны от колониального господства в жесточайшей войне, унесшей полмиллиона жизней и разрушившей Четвертую французскую республику. Во время политической кампании, которая предусматривает, например, гражданское неповиновение, действующему политическому руководству зачастую становится трудно сдерживать применение насилия. Чрезмерно агрессивная реакция органов власти на ненасильственный протест тоже может спровоцировать насилие или по меньшей мере послужить оправданием такого насилия. Джомо Кениате в борьбе за независимость Кении и Нельсону Манделе в борьбе против апартеида в Южной Африке пришлось лавировать на узкой тропинке между политикой и насилием. Так сложилось, что чем эффективнее умеренный лидер оппозиции, тем больше власти пытаются очернить его обвинениями в попустительстве или применении насилия. При этом отличить силовую политическую кампанию от варварства совсем не трудно. В той же Северной Ирландии ценности и тактика Джона Хьюма* всегда отличались от ценностей и тактики Джерри Адамса.

Степень насилия, применяемого террористами, различается в зависимости от обстоятельств, но технологии, несомненно, сильно расширили диапазон доступных средств. Перевезти и пустить в дело пластичную взрывчатку «Семтекс» легче, чем телегу с порохом, взорванную ирландскими боевиками в лондонской тюрьме Клеркенвелл в 1867 году. Террористы вынуждены решать, сколько насилия, травм и смертей необходимо для достижения политических целей; убийство становится частью террористического манифеста. Цель может состоять в формировании чувства страха путем демонстрации способности в любой момент совер-

---

* Джон Хьюм (1937), бывший североирландский политик, сыгравший важную роль в урегулировании англо-ирландских отношений; лауреат Нобелевской премии мира 1998 года.

шать произвольные акты насилия; задачей может быть подтверждение возможности уничтожить влиятельного противника, например политического лидера, или сотрудника правоохранительных органов, или иностранцев, как это было с западными туристами, погибшими в Индонезии в 2002–2003 годах от рук террористов «Джемаа Исламия», филиала «Аль-Каиды». Иногда террористы надеются спровоцировать реакцию властей, которая покажется несоразмерной тем, кто, возможно, сочувствует целям террористов. В этом, несомненно, заключалась одна из целей пакистанской джихадистской группы, которая в ноябре 2008 года в ходе жестокого нападения на Мумбаи и его знаменитый отель «Тадж-Махал» убила около двухсот и ранила триста человек. Террористический акт в Мумбаи стал еще одним в череде преступлений, повлекших за собой большие человеческие потери и совершенных террористами в этом же городе в 1993, 2003 и 2006 годах. Индийское правительство, проявив достойную восхищения сдержанность, не поддалось на провокации и не начало жесткие военные действия против Пакистана. Такая реакция на террористические акты, несомненно, создала бы политическую напряженность, превышающую по своей силе ту, которая создается самими террористическими актами. При оценке соответствующих мер безопасности необходимо соразмерять политические издержки и достижения в сфере безопасности.

Террористические группировки — это, как правило, не государственные организации. Ливия, например, в случае взрыва авиалайнера над Локерби в Шотландии в декабре 1988 года — исключение из правила. При этом государства иногда, тайно или почти гласно, поддерживают терроризм как тактику. Во времена холодной войны США и Советский Союз поддерживали террористов, боровшихся против национальных правительств, якобы принадлежавших к лагерю противника. Гибридные войны были нормой даже в то время, когда войска находились в казармах, расположенных в центральной части Северо-Германской низменности. В Африке США были готовы оказывать помощь националистическим группировкам, таким как ФНЛА в Анголе, боровшимся против португальского колониального господства, пытаясь удержать их от вступления в советский лагерь. Основная тайная деятельность американцев велась вблизи своих границ — на Кубе, в Чили и Никарагуа, правительства которых, как считалось, занимали позицию не на той стороне от идеологической разделительной

линии. Иран и Южная Африка времен апартеида были крупными спонсорами терроризма в других странах. Южная Африка пыталась дестабилизировать обстановку в соседних государствах, чтобы ослабить поддержку организации «Африканский национальный конгресс» (АНК) Нельсона Манделы с их стороны. Иран пытался экспортировать идеологию фундаменталистской Исламской революции в Саудовскую Аравию, Ирак, страны Персидского залива, Египет, Ливан и Палестину. Иран рассматривал поддержку терроризма в качестве полезной фигуры на региональной шахматной доске, хотя возможности Тегерана открывать и закрывать террористический клапан были, вероятно, преувеличены. Налаживание контактов с Ираном было бы наиболее разумным способом решения данной проблемы, но в течение определенного времени в Вашингтоне существовало влиятельное лобби, уверенное в том, что наилучший способ достижения стабилизации в регионе сводится к дестабилизации ситуации в Иране и в Сирии. Этот опасный подход гарантированно превращал очень плохую ситуацию в гораздо более плохую. Формирующаяся администрация президента Обамы, кажется, очень хорошо осознала это обстоятельство.

Хотя террористов вряд ли можно причислить к государственным служащим, используемая ими тактика иногда применяется и государствами, чтобы запугать своих граждан или граждан других стран. Во времена Французской революции Робеспьер, один из ее главных вдохновителей, воспринимал террор как «быструю, строгую, непреклонную справедливость». Террор был направлен против тех, кто считался врагами народа, и против тех, кто сомневался в терроре как способе переплавки врагов в соответствующую революции форму. Сам Робеспьер лишился головы на гильотине в 1794 году, став жертвой развязанного им же самим террора.

Оккупационные власти зачастую используют тактику террора для сдерживания вооруженного сопротивления: возьмем, к примеру, массовое убийство в июне 1944 года германскими эсэсовцами 642 жителей французского поселка Орадур-сюр-Глан, расположенного к северо-западу от Лиможа. Целью беспорядочных воздушных бомбардировок гражданских объектов было запугивание противника и подавление желания продолжать борьбу; сегодня такая тактика считается морально неприемлемой и стратегически неэффективной. В отношении таких прецедентов государства могут и часто принимают и соблюдают международные

конвенции и нормы, ограничивающие применение силы. Террористы не совершают подобных действий, их намерения состоят в максимальном психологическом воздействии и непредсказуемом характере их действий. Согласно утверждению профессора Одри Курта Кронины, «несмотря на то что государства могут использовать террористические методы, они по определению не могут быть террористами. Применение государствами силы на своей территории квалифицируется как обеспечение правопорядка, применение силы за рубежом — как военные действия»². Под эти определения подпадают даже ужасающие акты насилия со стороны государства, такие как подавление инакомыслия на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 году.

Жертвами террористических атак в основном становятся не главные мишени. Когда, например, в 1997 году в результате варварской атаки исламистских террористов в Луксоре погибли пятьдесят восемь туристов и четыре египтянина, основными мишенями были, во-первых, туристическая индустрия, как основной источник доходов Египта в иностранной валюте; во-вторых, египетское правительство, способное развязать непопулярную кампанию репрессий; в-третьих, те исламистские группировки в Египте, которые незадолго до этого заключили с правительством соглашение, предусматривающее отказ от насилия. Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что в любом случае главная мишень терроризма — это общественное мнение, и там, где произведена атака, и в тех местах, где террористическая группировка пользуется наибольшей поддержкой. Другая мишень — это правительство территории, на которой совершается атака, в надежде, что правительство в попытке возмездия перегнет палку и тем самым невольно выступит в качестве вербовщика для террористов или же покажет неспособность обеспечивать порядок. Как отмечалось выше, одним из мотивов террористов в Мумбаи было, вероятно, именно последнее. Террористы также рассчитывают на привлечение внимания мировой общественности, которая знает об убеждениях террористов и об их способности нанести удар и причинить огромный ущерб. Террористы — в особенности с политическими, а не с религиозными мотивами — пытаются регулировать масштабы жестокости с учетом общественной реакции, особенно в среде своих естественных сторонников. Политолог Луиза Ричардсон заметила, что бомба ИРА, которая в декабре 1983 года убила шесть человек возле лондонского магази-

на «Харродс», убила бы сотни, если бы взорвалась в магазине, так как это был первый день распродаж после рождественских праздников. ИРА (в отличие от «Аль-Каиды») часто предупреждала о готовящихся взрывах, пытаясь представить дело так, будто старается избежать «лишних жертв». Террористы не были заинтересованы в потере сторонников среди католиков Северной Ирландии³. Еще одним подтверждением служит реакция лидеров ИРА и Шинн Фейн на мощный взрыв в городке Ома*, совершенный в августе 1998 года оппозиционными им ирландскими республиканцами, которая показала их щепетильное отношение к общественному мнению, особенно учитывая тот факт, что незадолго до этого они подписали мирное соглашение по Северной Ирландии. При отсутствии иных аргументов или оправданий исламистские террористические группировки в качестве причины терактов зачастую указывают Израиль (то есть сам факт его существования) или его отношения с США, будучи уверены, что, несмотря на ничтожность или полное отсутствие реальной заботы о палестинцах с их стороны, любые упоминания о противостоянии между Израилем и Палестиной вызовут в исламских странах восторг у сторонников террористов, реальных или потенциальных.

Луиза Ричардсон считает, что большинство террористов руководствуются тремя главными мотивами: месть, известность и воздействие. Четверо молодых террористов из числа британских мусульман, подорвавших себя в Лондоне 7 июля 2005 года**, не могли ожидать, что взрывы послужат толчком к созданию халифата. Они, по-видимому, полагали, что мстят за вред, причиненный мусульманскому миру британским правительством, за который должны расплачиваться граждане Британии, в том числе такие же мусульмане, как они сами.

Люди эти, несомненно, приобрели определенную известность, но — по словам главы Королевской прокуратуры сэра Кена Макдональда — не как «солдаты», а как «преступники и фантазеры». Рад сообщить, что я не запомнил ни одного из их имен. К счастью, отчасти вследствие толерантности и невозмутимости британской общественности, а также вследствие довольно

---

* В результате взрыва, организованного группировкой «Истинная ИРА», погибло 29 и ранено больше 220 мирных граждан.

** В результате почти одновременных взрывов — в трех поездах метро и в автобусе — погибло 52 пассажира и ранено больше 700.

разумного подхода со стороны правительства, реакция не привела к раздуванию этих событий и не послужила основанием для дальнейших злодеяний, которые после июльских взрывов могли бы устроить подражатели террористов (причем другие теракты в июле, несомненно, планировались и были сорваны спецслужбами). Свирепая жажда мести характерна не только для исламского терроризма, хотя особенно ярко она высвечена в романе Пола Боулза «Дом паука», действие которого происходит в Марокко в середине пятидесятых годов XX века, во время восстания против французских колониальных властей. Боулз описывает размышления молодого марокканца о том, почему «террористы были готовы рисковать жизнью ради того, чтобы пустить под откос поезд, сжечь кинотеатр или взорвать почтовое отделение. Они добивались не независимости, их удовлетворяло нечто гораздо более сиюминутное: удовольствие видеть, как другие люди подвергаются унижениям, страданиям и смерти, и осознание того, что они, террористы, могут унижать людей, затрачивая на это немного усилий. Не всем удается обрести свободу, но все могут отомстить, и сегодня это желание распространилось очень широко. Возможно, думает террорист-смертник, пытаюсь найти рациональное обоснование и соединить разрозненные фрагменты действительности со своим представлением об истине, месть — это то, что Аллах пожелал видеть в своих людях, и, наказывая неверных, мусульмане просто осуществляют божественную праведность»⁴.

Месть была мощной движущей силой конфликта в Северной Ирландии. Католические террористы отвечали на то, что им казалось нападениями протестантов на их общину; в ответ протестантские террористы применяли бомбы и пули. Паб сжигали за паб; обездоленная семья с населенной протестантами Шанкиллроуд в Белфасте ничем не отличалась от обездоленной семьи в католическом Андерсонтауне. Схожие эмоциональные заряды накапливали и другие разделенные общины. Босния, в 1990-х годах пережившая этнические чистки, — это, по словам нобелевского лауреата Иво Андрича, «страна ненависти и страха... ненависть выступает самостоятельной силой: ненависть, словно раковая опухоль, поражает вокруг себя все»⁵. Мишенью социальных революционных движений в Германии и Италии были выбраны сотрудники спецслужб и боссы корпораций, в расчете отомстить за их роль в борьбе с терроризмом и за власть капитала, в продуманной попытке склонить их к вражде между собой.

Интеллектуальным крестным отцом современного исламского терроризма можно считать Саида Кутба, египетского писателя, получившего образование в том числе и в США. Кутб, вероятно, понимал важность третьего из названных выше факторов воздействия на общественное мнение. Будучи обвиненным в причастности к заговору с целью свержения правительства полковника Насера в Египте, Кутб, после вынесения в суде смертного приговора, выразил суду благодарность. «Слава Всевышнему, — сказал он, — я вел джихад в течение пятнадцати лет, пока не заслужил эту мученическую смерть». Насер осознал возможные последствия казни и предложил ему помилование и даже должность министра образования в своем правительстве. Но Кутб знал, как оказать наибольшее влияние на сторонников. «Мои слова, — сказал он своей сестре, — будут убедительнее, если они убьют меня»⁶. Другие деятели радикального толка, оказавшие на современников меньшее интеллектуальное влияние, чем Кутб, так же ясно осознавали значимость воздействия своей миссии и своей смерти на общество. Мне вспоминаются дома в Северной Ирландии, в которых фотографии Бобби Сэндса и других республиканцев — участников голодовки в тюрьме, где они отбывали срок, — висели на стенах рядом с изображениями папы римского, Священного Сердца Христа и Пресвятой Девы Марии. Известность Сэндса позволила ему выиграть в апреле 1981 года довыборы на освободившееся место в Вестминстере (в парламенте. — *Ред.*), а он тем временем доводил себя в тюрьме голодовкой до смерти (5 мая 1981 г. — *Ред.*). Семьи, друзья и духовники некоторых из совершавших самоубийство призывали их прекратить голодовку, иные призывали продолжать голодовку и умереть героями.

Реакция на террористические акты становится проверкой политической квалификации правительства, особенно в открытой демократии. Сделай правительство слишком мало, и оно может показаться слабым и неспособным предотвратить эскалацию насилия. Примени оно к врагам слишком жесткие меры, и результатом может стать лишь краткосрочный успех, который обесценивается в долгосрочной перспективе активизацией поддержки повстанцев населением. В начале 1957 года в столице страны, Алжире, генерал Жак Массю и французские десантники подавили мятежников из ФНО (так называемая Битва за Алжир), но мусульманское население, поддерживавшее радикалов, продолжило и в 1958 году кровавое сопротивление французам. В те-

чение четырех лет — до 1962 года — алжирцы добивались независимости, и Франции пришлось смириться с тем, что генерал де Голль несколько лукаво назвал «почетным выходом». Предпринятые французами в Алжире силовые действия уничтожали любую почву для компромисса и значительно расширяли поддержку ФНО.

В 2006 году сообщалось, что блестящую историю этого колониального конфликта, «Жестокую войну за мир», написанную британским историком Алистером Хорном, активно читали в Пентагоне, и она была даже рекомендована Генри Киссинджером президенту Бушу. Как знать, извлекли ли из этого уроки для борьбы с насилием в Ираке? Следует признать, что в Ираке не было ни генерала Массю, ни «почетного выхода». Но, правда и то, что в Ираке, как и везде, наибольшие проблемы вызвала именно военная реакция на терроризм, а не терроризм как таковой. Итак, можно выдвинуть тезис, что мир претерпел существенные изменения не столько из-за событий 11 сентября 2001 года, сколько по причине ответа на события 11 сентября 2001 года. Возможно, когда-нибудь преемнику президента Буша рекомендуют прочитать не только историю алжирского конфликта, но и исследования по лагерю в Гуантанамо и экстрадиции преступников.

Наиболее глубинные причины терроризма чаще просто декларируются, а не тщательно изучаются. Широко распространено мнение, что терроризм произрастает и расцветает в бедных обществах, в которых глубоко укоренилось чувство социальной несправедливости. Выступающие за политику развития отстаивают идею, что гораздо большее влияние на ослабление терроризма окажет расходование денег на борьбу с нищетой, а не расходы на безопасность. Улучшение образования считается мощным средством против терроризма. При этом предполагается, что рост терроризма в демократическом обществе менее вероятен. Плюрализм и открытость сдерживают развитие «террористического мышления». Терроризм растет в разваливающихся или развалившихся странах, где институты власти разрушаются или их вообще не существует. Террористическое мышление — это ответ силам модернизации и глобализации, средство не допустить поправки традиционной идентичности чужеродными коммерческими, политическими или культурными силами. Терроризм, в частности, — это поддерживаемый и поощряемый исламскими государствами для достижения своих целей ответ исламских

фанатиков на унижения и беззастенчивую оскорбительность современного мира.

В какой мере бедность порождает терроризм? Разумный ответ состоит в том, что терроризм не вызывается бедственным экономическим положением, потому что если бы бедность была причиной террористической деятельности, то большая часть террористических организаций зарождалась бы в Африке, к югу от Сахары. Там терроризм, конечно, существовал, например в Бурунди, Конго и Либерии. Но терроризм гораздо чаще возникает значительно севернее — в Алжире, Египте, Сомали, а также в арабских и мусульманских странах Западной и Центральной Азии. Экономика стран Лиги арабских государств, от Ирака до Марокко, если ее сравнивать с экономикой других регионов, находится в столь же плачевном состоянии, как и в странах, расположенных к югу от Сахары, но арабские страны при этом не считаются бедными в абсолютном выражении. Пока другие регионы богатели, арабские страны лишь доказывали свою несостоятельность, несмотря на нефтяные и газовые доходы. Если исключить выручку от продажи нефти, то Саудовская Аравия и другие государства Персидского залива экспортируют меньше товаров, чем 5 миллионов финнов. Страны Персидского залива импортировали громоздкие, безжизненные, готовые к использованию «болванки» материализма. Какие процветающие отрасли созданы в этих странах? В них молодое население и очень мало рабочих мест, но при этом у молодежи есть все возможности увидеть по телевизору то, чем наслаждаются в других странах. Лоуренс Райт в своей книге о предпосылках атаки на башни-близнецы отметил: «Обычно радикализм расцветает в пропасти между растущими ожиданиями и сокращающимися возможностями»⁷.

Несмотря на то что бедность ведет к эрозии государственных институтов в странах, дающих убежище террористам, и снижает возможности получения надлежащего образования, бедность как источник терроризма сама по себе, скорее всего, в абсолютном выражении менее значима, чем в относительном. Относительная бедность подпитывает недовольство и озлобленность. Интересно, что наиболее известные террористические группировки в последнее время пополняются только за счет бедных. Тогда как упоминаемое Райтом исследование демографии исламистов, завербованных антиправительственными организациями Египта в 1970-х годах, показало, что большинство из них были сыновьями чинов-

ников среднего уровня; они были достаточно хорошо образованы и не принадлежали к среде отвергнутых или нищих. Точно так же «люди, прибывшие в Афганистан в 1990-х годах, не были обнищавшими изгоями общества... Большинство потенциальных новобранцев «Аль-Каиды» составляли выходцы из среднего или высшего класса. Почти все они были из полных семей, чаще всего с высшим образованием, с преобладанием выпускников естественных и инженерных факультетов»⁸. Террористы с хорошим образованием, говорящие на нескольких языках, имеют больше возможностей для совершения терактов. Очевидно, что им гораздо проще, чем бедным и необразованным, передвигаться по миру, искать работу, жилье и приспособляться к жизни в другой стране.

Образование может играть определенную роль в радикализации молодежи. Особое внимание следует обратить на пакистанские медресе — религиозные школы, финансируемые, как правило, благотворительными организациями Саудовской Аравии и стран Персидского залива через местные религиозные общины. Еще до притока афганских беженцев в Пакистан уровень грамотности на Племенных территориях и в районе Пешавара был столь низким, что едва поддавался оценке. Я посетил эти территории в середине восьмидесятых годов в качестве британского министра по делам развития и попытался увеличить финансирование государственного школьного образования и добиться расширения светских учебных программ. Я до сих пор, а прошло уже почти двадцать лет, не оставляю попыток добиться этого, теперь уже в качестве европейского комиссара и совместно с Всемирным банком и Агентством международного развития США. Однако в Пакистане система государственного школьного образования остается абсолютно неадекватной, и, несмотря на похвальные усилия министерства образования страны, распоряжения исламбадских властей, по всей вероятности, застревают на полпути к приграничным районам. В медресе преподают строгую ваххабитскую доктрину с акцентом на Коран, шариат и героизацию джихада; последний термин буквально означает борьбу на пути Аллаха, которую можно понимать столь широко, как это делают экстремисты, что она становится вооруженной борьбой против тех, кого они считают врагами ислама (хотя этот термин может также означать внутреннюю борьбу верующего с искушениями). Такие медресе всегда были самой благодатной почвой для вербовки в

«Талибан» и другие экстремистские группировки. Коранические школы широко распространены и в других странах, где бедность препятствует развитию государственного образования. В Программе развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) признается, что всего лишь 14 процентов детей в Сомали посещают начальную школу и только 17 процентов детей грамотны. Дети в этих, как правило, религиозных школах приобретают мало практических навыков, но узнают об опасности развращающего влияния Запада. В столь юном возрасте, когда формируется их сознание и личность, они беззащитны перед теми, кто исповедует радикальный исламизм.

Сумеет ли демократия сокрушить терроризм? Можно ли противопоставить бомбам избирательные урны? Этот взгляд представляется чрезвычайно упрощенным, но лично я считаю, что в целом он верен в более долгосрочной перспективе. Он положил начало дискуссии, результат которой определяется принципом — что посеешь, то и пожнешь. Проведение в нынешних условиях свободных и честных выборов в некоторых странах Ближнего Востока приведет, несомненно, к формированию правительств, поначалу более приверженных исламскому фундаментализму и идее джихада. За кого бы проголосовали в Ираке саудовские сунниты-смертники, если бы у них была возможность вернуться домой? Возможно, что в конечном итоге у нас обнаружилось бы больше расхождений во мнениях с избранными, а не с авторитарными правительствами на Ближнем Востоке. Избранное правительство Ирака, на начальном этапе позиционируемое в качестве потенциальной модели для всего региона, поддерживало, к примеру, точку зрения на Израиль и Палестину, которую в США и Европе оценивают как весьма тревожную. Еще один аргумент против магических свойств демократии состоит в разнице, отмечаемой между числом террористических актов в демократической Индии и относительно небольшим их числом в авторитарном Китае. При этом игнорируется полиэтничная, полирелигиозная составляющая политики Индии, которая сравнивается с более однородным Китаем, не учитывается противоречивый характер перехода Южной Азии от имперского состояния к независимости. При этом мы исходим из того, что знаем о происходящем в Китае так же много, как о том, что происходит в Индии. Но это не так. Нам неизвестно, например, о точном количестве нападений уйгурских сепаратистов в провинции Синьцзян; китайские власти

заявляли о срыве террористических актов, запланированных уйгурами на время Олимпиады в 2008 году.

Общая аргументация в пользу демократии и плюрализма оказывается состоятельной в том случае, если дать точное определение терминам и сосредоточиться на взаимосвязи между политической и экономикой.

Во-первых, как утверждал американский политический аналитик Фарид Закария, демократия — это не только избирательный процесс, который реализует мажоритарный принцип и может приводить к «нелиберальным» результатам⁹. Демократия подразумевает все институты и ценности, которые обеспечивают как техническое, аппаратное, так и системное обеспечение основанного на плюрализме, открытого государства: независимые суды и верховенство права, свободу слова, собраний и вероисповедания, право собственности, подотчетные государственные службы, гражданское общество. Тяжкий для всех нас опыт европейских стран, от России до Балкан, показал, что создание основанного на плюрализме общества, функционирующего в соответствии с законом, требует больше времени и усилий, чем просто наделение людей возможностью голосовать, хотя это обстоятельство не следует рассматривать как повод откладывать внедрение избирательной системы на неопределенный срок.

Во-вторых, мы уже отмечали экономическую отсталость ближневосточных стран Лиги арабских государств, несмотря на наличие у них энергетических ресурсов. В данном случае, как неоднократно утверждалось в рамках ПРООН, прослеживается связь между авторитарностью власти в регионе, отношением к гендерным вопросам и вопросам образования и экономической эффективностью. Результатом сокращения политических и других гражданских свобод, в сочетании с низкими темпами экономического роста, становится безработица и безысходность. Население в арабском мире возросло с 187 миллионов жителей в 1985 году до более чем 280 миллионов в настоящее время. Согласно прогнозам, к 2020 году население в этой группе стран вырастет до более чем 360 миллионов; 33 процента арабов — это люди моложе 14 лет. Сегодня в странах Лиги арабских государств насчитывается 20 миллионов безработных, а в ближайшие десять лет работу будут искать уже 32 миллиона. Для сокращения уровня безработицы ежегодные темпы роста экономики региона должны превышать 7 процентов. Огромное число молодых безработных в

сочетании с политическими и гражданскими репрессиями создают благодатную почву для насилия и экстремизма. В этих обстоятельствах наиболее адекватный и долгосрочный ответ на политический джихад способны обеспечить эффективные, подотчетные, более открытые правительства, придерживающиеся либеральной экономической стратегии.

Неудовлетворенность, порожденная экономическими трудностями, на фоне наблюдаемого по телевидению достатка, сформировала очевидную враждебность к явлению, которое воспринимается как управляемая американцами глобализация. Особую остроту этот процесс приобретает в тех мусульманских странах, где враждебность имеет религиозную подоплеку. То, что большинством из нас, в том числе многими мусульманами, воспринимается как увеличение возможностей, расширение индивидуального выбора и свободы, другими может восприниматься, и фактически рисует, как наглость и аморальность в высказываниях и империализм в намерениях. Такие настроения возникли не сегодня. Сходное ожесточение испытывал Саид Кутб, когда в начале 1950-х годов он вернулся из американского колледжа, из Америки антикоммунизма и отчетов Кинси*. «Белый человек в Европе и Америке — наш враг номер один», — заявил он.

«Белый человек топчет нас ногами, а мы рассказываем нашим детям о его цивилизации, его универсальных принципах и благородных целях... Мы воспитываем в наших детях восхищение и уважение к господину, который попирает нашу честь и порабощает нас. Так давайте вместо этого сеять в душах детей семена ненависти, отвращения и мести. Давайте с младых ногтей прививать нашим детям мысль о том, что белый человек — это враг человечества, и что его необходимо уничтожить при первой же возможности»¹⁰.

Усама бен Ладен, многие помощники которого испытали сильное влияние Саида Кутба, не раз выражал схожую нетерпимость. Эта нетерпимость довольно сильно отличается от эмоций, вдохновлявших арабских националистов к борьбе с колониальными

---

* «Отчеты Кинси» — две монографии о сексуальном поведении человека (1948, 1953), написанные Альфредом Кинси. Исследованию подверглись ранее табуированные аспекты отношений между полами. Значительной частью общества исследования воспринимались как деградация морали.

державами в 1950-х и 1960-х годах. Это отличие хорошо выражено юным мусульманином Амаром — потенциальным террористом в написанном полвека назад романе Пола Боулза «Дом паука». «Когда произносилось слово “независимость”, им виделись отряды мусульманских солдат, марширующих по улицам, где все вывески были выведены арабской вязью, мощные фабрики и заводы, высящиеся по всей стране; Амар же представлял объятые пламенем небеса, крылья ангелов-мстителей и картины полного разрушения»¹¹.

Большинство мусульман испытывают совсем другие чувства. В ходе нескольких сравнительных исследований показано, что для граждан в арабских странах характерны такие же амбиции, страхи, симпатии и антипатии, как и людям в других странах, хотя им присущи более жесткие взгляды на Израиль и Палестину. Более того, три четверти мусульман живут за пределами Ближнего Востока, в азиатских странах, пострадавших от терроризма. Во многих этих странах созданы эффективно функционирующие демократии (например, в Индии, Малайзии и Индонезии), в которых поддержка джихада ограничена. Однако прослеживается ужасающая тенденция принимать весь мусульманский мир за совокупность людей, озлобленных за обиды колониальной и постколониальной эпохи, враждебный к западному плюрализму, а склонность к бессмысленному насилию и социальным репрессиям считается заложенной в генетическую базу мусульман. Создается впечатление, что в среде мусульман буйно разросся исламский фашизм. Такое предположение столь же нелепо, как и демонизация всех католиков по причине того, что большинство ирландских террористов исповедовали ту же религию, которую в школе учили рассматривать (в том числе и меня как католика) как «Единственную Истинную Веру».

Но реакция на теракты, совершенные мусульманами, во многих случаях под руководством или в подражание «Аль-Каиде» (выступающей, согласно выражению Колина Пауэлла, в качестве «холдинга» терроризма), не приносит результата, если она основана на необдуманных и ущербных принципах политики идентичности. Вне зависимости от того, стал ли террор ответом на «глобализацию», принципиальным отстаиванием идентичности теми, кто ощущал угрозу или остался на обочине культурной и экономической, по преимуществу западной, среды, можно наверняка утверждать, что террор, опирающийся на религию, тесно связан с

отстаиванием особой идентичности. По всей вероятности, такой террор не преследует какие-либо справедливые или подлежащие обсуждению политические цели. Некоторые аналитики высказывают мнение, что цель «Аль-Каиды» «ограничивается» политическим и территориальным уничтожением Израиля, изгнанием США из Саудовской Аравии и построением нового халифата от Марокко до Индонезии. Такие цели, конечно же, расширяют значение понятия «ограничивается» далеко за допустимые границы. Стремление, например, к региональной автономии может быть определено как «ограниченное» в том случае, если оно обладает разумными характеристиками: цель по своей сути осуществима; ей присуща определенная степень политической легитимности; она может стать предметом переговоров; стороны конфликта готовы вести переговоры и так далее. Можно утверждать, что чеченские террористы, применявшие безжалостную и коварную тактику борьбы, подпадали под описанную категорию; они хотели независимой Чечни. Но из всех целей «Аль-Каиды» только задачу по отношению к Саудовской Аравии можно счесть в определенной мере соответствующей некоторым из перечисленных критериев.

Вот в чем заключаются цели большинства новых террористов XXI века: вынудить нас признать легитимность разделения мира по религиозному признаку; вынудить нас признать их, террористов, уполномоченными представителями мусульманского сообщества; и, наконец, вынудить мусульман признать их в качестве истинных лидеров, действующих по воле Божьей.

Мы можем победить ту или иную группировку террористов, но нам не удастся побороть явление, которое Луиза Ричардсон называет «качественно новым» терроризмом, если мы примем легитимность идентичности за основу жизни международного сообщества, считая ее необходимым условием трансцендентного, универсального взгляда на мир. Эту проблему всесторонне описал индийский экономист Амартя Сен в книге «Идентичность и насилие: иллюзия судьбы»¹². Он утверждает, что «хотя религиозные категории в последние годы широко обсуждались, они не могут считаться отменяющими другие отличия между людьми, и тем более они не могут рассматриваться в качестве единственной адекватной системы классификации людей по всему миру... Проблематичность тезиса о столкновении цивилизаций возникает задолго до того момента, как мы подходим к рассуждению о

неизбежности столкновения; трудности возникают уже на этапе допущения беспорной неизбежности столкновения».

Сен предостерегает от тех, кто «выдвигает благородную на первый взгляд идею переманивания мусульманских активистов из протестного лагеря посредством кажущейся благовидной стратегии переопределения ислама. Такие люди пытаются отвести исламских террористов от насилия, настаивая на том, что ислам — это мирная религия и что “истинный мусульманин” должен быть толерантным человеком (бросай это дело и будь мирным)».

Отказ от конфронтационного взгляда на ислам на данном этапе, несомненно, целесообразен и чрезвычайно важен. Но мы должны также задаться вопросом, существует ли хоть малейшая необходимость или целесообразность, а тем более возможность определить в привычных политических терминах, каким должен быть истинный мусульманин. Замена определения «мусульманин» на «христианин», «буддист», «последователь конфуцианства», «индуист», «агностик», «атеист» или «консьюмерист» делает проблему совершенно очевидной.

Почему мы ведем себя так, как описал профессор Сен? Потому что забываем, что единственный способ «победить» в войне с террором — это помнить о гуманизме — фундаменте любого гражданского общества. Цель террористов заключается не в том, чтобы вынудить нас отказаться от гражданских свобод, но, быть может, в том, чтобы мы утратили наши гражданские идеалы. В открытых, либеральных и толерантных обществах следует остерегаться увязывания способов самовыражения отдельного человека с самовыражением данного сообщества. Свойственное нам желание признавать и уважать выбранную людьми идентичность может с легкостью стать тем самым средством, при помощи которого мы лишаем прав отдельного человека в пользу искусственных коллективов, в которых различные самопровозглашенные лидеры считаются выступающими от имени своих общин. Выпячивая идентичность, в которой и заключаются их полномочия, эти «лидеры» (например, в Северной Ирландии) контролируют дискуссионное пространство, эфирное время, ресурсы и даже отдельных людей; они стремятся заманить представителей этнических групп в ловушки тех сообществ, с которыми они себя идентифицируют, сужая при этом идентичность более широкого сообщества. Подобное извращенное толкование политики иногда выводит в лидеры общин кровожадных преступников, как это

было, например, на Балканах. Как знать? Возможно, в один прекрасный день нам предложат сесть за стол переговоров с суданскими джанджавидами и почтительно попросить их изложить свои взгляды на чаяния и потребности представляемого ими сообщества. Прежде чем вы осознаете, куда попали, можно оказаться за столом переговоров с группой из тридцати вооруженных молодых людей с джибом и огромным самомнением, которым эти самые переговоры придают легитимность.

Недееспособные государства не были основной питательной средой для террористов. Самые продуктивные места вербовки террористов — это сильные, авторитарные арабские страны — Саудовская Аравия, Алжир, Египет. Сирийцы утверждают, что две крупнейшие террористические группы, перехваченные ими по пути в Ирак, состояли из граждан Кувейта и Туниса. Кроме того, сильные или в определенной мере сильные государства часто сами поддерживают терроризм. Пакистан поддерживает террористов в Кашмире; Иран поддерживал боевиков в Ираке и в других регионах Ближнего Востока. Следует отметить, что глобализация снизила потребности террористических организаций в государственной поддержке. Сотовые, спутниковые телефоны и электронная почта позволяют обеспечить прямые контакты внутри группировок; курьеры могут быстро перемещаться по миру с крупными суммами наличных денег; приобретение авиабилетов и получение паспорта не вызывает затруднений. Террористические группировки, зачастую действующие совместно с транснациональными преступными организациями или в качестве таковых, пользуются технологиями и открытостью, которые делают международную преступность угрозой для суверенитета государств.

Недееспособные государства интересны террористическим группировкам ввиду иных преимуществ. Такие государства или «закрытые» зоны внутри государств обеспечивают территорию для оружейных складов и тренировочных лагерей. Боснийские террористы захватили несколько районов в Боснии. «Аль-Каида» вела коммерческую деятельность в Судане и организовала тренировочные лагеря в Афганистане. Правоохранительные органы недееспособных государств неспособны предотвратить контрабанду и торговлю наркотиками, прибыль от которых часто идет на финансирование террористических операций. Колумбийские террористы в обмен на часть доходов от торговли наркотиками охраняют плантации коки и лаборатории по производству кокаина.

Некоторые среднеазиатские республики предоставляют террористическим группам убежище, например в Ферганской долине. Недееспособные государства сохраняют символы и атрибуты суверенитета и этим могут сообщить террористам легитимность. Поговаривают, что Усама бен Ладен был обладателем суданского, боснийского и албанского паспортов. Недееспособные государства обеспечивают террористам определенные сетевые возможности, которые могут признаваться деловым сообществом. От Боснии до Афганистана тянется древний, слабо контролируемый путь перемещения товаров и людей, проходящий по всей Средней Азии, с ответвлениями в Чечню, Абхазию (в Грузии), в «племенные регионы» Пакистана и Кашмира. Другой древний маршрут, протянувшийся дугой от Африканского Рога и Йемена через Южную Азию в Малайзию и Индонезию, сегодня связан с обширной внутриконтинентальной глубинкой Центральной и Южной Африки — от Анголы до Руанды. Глобализация несколько сгладила ландшафт планеты, но в мире по-прежнему достаточно холмов и долин, где может скрываться самый разыскиваемый в мире человек, бен Ладен, и где можно укрыть террористические группы и транспортные пути.

Природу государств, слабых государств, стран-изгоев и т.д., умышленно или ненамеренно помогающих террористам, непросто определить. Когда «Аль-Каида» приняла решение укрыться в Судане, то выбор пал на жестко контролируемый правительством Хартум, а не на регионы страны, в которых не исполняются распоряжения властей. В Афганистан «Аль-Каида» переселилась после 1996 года, когда в стране прочно установилась власть талибов, но не в предшествовавшие тому годы гражданской войны. По отношению к террористам государства можно разделить на четыре группы. В первую входят страны, которые стали недееспособными или утрачивают дееспособность и которые предоставляют террористам широкие возможности для сбора денег, покупки оружия и временного пребывания. Во второй — государства, в определенной степени потакающие или готовые на тех или иных условиях заключать сделки с террористическими организациями. Это страны, где при минимальном сопротивлении властей могут проводиться обучение, вербовка, устройство складов для снабжения террористов. В третьей группе стран коммерческие операции и несколько более «легитимный» сбор средств могут осуществляться под эгидой благотворительных, коммерческих или религиоз-

ных групп. В четвертой — государства, откуда террористы ведут наблюдение и разведку, где устраивают конспиративные помещения и рекрутируют сочувствующих.

После 2001 года одно государство — Ирак — было признано относящимся к первым трем группам. Прояснять аргументацию сегодня нет никакого смысла. В ультиматуме, предъявленном Саддаму Хусейну 17 марта 2003 года, президент Буш сказал, что Ирак «помогал, обучал и укрывал террористов, включая агентов “Аль-Каиды”». В декабре 2001 года вице-президент Дик Чейни утверждал, с привычным для него притязанием на истинность, что получены надежные подтверждения тому, «что один из агентов бен Ладена встречался с офицером разведки Ирака». Непосредственно после 11 сентября всего лишь 3 процента американцев считали, что Ирак имеет отношение к трагедии; к 2003 году, благодаря намекам и экивокам администрации Буша, 44 процента американцев полагали, что угонщиками самолетов были иракцы. Многие были уверены, что за терактами 11 сентября стоит сам Саддам Хусейн. И это не удивительно, если учитывать размер аудитории принадлежащего Руперту Мердоку телеканала «Фокс-ТВ» и готовность администрации Буша, как выразился старший аналитик ЦРУ, выдавать желаемое за действительное. Саддам, несомненно, давал деньги семьям палестинских террористов-смертников и предоставлял убежище светским палестинским террористическим группировкам, таким как организация Абу Нидаля, но нет никаких доказательств его сотрудничества с «Аль-Каидой» или помощи в организации нападений 11 сентября. Странно, если бы это было иначе. Что касается бен Ладена, то он считал Саддама вероотступником. Он не был исламским правителем и предал истинный ислам. Саддам и бен Ладен преследовали диаметрально противоположные политические цели и идеологии. Профессор Сент-Эндрюсского университета Пол Уилкинсон и журналист Би-би-си Джейн Корбин разбили аргументы, свидетельствующие о встрече агентов иракских спецслужб с лидером угонщиков самолетов, о базе «Аль-Каиды» на севере Ирака и об управлении сетевой структурой из Багдада¹³.

Война в Ираке стала ужасающим примером того, как терроризм может спровоцировать правительство на совершение действий, наносящих собственной стране гораздо больший ущерб, чем вызвавшие эти действия террористические атаки. Спецслужбы в Вашингтоне, Лондоне и в других столицах не раз предсказывали,

что вторжение в Ирак во многом увеличит, а не сократит террористическую угрозу. Разрушительный конфликт, отчасти в форме гражданской войны, преимущественно между суннитами и шиитами, отчасти же в форме борьбы за изгнание вооруженных сил США и союзников из Ирака, стал притягательным для террористов-джихадистов. Подобно тому, как это случилось в Боснии, Чечне и, в восьмидесятые годы, в Афганистане, этот конфликт почти наверняка приведет к формированию огромной массы профессиональных наемников. Печальным подтверждением этому стало несправедливое и карикатурное изображение Америки как врага арабского мира, в основном по причине дружбы с Израилем, а также из-за мнимого желания Америки завладеть мусульманскими ресурсами, главным образом нефтью. Бен Ладен надеялся спровоцировать США на затратное, истощающее и в военном, и в моральном аспектах вторжение и оккупацию Афганистана. Он не мог поверить в свою удачу, когда Ирак стал ареной ошибочной политики неоконсерваторов, отвлекающей внимание от Афганистана и приграничных районов Пакистана, где «Аль-Каида» укрывается по сей день. Помимо стимулирования терроризма, существуют другие факторы, вносящие вклад в цену, уплаченную за Ирак. Одним из факторов были затраты на вторжение, раздувшие дефицит федерального бюджета Америки до заоблачных высот. Произошла дискредитация «жесткой силы» Америки, войска которой ввязались в противостояние, победить в котором не могли, лишившись тем самым возможности быть развернутыми на более важном фронте в Афганистане, где победа талибов и их сторонников может привести к дестабилизации Пакистана и региона в целом.

Во время борьбы с мятежниками в Ираке широко применялась система спутникового слежения, предназначенная для информирования американцев о происходящем в мире. Авторитет Америки пострадал в связи с тюрьмой в Абу-Грейб и штурмом города Эль-Фаллуджа, ставших в определенном смысле самыми тяжкими и нанесшими Штатам наибольший моральный ущерб событиями войны. Когда-то привлекательная «мягкая сила» Америки существенно ослабла. Мы избавились от жестокого диктатора в Ираке, но в результате еще сильнее ожесточили страну, регион и весь мир. Война в Ираке сделала мир менее безопасным, а усилия по сдерживанию терроризма — более обременительными. С учетом недавних событий президент Обама, с самого начала действия своего мандата, осознал необходимость обращения к

мусульманам всего мира. Свое первое телеинтервью в Белом доме он дал арабскому спутниковому каналу «Аль-Арабия», в котором заявил, что его администрация намерена слушать, а не диктовать, что Америка — не враг и что он надеется на восстановление «уважения и партнерства на том же уровне, который у Америки и мусульманского мира был не так давно, двадцать или тридцать лет назад».

Атаки террористов-смертников в Израиле и Палестине, которым Саддам Хусейн, несомненно, оказывал финансовую поддержку, не представляют собой, как мы уже отмечали в отношении сикариев и ассасинов, новый феномен, однако в последние годы они участились и стали вызывать особый страх вследствие непостижимости лежащего в их основе фанатизма. Ирландский терроризм в Великобритании никогда не использовал смертников, хотя ИРА в 1980-х годах выставляла участников голодовок мучениками. Именно этим были обусловлены шок и ужас от взрывов в общественном транспорте в Лондоне в июле 2005 года, когда четверо молодых людей, один из которых был уважаемым учителем, а другой — студентом-спортсменом, подорвали себя и еще 52 человек и ранили более 700. В период с 1981 по 1999 год подобные атаки совершались в семи странах. С начала нынешнего века подрывы террористов-смертников были совершены в двадцати странах. Среди исполнителей были европейцы и семейные пары, причем возрастает число женщин-смертниц, чьи семьи на палестинских территориях получают половину ежемесячного пособия, выплачиваемого семьям смертников-мужчин, — 200 долларов в месяц вместо 400 долларов.

Действия, которые террористы и некоторые другие жители стран Ближнего Востока называют не атакой террористов-смертников, а мученической смертью, зачастую вызваны чувством бессилия террористической группировки, а также глубоким фанатизмом. До событий в Ираке наибольшее число таких терактов, в сравнении с другими террористическими группировками, совершили боевые организации «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ) в Шри-Ланке. В период с 1987 по 2001 год «тамильские тигры» организовали около 150 акций террористов-смертников, возможно больше, в которых погибло более 900 человек. На Ближнем Востоке применение этой смертельной тактики началось в 1983 году с взрыва 18 апреля американского посольства в Бейруте (спланированного нынешним сторонником и советником

премьер-министра Ирака Нури Аль-Малики), а 23 октября — казармы морской пехоты США и штаба французских десантников контингента миротворческих сил. В результате первых трех атак погибло более 400 человек, еще больше жертв унесли теракты, совершенных позднее в том же году в Ливане и Кувейте. После гражданской войны в Ливане взрывы с использованием террористов-смертников стали распространяться на Израиль, Палестину и другие страны региона, став оружием как светских, так и религиозных группировок. Курдские и чеченские террористы тоже начали применять эту тактику, причем чеченские террористы вербовали так называемых черных вдов, то есть женщин, ставших террористами после гибели своих мужей. Атаки террористов-смертников в Ираке уже теперь стали самыми многочисленными. Некоторые из них совершаются иракцами, другие — саудовцами, сирийцами и алжирцами. «Аль-Каида» — лишь одна из нескольких группировок, организующих эти массовые убийства.

Одна из причин тревоги в обществе в связи с терроризмом — это леденящая душу действенность терактов. Можно попытаться, не отрицая действительно ужасающий характер событий 11 сентября, рассмотреть количество погибших в тот день — 3000 человек — в более широком контексте, с целью предотвратить излишне истеричную реакцию на проблему. Луиза Ричардсон напоминает о ежегодных 16 000 убийствах в США и о 18 000 американцев, погибающих на дорогах из-за пьяных водителей. С другой стороны, полнейшая хаотичность ужаса, от Нью-Йорка до Беслана, способность и готовность террористов нести смерть и разрушения неизбежно формируют предчувствие надвигающейся опасности. Это предчувствие усугубляется страхом перед последствиями завладения террористическими группировками химическим, биологическим или ядерным оружием или создания «грязной бомбы». Некоторые эксперты считают, что рано или поздно это произойдет. Один из крупнейших экспертов по борьбе с терроризмом Уолтер Лакер утверждал, к примеру, что «более или менее систематическое применение террористическими группировками радиологического, химического или биологического оружия — это всего лишь вопрос времени; первые шаги в этом направлении уже сделаны»¹⁴. Кто же эти люди, совершившие эти «первые шаги», и к чему могут привести усилия по достижению убийственной цели?

В истории есть яркий пример террористической группировки, стремившейся применить ужасающий способ массовых убийств¹⁵.

Японская религиозная секта «Аум Синрикё» (или «Высшая Истина») насчитывала более 60 000 членов и активов почти на 1 миллиард долларов США. В организацию специально вербовались члены с опытом научной и инженерной работы (особенно в Японии). «Аум Синрикё» выделяла огромные средства на научно-исследовательские изыскания, целью которых была разработка оружия, в том числе зарина (запасов зарина было достаточно, чтобы убить 4,5 миллиона человек) и других мощных отравляющих веществ нервно-паралитического действия, таких как Ви-икс, табун и зоман. Они выращивали болезнетворные микроорганизмы, такие как возбудители сибирской язвы, Ку-лихорадки и, возможно, лихорадки Эбола. В организации существовала и ядерная программа; в Западной Австралии было приобретено овцеводческое хозяйство площадью 500 000 акров, на территории которого члены секты надеялись добывать уран и испытывали на овцах газообразные отравляющие вещества. У них был купленный в России вертолет Ми-117 (с устройством распыления химикатов). Секта вела переговоры по приобретению автоматизированного производственного предприятия, танков, истребителей, ракетных пусковых установок и тактического ядерного оружия. Несмотря на наличие огромного арсенала оборудования, денежных средств и опытных специалистов, организации так и не удалось воплотить замыслы по созданию оружия массового поражения (ОМП) и распылению биологических возбудителей болезней. Даже скандально известная зариновая атака в токийском метро в марте 1995 года была осуществлена путем комичного, но от этого не менее ужасающего заполнения действующим веществом пластиковых мешков и последующего их пронзания заостренными наконечниками зонтиков. Хотя в результате атаки погибли двенадцать человек, примерно три четверти из 5000 «подвергшихся воздействию» лиц пострадали главным образом от шока, психической травмы или психосоматических симптомов. «Аум Синрикё» добилась бы, так сказать, большего успеха, если бы организация уверовала в старомодные зажигательные или осколочные устройства.

Цель вышеописанного не в том, чтобы выразить скепсис относительно обеспокоенности возможностью применения новых видов оружия; опасения, вызванные письмами с возбудителями сибирской язвы, отправленными в США после событий 11 сентября 2001 года (они привели к смерти пяти человек), вполне понятны. И даже относительная неудача «Аум Синрикё» не дает

нам оснований отрицать угрозу применения химического, биологического или радиологического оружия. Тем не менее тот факт, что террористические организации включают создание ОМП в свои общие стратегические планы, еще не означает, что они преодолели значительные препятствия в приобретении соответствующих материалов или необходимой квалификации для создания оружия; устранили чрезвычайные опасности, связанные с радиологическим оружием, и избежали изобличения при осуществлении весьма заметной деятельности по его созданию; или получили возможность развертывания созданного оружия. Описанные препятствия могут напомнить нам о том, что хотя XX век и стал эпохой «сверхоружия», таковое (от дредноутов до химического оружия и ядерных бомб) в значительной степени представляло собой исключительно дорогостоящие и монопольные средства устрашения. Может быть, более обоснованно, хотя и гораздо менее романтично, называть ядерный век веком Калашникова. Впрочем, к вопросу ядерного терроризма мы вернемся в следующей главе.

Мы уже отмечали кровавые и необдуманные последствия стратегического ответа «Аль-Каиде» со стороны Америки и ее союзников после событий 11 сентября. Они оказались весьма дорогостоящими — в финансовом, политическом и моральном аспектах. Комментаторы часто отмечают сомнительное сходство между Вьетнамом и Ираком, сравнение, поначалу отвергавшееся администрацией Буша и ее сторонниками, так как это означало бы, что США увязли по самую макушку в трясине, выбраться из которой будет невероятно трудно. Меня всегда беспокоило, что это сравнение ошибочно в другом отношении. Вьетнам стал несомненным окончанием процесса, даже если это обстоятельство в то время не было очевидным. Коммунизм как система и идеология был почти разрушен. Технологии и открытие рынков способствовали созданию глобальной экономики и росту уровня жизни десятков миллионов жителей Азии. Капитализм в его различных формах — от контроля экономики партией ленинского типа до рыночного бандитизма — начал копать могилы марксизма и маоизма. Тревожный аспект войны в Ираке заключается в том, что Одри Курт Кронин назвал «сочетанием нарастающих перемен, вызванных глобализацией, присущих арабскому региону слабостей и неадекватного ответа Америки на оба фактора...»¹⁶. Упоминание в данном контексте только Соединенных Штатов,

конечно же, несправедливо; Европа тоже несет за это ответственность. Мы уверовали в тезис Хантингтона о «столкновении цивилизаций», обострив чувство обиды у мусульман в части — хотя и в меньшей части — исламского мира. Если мы не внесем принципиальные коррективы в свой курс, то обнаружим, что запустили процесс, остановить который весьма непросто. Вот почему пример Вьетнама неуместен.

Бытует мнение, что, несмотря на политические и стратегические просчеты, в тактическом плане сдерживание терроризма было относительно успешным. Политическим лидерам надо постараться не привлекать к этой оценке особого внимания, пока они не запасутся полным комплектом аргументов и не скрестят все пальцы рук и ног. Если не считать нас всех воинами в «войне добра и зла» (в рамках которой операция в Ираке была уподоблена операции «Омаха-Бич»*), а лишь констатировать (и это больше соответствует действительности), что мы пытаемся справиться с той или иной группой террористов в данный момент истории, то дела обстоят не так плохо. После изучения большей части имеющихся данных журналист Джеймс Феллоуз высказал мнение, что «все, что должно быть контролируемо, взято под контроль; центральное командование “Аль-Каиды” рассеяно». Он считает, что теперь Америке следует приступить к трехкомпонентной работе по «внутренней безопасности страны, отпору и преследованию “Аль-Каиды” по всему миру и дипломатической кампании на всех фронтах»¹⁷. Важным центром приложения усилий кампании должны стать Афганистан и Пакистан — особенно приграничные регионы, такие как Северный Вазирстан, где «Аль-Каида» пытается построить оперативный центр. Другие эксперты настаивают, что «Аль-Каида» добилась большего, чем предполагает Феллоуз, скрытно перегруппировавшись в приграничной пустынной местности. Бывший начальник подразделения ЦРУ, занимающегося Усамой бен Ладеном, в шестую годовщину событий 11 сентября заявил, что под защитой некоторых спецслужб президента Афганистана Мушаррафа «Аль-Каида» в конечном итоге стала сегодня еще более опасной, чем вчера, и эта обеспокоенность подтверждается систематическими утечками разведывательных данных, просочившимися примерно в

---

* Кодовое название одного из пяти секторов высадки сил союзников в Нормандии 6.06.1944 года в ходе операции «Оверлорд» во время Второй мировой войны.

то же время. Самый честный ответ — никто не знает, что происходит на самом деле. Нам, по крайней мере, известно, что в данный момент бен Ладен скрывается в какой-то горной пещере; что крепнет международное сотрудничество в противодействии террористам; и что расширено, в частности, практическое сотрудничество по прекращению финансирования терроризма — хотя такая система еще очень далека от совершенства. Кроме того, что бы ни происходило в Европе, негативной реакции мусульман в США это, по видимому, не вызывает. Президент Буш, не считая его давних оплошностей, например начала «крестового похода», стал внимательнее к мусульманским группам и мнениям, высказываемым внутри страны, и мусульмане, по всей видимости, хорошо интегрированы в американское общество.

Все это может послужить нам напоминанием, что противодействие терроризму бывает успешным. Оно сработало в Малайе и на Филиппинах в 1950-х годах, оно сработало в отношении Красных бригад в Германии и Италии в 1970-х годах и принесло определенный успех в борьбе с ИРА в Северной Ирландии. Кампании против террористов можно довести до конца, как отметил профессор сэра Адам Робертс¹⁸, хотя объявление победы становится неблагоприятной провокацией для оставшихся террористов, «а также для богов». Ключевым элементом любой операции является хорошая работа спецслужб и полиции, которым общественность должна доверять. В демократических странах, где вера общества в основополагающую добросовестность правительства представляется жизненно важной для защиты свободы, злоупотребления со стороны спецслужб, зафиксированные после 11 сентября и в преддверии войны в Ираке, особенно опасны. Для решения о проведении антитеррористической операции (вопреки возражениям г-на Роува по данному вопросу) необходимо знать, с кем вы боретесь, а также осознавать достижимые цели ваших операций по ликвидации ячеек, сетевых структур и источников финансирования террористов.

Терроризм, связанный с борьбой за национальную независимость, прекращается, как правило, только с предоставлением властью независимости, хотя этого не происходит в тех случаях, когда власть решительно интегрирует мятежный регион в свою культуру, политическую жизнь и систему ценностей (Страна Басков, Северная Ирландия). Даже в таких случаях неизбежным элементом любого окончательного соглашения о прекращении террористической деятельности становится уступка части поли-

тической власти. В этом не слишком хочется признаваться, не говоря о том, что иногда так приходится поступать. Для демократических политиков переговоры с террористами оскорбительны, и почти так же неприятно иметь дело с людьми, которые, не будучи сами террористами, получают удовольствие от игры с огнем.

В иных случаях какие-либо реальные политические шаги в рамках антитеррористической кампании попросту отсутствуют. Есть ли рациональное зерно в том, чтобы пойти на уступки Усаме бен Ладену в создании халифата? Тем не менее в нынешних условиях наша политика в отношении региональных проблем Ближнего Востока и Западной и Центральной Азии может способствовать обострению или ослаблению у мусульманского населения чувства обиды, на котором террористы играют, как на музыкальном инструменте. Считается, что США и Европа (в целом) негативно относятся к палестинцам и выступают безоговорочными сторонниками Израиля, что бы эта страна ни делала. Предположение, выдвинутое в 2006 году госсекретарем США Кондолизой Райс о том, что бомбардировки Бейрута и неудачная реакция Израиля на провокации «Хезболлы» представляют собой родовые муки нового Ближнего Востока; распространившееся по всему региону представление о применении Западом двойных стандартов; ощущение, что любые устные обязательства Вашингтона по созданию палестинского государства никогда не заставят Израиль отказаться от части Западного берега реки Иордан, где такое государство могло бы стать предметом переговоров и практической реализации; сокрушительная реакция Израиля на ракетные атаки из Газы в конце 2008 года — все это проблемы, которые во многих случаях абсолютно цинично используются для оправдания терроризма или по меньшей мере чтобы вызвать к нему сочувствие. Израиль считает такой план неприемлемым, однако урегулирование давнего спора с Палестиной позволило бы подрубить корни терроризма на Ближнем Востоке намного эффективнее, чем что-либо еще.

Способы реагирования правительства на терроризм нередко ведут к возникновению новых причин для недовольства. Сэр Роберт Томпсон, один из архитекторов успеха, достигнутого в 1950-х годах в Малайе, писал о решающем значении деятельности правительства в рамках закона (как он поступал в большинстве случаев при урегулировании ситуации в регионе). Международные правовые стандарты не уступают в значении национальным. В отношении преодоления коммунистического

мятежа он отметил: «В борьбе с терроризмом и диверсионными действиями у правительственных сил возникает сильное искушение выйти за рамки закона, оправдываемое тем, что соблюдение законности служит огромной помехой в антитеррористической кампании, что стандартные юридические гарантии неприменимы в случае беспорядков и что террорист заслуживает того, чтобы быть объявленным вне закона. Такой подход не просто ошибочен с точки зрения морали, но по прошествии времени создает для правительства еще большие практические трудности»¹⁹.

Антитеррористические принципы были во многом дискредитированы, когда министр обороны США Дональд Рамсфельд в 2002 году заявил, что его нисколько не заботит обращение с заключенными в лагере Гуантанамо, а также когда выяснилось, что американские войска применяли пытки, а главнокомандующий обсуждал с советниками степень законности пыток. В Египте времен президента Насера террористы после перенесенных пыток становились фанатиками-джихадистами. В путинской России массовые нарушения прав жителей Чечни выталкивали обиженных в ряды террористов. Чрезмерная жестокость может положить конец терроризму на определенное время. Красс подавил восстание рабов в Риме, уставив распятыми телами сотню миль Аппиевой дороги. Спартак был побежден. Но в большинстве случаев история свидетельствует о невозможности устранить повод для неприязни путем создания новых поводов — с материнским молоком недовольство передается будущим поколениям. Если террористов выставят мучениками, то их кровь будет орошать семена нового ужасного культа, возвращающего непримиримых врагов.

Демократические страны в борьбе с терроризмом должны следовать собственным принципам. Именно эти принципы и лежащие в их основе ценности отличают лидеров свободных обществ от фанатиков и психопатов, вступивших на путь террора. В случае последовательного соблюдения этой заповеди, сохранения благоразумия и понимания, за которые ратовала Луиза Ричардсон, можно выразить надежду, что террористы не будут представлять для всех нас главную угрозу в ближайшие десятилетия. Изучение истории позволит нам выбрать оптимальные способы борьбы с терроризмом, избавит от чувства безнадежности при проведении антитеррористических кампаний и напомнит нам (не ввергая нас в пессимизм), что терроризм представляет собой явление, которое нам вряд ли удастся исключить из нашей жизни.

Глава 5

Грибовидные облака

Оставлю городскую суету,
Оставлю улиц блеск и духоту,
Оставлю снег и маету
И людские толпы.
Пойду искать пустыни глухоту
Пустыни красок густоту
И в сладостную дурноту
Погрузят нас грибные облака.

Том Лерер. Песня о Диком Западе

Мы без остановки плодили оружие, ракеты, одни способы уничтожения за другими. Мы делали это беспомощно, почти невольно, как жертвы гипноза, как сомнамбулы, как лемминги, устремляющиеся в море.

Джордж Кеннан, 1981 г.

Нам следует отказаться от несостоятельного принципа, в соответствии с которым некоторые страны не имеют морального права разрабатывать оружие массового поражения (ОМП), а другие могут рассчитывать на ОМП в целях защиты своей безопасности — и даже совершенствовать оружейные технологии и постулировать планы по их применению.

*Мохаммед Эль-Барадеи, генеральный директор
Международного агентства по атомной энергии*

Феномен терроризма, о котором говорилось в предыдущей главе, не порождение XX века. Однако именно в XX столетии человечество стало свидетелем самого, пожалуй, страшного эксперимента в истории. Научные исследования показали человеку, как открыть врата ада, и мы проделали это дважды — в Хиросиме и Нагасаки в 1945 году. Пилот бомбардировщика Б-29, сбросивший [6 августа] первую в истории атомную бомбу, говорил в интервью журнала «Ньюсуик»: «Самолет наполнил ярчайший свет. Мы обернулись, чтобы посмотреть на Хиросиму. Город был накрыт этим ужасным облаком... кипящим, клубящимся в виде гриба». Так ядерный век оставил нам визитную карточку.

Я родился в 1944 году, когда проект «Манхэттен» по созданию атомной бомбы вошел во второй год своего развития. Следовательно, я принадлежу к поколению подлинных «baby boomers*»), выросших в эпоху ядерного мира, когда Восток и Запад выжили только потому, что альтернативой миру было уничтожение нашей планеты. То было сумасшедшее время, и, оглядываясь назад, я не вполне понимаю, как многие из нас сохраняли безразличие к тому равновесию ужаса, что воцарилось в мире, как мы вообще могли жить в той атмосфере жуткой тревоги и уныния. Вспоминаю, как в родном для меня лондонском предместье одной из книг на застекленной витрине книжного магазина был роман Невила Шута «На берегу», написанный в 1957 году и повествующий о последних месяцах жизни выживших после термоядерной войны людей на побережье Австралии. Вспоминаю также, с каким неодобрением мои родители относились к демонстрантам, которые на каждую Пасху направлялись в Олдермастон, к стенам института ядерных исследований в Беркшире, дабы выразить протест против наличия у Великобритании «независимого средства ядерного сдерживания». Конечно, среди этих бесстрашных демонстрантов были и те люди, которые хотели, чтобы Запад разоружился, но не столь однозначно относились к позиции Советского Союза, с которым испытывали идеологическое родство. Однако большинство из них, подобно многим участникам «Детских крестовых походов» современности, руководствовались иными мотивами, а именно простыми надеждами, наивными, быть может, несколько иррациональными или даже безумными. Но как можно назвать безумием желание жить в разумном мире? Возможно, лучшим выходом был именно протест, ведь демонстрация служит одним из краеугольных камней плюралистического общества. Циничнее было бы притворяться, что протест лишен смысла.

Порою рассеять кошмар помогал нам юмор висельника. В подростковом возрасте мой учитель английского языка, тот самый, который открыл для меня Донна, Шервуда и Одена (он был одноногим ветераном войны и кембриджским учеником знаменитого Ф.Р. Ливиса), познакомил меня с едкой сатирой Тома Лерера. Было время, когда я знал наизусть все его песни, от «Отравления

---

* Игра слов: прямой перевод «baby boomers» (не путать с «baby boom») означает «дети бомбардировщиков», то есть основного тогда средства доставки атомных зарядов.

голубей в парке» до «Царя Эдипа» («Чье имя появляется в списке Фрейда, раз он любил свою мать»). Наряду с песенкой о Диком Западе Лерер написал очень бодренький гимн тем ядерным годам, или, скорее, гимн «сурвивалистов»*: «Мы пойдем все вместе, скопом, / Каждый готгентот и каждый эскимос, / Наполнится воздух ураном / На тот свет улетим ураганом. / Да, с каждого строгий спрос». Как замечает Лерер, ядерная война была бы делом скорым, без дураков: «Каждому своя Валгалла»**.

Итак, я слушал Лерера, смеялся над кинофильмом Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав», но не участвовал в антивоенных маршах. Более того, я убедил себя в том, что нам, британцам, нужно держать палец на ядерной кнопке (однажды, как оказалось, это мог бы быть и мой палец), все для того, чтобы отвлечь угрозу, исходящую из Москвы, с востока. Моя убежденность укрепилась в пору кубинского кризиса 1962 года, когда мир встал на грань ядерной катастрофы; тогда некоторые из моих друзей по Оксфорду участвовали в демонстрациях против президента Кеннеди, считая все происходящее, весьма странным образом, американской провокацией. Впрочем, большинству из нас, людей, которые были согласны с доводами в пользу доктрины ядерного сдерживания, казалось, что господин Хрущев доказал нам нашу правоту. Как поистине нам было противостоять советской агрессивности, если бы мы не были скованы пактом о взаимном самоубийстве с бюрократическими тиранами в Москве?

Политиком я часто обсуждал вопросы ядерной безопасности со священниками и монахинями, радикалами и пацифистами, попутчиками и святыми простаками — в католических церквях и методистских часовнях. Слушатели обычно приходили на встречи уже с готовым мнением по обсуждаемому вопросу и зачастую ожидали, что я стану оправдывать то, чему нет оправдания — «послушайте только, он еще и говорит, что ходит в церковь». Помню, как однажды у меня состоялся жесточайший спор с одним из самых красноречивых сторонников ядерного разоружения — не просто католическим священником, а монсеньором,

---

* Сурвивализм — движение (субкультура) людей, готовящихся к выживанию в чрезвычайных ситуациях, в том числе к последствиям ядерной войны.

** Валгалла в германо-скандинавском эпосе — небесный чертог для павших в бою.

речь идет о Брюсе Кенте*. В заседании принимала участие и ученая монахиня, которой задали ключевой вопрос вечера, направленный на то, чтобы смутить меня. Как христианину рассматривать вопрос о ядерном оружии — так чтобы это могло сочетаться с его или ее верованиями? Она ответила, что в ее монастыре живет русская монахиня очень преклонных лет, сестра Микаэла, и в течение многих лет каждым вечером она молила архангела, чье имя носит, принести мир и свободу ее родной земле. Теперь Михаил Горбачев стал правителем России, и старая монахиня сочла, что Бог внял ее молитвам. Угроза войны, ядерной войны, чудесным образом отступила. «Вы должны молиться», — завершил выступление мой коллега по собранию, к смятению большой аудитории, собравшейся в нашей церкви, в городе Бат. Ну что ж, мысль была превосходная: может быть, сила молитвы сумела провести нас по ядерному лабиринту и помогла избежать того, о чем поет Том Лерер, — «когда мы уйдем, проникнутые ярчайшим свечением». Молитва и юмор были, пожалуй, лучшим противодействием от тех терзаний.

Размышляя о том, как человечество выжило во второй половине XX столетия, сложно поверить, что сегодняшний мир более опасен, чем прежде.

В 1959 году, как раз когда появился кинофильм по роману Невила Шута, в арсенале США было более 7000 ядерных бомб против 360, имевшихся в распоряжении СССР. В следующие два десятилетия Советский Союз нагнал Америку, хотя его военная мощь неизменно преувеличивалась (как и сегодня); в этом одна из причин нежелания Москвы принимать инспекции ядерных арсеналов в качестве условия разоружения. Ко времени издания романа «Судьба земли» Джонатана Шелла в 1982 году на планете было 50 000 ядерных зарядов, совокупная разрушительная мощь которых в миллион раз превосходила мощь бомбы, сброшенной на Хиросиму. Эти вооружения, как писал Шелл, «выросли из истории, но грозили положить ей конец»¹.

С тех пор количество вооружений в мире существенно снизилось. Холодная война завершилась, хотя и не без жутковатых кризисов. В 1995 году, скажем, русские вообразили, что им угрожает

---

* Брюс Кент (1929), британский римско-католический священник, оставивший духовенство и ставший известным активистом Движения за ядерное разоружение.

запущенная с американской подводной лодки ракета. В действительности кризис был спровоцирован норвежской метеорологической ракетой. Катастрофы удалось избежать, но только после того, как президент Ельцин, находившийся в тот день, очевидно, в добром здравии, поразмыслил о тяжелых последствиях решения, которое ему придется принять. Однако в целом сегодня мир более безопасен, чем в XX веке, учитывая заключенное между США и СССР соглашение о сокращении ядерных арсеналов, приведшее к значительному урезанию «вооружений Судного дня». Да, мир стал безопаснее, но это по-прежнему очень опасный мир.

Угрожающие нам опасности неизменно описывают в терминах гораздо более широких, чем ядерная угроза. Мы помним, как, особенно перед началом войны в Ираке, администрация Буша обличала «оружие массового поражения». Как отмечалось в докладе Института Брукингса, озаглавленном «Смертоносные арсеналы», это было не слишком удачное определение². Вне всякого сомнения, оно использовалось, чтобы преувеличить опасность, исходившую от режима Саддама Хусейна. Представители американской администрации с пеной у рта говорили о своей «стопроцентной уверенности» в том, что у Ирака не только была программа создания ядерного оружия, но и то, что она по-прежнему существует. Однако, согласно докладу группы инспекторов ООН под руководством Ханса Бликса, на Западе, к удивлению, не обладали никаким процентом информации о местонахождении иракских заводов по созданию ядерного оружия. В глазах Кондолизы Райс улики против Саддама принимали грибовидную форму. На случай если бы это не подвигло нас на вторжение в Ирак, Америка с готовностью указывала на наличие у Багдада химического и биологического оружия, что, впрочем, не подлежало сомнению. Более того, химическое оружие применялось Саддамом против иракских граждан курдской национальности, а также во время затяжной войны с Ираном. В последнем случае мы глядели немножко не в ту сторону: ведь когда началась война в Ираке, Саддам был человеком Запада, который, как считалось, стоял между нами и бандой бородатых психопатов. Неудивительно, что сегодня иранцы с большой неохотой прислушиваются к советам Запада относительно обеспечения их безопасности в будущем.

Правда в том, что некоторые государства располагают оружием массового поражения, не являясь при этом ядерными державами. Не исключено, что программу исследований в области созда-

ния биологического оружия ведет Египет. Есть мнение, что арсенал химического оружия имеется в Сирии, а подозрения в разработке химического оружия существуют относительно Судана и Тайваня. Притом что все виды ОМП — химическое, биологическое, радиологическое (грязные бомбы) и ядерное — способны принести чудовищный ущерб и уничтожить значительное число людей, причинив им перед гибелью страшные муки, степень угрозы, исходящей от этих разных типов оружия, различна. Следует различать последствия и сравнительную вероятность летальности их применения, а также оптимальные способы защиты от них. Так, химическое оружие довольно несложно в производстве, но по сравнению с ядерным оружием оно причиняет ограниченный ущерб на ограниченной территории.

Великий греческий историк Фукидид пишет об использовании мышьякового дыма спартанцами против защитников афинского города Делия во время Пелопонесской войны в V веке до Рождества Христова. Китайская армия применяла ядовитый дым при императорах династии Сунь, спустя полторы тысячи лет после спартанцев. В 1863 году президент Авраам Линкольн запретил применение ядов во время боевых действий как способ, «выходящий за пределы войны и закона». Гаагская декларация 1899 года запрещает «использование снарядов, единственным назначением которых является распространение удушающих или вредоносных газов». Однако германская армия использовала хлорный газ, под кодовым названием «дезинфектум», во время второй битвы при Ипре 22 апреля 1915 года, что привело к гибели 5000 французских и алжирских солдат, а также к отравлению еще нескольких тысяч участников битвы, многие из которых погибли вскоре после сражения, захлебнувшись образовавшейся в легких слизью. Британцы и французы ответили чудовищными газовыми атаками, и к концу Первой мировой войны противоборствующие стороны всю применяли иприт (горчичный газ). Одной из жертв газовой атаки стал, кстати, Адольф Гитлер, который получил ожоги кожи и даже временно лишился зрения. То обстоятельство, что во время Второй мировой войны в Европе химическое оружие не применялось, можно воспринимать как ранний пример эффективности доктрины сдерживания. Тем не менее итальянцы применяли газ в Абиссинии, а японцы — в Маньчжурии и Китае. В большинстве войн с той поры, например во время конфликта между Израилем и его арабскими соседями, газ не применялся. Однако существует

мнение о том, что газовые атаки совершались египтянами в Йемене в 1960-х годах, американскими войсками и их противниками — во Вьетнаме и Лаосе, советскими войсками — в Афганистане, и Ираком, как говорилось выше, во время войны с Ираном и против мятежных курдов. В 1988 году в городе Халабжа на территории Иракского Курдистана было убито от 3200 до 5000 курдов, а 10 000 человек получили увечья.

Истории известны случаи применения биологического оружия. Ассирийцы отравляли колодцы. Средневековые воины катапультировали чумные трупы в осажденные города. В середине XVIII века в Америке британские войска раздавали зараженные оспой одеяла индейцам из племен, поддерживавших французов. Однако, несмотря на то что во многих странах велись исследования по созданию биологического оружия, Женевский протокол 1925 года, запрещающий применение бактериологических средств ведения войны, в целом всегда соблюдался, за исключением практики японской армии до и во время Второй мировой войны, применившей это оружие против Китая и Советского Союза. Известно доподлинно, что японцы использовали в качестве подопытных кроликов китайских, российских, монгольских и корейских пленных, а также около трех тысяч военнопленных американцев, британцев, французов и австралийцев.

Избавиться от арсеналов и предприятий по производству химического оружия помогла дипломатия. К 2005 году Конвенцию по запрещению химического оружия 1996 года ратифицировали сто шестьдесят восемь государств*, приняв на себя обязательства уничтожить, экологически безопасным способом, все химическое оружие, находящееся в их распоряжении, до 2007 года, а также демонтировать предприятия по производству такого оружия. Соединенные Штаты, Россия, Индия и Южная Корея объявили, что накопленные ими запасы химического оружия в совокупности составляют более 70 000 тонн, из которых российский арсенал образует более половины. В отношении ряда стран, включая Китай, Египет, Иран, Израиль, Северную Корею и Сирию, имеются подозрения, несмотря на их утверждения об обратном, в сохранении значительного потенциала для производства химического оружия. Разумеется, в недавней истории гораздо большее число государств были производителями именно

---

* В 2015 году — 188 стран.

химического, а не ядерного оружия. Обратить в оружие газ гораздо проще, чем создать атомную бомбу. Тем не менее разрядка и нравственное осуждение международного сообщества привели, как представляется, к свертыванию программ разработки химического оружия. Наконец, какими бы чудовищными ни были последствия применения боевых отравляющих веществ, например нервно-паралитического газа зарина, они несопоставимы с последствиями ядерного взрыва.

Прав, вероятно, Роберт Хатчинсон, который утверждает в труде «Оружие массового поражения», что биологическое оружие «представляет собой самую ужасающую разновидность оружия массового поражения» и что всякий, кто применил его, «граничит с сумасшествием»³. Данное суждение основывается на том, что предсказать последствия высвобождения бактериальной или вирусной инфекции невозможно, так же как невозможно предсказать долговременность порожденной этой инфекцией эпидемии. Неизвестно, сумеет ли справиться с процессом мутации медицинская наука; невозможно предсказать ареал распространения болезней и последствия применения биологических средств с точки зрения экологии всей планеты. Это отчасти объясняет, почему биологическое оружие применялось в истории столь редко, хотя тем не менее непонятно, почему ряд государств продолжает (или предположительно продолжает) разрабатывать программы биологического оружия. В этом списке государств состоят страны, уже упоминавшиеся в связи с арсеналами химического оружия. В этом списке состоит и Россия. Озабоченность вызывают также определенные сведения, имеющиеся в отношении Тайваня и Судана.

Инициатива запрета биологического оружия исходила от президента Никсона, который объявил в 1969 году, что Соединенные Штаты в одностороннем порядке и без предварительных условий отказываются от его применения. Арсенал биологического оружия США был уничтожен, а все производственные мощности подверглись конверсии в мирных целях. Был также ратифицирован Женевский протокол 1925 года, а в 1972 году Никсон добился ратификации Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия. В 1992 году президент Ельцин откровенно рассказал о том, что СССР — одно из государств, подписавших конвенцию, продолжал производство и накопление биологических поражающих веществ.

Несмотря на нарушения режима нераспространения, все государства более или менее солидарны в том, что химические и биологические вооружения должны быть уничтожены, что отличает их от ядерных арсеналов. Договор о нераспространении ядерного оружия (вступивший в силу в 1970 году) с самого начала был подвержен противоположным толкованиям⁴. Многие наблюдатели согласны с утверждением, что это в первую очередь соглашение о разоружении, накладывающее обязательство на государство, подписавшее его, работать в направлении уничтожения ядерных арсеналов. Сами же ядерные державы утверждают, хоть и с известной стыдливостью, что в обязанность им вменяются лишь добросовестные переговоры и усилия по окончанию гонки ядерных вооружений и что вышеуказанный договор соотносится в первую очередь с нераспространением ядерного оружия, а не с разоружением. Одна из причин, по которой ядерные державы с неохотой отказываются от избытков ядерного оружия, состоит в том, что они воспринимают его как единственный гарант против возможного обмана со стороны государств, разрабатывающих химическое и биологическое оружие. Итак, притом что процесс нераспространения химического и биологического оружия все более расширяется, нераспространение ядерного оружия испытывает большие сложности, несмотря на растущие претензии к справедливости и целям обладания им. Сегодня угроза гонки вооружений — это по-прежнему угроза гонки *ядерных* вооружений. Ядерные державы хотят сохранить свои арсеналы, хотя и в сокращенном виде, потому что воспринимают их как последний щит или преграду на пути обмана со стороны других государств. А потенциальные ядерные державы также озабочены возможностью обмана со стороны третьих стран.

В годы холодной войны политика сдерживания опиралась на весьма ясные принципы. «Мы создаем бомбу, чтобы неприятель не использовал ее против нас». Сдерживание достигалось посредством баланса страха. Чтобы срабатывала политика сдерживания, должно существовать понимание того, что «А» может уничтожить «Б», и «Б» может уничтожить «А». Подобное положение вещей именовалось «взаимно гарантированным уничтожением». В качестве оборонительного оружия атомная бомба олицетворяла не только волю к могуществу, но и путь к самоубийству. В настоящее время эта ужасная неотвратимость сменилась смутными предчувствиями и неопределенными страхами, что некоторые игроки на

«ядерной арене» (число которых может потенциально возрасти) предпочитают на всякий случай воздерживаться от принятия обязательств о нераспространении. Такие государства стремятся принимать решения, которые, на их взгляд, наиболее отвечают интересам их безопасности. В лучшем случае наивно, а в худшем опасно думать, что эти государства пойдут против собственного восприятия интересов безопасности во имя абстрактных категорий высокой нравственности. В качестве примера, к которому я вернусь позже, неразумно было бы думать, что можно удержать государства Ближнего Востока или Юго-Восточной Азии от так называемой точки ядерного кипения без внятных региональных договоренностей, гарантирующих безопасность каждого из таких государств.

По образованию я не физик, и у меня нет технических навыков — я способен разве что поменять лампочку или набрать на клавиатуре компьютера письмо одним пальцем. Однако ничто из того, что я когда-либо видел, слышал или читал, не свидетельствует о простоте изготовления атомной бомбы. Впрочем, некоторые эксперты думают иначе. Так, посол Томас Грэм, бывший особый посланник президента Клинтона по вопросам ядерного разоружения, утверждает в книге «Разум и оружие массового поражения», что при посещении южноафриканского предприятия по созданию ядерного оружия, закрытого, впрочем, в начале 1990-х годов, ему показали помещение, где раньше производилась сборка ядерного устройства⁵. «Все, что было в этой комнате, вполне можно найти в кабинете труда средней школы». Что ж, быть может, он прав: сборка готовых компонентов — это достаточно простая задача. Например, все, что нужно человеку для того, чтобы собрать компьютер, это отвертка. Из этого, однако, не следует, что всюду, где наличествуют отвертки, чудесным образом появляются компьютеры. Собственно, ключевой вопрос состоит в том, откуда происходят готовые компоненты? Относительно ядерного оружия ответ на этот вопрос далеко не прост.

Для производства ядерного взрыва необходимо расщепить ядро атома и таким образом высвободить огромное количество энергии. Основной компонент такого процесса — это расщепляемый материал, чаще всего уран или плутоний, способные поддерживать взрывную цепную реакцию. В этом существенно важная составная часть любого ядерного взрыва. Отчасти проблема предотвращения распространения ядерного оружия состоит в том, что

требуемые для его производства материалы могут использоваться и в мирных целях. Однако подготовка материалов к производству оружия — это длительный и сложный процесс. Первый материал, уран, требует обогащения. Второй — представляющий собой альтернативную технологию — это оружейный плутоний, происходящий главным образом из переработки использованных топливных стержней ядерных реакторов.

Джозеф Чиринчионе отмечает, что «производство специализированных ядерных материалов, а также конструирование и изготовление действующего снаряда требует создания крупных и, следовательно, хорошо заметных производственных предприятий (необходимых для производства ядерных материалов), что делает тайное овладение ядерным оружием крайне сложным⁶. Пожалуй, нам следует с большей ясностью проводить различие между производством и приобретением. Очевидно, что производство оружейного расщепляемого материала или ядерного оружия с гораздо большей вероятностью может осуществляться государством, нежели террористической организацией. Конвертирование и обогащение урана или же переработка отработанных урановых топливных стержней в плутоний — это длительный и сложный процесс. Таким образом, опасность может состоять в покупке или краже террористической группировкой расщепляющегося материала или самой бомбы у некоего государства или государственного ведомства. Подобное дело, быть может, осуществимо тайным образом.

Уже с начала эпохи ядерного оружия в 1945 году ужасающая разрушительная сила атомных бомб, измеряемая в килотоннах (одна килотонна равна тысяче тонн динамита или тринитротолуола), подталкивала политических деятелей к поиску путей контроля над этими чудовищами. В октябре 1945 года президент Гарри Трумэн заявил, выступая в конгрессе (всего через два месяца после уничтожения Хиросимы), что «надежда цивилизации состоит в международных соглашениях, направленных, по возможности, к отказу от использования и разработки атомной бомбы». Совместно с британским и канадским премьер-министрами Клементом Эттли и Маккензи Кингом, Трумэн предложил ООН первый план нераспространения ядерного оружия, согласно которому уничтожению подлежали все ядерные вооружения, тогда как ядерные технологии мирного атома подлежали бы контролю и совместному использованию под эгидой комиссии атомной энергии ООН. В следующем

году, под влиянием терзаемых совестью ученых, создавших невиданное чудовище, он подробно расписал свои предложения и доктрину нераспространения ядерного оружия, которую мы обсуждаем и сегодня, спустя шестьдесят лет. Инициативы Трумэна не нашли понимания у Сталина. Сталин не позволил бы никакого посягательства на советский суверенитет и не мог допустить, чтобы американцы обладали стратегическим преимуществом, пусть и временным. Советские разработки ядерного оружия начались в 1943 году, а уже в 1949-м Москва провела первый опытный взрыв атомной бомбы в Казахстане, за которым, в годы холодной войны, последовало еще четыреста пятьдесят. Так началась гонка ядерных вооружений. К ней присоединилась Великобритания в 1952 году, Франция — в 1960-м и Китай — в 1964-м. Согласно оценкам американских экспертов, в 1958 году предполагалось, что уже через десять лет в мире будет шестнадцать ядерных держав, а в 1960 году президент Джон Кеннеди предостерегал, что к концу его президентства в 1964 году в мире будет пятнадцать, двадцать или даже двадцать пять ядерных держав.

В год, когда президент Кеннеди высказал это предположение, и в последующие годы двадцать три государства мира обладали ядерным оружием, вели соответствующие научные исследования или намеревались начать программу его разработки: Аргентина, Австралия, Бразилия, Канада, Китай, Египет, Франция, Индия, Израиль, Италия, Япония, Норвегия, Румыния, Южная Африка, Испания, Швеция, Швейцария, Тайвань, Великобритания, США, СССР, Западная Германия и Югославия. К 1980-м годам этот показатель снизился до девятнадцати стран: Аргентина, Бразилия, Канада, Китай, Франция, Индия, Иран, Ирак, Израиль, Ливия, Северная Корея, Пакистан, Южная Африка, Южная Корея, Тайвань, Великобритания, США, СССР и Югославия. Сегодня в мире существует восемь подтвержденных ядерных держав — Китай, Франция, Индия, Израиль, Пакистан, Россия, Великобритания и США. Не исключено, что ядерным оружием обладает Северная Корея. Есть подозрение, что активную разработку программы создания ядерного оружия ведет Иран. Тем не менее снижающиеся показатели обладания этим оружием, принимая во внимание то обстоятельство, что примерно сорок четыре страны имеют промышленную и технологическую возможность создать его (отчасти благодаря их программам мирного атома), означает относительный успех усилий по сдерживанию распро-

странения ядерного оружия, что особенно отчетливо проявилось после кубинского кризиса 1962 года.

Почему некоторые государства стремятся к созданию ядерного оружия, тогда как иные обходятся без него? Обычно для ответа на этот вопрос принимают во внимание пять взаимосвязанных факторов: безопасность, престиж, национальную политику, технологию и экономику. Очевидно, что эти мотивы и факторы тесно переплетены друг с другом.

Итак, один из очевидных факторов — это безопасность, хотя трактовка понятия «безопасность» не всегда бесспорна. Советский Союз создал атомную бомбу, потому что атомная бомба имелась у США. Китай не доверял ни СССР, ни Соединенным Штатам. Как только атомную бомбу испытал Китай, она потребовалась Индии. Вся взрывчатка, что имелась у Индии, должно была стать достоянием Пакистана. Немаловажно то, что Индия начала работать над созданием ядерного оружия после поражения, нанесенного ей Китаем в 1962 году в скоротечной пограничной войне, а также то, что Пакистан начал разрабатывать свою бомбу спустя десять лет после поражения от Индии в 1971-м. Великобритания не думала, что может вполне положиться, несмотря на все особые отношения, на своего главного союзника — США. С самого начала, уже при послевоенном лейбористском правительстве, у Великобритании была озабоченность американской ядерной монополией, а также способностью других государств создать собственную атомную бомбу. Кроме того, в то время Великобритания (пожалуй, до Суэцкого кризиса 1956 года) по-прежнему считалась одной из мировых сверхдержав. Франция также дала понять, что не собирается полагаться на Америку. Израиль был обеспокоен окружавшими его враждебными арабскими государствами, поклявшимися стереть его с карты мира. Ядерное оружие Израиля, в производстве которого вполне могла участвовать и Южная Африка, было последним средством сдерживания традиционных военных угроз.

Многие из вышеупомянутых соображений безопасности не раз оказывались в центре жесточенных споров. Так, бывший министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх говорил, что «ядерный век вошел в Индию в то самое время, когда ядерной державой стал Китай, то есть в октябре 1964 года». Давид Бен-Гурион, первый премьер-министр Израиля, клятвенно заявлял, «что евреи Израиля никогда не повторят путь жертв Холокоста.

Израиль сможет нанести страшный ответный удар всем, кто попытается его уничтожить». У Франции, пожалуй, были определенные основания для того, чтобы разработать собственную *force de frappe*, то есть ударную силу, или, как ее еще именовали — *force de dissuasion*, силу сдерживания, учитывая те усилия, которые прилагали США и Великобритания, чтобы не дать Франции доступ к ракетным технологиям, уже имевшимся в распоряжении двух этих держав.

Иные европейские государства, в особенности члены НАТО, но также и нейтральные страны, включая Швецию и Швейцарию, не считали, что им необходимы собственные силы ядерного сдерживания. Так, например, Западная Германия могла бы создать собственное ядерное оружие достаточно быстро, но довольствовалась размещенными на ее территории ядерными боеголовками стран-союзников и базами НАТО, а также участием в группировке ядерного планирования Североатлантического альянса. Иначе говоря, Германия довольствовалась местом в ядерном бункере Америки.

Многие другие страны со временем решили, что прямых угроз для их безопасности более нет или что их безопасность может быть гарантирована политическим союзом. Например, Южная Африка создала небольшой ядерный арсенал, числом в шесть боеголовок, в 1970-х годах. ЮАР ощущала угрозу со стороны африканских государств, враждебных режиму апартеида, в особенности со стороны Анголы, где были размещены значительные кубинские силы. Более того, изоляция Южной Африки усугубилась в результате обязательного эмбарго на торговлю оружием и добровольного эмбарго на торговлю нефтью с этой страной, введенными в конце 1970-х годов. Впрочем, в 1993 году пришедшее на смену режиму апартеида правительство Нельсона Манделы заявило о сворачивании своей программы ядерного оружия и стремлении к безъядерному континенту. В Азии Соединенным Штатам удалось убедить Южную Корею воздержаться от разработки собственного ядерного оружия для защиты от возможной агрессии со стороны северного соседа. В обмен на это Вашингтон дал Южной Корее гарантии безопасности.

Престиж — вот еще одна причина для вступления государства в ядерный клуб. В октябре 1946 года министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин сказал на заседании комитета кабинета министров: «Наш престиж в мире, равно как и наша спо-

способность выстроить прочные отношения сотрудничества с Америкой, пострадают, если мы не сможем в полной мере использовать открытие, в котором с самого начала сыграли решающую роль». Лица, которые присутствовали на этой встрече, вспоминают, что Бевин прибег к гораздо более приземленному языку по сравнению с тем, как это записано в протоколе заседания: «Нам нужно заполучить ее любой ценой. Нам, черт побери, нужно водрузить на эту штуку “Юнион Джек”»⁷. В декабре 1962 года британский премьер-министр Гарольд Макмиллан пытался убедить президента Кеннеди на встрече в Нассау, на Багамах, предоставить Великобритании ядерные ракеты «Полярис». Макмиллан, как говорят, согласился с доводами американцев, что это «смешно», отчасти потому, что британские ядерные силы вряд ли много чего добавят к «существующему ядерному потенциалу, уже способному взорвать весь мир». Главный научный советник премьер-министра сэра Уильям Пенни ранее сказал ему, что для того, чтобы наверняка уничтожить Великобританию, понадобится не более семи или восьми ядерных ракет. Однако, продолжал Макмиллан, страны, сыгравшие великую роль в истории, должны сохранить достоинство⁸. Во время телевизионного интервью в феврале 1958 года Макмиллан также заявил, что «независимые силы ядерного сдерживания ставят нас в положение нам приличествующее, а именно в положение великой державы». Спустя три года президент де Голль схожим образом высказался относительно французской ядерной программы, отметив, что великое государство, не обладающее ядерным оружием, которое находится в распоряжении других государств, «не распоряжается собственной судьбой». Как Великобритания, так и Франция, переживавшие тяжелые времена после распада колониальных империй, вновь обрели, благодаря ядерному оружию, статус великих держав. Оба государства полагали, что обладание бомбой гарантирует им место на вершине мировой дипломатии: это была их членская карточка в ядерном клубе.

Иногда решение о создании или отказе от ядерного оружия диктуется внутривнутриполитическими причинами. В Индии приход к власти в 1998 году консервативной партии «Бхаратия Джаната» привел к превращению скромных по масштабам и более или менее тайных мероприятий, проводившихся с 1974 года, в гораздо более открытую программу разработок, увенчавшуюся несколькими испытаниями ядерного оружия в том же 1998 году.

Напротив, в Японии ужасы Хиросимы и Нагасаки сформировали общественное мнение не в пользу ядерного оружия, и сегодня в Японии существует ряд конституционных препятствий на пути подобных разработок.

Техническая и технологическая способность создать ядерное оружие, безусловно, увеличивает вероятность того, что страна пойдет на этот шаг, однако препятствием может выступать и стоимость проекта. Очевидно, что экономические соображения послужили факторами отказа Украины от идеи сохранения у себя части ядерного арсенала СССР и отказа Ливии от программы создания ядерного оружия. Однако экономика не сыграла никакой роли в Пакистане или Северной Корее, чьи ядерные программы легли тяжким бременем на население этих стран. (Экономика Северной Кореи, к примеру, в денежном эквиваленте составляет 26 миллиардов долларов по сравнению с 950 миллиардами долларов южнокорейской экономики.)

Тенденция к сокращению ядерных арсеналов и ограничению числа ядерных держав не должна нас успокаивать. Сегодня в мире достаточно расщепляющегося материала для создания по меньшей мере 300 000 бомб, а у ядерных держав в арсенале их 27 000. США располагают 5400 боеголовками, в России их 4200. В общей сложности у нас в тысячу раз больше смертоносного килотоннажа, чем необходимо для уничтожения жизни на всей планете. Более того, мир сегодня более непредсказуем, чем раньше, это обстоятельство вызывает у многих определенную ностальгию по десятилетиям холодной войны, когда демаркационные линии, казалось, были прочерчены раз и навсегда. Где сегодня пролегает красная черта, которую нельзя переступать? Должны ли мы сдерживать сильные или слабые государства? Как поддерживать порядок в региональных горячих точках? Как предотвратить махинации и обман? Как придать легитимность неравноценным, по своей сути, международным соглашениям? Какова красная черта для — воспользуемся эвфемизмом — негосударственных «акторов», не подпадающих под действие договоров и международных протоколов? Опасность, о которой предупреждал президент Кеннеди в 1963 году, выглядит сегодня так же, если не более актуально: «Прошу вас остановиться и задуматься на мгновение о том, что означало бы иметь ядерное оружие в руках многих, в руках государств больших и малых, стабильных и неустойчивых, ответственных и безответственных, рассеянных по всему миру.

Никому не будет тогда покоя, ни стабильности, ни подлинной безопасности, не останется никакой надежды на эффективное разоружение. Все, что мы получим, это повышение вероятности случайной войны и возрастание необходимости вовлечения великих держав в так называемые локальные конфликты». К этому сегодня можно добавить террористическое измерение.

Стоящие перед всеми нами дилеммы ядерного века переплетены между собой. Новые ядерные государства способны спровоцировать региональную гонку вооружений. Приобретение ядерного оружия Ираном подстегнет Саудовскую Аравию, Египет и Сирию к разработке собственных бомб. Шиитский путь уничтожения Ближнего Востока будет уравновешен суннитским путем. Амбиции Северной Кореи могут вывести из себя ее южного соседа и Японию. Еще большую опасность представляют собой арсеналы ядерного оружия. Так ли необходимы Соединенным Штатам и России тысячи боеготовых ракет? Чем больше в мире ядерного оружия и чем больше расщепляющегося материала, тем выше вероятность его попадания в руки террористов, вынашивающих бредовые акты разрушения. Существующие международные соглашения, которые можно назвать относительно успешными с точки зрения ограничения распространения ядерного оружия, могут рассыпаться в прах, если нам не удастся поддерживать их неукоснительное выполнение. Одним словом, хотя в начале XXI столетия наши заботы в значительной степени связаны с перспективой парникового лета, нам не следует забывать и об опасности ядерной зимы.

Распространение ядерного оружия содержит угрозу существованию государств и народов, тогда как нераспространение означает политику, основанную на всех возможностях современной государственной машины и технократического аппарата. Тема ядерного оружия, как мы видели на примере Ирака, зачастую покрыта завесой секретности, недоговоренности, неназываемых источников, неподтвержденных утечек информации, так называемой серой литературы и целого спектра непрекращающихся переговоров и инициатив. В чащобе сокращений и акронимов зачастую видится оскал страшной угрозы — КОКОМ (Координационный комитет по контролю за экспортом стратегических товаров и технологий), ДВЗЯИ (Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний), программа СУУ (программа по Совместному уменьшению угрозы), ВГРВ (Главная военная груп-

па по вопросам распространения вооружений), ДЗПРМ (Договор о прекращении производства расщепляющихся материалов), ИПР (Инициативы по предотвращению распространения), ЗУКЯМ (программа Защиты, учета и контроля ядерных материалов), ИЯГ (Инициатива по ядерным городам), ДНЯО (Договор о нераспространении ядерного оружия), ГЯП (Группа ядерных поставщиков), ИБОР (Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового поражения) и т.д.⁹.

По существу, режим нераспространения покоится на трех основаниях: всеобъемлющих инициативах и обязательствах по повсеместному исполнению условий режима; коалициях того или иного рода; а также особых инициативах или действиях, часто касающихся конкретного типа угрозы распространения. В сердцевине этих усилий находится Договор о нераспространении ядерного оружия, надзор за исполнением которого ведет МАГАТЭ. Переговоры по Договору о нераспространении ядерного оружия начались вскоре после кубинского кризиса 1962 года и были завершены со стороны США преемником президента Кеннеди Линдоном Джонсоном в 1968 году. Согласно договору 183 государства мира приняли на себя обязательство никогда не создавать ядерное оружие. Кроме того, в договоре участвуют пять ядерных держав, признаваемых таковыми в договоре — США, Россия, Китай, Франция и Великобритания, и в соответствии со статьей 6 Договора все они обязуются «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем». Расплывчатость этих формулировок, а также существующие оговорки оставили без ответа множество вопросов, как об этом пишет немецкий политолог Йоахим Краузе. «Подразумевалось ли, что ядерное разоружение будет всеобъемлющим и полным или нет? Существует ли отношение зависимости между ядерным разоружением и общим разоружением? Должно ли воспринимать полное ядерное разоружение только как часть общего и полного разоружения, или к нему следует стремиться независимо? Вероятнее всего, только в силу подобных размытых формулировок договор и удалось заключить»¹⁰. Очевидно, что британское правительство не слишком сковывало себя Договором о нераспространении, объявив в 2007 году о своем решении сконструи-

ровать и построить новое поколение подводных лодок — носителей ядерных ракет «Трайидент». Государства, обладающие ядерными технологиями, обещали продавать их странам, не имеющим ядерных разработок, при условии, что последние будут использовать их исключительно в мирных целях. МАГАТЭ занимается регулированием всемирной торговли в ядерной сфере, включая технологии и реакторы. Наряду с этим договором существует Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний, переговоры по заключению которого ведутся уже долгие годы; последний договор подписан президентом Клинтонем в 1996 году, но еще не ратифицирован в силу сопротивления конгресса США, а также враждебности к договору американских правых, в глазах которых он выглядит как препятствие к совершенствованию ядерных сил страны. Это, кстати, один из самых наглядных примеров американской исключительности в области иностранных дел и политики в сфере безопасности.

В недавние годы администрация президента Буша пыталась использовать Совет Безопасности ООН для проведения так называемого всемирного законодательства (к примеру, Резолюции 15–40, принятой в апреле 2004 года), которое обязывало бы государства предотвращать распространение ядерного оружия и учреждать достаточные механизмы защиты существующих ядерных арсеналов и экспорта связанных с ними материалов. МАГАТЭ выступило с предложением о принятии дополнительного протокола к Договору о нераспространении, обязывающего ратифицировавшие его государства принимать инспекции МАГАТЭ при любой необходимости, определяемой агентством. Согласно договору, эти инспекции могли и должны были ограничиваться так называемыми «декларируемыми» участками и местами. Это обстоятельство позволяло обойти обязывающие положения протокола. Притом что участие в дополнительном протоколе вполне добровольно, за последние годы наблюдается увеличение числа подписавших его стран, и именно он должен стать краеугольным камнем режима нераспространения в будущем. Когда я вел переговоры о режиме торговли и сотрудничества Евросоюза с Ираном после 2001 года, одно из условий состояло в ратификации Ираном дополнительного протокола. Однако имевшиеся в распоряжении МАГАТЭ сведения о несоблюдении Ираном Договора о нераспространении застопорили эти переговоры в 2003 году.

Всемирный режим нераспространения подразумевает контроль как над поставками, так и над спросом на оружие массового поражения. Формирование сотрудничества в этой сфере направлено главным образом на регулирование поставок, в особенности на предотвращение доступа к ядерным материалам государств и третьих лиц. Например, группа ядерных поставщиков, работа которой началась в 1975 году после ядерных испытаний в Индии, ввела в действие жесткие механизмы контроля экспорта, а также подробные и точные нормативы при обмене ядерными материалами. В работе группы принимают участие более тридцати государств. В 2003 году президент Буш выдвинул инициативу о безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР) в целях выявления и предотвращения транспортировки средств доставки химических и биологических материалов, технологий и компонентов ядерного оружия.

Если говорить о конкретных инициативах ограниченного действия, то здесь лидерство, безусловно, принадлежит Соединенным Штатам. Так, например, инициатива по снижению общей угрозы Нанна — Лугара, предложенная этими сенаторами в 1991 году, в сочетании с дипломатическими усилиями администраций Джорджа Буша-старшего и Билла Клинтона, заложила основу для отказа от ядерного оружия Беларуси, Украины и Казахстана. Данные инициативы сыграли также существенную роль в учете и обеднении значительной части высокообогащенного урана в России. Центр международной науки и технологии при Госдепартаменте США стремится обеспечить занятость стареющего контингента российских ученых и инженеров в области ядерного оружия, чтобы предотвратить их наем на работу третьими государствами и организациями. Америка даже предложила финансировать строительство новых систем раннего оповещения — радарных установок, с целью замены устаревающих мощностей в России, нацеленных на предотвращение случайного запуска ядерной ракеты или получения неверной, неполной информации.

Поддержание и неукоснительное соблюдение режима нераспространения — это оптимальный способ предотвратить завладение ядерным оружием террористами, а также региональную гонку вооружений, чреватую смертоносными конфликтами. Как я уже отмечал, наиболее вероятный способ приобретения террори-

стической организацией ядерного оружия состоял бы в краже или своеобразном «жертвовании» со стороны государства, обладающего ядерным потенциалом. Последнее, впрочем, весьма и весьма маловероятно. Ядерное оружие — это необычайно ценный товар, абсолютный гарант выживания государства. Если предположить наличие даже малейших подозрений в том, что то или иное государство намеренно вооружило террористическую группу или организацию ядерным оружием, то последствия такого шага были бы непредсказуемыми, включая, в зависимости от политического состава американского правительства в данный момент времени, ответный ядерный удар. Следует помнить, что даже самые жесткие революционные и экстремистские режимы в недавней истории тем не менее оказывались абсолютно рациональными в контексте ядерного сдерживания. С другой стороны, кража материала у одного из нестабильных ядерных государств, например у Северной Кореи или Пакистана — это гораздо большая опасность. В первом из упомянутых государств возможен полный слом государства как такового, а во втором — не исключена некая революционная ситуация. Поистине, подобные опасности и служат основанием для политики предотвращения распространения ядерного оружия в государствах Ближнего Востока — во многом потому, что правительства многих из них некомпетентны, подвержены коррупции и неустойчивы, а не «порочны» в нравственном понимании слова.

Как создается ядерное оружие? Напомним, что в прошлом государства становились ядерными державами не без помощи других стран. Американская ядерная программа родилась из англо-американского сотрудничества. Первая советская атомная бомба была сконструирована на основе краденых американских чертежей. Британская бомба была сконструирована с помощью Канады и Австралии, ну а сегодняшняя британская система ядерных ракет, «Трайидент», конечно, имеет американское происхождение. Китайская атомная бомба была создана в сотрудничестве с Советами. Индийская бомба родилась из плутония, полученного из построенного канадцами реактора. Сегодня для режима нераспространения существуют три угрозы. Во-первых, государства, под прикрытием соблюдения ими положений Договора о нераспространении, могут втайне создавать оружие. Во-вторых, государства могут завладеть ядерным оружием посредством кражи или покупки оборудования и материалов у частных компаний или

государственных ядерных программ. Наконец, в-третьих, развивающиеся государства с разными потенциалами могут торговать между собой избирательно с целью обретения способности производить ядерное оружие¹¹.

Одна из причин, по которой Пакистан тревожит всех нас, состоит в том, что это государство в полной мере обладает возможностями, позволяющим реализовать второй и третий способы овладения ядерным оружием, и, кроме того, принадлежит к числу нестабильных государств. На протяжении последних двадцати лет я неоднократно бывал в Пакистане, и меня не перестают удивлять присущие этой стране парадоксы. С одной стороны, у Пакистана превосходная служба государственных чиновников и отличная школа международных экспертов, в особенности экономистов. В Пакистане существует отважное и динамичное гражданское общество, а также сильные профессиональные круги. В Пакистане есть необычайно высококвалифицированные юристы. В стране развивается средний класс, полагающий, что его будущему угрожает религиозный фундаментализм. В то же время Пакистаном, к несчастью, управляют сменяющие друг друга коррумпированные военные режимы и растленные политические кланы. Несчастный Пакистан!

В недавние годы политика Запада в отношении Пакистана основывалась главным образом на вере в то, что генерал Мушарраф — последняя преграда на пути фундаменталистской заразы. Он, быть может, лживый и недемократичный генерал, но он *наш* генерал, он *наш* союзник в войне с терроризмом. Безуспешные покушения на жизнь Мушаррафа якобы свидетельствуют о риске, на который он готов пойти во имя своих политических целей. Как можем мы, например британцы, рисковать ухудшением отношений с человеком, чья тайная полиция служит более или менее надежным инструментом сдерживания террористов, готовящихся проникнуть в Великобританию из пакистанской диаспоры?

Таков был подход политических кругов в США и Великобритании к ситуации в Пакистане, пока демократический джинн не сбежал из военной бутылки — вследствие беспорядков, протестов против режима, возвращения в страну Беназир Бхутто и ее убийства. Пакистан существовал в условиях хрупкого равновесия между избранным правительством, оппонентами Мушаррафа и самим генералом, теперь лишившимся эполет, но сохранившим

пост президента. В течение ряда лет все мы предавались самообману. Между транснациональными и внутренними пакистанскими террористами действительно существовала связь. Но невозможно было устранить одно, не тронув другое, а правительство генерала Мушаррафа не хотело идти по этому пути. Ввиду столь зыбких оснований внутренней легитимности, его режим опирался главным образом на краткосрочные альянсы с религиозными правыми. Светские демократические силы Пакистана были вытолкнуты на политическую обочину после махинаций с выборами на местном и национальном уровнях. Выбор, как утверждала Международная кризисная группа*, состоял не «между военными и муллами, а между подлинной демократией и альянсом военных и мулл, ответственным за производство, порождение и сохранение религиозного экстремизма всех оттенков»¹². Несмотря на обещания генерала Мушаррафа, запрещенные группы сектантов и джихадистов, поддерживаемые множеством мечетей и медресе, открыто функционировали в Карачи и других частях страны. Быстрый рост медресе привел к рекрутированию молодых людей, изгоев общества и нищих в благополучных, казалось бы, пакистанских городах, тогда как обученные боевики-джихадисты засылались в находящуюся под индийским управлением провинцию Кашмир и в Афганистан. Тихую гавань для талибов «Аль-Каиды» и других боевиков предоставляли племенные территории федерального подчинения вдоль северо-западной границы Пакистана с Афганистаном. Пакистанское правительство заключило сделки с боевиками в 2004–2006 годах, в соответствии с которыми некоторые из их соратников были выпущены из тюрьмы, им было возвращено оружие и ликвидированы контрольно-пропускные пункты. Как утверждал президент Афганистана Карзай, нападения на его страну и размещенные в ней силы НАТО происходили и производятся из «квазигосударства» талибов, которому было позволено развиваться в северном и южном

---

* Международная кризисная группа — независимая, некоммерческая организация со штаб-квартирой в Брюсселе. Объединяет около 80 сотрудников на пяти континентах. Занимается анализом ситуации в различных странах, правозащитной деятельностью, направленной на предотвращение и сдерживание опасных конфликтов. Готовит аналитические доклады для ведущих мировых организаций, принимающих политические решения.

Вазиристане*. События в этих приграничных областях несут угрозу как для Пакистана, так и для Афганистана. При всей коррумпированности демократических политиков Пакистана следует отметить, что они по крайней мере выступали против сектантской исламизации, угрожавшей стране в случае развала демократических институтов.

Растущая непопулярность Мушаррафа, усугубившаяся вследствие его конфликта с судебной властью, вынудила правительство вернуться к демократической политике в 2007–2008 годах. В первую очередь было позволено вернуться домой Беназир Бхутто. После ее убийства в конце 2007 года ее муж Асиф Зардари (известный в годы ее премьерства как «господин 10 процентов» по вполне понятным финансовым причинам) занял пост президента — генерал Мушарраф был вынужден покинуть свой пост, чтобы избежать импичмента в августе 2008 года. Неспособность правительства Зардари справиться с экстремизмом и базами талибов и «Аль-Каиды» в приграничных районах Пакистана вызывала серьезную озабоченность Вашингтона с самого начала президентства Обамы, и президент направил, в качестве особого посланника в Пакистане и Афганистане, знаменитого Ричарда Холбрука, человека, сумевшего довести до успешного завершения дейтонский процесс на Балканах в 1990-х. Собственно, особую тревогу в отношении Пакистана как в странах региона, так и в западных столицах всегда вызывала гремучая смесь экстремизма, терроризма, неустойчивого правительства и слабой экономики в стране, обладающей ядерным оружием.

В восьмидесятые годы XX века Вашингтон закрывал глаза на ядерные амбиции Пакистана вследствие ценности этой страны как авангарда в афганской войне с Советским Союзом, точно так же, как ядерные программы Пакистана, спустя десятилетия, поначалу не вызывали критического отношения в силу схожей

---

* Самопровозглашенное образование на северо-западе Пакистана на границе с Афганистаном, населенное в основном пуштунскими племенами; территория — примерно 11,6 тыс. кв. км. С начала 2000-х на территории автономии обосновались талибы, которые фактически захватили власть в регионе. В 2007–2009 годах правительство Пакистана проводило крупные войсковые операции против боевиков «Талибана» в Северном Афганистане. Полный контроль над территорией пока не восстановлен.

позиции этой страны в войне с талибами и террористическими организациями. В средоточии пакистанской ядерной программы был так называемый отец пакистанской ядерной бомбы Абдул Кадыр Хан — национальный герой Пакистана. Хан, ученый-ядерщик и инженер-металлург, работал на заре своей карьеры на заводах европейского атомного энергетического консорциума «Уренко» в Алмело (Нидерланды) и Гронале (Германия). Там разрабатывались ранние центрифуги и центрифуги второго поколения. В 1975 году Хан вернулся в Пакистан, прихватив с собой конструкторские чертежи и списки поставщиков компонентов. Хан поначалу был адептом распространения ядерного оружия первого порядка. Он использовал имевшуюся у него информацию, чтобы ускорить программу его создания. Однако в 1990-х годах Пакистан остро нуждался в деньгах. Так, стране понадобились срочные кредиты МВФ, чтобы не допустить экономического краха. В Пакистане попросту не хватало денег, чтобы закупать необходимые ракетные технологии или системы производства атомных бомб. Поэтому Исламабад заключил бартерную сделку с Пхеньяном по обмену ядерных технологий на ракеты. Тут мы имеем дело с распространением второго порядка. Пакистан получил ракеты «Нодон» северокорейского производства, тогда как Северная Корея получила от Пакистана радиоактивный материал и технологии. Притом что сам Хан, вероятнее всего, выступал в качестве связующего звена между Пакистаном и Северной Кореей, представляется крайне маловероятным, что его переговоры и эта сделка были ранним примером продажности Хана и сети его агентов — порочности, которая столь ярко проявилась позже, когда Хан и его подельники путешествовали по миру, подыскивая покупателей на ядерный товар. Согласно нескольким источникам (в первую очередь эксперта по ядерной безопасности Гаурава Кампани), деятельность Хана и сделка по обмену ракет на обогащенные ядерные материалы не обошлась без участия виднейших фигур пакистанского правительства¹³. Хотя пакистанские военные держали ядерную программу под неусыпным надзором, сложно предположить, что о ее развитии ничего не было известно гражданским премьер-министрам. Можно ли допустить, что покойная Беназир Бхутто, посетившая Пхеньян в 1993 году в качестве премьер-министра Пакистана, не знала о сделке по удовлетворению двух этих национальных запросов — желания Пакистана получить баллистические ракеты среднего радиуса дей-

ствия и стремления Северной Кореи открыть новый путь к атомному оружию (после того как были раскрыты планы северокорейского руководства по получению плутония)?

Проследить другие эпизоды распространения ядерного оружия, связанные с именем Хана, чуть сложнее. Не подлежит сомнению, что Хан поставлял центрифуги П-2 в Ливию (так, большая морская поставка была перехвачена в Тарантской гавани в октябре 2003 года) посредством поистине византийской по своим размахам сети. Так, компания «Скоми пресижн инжиниринг» в Малайзии производила элементы центрифуг. Турецкая компания «Электроник контрол алетлери» использовалась в качестве ширмы для покупки других компонентов, таких как моторы и преобразователи частоты. Бизнесмен из Шри-Ланки по имени Бухари Сед Абу-Тахир оказывал помощь в транспортировке компонентов и отмывании денег через Дубай. В других компаниях работали прежние сотрудники Хана и бывшие инженеры «Уренко». Следующее звено в этой цепи — Иран, использовавший центрифуги П-2 Хана и, по-видимому, оказывавший техническое содействие развитию северокорейской программы обогащения урана, тогда как Северная Корея поставляла в Иран двигатели и иные компоненты для программы создания баллистических ракет средней дальности¹⁴. Поистине, как странно было обрушиваться на Ирак за планы по созданию ядерного оружия на основании весьма туманных свидетельств (что существенно усложнило борьбу с террористическими группами и организациями), в то время как Запад закрывал глаза на действия Пакистана, отчасти из-за его роли в той самой войне с терроризмом. Так или иначе, когда деятельность Хана была наконец раскрыта, к ужасу Пакистана и США, обоим государствам пришлось побыстрее замять это дело, признав, что А.К. Хан был, конечно, большой мерзавец, при этом отпустив его на все четыре стороны, объявив ему амнистию и слегка пожурив. В феврале 2009 года Хан был освобожден из-под домашнего ареста, получив, как уже говорилось, выговор. Ему очень повезло, что он родился не иракцем или иранцем.

Не исключено, что потенциал для испытания ядерного оружия был у Северной Кореи уже в девяностые годы XX века. В десятилетие ядерную программу Северной Кореи более или менее сдерживали дипломатические усилия и энергетическая помощь, которую оказывал этой стране консорциум доноров, включавший США, Японию, Южную Корею и Европейский союз. Северной

Кореей управляет поистине ужасающий режим, следующий экономической политике эпохи неолита, виновный в массовых похищениях людей и многолетних систематических нарушениях прав человека. Основная статья экспорта Северной Кореи — это контрабандные товары, оружие и наркотики. Голод и отсутствие возможностей для экономического роста вынуждают многих северокорейцев покидать пролетарский рай. Из страны бежали тысячи людей, и немногим более 9000 человек нашли свой путь к безопасности, в основном в Южной Корее. Одна из причин, по которым Китай и Южная Корея с неохотой воспринимают идею о санкциях против своего северного соседа в связи с его ядерной политикой, это озабоченность тем, что жесткие меры приведут к краху северокорейской экономики, вызвав потоки беженцев. Во время массового голода в Северной Корее в середине 1990-х годов прошлого века границу с Китаем, которая охраняется не слишком строго, пересекло от 100 до 300 тысяч корейцев. Китай не может не быть обеспокоен воздействием, которое могут возыметь подобные миграционные потоки на провинции китайского «ржавого» промышленного пояса* — Гирич, Хэйлундзянь, Ляонин.

Никто не возьмется утверждать, что переговоры, которые вела Северная Корея с администрацией президента Клинтона, привели к радикальным переменам в этой стране. Не подлежит сомнению, что северокорейцы нарушали обещания, которые давали в ходе этих переговоров относительно программы ядерных разработок. Но, как указывали участники переговоров с Северной Кореей при Клинтоне, Америке удалось застопорить северокорейскую ядерную программу на восемь лет: Северная Корея не производила плутония, ставшего ее излюбленным расщепляющимся материалом; это стало возможно исключительно благодаря переговорам с руководством страны. В первые четыре года пребывания в Белом доме президент Буш занимал совершенно иную позицию в отношении Пхеньяна — Северную Корею следовало отвергнуть, а не вовлекать в переговоры. В 2001 году, когда я посетил Пхеньян и встретился с Ким Чен Иром, он только и говорил об Америке, потрясенный сменой курса от одной администрации к другой и заявленной политикой Вашингтона о смене режима в Пхеньяне¹⁵.

---

* Образ, заимствованный из США, где так называют депрессивные регионы, бывшие прежде очагами добывающей, сталелитейной и тяжелой промышленности.

Поведение Северной Кореи становилось все более провокационным. КНДР вышла из Договора о нераспространении в начале 2003 года, запустила семь ракет в Восточно-Китайском море в июле 2006 года и провела подземные ядерные испытания на полигоне в Понге, на северо-востоке от Пхеньяна, 9 октября 2006 года, используя при этом часть плутония, который нарабатывала с конца 1980-х годов, несмотря на отрицание корейским руководством данного факта. Само это испытание, в котором, по словам экспертов, было больше дыма, чем огня, было проведено в день, когда министр иностранных дел Южной Кореи Пан Ги Мун был утвержден Советом Безопасности ООН в должности Генерального секретаря организации.

К счастью, переговоры с Северной Кореей возобновились по мере того, как в 2006–2007 годах Соединенные Штаты заняли более умеренную позицию. Это произошло очень ко времени. Переговоры (в которых наряду с основными участниками принимали участие четыре других государства — Китай, Япония, Россия и Южная Корея) несколько приблизили нас к успешному решению проблемы. Как всегда, успешное разрешение этой проблемы немыслимо без отказа от риторики санкций, предоставления значительной экономической помощи, а также гарантий безопасности и энергопоставок в обмен на сворачивание Северной Кореей военной ядерной программы при условии полной прозрачности, инспекций и наблюдения. В этих дипломатических усилиях следует отметить конструктивную роль Китая, явно озабоченного поведением государства, которое Пекин некогда воспринимал как сателлита, но которое сегодня видится китайской столице как безрассудная и непредсказуемая угроза региональной стабильности. Представляется вероятным, что сдерживание провокационного поведения Северной Кореи окажется успешным, хотя крайне сложно судить о том, что в действительности происходит в этой отшельнической стране, буквально отрезанной от остального мира. Сохранится ли существующий режим? Подвержен ли он изменениям? Возможны ли перемены без мятежа? Является ли мощная армия консервирующим или преобразующим фактором влияния на политику страны? Учитывая нужду режима в иностранной валюте, можем ли мы положиться на то, что Пхеньян воздержится от продажи ядерных материалов третьим странам или террористическим группам? На сегодняшний день нам разве что удавалось удерживать Северную Корею от

полного безумия, однако следить за этим государством нужно со всевозможной пристальностью, и эти усилия требуются от всего международного сообщества. Проблема, возможно, решится окончательно только с мирным воссоединением Корейского полуострова, быть может, вследствие экономического развала Северной Кореи. Тем временем все стороны — участники шестисторонних переговоров должны попытаться перейти от сугубо ядерных вопросов к общему пониманию проблем региональной безопасности. Задача не слишком простая, учитывая взаимное недоверие, подозрение и открытую неприязнь, характеризующую отношения между ведущими странами региона. Так, следует отметить растущую заинтересованность Японии в том, насколько скоро ей удастся преобразовать свой технический потенциал в создание независимого ядерного сдерживающего фактора, при общем ухудшении ситуации в регионе.

Пожалуй, одним из наиболее болезненных примеров ответной реакции на политику Запада с точки зрения непредвиденных последствий решений в сфере безопасности, принятых много лет назад, может служить положение Ирана, как в своем регионе, так и в отношениях с США и западными странами в целом. Попытки понять мотивы и причины поведения Ирана на международной арене, конечно, не оправдывают его поведения ни в кося мере. Репрессии во внутренней политике и практика убийств по политическим мотивам сделали Иран после свержения шаха в 1979 году страной-угрозой. Законные устремления Ирана к подтверждению своего статуса великой доисламской цивилизации, а также исламского центра культуры (если не верите, поезжайте в Исфахан), расшатываются такими действиями, как убийство бывшего премьер-министра Ирана Шапура Бахтияра, взрыв еврейского центра в Буэнос-Айресе в 1994 году, повлекший за собой девятью три жертвы (аргентинская прокуратура считает этот взрыв делом иранских агентов), а также участие Ирана в террористических актах смертников, приведших к гибели американских морских пехотинцев в Бейруте и Саудовской Аравии. Как могло так многое сойти с рельсов (взять хотя бы яростный антиамериканизм) в Иране — стране, которая с XIX и до середины XX века имела столь прочные и дружественные отношения с Соединенными Штатами?

Первопричиной этих бед можно считать государственный переворот в 1953 году (под кодовым названием операция «Аякс»),

инициированный ЦРУ при поддержке британцев, с целью свержения избранного премьер-министра Ирана Мохаммеда Мосаддыка. Мосаддык стремился к тому, чтобы Иран получал большую долю в добываемой на его территории нефти. Он начал процедуру национализации англо-иранской нефтяной компании (которая позднее стала «Бритиш Петролеум»), основанной в ту пору, когда Черчилль, в Первую мировую войну, решил, что британский флот должен ходить на нефти, а не на угле. «Идиоты», как их позже называли, управлявшие нефтяной компанией, любимчики Лондона, восприняли политику Мосаддыка как непростительное оскорбление британских национальных интересов. Британцам удалось убедить администрацию президента США Дуайта Эйзенхауэра, что существует опасность попадания Ирана в орбиту Советского Союза. Предшественник Эйзенхауэра Гарри Трумэн полагал, что ошибки политики в Иране приведут к катастрофе для свободного мира. Он оказался прав. Тогда как ветеран американской дипломатии Дин Ачесон отмечал, что «никогда такое ничтожное количество людей не теряло так много, так глупо и так быстро», вице-президент Никсон и другие вашингтонские ястребы сочли, что Иран — это именно то место, где Америка сможет показать миру, по словам самого Никсона, что его страна перестала идти на поводу у «трусов из коллегии Ачесона, робко сдерживающих коммунизм». При всей его риторике, при всем бахвальстве относительно иностранной политики и международных дел годы Ричарда Никсона в качестве вице-президента США вряд ли можно назвать славным периодом американской дипломатии. За этим весьма тревожным началом последовали не менее катастрофичные перевороты, убийства и покушения на убийства в Гватемале, на Кубе, в Чили, Конго и во Вьетнаме.

Национальные обиды разрастаются тогда, когда приходит время платить по счетам, и это, безусловно, произошло в Иране. Соединенные Штаты, с тайного согласия Великобритании, свергли Мосаддыка. У руля власти был вновь поставлен шах Мохаммед Реза Пехлеви, назначивший своим премьер-министром жестокого генерала Захеда. Нефтяные доходы были перераспределены в пользу британских и американских компаний. В 1972–1976 годах шах потратил десять миллиардов долларов на покупку американских вооружений. Он обрушился на инакомыслящих посредством своей тайной полиции, «собак», и изгнал оппонентов из страны (среди изгнанников был и клирик Рухолла

Хомейни). Шаху доверяли в достаточной мере для того, чтобы позволить Ирану начать собственную гражданскую ядерную программу. После того как его свергли во время народного восстания 1979 года, шах получил политическое убежище в США, что вызвало у иранцев опасение нового переворота и привело к захвату посольства США и кризису с заложниками (пятьдесят два американских дипломата находились в заложниках в течение 14 месяцев). Указанные события фактически уничтожили политическую репутацию президентства Картера и отразились на отношениях между Ираном и США. Поддержка Соединенными Штатами и Европой Ирака в его войне с Ираном (1980–1988) привела к дальнейшему усилению ястребов в фундаменталистском правительстве Ирана.

Аятолла Хаменеи, избранный в июне 1980 года верховным правителем Ирана после смерти Хомейни, утверждал: «Мы не либералы, подобно Альенде и Мосаддыку, чтобы нас могли уничтожить агенты ЦРУ». Запад осуждал репрессии в Иране, однако многим иранцам казалось, что США и Европа готовы терпеть репрессивные режимы и даже способствовать их упрочению, если это соответствует нефтяным интересам западных стран. Когда президентом Ирана стал относительно умеренный политик, Мохаммад Хатами (интеллектуал и философ), то в годы его президентства, в 1997–2005 годах, Америка не стала иметь с ним дело, несмотря на попытки Ирана наладить диалог с Вашингтоном. Вполне предсказуемым образом на смену Хатами пришел политический ястреб — бывший мэр Тегерана Махмуд Ахмадинежад. Неоконсерваторы из Вашингтона неоднократно призывали к смене режима в Тегеране, возможно, не вполне осознавая, насколько подобная риторика вредит делу умеренных политических сил в Иране. Взаимодействие — вот гораздо более взвешенный подход к содействию смене режима в стране с большим числом молодых людей и образованным средним классом. Иранцы, обучавшиеся в западных университетах, с большей вероятностью поддержат реформы, чем люди, чья националистическая лихорадка подогревается враждебностью Запада к их стране. Западная политика в отношениях с Ираном оставалась, прямо скажем, глупой; можно только надеяться, что времена изменились с приходом в Белый дом администрации Обамы.

Эта история заметно осложнила политику в отношении иранской ядерной программы и режима нераспространения. Как

отмечалось выше, ядерные исследования Ирана начались после свержения Мосаддыка, причем не без помощи Соединенных Штатов. В 1976 году администрация президента Форда, в том числе руководитель президентского аппарата Дик Чейни и министр обороны Дональд Рамсфельд, предоставили Ирану возможность приобрести и начать эксплуатацию американского предприятия по извлечению плутония из ядерного топлива. Все последние годы иранское правительство продолжает утверждать, что его цели не изменились с того времени и что оно стремится исключительно к мирному атому, чтобы страна имела возможность увеличить экспорт нефти за счет снижения внутреннего потребления. Однако действия Ирана — поддержка терроризма на Ближнем Востоке и невыполнение обязательств перед МАГАТЭ — вызывают сомнения в добросовестности его намерений даже у людей, которые, подобно мне, могли бы не давать действиям Ирана однозначной трактовки в силу рассказанной выше истории. Сегодня нам известно, что производства иранской ядерной программы рассеяны по стране и газовые центрифуги находятся в разных регионах. Лишь десять процентов из них, то есть примерно 360 из 3000 могут быть локализованы на карте. В феврале 2009 года представители ООН утверждали, что Иран находится на пороге достижения стадии наработки достаточного количества расщепляющегося материала для производства бомбы, если ему удастся продолжать обогащение урана. Однако не следует забывать, что в сентябре 2008 года ЦРУ утверждало, что у Ирана нет программы создания ядерного оружия. Иран, безусловно, обладает достаточно широкой технологической базой, чтобы перейти от высокообогащенного урана к производству оружейного плутония. Однако его цепь поставок по-прежнему уязвима: так, прекращение поддержки со стороны России может серьезно замедлить программу. Более того, несмотря на радикальные ревизионистские цели Ирана, многие из них соотносятся с его местом в международной политической системе. Иран, иными словами, ищет не только могущества, но и легитимности. Например, в 2003 году Иран подписал дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия, о чем я говорил выше. Большая часть ядерной программы Ирана открыта для МАГАТЭ, хотя при этом следует указать на секретность, которой окружен ряд компонентов этой программы, а также нежелание сотрудничать с МАГАТЭ в 2003–2004 годы. При этом следует отметить, что Иран подписал

конвенции о запрещении химического и биологического оружия. Возможно, что целью Ирана в конечном итоге является не собственно ядерное оружие, а так называемая «базовая способность» к его созданию, о чем свидетельствует, в качестве аналогии, пример Японии.

Иранская проблема значительно превосходит по масштабам северокорейскую. Успешные испытания ядерного оружия в Иране могут привести к гонке ядерных вооружений в Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Итак, как удержать Иран от производства ядерного оружия и сохранить относительную дее-способность под истертый договор о нераспространении? Большинство стран признают, с большей или меньшей очевидностью, что, согласно договору, Иран имеет право на ядерные программы в мирных целях. Это определенно увеличивает нежелание подобных государств поддерживать жесткие меры в отношении Ирана, которые могли бы быть навязаны ООН для остановки иранской программы разработки полного цикла производства ядерного топлива. Бесспорно, что наилучшим выходом была бы способность убедить Иран на какой-то срок отложить или отказаться от своего права на обогащение урана в обмен на его гарантированную поставку из-за рубежа. Подобное предложение уже поступило от России. Однако от США и Европы потребуется гораздо больше усилий для того, чтобы этот проект увенчался успехом.

Более взвешенный подход к решению проблемы, менее привлекательный, но несравненно более предпочтительный, чем продолжающееся дипломатическое противостояние или военные действия, состоял бы в признании права Ирана на производство атомной энергии и внутреннее обогащение радиоактивных материалов (возможно, под эгидой международного консорциума), притом что Иран согласился бы отложить на несколько лет начало программы обогащения, принял существенные ограничения на начальный объем производства и согласился на проведение всеобъемлющей внешней инспекции. Подобная программа с большей вероятностью снискала бы международное признание, в особенности со стороны Китая и России, так как жесткие санкции в отношении Ирана вряд ли могут привести к желаемой цели. Продолжающееся противостояние, притом что Иран продолжает развивать совершенно бесконтрольно свою ядерную программу, чреват гораздо большими опасностями, чем даже ситуация в Северной Корее.

Ядерные амбиции Ирана, конечно, растут и по причине роста опасений в контексте отношений страны не только с арабскими соседями и Израилем, но и с теми сопредельными странами, Ираком и Афганистаном, которые с точки зрения Ирана служат плацдармом для американских вооруженных сил. Все вопросы безопасности на Ближнем Востоке и в Западной Азии тесно переплетены. Ирак, Иран, Саудовская Аравия, Сирия, Ливан, Израиль, Палестина, Турция, «Хезболла», ХАМАС — далеко не полный перечень стран и организаций, с которыми могут быть связаны бурные события в регионе. В годы президентства Дж. Буша-младшего мы наблюдали нежелание Соединенных Штатов вести за собой международное сообщество, а также нежелание Совета Безопасности ООН поддержать такое международное вмешательство, которое могло бы гарантировать мир, стабильность и разоружение в регионе. Чтобы избежать сползания в ужасный военный конфликт, подобный тому, который нам пришлось пережить в конце прошлого века, чтобы не допустить повторения 1914 года в 2014 году, нам следует продумать заключение регионального пакта о безопасности при посредничестве Совета Безопасности ООН, согласно которому США, Россия, Китай и другие государства — члены Совета Безопасности гарантировали бы территориальную целостность государств региона и их право на мирное сосуществование. Стержнем подобного соглашения должно стать всестороннее соглашение между Израилем, Палестиной и соседними странами. Конечно же, достижение подобной договоренности настолько сложно, что кажется утопичным, но зачастую именно высокие помыслы приводят к спасению жизней. Успех подобного соглашения оказал бы благоприятное воздействие не только на регион, но и на обстановку во всем мире.

Международные соглашения, основанные на прерогативе силы в системе международного правового порядка, выступали основным средством в международной политике, к которому прибегали американские президенты с времен Второй мировой войны, то есть до президента Буша-младшего [2001–2009]. Хотя Буш не отказался полностью от международных соглашений и договоров, он и его советники практически предпочитали работать с другими странами посредством сделок, способствующих достижению целей США, а также смены режимов, отказывающихся играть в эту игру. Джон Болтон, бывший американский посол в ООН и человек неоконсервативных взглядов, утверждал,

что «увлечение соглашениями по контролю над вооружениями» застигло в глазах администрации президента Клинтона задачу «подлинного нераспространения оружия массового поражения». Но неужто надо было действительно оккупировать Ирак? И что тогда делать с Сирией, Ираном, Северной Кореей и другими?

Столь безрассудный подход к проблеме чреват не только повторением иракской истории, но и крахом международного правопорядка, предотвращавшего гонку ядерных вооружений с шестидесятых годов XX века. Мы приближаемся к ядерной точке кипения, что может повлечь за собой отказ государств Северной Африки, Ближнего Востока и значительной части Юго-Восточной Азии от режима нераспространения и их присоединение к ядерному клубу. Хотя у нас и нет примеров жесткого сдерживания или отпора угрозам распространения, следует помнить, что столь крупные политические вопросы не затихают просто так, подобно неудачным торговым переговорам. Если случится непоправимое, то слом существующего порядка будет резким, широкомасштабным, чрезвычайно резонансным и, возможно, катастрофичным для всех нас.

Две важнейшие задачи, стоящие перед режимом нераспространения ядерного оружия, состоят в удерживании на существующем уровне числа ядерных государств, а также в ужесточении режима инспекции, подтверждении и контроля над радиоактивными материалами в неядерных государствах. Именно в этих вопросах прерогатива силы создает величайшую проблему. По какому праву пять ядерных держав, заключивших в 1968 году Договор о нераспространении, претендуют на обладание оружием «судного дня», отказывая в нем другим? Полагаю, в силу реализма и здравого смысла. Что, если «большая пятерка» не стала бы прибегать к своей власти и отказалась от ядерного оружия? Был бы мир безопаснее? Если бы вопрос стоял в выборе между постоянной опасностью и безопасностью, мы очевидно выбрали бы безопасность. Но что, если речь идет о выборе между хронической опасностью и абсолютной опасностью, которая может исходить уже из того, что одно государство нарушает глобальный режим нераспространения ядерного оружия? Плохое есть плохое, в этом нет сомнений. Но плохое лучше худшего. Вопрос о том, какое зло предпочтительнее. Недостаток доверия был основным препятствием в переговорах по разоружению с тех самых пор, как Сталин отверг предложение Трумэна в 1946 году.

Чтобы заслужить право быть полицейским в вопросах ядерной безопасности, пять ядерных держав, подписавших Договор о нераспространении, пришли к соглашению со всеми другими подписавшими договор странами об искреннем стремлении к ядерному разоружению. Это обещание сократить и в конечном итоге уничтожить ядерные арсеналы, при всех присущих ему двусмысленных обстоятельствах и ограничениях, сопровождалось другими предложениями о международных договоренностях, например проектом Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ, 1996). Неядерные государства, взявшие на себя обязательство не разрабатывать собственное ядерное оружие в обмен на помощь в программах мирной атомной энергетики, неоднократно высказывали недовольство отсутствием серьезных шагов по исполнению положений статьи 6 или тринадцати связанных с ней положений. Такое разочарование необычайно медленным прогрессом по ядерным разоружениям получило дальнейшее подтверждение в рекомендации Международного суда в Гааге, постановившего в 1996 году, что ядерным державам следует выполнять свою часть договора. Некоторые незначительные шаги в этом направлении были предприняты Россией, Великобританией и Францией. Соединенные Штаты сократили количество своих ядерных арсеналов, однако предприняли иные шаги, вызывающие озабоченность у мирового сообщества. Так, США вышли из Договора по ПРО 1972 года во имя разработки программы «звездных войн», не подтвержденной до конца концепции, состоящей в разработке противоракетного щита. Кроме того, не ратифицирован Соединенными Штатами и ДВЗЯИ. Администрация Буша неоднократно говорила о новых возможностях боевого применения ядерного оружия и даже утверждала необходимость инициирования программы по замене всех существующих ядерных боеголовок. Такой подход может привести к умножению числа ядерных испытаний и, возможно, снижению ядерного порога. Администрация Буша, казалось, забыла о том, что декларируемый ею интерес в так называемом ядерном оружии малой мощности (например, бомбах, предназначенных для поражения бункеров и иных защищенных убежищ), могло бы привести к размыванию жизненно важной границы между ядерными и обычными вооружениями. К сожалению, сегодня очевидно, почему Вашингтон вызывает все меньше доверия в качестве мирового жандарма в вопросах ядерной безопасности. И это тем более

важно, ввиду того что в настоящее время ни одна другая страна не имеет достаточной мощи, чтобы оказать решающее влияние на режим нераспространения.

В начале 2007 года четыре гиганта американской дипломатии и взаимодействия в вопросах безопасности удивили мир призывом к «смелой инициативе, достойной нравственного наследия Америки». Они хотели вернуться к «картине мира, свободного от ядерного оружия», за который во время встречи в Рейкьявике в 1986 году ратовали президент Рейган и генеральный секретарь Горбачев. Эти четверо опирались на огромный политический опыт: Генри Киссинджер был госсекретарем США с 1973 по 1977 год, Джордж Шульц занимал этот же пост с 1982-го по 1989-й; Уильям Пери был министром обороны США с 1994-го по 1997-й; наконец, Сэмюэль Нанн занимал пост председателя сенатского комитета по вооруженным силам. Авторы статьи* призывали мир отказаться от ядерных разработок и отбросить стратегию, основанную на взаимно гарантированном уничтожении, то есть на концепции холодной войны. Эти четверо выразили надежду, что лидерство США поможет «достичь общего согласия в целях перехода мира от ядерных вооружений как фактора сдерживания к предотвращению распространения ядерного оружия и его попадания в руки преступников, и, наконец, к его устранению, как угрозы миру». Предлагавшиеся ими шаги предполагали такую конфигурацию размещения ядерного оружия, которая увеличивала бы время предупреждения (соответственно, подлетное время), значительное сокращение ядерных арсеналов, отказ от ядерного оружия малой дальности, прекращение производства расщепляющихся материалов в мировом масштабе и, относительно Америки, работу по ратификации сенатом всеобъемлющего запрещения ядерных испытаний. К сожалению, эта смелая инициатива не получила развития и с тех пор вряд ли воздействовала на политику как США, так и других ведущих государств. Однако следует надеяться, что аргументы и здравый смысл этой декларации не утратили значимость, особенно принимая во внимание цели Обзорных конференций по Договору о нераспространении ядерного оружия. Учитывая отношение к вопросу разоружения, которое демонстрировали Буш — Чейни — Болтон, Обзорная конференция пятилет-

---

* Опубликована в газете Уолл-стрит Джорнал 4.01.2007 под заголовком «Мир, свободный от ядерного оружия».

ней давности [2000] не сыграла в истории никакой роли. В последующем нам следует сосредоточиться на рекомендациях этих четверых мудрецов и, возможно, присовокупить к ним предложение генерального директора МАГАТЭ Мохаммеда Эль-Барадеи. Последний предлагает сократить возможности стран по производству плутония и обогащенного урана, которые могут использоваться в качестве топлива в мирных целях, но и для производства ядерного оружия. Эль-Барадеи призывал к учреждению банка резерва низкообогащенного урана под эгидой МАГАТЭ для доступа к этому виду топлива государств — членов МАГАТЭ, которые отказались от собственного производства обогащенного урана.

Во время избирательной кампании и в первый период своего президентства Барак Обама, как представляется, выказал готовность положительно отреагировать на идеи Киссинджера и его коллег. В октябре 2007 года, во время избирательной речи, посвященной контролю над вооружениями, он, в частности, высказался за продление и заключение соглашения о дальнейших сокращениях стратегических наступательных вооружений с Россией. Эта цель была подтверждена госсекретарем США Хиллари Клинтон на слушаниях в сенате. Президент Обама также высказался за отказ от конструирования новой ядерной боеголовки, а уже в свою бытность в Белом доме выступил за ратификацию сенатом Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, а также за запрет производства расщепляющихся материалов. Он достаточно скептически отнесся к идее бюджетных ассигнований на технологии противоракетного щита, что, возможно, означает отказ от планов размещения противоракетных баз в Польше и Чехии. Таким образом, правительство демократов будет готово вдохнуть новую жизнь в перспективы серьезного сокращения ядерных арсеналов, и в своей речи в Праге, в 2009 году, во время своего первого европейского визита президент Обама призвал к миру без ядерного оружия. Он также говорил о планах сокращения ядерного арсенала США, о переговорах по новому договору СНВ с Россией, необходимости ратифицирования ДВЗЯИ и прекращения производства расщепляющихся материалов.

Нам известно, что уже в ранний период «карьеры террориста» бен Ладен пытался получить доступ к радиоактивному материалу. В 1993 году в Судане ему показалось, что он вот-вот купит уран у суданского генерала, однако оказалась, что это вещество, названное «красная ртуть», напоминающее оксид урана, весьма отлич-

ное от него по свойствам. Лоренс Райт пишет, что позднее бен Ладен обсуждал со своими сообщниками из «Аль-Каиды» в Афганистане возможности применения химического, биологического и ядерного оружия. Похоже, что бен Ладен предпочитал ядерное оружие, и какие бы то ни было нравственные соображения отодвигались для него на второй план необходимостью сдерживать атаки американцев на мусульманский мир, а также тем обстоятельством, что США и сами дважды применили ядерное оружие и использовали обедненный уран для повышения бронбойности снарядов в Ираке. Таким образом, амбиции террористов международного масштаба вполне очевидны, но при этом ясно и то, что заполучить оружие массового поражения они могли бы только у государства. По этой причине Грэм Элисон, бывший помощник министра обороны США и эксперт в области ядерного оружия, утверждает, что для предотвращения ядерной катастрофы, организованной террористами, в мире должны неукоснительно соблюдаться три требования. Учитывая, что без расщепляющегося материала не может быть ядерного взрыва и, следовательно, ядерного терроризма, необходим новый международный порядок, основывающийся на доктрине трех «нет» — нет бесконтрольному ядерному оружию; нет новым ядерным ракетам и бомбам; нет новым ядерным державам. К вышесказанному автор добавляет мероприятия по недопущению применения грязных «радиологических» бомб. Грязная бомба в традиционном понимании подразумевает распространение радиоактивного материала на большой территории с использованием, скажем, динамита для распыления радиоактивного изотопного материала, подобного цезию или кобальту. Наиболее оптимальный путь защиты от подобного теракта состоит в усилении отчетности и контроля над радиоактивными изотопами, способными стать начинкой подобного снаряда или бомбы. Строгие нормы и стандарты должны стать частью международного права.

Обеспечение жизнеспособности трех названных запретительных мер с очевидностью подразумевает увеличение финансовой помощи России с целью придания еще большей безопасности российским ядерным складам. Элисон убедительно выступает за учреждение нового «золотого стандарта» для обеспечения безопасности арсеналов всех стран, обладающих ядерным оружием, и предотвращения кражи или покупки ядерных материалов террористическими группировками. Однако наиболее важная задача

состоит в ужесточении положений Договора о нераспространении. Как утверждал директор МАГАТЭ Мохаммед Эль-Барадеи, такая работа должна означать запрет на выход государств из договора (что сделала Северная Корея), превращение жестких инспекционных положений Дополнительного протокола в обязательства для всех государств-участников, преобразование существующих соглашений о группе ядерных поставщиков в международный договор с целью предотвращения экспорта гражданских ядерных технологий в страны, потенциально заинтересованные в создании оружия, а также прекращение производства расщепляющихся материалов для создания вооружений и ограничение технологий обогащения наряду с учреждением под эгидой МАГАТЭ банка низкообогащенного урана.

Эль-Барадеи, чье повторное назначение на пост главы МАГАТЭ в 2005 году Вашингтон пытался предотвратить, в том же году получил Нобелевскую премию мира. В одной из своих речей Эль-Барадеи указывает, что величайшая сложность в ужесточении международных договоренностей, согласно предложенному им плану, а также во введении санкций против распространения ядерного оружия, состоит в возможном несоблюдении крупными ядерными державами своих обязательств. «Если мы не создадим среду, в которой ядерное оружие воспринимается как исторический инцидент, из которого все мы пытаемся выбраться, — сказал он, — мы продолжим жить в циничном мире, где все парни из низшей лиги мечтают перейти в высшую. Такова реальность. Это не имеет ничего общего с идеологией... Они говорят: “Мне хотелось бы быть таким же сильным, как большие ребята, если моей безопасности будет что-то угрожать. Если большие парни по-прежнему опираются на ядерное оружие, почему так не должен поступить я?”».

«Делай, что тебе велят, но не следуй моему примеру» — такая политика вряд ли приведет к упрощению проблем соблюдения Договора о нераспространении ядерного оружия. По меньшей мере ядерные державы должны продемонстрировать серьезность своих намерений в области разоружения. Это, очевидно, необходимо и для реконфигурирования договора таким образом, чтобы принять в него Индию и Пакистан. Джасвант Сингх, бывший министр иностранных дел и финансов Индии, выразил обеспокоенность своего народа несправедливостью существующих соглашений в автобиографической книге «Зов чести»¹⁶. «В 1995 году продление, на неопределенный срок, действия Договора о нераспространении

ядерного оружия, который, по существу, представляет собой дипломатический инструмент эпохи холодной войны, навсегда узаконил существование ядерных арсеналов и режим ядерного неравенства. Появление ядерного оружия в Китае и Пакистане не было тайной, и всем известно, что обретение это происходило с молчаливого согласия Америки. Индия, единственная страна в мире, зажата между двумя ядерными державами, встала перед перспективой вечного узаконивания ядерного оружия в руках имущих, то есть фактически столкнулась с парадигмой мировой ядерной безопасности, из которой сама Индия была исключена, с тенденцией к дисбалансу в азиатской системе и региональному соседству с ядерными державами, действующими заодно. Очевидно, что это было неприемлемо. Индии необходимо было защитить свое будущее и воспользоваться ядерным шансом».

Строубу Тэлботту, заместителю госсекретаря США при президенте Клинтоне и в относительно недавнее время директору института Брукингса, выпала честь убедить правительство Индии в 1990-х годах оставаться, наряду с Пакистаном, в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия. Подразумевалось, что клуб ядерных держав не будет расширен до семи членов, но последует логике «5+2», при которой Индия и Пакистан получат определенные права с точки зрения обладания ядерным оружием в обмен на проведение ими мероприятий по контролю над ядерным вооружением и гарантии его нераспространения¹⁷. Тэлботт искренне верит в возможность обновления и совершенствования Договора, в противоположность критикам, которые стремятся его нивелировать или дезавуировать. Он стремится — вот поистине мудрый человек — «вовлечь Индию в качестве конструктивного игрока в мировые усилия по нераспространению». Тэлботт поддерживает также принятие Индии в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Однако не таким был курс администрации президента Буша. Напротив, американское правительство предпочло обойти основные положения действующего Договора о нераспространении, в соответствии с которым только те государства, которые отказались от программ разработки ядерного оружия, могут рассчитывать на помощь и торговлю в сфере гражданской атомной энергетики. Правительство Буша пренебрегло этим положением, заключив двустороннюю сделку с Индией по вопросам сотрудничества в ядерной энергетике. В сущности, данное событие существенно

подорвало действующий Договор, одновременно вызвав гнев ряда индийских националистов и ученых-ядерщиков вследствие неудовлетворительности некоторых аспектов режима инспекции гражданских реакторов. Представляется вероятным, что таким образом Вашингтон стремился улучшить свои отношения с Индией в целях уравнивания усиливающегося Китая.

Вот уже более сорока лет международное сообщество придерживается единого мнения относительно того, что распространение — это угроза для всей планеты. Угроза, однако, остается. Поистине, она только возросла — вследствие опасности попадания ядерного оружия к террористам. Тем не менее кажущемуся единодушию мирового сообщества всегда было присуще скрытое противоречие. С одной стороны, ясно, что для сдерживания распространения ядерного оружия отдельные державы в мире должны быть сильнее всех остальных. С другой стороны, существует презумпция необходимости навсегда отказаться от ядерного оружия. Пожалуй, огромный риф этого противоречия можно было бы обойти (даже если учесть, что от неядерных государств мы ожидаем гораздо большей готовности идти на сотрудничество, на проведение строгих инспекций и иное ужесточение режима нераспространения) при условии, что существующие ядерные державы, ведомые Америкой, с большей серьезностью станут относиться к собственным обязательствам по договору. «Многополярность» обречена, если великие державы и другие большие страны дают понять, что правила относятся к другим, но не к ним самим. Реализм подсказывает нам, что человеку вряд ли удастся жить в мире, свободном от ядерного оружия. В то же время реалистично утверждать необходимость сокращения ядерных арсеналов ведущих ядерных держав, обеспечения их большей безопасности, прекращения испытаний и исследований в области ядерного оружия и отказа от нового поколения вооружений — больших и малых. К слову сказать, в этой поистине граничащей с катастрофой области международное сотрудничество привело к ощутимым результатам. Будет трагедией, если такое сотрудничество между странами и народами прекратится. По счастью, сегодня нам еще не нужно серьезно относиться к плакатам демонстрантов, гласящим, что конец света поджидает нас за углом. Но не следует забывать и о том, что своими действиями или бездействием мы способны создать мир, где угроза ядерного апокалипсиса окажется гораздо более реалистичной.

Глава 6

Сто миллионов ружей

Каждая пушка, каждый спущенный на воду военный корабль, каждая выпущенная в небо ракета означают в конечном счете ограбление тех, кто голодает, но лишен возможности утолить голод, и тех, кто замерзает, но лишен одежды. Оружие, которым наполнен мир, — это не только потраченные деньги. Это и пот рабочих, и талант ученых, и надежды детей... То, что мы имеем, никак нельзя назвать жизнью, во всяком случае, настоящей жизнью. Под угрозой войны человечество распято на железном кресте.

*Дуайт Д. Эйзенхауэр, президент США,
16 апреля 1953 г.*

У меня есть мотив — это деньги; и есть труп на руках. —

*Шериф (Род Стайгер) в фильме «Полуночная жара»
(1967 г., сценарий Стерлинга Силлифанта,
режиссер Норман Джуисон)*

Я всегда хотел укрепить доброе имя, присвоенное разработанному мною автомату, какими-либо другими хорошими делами. Поэтому мы решили создать водку «Калашников».

*Генерал-лейтенант Михаил Калашников
в интервью агентству «Рейтерс-ТВ», 2004 г.*

Мир сегодня настолько опасен, что нет нужды в сгущении красок. Такой вывод Центра безопасности человечества при Университете Британской Колумбии, при всей его парадоксальности, ни у кого не вызвал удивления. Специалисты Центра попытались, с присущей ученым скрупулезностью, очистить предмет исследования от допущений и сенсационности и составить четкую картину, насколько ужасно представители рода человеческого ведут себя по отношению друг к другу. Один за другим мифы подвергались анализу сквозь призму статистических данных. Правда ли, что число вооруженных конфликтов растет; что войны становятся смертоноснее; что эксцессы геноцида учащаются; что все ужасы войны — изнасилования, беженцы, гибель невинных — становятся привычнее? Происходит ли на наших глазах нисхождение в тот

самый гоббсовский мир, в котором, как автор описал в «Левиафане»: «естественное состояние человека... это состояние войны всех против всех»? На оба вопроса ответ отрицательный. В Докладе по безопасности человечества за 2005 год Центр отметил, что хотя попадавшие в заголовки в 1990-е годы войны были кровавыми и жестокими, с 1988 года завершилось около 100 конфликтов, и за этот период прекратилось больше войн, чем началось. С начала 1990-х годов число вооруженных конфликтов по всему миру снизилось более чем на 40 процентов, и вооруженных противостояний за самоопределение прекратилось или завершилось больше, чем началось (сорок три против двадцати восьми). В 2004 году в мире насчитывалось двадцать пять вооруженных сепаратистских конфликтов, самое низкое число с 1976 года. Несмотря на ужасы в Руанде и Сребренице, в период с 1988 по 2001 год случаи геноцида и «политицида» снизились на 80 процентов, а число беженцев с 1992 по 2003 год сократилось на 45 процентов (хотя и растет в последние три года из-за конфликта в Ираке и Афганистане). В 1990-е годы резко сократились общемировые военные расходы и численность войск (при этом количество предназначенных для наемников комплектов экипировки и оружия продолжает вызывать обеспокоенность)¹. Приведенные цифры частично обусловлены окончанием холодной войны и сопровождавших ее опосредованных (гибридных — сочетание военных, политических и информационных компонентов) войн, когда свободный мир был вынужден вступать в смертельные схватки с коммунизмом в чужих джунглях или городских трущобах — как правило, в далеких странах, о которых мы толком ничего не знали. Но есть и небольшой повод для гордости. Мы успешнее разрешаем и предотвращаем конфликты, не в последнюю очередь благодаря тому, что в Совете Безопасности ООН прекратилась практика автоматического наложения вето, применявшаяся великими державами во времена холодной войны. Отражением этого факта стало увеличение числа миротворческих операций ООН. В 2008 году ООН принимала участие в семи таких операциях в Африке, в том числе в Судане и в Конго.

Учитывая подтверждения тому, что войны можно останавливать, разочарование вызывает отсутствие значительного прогресса в решении проблемы, лежащей в самой основе жестоких конфликтов, оставшихся к сегодняшнему дню неурегулированными, а именно проблемы торговли оружием, как легальной, так и неле-

гальной. Такой международный «бизнес», впрочем, как и любой другой, демонстрирует разрыв между экономической и политической глобализацией. Экономическая глобализация успешно развивается (хотя и по-прежнему подвержена влиянию экономических циклов и финансовых авантюр), политической же лишь изредка удается воплотиться в жизнь. Люди тем временем гибнут; гниет что-то в их королевствах; пульс экономики почти не прощупывается.

Помимо всего прочего, современные конфликты — это еще одно проклятие «обездоленного миллиарда» (термин американского экономиста Пола Кольера). Он подсчитал, что за последнее время 73 процента беднейших людей мира прошли через гражданские войны, а часть из них и сегодня участвуют в таких войнах². Гражданская война — самый распространенный тип конфликта, наблюдаемый нами с времен окончания холодной войны. Лишь несколько ведущихся сегодня войн можно отнести к традиционным вооруженным конфликтам между государствами, характерным для XVIII и XIX веков и для двух мировых войн XX века. Исключением стал Ирак, хотя и здесь большая часть смертей и увечий стала результатом внутренних конфликтов (в том числе нападений на представителей оккупационных властей), последовавших за недолговременным и в военном отношении успешным вторжением в 2003 году. Ирак пережил гражданскую войну. Внутригосударственные конфликты свидетельствуют о слабости институтов государственного управления, этнической и религиозной ненависти, демографических проблемах и алчности. В конфликты оказываются втянуты множество участников — правительства, связанные с политическими силами вооруженные формирования, повстанческие движения, родовые кланы, этнические и религиозные группы, диаспоры и эмигранты, дети-солдаты, наемники и преступные группировки. Применяемое оружие одновременно отражает характер ведущегося конфликта и подпитывает его³. Конечно же, геноцид и другие чудовищные преступления совершались и до изобретения пороха, и даже сегодня, к примеру, в Руанде и Кении, люди устраивают кровавые бои при помощи мачете и других сельскохозяйственных орудий. Но ответственность за большую часть из 4 миллионов смертей, причиненных в 1990-х годах в ходе сорока девяти крупнейших этнических и межконфессиональных конфликтов, лежит на стрелковом оружии и легких вооружениях. В сорока семи таких конфликтах использо-

валось исключительно стрелковое оружие. Несмотря на бедность африканских стран, сформировавшийся к югу от Сахары пояс конфликтов, от Либерии, Сьерра-Леоне, Нигерии и Кот-д'Ивуара на западе до Судана, Сомали и Уганды на востоке, с включением расположенных между ними Конго, Руанды и Бурунди, стал в последние годы рынком для крупных партий вооружений. После завершения холодной войны передача оружия из промышленно развитых стран севера в большую часть развивающихся стран сократилась, но при этом возрос объем импорта оружия странами Африки, расположенными к югу от Сахары.

Во время холодной войны внимание политиков было неизменно (и вполне оправданно) сосредоточено на оружии массового поражения: об этой проблеме говорилось выше. Но «новый мировой порядок», оптимистично названный так Джорджем Бушем-старшим вскоре после падения Берлинской стены, оказался весьма беспорядочным, а торговля оружием (по большей части нелегальная) существенно расширилась за счет складов на территориях бывшего Советского Союза и многочисленных военных заводов бывшей империи. В полевых складах на территории Украины хранилось около 2,5 миллиона тонн боеприпасов и оборудования. Военное имущество Чешской Республики, к моменту вступления в НАТО в 1999 году, включало 500 000 единиц стрелкового оружия при общей численности вооруженных сил менее 50 000 человек. Свою роль в сотворении этого смертоносного рога изобилия сыграли и другие страны. В 1980-е годы Китай и США предоставили афганским моджахедам вооружения на сумму от 6 до 8 миллиардов долларов; почти 60 процентов этого оружия впоследствии перетекло в Пакистан и прилегающие регионы. Сопrotивление советским войскам в Афганистане привело, после их вывода, к формированию во всей Южной Азии «культуры Калашникова»; следует отметить, что это широко распространенное оружие несложно производить в массовом порядке, так как изготавливается оно из самой низкосортной стали. Повстанческие группировки, гангстеры и вооруженные формирования, они же — участники большинства внутригосударственных конфликтов (притом что по своим военным бюджетам и мощи они иногда конкурируют с правительствами), не формируют рынок для продажи танков, самолетов и тяжелой артиллерии. Молодые головорезы из банд, находящихся, к примеру, в услужении главнокомандующего и президента Либерии Чарльза Тейлора (в Либерии и Сьерра-

Леоне), несомненно, столкнулись бы с определенными трудностями при освоении геометрии, обязательной при подготовке артиллеристов. И все же ведение военных действий в режиме «рубят и сжигают» и «насилуют и грабят» требует оперативности и мобильности. Свой выбор бандиты останавливают на стрелковом оружии и легких вооружениях. В 2006 году независимая группа экспертов «Обзор стрелкового оружия» дала следующее определение термину «стрелковое оружие»: револьверы и самозарядные пистолеты, винтовки и карабины, автоматические винтовки, пистолеты-пулеметы и ручные пулеметы. К «легким вооружениям» были отнесены: тяжелые пулеметы, ручные и станковые гранатометы, переносные противотанковые и зенитные орудия, безоткатные орудия, переносные пусковые установки противотанковых и зенитных ракетных комплексов и минометы калибром менее 100 мм⁴. Контроль над оборотом такого вооружения затрудняют те же качества, которые обеспечивают его привлекательность для комбатантов в ходе внутренних конфликтов.

Из-за относительно небольших размеров такое оружие легко транспортировать, а передвижения его трудно отследить. Оно долговечно, требует минимального технического обслуживания и, следовательно, может оставаться в обращении многие годы. По оценкам авторитетных источников, общее количество находящегося в обращении стрелкового оружия и легких вооружений составляет не менее 875 миллионов единиц. В мире огромное число производителей и стран-производителей (по оценкам, 1249 компаний более чем в 90 странах), что затрудняет введение ограничений со стороны поставщиков. Многообразие способов законного использования оружия военными, полицейскими и гражданскими лицами облегчает его легальное и нелегальное перемещение через зачастую прозрачные границы. Небольшие размеры и легкость транспортировки такого оружия существенно снижают вероятность успешного разоружения бывших комбатантов после прекращения боев. Кроме того, в каждой стране установлены собственные национальные нормативы по изготовлению, покупке, продаже и владению оружием. Но для членов незаконных формирований основные преимущества стрелкового и легкого оружия заключаются в том, что такое оружие не создает сложностей при использовании, не требует длительной подготовки и становится все более смертоносным и совершенным. Оружие к тому же дешевеет. К снижению цен привело появление на рынке

десятков миллионов единиц вооружений. В 1986 году в кенийском поселении Колова для покупки АК-47 требовалось пятнадцать коров. В 2005 году за автомат просили всего пять коров⁵.

По некоторым оценкам, средний годовой объем легального производства стрелкового оружия составляет от 700 000 до 900 000 единиц. В общей сложности вооруженные силы во всем мире ежегодно закупают около миллиона единиц, причем небогатые страны предпочитают покупать оружие из резервов, создаваемых более богатыми государствами в результате введения новых программ перевооружения. Крупнейшие экспортеры стрелкового оружия и легких вооружений — это Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Италия, Германия, Бразилия и Китай. Объем учтенного экспорта составляет около 2 миллиардов долларов. Каждая из указанных стран продает стрелкового оружия на сумму более 100 миллионов долларов, включая запасные части и боеприпасы. Наиболее прозрачные из экспортеров — это Соединенные Штаты и Германия; наименее прозрачны Болгария, Иран, Израиль и Северная Корея.

Богатейшие страны продолжают модернизацию своих arsenалов, и на следующие двадцать пять лет у них в планах дорогостоящие программы закупок. Согласно оценкам, в указанный период может быть закуплено до миллиона единиц нового оружия, что приведет к максимальному увеличению в объемах закупок и неизбежному образованию излишков. Закупки в таких масштабах, вероятно, предназначены для обновления arsenалов таких государств, как Китай, который намерен усилить боеспособность своих пехотных войск. Если государства, реализующие столь масштабные закупки, не будут систематически уничтожать избыточные запасы оружия, то вероятен вывод его крупных партий на вторичные рынки, как это произошло после распада советского блока. Глобальный рост закупок, по мнению аналитиков Программы ООН «Обзор стрелкового оружия», может способствовать формированию избыточных запасов в количестве около 280 000 единиц в год или 14 миллионов единиц в течение пятидесяти лет. Вопреки принятому ООН в 2005 году Международному документу по отслеживанию (к которому мы еще вернемся), отсутствие прозрачности у ведущих поставщиков и получателей оружия затрудняет контроль над его потоками.

Уже сейчас склады оружия военных и правоохранительных органов очень велики. С учетом вероятного увеличения производ-

ства решающее значение приобретают вопросы безопасности и контроля запасов. При каком-либо неблагоприятном развитии событий в результате разграбления государственных объектов трофеями могут стать сотни тысяч или миллионы единиц оружия. В 1991 году в Сомали были похищены несколько сотен тысяч единиц стрелкового оружия. В 1997 году из арсеналов правительства Албании было украдено 640 000 единиц стрелкового оружия. Согласно оценкам, в 2003 году, после падения Багдада, в Ираке было захвачено 4,2 миллиона единиц, а оружие, поставляемое новой иракской армии, пропадает тоже в больших количествах. Из России, Уганды, Китая и других стран поступают сообщения о пропажах боевого оружия в менее значительных объемах. Расхищаются и арсеналы правоохранительных органов, в основном в результате насильственных нападений и коррупции. Все это способствует поддержанию объемов рыночного предложения и низких цен на оружие.

Объем торговли стрелковым оружием составляет от 4 до 6 миллиардов долларов в год; к этому следует добавить объем нелегальной торговли, оцениваемый в 1 миллиард долларов. При этом граница между легальным рынком (с активным или пассивным участием правительства в соответствии с нормами национального и международного права) и серым или черным рынками сильно размыта. Для торговли на нелегальном сером рынке правительства или их агенты обходят национальные или международные законы и процедуры, либо используют лазейки в правовых документах. Серый рынок способствует росту преступности, гражданских конфликтов и коррупции, делая возможной продажу оружия в страны без четко идентифицируемого правительства или органов власти и даже негосударственным субъектам, в том числе повстанческим группировкам. Черный рынок представляет собой часть нелегального рынка. Здесь попросту отсутствуют всяческие ограничения, не действуют законы и нарушаются все национальные и международные нормы и процедуры. Приведенные выше определения часто оспариваются, что нередко затрудняет четкую и определенную квалификацию незаконности сделки.

Одна из причин отсутствия определенности заключается в постоянстве каналов и методов распространения, оставшихся со времен холодной войны. Некоторым из так называемых торговцев смертью, к деятельности которых мы вскоре перейдем, оказывалась поддержка государствами, намеревавшимися путем нехит-

рой комбинации оказать помощь одной из сторон в далекой войне. Тактика создания проблем для врага, открытого или предполагаемого, путем помощи сражающимся против такого врага стара, как сама тактика ведения войны. Так, в 1770-х годах французское правительство протянуло руку помощи восставшим колониям Британии в Америке. Через французского торговца оружием, работавшего под вывеской фиктивной компании, Людовик XVI осуществлял тайные поставки восставшим, причем часть оружия вывозилась непосредственно из королевского арсенала. Совсем недавно США нелегально, во имя свободы, поставляли оружие в Центральную Америку (с использованием методов так называемой конструктивной дипломатии и привлечением иранских «изгоев»), в Афганистан и в Африку. Американской поддержке движению ФАТХ в Палестине, в том числе оружием, видимость легитимности придавали попытки обозначить ее как помощь подразделениям охраны и безопасности палестинского президента; ФАТХ, должно быть, казалось кому-то сильно отличающимся от ХАМАС. Франция, в попытке сохранить влияние в регионе африканских Великих озер и за его пределами, продавала оружие в Африку, к примеру в Бурунди и Руанду. Китай стал крупным поставщиком оружия в Африку, в Судан. Российская Федерация продала Венесуэле 100 000 новых автоматов АК-103 с боеприпасами. Они заменят бельгийские штурмовые винтовки ФАЛ, уже переданные вооруженными силами Венесуэлы повстанческим группам в Колумбию. В Венесуэле возникает существенный избыток оружия. Нечему удивляться, если значительные партии автоматов попадут повстанческим группировкам в Колумбии и в других странах региона. Великобритания заявляет о введении этических норм продажи оружия (в виде запрета на экспорт оружия в страны, где оно может быть использовано для внутренних репрессий или внешней агрессии). Может быть, такие нормы помогут контролировать поток стрелкового оружия более успешно, чем это было при продаже британцами запчастей к истребителям «Хау» в Зимбабве и при поставках в Израиль, когда обе эти страны, очевидно, нарушали пункты договоров, касающиеся конечного покупателя. Пакистан поставляет оружие мусульманским сепаратистам в Кашмир; в состав поставок, по-видимому, входит большое количество автоматов Калашникова в базовой модификации АК-47, составляющих значительную часть от 100 миллионов современных автоматов, предположительно исполь-

зуемых во всем мире. Иран поставляет оружие курдским боевикам в Турции; Судан оказывает помощь оружием антиправительственным силам в Уганде — список можно продолжать.

Растут подтверждения тому, что покупатели и потребители получают оружие для участия в международных конфликтах в основном по нелегальным каналам поставок. Значительная доля таких поставок осуществляется правительствами и их агентами. Миллионы единиц оружия попадают на черный рынок вследствие коррупции и умышленного невыполнения правительственными чиновниками своих функций⁶. Во-первых, согласно мнению Комиссии ООН по санкциям в отношении Анголы и Либерии, широкое распространение получила практика пренебрежения национальными, региональными и международными санкциями и эмбарго, в том числе правительствами, допускающими использование своих стран для транзита оружия. Во время гражданской войны в Анголе, к примеру, одна из группировок — УНИТА — получала часть вооружений через Конго, чей президент Мобуту Сесе Секо наладил прямой контакт между лидером УНИТА Жонашом Савимби и своим оружейным брокером, получая оплату посреднических услуг алмазами и наличными деньгами. Эмбарго на поставки оружия в Сомали введено шестнадцать лет назад, но количество и ассортимент доступного там оружия с начала 1990-х годов только увеличивается. Во-вторых, коррумпированные правительственные чиновники выдают фальшивые экспортные лицензии или попросту отводят глаза во время погрузки оружия в портах, контроль над которыми входит в их должностные обязанности. Использование контейнеров существенно облегчает этот процесс. Вероятность подкупа чиновников повышается низким уровнем зарплаты и задержек выплаты. У опытных торговцев оружием не возникает никаких проблем при покупке сертификата, превращающего нелегальную перевозку оружия в законную сделку. В-третьих, оружие пропадает или расхищается (как мы уже отмечали ранее) из государственных запасов. В 2004 году эксперты «Обзора стрелкового оружия» подсчитала, что ежегодно по всему миру пропадает или расхищается миллион единиц легкого оружия. Печально известны эпизоды продажи миротворцами ООН своего оружия повстанческим группировкам, а некоторые израильские солдаты, по сообщениям газет, продавали личное оружие палестинцам. В-четвертых, нелегальной трансграничной торговле могут способствовать недоста-

точно строгие местные законодательные нормы в отношении оружия. Самый показательный пример — происходящее на границе между США и Мексикой, хотя относительно мелкомасштабная перевозка частными лицами, так называемые муравьиные поставки, не идет ни в какое сравнение с крупной нелегальной партией оружия, найденной на складе возле мексиканской границы в 1997 году. Отправка тысяч комплектов для сборки гранатометов и деталей к пулеметам М-2 произошла из Вьетнама, где много оружия после войны оставили американские военные. Ящики были отправлены из города Хошимин в Сингапур, а затем через Германию и Панамский канал прибыли в г. Лонг-Бич, штат Калифорния. Последний пример описывает способ обхода запретов, известный под престранным названием «кустарное производство»; части оружия копируются, а потом собираются в гаражах, частных мастерских и на задворках. В Колумбии оружейники-кустари изготавливают для мелких уголовников неавтоматическое огнестрельное оружие, но под контролем повстанческих группировок могут производить также пистолеты-пулеметы, минометы и гранаты.

Описать черный рынок оружия несложно. Здесь много материала для отличных триллеров; главные действующие лица кажутся сошедшими со страниц книг Джона Ле Карре, Джеральда Сеймура или Фредерика Форсайта. Предлагаемая ими продукция не нуждается в технологической изощренности А.К. Хана [ведущий пакистанский физик-ядерщик, руководивший сетью контрабанды ядерных технологий], но товар, на котором они специализируются, не менее смертоносен, а их торговые сети — как и сети Хана — отражают влияние глобализации на все формы коммерческой деятельности.

Лицом индустрии торговли оружием называют россиянина Виктора Бута 1967 года рождения. Демобилизовавшийся из советской армии военный летчик, в возрасте двадцати лет он начал покупать старые советские грузовые самолеты — «Ильюшины» и «Антоновы», создав флот примерно из шестидесяти самолетов. Работа велась под прикрытием из Сети фиктивных и подставных компаний, зарегистрированных в нескольких нестрогих юрисдикциях — от Либерии до Экваториальной Гвинеи. Он начинал с покупки и продажи срезанных цветов (гладиолусов) и мороженых кур, но затем переключился на смертоносный и гораздо более прибыльный товар. Из небольших второстепенных аэропортов

Бут возил стрелковое оружие в Сьерра-Леоне, Руанду, Анголу и другие зоны конфликтов. К услугам его компаний прибегали даже при перевозке в пункты назначения миротворцев ООН и при переправке грузов для американских военных и оккупационных властей в Ираке. Бут, который, как утверждается, говорит на восьми языках, контролировал свои масштабные коммерческие структуры, занимавшиеся в основном поставками оружия и перевозкой незаконных грузов (к примеру, алмазов) через Москву. Это позволяло ему оставаться безнаказанным, несмотря на проявляемый к нему со стороны Интерпола интерес и обвинения в отмывании денег, предъявленные бельгийскими властями. Американцы присмотрелись к Буту внимательнее, когда выяснилось, что в Афганистане он перешел на другую сторону. Он начинал с поставок оружия правительству, но после захвата талибами одного из его самолетов в 1995 году Бут договорился о его освобождении с муллой Омаром и, по имеющимся сведениям, в конце девяностых годов получил от торговли с людьми Омара прибыль в размере 50 миллионов долларов. Постоянный представитель Афганистана в ООН заявил, что некоторыми из его самолетов, направлявшимися из Шарджи в Персидском заливе в Афганистан, в Кандагар доставлялись отравляющие вещества, закупленные в Германии, Чехии и Украине и предназначенные даже не для талибов, а для «Аль-Каиды». Г-н Бут оставался вне досягаемости национальных и международных правоохранительных органов, он был эдаким российским воротилой (хотя и не совсем обычным), пока в марте 2008 года его не арестовали в Бангкоке по запросу из США, где он обвиняется в поставках оружия террористической группировке ФАРК в Колумбии. И все же ему удавалось оставаться вне закона дольше, чем многим из его «коллег» по 1990-м годам. Леонид Минин, перед тем как остановиться на торговле оружием, пробовал свои силы в широком спектре мошеннических и прочих незаконных видов деятельности, включая кражу персональных данных и контрабанду наркотиков. Он поставлял гранатометы, ракеты и снаряды, закупленные Украиной в Болгарии, повстанческой группе (Объединенный революционный фронт) в Сьерра-Леоне. В итоге Минин был случайно задержан в 2000 году, вдыхающим кокаин в окружении молодых женщин в пригородном миланском отеле. Итальянская полиция предъявила ему обвинение в контрабанде. Его криминальная карьера на этом завершилась. Бельгийский торговец оружием Жак Месье был арестован в 2001

году в Иране; к тому времени его деятельность по торговле оружием расследовалась бельгийской и французской полицией. Он переключился с поставок оружия в Иран на переброску иранского оружия в находящиеся под эмбарго зоны конфликтов в Африке. Во время сотрудничества с одним из режимов, ненадолго установившихся в Конго после смерти Мобуту, он вошел в сношения с французской государственной нефтяной компанией «Эльф», также помогавшей конголезцам закупать вертолеты из России, вкупе с услугами сорока российских технических специалистов.

Другие торговцы оказались более удачливы, прикрывая свою деятельность на черном рынке оказанием определенных услуг национальным органам безопасности. Вашингтон отказался сотрудничать с ООН в расследовании деятельности американского торговца оружием Фреда Келлера в африканском регионе Великих озер. Сообщников Келлера преследовали даже союзники США, в том числе действовавшая на юге этой страны Народная армия освобождения Судана. Южноафриканский торговец оружием Вильгельм Эйлерс, известный как Терс Эйлерс, поставлял оружие, купленное из оружейных запасов правительства Сейшельских островов, боевикам народности хуту, совершившим геноцид народа тутси в Руанде в 1994 году. Поставки осуществлялись в нарушение эмбарго ООН, наложенного с целью остановить происходящие в этой стране массовые убийства. Непонятно почему, но Эйлерс избежал обвинения в пособничестве и подстрекательстве к геноциду⁷. Крупнейшим американским торговцем оружием считается Саргис Соганалян, сотрудничавший с бизнесменом из Майами Чарльзом Аселором. В число их сделок по продаже оружия входила покупка в Иордании 10 000 автоматов Калашникова для поставки Революционным вооруженным силам Колумбии (ФАРК) в 1999 году. Упакованные в решетчатые контейнеры автоматы сбрасывались с самолетов в джунгли в контролируемых ФАРК районах. В то же самое время Вашингтон, конечно же, оказывал колумбийскому правительству масштабную военную помощь для борьбы с ФАРК и другими повстанческими группировками. Поставками оружия Соганалян обслуживал также интересы Саддама Хусейна в Ираке и Анастасио Сомосы в Никарагуа. Полного прекращения своей деятельности по торговле оружием Соганаляну и Аселору удавалось избежать путем оказания услуг американским властям, таких как сдача в аренду ЦРУ самолетов и помощь в проведении в Ливане операции по ликвидации пред-

приятый, печатавших фальшивые доллары США⁸. Торговцев оружием используют по-разному: это один из полузабытых (я надеюсь) способов «реальной политики», один из серии примеров, как любая краткосрочная выгода, извлекаемая при помощи незаконных средств, перевешивает долгосрочный ущерб принципу верховенства права и безопасности государства.

Глобализация обеспечивает благоприятную среду для деятельности незаконных торговцев. Они применяют современные технологии и успешно пользуются преимуществами, предоставляемыми нестрогими юрисдикциями. Даже во взаимоотношениях с правоохранительными органами им удается быть гибче правительств, ориентируя свои действия по наиболее выгодной траектории и вынуждая официальные ведомства плестись в хвосте. Торговцам помогли либерализация рынков, миграция и совершенствование транспортных технологий. Развитию сетей торговли оружием способствовало снижение стоимости морских, наземных и воздушных перевозок, обезличенность грузов, перевозимых в контейнерах, улучшение наземных транспортных маршрутов, а также наличие выведенных из эксплуатации самолетов советского военного флота, способных совершать посадки на незамысловатых аэродромах в труднодоступных зонах конфликтов. Развитие мировых финансовых рынков облегчило проведение платежей и получение прибыли от сделок с оружием, заключенных с самыми сомнительными клиентами.

При поставках в Африку торговцы оружием используют подставные компании, нередко замаскированные под гуманитарные организации. Торговец оружием, осуществлявший официальные поставки вооруженным подразделениям РЕНАМО в Мозамбик, переключился на продажу оружия в Бурунди, замаскировав операцию под благотворительную помощь со стороны христианской организации. Иногда поставки оружия проходят под видом гуманитарной помощи. Поставляемое из Китая в Бурунди оружие декларировалось как сельскохозяйственный инвентарь. Пилоты предоставляли фальшивые планы полетов. На пути к месту назначения они пользовались обходными маршрутами. Работали с различных баз, от компаний с различными наименованиями. Оружие, первоначально поставлявшееся противоборствующим сторонам в Афганистан, распространилось по всей Южной Азии. На севере и на востоке региона, например в Непале и Бангладеш, были созданы новые маршруты для контрабанды и транзита.

Банковские системы этих стран не раз попадали под подозрение в обслуживании незаконных финансовых операций. Местные повстанческие группировки вооружались, а преступные сообщества, торговавшие оружием (наряду с наркотиками, исчезающими видами животных и проститутками), стремительно разрастались. В индийских штатах неуклонно росло число автоматов Калашникова и прочего автоматического оружия. Спектр применяемого оружия расширялся. В Шри-Ланке имеются переносные зенитно-ракетные комплексы, а в Пакистане — реактивные противотанковые гранаты. Проницаемые границы и коррумпированные чиновники способствовали расширению сетей незаконной торговли оружием в Латинской Америке. Сообщалось о наличии в Колумбии двадцати одного установленного маршрута перевозки оружия из Венесуэлы, двадцати шести — из Эквадора, тридцати семи — из Панамы и четырнадцати — из Бразилии⁹. Между вооруженными группировками ведется постоянная борьба за контроль над наиболее предпочтительными маршрутами в Колумбию, например через джунгли вдоль побережья Тихого океана.

В качестве примера организации и воздействия незаконной торговли оружием на жизнь обществ рассмотрим один из регионов более подробно — страны бассейна реки Мано (Либерия, Сьерра-Леоне и Гвинея) и прилегающую страну Кот-д’Ивуар, а также, вкратце, север Уганды и отсталые задворки Европы, ставшие к тому же большой ареной в торговле оружием.

Либерия расположена в самом центре региона, богатого природными ресурсами и раздираемого конфликтами на протяжении более чем двух десятилетий. Война и убийства финансировались здесь за счет разграбления ценных ресурсов — алмазов, самородного золота, древесины, какао и кофе. Сырьевые товары помогли оплатить 8–10 миллионов единиц стрелкового оружия, обращающихся сегодня в Западной Африке. Либерия основана как независимая республика в 1847 году 300 семьями черных переселенцев из Соединенных Штатов. Весьма необычное место, которым в течение столетия управляла одна партия, Партия истинных вигов, и, по существу, небольшая группа семей. Эти люди вели себя как белые колонизаторы, удерживая коренное население под своей властью, зачастую в рабстве. С концом эпохи колониализма стало расти давление на систему, в которой 1 процент от 2-миллионного населения контролировал всю Либерию. Последний из президентов Либерии американского происхождения, Уильям Толберт, был

внуком освобожденных рабов Южной Каролины. Он и его семья сняли все сливки с экономики, основанной на каучуке, железной руде и регистрации иностранных судов. Умеренные реформы не могли спасти режим от переворота, который в 1980 году возглавил старший сержант Сэмюэл Доу. После переворота страна начала скатываться к насилию. За десять лет тиранического правления Доу пережил тридцать восемь попыток переворота: оставаться у власти ему помогали не только амулеты джу-джу, но и американская поддержка. Финансовая помощь Вашингтона за десять лет превысила 500 миллионов долларов. США использовали Либерию в качестве военного и разведывательного центра в Африке. Насилие и фальсификация выборов не поколебали решимость Америки поддерживать режим, и Доу отплатил администрации президента Рейгана мощной поддержкой действий США в отношении Ливии и Ирана.

Чарльз Тейлор, самый скандально известный в Западной Африке полевой командир, получил образование в Соединенных Штатах и стажировался у полковника Каддафи — такие записи редко соседствуют в биографиях. Он сколотил банду из молодых неграмотных мужчин и подростков и при поддержке лидеров Кот-д’Ивуара и Буркина-Фасо, имевших собственные причины для недовольства Доу, в 1989 году вторгся в Либерию, мародерствуя по всей стране. За его молодыми головорезами быстро закрепилась репутация убийц-психопатов. Развязанная Тейлором гражданская война унесла более 250 000 жизней и вынудила половину населения страны покинуть места проживания. При поддержке другой группы повстанцев Тейлор довольно быстро сверг и убил Доу; одно ухо Доу главарь садистов съел перед кинокамерой. Тейлор установил контроль над большей частью страны, заключил с иностранными компаниями ряд концессионных соглашений по древесине, каучуку и железной руде, а часть вырученных за год двухсот миллионов долларов использовал для финансирования Объединенного революционного фронта (ОРФ), антиправительственного формирования в Сьерра-Леоне, возглавляемого армейским капралом Фодеем Санко, с которым Тейлор познакомился в тренировочном лагере в Ливии. Разбушевавшаяся в Сьерра-Леоне война оказалась особенно жестокой; с обеих сторон в боевые действия были втянуты солдаты-дети. Ишмаэль Бих, в страшных подробностях описавший свое детство в Сьерра-Леоне, в возрасте тринадцати лет был насильно завербован в правительственные

войска¹⁰. Основным мотивом вторжения Тейлора в Сьерра-Леоне стало установление контроля над расположенными там алмазными шахтами, а сам Санко за короткий срок захватил многие из алмазных месторождений на востоке страны, с годовым оборотом в 300 миллионов долларов. Его армия захватила также участки с бокситовыми и титановыми рудниками.

На протяжении богатого бурными и кровавыми событиями десятилетия боевых действий в Либерии и Сьерра-Леоне Тейлор стал лидером среди торговцев контрабандными алмазами, а столица Либерии Монровия превратилась в крупный центр по «отмыванию алмазов». За этот период Сьерра-Леоне переместилась в нижнюю часть составляемого ООН рейтинга развития человеческого потенциала; в стране погибли 50 000 человек, 30 000 получили увечья и более трех четвертей населения покинули места постоянного проживания. Погрузив в хаос Сьерра-Леоне, Тейлор переключился на дестабилизацию Кот-д'Ивуара путем организации, вооружения и развертывания на западе этой страны двух повстанческих группировок. После военного вмешательства со стороны наемников и вооруженных сил Нигерии, Великобритании и ООН, после введения жестких санкций ООН и неудачной попытки свергнуть президента Гвинеи, вызвавшей обратную реакцию в виде вторжения в Либерию группы повстанцев, поддерживаемых Гвинеей, режим Тейлора пал, как это уже было с режимом Санко. Восстановилось некое подобие мира, а Чарльз Тейлор в 2007 году был привлечен к суду в Гааге за преступления против человечества.

Почему эти трагические события стали возможны, а ужас длился так долго? В Либерии и Сьерра-Леоне существенную роль сыграли такие факторы, как нищета, коррупция, присвоение национальных богатств в личных целях, слабые институты и человеческие пороки. Проблему ресурсов — в контексте взаимосвязи алчности и конфликтов — мы рассмотрим в следующей главе. Но Тейлору, Санко и другим полевым командирам не удалось бы учинить кровавую бойню, если бы их оружием были лишь мачете и прочие сельскохозяйственные инструменты. Устрашающе грозными их сделала доступность огнестрельного оружия, а также возможность расплачиваться за оружие ресурсами захваченных регионов и стран.

Продажа товаров из зон конфликтов осуществляется несколькими способами. В Либерии одним из привычных методов плате-

жа стала оплата половины стоимости оружием и половины — наличными. Большая часть денег от продажи древесины проводилась через государственную лесопромышленную компанию «Ориентал Тимбер Корпорэйшн» на счета одного из бизнес-управляющих Тейлора, действовавшего в Сьерра-Леоне в качестве казначея повстанцев. Деньги от продажи алмазов и лесоматериалов поступали также на банковские счета в Цюрихе и Буркина-Фасо. Швейцарский национальный банк публикует данные о размере иностранных капиталов, хранящихся в швейцарских банках. В 2002 году африканские страны хранили в общей сложности 14,3 миллиарда долларов; средства Либерии составили 3,8 миллиарда долларов — больше, чем у Нигерии (900 миллионов долларов) и ЮАР (2,4 миллиарда долларов). Швейцарский счет Тейлора был открыт в 1993 году. Один из двух счетов в Буркина-Фасо, в «Банк Интернасьональ дю Буркина», открыт в 1990 году и использовался как канал для поступления ливийских средств на начало повстанческого движения Тейлора.

Несмотря на то что в конце 2002 года фиксировалось увеличение импорта в Либерию тяжелого вооружения (как полагают, для развертывания в Кот-д'Ивуар), большая часть оружия представляла собой стрелковое оружие и легкие вооружения, такие как АК-47 китайского производства, пулеметы, противотанковые гранатометы и бронебойно-зажигательные снаряды. НКО «Глобал Витнес» (отличный пример благоприятного воздействия глобализации) детализировала сведения по поставкам оружия, осуществленным в 2002 и 2003 годах вопреки эмбарго ООН. Оружие ввозилось в Либерию кораблями два или три раза в месяц (в зависимости от накопления нужного количества экспортной древесины), а также официальными авиарейсами на бывшую американскую авиабазу в Робертсфилде. Так, 6 февраля 2002 года партия оружия была доставлена самолетом «Антонов» из Уагадугу (Буркина-Фасо), а 16 февраля ящики с оружием из Киншасы доставил «Боинг-707». Зафиксированы также маршруты судов. В мае 2002 года из Болгарии в либерийской порт Харпер на следовавшем через Ниццу судне для перевозки лесоматериалов было отправлено 30 тонн оружия. Этот торговец занимался перевозками оружия из Болгарии в Либерию на протяжении десяти лет. В июле этим же торговцем был доставлен пятнадцатитонный груз, в основном состоящий из боеприпасов, уложенных в темно-синие и серые контейнеры. В сентябре того же года партия продовольственной

помощи — риса — была доставлена из Ливии в либерийский порт Бьюкенен вперемешку с оружием. В дальнейшем поставки регистрировались в октябре и декабре. Незадолго до Рождества с морского судна «Позен» было выгружено девятнадцать замаскированных грузовиков с опломбированными контейнерами, в которых находилось оружие и боеприпасы¹¹.

При перевозках оружия в Либерию часто использовались самолеты, зафрахтованные в одной стране, но зарегистрированные в другой; в Либерии оказывались партии оружия, изначально предназначенные для другой страны-получателя; в процессе были задействованы и подставные компании, и поддельные сертификаты конечного получателя, причем все под контролем и с участием торговцев алмазами и древесиной. Можно ли считать исключительным совпадением то обстоятельство, что Китай в последнее время был крупнейшим импортером лесоматериалов из Либерии (хотя в официальной статистике объемы закупок занижались) и одновременно основным источником импортируемого Либерией оружия? Значимыми поставщиками для торговцев нелегальным оружием были два крупнейших китайских оружейных производителя, «Норинко» и «Поли технолджиз».

Поставки оружия повстанцам в северную часть Уганды были сопряжены с меньшими сложностями, чем поставки в бассейн реки Мано, и отличались существенно меньшими масштабами. Тем не менее конфликт между Господней Армией сопротивления (LRA) и правительством Уганды длится уже более двадцати лет. Это ожесточенное противостояние — во многом наследие двух десятилетий переворотов и реставраций, кровопролития и сражений, сопровождавших борьбу за власть между Милтоном Оботе и Иди Амином в 1970–1980-х годах. Борьба завершилась в 1986 году свержением Оботе и провозглашением президентом Йовери Мусевени, персонажа, как представлялось вначале, кромвелевского типа. Я встречался с Мусевени вскоре после его победы над Оботе. Казалось, что по сравнению со своими предшественниками он обладает определенными преимуществами. Во-первых, он не был кровожадным психопатом. Во-вторых, он занимался — по крайней мере, на первых порах — реализацией вполне благоразумных экономических реформ. В-третьих, он всегда подкупал собеседника, прямо и решительно высказывая свое мнение, в том числе по проблеме СПИДа. В то время как другие африканские лидеры пытались отрицать распространение пандемии, представ-

ляя любое упоминание о ней со стороны западных правительств и ВОЗ как проявление расизма неоколониалистов, Мусевени начал адекватную национальную кампанию против болезни, поразившей, согласно оценкам, более пятой части населения страны.

Прямота Мусевени проявилась и во время его первого визита в Лондон в 1986 году. Министерство по вопросам развития, которое я тогда возглавлял, изыскило средства для выделения гранта в размере около 35 миллионов фунтов на закупку медикаментов и цемента. Замысел заключался в том, что премьер-министр Маргарет Тэтчер объявит об этом даре во время первой встречи с Мусевени на Даунинг-стрит, чтобы подтолкнуть его, так сказать, к конструктивной работе. Изрядно сдобрив объявление дипломатической лестью, она назвала сумму. «Тридцать пять миллионов фунтов? — выпалил он. — Это не очень много». Премьер-министр парировала немедленно. После недолгой паузы она вышла вперед к сетке и отбила с лета. «Тридцать пять миллионов фунтов, которые вам не придется возвращать, представляются мне довольно внушительной суммой», — ответила она. По моим наблюдениям ей никогда не приходилось подбирать слова.

Отношения между Мусевени и оказывавшими ему помощь западными странами, естественно, испортились после того, как его армия ввязалась в боевые действия и грабежи в Конго, а в самой Уганде он свернул демократические преобразования, заключив при этом под стражу некоторых из своих политических противников. Как и многие другие африканские лидеры, число которых, надо признать, сокращается, Мусевени противился учреждению электоральных и институциональных механизмов, способных лишить его власти. При этом в ослаблении власти Мусевени на севере страны важную роль, по всей видимости, сыграли действия повстанцев в Конго.

После прихода к власти в 1986 году Мусевени оттеснил преобладавших в правительстве представителей этнической группы ачولي. Северяне затаили обиду, и это послужило одной из причин создания Господней армии сопротивления. Во главе повстанцев встал Джозеф Кони, человек, которого специалист по истории Африки Мартин Мередит охарактеризовал как «психопата мессианского типа»¹². Присягнувшие Кони повстанцы периодически нападают на правительственные войска, но их основной мишенью были и остаются гражданские лица в районах, преимущественно населенных ачولي. Мятежники атакуют и уничтожают

гражданские лагеря и поселения, грабят, насилуют и похищают людей, в том числе детей, обращают их в рабство или заставляют вступать в свои вооруженные формирования. Нагнетая страх, повстанцы калечат людей, отрезают жертвам носы, губы и уши в наказание за сотрудничество с правительством. Конфликт не утихает вопреки двадцатикратному численному преимуществу угандийских вооруженных сил, во многом вследствие царящей в армии коррупции, жесткости и некомпетентности. Результаты катастрофичны: около 90 процентов населения наиболее пострадавших районов — 1,4 миллиона человек — согнаны в охраняемые армией лагеря. Уровень смертности в лагерях ужасающе высок. В 2005–2006 годах от излечимых болезней, таких как диарея и малярия, еженедельно умирали примерно 1000 человек. Бывший руководитель Управления ООН по гуманитарным вопросам и координатор чрезвычайной помощи Ян Эгеланн назвал ситуацию в Уганде и Конго «самой обделенной вниманием гуманитарной катастрофой в мире». С Рождества 2006 года Господня армия сопротивления проникла в Конго и Судан, изгнав из своих домов десятки тысяч запуганных людей.

Почему конфликт не угасает так долго? Ответ довольно прост. В гражданской войне между мусульманским севером и христианским югом Судана угандийцы обеспечивали маршруты поставок и сами поставляли оружие силам южан, возглавляемым Джоном Гарангом. Как многих людей в этой части света, угандийцев встревожил региональный «джихад», к которому призывал в Хартуме президент Башир. После затишья в гражданской войне в Судане и установления временного мира — временного, поскольку жестокое противостояние севера и юга может возобновиться в случае, если юг (где расположены 80 процентов нефтяных месторождений страны) проголосует за независимость на референдуме, который состоится в 2011 году, — Башир, в отместку за оказанную Угандой поддержку Гарангу, поставлял оружие Господней армии сопротивления и другим повстанцам на севере Уганды. Отдельные представители суданской военной разведки были замечены в поддержке Господней армии сопротивления даже после образования в Хартуме мусульманско-христианского правительства национального единства. Таким образом, национальные правительства региона несут прямую ответственность за провоцирование и раздувание политических конфликтов в сопредельных странах.

В бассейне реки Мано правительства и повстанческие группировки смогли выйти на мировой рынок вооружений благодаря наличию чековых книжек, оплата по которым обеспечивается сырьевыми ресурсами. Недееспособные и утрачивающие дееспособность государства продолжают покупать оружие, что еще более ухудшает ситуацию. Соседствующие Уганда и Судан сами выступают источником оружия для повстанцев. Нам известны и другие примеры того, как поставщиками оружия выступают государства или государственные образования, не задающиеся вопросом о конечном потребителе. Показателен случай Северной Кореи; или, в Европе, мятежный молдавский регион Приднестровье.

Молдова — одна из беднейших посткоммунистических стран Европы. Некогда княжество оказалось зажато между тремя империями: османской, российской и австро-венгерской. Сегодня Молдова ютится на границе между Румынией и Украиной. На западе население отождествляет себя с Румынией, а люди, проживающие в Приднестровье, вдоль левого берега Днестра, — с Россией. Численность населения Молдовы — 3,4 миллиона человек (подавляющее большинство — этнические румыны, у 800 тысяч имеются румынские паспорта); в Приднестровье проживает чуть более полумиллиона.

Молдова — нищая страна, в которой ВВП на душу населения составляет примерно 2000 долларов США. Страна зависит от России из-за повышения цен на природный газ, прекращения его поставок и запретов на импорт вина и сельскохозяйственной продукции. Молдова вынуждена существовать на мизерную европейскую и американскую помощь, денежные переводы и доходы от серой, теневой экономики. После провозглашения Молдовой независимости от Советского Союза в 1991 году, 14-я армия России негласно помогала русскоязычным приднестровцам бороться за свою независимость, вмешавшись в конфликт между двумя сторонами после того, как счет погибших пошел на сотни. Русские оставили в Приднестровье контингент в составе 2000 военнослужащих, формально для охраны оставшихся в Молдове старых советских оружейных складов и будущей переброски этих арсеналов обратно в Россию.

Что-то о Приднестровье мы знаем наверняка, что-то обособованно предполагаем, а какие-то вещи рисуем чуть преувеличенными. Во-первых, Приднестровье представляет собой один из

так называемых замороженных конфликтов на территории бывшей Российской империи, которые могли быть разрешены довольно быстро в случае, если бы Москва проявляла интерес к решению проблем, а не оставляла их тлеть где-то на заднем дворе. К этой категории относится и территориальный спор между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха; в один ряд с приднестровским можно поставить конфликт с участием двух мятежных регионов Грузии, Южной Осетии и Абхазии. В каждом из них Россия оказывает поддержку движению сепаратистов (справедливо отказывая в таком праве другим, если дело касается сепаратизма в Чечне) с целью ослабить соседей и усилить российское влияние. Россия содействовала созданию в 2006 году полувоенного сообщества этих государственных образований, названного с присущей советской эпохе высокопарностью организацией «За демократию и права народов». В самом Приднестровье местную элиту сложно отличить от российских собратьев. Президент Игорь Смирнов родом с востока России; он возглавлял забастовки и демонстрации, приведшие к созданию в 1991 году после распада СССР Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики, предшественницы сегодняшней мятежной провинции на тогдашнем жаргоне. Сын Смирнова, Владимир, руководит компанией под названием «Шериф», контролирующей большую часть торговли Приднестровья. Он, так случилось, отвечает еще и за таможенную службу. У президента два больших приятеля. Министр государственной безопасности Владимир Антюфеев, вынужденный в 1990 году бежать из Латвии после неудачной попытки организовать переворот в советском стиле. И еще один местный князек, Дмитрий Соин, создавший молодежное движение «ПРОРЫВ!», аналогичное прокремлевским объединениям фашиствующих молодчиков в России. Доказывая, что в Восточной Европе еще не умерла сатира, Соин возглавляет, по совместительству, Школу политического лидерства имени Че Гевары.

Эти местные боссы — жестокие, искушенные в финансовых делах и вполне бессовестные потомки прежнего советского чиновничества — обладают по крайней мере одним довольно современным качеством. Они очень хорошо работают на публику. Побродите по веб-сайтам Приднестровья: вы обнаружите много якобы фактической информации о стране, в которой, согласно англоязычному онлайн-ресурсу «Тирасполь Таймс», «выпускники

2007 года танцуют на улицах». Основная проблема «Тирасполь Таймс» как фиксатора событий состоит в том, что газеты не существует. В штате издания, по всей видимости, работает единственный журналист — ирландец по имени Дэс Грант, а офис странным образом отсутствует¹³. Приднестровью крупно повезло и в том, что республику поддерживает интеллектуальный центр мирового уровня под названием «Международный совет по демократическим институтам и государственному суверенитету», который распространяет через Интернет пространные политические эссе, выдаваемые за работу легиона выдающихся ученых и специалистов по международному праву. Рубрикатор профессионально разработанного веб-сайта содержит вопрос: «Что вы скажете в ответ на утверждение, что нашего Совета не существует?» Интересно, что?

Основной тезис, который выдвигают авторы публикаций приднестровского режима в Интернете, состоит в том, что обвинения в контрабанде оружия из региона сфабрикованы. В доказательство приводятся утверждения услужливых свидетелей из ЕС и базирующейся в Вене Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Это полностью противоречит тому факту, что оружие из Приднестровья обнаруживалось в гражданских конфликтах по всей Африке. Бывший министр иностранных дел Румынии — не самый беспристрастный свидетель, это правда — даже назвал Приднестровье «черной дырой трансграничной организованной преступности — включая контрабанду наркотиков, торговлю людьми и контрабанду оружия». Конечно, когда с 1999 по 2004 год я занимал должность комиссара ЕС, в наличии «черной дыры» мы не сомневались, но не могли доподлинно знать, что там внутри. Единственное, в чем мы были уверены, так это в том, что после развала Советского Союза на оружейных складах региона осталось около 40 000 тонн оружия. На некоторых складах было тяжелое вооружение, в том числе танки. В укрепленных бункерах хранились артиллерийские снаряды, мины, ракеты и легкое оружие. В 1999 году я принимал участие в конференции ОБСЕ в Стамбуле, и тогда русские согласились ликвидировать свои склады и вывести войска. На последующих встречах должностные лица российского правительства приводили изящные оправдания тому, почему этого не произошло, сильно напоминавшие оправдания учеников дипломатической школы, вроде того, что «кошка съела тетрадку». Помню, как любезный Игорь Иванов,

тогдашний министр иностранных дел России (президент Путин представлял его собеседникам как своего «смирного грузина»), поведал нам однажды, что российская 14-я армия вынуждена оставаться в Приднестровье и охранять полевые склады, так как при попытке вывезти оружие в Россию товарными составами разгневанные русскоговорящие приднестровцы улеглись на железнодорожные пути и остановили движение поездов. Особого упоминания удостоились бабушки; очень душеспичательная история.

Русские сдержали слово наполовину и вывезли примерно 50 процентов оружия, оставив после себя около 20 000 тонн боеприпасов. Неужели ничто из этого не попало на черный рынок? Это было бы весьма странно. У российской армии богатый послужной список в сфере продажи оружия, в том числе чеченским боевикам. Более того, Приднестровье расположено в самом центре крупного контрабандистского кольца, соединяющего украинские порты Одессу и Ильичевск с рынками на самой Украине, в Молдове и за их пределами. У Приднестровья протяженный, слабо защищенный периметр, в том числе 470-километровая граница с Украиной и граница с Молдовой; эти границы каждый день пересекает большое число практически не досматриваемых легковых и грузовых автомобилей. ЕС пытался усилить пограничный контроль, особенно с Украиной. Частично мы руководствовались намерением подтолкнуть Приднестровье к переговорам по урегулированию с Молдовой, а частично — оперативной информацией о контрабанде через границу с Приднестровьем, включая наркотики и проститутки. Следует признать, что за последние несколько лет объем контрабанды оружия из Приднестровья сократился, хотя там до сих пор остаются склады и не менее шести предприятий, производящих автоматы, пулеметы и реактивные системы залпового огня. В 2003 году газета «Вашингтон пост» заявила, что в Приднестровье изготавливаются также ракеты «Алазань», известные в прошлом установкой на них радиоактивных боеголовок; другими словами, «грязные бомбы». Если торговля оружием сократилась, то основной причиной могло быть падение цен на многие виды оружия ниже уровня цен на другие товары, поставляемые контрабандным путем через Приднестровье. Совсем недавно самым популярным контрабандным товаром была замороженная курица, 40 000 тонн которой в течение восьми месяцев завезены в Приднестровье без уплаты пошлины на Украине, якобы для потребления полумиллионом приднестровцев. Скорее

всего, основу рациона питания каждой семьи в этот период составляла не слишком вкусная котлета по-киевски.

Приднестровье было и остается примером псевдогосударства, которое управляется по типу преступного сообщества, находится под защитой крупной державы и экспортирует проблемы в прилегающий регион и за его пределы. Какой бы ни была ситуация сегодня, оружие, несомненно, составляло существенную долю торгового оборота республики, наряду с другими доходными товарами черного и нелегального рынков. Единственный способ справиться с этой болячкой на теле Европы заключается в осознании Европейским союзом наличия проблемы, более дружественном отношении к Молдове, и в том числе в устранении преград для экспорта молдавского вина, сельскохозяйственной продукции, текстиля и стали, и в выработке более твердой и последовательной политики по отношению к России.

Серьезные усилия по борьбе с распространением стрелкового оружия предпринимались в середине и в конце 1990-х. Одной из причин стали ужасные конфликты в районе Великих озер Африки. В 1993 году, после неудавшегося военного переворота в Бурунди, за неделю были убиты 50 000 жителей. После гражданской войны в Руанде, длившейся с 1990 по 1994 год, за три месяца 1994 года погиб миллион человек. В последующие годы вооруженными группировками хуту и тутси совершались этнические убийства в восточной части Конго. В 1996 году Генеральный секретарь ООН призвал к введению режима «микроразоружения» и созданию при ООН комиссии правительственных экспертов по стрелковому оружию. В дополнение к глобальным инициативам ряд стран Африки приступили к объединению усилий по устранению проницаемости границ и транснациональных структур, способствующих «недобрососедским отношениям», движению потоков оружия и разжиганию конфликтов. Государство Мали выступило с региональной инициативой в сфере импорта и производства стрелкового оружия в Западной Африке, а ЮАР пыталась достичь схожих договоренностей в своем регионе.

Вышеуказанные инициативы подготовили почву для состоявшейся в 2001 году Конференции ООН по проблеме незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями. Целью конференции была выработка международного соглашения по программе действий, обязывающего государства принять определенные меры по предотвращению нелегальной передачи и торгов-

ли оружием. Связываемые с конференцией большие надежды развеяла администрация президента Буша и оружейное лобби США, успехи которого настолько велики, что на каждые сто американцев сегодня приходится девяносто стволов. Соединенные Штаты Америки — самая вооруженная нация в мире. Американский фонд второй поправки к конституции США* уже обвиняет НКО, выступающие за ограничения в отношении легкого оружия. Ассоциация владельцев оружия в США уже охарактеризовала Организацию Объединенных Наций как «удавку, которая постепенно затягивается на шее владельцев оружия». Не вполне ясно, что хуже для ООН — вышеприведенное сравнение или именование ее антихристом (такое иногда можно услышать от крайне правых приверженцев теории заговора в Америке). На упомянутой конференции, где Америку представлял тогдашний заместитель госсекретаря Джон Болтон, все начинания незамедлительно блокировались. Болтон заявил, что его страна не примет документ, противоречащий установленному в Соединенных Штатах «конституционному праву на хранение и ношение оружия». (Чарльз Тейлор извлек из этого обнадеживающий урок строгого конституционализма.) Заявление Болтона, безусловно, порадовало Национальную стрелковую ассоциацию США, исполнительный директор которой Уэйн Ла-Пьер осудил конференцию за попытку поставить «глобальные нормы выше свободы отдельной страны».

В результате принятая в 2001 году весьма невыразительная программа действий (ПД) поставила во главу угла проблему незаконной торговли оружием; вопросы регулирования и реформирования легальной торговли выносились за скобки. Основные положения ПД содержали ряд минимальных общих стандартов, норм и действий, относящихся к распространению стрелкового оружия, которые могут применяться для борьбы с нелегальной торговлей. Программой предусматривалась маркировка оружия в месте изготовления для последующей идентификации, отслеживания и выдачи сертификатов о конечном потребителе в целях экспорта и транзита. Все перечисленное стимулировало — и это можно только приветствовать — более широкий обмен информацией и прозрачность, повышение эффективности контроля продажи и перемещения оружия, безопасности складов, выявление и уничтоже-

---

* Вторая поправка к конституции США, принятая в 1791 году, гарантирует право граждан на хранение и ношение оружия.

ние излишков оружия, совершенствование контроля над вооружениями после завершения конфликтов путем сбора и уничтожения оружия бывших комбатантов, и более последовательное исполнение эмбарго на поставки оружия. Но в целом все эти меры представляли собой неупорядоченный набор компромиссов. Они не были обязательны к исполнению, несмотря на звучавшие заявления о наличии надежной политической договоренности в отношении внутригосударственных мер, соответствующих положениям программы. Из программы были исключены очень востребованные меры, такие как запрет на поставки стрелкового оружия негосударственным формированиям (к примеру, повстанческим группам и полевым командирам). Более того, отдельные части программы оказались практически бесполезными вследствие нечеткости критериев экспорта, которые страны должны учитывать при рассмотрении вопросов передачи оружия. Отсутствовала ясная договоренность, которая позволила бы предотвратить продажу оружия в обстоятельствах, способных повлечь нарушение прав человека, создание угрозы для гражданских лиц или нарушение международного права.

Совсем уж слабые надежды на усиление мер контроля над стрелковым оружием возлагали на проведенную в 2006 году Конференцию по рассмотрению означенной ПД. Эффект оказался обратным. Группа сомнительных единомышленников блокировала все договоренности об итоговом документе. Позицию США разделили Куба, Венесуэла, Иран, Египет, Индия и Пакистан. Американские переговорщики, по понятным причинам, были заинтересованы в соглашении о предотвращении продажи переносных зенитно-ракетных комплексов, или ПЗРК, которые могут применяться и применяются для поражения низколетящих самолетов. В 2002 году две ракеты были безуспешно запущены по израильскому пассажирскому самолету, вылетевшему из Момбасы. Группа «Анализ стрелкового оружия» насчитала на планете от 500 000 до 750 000 единиц стрелкового оружия, причем 100 000 из них признаны утерянными. Жаль, что озабоченность американцев оружием этого типа не распространилась немного шире, хотя между странами «Большой восьмерки» было заключено некое соглашение по контролю над поставками ПЗРК. По мнению анализировавших конференцию НПО, США выступают против любого контроля со стороны мирового сообщества или ООН, настаивая на том, что все последующие дискуссии должны ограничиваться мерами

регионального и национального уровня. Выработке итогового документа конференции помешали и другие игроки. Они наотрез отказались включать положения, относящиеся к регулированию владения оружием гражданскими лицами, владения боеприпасами (существенный пункт), к контролю над передачей оружия (особенно неправительственным формированиям), а также к увязке усиленного контроля над огнестрельным оружием с предоставлением международной помощи в целях развития. Индонезия и Индия среди первых выразили несогласие с какой бы то ни было зависимостью программ помощи от закупок оружия. Учитывая внутренние проблемы и непрекращающиеся волнения, с которыми сталкиваются обе эти страны, наблюдатели ожидали от них более горячей поддержки режима нераспространения оружия. Большие надежды обернулись полумерами — организация складов и их безопасность, уничтожение излишков оружия, сертификация конечных потребителей и ввод в действие Международного документа по контролю, позволяющего проследить путь оружия от изготовителя до потребителя. Вот и все успехи. Никаких оснований для аплодисментов, даже для жидких.

Впрочем, после неудачи Обзорной конференции 2006 года удалось достичь некоторого прогресса. Во-первых, Генеральный секретарь ООН опубликовал несколько докладов с призывом принять меры по выработке международных стандартов торговли оружием и методики учета показателей ограничения этого бизнеса и повышения его прозрачности. В 2008 году 147 государств ООН проголосовали за продолжение работы над основными положениями Международного договора о торговле оружием. Наиболее твердое «за» прозвучало от стран Африки, Южной и Центральной Америки и Европы — иными словами, от стран, серьезно страдающих как от вооруженного насилия, так и от некоторых крупных экспортеров. Двенадцать государств Ближнего Востока воздержались. Против инициативы проголосовали только две страны — США и Зимбабве. Важным и обнадеживающим можно считать тот факт, что Барак Обама, будучи сенатором, занимался проблемой «стрелкового оружия» и совместно с сенатором от республиканцев Лугаром внес на рассмотрение закон о запрете кассетных бомб и обеспечении безопасности обычного вооружения, в том числе переносных ракетных комплексов. Во время своей кампании он выступал за международные инициативы по ограничению вреда, наносимого гражданским лицам при применении обычных

видов вооружения. Сегодня, после восьми лет блокады со стороны Болтона и Буша, мы можем надеяться на позитивное сотрудничество с США по этому вопросу.

Решению ряда проблем государства — члены ЕС и солидарные с ним страны могли бы способствовать исключительно попытками добиться прогресса в принятии международного договора. Во-первых, мы знаем, что сегодня не соблюдается эмбарго ООН; хорошим примером служит Либерия. Каким образом усилить контроль над исполнением международных санкций и эмбарго? ЕС мог бы начать с создания подразделения по мониторингу. В бытность комиссаром ЕС я привык к тому, что министры иностранных дел выражают категорическое неприятие ненадлежащего поведения других государств введением против них санкций. Зачастую их интересует исключительно формальная сторона дела. Должностные обязанности одного из моих подчиненных — голландского юриста с безупречной репутацией — состояли в попытках обеспечить фактическое исполнение государствами-членами взятых на себя обязательств. Поистине, сизифов труд. Отсюда вытекает, во-вторых, что Европейскому союзу следует придать этическим нормам по торговле оружием законодательную основу. В-третьих, следует активнее поддерживать программы постконфликтного разоружения, демобилизации и реинтеграции населения в гражданскую жизнь, в том числе путем выкупа оружия. В рамках этих программ необходимо прилагать больше усилий по отслеживанию источников происхождения выкупленного оружия, с обязательной публикацией результатов таких исследований, чтобы понимать, где и у кого покупатели приобретают оружие. Содействие безопасности подобного рода и экономическое развитие тесно взаимосвязаны. В-четвертых, программа Нанна-Лугара по уничтожению на пространстве бывшего СССР устаревшего ядерного оружия создает модель для выкупа запасов обычных вооружений. Европе следует начать с Украины и, естественно, с некоторых из государств — членов ЕС, покинувших Варшавский договор в конце 1980-х годов. Что из перечисленного осуществится, есть ли политическая воля, достаточная для решения этой проблемы: это те самые вопросы, которые много лет не тревожили сон господина Бута. Можно, конечно же, предположить наличие у правительства списка вопросов огромной международной значимости, отвлекающих их внимание от вопросов, поставленных выше, но причина отсутствия прогресса в контроле

над вооружениями может оказаться более циничной. «Недостаточность глобального регулирования, — по утверждению Нила Купера, — отчасти объясняется тем фактом, что наиболее влиятельные в международной системе государства, те, которые способны добиться перемен в глобальном управлении вооружениями, это как раз государства с мощнейшими оборонными отраслями, получающие наибольшую выгоду от продажи оружия на международных рынках»¹⁴. Сегодня на государства ОЭСР приходится 78 процентов мировых военных расходов.

В истории гражданских войн вооруженное противостояние отягчалось не только доступностью и дешевизной стрелкового оружия, но и другими обстоятельствами. Оружие нередко можно было взять напрокат, а наемники, в свою очередь, обучали, поддерживали и сражались бок о бок с солдатами противоборствующих армий. Наемники существовали всегда — воины, которые сражались исключительно за деньги, готовы были убивать и быть убитыми за страну, с которой их связывали в основном денежные отношения. В главе 2 уже упоминалась предпринятая во Флоренции попытка придать респектабельность одному из самых кровожадных солдат удачи, сэру Джону Хоквуду. Его жизнь и смерть вознесли его из мерзости массовых убийств и вымогательств на фрески Учелло, находящиеся в той части Флорентийского собора, где хранится Евангелие. Но наделять наемников праведностью и добродетелями — нелегкая задача. Английские бароны, в местечке Раннимед на берегу Темзы принудившие короля в 1215 году принять Великую хартию вольностей, настаивали на том, чтобы король Иоанн распустил наемников. Макиавелли считал, что наемники опасны для правителей, так как на поле боя их удерживают только деньги и у них нет осознания общественного блага, за которое готовы умереть патриоты. Американцы, сражавшиеся за независимость колоний с королем Георгом III, были привержены армии, состоящей из граждан; вовлечение королем в войну наемников вошло в число претензий к нему, изложенных в Декларации независимости. После Французской революции государства воевали исключительно силами собственных граждан. Англичанам в XIX веке удалось преодолеть исторически сложившееся неприятие регулярных армий и отказаться от услуг наемников, отвергая, в частности, рабство, еще одну разновидность торговли человеческой плотью. Англичанам стало ясно, что Британия не может быть великой

державой, опирающейся на христианские принципы и ценности высшей цивилизации, если сражаться за нее будут иностранцы. Пусть на мемориалах Первой мировой войны, например на Мененских воротах в Ипре, начертано много индийских имен, но индусы сражались за империю, частью которой — пусть и не по своей воле — они были. В последующие годы Британия с радостью позволила сражаться за себя гуркхам, но уже с меньшим воодушевлением разрешила им потом переселиться в страну, защищая которую они рисковали жизнями.

С началом процесса самоопределения в Африке и уходом белых империалистов в конфликты вернулись наемники. Тот факт, что большинство из них были белыми, лишь усиливал возмущение в африканских странах. Наемники сражались не только против африканцев, но и против войск ООН, в частности в ходе противостояния за отделение провинции Катанга от Конго. История использования в Африке наемников характеризуется прежде всего гнусной некомпетентностью. В 1996 году, под командованием осужденного военным трибуналом киприотско-британского экс-десантника, наемники мелькнули в ангольской гражданской войне — в кровопролитной, но неумело проведенной операции. Столь же некомпетентными они оказались в Биафре, Бенине и на Коморских островах. Организованная в 1981 году печально известным южноафриканским наемником Майком Хоаром попытка государственного переворота на Сейшельских островах превратилась в костюмированное представление: замаскировавшись регбистами из команды под названием «Древний орден завсегдатаев пивных» наемники попытались под видом рождественских подарков для местной детворы провезти через таможенную аэропорта оружие. Но один из наемников случайно пошел к таможене по красному коридору, где и было обнаружено оружие — так себе военная хитрость.

В последующие годы наемники (теперь их часто называют Частными военными компаниями — ЧВК) действовали гораздо осмотрительнее в Анголе и Сьерра-Леоне, хотя в Сьерра-Леоне одна из компаний («Сэндлайн») поставила британское правительство в весьма неудобное положение, будучи избалованной в попытке переправить в страну оружие в нарушение эмбарго ООН, но с ведома британских дипломатов. Возникновение ЧВК стало в какой-то степени неизбежным следствием сокращения на 6 миллионов общемировой численности армий после окончания холод-

ной войны. Оказавшиеся ненужными солдаты нередко попадали после демобилизации в «частный сектор», который (обслуживая государственные интересы по гораздо более высоким ставкам) проявлял к их услугам неиссякаемый интерес. В некоторых случаях — к примеру, в ЮАР и в России — частными компаниями в одночасье становились разжалованные подразделения целиком. Американской «армии будущего» потребуется легион гражданских служащих, и британской тоже. ЧВК не избежали морального посямления, сопровождающего действия наемников, не в последнюю очередь потому, что они оказались тесно связаны с некоторыми добывающими компаниями, чьи отношения с комбатантами в африканских гражданских войнах часто рождали подозрения в сговоре. Ввиду сокращения в последнее время рынка для организаций, уличенных в непосредственных контактах с комбатантами, вырос спрос на услуги частных охранных предприятий (ЧОП, в отличие от ЧВК). Эти организации, согласно утверждению известного автора книги о наемниках Сары Перси, «оказывают услуги четырех основных видов: материально-техническое обеспечение, оперативная или тактическая поддержка, военные консультации и обучение, а также охрана или безопасность. Материально-техническое обеспечение включает такие задачи, как приготовление и доставка пищи, стирка и техническое обслуживание на военных базах»¹⁵. Иногда трудно понять, насколько удалены эти люди от военных действий в собственном смысле. Увидав вооруженных до зубов телохранителей, окружавших Пола Бремера в Ираке и президента Карзая в Афганистане, направленных туда двумя американскими ЧОП («Блэкуотер» и «ДинКорп»), я бы испытывал определенные затруднения при попытке описать их как «не-комбатантов». ЧОП управляют через компьютеры беспилотными летательными аппаратами, эксплуатируют судовые системы наведения ракет и проводят допросы военнослужащих. Подчиняются ли они тем же структурам военного командования, подпадают ли под действие тех же национальных и международных законов, тех же международных конвенций, что и бойцы, одетые в форму регулярных войск? Картина довольно размыта. Хорошим примером того, что с большой вероятностью может произойти на практике, стал рассказ известного американского журналиста Раджива Чандрасекарана о мире «Зеленой зоны» в центре Багдада, служившей укрепленным лагерем для возглавляемых США оккупационных властей Ирака¹⁶. Чандрасекаран рас-

сказывает историю бывшего американского солдата, нанятого фирмой «Кастер Бэттлз» для выполнения различных охранных функций и вооружившегося для этого мягконосыми пулями [разрывными], запрещенными к употреблению 3-й Гаагской декларацией 1899 года. Пентагон уже давно соблюдает положения этой конвенции, несмотря на тот факт, что правительство США никогда ее не подписывало. Мягконосые пули при попадании в тело с большой вероятностью деформируются и сплющиваются, что приводит к тяжелейшим травмам. Наемный охранник применил эти пули с разрушительным воздействием во время попытки нападения из засады на его автомобиль. Чандрасекаран отмечает, что «когда военное командование услышало о пулях, используемых для стрельбы, оно выслало охранным фирмам уведомление о недопустимости применения нестандартных боеприпасов. Но отсутствовал эффективный способ обеспечения исполнения правил — как и всех других нормативов, которые военные хотели навязать нанятым охранникам. Они стояли выше законов войны». Итогом этой истории стало увеличение спроса на такие пули со стороны сообщества частных охранных предприятий. «Блэкуотер» причастна к ряду подобных инцидентов в Ираке, где ее услуги были широко востребованы. Так, в сентябре 2007 года фирма оказалась замешана в гибели семнадцати или более гражданских лиц в результате перестрелки, завязавшейся во время охраны одной из важных персон, которых охранники называют на своем жаргоне «упакованными». Недавно созданная фирма «Блэкуотер», тесно связанная с Республиканской партией, с 2001 года получила от правительства США контракты на сумму 1 миллиард долларов, причем многие без открытых, конкурентных торгов. Жалование сотрудников частных военных компаний примерно в шесть раз выше жалования военнослужащих, выполняющих аналогичные функции. В феврале 2009 года, в рамках стратегии ребрендинга и реорганизации, «Блэкуотер» объявила о смене своего наименования на «Зи» [с января 2010-го «Академия»]. В январе правительство Ирака отказалось продлевать лицензию на работу фирмы в стране, а Государственный департамент решил не продлевать контракт на охрану дипломатов.

Возможно, отсутствие ясности в отношении законов, применяемых к частным «военным подрядчикам», не имело бы большого значения, если бы к их услугам прибегали в незначительных объемах и в исключительных обстоятельствах. Но это далеко не

так. Когда в 1991 году Соединенные Штаты возглавили коалицию в войне в Персидском заливе, служащим частных подрядчиков был только каждый пятидесятый представитель военного контингента. В 2003 году в Ираке таковым был уже каждый десятый. Подсчитано, что в 2006 году помощь американским и британским войскам в Ираке оказывали не менее 20 000 сотрудников ЧОП. Сказать, что эти мужчины и женщины не участвуют в активных боевых действиях и что их, следовательно, нельзя считать наемниками, — значит проявить недюжинные навыки словесной эквилибристики. В нынешних условиях Америке чрезвычайно трудно вести войну без широкого привлечения ЧОП (что очевидно на примере «Блэкуотер»), частично вследствие профессиональной природы армии США и продолжения очень непопулярной войны в Ираке, а частично потому, что Америка, похоже, недооценила важность сухопутных операций даже в эпоху высокотехнологичных войн. Существует и дополнительный политический фактор. Так сложилось, что в США и в других странах против отправки большого числа служащих ЧОП на военные операции за рубежом возражают меньше, чем против расширения присутствия регулярных войск. Когда сотрудников ЧОП захватывают в плен, скажем, в Колумбии, то они просто исчезают; их существование отрицается; никто, кроме их семей, о них не узнает. В демократических обществах, заинтересованных в полном понимании характера обязательств в области безопасности, сформировались веские доводы в пользу повышения уровня прозрачности в отношении самого факта и масштабов использования ЧОП. Необходимо также прояснить методы контроля над их участием в операциях, применимость к их деятельности национального права, международного права и международных договоров.

Критики иногда сравнивают миротворческие функции ООН — прекращение кровопролитных гражданских войн, поддержание хрупких мирных договоренностей, попытки выиграть время для восстановления разрушенных государств — с деятельностью наемников, пусть даже и с заведомо гуманитарными целями. Подобное сравнение в корне неверно. Нет никаких сомнений, что за период с середины до конце 1990-х годов ООН добилась большого прогресса в деле обеспечения мира. К январю 2009 года численность миротворцев и сотрудников ООН превысила 110 000 человек, с возможностью дополнительного развертывания 10 000 человек в течение года. Это самый высокий показатель за всю

историю, намного превышающий минимальное значение в 12 000 человек, зафиксированное на рубеже тысячелетий. В 2005–2006 годах возможности региональных организаций — НАТО, ЕС и Африканского союза — по дополнительному развертыванию воинских контингентов увеличились более чем на четверть. Мы наблюдаем и резкий рост количества государств, вносящих свой вклад в поддержание мира: в 2007 году таких стран было 117. После миротворческой операции ООН в Конго в 1960-х годах и финансового кризиса (организации из ирландских военнослужащих, вооруженных винтовками «Энфилд»), миротворческие операции финансировались отдельной статьей бюджета в размере около 5,5 миллиарда долларов, в которую с пяти постоянных членов СБ ООН взимаются дополнительные выплаты. По поводу бюджета неизменно возникают распри. Современные объемы финансирования позволяют выплачивать предоставляющим войска правительствам денежные средства из расчета 1028 долларов на одного военнослужащего в месяц, что, по утверждениям некоторых критиков, делает эти операции прибыльными для стран со слабым военным оснащением. В определенных случаях это похоже на правду; в пример часто приводится давнее развертывание зимбабвийских войск в Анголе, на богатой природными ресурсами арене затяжной гражданской войны. С другой стороны, задержки в возмещении зачастую непредсказуемых затрат не позволяют предполагать, что какие-либо страны смогут выделять часть полученных на поддержание мира средств для оплаты услуг привлеченных частных охранных компаний, как это делается в Ираке. Гораздо более серьезной проблемой стала растущая обеспокоенность развивающихся стран тем, что на них ложится несоизмеримо большая часть тяжелого бремени по поддержанию мира. Имея менее эффективное оснащение и боевую подготовку, им приходится поставлять «плоть и кровь», в то время как богатые страны выделяют на это деньги (часто неохотно) и задают тон в дебатах о роли контингента ООН в конкретных обстоятельствах. Последнее масштабное развертывание сил ООН в Судане оплачено по преимуществу Западом, предоставившим также главных офицеров штаба, но сами войска были укомплектованы в подавляющем большинстве жителями Африки.

Вследствие сказанного возникают вопросы, подлежащие более открытому обсуждению в связи с конфликтами и развитием, а точнее — с отсутствием развития в бедных странах. Тогда как сего-

дня в выделяющих помощь странах политически приемлемо обсуждать проблемы государственного управления в странах, которым оказывается помощь (впрочем, в иных странах это воспринимается в штыки, о чем в 2007 году ясно дали понять Всемирному банку Китай, Аргентина и Россия), то обсуждение взаимосвязи между безопасностью и государственным управлением в значительной степени остается под запретом. Темы правоохранительных органов, внутренней безопасности и эффективной, демократически подотчетной армии в бедных странах считаются наносящими ущерб решению реальных проблем развития. Политики левого толка считают обсуждение взаимосвязи безопасности и развития еще более неприемлемым, чем взаимосвязи развития и роста или открытых рынков. Как следствие, в течение многих лет ОЭСР строжайше контролировала формулировки деклараций о помощи в целях развития и не допускала упоминания в них проблем безопасности. Все мы выступаем за мир, стабильность и перековку мечей на орала, но при таком подходе ОЭСР игнорирует реальность. Если мы стремимся помочь странам, пытающимся наладить открытое и разумное управление, не допустить их попадания в ловушку конфликтов и последующего распада, что в конечном итоге потребует развертывания миротворческих сил ООН, то создание условий для защиты демократических государств представляется вполне оправданным. Это цель, к достижению которой должны стремиться страны ОЭСР и НАТО, оказывая помощь демократическим странам, старающимся жить под властью закона, путем обучения, консультирования и оснащения их вооруженных сил и правоохранительных структур. Развитым демократиям следует подготовиться к распространению преимуществ коллективной безопасности на страны, стремящиеся построить либеральную демократию. Если после завершения конфликта в некоем экваториальном государстве «Переворотобия» устанавливается конституционная и демократическая власть и предпринимаются реальные усилия по созданию плюралистических институтов, то странам НАТО и, по возможности, Африканского союза следует заключить с таким государством договор о предоставлении ему основных средств для защиты его суверенитета и предотвращения притязаний со стороны его соседей. Если же избранный президент «Переворотобии» нарушает договорные обязательства, то все ставки снимаются, а помощь отзывается. Есть ли повод для беспокойства в

случае оказания отдельным государствам помощи описанным способом? Страны ОЭСР могли бы начать с сотрудничества с Африканским союзом и региональными африканскими организациями, такими как Конференция по координации развития юга Африки, для расширения возможностей африканских организаций в поддержке законных правительств, находящихся под угрозой беспорядка. Такой подход вовсе не лишен смысла. Мы не раз видели, каким малым числом людей можно развалить слабое и бедное государство, учитывая роль наемников. Я бы предпочел, чтобы место «Сэндлайн» [британская ЧВК] и других фирм такого рода занимали правительства — для военного консультирования бедных стран нужно привлекать офицеров НАТО, а не Майка Хоара. Подобные проекты должны стать частью разумной политики в области развития самых бедных регионов мира.

Глава 7

Алчность, война и «беднейший миллиард»

Время и случай для всех их.

Екклесиаст 9:11

У чужака большие глаза, но он не видит.

Западноафриканская пословица

У нас нет новых данных, способных пролить свет на то, по какой причине бедные страны бедны, а богатые — богаты.

Пол Самюэльсон. Алогичность неомарксистской доктрины несправедливого обмена, 1976

Каким представляется мир среднему гражданину, проживающему, скажем, в Лубумбаши, во втором по величине городе Демократической республики Конго? Начнем с того, что ему или ей может показаться незнакомым само понятие гражданства. Разве существует в этом городе свод взаимных обязательств отдельного человека и общества, лежащий в основе большинства представлений о том, что значит быть гражданином? Неужели самоуправствующие в этом городе и тиранящие население власти оказывают жителям услуги и обеспечивают им надлежащую защиту?

Город был основан в 1910 году бельгийскими колониальными властями и назван тогда Элизабетвилем (до 1966-го) в честь супруги короля бельгийцев Альберта I. Население города составляет около 1,2 миллиона человек (причем численность населения увеличивается или уменьшается в зависимости от ситуации с безопасностью в регионе). Город расположен недалеко от границы с Замбией, а совсем рядом протекает один из главных притоков реки Замбези. Отсюда Тим Бутчер отправился в свое знаменитое путешествие по Конго, как и многие другие путешественники в давние, более безопасные времена¹. Мощные бульвары, здания в стиле ар-деко и огромный собор из красного кирпича — когда-то город был важным железнодорожным узлом. Ему бы и дальше развиваться и процветать. Ведь он находится в самом сердце медно-

кобальтового пояса Конго, близ разрабатываемых месторождений цинка, серебра, урана, свинца и германия. В непосредственной близости от Лубумбаши расположены отвал медно-кобальтовых пород и металлургический комбинат компании «Биг Хилл», медно-кобальтовый карьер «Этуаль», медно-цинковый рудник «Кипуши» и завод «Эксако» по производству карбоната кобальта. Большая часть доходов от добычи этих ископаемых выводится из региона и оседает в чужих карманах, начиная с коррумпированных таможенников на границе Замбии, которые закрывают глаза на беспрошленный выезд из страны груженых кобальтовой породой грузовиков, следующих в Южную Африку или в далекий Китай. Уже в других странах порода перерабатывается в концентрированные соли кобальта, в результате чего стоимость продукта возрастает в пятьдесят, а то и в сто раз. А Лубумбаши влачит нищенское существование, с отсутствующей или ненадлежащей социальной инфраструктурой. В Лубумбаши — столице провинции Катанга — безопаснее, чем в остальных районах, хотя городу не раз доставалось на протяжении полной жестокости истории Конго. Город был центром военных действий во время войны за отделение провинции Катанга, которая вспыхнула сразу после обретения Конго независимости. Впоследствии город вновь упоминался в политических новостях, когда Лоран Кабила объявил себя в Лубумбаши президентом страны после бегства своего предшественника Мобуту Сесе Секо, считавшегося самым богатым из всех африканских тиранов.

Я возвращаюсь к Конго потому, что история этой страны служит удобной исходной точкой для обсуждения некоторых из наиболее сложных, взаимозависимых проблем XXI века. Можно ли считать пример Конго показательным для ужасающей ситуации в большинстве стран Африки? Правда ли, что некоторые страны оказались попросту в заложниках своего географического положения, обречены на нищету и насилие из-за климата и топографии? Сама ли история облачила эти страны в свинцовые вериги? В чем основные причины нынешнего конфликта и не вносит ли конкуренция за природные ресурсы неизбежную нестабильность в наиболее перенаселенные и быстро растущие регионы мира? Как одолеть моральное глумление, вызванное тяжелой нуждой в окружении изобилия? Как помочь «беднейшему миллиарду» (так определил эту часть человечества видный экономист Пол Кольтер), если каждый год 8 миллионов из этого миллиарда умирают про-

сто потому, что они слишком бедны для того, чтобы жить?² Сможет ли Запад отправить бедность в историю одним решительным и благородным усилием?

География, по утверждению ученого-экономиста Дэвида Лэндиса, не тождественна судьбе³. Следствия географического положения можно смягчить с помощью технологий, науки, усилиями отдельных лиц и общества и посредством правильного выбора решений. Общеизвестно, что климатические крайности сдерживают экономическое развитие, и это одна из причин, по которой в тропических и субтропических зонах расположены в основном беднейшие страны мира. Жара изнуряет сильнее, чем холод, особенно когда влажность тропического климата понижает охлаждающий эффект потоотделения. Журналист Алистер Кук настаивал на том, что экономический подъем в южных и юго-западных штатах Америки после Второй мировой войны был обусловлен изобретением и установкой систем кондиционирования воздуха. Круглогодичная жара и влажность способствуют распространению насекомых и паразитов. Моллюски, которые водятся в африканских и некоторых азиатских водоемах, переносят шистосомоз. Укус мухи цеце вызывает сонную болезнь, что затрудняет жизнь людей и домашних животных в некоторых регионах Африки. В тропической жаре комары живут дольше; африканские виды предпочитают кусать людей, а не крупный рогатый скот. Малярию в Африке контролировать труднее, чем в других местах, и именно поэтому 90 процентов из трех миллионов человек (в основном детей младшего возраста), ежегодно умирающих от этой болезни, живут в тропических и субтропических регионах африканского континента. Джеффри Сакс показал, что на протяжении последних пятидесяти лет регионы мира, отнесенные к беднейшим, в значительной степени совпадали с регионами, в которых была широко распространена малярия⁴. Неблагоприятные климатические условия тропических регионов служат причиной нерегулярных, но при этом ливневых дождей, что сильно затрудняет выращивание зерновых культур, так как сельскохозяйственным насаждениям приходится конкурировать с джунглями. Вырубка лесов приводит к эрозии почвы, а сильные дожди смывают землю со скальных пород. Большая часть неблагоприятных последствий климатических условий в бедных странах в будущем будет усугубляться ввиду глобального потепления. Насколько проще протекала жизнь в омываемой Гольфстримом

Западной Европе или в Китае, где, по местной поговорке, «земли не хватает, а людей много». Но осадки и температура не единственные причины исторических успехов Европы и Китая. Свою роль сыграли отдельные личности, распространение знаний, наука, техника, культура, государственность и, в конце концов, удача. Климат и окружающая среда — только часть картины; ими нельзя объяснять все на свете.

Прошлое — тоже не универсальное оправдание. В основе истории отношений Африки с Западом (и, конечно же, с арабским миром) лежит эксплуатация. В 1480-е годы португальский мореплаватель Диогу Кан, искавший морской путь в Ост-Индию, следуя на юг и обогнув выступ западного побережья Африки, обнаружил, что вода вдруг стала коричневой и оставалась пресной на много миль вглубь океана. То была река Конго, мощнейшим потоком вливающая свои воды в Атлантический океан. Напрашивается очевидная метафора: с тех пор Африка отдает свои богатства жадным грабителям. Надо отдать должное португальцам: все начиналось не слишком плохо. Происходил мирный обмен подарками и посланниками. Местный правитель был обращен в христианство и, объединив усилия с португальцами, разгромил своих врагов. Но последовавшее вскоре открытие американского континента создало огромную потребность в рабочей силе на плантациях Нового Света. Потребность удовлетворялась за счет работорговли, которую к тому времени уже вели на востоке континента арабы и сами африканские племена. Работорговля стала самым непростительным преступлением Запада в отношении Африки.

В 1870-х годах, с началом борьбы европейцев за новые колонии в Африке, грабежи прошлых веков разрослись в массовое разграбление континента. Ко времени окончания колонизации многие тысячи африканских племенных образований и несколько империй европейцы скомпоновали в сорок колоний и протекторатов. Дэвид Ливингстон велел европейцам следовать маршрутами своих отважных путешествий, «открывая путь для торговли и христианства». Воодушевленные журналистом и исследователем Генри Мортонем Стэнли, европейцы занялись этим при Леопольде II, короле недавно созданной Бельгии, человеке, который исповедовал филантропию и практиковал грабежи. В мрачном, укрытом от посторонних глаз уголке Парка пятидесятилетия, расположенного в центре Брюсселя и разбитого королем Леопольдом в честь пятидесятилетия создания страны (чем Великобритания, по словам

генерала де Голля, отомстила Франции), на деньги, награбленные в угнетенном Конго, водружен памятник колониальному господству Бельгии в Центральной Африке. Политической корректности в этом памятнике так мало, как только возможно в нынешние времена; впрочем, об этом говорится и на стыдливой табличке, прибитой сбоку. Благодарный негр возлежит под высеченными рельефами отважных бельгийских солдат, миссионеров и исследователей, несущих свое видение торговли и христианства в самое сердце темной Африки. Среди колонизаторов, несомненно, были благородные мужчины, обучавшие молодежь, и добродетельные женщины, исцелявшие больных, но колониальная политика в Конго на рубеже XX века характеризуется прежде всего хищнической эксплуатацией — принудительный труд, ампутация рук как средство поддержания дисциплины среди рабов, сбор каучука, добыча полезных ископаемых и драгоценных камней, оказавшаяся убийственной для местных племен. Так что похвастать, по правде говоря, нечем.

Колониальная история других частей Африки так же или чуть менее трагична. Сегодня мало кто пытается оправдать колониальную эксплуатацию. В конце концов, в эпоху империй экономический разрыв между Европой и ее колониями вырос. Но были и территории, где под колониальной властью улучшилось здравоохранение, было организовано образование, создана инфраструктура, завезены новые сельскохозяйственные культуры и сформированы органы государственной власти. Любой современный путешественник удивится, насколько в антропогенной среде Африки до сих пор ощущается влияние колониализма, а институты власти и сегодня выглядят сформированными западными чиновниками, даже если на самом деле они стали пародией на идеи государственной власти, в подражание которым были созданы.

После завершения колониальной эпохи, в конце 1950-х и 1960-х годов (начиная с Ганы в 1957 году) в африканские страны пришла независимость, и весь континент стремительно охватило движение самоопределения. Остановить этот процесс было невозможно. Отбрасывались даже вполне обоснованные опасения в отношении подготовленности многих стран к встрече с самостоятельной судьбой. Не допускались даже мимолетные сомнения в том, что колониальные власти сделали все возможное для подготовки еще недавно подконтрольных народов к созданию суверенных государств.

Справедливости ради следует сказать, что уход колониальных держав не оставил африканские страны без гроша. Экономическое будущее Африки казалось безоблачным. В послевоенные годы мировые цены на сырье резко возросли. За десять лет объемы производства арахиса и чая удвоились, а производство кофе утроилось. Цена на нефть оставалась низкой, как и размер государственного долга новой Африки; резервы в иностранной валюте были значительными. С 1945 по 1960 год рост экономики колониальной Африки ежегодно составлял от 4 до 6 процентов. Даже дожди участвовали, способствуя подъему сельского хозяйства. С учетом этих, во многом благоприятных, обстоятельств экстравагантные обещания, раздававшиеся в ходе независимых избирательных кампаний националистически настроенными политиками, считались не слишком значимыми⁵. Но колониальные державы оставили континенту в наследство и целый букет проблем. Что же представляли собой все эти страны, размахивавшие флагами и требовавшие суверенитета внутри новых границ? Сами границы зачастую — это не что иное, как произвольно проведенная на карте линия, выторгованная десятки лет назад в европейских гостиных государственными деятелями, обменивавшими одну незнакомую для себя территорию на другую, о которой они также слышали впервые; есть и границы, отображающие представления географов о естественных границах или свидетельствующие о предвзятости чиновников. Таким анекдотичным способом был создан, к примеру, Судан — страна, которую вот уже два десятилетия раздирает жестокая война между севером и югом. В 1940-х годах арабистов из числа британских чиновников (именовавшихся в министерстве иностранных дел «верблюжьим корпусом»), испытывавших влияние образованных северян, заменили африканисты, обратившие свой взор на юг страны, к жителям которого северяне относились немногим лучше, чем как к рабам. В результате британские колониальные чиновники, полностью осознавая свои действия, приклепали друг к другу мусульманский север и христианский юг. Сегодня в Судане насчитывается 6 миллионов внутренних беженцев, и не будет большим сюрпризом (как я уже предположил в предыдущей главе), если к бушующему на западе конфликту между Хартумом и Дарфуrom добавится еще один конфликт — между северянами и южанами. Вдобавок к тому, что в некоторых из созданных стран религиозные, этнические и племенные различия делают проблематичным дальнейшее

существование государств, колонизаторами было создано в Африке слишком много стран; население двадцати двух стран к югу от Сахары не превышает 10 миллионов человек. Транспортное сообщение между государствами было и остается слабым, а торговля не развивается. С точки зрения уплаты пошлин и налогов границы зачастую бессмысленны, так как большая часть региональной торговли находится в руках контрабандистов.

В 1960-е и 1970-е годы эпоха колониализма завершилась не только в Африке. Новые независимые государства возникли и в Азии, по мере того как народы избавились, в конце войны, от японского империализма (Корея) или получили свободу от Европы (Малайзия и Сингапур) и США (Филиппины). В Китае ужасное столетие западной эксплуатации, японских вторжений и свирепой военной диктатуры сменилось патриотическим воодушевлением, вызванным коммунистической революцией 1949 года. У Сингапура не было никаких активов, за исключением военно-морской базы. Малайзию раздирало противостояние между британскими колонизаторами и коммунистическими повстанцами. Корею — страну, практически лишенную природных ресурсов, — разорвала гражданская война между Севером и Югом. Казалось, что история не благоволит азиатским странам; большинство из них не могли, подобно Конго, похвастать богатством ресурсов. Сравнение последующих десятилетий истории обоих континентов весьма полезно, так как заставляет задуматься о том, всегда ли история тормозит развитие.

По объему экономика африканского континента примерно соответствует экономике Аргентины. Если исключить Южно-Африканскую Республику и Нигерию, то экономика континента будет соответствовать экономике Бельгии (200 миллиардов долларов). На долю Африки приходится 10 процентов мирового населения и 1 процент международной торговли. С 1980 года общемировые показатели бедности сократились, из нищенского состояния выбрались миллионы мужчин и женщин в Индии, Китае и других странах. А во множестве регионов Африки эти показатели движутся в противоположном направлении, причем доходы самых бедных слоев населения снижаются. Отставание примерно одного миллиарда человек из населяющих Землю шести постоянно увеличивается; семьдесят процентов от этого миллиарда проживают в Африке. За последние двадцать пять лет число беднейших землян — живу-

щих менее чем на один доллар в день — выросло в странах Африки к югу от Сахары и сократилось в странах Восточной и Южной Азии. С 1981 по 2005 год доля наиболее беднейшего населения в странах Восточной Азии снизилась с 58 до 15 процентов, в Южной Азии за тот же период — с 51 до 31 процента. В Латинской Америке этот показатель застыл на уровне примерно 10 процентов. Доля таких людей в Африке немного выросла — почти до 50 процентов.

**ВВП на душу населения и суммарный ВВП в Конго
и трех азиатских странах (в ценах 2000 г.)**

Страна	ВВП на душу населения (долл. США)		ВВП страны (млрд долл. США)	
	1960	2007	1960	2007
Китай	105,5	1 791,3	70,3	2364,4
Япония	7137,7	40 655,7	671,1	5194,6
Южная Корея	1109,9	14 540,3	27,7	705,6
Конго	323,6	94,0	5,0	5,9

Из таблицы видно, что произошло в случае рассматриваемой нами африканской страны. В период с 1960 по 2007 год доход на душу населения в Конго снизился более чем втрое, в то время как в Китае, Японии и Южной Корее рост составил от 570 до более чем 1 700 процентов. Показатели суммарного ВВП подтверждают эту динамику.

Цифры говорят за себя. Но еще интереснее примечания. У меня есть корейский друг, ставший губернатором провинции и влиятельным экономическим советником президента Ким Дэ Чжуна. Он родился в самой отсталой части Южной Кореи, а его взросление пришлось на время опустошительной войны и послевоенный период. Окончив школу с отличием, он сразу после войны поступил в Национальный университет в Сеуле, где хорошо себя зарекомендовал и получил стипендию на обучение в Ратгерском университете в США. Во время ожидания в аэропорту своего рейса в Нью-Йорк он вдруг подумал, что ему следует купить согласившимся предоставить ему жилье американцам что-то, что изготовлено в Южной Корее, и показать им, что его страна — это не просто раздавленные войной задворки мировой экономики. Единственным

произведенным в Корее товаром, который ему удалось найти в магазине аэропорта, были маникюрные ножницы. Они сломались при первой же попытке их использовать. Это было в 1960 году. В Южной Корее практически нет природных ресурсов — ни меди, ни алмазов, ни древесины. Однако сегодня в Корее функционирует тщательно продуманная экономика с высокими показателями добавленной стоимости, а страна стала одним из ведущих экспортеров промышленных товаров с постоянно растущим населением. Это притом, что Всемогущий не наградил Южную Корею природными ресурсами столь же щедро, как Конго и другие африканские страны, и, кроме того, наслал на страну разрушительную войну и враждебно настроенного, непостижимого и очень опасного соседа.

В противоположность ряду стран Юго-Восточной Азии Африка чрезвычайно богата запасами некоторых из наиболее значимых для мировой экономики полезных ископаемых — здесь залегают бокситы, кобальт, медь, хром, марганец, золото, платина, титан, уран и фосфориты. Иностранные добывающие компании инвестируют в Африку гигантские суммы. Драгоценные камни и другие минералы экспортируют — в числе прочих — Конго, Ангола, Гвинея, Ботсвана, Южная Африка, Замбия и Намибия. Африка обладает значительными ресурсами древесины и углеводородов. Согласно произведенным в 2008 году подсчетам, на долю Африки приходится 9 процентов мировых разведанных запасов нефти и 8 процентов запасов природного газа⁶. Следует ли это потенциальное богатство считать возможностью для улучшения положения в африканских странах, или в этом богатстве кроется причина их плачевного состояния? А может ли случиться так, что в условиях, когда Азия с ее растущей промышленностью и развивающимся сектором услуг обратит свой взор вдаль в поисках ресурсов для непрекращающегося роста, Африка падет жертвой более успешного континента, нацелившегося на все то, что африканцы могут выкопать, извлечь или выкачать из недр?

Похоже, мы опять столкнулись с парадоксальным тезисом. Неужели даже в эпоху «Аль-Каиды» алчность становится причиной опустошающих конфликтов чаще, чем вера? Может быть, цивилизационные противоречия в меньшей степени служат причиной насилия, чем желание набить свои карманы алмазами? Почему нужда, бедность и голод чаще оказываются следствием, а не причиной алчности?

Побудительные причины конфликтов различны и не допускают однозначного толкования. Некоторые аналитики настаивают, что истинной причиной зверских терактов 11 сентября 2001 года были отношения Америки с Саудовской Аравией и наличие в королевстве американских баз. Со времени тайной встречи президента Рузвельта с основателем современной саудовской династии, королем Абдул-Азизом ибн Саудом, состоявшейся в 1945 году по возвращении Рузвельта из Ялты, политика США в регионе — согласно распространенному мнению — в значительной степени обусловлена намерением обезопасить собственные нефтяные резервы незыблемыми обещаниями поддерживать саудовское руководство. За последний десяток лет Америка дважды вступала в нефтяные войны; двигатель внутреннего сгорания стал приводом американской внешней политики. Но если политика Вашингтона на Ближнем Востоке основывалась исключительно на защите поставок нефти, то как же объяснить исторические связи с конкретной страной — и такие связи не лишены веры друг в друга — с Израилем, что вызывает раздражение у многих арабских нефтедобывающих государств? Более того, можем ли мы с уверенностью утверждать, что террористами «Аль-Каиды» руководила простая враждебность к экономическому империализму Америки? Неужели у такого их поведения отсутствовала идеологическая составляющая, а их вера тут совсем ни при чем?

В любом случае ресурсы всегда играли важную роль в эскалации конфликтов. Упоминания об этом содержатся еще в Ветхом Завете, когда Бог направляет Моисея в «землю, где течет молоко и мед». Норманнам, вторгшимся в XI веке в Англию, нужны были земли и трофеи. Генерал Гордон был убит, защищая в Хартуме место слияния Белого и Голубого Нила. Одной из причин вторжения немцев в Россию было желание прибрать к рукам Баку и каспийскую нефть. Египтяне были близки к обмену ударами со своими соседями, проживавшими вверх по течению Нила. Израиль враждовал со своими соседями из-за реки Иордан и верховья реки Банияс.

Нередко причинами возникновения напряженности и конфликтов становятся транзитные маршруты для освоения и транспортировки ресурсов. Американский историк и военный А.Т. Мэхэн в конце 1800-х годов утверждал, что для защиты своей международной торговли Америке необходим большой и мощный флот, а ведь такая точка зрения на протяжении нескольких столетий оставалась

аксиомой и для британских стратегов. Сегодня американские корабли поддерживают мир и порядок в ключевых для мировой торговли геостратегических точках, таких как Ормузский пролив, Панамский канал и Малаккский пролив. Что касается сухопутных маршрутов, то следует сказать, что политика России направлена на монополизацию транзита нефти из Средней Азии, а США и Европа, в свою очередь, стремятся построить трубопроводы, пролегающие вне территории России. Китай, заинтересовавшийся запасами нефти в Южно-Китайском море, вложил огромные средства в развитие своего военно-морского флота. Пекин закупил военно-морские корабли в России, отношения с которой у Китая оставались напряженными довольно длительное время из-за разногласий по вопросам северных границ и имеющихся в этой части Азии ресурсов.

В последние сто лет сосредоточенность Америки и Западной Европы на борьбе сначала против немецкого и японского фашизма, а затем против российского и азиатского коммунизма, отвлекла наше внимание от значимости ресурсов как причины конфликтов. И это притом, что наличие ресурсов учитывалось как Германией и Японией при попытках расширить свое жизненное пространство за счет соседей, так и Советской Россией при сколачивании империи от Балтики до Кавказа и далее на запад, в самое сердце Европы.

Мой школьный учитель истории Древнего мира раскладывал все события античности, от подъема Афин до падения Рима, по трем колонкам — причина, повод и результат. Такой способ неплох для подготовки к экзаменам, но не годится для понимания истории. Поэтому я не склонен принимать какую-либо из сторон в споре, которые противопоставляют жадность, самоидентификацию и нужду в качестве причин тех иных бедственных событий. В действительности мотивация нередко сочетает в себе все три фактора. Все же я готов согласиться с теми, кто утверждает, не отмечая несомненное влияние других факторов, что основной причиной нынешних конфликтов стала алчность. События, происходившие в период после окончания холодной войны, на Балканах, в Руанде и в других местах свидетельствуют об одержимости человечества этническим национализмом и племенной обособленностью. Почему в Руанде хуту убивали тутси? Почему сербы убивали боснийцев? Преобладающие в сегодняшнем мире типы конфликтов вынуждают нас искать другие первопричины.

Большинство войн, свидетелями которых мы стали со времени окончания холодной войны, были гражданскими — гражданские войны в недееспособных, теряющих дееспособность или марионеточных государствах, или в местах, подобных Сомали, где разговор о классификации государства лишен всякого смысла. Упомянутый выше профессор Пол Кольер, бывший директор Группы по исследованиям в области развития Всемирного банка, в настоящее время — сотрудник Оксфордского университета, и его коллега Анке Хеффлер провели статистический анализ семидесяти девяти крупнейших гражданских войн за период с 1960 по 1999 год и показали, что целый ряд экономических переменных, в том числе уровень доходов на душу населения и зависимость от экспорта сырьевых товаров, оказывали в таких странах, как Ангола, большее влияние на риск вспышки гражданской войны, чем этнические разногласия или традиционный набор обид, таких как клановая или религиозная вражда, политические репрессии, политическое неравноправие и материальное неравенство. Чем ниже доход на душу населения и чем сильнее зависимость от экспорта сырьевых товаров, тем выше риск обычной для сегодняшнего мира войны — гражданской. В бедных странах, обладающих доступными для разграбления ресурсами, опасность скатывания к гражданской войне в четыре раза выше, чем в странах, не имеющих алмазов Сьерра-Леоне, нефти Анголы, древесины Либерии, меди Конго и так далее. Кроме того, в странах, в которых конфликты случались ранее, таких как Уганда, высока вероятность возобновления волнений, причем риск повторения в течение первых пяти лет после изначального противостояния составляет более сорока процентов.

Возможны три объяснения предположению о наличии сильной корреляции между высокими показателями экспорта сырья и общим объемом национального богатства и предрасположенностью к конфликтам. Во-первых, сырьевые ресурсы помогают финансировать вооруженную борьбу. Диаспоры, симпатизирующие мятежникам иностранные правительства, безответственные корпорации и организованные преступные сети предоставляют средства для начала и продолжения восстания, в том числе для приобретения оружия и вербовки боевиков. В обмен на это боевики получают сырьевой товар или по меньшей мере ведущие позиции в торговле таким товаром.

Подобно тому как на традиционных рынках торгуют не только товаром, который можно поставить сегодня, но и тем, что, воз-

можно, будет выставлено на продажу завтра (от свиней до песо), мятежники и их финансовые покровители торгуют так называемыми фьючерсами на трофеи. Так бывает в случаях, когда у начинающих повстанцев нет средств на финансирование восстания, но есть хорошие шансы завладеть ценными ресурсами в ходе разворачивающегося конфликта. В таких ситуациях повстанцы часто продают компаниям, предлагающим незамедлительное финансирование перспективной кровавой авантюры, будущие права на ресурсы, которые они надеются захватить. Смахивает на инвестиции в ограбление банка. Компания вкладывает денежные средства в продолжение боевых действий в надежде открыть бизнес на территории, которую удастся захватить повстанцам, или по меньшей мере стать кем-то вроде торгового брокера. «Фьючерсы на трофеи» особенно опасны тем, что с их помощью часто финансируются гражданские войны, которые не начались бы при отсутствии средств, а слабые повстанческие формирования без внешней финансовой помощи были бы повержены или разбежались. Описанная мотивация способна загнать конфликт в тупиковую ситуацию, поскольку солдаты, захватив обеспечивающие ссуду ресурсы, теряют стимулы к дальнейшим победам (как это произошло в Конго). История финансирования конфликтов в счет будущих трофеев довольно разнообразна. Например, в 1990-х годах Северный альянс в Афганистане продавал полудрагоценный поделочный минерал лазурит. И все же рынок «военных трофеев» больше характерен именно для африканского континента, о чем свидетельствуют восстание в Катанге в 1960-е годы (субсидируемое бельгийскими добывающими предприятиями) и алжирская война за независимость, во время которой итальянская нефтяная компания «ЭНИ», по имеющимся сведениям, предоставляла Фронту национального освобождения (ФНО) денежные средства и вооружение в обмен на будущую «компенсацию».

Иногда вооруженные группировки монополизировали вывоз из страны определенных товаров. Гражданская война в Анголе началась в 1975 году, когда по окончании португальского колониального господства трое эгоистичных ангольских вождей — Агостиньо Нето из МПЛА, Жонас Савимби из УНИТА и Холден Роберто из ФНЛА — не смогли поделить власть. Советский Союз поддерживал партию МПЛА, под контролем которой находилась столица Луанда, американцы же поддерживали Савимби. Поддержку партии ФНЛА оказывали Китай, Северная Корея, Румыния и (настоль-

ко многогранна конспиративная политика) ЦРУ. Формирования ФНЛА в ходе боев были разгромлены, а большинство членов этой партии (к удивлению сотрудников Госдепа) вступили в МПЛА. Борьба, которую профессор Кольер назвал «типичной войной за природные ресурсы», затянулась ввиду высокой стоимости и изобилия ресурсов, за счет которых эта борьба финансировалась. Повстанческая группировка А. Нето — МПЛА — финансировалась за счет алмазов; правительственная группировка УНИТА зависела от нефти. Ресурсный фактор имел несравнимо большее значение, чем декларируемые идеи всех этих группировок. По большому счету ход конфликта отражал мировые цены на алмазы и нефть. Когда цены на нефть падали, а доходы от алмазов были высоки, Нето начинал наступление. Когда цены менялись в противоположном направлении, Нето отступал. В конечном итоге нефть победила алмазы. Нето потерпел поражение после резкого взлета цен на нефть и принятия международных мер, перекрывших ему доступ на алмазный рынок.

Незаконный экспорт не только предоставляет средства для ведения гражданской войны, но — таков второй аспект взаимосвязи между ресурсами и конфликтами — перспектива разграбления ресурсов зачастую служит первопричиной начала боевых действий. Чарльз Тейлор в Либерии и Фодей Санко в Сьерра-Леоне алкали денег, которые насилие и власть могут принести. «Нью-Йорк таймс» опубликовала документы, свидетельствующие о том, что Санко лично контролировал продажу алмазов в Европу из удерживаемых его повстанцами регионов Сьерра-Леоне. Во втором полугодии 1999 года он получил от своих подчиненных более 2 000 камней. Когда Санко узнал о подготовке к развертыванию миротворческих сил ООН в Коно — богатом алмазами районе страны, он отдал своим боевикам приказ перейти в наступление против миротворцев ООН.

Третьим элементом теории Кольера стало повсеместно признанное утверждение, что богатым природными ресурсами экономикам присущи специфические и, как правило, взаимосвязанные характеристики, делающие их более предрасположенными к гражданским войнам. Существует своеобразное «ресурсное проклятие», обрекающее такие страны на сравнительно более низкие темпы роста и слабость государственных институтов. Эти страны страдают от «голландской болезни». Этим термином принято называть экономические последствия, которые в 1970-е годы испытывали

Нидерланды после обнаружения и начала добычи нефти в Северном море. Природные богатства повышают стоимость национальной валюты, делая тем самым менее конкурентоспособными не связанные с сырьевыми ресурсами отрасли обрабатывающей промышленности и сферы услуг, так что эти виды коммерческой деятельности остаются малоразвитыми. Фундаментом устойчивого экономического роста азиатских стран стали производство и экспорт, а богатые ресурсами африканские страны в большинстве своем лишили себя такой возможности. При этом волатильность мировых цен на сырье требует наличия эффективного государственного регулирования, а именно этого и не хватает многим африканским странам. Если тратить всю полученную в тучные годы выручку на повышение своего статуса (зачастую за рубежом), а также на вооружение, то по прошествии нескольких лет с низкими ценами на сырье в казне не останется ничего. Вероятность формирования эффективного управления в этих странах очень мала, в первую очередь вследствие того, что у правительств нет нужды взимать налоги с местного населения. Последнее обуславливает низкий уровень подотчетности правителей за совершаемые ими действия и слабый избирательный отклик на такие действия. Правители зачастую становятся фактическими собственниками активов своих стран. Возглавляемые ими страны превращаются в частные вотчины; подобно средневековым феодальным монархам они применяют преступную систему раздачи должностей, посредством чего обеспечивают себе лояльность за счет дележа ресурсных доходов со своими сторонниками. К 1992 году состояние президента Конго Мобуту оценивалось в 6 миллиардов долларов, что превышает ВВП страны. Банда, президент Малави (возглавлявший страну с 1961 по 1994 год), управлял большей частью национальной экономики посредством семейных компаний. Президент Либерии Доу за десять лет сколотил состояние, по размеру сравнимое с половиной годового внутреннего дохода страны⁷.

Сравнение с государственным устройством средневековой Европы вполне обоснованно. Английский летописец XIII века сравнивал монарха с «грабителем, постоянно рыскающим, непрерывно приноживающимся <...> в вечном поиске, что бы своровать». Король Англии Эдуард II выкрал золото и платину из сокровищницы тамплиеров, чтобы оплатить свои военные кампании. Он привык считать потенциальным трофеем все, что находилось в собственности королевства и его жителей, для дальнейше-

го инвестирования в военные действия, предвещавшие барыши от войны. Казна в Средние века путешествовала вместе с королем как часть его дорожного скарба. Государственная казна и личный счет короля, то есть ассигнования на его личные расходы, никак не разграничивались. И даже в XVII веке король Англии Карл I изъяс золото, помещенное на хранение в лондонский Тауэр. Как мы уже отмечали в главе второй, только в относительно недавнее время монархи поняли, что следует заниматься не разграблением казны, а помогать в ее создании. Президент Мобуту (и другие) придерживался устаревшего подхода к государственным доходам и праву на расходование средств в личных целях. Все, что принадлежало Конго, принадлежало ему.

Деспоты, относящиеся к государственным ресурсам как к собственным активам и создающие системы управления и удержания власти посредством насилия и раздачи должностей, подвергают себя опасности свержения с применением грубой силы. Место у кормушки занимает деспот-преемник с караваном своих сторонников. Перевероты в Африке предсказуемо передаются по наследству. С 1960 по 1992 год шестьдесят процентов африканских правителей отправились со своих постов в изгнание, в тюрьму или преждевременно на тот свет. В течение 1990-х годов уровень безопасности африканских правителей, скажем прямо, не повысился. Произошли перевороты (в некоторых странах — по несколько раз) в Нигерии, Бурунди, Гамбии, на Коморских Островах, в Нигере, Сьерра-Леоне, Республике Конго, Чаде, Гвинее, Кот-д’Ивуаре, Лесото и Мали. И только помощь французских десантников уберегла президента Центральноафриканской Республики от трех военных мятежей. Конго продолжает оставаться в центре непрекращающегося конфликта, в котором за последнее десятилетие погибли 5,4 миллиона человек: среднемесячное число погибших составляло 45 000, почти половина из них — дети в возрасте до пяти лет. В самый смертоносный со времен Второй мировой войны конфликт оказались вовлечены одиннадцать других африканских государств.

Страна Конго, по площади сравнимая со всей Западной Европой, разрушилась под грузом своих ресурсных богатств. Распад Конго ни для кого не стал неожиданностью. ООН и неправительственные организации тщательно документировали происходившее. А разграбление тем временем продолжалось. После провозглашения независимости и начала боевых действий, осо-

бенно ожесточенных при попытке отделения Катанги, к власти в результате военного переворота, поддержанного США и Бельгией, пришел Мобуту Сесе Секо, с его фирменной шапкой из леопардовой кожи. В 1965 году он последовал примеру короля Леопольда и стал относиться к богатствам Конго как к своей личной собственности; чем настойчивее были Мобуту и подчиненные ему бандиты в попытках взять ресурсы под свой контроль, тем больше расширялись теневой сектор экономики и контрабанда. В 1990-е годы к экономическому кризису и коррупции присоединился крах системы государственного управления, и начались невыплаты жалования государственным служащим, в том числе военнослужащим (с фатальными последствиями). В итоге Мобуту был свергнут в результате вооруженного мятежа, решительно поддержанного Руандой, Угандой и Бурунди. Новое правительство Руанды, состоящее из представителей народа тутси, намеревалось покончить с Интерахамве, ополчением хуту, осуществившем в 1994 году геноцид сотен тысяч тутси; уход хуту в восточное Конго создавал угрозу проживавшим там племенам тутси. Лидером восстания против Мобуту стал его давний противник, Лоран Кабила, учившийся в университете Дар-эс-Салама с президентом Уганды Мусевени. Мусевени поддержал Кабилу. Продолжавшееся с 1998 по 2001 год противостояние было чрезвычайно запутанным, так как представляло собой одновременно гражданский и международный конфликт, с участием вооруженных формирований из нескольких прилегающих стран. Когда Кабила, ничуть не менее коррумпированный, чем его предшественник, обратился к президенту Руанды Кагаме и президенту Мусевени с просьбой о выводе их войск, они сначала уступили, но через несколько недель вновь вернули войска на территорию Конго. Кабила запросил помощь от членов Сообщества развития юга Африки (САДК), и в страну были введены войска из Зимбабве, Намибии и Анголы. Повстанческие группировки с непроизносимыми названиями сражались в качестве ставленников вторгшихся в Конго африканских государств, которые и сами (подобно Руанде и Уганде в 1999 году) были на ножах.

Совет Безопасности ООН с 2000 года выпустил ряд докладов, в которых задокументирован процесс разграбления страны различными группировками и их союзниками. Разграбление зачастую носило централизованный характер. Так, к примеру, группа угандийских военных офицеров и предпринимателей, в том числе

брат президента и бывший главнокомандующий угандийской армией, построили (частично с использованием методов устрашения) бизнес по экспорту из Конго колтана (танталовой руды), алмазов, леса и золота. Процесс был довольно обычным, не слишком секретным и крайне прибыльным. Путем сопоставления докладов ООН и других свидетельств, НПО «Глобальный свидетель», изучив природные ресурсы Конго постатейно, описала весь процесс разграбления этой страны⁸.

Начнем с танталовой руды (полное название — колумбит-танталит, содержащий металл, используемый, в частности, в производстве ноутбуков и мобильных телефонов), цены на который резко выросли в начале века. Конго обладает крупнейшими в мире запасами колтана. Минерал добывается на востоке страны, а процесс его добычи схож со старательством добычи золота в Калифорнии в 1880-х годах. Ценность колтана сообщает такой кустарной добыче привлекательность: рабочие зарабатывают от 10 до 50 долларов в неделю, притом что средняя зарплата в Конго составляет около 10 долларов в месяц. Колтан вывозится самолетами «Антонов» из труднодоступных горных районов в Кигали в Руанде и в Кампалу в Уганде, где цена уже фиксирована, после чего продается в Европу, США и Китай (в последнее время ставший основным покупателем официально котируемого конголезского колтана, хотя большая часть сырья, что считается руандийским экспортом колтана в Китай, происходит, по всей вероятности, из Конго). В Уганде и Руанде учреждены несколько компаний, спекулирующих конголезским колтаном; эти фирмы принадлежат государству или людям, близким к правительству. Роль конголезцев ограничивается добычей колтана; руандийцы и угандийцы выступают в качестве брокеров. Военные извлекают из этой торговли значительную выгоду. В конце 1999-го и в 2000 году руандийская армия ежемесячно получала от торговли колтаном 20 миллионов долларов. Когда министром горнодобывающей промышленности стал член конголезской повстанческой группировки (и политической партии), организованной Угандой и Руандой с целью свержения Мобуту, он расходовал денежные средства, полученные от продажи колтана, на содержание сорокатысячной армии. Добыча и продажа оловосодержащего минерала касситерита во многом схожи с добычей и продажей колтана.

Медный пояс, протянувшийся вдоль границы Конго с Замбией и Анголой, содержит и другие минералы, в том числе цинк, сереб-

ро, уран и свинец. Медь и сопутствующий ей кобальт могли бы стать одним из основных источников экспортных доходов Конго, но неэффективное управление, коррупция, политическое вмешательство и конфликты привели к резкому падению производства. Более того, большая доля в этой отрасли перешла к Зимбабве. После отправки зимбабвийских войск на помощь правительству, Зимбабве выторговало льготный режим при распределении концессий на добычу полезных ископаемых в Катанге. Группа экспертов ООН утверждает также, что определенная часть денежных средств, проходящих через совместную медедобывающую компанию, использовалась для закупки оборудования для вооруженных сил Зимбабве. Уран тоже добывается в Катанге; утверждается, что уран в бомбах, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, имел конголезское происхождение. Сведения о том, что правительство Лорана Кабилы предоставило Северной Корее концессию на добычу урана в обмен на подготовку северокорейцами войск Кабилы, Пхеньяном опровергались. Но доверять заявлениям Северной Кореи — неблагоприятное занятие.

Во всей Центральной Африке алмазы — лучшие друзья повстанцев, ядро конфликтов. «Алмазные войны» — излюбленная тема голливудских режиссеров. Алмазы — маленькие, они дорого стоят, и до последнего времени их было легко реализовать. В последние годы, учитывая дурную славу, потенциальные клиенты стали чаще спрашивать о происхождении камней. В Конго — богатые месторождения россыпных алмазов, причем добычу можно осуществлять с небольшими затратами, практически без оборудования и даже в зонах боевых действий. Когда Лоран Кабила в 1996 году двинул войска на Киншасу, он принялся раздавать концессии на добычу алмазов и экспортные контракты с целью привлечения финансирования и получения помощи. Группировки повстанцев и их зарубежные спонсоры сражались за контроль над основными районами добычи алмазов и принимали активное участие в контрабандном вывозе камней в основные центры торговли, такие как Антверпен (безусловно, крупнейший), Тель-Авив и Мумбаи. США — крупнейший розничный рынок ограненных и обработанных алмазов. В 2000 году было подсчитано, что около 85 процентов добытых в Конго алмазов вывезено из страны нелегально.

Уганда активно участвует в добыче и продаже конголезского золота, добываемого на северо-востоке страны. У Анголы со-

вместное с Конго предприятие в нефтяном секторе. Уганда и Зимбабве занимают видные позиции в заготовке и продаже ставшей предметом конфликта древесины. Разворачивание Конго привело к становлению абсолютно новой для страны отрасли — воздушного транспорта, при помощи которого из страны вывозится награбленное, а в страну, как мы видели в предыдущей главе, ввозится оружие. После 1998 года в Центральной Африке было создано несколько авиакомпаний, принадлежащих членам семей и друзьям политических лидеров. Невестке президента Уганды Мусевени (жене генерала и бывшего вице-премьера) принадлежит «Эйр Александр», осуществляющая перелеты между Энтеббе и Кисангани, крупным торговым узлом в северо-восточной части страны, расположенным на реке Конго и ранее именовавшимся Стэнливилем, а в годы после провозглашения независимости ставшим ареной кровавых побоищ.

Конго, вне всякого сомнения, представляет собой самый наглядный пример печальных последствий алчности, войны, ресурсного богатства, бедности населения, ужасающих злоупотреблений властью и коррупции. К этому списку следует, конечно же, добавить, не вламываясь на территорию психиатров и священников, присущую человеку греховность. А какое еще, более или менее адекватное, объяснение можно дать, к примеру, дикому отношению к женщинам в Конго? Только в одной провинции Южная Киву, расположенной на востоке страны, на границе с Руандой, в 2006 году было зарегистрировано 27 000 случаев нападений с целью сексуального насилия. В больнице города Букаву открыто новое отделение, в которое из окрестных сельских районов с прекрасными национальными парками поступают жертвы изнасилования солдатами правительственных войск и ополченцами хуту. Врачи больницы говорят: «Раньше в парках водилось много горилл. Теперь им на смену пришли куда более жестокие твари».

Трагедия заключается в том, что под описание Конго, как мы уже убедились, подпадают и другие страны Западной Африки. Существуют определенные способы спасения стран, в том числе специальные меры, подобные хрупкому мирному соглашению, достигнутому при международном посредничестве в 2002 году, которое привело к созданию в Республике Конго коалиционного правительства под руководством сына убитого в 2001 году Лорана Кабилы, Жозефа, привлекательного, застенчивого молодого чело-

века. Когда я встретился с ним в 2001 году в его мрачном дворце под свинцовым небом обветшалой Киншасы, он показался мне политически невинным, несмотря на богатое одеяние и окружение из увешанных оружием и нагоняющих страх тяжеловесов. Ему удастся выживать в среде матерых волков конголезской политики, возможно, благодаря отсутствию у него политической хватки и отстраненности от окружающих его «крутых парней», а еще благодаря расположенному в стране восемнадцатитысячному миротворческому контингенту ООН. Но боевики по-прежнему сражаются и делят добычу, а конголезцы по сей день страдают и умирают от нищеты и болезней в богатой ресурсами стране. Старая поговорка суахили гласит: «Никому не удастся обглодать слона целиком».

Есть довольно прозаическая вещь, сделав которую мы сможем помочь конголезцам и другим народам, оказавшимся в ловушке конфликта и алчности. И это не введение санкций на экспорт ресурсов. Во-первых, санкции требуют наличия политической воли и механизмов реализации. Отсутствие таких требований, как правило, лишает эффективности это «коммерческое оружие» с минуты его введения. Во-вторых, санкции могут оказывать негативное воздействие: они могут привести к повышению стоимости подпавших под санкции товаров, с обратным эффектом усиления побудительных мотивов для торговли ими. В-третьих, нельзя игнорировать обеспокоенность по поводу негативного влияния, которое санкции могут оказать на гражданских лиц, зависящих от экспорта ресурсов как от источника средств к существованию, причем такие люди могут быть простыми рабочими, а совсем не вооруженными боевиками. И если приходится исключить санкции, то что еще можно сделать?

Более эффективная мера противодействия разграблению таких ресурсов, как алмазы, состоит в международной сертификации соответствующих продуктов. К изначально разработанной в 2000 году по инициативе ЮАР, Ботсваны и Намибии Схеме сертификации процесса Кимберли, к примеру, присоединились семьдесят четыре страны, и сегодня под ее действие подпадает около 99,8 процента мирового производства необработанных алмазов. Схема представляет собой совместную инициативу правительств, международной алмазной отрасли и гражданского общества, призванную остановить поток алмазов из зон конфликтов. Схема налагает на участников жесткие требования по обеспечению отсутствия в

поставляемых партиях товара необработанных алмазов, продаваемых с целью финансирования боевых действий. На практике Схема Кимберли создает «цепочку гарантий», обеспечивающую документированный контрольный след, связывающий каждый алмаз с конкретным местом его добычи. Такую идею можно распространить на другие отрасли, что уже частично сделано для лесной промышленности.

Прозрачность и подотчетность чрезвычайно важны для выявления и противодействия сетям и структурам, лежащим в основе бизнеса по переработке и сбыту ресурсов из зон конфликтов. Зарождение общественного движения связано с кампанией «Публикуй, что платишь», призывающей нефтяные и добывающие компании раскрывать свои платежи правительствам. Британское правительство откликнулось в 2002 году введением Инициативы прозрачности добывающих отраслей (ИПДО), устанавливающей для участвующих стран и компаний стандарты прозрачности, подотчетности и надлежащего управления ресурсами. ИПДО добилась определенных успехов, в числе которых крупномасштабная реорганизация и реформирование государственной нефтяной компании Нигерии. Указанная инициатива стала важным этапом в процессе обеспечения добросовестного использования предприятиями доходов, полученных от продажи природных ресурсов.

Но ИПДО далека от совершенства. Организациям-наблюдателям по-прежнему требуется согласие правительств, продающих права на добычу, бурение и торговлю ресурсами, осуществляющих операции компаний и импортирующих стран, в которых зачастую находятся юридические адреса таких компаний. Проблемы возникают с обеими сторонами коммерческих отношений. Объемы добычи нефти в Анголе с начала 1980-х годов резко возросли, но большая часть полученных доходов присвоена президентом душ Сантушем и членами его семьи, друзьями и приближенными, совокупно именуемыми (по названию его штаб-квартиры) «футунгами». Несмотря на трудности, связанные с получением достоверных или актуальных данных, доходы от нефти, полученные Анголой в 1997—2002 годах, оцениваются на уровне 17,8 миллиарда долларов. МВФ и «Хьюман Райтс Вотч» представили данные, свидетельствующие о невозможности проследить расходование более чем одной пятой части государственного бюджета. Организация «Хьюман Райтс Вотч» подсчитала, что в 1997–2002 годах «неучтенными» оказались 4,2 миллиарда

долларов. Попытки получить более подробную информацию о нефтяных доходах Анголы и о сделке по пересмотру условий задолженности перед Россией отклоняются со ссылкой на национальный суверенитет и необходимость соблюдения коммерческой тайны. Когда «Бритиш петролиум» попыталась придать своей деятельности в Анголе большую прозрачность, правительство душ Сантуша пригрозило аннулировать контракт с ней и поступить точно так же в отношении любой из остальных тридцати трех работающих в стране нефтяных компаний в случае, если они последуют примеру «Би-Пи».

На подобное обструкционистское поведение можно повлиять и даже попытаться изменить его, если правительства других стран будут последовательно отстаивать принципы ИПДО. Этого, к сожалению, не происходит, а в данном случае проблема усугубляется тем, что Китай, ставший крупным экономическим и политическим игроком на африканском континенте, в заключаемых им сделках строго следует принципу — «не задавать лишних вопросов». Ошеломляющий рост экономики в Китае формирует неумный аппетит на сырьевые товары — особенно на полезные ископаемые, нефть и древесину. Самым причудливым последствием такого спроса, названным в 2004 году одной из шотландских газет «Великим разграблением канализации», стала повсеместная кража крышек люков и их вывоз в Китай, где они переплавлялись, а металл шел в дело. Власти Чикаго сообщали, что только за один месяц 2004 года город лишился не менее 150 крышек. Контракты на закупку ценных ресурсов, подписываемые Пекином по всему миру, от Бирмы до Венесуэлы, можно назвать чуть более приемлемым, хотя иногда и более пагубным аспектом потребности Китая в сырьевых ресурсах. Наибольший ущерб может быть нанесен именно в Африке; американцам и европейцам не следует смотреть на это сквозь пальцы. В прошлом мы совершали те же ошибки, которые, как мы полагаем, совершает сегодня Китай, а зачастую более значительные ошибки. При этом все заинтересованы во внедрении в Африке системы, которая снизит опасность конфликтов, сделает более вероятным рост экономики, искоренит коррупцию и наладит надлежащее государственное управление. Китай так долго прикрывал Судан от критики в ООН, в том числе за Дарфур, что это стало самым вопиющим примером недобросовестной политики, в данном случае в отношении страны, где Китай закупает до 10 процентов своей нефти.

Подтверждением растущего влияния Пекина на континенте стал Африканский саммит в Пекине в 2006 году, а также заседание Африканского банка развития, проведенное в Шанхае в 2007 году. Я прибыл в Пекин сразу после саммита, и тогда мне в память врезались слова одного африканского дипломата из числа участников совещания, который выразил восхищение участием Китая в построении инфраструктуры его страны без каких-либо предварительных оценок воздействия на окружающую среду. Китай инвестировал в Африку около 12 миллиардов долларов и закупает более одной десятой части экспорта стран, расположенных к югу от Сахары. В течение последних десяти лет товарооборот между Китаем и Африкой ежегодно увеличивался в среднем на 30 процентов, достигнув в 2008 году почти 107 миллиардов долларов. С 2004 по 2006 год государственный Экспортно-импортный банк Китая выдал в Африке кредитов на сумму более 7 миллиардов долларов. Китай строит плотины, дороги и линии электропередачи; закупает нефть, медь и древесину. Китай не задает вопросов о государственном управлении. Именно с такими странами нравится иметь дело президенту душ Сантушу и подобным ему правителям. Африканские страны остаются беднейшими в мире не из-за отсутствия нефти, а из-за скверного правления; это одна из основных причин, почему «беднейший миллиард» не может выбраться из депрессивного состояния. И речь здесь не о каких-то комплексных мерах, таких как оценка воздействия на окружающую среду или система, требующая заполнения тысяч форм в трех экземплярах и прохождения этих форм через два десятка министерств с дублирующими функциями, где выпускники вузов постепенно превращаются в клерков. Африке необходимо верховенство права, противоборство коррупции, разрешение вооруженных конфликтов, а также хотя бы общий уровень компетентности.

Мои первые посещения Африки относятся к середине 1980-х годов, когда я служил министром по вопросам развития заморских территорий Великобритании. Британская программа помощи в основном ориентировалась на страны юга Азии и тех регионов Африки, которые когда-то были британскими колониями. Я влюбился в облик и душу Африки. Характер освещенности и гармония между рельефом местности и небесным сводом показались мне здесь более впечатляющими, чем где-либо в знакомых мне местах, за исключением разве что Раджастана. Многие из людей, с которыми я встречался, поразили меня чувством собственного достоин-

ства и оптимизмом, даже в такой стране, как Уганда, совсем недавно пропущенной через мясорубку М. Оботой и И. Амином. Я был уверен в полезности своей деятельности, совершаемой отчасти из нравственных побуждений, во искупление содеянного колониальными державами, в том числе Великобританией. В прошлом не все, конечно, было плохо, а во многих отношениях представляется оправданным, но и не все настолько хорошо, как могло бы быть. Впоследствии, в 1990-е годы, я чаще бывал в Азии. Уже неоднократно замечено, что Африка поражает масштабом своих пустынных пейзажей, а Азия — несметностью населяющих ее людей, многие из которых стараются своими трудами сделать нищету историей. Они уверены, что могут улучшить свое будущее благодаря упорному труду, самоотверженности, образованию и созданию институтов. Вернувшись в Африку в должности еврокомиссара, которую я занимал с 1999 по 2004 год, я испытал шок. Во что превратились надежды на развитие? Где развитие? Выглядело все так, словно большинство стран, которые я посетил, откатились назад. Статистические данные свидетельствуют о возможном незначительном улучшении — продолжительность жизни растет, детская смертность снижается — но от посещения Хараре, Киншасы и Лагоса остается глубоко удручающее впечатление. Бедность там пока не стала историей. Зачастую нищета кажется непреодолимой.

Не слишком ли мрачной вышла картина? Некоторые африканские страны, безусловно, добились определенных успехов. На протяжении своей истории после обретения независимости демократической остается Ботсвана; у страны активное сальдо платежного баланса, она экспортирует говядину и алмазы, посредством хорошо отлаженных процессов Южная Африка справилась с апартеидом, и случаев насилия регистрируют здесь не больше, чем можно было бы ожидать при схожих обстоятельствах в Европе. Руанда начала расти, оставив позади ужасное наследие межплеменных погромов. Есть и другие страны, демонстрирующие приверженность экономическим реформам. Сегодня многие африканцы считают себя более состоятельными, чем несколько десятилетий назад. В ходе опроса, проведенного в 2007 году для «Нью-Йорк таймс» и проекта «Пью Глобал Этгитюдс» в десяти африканских странах, расположенных южнее Сахары, большинство опрошенных выразили мнение, что уровень их благосостояния за последние пять лет возрос, причем в отношении своего

будущего и будущего следующего поколения они настроены оптимистично. Несмотря на то что все исследуемые страны считались условно демократическими, что свидетельствует о достижении на континенте определенного прогресса, отмечалась тревога по поводу качества политического руководства (в частности, из-за высокой коррупции) и скромные экономические результаты, достигнутые в рамках, казалось бы, демократических систем. Все же будущее Африки не нужно представлять исключительно в мрачных тонах. Даже доброжелательно настроенным наблюдателям следует проявлять осторожность, остерегаясь превращения постколониального чувства вины в чувство безнадежности или пренебрежения. При этом необыкновенные ощущения от соприкосновения с Африкой — запахи, осязание, картинка перед глазами — не всегда рассеивают впечатление запущенности континента. В период моей работы в Гонконге редактором азиатского отдела «Вашингтон пост» был Кит Ричбург, чернокожий американец. Мы с ним сблизились. Он обаятелен, умен и проницателен. До перевода в Азию Кит много лет отбарабанил для газеты в Африке. Травмированный увиденным в Руанде, Эфиопии, Либерии, Сомали, он написал о своих переживаниях книгу. «Простите меня за нотки цинизма и усталости, — писал он. — Я полностью сломлен и признаю это. Таким меня сделала Африка. Я с пониманием отношусь к ее страданиям. Я сочувствую ей, и даже теперь, когда нахожусь вдали от Африки, я прихожу в ужас от очередной телевизионной картинке, вновь запечатлевшей межплеменное кровопролитие или кризис с беженцами. Но чаще всего у меня возникает другая мысль: «Слава богу, что мои предки выбрались отсюда и теперь я не один из них»⁹. Чернокожая актриса Вупи Голдберг высказалась предельно просто: «Я бывала в Африке и скажу вам, что я — американка».

Лично для меня недавним поводом для пессимизма стал отказ африканских правительств предпринять хоть какие-то шаги для предотвращения падения в пропасть целой страны — Зимбабве, руководимой президентом Робертом Мугабе. В 2001 году правительства пятнадцати африканских государств, во главе с президентом Южной Африки Мбеки, сформировали Новое партнерство в интересах развития Африки (НЕПАД). Был подписан документ о приверженности основным политическим и экономическим ценностям — демократии, эффективному государственному управлению и эффективному хозяйствованию.

Документом установлен также механизм взаимной проверки силами африканских государств-партнеров в целях контроля над результатами и наказания нарушающих согласованные нормы правительств. В обмен на все перечисленное государства-участники запросили увеличение западной помощи. В чем же выражалась дипломатия прибывших в Зимбабве партнеров-контролеров? Глаза закрывали практически на все. Никто не пожелал вмешаться. Они не могли себе позволить высказать критику в адрес «героя движения за независимость Африки». Я слышал выступление Мугабе на Генеральной Ассамблее ООН в начале 2000-х годов. По устоявшейся привычке он осудил колониалистов, в частности британское правительство Тони Блэра (сыгравшее в Африке существенно положительную, великодушную и — во время вооруженного конфликта в Сьерра-Леоне в конце 1990-х годов — мужественную роль). Он воздержался от употребления терминологии, услышанной мной от него во время нашей встречи в Хараре в 2001 году, когда он умудрился упомянуть «гомосексуальную клику Блэра». Но каждый гневный выпад, прозвучавший в упомянутой речи в ООН, сопровождался аплодисментами представителей африканских делегаций, по окончании диатрибы наградивших президента бурной овацией. Поистине, вот образец партнерства в интересах развития Африки!

Действительно ли вина за произошедшее в Африке — к примеру, в Зимбабве, Судане и Конго — лежит на «нас», на «Западе», на «белых»? Были ли утеряны моральные ориентиры при улаживании проблем и оказании Африке помощи? Может, мы научились не замечать безвременную кончину африканского ребенка или 10 000 африканских детей? Может быть, в нашей шкале ценностей наше собственное потребление важнее выживания Африки? Не надавали ли мы обещаний, которые не сумели выполнить, причем не только африканцам, но и всем беднякам мира?

Из цифр складывается ужасающая картина: ежегодно 10 миллионов детей умирают от болезней, легко поддающихся профилактике; у миллиарда людей нет доступа к чистой воде; миллиард взрослых неграмотны; 840 миллионов недоедают; 70 процентов самых бедных проживают в странах Африки. Согласно Полу Кольеру, 73 процента из них пережили гражданские войны; 29 процентов живут в странах, где политику определяют деньги, вырученные за природные ресурсы; 30 процентов оказались в неблагоприятном окружении (представьте себя в стране, гранича-

щей с Сомали!), без значительных ресурсов и без выхода к морю; и 76 процентов долго жили в условиях ненадлежащего государственного управления и никудышной экономической политики¹⁰. В Африке расположены семь из десяти стран, занимающих верхние строчки в составленном журналом «Форин Полиси» и Фондом Мира списке самых неразвитых стран с наибольшим риском распада: Судан, Сомали, Зимбабве, Чад, Кот-д'Ивуар, Конго и Центральноафриканская Республика. В целом в области медицины мы добились впечатляющих успехов: люди живут гораздо дольше, намного реже умирают роженицы и дети, в развитых и успешно развивающихся странах половая принадлежность больше не обрекает миллионы женщин на каторжную жизнь, тоталитарные режимы не ставят себе целью захват целых континентов. Так почему же нам не удастся добиться заметного прогресса в устранении страшнейшей нищеты?

Для многих — а сегодня, возможно, и для большинства — жителей развитых стран ответ очевиден. Эта задача не из легких. Богатый Запад считает приоритетом защиту собственных жизненных благ и забывает о тех, на кого наложено проклятие бедности. Запад надежно стережет свои кошельки и карманы. Когда нас просят о пожертвовании, мы, подобно комику У.К. Филдсу, с сожалением сообщаем, что все наши деньги вложены в дело. Данные о более чем 500 миллиардах долларов, истраченных на помощь Африке с момента обретения ею независимости, возможно, и верны; но этих средств не могло оказаться достаточно. Нам нужно стать щедрее и более скрупулезно следить за расходованием наших пожертвований. Мы должны осознать хотя бы то, что нашим интересам совсем не соответствует поведение в духе священника или левита, прошедших мимо избитого на дороге в Иерихон странника, спасительную помощь которому оказал добрый самаритянин. В наших ли это силах? Несомненно. В 2007 году богатые страны оказали нуждающимся странам помощь на 103,7 миллиарда долларов. В том же году европейцы потратили на парфюмерию более 7 миллиардов долларов. Американцы потратили на своих домашних питомцев 40,8 миллиарда. Развитые страны Запада жертвуют на помощь нуждающимся очень незначительные средства. Мы просто обязаны делать больше. По мере роста и развития большинства стран один миллиард человек остаются все дальше позади; пропасть между ними и остальными пятью миллиардами только углубляется. «Нужно что-то делать», — как говорит

харизматичный и все понимающий музыкант и активист Боб Гелдоф. Он продолжает, хотя я не уверен, говорит ли он именно то, что имеет в виду: «Нужно делать что-нибудь, вне зависимости от того, сработает это или нет». Здесь кроется основная проблема — что же это «что-нибудь»? Может, нам просто делать «больше» того, что мы уже делаем? Пусть даже мои слова покажутся крамольными многим из людей, самоотверженно отдавших годы жизни программам помощи Африке, но эта помощь не принесла желаемых результатов, и никто толком не знает, что служит толчком к развитию. При этом определенные круги были уверены, что им точно известны факторы, препятствующие развитию. Почти тридцать лет назад экономист П.Т. Бауэр, с вызвавшей неодобрение прямотой, высказался против концепции оказания помощи. «Утверждение о том, что помощь — это необходимое условие развития, приводит к неразрешимой дилемме. Если в стране имеются все условия для развития, за исключением капитала, то необходимый капитал может быть генерирован на месте или привлечен правительством или бизнесом на коммерческой основе из-за рубежа. Если необходимые условия отсутствуют, то помощь окажется неэффективной и будет растрочена впустую»¹¹. От этого аргумента невозможно просто отмахнуться, невозможно осудить его как попахивающий правой идеологией, мелочный и не заслуживающий серьезного обсуждения трюизм. Как найти золотую середину между теми, кто попросту требует больше, и теми, кто довольствуется меньшим? Лично я, как многие другие, сердцем склонен искать середину ближе к лагерю сторонников «большого», но разум подсказывает мне, что удовлетворение запросов не должно быть безусловным. Нам необходимо установить четкие и обоснованные критерии оптимальной помощи.

В современных дебатах об иностранной помощи приверженцам «большого импульса» — концепции, призванной побороть глобальную бедность путем постепенного увеличения объема помощи, — противостоят скептики, критикующие любые подобные общемировые схемы за присущие им признаки «мегаформ». Победа остается за сторонниками первого подхода, в основе аргументации которых лежат работы экономиста Джеффри Сакса¹². Не без их участия политических лидеров со всех континентов удалось убедить поставить свои подписи под Декларацией тысячелетия, содержащей восемь Целей в области развития (MDG).

В период до 2015 года планируется:

1. Искоренить крайнюю нищету и голод.
2. Обеспечить возможности повсеместного получения начального школьного образования.
3. Способствовать гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин.
4. Добиться снижения детской смертности.
5. Укрепить здоровье матерей.
6. Бороться с ВИЧ/СПИДом, малярией и другими заболеваниями.
7. Обеспечить экологическую устойчивость.
8. Сформировать глобальное партнерство в целях развития.

Поднимите руку, если вы не согласны с каким-либо из вышеперечисленных пунктов.

Для достижения заявленных целей в 2002 году в Монтерее богатые страны договорились увеличить объем официальной помощи на развитие до 0,7 процента ВВП. Администрация Буша присоединилась к согласованным мерам и в 2005 году увеличила расходы на оказание помощи до 0,22 процента ВВП, что меньше договоренного показателя, но выше годовых показателей начиная с 1986 года. Такой жест можно только приветствовать, а политическое руководство Америки призывает нас добавить сюда и гигантские благотворительные пожертвования со стороны некоторых американских миллиардеров, в числе которых Билл Гейтс. На встречах стран, оказывающих помощь, например на саммитах «Большой восьмерки», все чаще ставится вопрос о способах подтверждения развитыми странами своей приверженности поставленным целям. За кулисами же обсуждается степень отступления от принятых ранее обязательств. Выглядит все это весьма неприглядно.

Финансовый кризис вряд ли добавит общей картине благополучия. У богатых стран возникнет непреодолимый соблазн сократить объемы помощи развивающимся странам в попытке сдержать растущий дефицит собственного бюджета. При этом влияние кризиса на бедные страны станет катастрофическим, сведя на нет все успехи, достигнутые в последние годы в области борьбы с нищетой и развития экономики. Председатель Всемирного банка высказал мнение, что «бедные люди в Африке не должны расплачиваться за кризис, источник которого находится в Америке». Финансовая нестабильность ударила по фондовым рынкам развивающихся стран, таких как Китай, Россия и Индия,

валюты обесценились, и произошло резкое падение прямых иностранных инвестиций из богатых стран в относительно бедные. Снижение темпов роста мировой экономики приведет к сокращению доходов от денежных переводов (в 2008 году в три раза превысивших объем помощи, выделяемой на развитие бедных стран, откуда приехали рабочие-мигранты), сократит экспорт и остановит рост, наблюдавшийся во многих бедных странах вследствие сырьевого бума. Еще больше людей окажутся за чертой бедности; больше детей будут засыпать голодными; меньше детей будут ходить в школу; большому числу пожилых придется выйти на работу; уровень здравоохранения упадет. Все перечисленное служит убедительным доводом в пользу выполнения наших обещаний относительно выделения средств на развитие (в основном на социально значимые проекты), устранение протекционизма и противодействие глобальному потеплению.

Требующие безотлагательного решения проблемы способны на некоторое время склонить чашу весов в пользу одной из сторон в дебатах, ведущихся между приверженцами концепции о «необходимости предпринять что-то действительно существенное» и умеренными (как им самим представляется), более расчетливыми и реалистичными сторонниками постепенных реформ. Эта дискуссия отражает давний философский спор, идущий от критики революционных перемен Эдмундом Бёрком и до критики «утопической социальной инженерии» Карла Поппера. Умеренные утверждают, что «большой импульс» — это попросту очередная обреченная на неудачу попытка директивного планирования. Она обречена на провал так же, как это случилось с программами структурных преобразований, навязанных бедным странам в 1980-е и 1990-е годы, и с шоковой терапией в качестве средства перехода от коммунизма к капитализму, породившей в России и других странах клептократический капитализм.

Сакс утверждает, что искоренение крайней нищеты — это «важный шанс нашего времени»¹³. Чтобы реализовать эту возможность, богатым странам следует удвоить финансовую помощь бедным странам, увеличив ее примерно на 100 миллиардов долларов в год, что позволит заполнить финансовую брешь между тем, что необходимо бедным странам, и тем, что они могут обеспечить самостоятельно. Это позволило бы таким странам вырваться из ловушки бедности, создать базовую инфраструктуру и развить человеческий капитал, иными словами — улучшить здравоохра-

нение и образование. Если не помочь бедным встать на ноги, то рыночные отношения в большинстве бедных стран мира не сформируются, что обрекает их на постоянную бедность. Сакс ратует за комплексное решение проблемы развития, которое будет включать 449 нацеленных на искоренение бедности и взаимосвязанных мероприятий, «осуществляемых систематически, исправно и совместно, ибо они существенно усиливают друг друга». Весьма амбициозно.

Одним из весьма откровенных критиков такого подхода стал Уильям Истерли, но это совсем не означает, что сосуществование бедности и богатства вызывает у него меньшее нравственное возмущение, чем у Сакса, Николаса Стерна, Джозефа Стиглица или у других приверженцев теории существенного увеличения объемов помощи бедным странам на начальном этапе их развития. Истерли разделил участников дискуссии о помощи на два лагеря — «плановики», отстаивающие принцип «большого импульса», и «искатели», ставшие героями его последней, очень интересной книги¹⁴. «При оказании иностранной помощи, — утверждает он, — плановики заявляют благие намерения, но никого не мотивируют на их реализацию; искатели находят работающие решения и получают определенную отдачу. Плановики вселяют надежды, но не несут никакой ответственности за их воплощение; искатели берут на себя ответственность за свои действия. Плановики устанавливают объемы поставок; искатели анализируют потребности. Плановики используют стандартные лекала; искатели адаптируют все к местным условиям. Плановики никогда не интересуются, достигнуто ли запланированное поставленных целей; искатели выясняют, удовлетворен ли заказчик. Впрочем, бывшие неудачи программ международной помощи должны присмирить плановиков и заставить их задумываться каждый раз, когда они рекомендуют свои 449 методов вмешательства.

Истерли предлагает оказывать помощь по восходящей, без составления всеобъемлющих планов. Он предлагает в большей степени учитывать действительные потребности и возможности тех, кому предназначена помощь. Он полагает, что нам — от Вашингтона до Лондона и Брюсселя — следует перестать указывать людям в африканских и в других бедных странах, что делать. Он настаивает на большей подотчетности бедным слоям населения в отношении оказываемой помощи, независимой оценки ее эффективности и углубленной специализации ведомств по оказа-

нию помощи, что позволит таким организациям заниматься тем, что у них получается лучше всего. Он хочет поддерживать то, что работает, и не допускать постоянного блуждания бюрократов развивающихся стран в дебрях требований доноров по организации совещаний и составлению отчетов. Многие развивающиеся страны уже не удивляются необходимости организовывать более 2000 таких совещаний в год. Нужно усиливать координацию доноров, а не их конкуренцию. Нам следует перестать уделять все внимание размерам наших трат и переключиться на способы расходования средств и их эффективность. По мнению Истерли, объемы уже оказанной Африке помощи достаточно велики и могут считаться «большим импульсом», который, согласно ожиданиям, должен запустить процесс роста экономики. В действительности же увеличение помощи приводит к замедлению или прекращению роста. Скорость развития национальной экономики, как правило, невелика, причем периоды роста перемежаются периодами спада, и запуск процесса развития нельзя считать одномоментным событием; нет никакого стартового выстрела, сигнализирующего о начале необратимого процесса. При этом Истерли настаивает на отсутствии статистической корреляции между помощью и ростом.

Как все выглядело на практике? Три года в должности министра по вопросам развития заморских территорий оставили в моей памяти множество примеров, которые профессор Истерли мог бы привести в подтверждение своих доводов. Готов поручиться, что любой сотрудник службы международной помощи хранит в своей памяти не меньший объем подобной информации. Может, мне стоит начать с того, что лично для меня стало символом провала африканской программы развития — с кладбищ «Ленд Роверов», своеобразной кавалерии развития, ржавеющей ввиду отсутствия специалистов, способных отремонтировать или обслуживать автомобили. Мне вспоминаются многочисленные «имиджевые» проекты, удовлетворявшие только тех, кто судил об эффективности помощи по ее объему, уверенно растрачивал деньги и тем самым, возможно, обратил вспять скромный прогресс, достигнутый на пути развития.

Во время визита в Танзанию в середине 1980-х годов мы летали в больницу, расположенную недалеко от озера Танганьика на границе с Малави. Посадка вышла довольно нервной, так как над узкой долиной, где мы планировали приземлиться, стусились

лиловые тучи, а наш пилот поведал о своих сомнениях в срабатывании шасси. Пока мы возносили молитвы, самолет благополучно сел, после чего мы приступили к инспектированию больницы, построенной совместными усилиями правительства Танзании и Великобритании, расщедрившейся на этот дар в конце семидесятых годов, перед окончанием срока полномочий кабинета Джима Каллагана. Тогдашний министр, Джудит Хёрт, намеревалась увеличить масштабы помощи, будучи полностью уверенной, что идущее на смену правительство консерваторов рано или поздно урежет объемы помощи до прежних значений. Цель в определенной мере состояла в срочном вложении денег в надежде на то, что проекты заработают. Больница, которую мы посетили в городе Мбее, располагалась в прекрасном здании; оборудовано было все по последнему слову техники. Проблема заключалась в отсутствии средств на эксплуатацию оборудования. Финансирования не хватало на закупку лекарств, не говоря уже о питании пациентов. Местный персонал — врачи и медсестры, в рамках проекта обучавшиеся в Великобритании, старались там же и остаться, ради заработной платы, намного превышающей установленную в танзанийской системе здравоохранения. В памяти всплывает и проект в Судане, активно продвигавшийся британской компанией «Дженерал электрик компани», целью которого было восстановление в стране железнодорожного сообщения. В Хартуме мы обсуждали с правительственными чиновниками экономические аспекты транспортной системы Судана. Бюджетных средств не хватало на оплату счетов за дизельное топливо, но при этом десяткам тысяч сотрудников начислялась заработная плата. Я предложил министру либо сократить штат и запустить поезда, либо поручить незанятым сотрудникам самим толкать локомотивы и вагоны. Помню и другие проекты, задача которых состояла в помощи хиреющим британским компаниям не в меньшей (а может, и в большей) степени, чем помощь бедным. В Хартуме была электростанция, в значительной мере предназначенная для поддержания на плаву энергетической компании с северо-востока Англии. Компания, естественно, в конечном итоге разорилась — по моему опыту, любая компания, основные предпринимательские усилия которой направлены на поиск неординарных способов доения налогоплательщиков, разоряются раньше, чем им хотелось бы. Помню еще одну электростанцию — совместное коммерческое предприятие — в Центральной Индии, из-за слож-

ности проекта превратившуюся в источник постоянной материальной помощи консультантам. Помню поездки в бедную, прекрасную Кению. Даниэль арап Мои, в 1978–2002 годах президент страны, сплел вокруг себя целую сеть коррупции, секретность которой обеспечивалась различными способами, вплоть до убийства одного из министров (Роберта Оуко), попытавшегося разоблачить коррупционеров. Одна из операций Мои была связана с импортом зерна. Местные кенийские бизнесмены в ожидании роста цен забили склады продовольствием и зерном. Но импорт продовольствия из Уганды удерживал цены на низком уровне. Тогда Мои запретил импорт из Уганды, бедным кенийцам пришлось переплачивать за местные продукты питания, угандийцы потеряли рынок экспорта, а друзья президента Мои в местном бизнес-сообществе, без сомнения, выразили благодарность правительству за принятое решение.

Во время пребывания на посту министра развития заморских территорий мне приходилось иметь дело с Мои до неприятного часто. Грузный, вычурный, одевающийся в ателье на лондонской улице Сэвил Роу, но при этом ничуть к себе не располагающий, Мои спекулировал на желании Британии сохранить исторические связи с Кенией и на неожиданно уважительном к нему отношении со стороны Маргарет Тэтчер. Мне кажется, что она поддалась впечатлению, которое он любил произвести, играя роль «африканского бастиона» против мятежей и коммунизма. Однажды она сказала мне, что считает его своеобразным африканским Вилли Уайтлоу (правой руки Тэтчер). Сравнение совсем не лестное для Уайтлоу, отличавшегося от Мои по целому ряду качеств, не говоря о том, что Мои не был воспитанником Винчестерского колледжа. Как бы то ни было, но каждый визит Мои в Лондон заканчивался распоряжением премьер-министра не отпускать Мои с Даунинг-стрит или из резиденции премьера Чекерс без какого-нибудь презента — небольшого урегулирования платежного баланса с Великобританией или одобрения проекта в Кении. В повестке у Мои неизменным оставался один основной пункт — дорога, соединяющая его дом и ферму с магистральной дорожной сетью страны. Никаких других реальных целей он не ставил. Раз за разом мне приходилось приводить аргументы против включения этого пункта в нашу программу помощи Кении; раз за разом кенийцы выдвигали этот проект. Пока должность министра занимал я, нам удавалось сдерживать натиск. Надеюсь, что мои пре-

емники добьются не меньших успехов. Трагедия для Кении продолжилась и после отставки Мои. Следующий президент — Мваи Кибакви — и его команда довели страну до такого состояния, что верховный комиссар Великобритании в 2004 году назвал министров и чиновников «отожравшимися» на коррупции и «блюющими» от переедания на средства доноров. В истории программ международного развития, увы, немало подобных эпизодов, о которых, конечно, никогда не поведают или не хотят знать многие из лиц, вовлеченных в так называемый бизнес помощи.

Несмотря на сказанное, в бытность министром по вопросам развития заморских территорий или комиссаром Евросоюза я сталкивался с множеством примеров, когда помощь приносила ощутимые плоды. Такими были проекты начального образования в сельских районах Индии, учебные программы для женщин в Бангладеш, программы водоснабжения и электрификации африканских сел, проект по переоснащению больницы в Кампале, не справлявшейся с потоком больных СПИДом, научно-исследовательские сельскохозяйственные станции в Африке и Непале, проекты по размещению в Эфиопии несовершеннолетних беженцев из Судана, программы развития частного сектора в Африке, запущенные при содействии Корпорации развития Содружества, а также отличные проекты НПО, например по снижению уровня бедности и охране здоровья детей (хотя НПО, что бы они о себе ни думали, вовсе не безгрешны). Во время посещения сильно пострадавшей от наводнения бангладешской деревни я случайно заметил исхудавшего от обезвоживания ребенка; заботу о маленькой девочке взяли на себя представители сопровождавшей меня НПО. Через шесть месяцев мне прислали фотографию пухлого, сияющего ребенка — это была она. Именно такой может и должна быть помощь — избавлением от страданий, а в данном случае даже спасением ребенка от преждевременной смерти. Вряд ли благородных целей удалось достичь за счет 20 миллиардов долларов, полученных Мобуту за время его президентства, или за счет пятидесятипроцентного увеличения объема помощи Руанде, совпавшего с подготовкой устроенного предводителями хуту геноцида.

Всем нам хотелось бы повысить эффективность помощи, оказываемой в целях развития, и даже увеличить объемы такой помощи (с учетом ее эффективности), но даже этого может оказаться недостаточно для стремительного роста экономики стран-получателей. Совершенно неприемлемо, когда, к примеру, в ходе прове-

денной в Чаде проверки расходования предназначенных для сельских больниц средств обнаруживается, что до больниц в действительности дошло менее 1 процента выделенных денег. В Уганде с подобной ситуацией удалось справиться путем повышения уровня прозрачности. Раньше до начальных школ доходило лишь 20 процентов выделенных средств; все изменилось после того, как пресса и общественность стали получать информацию о финансировании и начали следить за расходованием денег, и тогда эта цифра возросла до 90 процентов. Нам вовсе не следует отказываться от расширения помощи беднейшим странам, но все же необходимо проявлять настойчивость не только при выделении средств, но и при контроле над результатами. Существенно повысить эффективность помогут прозрачность процесса использования предоставленных средств и возможность привлечения местных правительств к ответственности за нецелевое расходование денег.

Мы обязаны пресечь перетекание финансовой помощи в военные статьи бюджетов; подсчитано, что около 40 процентов военных расходов африканских стран из-за отсутствия контроля финансируется за счет помощи извне¹⁵. Если мы намерены оказать поддержку в вопросах безопасности, то соответствующие программы должны быть надлежащим образом обособлены. В пропитанных коррупцией странах, где правительства ведут себя неприемлемо, мы можем попытаться расширить сотрудничество с гражданским обществом, особенно в таких сферах, как здравоохранение и образование. Нам не удастся привить другим странам демократию и верховенство права, но для экономического развития огромное значение имеет надлежащее государственное управление. Бедность, в свою очередь, тоже повышает вероятность неэффективного управления; верно, безусловно, и обратное. Канадский экономист Роберт Калдеризи утверждает, что «самое простое объяснение африканских проблем сводится к тому, что на континенте никогда не было эффективного государственного управления»¹⁶. Отсюда следуют три очевидных вывода: во-первых, имеет смысл предложить техническую помощь правительствам, сталкивающимся с проблемами собственно государственного управления; во-вторых, есть смысл в попытке направить вектор развития снизу вверх и начать работу с гражданским обществом; в-третьих, иногда полезно предусматривать не предварительные, а последующие условия — заключать соглашения

со страной-реципиентом и после первого транша привязывать последующие платежи к фактическим показателям.

Сравнение с Азией позволяет предположить, что в африканских и других странах «беднейшего миллиарда» институциональные усилия следует сосредоточить на поддержке в создании структур, которые будут способствовать самостоятельному формированию и использованию капитала. Большинство азиатских стран сами разработали для себя такие структуры. Отток капитала — имеется в виду и финансовый, и человеческий капитал — это характерная особенность бедных развивающихся стран. Представители среднего класса хотят вывезти свои деньги в безопасную гавань, а квалифицированные работники хотят получать адекватное вознаграждение в более богатых странах. Гражданам развивающихся стран необходимо дать почувствовать на практике, что даже при скромных доходах им стоит экономить и инвестировать, стоит пожертвовать потреблением здесь и сейчас ради выгоды в будущем. Но в мире, к сожалению, слишком много стран, в которых людей легче убедить в прибыльности мятежа, а не бизнеса. Капитал может принимать форму не только наличных денег, но и высокой квалификации или достижений в учебе. Развитие происходит в тех странах, где у людей есть уверенность, что сделанное ими сегодня, помимо возможности выжить, может обеспечить им более благополучное будущее.

У них не будет благополучного будущего, если все усилия сконцентрировать на помощи. Нужно наладить торговлю с бедными странами, а это не просто снятие богатыми странами барьеров на экспорт продукции, такой как хлопок, зерно или фрукты. Резкий рост в Азии основывался на развитии производства и сферы услуг. Промышленность создает больше материальных ценностей, чем трудоемкое сельское хозяйство. Каким образом можно обеспечить африканским и другим бедным странам возможность нагнать успешные страны Азии? Сделать это можно только путем отмены тарифов на конкурирующую с азиатской и произведенную в Африке продукцию. Пол Кольер и Джозеф Стиглиц правы в том, что нужно не только не повышать тарифы для успешных развивающихся стран Азии, но и снижать тарифы на то, что производится в менее успешных сегодня странах Африки¹⁷. Последнее подразумевает совершенствование уже существующих проектов, таких как закон США об экономическом росте и торговых возможностях Африки и европейская ини-

циатива «Все, кроме оружия», налаживающих защиту от злоупотреблений посредством введения правил происхождения товаров (которые препятствуют третьим странам прогонять свои товары через беспошлинные страны для дальнейшей продажи на рынках богатых стран). Изменения в таких проектах должны в максимальной мере упростить для африканцев запуск производственной деятельности. Некоторые НПО вносят предложение о необходимости разъяснить африканцам, что сохраняющиеся с их стороны торговые барьеры экономически неэффективны. Объем торговли африканских стран между собой и так остается на очень низком уровне. Реальную помощь бедным странам могут оказать свободная торговля, устранение мошеннических схем и отказ от чрезмерного влияния на рынок, а совсем не протекционизм.

Есть африканская поговорка: «Получающая рука всегда ниже дающей». Международная поддержка полезна для неимущих, но бедным нужно помочь так, чтобы они сами предпринимали попытки выбраться из нужды, а не укореняли в себе ощущение, что помочь им может только богатый мир белых людей, а не они сами. Как говорит американский экономист Дэвид Лэндис, простых уроков и однозначных решений не бывает. «Никаких чудес. Никакой защиты. Никакого миллениума. Никакого апокалипсиса»¹⁸. Все верно. «Нужно что-то делать», но нужно что-то делать и самим бедным, так чтобы наша помощь облегчала их участь и способствовала развитию в них качеств трудолюбия, честности, смелости, позволяла им противостоять соблазну легкой наживы, так чтобы наша помощь наконец делала бедных свободнее, а не вгоняла их, посредством вечных подачек, в унижительную постоянную зависимость.

Глава 8

Вода и кровь

Но гора, падая, разрушается, и скала сходит с места своего; вода стирает камни; разлив ее смывает земную пыль: так и надежду человека Ты уничтожаешь.

Иов 14:18–19

Мы узнаем цену воды, когда иссыхает колодец.

Бенджамин Франклин

Следующая война в нашем регионе будет за воды Нила, а не из-за политики.

*Бутрос Бутрос-Гали,
бывший Генеральный секретарь ООН, 1988 г.
(в бытность министром иностранных дел Египта)*

Цены на продукты питания и наличие их запасов всегда были побудительными причинами возникновения гражданских конфликтов — подобно мадридскому восстанию и французской «мучной» войне (*guerre des farines*) в XVIII веке — и служили поводом для войн между странами, как во времена Римской империи. Египтяне используют для обозначения хлеба арабское слово «айш», что означает «жизнь»: отсутствие хлеба или его нехватка и дороговизна создают угрозу для жизни и ведут к насилию. В 2008 году голодные бунты, протесты и демонстрации прошли в Бангладеш, Гаити, Индонезии, Узбекистане, Боливии, Йемене, Кот-д’Ивуаре, Сенегале, Мозамбике, Мавритании и Камеруне. Мир был застигнут врасплох политическими последствиями завершения эпохи дешевой еды. В течение трех десятилетий, начиная с середины 1970-х годов, цены снизились в реальном исчислении на четверть. В последнее время цены на продукты питания скачкообразно росли (сдерживающим фактором — скорее всего, временным — стал экономический кризис), причем стоимость таких важных продуктов, как пшеница, соя и рис, удвоилась; индекс цен на продовольственные товары, публикуемый журналом «Экономист», возрос до самого высокого уровня со времени начала подсчетов в 1845 году. Цены на пшеницу бьют все рекорды.

Кризис оказался настолько серьезным, что в мае 2008 года в Риме пришлось организовать «продовольственный саммит», в работе которого приняли участие не только Генеральный секретарь ООН и большая группа министров, но и президент Зимбабве Мугабе, возможно, в знак признания той роли, которую он сыграл в полном разорении своего народа.

Столь значительный рост цен в условиях небывалого урожая во многих регионах мира был главным образом обусловлен тремя причинами. Во-первых, следует назвать успехи глобализации. Избавившиеся от бедности сотни миллионов китайцев, индусов и жителей других азиатских стран существенно расширили рацион питания, причем особенно заметно возросло потребление мяса. За двадцать лет количество потребляемого жителями Китая мяса увеличилось более чем в два раза. Для производства одного килограмма свинины необходимо три килограмма зерна; для говядины этот показатель возрастает до восьми. Во-вторых, потребность в этаноле, удовлетворяемая за счет выплаты крупных субсидий фермерам, выращивающим кукурузу в таких американских штатах, как Айова, привела к переориентации с выращивания продуктов питания на сырье для производства биотоплива. В 2008 году для производства этанола было использовано около 85 миллионов тонн кукурузы, по сравнению с 15 миллионами тонн в 2000 году. Для заполнения биотопливом бака одного внедорожника перерабатывается примерно столько же зерна, сколько африканская семья съедает в течение года. В-третьих, засухи и наводнения — по мнению многих, возможные последствия изменения климата — уничтожили урожай пшеницы в Австралии и нанесли огромный ущерб масличным культурам в Индонезии и Малайзии.

Реакцией многих правительств на продовольственные бунты стала, согласно установившейся традиции, попытка ослабить влияние роста цен на городских потребителей (поскольку протесты происходят на городских улицах) за счет фермеров и сельских районов. Вместо субсидирования малоимущих потребителей были снижены закупочные цены, выплачиваемые малоимущим фермерам. В качестве ответных мер на стремительный рост цен были предложены самообеспечение и повышенные ввозные тарифы, а не большая открытость рынков, увеличение размеров компенсаций производителям и инвестиции в генномодифицированные засухоустойчивые культуры. Дошло до того, что министр сельского хозяйства Франции высказал предположение о том, что

во всех регионах мира нужно внедрить соответствующую версию Общей сельскохозяйственной политики Европы — модели, которая на практике наносит серьезный ущерб интересам бедных фермеров и бедных стран. Исторически мы уже подготовлены к тому, что пища может привести к политическим проблемам. Но нам никак не удастся привыкнуть к тому, что источником аналогичных проблем может стать вода.

Наша семья в Лондоне еженедельно покупает около шести литров (импортной) бутилированной воды. Я принял решение в будущем отдавать предпочтение лондонской водопроводной воде, несмотря на отсутствие в ней воздушных пузырьков. Потребление бутилированной воды растет во всем мире, от Мексики (18 миллиардов литров в год) до Италии (более 10 миллиардов литров), и даже в тех странах, где бутилированная вода ничем не лучше водопроводной. Более того, сенат Франции призвал потребителей бутилированной воды регулярно менять ее бренды, так как добавляемые в воду минералы, полезные в небольших дозах, могут быть опасными в больших. Бутилированная вода, зачастую стоящая дороже литра топлива для автомобиля, может превышать стоимость водопроводной воды в 10 000 раз. Кроме того, негативное воздействие на окружающую среду усиливают используемые при транспортировке и упаковке ископаемые виды топлива — большая часть пластика изготавливается из сырой нефти, а также утилизация самих бутылок. Для достижения задачи по сокращению к 2015 году вдвое числа людей, не имеющих постоянного доступа к безопасной питьевой воде (см. главу 7), поставленной Организацией Объединенных Наций «Цели развития тысячелетия» по ликвидации бедности, потребуется удвоение суммы в 15 миллиардов долларов, расходуемой в настоящее время на водоснабжение и водочистку. Сравните эти цифры с примерно 100 миллиардами долларов, затрачиваемыми ежегодно на производство бутилированной воды¹.

Такое отрезвляющее сравнение лишь подчеркивает основной факт о мировых водных ресурсах. Никакого глобального дефицита нет; еще не время для распространения на воду известного тезиса Томаса Мальтуса, который в XIX веке утверждал, что скорость роста народонаселения превышает возможности планеты по производству продуктов питания, необходимых для такого числа людей. Неизбежным результатом, по его мнению, станет «преждевременная смерть». Вопреки некоторым мрачным про-

гнозам, мальтузианская арифметика к воде пока неприменима. Проблема в другом. Богатые могут позволить себе «Перье», «Бакстон», «Сан Пелегрино»; бедные радуются капающей из крана водопроводной воде. Воды на планете достаточно, но она распределена неравномерно, а во многих случаях контроль над использованием водных ресурсов оставляет желать лучшего. В результате растет бедность, ухудшается здоровье, увеличивается детская смертность, усиливается опасность внутренних конфликтов, ослабляются и так не самые сильные правительства и увеличивается риск войн между странами.

Объемы водоснабжения не беспредельны, но в отличие от нефти вода представляет собой бесконечно возобновляемый ресурс, проходящий естественный цикл от выпадения дождевой воды из облаков, возвращения пресной воды в мировые океаны из подземных водоносных слоев и с течением рек, и до испарения воды обратно в облака, откуда весь процесс начинается заново. Полностью воду заменить нечем. Она имеет существенно важное значение для всех форм жизни на Земле. Только 1 процент мировых запасов воды напрямую пригоден для удовлетворения потребностей человека; 97 процентов — это соленая вода наших океанов, а две трети из оставшихся процентов заперты в глубоких водоносных слоях и в полярных ледниковых шапках.

Значительный рост населения планеты в течение прошлого столетия — с 1,6 миллиарда в начале века до 6 миллиардов к его концу — привел к повсеместному несоответствию между ресурсами и потребностями. Вода не стала исключением. При том что численность населения возросла почти в четыре раза, потребление воды выросло в семь раз. Как и во времена великих древних цивилизаций, располагавшихся вдоль рек — Египта, Месопотамии, Китая — вода в основном используется для орошения и сельского хозяйства. В XX веке потребность в воде для промышленных и коммунально-бытовых нужд резко увеличилась, но самую сильную «жажду» по-прежнему испытывает сельское хозяйство. Причина проста. Для каждого из нас допустимый минимум, необходимый для питья, приготовления пищи и элементарной гигиены, составляет от 10 до 50 литров в день. Для производства пищи, обеспечивающей нас минимальными 3000 калорий ежедневно, требуется 3500 литров воды. В Программе развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) отмечается, что для приготовления пищи и питья люди используют примерно одну

семидесятую часть воды, поставляемой для бытовых целей². Для производства килограмма картофеля необходимо 1000 литров воды, килограмма пшеницы — 1450 литров, килограмма куриного мяса — 4600 литров. На производство одного гамбургера уходит около 11 000 литров. Вода, необходимая для орошения при производстве пищи, зачастую используется вдали от того места, где пища в конечном счете потребляется. К середине века планете придется кормить примерно на 2,4 миллиарда человек больше — картофелем, пшеницей, куриным мясом и даже гамбургерами. Вследствие этого нам приходится прогнозировать стабильный рост спроса на неравномерно распределенный ресурс, и такая неравномерность будет усиливаться ввиду глобального потепления и изменения климата.

Что мы понимаем под неравномерным распределением? Самое простое объяснение сводится к тому, что некоторые страны, а иногда и отдельные регионы внутри стран, обладают гораздо большими запасами воды, чем другие. В озере Байкал, расположенном в редконаселенной Сибири, сосредоточена четверть всей пресной воды в мире. Это никак не помогает Йемену или Сомали. Латинская Америка обладает почти третью мировых запасов пресной воды, что в расчете на одного жителя в двенадцать раз превышает показатели наличия водных ресурсов в Южной Азии. Существуют и региональные диспропорции (в Конго — в Центральной Африке — к примеру, воды гораздо больше, чем в Южной Африке), и даже различия внутри стран (на юге Китая воды всегда было больше, чем на севере). Злую шутку могут сыграть и показатели доступности водных ресурсов в течение года. Любой опытный садовник потребует данные о распределении осадков в течение года. Точно так же поступит министр водных ресурсов или сельского хозяйства. В сезон муссонов на значительной части Азии 90 процентов годовых осадков могут выпасть в течение 100 часов, приводя к наводнениям в соответствующие периоды года и к засухе в другие.

Мы располагаем, естественно, научными оценками достаточности водных запасов. Уровень обеспеченности обычно рассчитывается путем сопоставления численности населения страны или региона и объемов воды, имеющейся на соответствующей территории. Гидрологи сходятся во мнении, что минимальный годовой объем на человека, необходимый для выращивания пищевых продуктов и культур, для удовлетворения потребности в водо-

снабжении промышленности и энергетики и для экологической устойчивости, составляет 1700 кубических метров. Сорок три страны с общим населением около 700 миллионов имеют показатели ниже этого минимума, что свидетельствует о недостаточности водных ресурсов. Если показатель обеспеченности ниже 1000 кубических метров, вода признается дефицитным ресурсом; в случаях когда страна обладает запасами менее 500 кубических метров на человека, запасы воды признаются «абсолютно дефицитными». Наибольшие трудности с запасами воды испытывает Ближний Восток, а четверть населения Африки к югу от Сахары проживают в странах с дефицитом воды. Во многих регионах с неудовлетворительным водоснабжением население быстро растет. Таким образом, к 2025 году число людей, живущих в странах с дефицитом водных ресурсов, может увеличиться до 3 миллиардов. Верно и то, что богатые страны, обладающие достаточными запасами воды, не утратят этой благодати и в будущем, так как их население либо не растет вообще, либо растет очень медленно. У бедных же стран, испытывающих нехватку воды сегодня, завтра, по мере роста численности населения, воды будет еще меньше.

И это далеко не самая полная картина наиболее тревожных статистических данных по нехватке воды. Многие люди живут в странах, где общенациональные показатели могут казаться удовлетворительными, но в отдельных регионах водных ресурсов не хватает. Это означает, что в мире около 1,1 миллиарда человек — более одной шестой части населения планеты — которым в день доступно менее 10–50 литров воды, признанного минимума, необходимого для бытовых нужд. В среднем им доступно примерно 5 литров в день, по сравнению с более чем 550 литрами в США и 150–400 литрами в большинстве европейских стран.

К людям, у которых отсутствует доступ к достаточным объемам воды, безопасной для использования в быту, следует добавить 2,6 миллиарда человек, у которых вода не подвергается надлежащей санитарной обработке. Это очень негативно сказывается на благополучии людей. От в принципе предотвратимых болезней ежегодно умирают миллионы людей. Желудочно-кишечные заболевания уносят жизни более 2 миллионов человек в год, большинство из них — дети. В общей сложности от причин, связанных с грязной водой и неудовлетворительными санитарными условиями, ежегодно умирают 1,8 миллиона детей. С экономической точки зрения нехватка воды и ее ненадлежащее распределение в

бедных странах вызывает задержку роста промышленности и общественного благосостояния. Образовательные возможности утрачиваются, трудоспособное население переходит из более прибыльных сфер деятельности в менее прибыльные, а средства здравоохранения выделяются на решение проблем, возникновение которых можно предотвратить. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, нехватка воды и отсутствие санитарии обходятся миру в 170 миллиардов долларов в год, причем основная тяжесть расходов ложится на бедные страны. Они не только страдают от нехватки чистой воды, им еще приходится платить абсолютно несоразмерную цену за то, что они фактически получают. Во многих странах ценовая политика перекошена в ущерб бедных и в пользу крупнейших и наименее ответственных потребителей и богачей. Бедняки, ютящиеся в трущобах Манилы, Джакарты и Найроби, платят за единицу потребляемого объема воды в пять–десять раз больше жителей районов для обеспеченных горожан. Они платят даже больше, чем я плачу в Лондоне или потребитель воды в Нью-Йорке. Выходит, что бедные люди часто платят за воду больше, получают воды меньше, а получаемая ими вода менее безопасна.

Нехватка воды и плохое регулирование водных ресурсов остаются в числе основных факторов, приводящих к миграции людей как внутри стран, так и между странами. Индия служит примером перемещений обоих типов, что может усилить этническое противостояние и иные конфликты. Засуха 1998–2000 годов на севере Индии привела к миграции примерно 50 процентов фермеров из северных районов штата Гуджарат. Бедные крестьяне не могли себе позволить заменить пересохшие колодцы; в описываемый период только богатые фермеры способны были оплатить глубокое бурение, необходимое для получения доступа к водоносным пластам. Споры вокруг воды привели также к бунтам и межобщинному конфликту в штате Тамилнад. В Раджастане данные по запасам подземных вод признаны настолько секретными, что государственные органы отказываются предоставить их специалистам в области экономического развития³. В Бангладеш истощение земель сельскохозяйственного назначения, перенаселенность, нищета и внутренние конфликты усугубляются постоянными конфликтами в связи с распределением водных ресурсов между регионами. Считается, что неправильная эксплуатация водных ресурсов привела к засолению земель сельскохозяйствен-

ного назначения и к ужасающим наводнениям, причина которых, по мнению экспертов, — вырубка лесов в Гималаях. За последние сорок лет индийские штаты Ассам, Трипура и Западная Бенгалия приютили миллионы мигрантов из Восточного Пакистана, а затем и из Бангладеш. Население перечисленных штатов увеличилось с 12 до 17 миллионов человек. И этот процесс, что не удивляет, сопровождается насилием, особенно в штатах Ассам и Трипура.

Описанные и иные проблемы, возникающие в результате неправильной эксплуатации водных ресурсов во многих странах, будут усугубляться из-за климатических изменений. Сегодня мы столкнулись с долговым гидрологическим кризисом задолженности; иными словами, мы настолько истощили водные ресурсы бассейнов некоторых рек, используя их в целях орошаемого земледелия, в процессах урбанизации и промышленного развития, что теперь становится все труднее восполнять объемы воды, необходимые для компенсации использованных объемов. Прискорбно, когда крупные реки перестают впадать в моря. Совсем недавно это произошло с рекой Муррей в Австралии, протекающей в самом центре сельскохозяйственного региона, на долю которого приходится около 40 процентов производства продуктов питания. Интенсивное орошение, необходимое для выращивания хлопка, риса, пшеницы и разведения скота, в сочетании с вырубкой лесов и испарением с поверхности основного резервуара региона привели к сокращению пахотных земель и засолению. В интересах поддержки экспорта продовольственных товаров за воду взималась слишком небольшая плата, и теперь налогоплательщики вынуждены оплачивать попытки устранения ущерба, нанесенного окружающей среде чрезмерно интенсивным земледелием. Согласно мнению экспертов Программы развития ООН (ПРООН), проблема региона заключалась не в «нехватке воды, а в избытке хлопка и риса и в избытке скота»⁴. Кризис водных ресурсов стал проблемой не только развивающихся стран. В описанном случае ненадлежащее управление водными ресурсами и засухи были в числе причин поражения партийной коалиции правого правительства Джона Говарда на парламентских выборах в Австралии в 2007 году.

Еще более серьезные проблемы, стоящие перед Китаем. На протяжении всей долгой истории страны важнейшую роль играла река Хуанхэ. «Не смотрите свысока на Хуанхэ, — говорил председатель Мао, — ибо тогда вы смотрите свысока на весь китайский

народ». У реки было два названия. Одним из них было «горе Китая», за губительные наводнения. Самое раннее из занесенных в хроники наводнений произошло в 1197 году до нашей эры, а согласно письменным источникам, с 602 года до нашей эры. Желтая река разливалась более 1500 раз и 26 раз меняла русло. Во время наводнения в 1887 году погибло от 900 000 до 2 миллионов человек; в 1938 году, когда Чан Кайши, пытаясь сдержать наступление японской армии, преднамеренно разрушил дамбы в провинции Хунань, погибло почти 900 000 человек. Борьба с наводнениями приобрела основополагающее значение в развитии китайской цивилизации, и именно поэтому Хуанхэ, великая река, несущая плодородие на земли, по которым протекали ее обильные воды, заслужила другое название — «гордость Китая»⁵. Но это все история. Вот уже многие годы низовья Хуанхэ, как и низовья Янцзы, пересыхают на несколько месяцев в году. В 1997-м шестисоткилометровый участок реки пересох на рекордные 226 дней. Четверть речного стока жизненно необходима для поддержания устойчивого состояния окружающей среды. После забора воды для орошения, промышленного и бытового использования в реке остается менее 10 процентов воды. При этом непосредственно до растений доходит лишь около трети воды, забираемой для нужд сельского хозяйства, а политика низких цен для крестьян провоцирует неэффективное использование и потери воды. Сегодня китайское правительство пытается ограничить забор речной воды. Остается надеяться, что когда-нибудь в будущем сегодняшний грязный ручеек вновь преобразится в знаменитый в прошлом бурлящий поток.

У чрезмерного потребления воды есть и другие симптомы и последствия. В Китае и на севере Индии уровень грунтовых вод опускается ежегодно более чем на метр. Вследствие чрезмерной эксплуатации водоносных пластов огромные проблемы возникли в отдельных провинциях Испании, таких как Ла-Манча, Валенсия и Мурсия. Аральское море (озеро между Казахстаном и Узбекистаном, не имеющее выхода к морю) когда-то занимало площадь, равную площади Бельгии, а сегодня сильно засолилось и обмелело до четверти своего прежнего размера. В африканском озере Чад осталась лишь десятая часть прежнего объема воды.

Масштабные сбросы сточных вод и загрязнение промышленными отходами негативно влияют на качество и объемы доступной воды. Будучи министром по делам развития, я инспектировал

финансируемые нами проекты по очистке рек. Теперь, по прошествии времени, эта задача представляется мне практически невыполнимой. Жители Дели ежедневно сливают в протекающую через их город реку Джамна около 200 миллионов литров неочищенных сточных вод и 20 миллионов литров бытовых отходов. Загрязнение воды может нанести вред не только странам, в которых расположены источники загрязнения, но и соседним государствам. В 2000 году после прорыва дамбы в Румынии Дунай оказался заражен цианидом и токсичными металлами на протяжении более чем 2000 километров. В нескольких странах ниже по течению возникли серьезные проблемы с водоснабжением. В конце декабря 2005 года в результате взрыва на нефтехимическом заводе в Китае в расположенную в северо-восточной части страны реку Сунгари попал бензол, канцерогенное химическое вещество. Известно, что 3,8 миллиона жителей Харбина, столицы провинции Хэйлуунцзян, на пять дней остались без водопроводной воды. А воды китайской реки потекли дальше, в российскую реку Амур.

Далеко не все развивающиеся страны приняли последовательную национальную стратегию по предотвращению чрезмерного потребления и загрязнения воды, а также по эффективному контролю качества и предотвращению истощения этого ценного национального достояния. Критики заслуживают и развитые страны. Обильное субсидирование выращивания таких влаголюбивых культур, как, например, рис в США, приводит к перекосу на глобальных экспортных рынках. В южных регионах Испании сельское хозяйство получает поддержку в виде больших субсидий на воду, что пагубно воздействует на экологическую систему. При этом такие же продукты питания, выращенные без огромных субсидий, к примеру, в Марокко, в Европу не допускаются благодаря Общей сельскохозяйственной политике ЕС. По иронии судьбы, на юге Испании сбор урожая озимых фруктов и овощей для экспорта в Северную Европу в значительной степени зависит от труда легальных и нелегальных иммигрантов из той же Северной Африки. В Испании затраты на орошение достигают половины стоимости экспорта сельскохозяйственной продукции страны.

Основным фактором истощения и нерационального использования водных ресурсов остается, несомненно, ценовая политика. В тех странах, где правительства субсидируют орошение влаголюбивых культур (к примеру, в Северной Африке), повышается стоимость

инвестиций в производство продуктов питания и создается дополнительная нагрузка на ограниченные запасы воды. Зачем использовать ресурс рационально, если за нерациональное использование можно получать субсидии? Даже в тех регионах мира, где от людей можно было бы ожидать адаптации их образа жизни к условиям нехватки воды, этому зачастую препятствуют субсидии, и результат отрицателен вдвойне: запасы воды сокращаются, а спрос на то, что осталось, растет. Низкие цены способствуют заполнению мест в самолете; низкие цены на воду увеличивают ее потребление и истощают запасы. Принцип тот же. В Алжире цена воды составляет от 1 до 7 процентов от стоимости ее доставки. В Северной Африке и на Ближнем Востоке в целом, где стоимость дефицитной воды существенно ниже стоимости ее получения, до посадок доходит лишь 30 процентов используемой для орошения воды. Почему же правительствам этих стран не удастся соединить все фрагменты в цельную картину, не удастся увидеть очевидные связи? Может, они не уверены в своей способности политически обосновать более реалистичную методику ценообразования? Нет ничего невозможного в построении системы субсидирования, обеспечивающей повышенную степень защиты для более мелких и бедных крестьян, в рамках которой более состоятельные хозяйства выплачивали бы цену, приближенную к реальной. Между тем именно богатые фермеры — в Европе, в США и в развивающихся странах — получают львиную долю щедрых бюджетных субсидий. Всеобщее избирательное право — там, где оно существует (например, в Индии), — никак не добавляет правительствам политического веса, достаточного, чтобы противостоять давлению со стороны зажиточных слоев населения.

Цена на воду — это далеко не единственная причина ее нерационального использования. К стремительному истощению ресурсов приводит и дешевизна или субсидирование электроэнергии, необходимой для подъема воды из подземных водоносных пластов. Для доступа к воде требуется бурение глубоких скважин и большие энергозатраты. У небогатых крестьян, естественно, средства на глубокое бурение отсутствуют. В некоторых регионах Индии, таких как Гуджарат, бедные крестьяне попадают в зависимость от своих более зажиточных соседей, ставших фактически монополистами на рынке водоснабжения вследствие истощения верхних водоносных горизонтов, традиционно используемых селянами. Аналогичные проблемы возникают и в других частях

Индостана. Во время перелета на небольшом самолете вдоль реки Инд, по маршруту из Лахора в Хайдарабад и Карачи, меня поразила степень засоленности почвы, вызванной в том числе истощением грунтовых вод. Тысячи гектаров хорошей земли на обоих берегах реки стали непригодны для сельского хозяйства.

Я сомневаюсь, что существенную роль в этих вопросах играет характер режима — государственный или частнособственнический режим управления водными ресурсами. Важно, насколько эффективно и четко осуществляется управление. Когда правительство Маргарет Тэтчер провело приватизацию водного хозяйства, я занимал должность министра по охране окружающей среды. Затея была очень неоднозначной, так как многие люди считали водные ресурсы всеобщим достоянием, наживаться на котором не дозволено никому. Дожди на нашем зеленом острове шли всегда. Они представляют часть нашего наследия и принадлежат нам по праву рождения. «Толстосумам» из лондонского Сити нельзя было позволить ни прибрать к рукам дар Божий, пожалованный всей нации, ни делать деньги на его продаже остальным жителям королевства.

Большинство людей упускали из виду тот факт, что они уже выплачивают довольно несправедливый муниципальный налог на воду. С моей точки зрения, истинная причина приватизации отрасли не была идеологической. Выплачиваемых потребителями средств было недостаточно для очистки наших рек, ручьев и прибрежных вод, а у министерства финансов никогда не было возможности покрыть дефицит за счет выделения более крупных бюджетных средств, для чего потребовалось бы повышение налогов с физических и юридических лиц. Школы, больницы и пособия по социальному обеспечению всегда были более приоритетны, чем чистая вода. Руководствуясь этим, мы провели приватизацию отрасли. Было отмечено существенное увеличение инвестиций в очистку воды и первые крупные вложения средств в модернизацию инфраструктуры водоснабжения. Впоследствии мы были наказаны, так как те политические выгоды, которые планировалось получить от этой затеи, очень быстро обесценились действиями руководителей частных компаний по водоснабжению, увеличивших свои вознаграждения до колоссальных размеров. К сожалению, с частью цены, выплачиваемой теми из нас, кто искренне верит в капитализм, сами капиталисты частенько обращаются столь же хищнически, как и

герои посвященных им карикатур; то есть они глубоко суют свои носы в кормушку.

На сегодня две трети систем водоснабжения и канализации в мире контролируются государством, но количество приватизированных предприятий растет. Оборот стремительно развивающейся отрасли водного хозяйства, без учета доходов от бутилированной воды, составляет сегодня около 300 миллиардов долларов. Неоднозначны результаты приватизации и эффективного управления водными ресурсами. В некоторых регионах достигнуты определенные успехи: в Великобритании, к примеру, управление водными ресурсами улучшилось после отделения ответственности за водоснабжение от контроля над качеством воды. Но были и катастрофические провалы, например в некоторых регионах Латинской Америки. Частный контроль и частная собственность не могут творить чудеса. Рынок не может работать самостоятельно, без четко установленных правительством правил, обеспечивающих соблюдение мер по ограничению объемов загрязняющих выбросов станциями очистки, без публичной подотчетности и прозрачности. Необходима система надзорного регулирования, гарантирующая по меньшей мере справедливые цены на воду, экономическую, экологическую и социальную обоснованность субсидий, удовлетворение основных нужд потребителей, а также повышение и сохранение качества воды. Загвоздка в том, что для надлежащего регулирования необходимы компетентное правительство и эффективные государственные учреждения, а ведь именно это отсутствует в тех регионах, где растут темпы приватизации. В условиях отсутствия перечисленных гарантий возможно усиление протестов против приватизации, о чем свидетельствует опыт Боливии, Парагвая, Филиппин и Южной Африки.

Развилась легко объяснимая тенденция игнорировать рутинные вопросы, такие как ценовая политика и нормативные критерии, и концентрировать усилия на поиске исключительно технологических и инженерных решений, в том числе довольно масштабных и сложных проблем, связанных с водными ресурсами. Очередным проявлением развивавшегося в прошлом веке высокомерия, уверенности в том, что человек всегда будет покорять природу и управлять ею, стали огромные вложения в перемещение воды из одного места в другое и в накопление воды для нужд орошения и гидроэнергетики. Развитие инфраструктуры водного хозяйства — зачастую лучшая часть наследия эпохи империй. В 1859 году, в

первые годы существования Британской Индии, англичане начали строить в регионе Пенджаб сложную сеть каналов, довольно успешно пытаясь использовать воды Инда и его притоков для орошения и предотвращения наводнений. Современные инженерные задачи уже давно этим не ограничиваются. В планы Китая заложены расходы, значительно превышающие затраты на знаменитую плотину «Три ущелья» — крупнейший проект страны со времен строительства Великой китайской стены и Великого канала. Предусматривается отведение вод Янцзы на засушливые равнины северного Китая. На саму Янцзы усиливается воздействие глобального потепления и таяния ледников в горах Тибета, откуда река берет свое начало. От планов отведения вод из протекающей на севере Испании реки Эбро в целях орошения сельскохозяйственных регионов на юге пришлось отказаться из-за размеров затрат и вероятного воздействия на окружающую среду (включая выбросы двуокси углерода, связанные с необходимостью перекачки больших объемов воды на большие расстояния). Все более спорным средством регулирования и хранения воды становятся плотины, хотя без них невозможно было бы, к примеру, строительство Лос-Анджелеса посреди пустыни. Подобные конструктивно-технические аргументы применимы к системе «Снежные горы» в Австралии, плотине Кахора-Баса в Мозамбике, плотине «Три ущелья» на Янцзы и Асуанскому гидроузлу, строительство которого, названное президентом Насером самой важной задачей, стоящей перед Египтом, было завершено в 1970 году (ниже в этой главе мы обсудим политические последствия строительства). В первую очередь плотины подвергаются критике ввиду вытеснения жителей с затопляемых территорий, в том числе многих коренных народов. Подсчитано, что вследствие неудачно спроектированных плотин за последние пятьдесят лет из своих домов были фактически изгнаны от 40 до 80 миллионов человек, без предоставления адекватной компенсации. В Китае в период с 1950 по 1990 год из-за строительства плотин принудительному перемещению подверглись более 10 миллионов человек. При строительстве одной только плотины Саньмыньсяшуйку на реке Хуанхэ в Китае было переселено 870 000 человек. Второй аспект критики заключается в экологическом ущербе, наносимом вследствие заилиения и обезлесения заболоченных участков вверх и вниз по течению. Более того, есть свидетельства некоторого преувеличения экономических выгод от строительства плотин. Все опи-

санное привело к абсолютно превратному и полному осуждению всех крупных инфраструктурных проектов в сфере водного хозяйства. Давление со стороны неправительственных организаций на мировые и региональные банки развития — Всемирный банк и Азиатский банк развития, например, — было столь велико, что финансированием крупных проектов занялись частные транснациональные корпорации, такие как «Бектел», «Вивенди» и «Ондео». Доступ частного капитала к крупным проектам позволил предотвратить публичные споры с налогоплательщиками и местными жителями в Турции, Индии и Китае.

Отсутствие надлежащей инфраструктуры снижает уровень защищенности от наводнений и засухи. Указанная проблема характерна преимущественно, хотя и не исключительно (как мы видели на примере ужасных последствий урагана «Катрина» в Соединенных Штатах и разорительной засухи в Калифорнии), для бедных стран. В 2005 году от засухи в районе Африканского Рога пострадало более 20 миллионов человек. Засуха середины 1990-х годов в Марокко привела к сокращению производства сельскохозяйственной продукции почти вдвое. Кения страдала от засух на северо-востоке и от наводнений в других районах страны. В 2000 году наводнение в Мозамбике унесло жизни 700 человек и лишило крова полмиллиона человек; темпы экономического роста сократились за год с 8 до 2 процентов. Наводнения лета 2007 года в Великобритании были разрушительными, но последствия для жизни и средств к существованию были, к счастью, сравнительно невелики. Вместимость водохранилищ и наличие средств предотвращения наводнений наглядно отображает различия между богатыми и бедными странами. США хранят 6000 кубических метров воды на душу населения, Австралия — 5000. Для Эфиопии, на территории которой расположено двенадцать речных бассейнов, этот показатель равен 43 кубометрам.

Надежным способом расширения возможностей водоснабжения стала переработка сточных вод. В некоторых странах, таких как Марокко, такой способ реализуется на протяжении уже многих лет, не приводя к возникновению проблем со здоровьем, но для предотвращения существенного риска для здоровья необходимо следовать высочайшим стандартам. Гораздо больший технический и политический интерес проявляют к опреснению, в этой области мировым лидером и создателем новаторских и недорогих технологий стал Израиль. Но вносимый опреснением вклад в

общемировые объемы водоснабжения на сегодняшний день составляет лишь 0,2 процента, а развитие технологий вряд ли поможет полностью устранить разрыв между спросом и предложением. Процесс опреснения требует больших энергозатрат (с увеличением объемов выброса углекислого газа), и эта технология вряд ли способна помочь сегодня городским и сельским жителям бедных стран.

Даже если бы мы жили в климатически стабильном мире (а стабильности сегодня нет, да и не было никогда), то дальнейшее неэффективное использование воды в сочетании с ее неравномерным распределением среди постоянно растущего населения планеты создало бы серьезные проблемы для будущих поколений. Угроза изменения климата ухудшит и без того безрадостное будущее. Если мы хотим смягчить последствия или, что более предпочтительно, предотвратить разворачивающуюся катастрофу, нам необходимо совершенствование стратегического планирования на национальном и региональном уровнях, а также развитие инфраструктуры.

В ПРООН отмечено, что беспрецедентная угроза для развития человечества, обусловленная изменением климата, — притом что оперативные меры по стабилизации или сокращению выбросов парниковых газов не позволят устранить отложенный эффект уже произведенных выбросов — «будет распространяться за счет сдвигов гидрологических циклов, изменения режима распределения осадков и влияния повышения температуры поверхности на испарение воды»⁶. Масштаб и точная региональная локализация изменений режима осадков остаются непредсказуемыми, но имеющиеся данные дают основания предполагать, что в большинстве регионов с дефицитом воды осадков будет меньше, а наводнения станут менее предсказуемыми и сильнее зависящими от экстремальных погодных условий. Сменяющие друг друга периоды засух и наводнений станут более привычным явлением. Уровень бедности будет возрастать по мере углубления неравенства между развитыми и развивающимися странами в доступности водных ресурсов.

Для большинства беднейших жителей планеты — около трех четвертей из них живут менее чем на один доллар в день — источником средств к существованию остается неорошаемое сельское хозяйство. Очень трудно точно оценить влияние изменения климата на урожайность культур и объем производства, но повыше-

ние вероятности засух приведет к снижению урожайности зерновых культур в тех африканских странах, которые уже сегодня страдают от нехватки продовольствия. Тяжелые ситуации с продовольствием, периодически возникающие в Малави, Мозамбике, Замбии и Зимбабве (иногда по причинам иным, чем климатические, или дополняющим климатические), станут более частыми. В отдельных странах (Кения тому хороший пример) и в некоторых областях количество осадков, согласно прогнозам, увеличится, а в других, полусухливых районах, — сократится. Снизится урожайность кофе, чая и основных продуктов питания. Река Нигер, протекающая по Западной Африке и снабжающая водой десяток бедных и засушливых стран, может потерять до трети своих вод.

Крайняя нищета и недоедание будут шириться по мере роста дефицита воды и связанной с ним незащищенности. Согласно результатам исследования, проведенного к состоявшемуся в 2002 году Всемирному саммиту по устойчивому развитию, «модельные эксперименты показывают, что изменение климата может на 15 процентов повысить мировой показатель недоедания, доведя его до 26 процентов от мирового населения и увеличив к 2080 году число недоедающих людей на 75–125 миллионов»⁷. Более поздние оценки свидетельствуют о том, что упомянутая цифра может оказаться существенно выше. Описанный феномен будет касаться не только сельской местности. Убытки аграрного сектора повлияют на экономику в целом. Бедность и недоедание будут распространяться из села в город с взрывоопасными политическими последствиями.

Более экстремальные погодные условия не только повысят опасность возникновения засух и наводнений, но и повлияют на степень защищенности от них. В течение 1990-х годов в развивающихся странах от стихийных бедствий ежегодно страдало около 200 миллионов человек. С повышением температуры на суше и температуры океанов азиатские муссоны станут более разрушительными по причине повышения содержания в воздухе водяных паров за счет более интенсивного испарения. Во время наводнения в Мумбаи в 2005 году погибло 500 человек. Проливные муссонные дожди в отдельных регионах Индии будут только усиливаться; а в более засушливых районах дождей станет меньше. Эль-Ниньо (связанное с изменением климата потепление поверхностного слоя воды в восточной части Тихого океана) при-

водит к еще менее предсказуемым последствиям для режима распределения осадков. Вне зависимости от количества осадков повышение температуры увеличит водопотребление и объемы испарения, причем рост средней температуры на 2–3 процента снизит показатель доступности водных ресурсов на 10 процентов.

Отступающие ледники и повышение уровня океана создадут новые угрозы для безопасности человека. Глобальное потепление вызывает ускорение таяния ледников. В странах Азии, в Латинской Америке и части Восточной Африки следствием этого станут весенние наводнения и дефицит воды летом. Семь из крупнейших рек планеты питаются за счет ледников Гималаев и Тибета, тающих сегодня быстрее, чем когда-либо в последние десятилетия. Брахмапутра, Ганг, Инд, Янцзы, Салуин, Меконг и Иравади снабжают водой более 2 миллиардов человек. Вместе с этим повышение уровня океана ввиду увеличения речного стока приведет к сокращению объемов пресной воды в странах, расположенных на низинных участках и в дельтах рек. Большие группы населения Бангладеш, Египта, Нигерии и Таиланда проживают в дельтовых районах, которым угрожает вторжение соленых вод. Особенно серьезна эта угроза в Бангладеш, где на низинных территориях проживают более 110 миллионов человек.

Международные усилия по сдерживанию роста объемов выбросов парниковых газов оказались недостаточными, как и попытки адаптироваться к нынешним и будущим реалиям путем создания соответствующей инфраструктуры. Как уже отмечалось, существует обратная связь между глобальным распределением воды, со всеми вытекающими отсюда экономическими, социальными и политическими проблемами, и инфраструктурой, призванной смягчить описанные трудности. Вместо увеличения объема помощи бедным странам в этой сфере — мы сокращаем ассигнования. В период с 1990 по 2002 год общий объем помощи на развитие крупных инфраструктурных проектов в сфере водоснабжения сократился в два раза, с 3 до 1,5 миллиарда долларов. Кроме затрат на реализацию этих проектов, помощь сопровождается дополнительными расходами на доставку питьевой воды и ее очистку. Однако ежегодный рост общей суммы помощи в этой сфере ниже увеличения общих объемов помощи на цели развития. В 2004 году сумма помощи по водным проектам составила 4,5 миллиарда долларов. Для стран, получающих эти ассигнования, размер помощи на цели снабжения питьевой водой и ее очистку

составил 62 цента на душу населения в год. В моем личном домашнем бюджете это чуть больше половины цены, которую я плачу за бутылку «Сан-Пелегрино». Успехи были бы намного значительнее, если бы богатые страны тратили больше средств на помощь в реализации проблем водоснабжения в бедных странах и меньше на бутилированную воду, а бедные страны тратили меньше на вооружение и больше на доступ к чистой воде.

Как бы человечество ни опасалось будущих международных конфликтов из-за воды, чаще всего насилие, вызванное дефицитом воды, принимает форму гражданского конфликта внутри страны. Звеньями связи между водой и конфликтом стали бедность, миграция и продовольственная безопасность, особенно в среде сельского населения, например в Йемене. Когда доступность и надежность источников воды сказываются на способности сводить концы с концами, часто происходят крупномасштабные миграции, как это было на севере Пакистана и Афганистана. Ввиду того что мигрирующие группы, как правило, не имеют возможности добывать средства к существованию каким-либо иным способом, чем сельское хозяйство, то повышается вероятность поворота к нелегальным заработкам⁸. Плавное перемещение селян в городские трущобы либо стремительная их миграция из-за внезапной засухи или наводнения добавляет углей в тлеющий костер социальных волнений. Миграция может привести к возникновению напряженности в отношениях между сельскими общинами, не привыкшими взаимодействовать или соперничать за доступ к ограниченным ресурсам. Описанные проблемы усугубляются при пересечении мигрантами границ, как это происходит в Бангладеш и прилегающих штатах Индии. Население Бангладеш, согласно прогнозам, к 2025 году удвоится и возрастет до 235 миллионов человек. Авторитет и легитимность правительств и государственных учреждений, и без того недостаточные в странах, испытывающих нехватку воды, будут снижаться еще больше, по мере того как изменение климата затрудняет обеспечение водой. Таким правительствам придется отвлекать скудные ресурсы на устранение последствий засух и наводнений; они будут вынуждены оказывать более активную поддержку бедствующим группам населения, непродуктивно использовать средства, получать субсидии от лоббистов (часто из среды богачей) и удерживать цены на низком уровне. При этом негативное воздействие на сельское хозяйство дефицита воды снизит темпы эконо-

мического роста, что приведет к сокращению налоговых поступлений.

Вода все чаще становится предметом обсуждения в качестве возможной будущей причины раздоров между странами⁹. Предполагают, что в регионах с общими водными ресурсами, где, к примеру, страны используют воду из одной реки или одного водоносного пласта, надвигающийся дефицит усилит напряженность и может спровоцировать конфликт. Имеет право на существование и мнение, что пока мало свидетельств того, как вода становилась единственной, а не сопутствующей причиной конфликта, а если совместное использование водных ресурсов может привести к возникновению конфликта, то оно может в равной степени способствовать расширению международного сотрудничества. Тем не менее в довольно большом числе стран водоснабжение в существенной степени зависит от водных потоков, берущих свое начало за границами страны и находящихся под контролем других государств. Египет сильно зависит от нильской воды, но 97 процентов питающих реку истоков расположены в других странах. Еще тридцать стран, в том числе Сирия, Ирак и Судан, треть или более поверхностных речных ресурсов получают от соседей. Другие страны этой группы, такие как Венгрия, Нидерланды и Бельгия, вряд ли развяжут войну из-за нехватки воды. Помимо совместного использования поверхностных вод, страны делятся с соседями гидроэлектроэнергией и грунтовыми водами из водоносных горизонтов.

Пророчества о неизбежности конфликтов, исходящие от утверждений некоторых экспертов по национальной безопасности, уверенных в том, что неопределенными остаются только время и место возникновения конфликтов, лично мне кажутся преувеличенными. Но анализировать подобные прогнозы будет не лишним, не в последнюю очередь для того, чтобы изучить способы предотвращения напряженности. История воды как «яблока раздора» учит нас тому, что вода часто была целью военных действий, но редко их единственной или первоочередной причиной¹⁰. В Ветхом Завете описывается поражение войска военачальника Сисары с его «девятьюстами железных колесниц», когда после бури с дождем река Киссон затопила Ездрилонскую долину. В VII веке до нашей эры ассирийцы затопили Вавилон водами из оросительного канала. Более двух тысяч лет спустя голландцы открыли свои дамбы с целью сдержать наступление французского войска

Людовика XIV. Любимый британский фильм военных лет показывает, как в 1943 году Королевские военно-воздушные силы бомбят плотины на реках Мёне, Зорпа и Эдер. Израиль разбомбил строительные участки, где Сирия в середине 1960-х годов начала работы по отведению верховий реки Иордан. Во время первой войны в Персидском заливе в 1991 году и при вторжении коалиционных сил в Ирак в 2003 году были разрушены плотины, опреснительные установки и водопроводящие системы. Атаки на объекты водоснабжения планировали и совершали террористы, например религиозные фанатики в США в 1984–1985 годах; так же поступали поддерживаемые суданцами ополченцы в Дарфуре в 2003–2004 годах. «Аль-Каида» постоянно угрожает отравить питьевую воду в американских и других западных городах. Несмотря на свидетельства роста напряженности, вызванной связанными с водными ресурсами разногласиями между странами (например, между Турцией, Ираком и Сирией по вопросу Евфрата) и утверждениями о значимости водных ресурсов в качестве фактора разногласий (Шестидневная война между Израилем и сопредельными арабскими странами в 1967 году), войны за воду пока не стали привычным типом международных конфликтов. При этом очевидно, что вода была одним из факторов войны или планируемого конфликта. Вполне вероятно, что одной из причин решительной поддержки Южной Африкой переворота против племенного правительства государства Лесото в 1986 году было намерение отвести воды с гор Лесото [анклав на территории ЮАР] в Трансвааль, что помогло бы устранить серьезный дефицит воды в регионе.

Рассмотрим четыре региона, где обусловленная водой напряженность высока (и, вероятно, возрастет из-за изменения климата) и где возможно возникновение конфликтов, — Иорданская долина, Нил, Центральная Азия и Пенджаб.

Три истока реки Иордан сходят с горы Хермон в Ливане и соединяются в единый поток на территории Израиля в трех милях от границы с Ливаном. Река течет к Галилейскому морю (Тивериадское озеро), к югу от озера подпитывается рекой Ярмук из Сирии и продолжает течение на юг, теряя воды вследствие испарения и становясь все более соленой перед впадением в Мертвое море, тоже в последние годы сильно обмелевшее. Река частично обеспечивает водой засушливый регион, население которого, по прогнозам, к 2020 году удвоится по сравнению с 1990-м и, достигнув 21 миллиона человек, будет расти. Таким

образом, рост населения приведет к повышению спроса на воду в регионе, который уже сейчас испытывает дефицит. Доступ к водным ресурсам в любом случае создает напряженность между Израилем и его арабскими соседями. В регионе, в прошлом раздираемом войнами и насилием, где цена политического согласия слишком велика, где притче о блудном сыне и притче о добром самаритянине не удастся придать современное звучание, успехи на пути совместного решения проблемы водоснабжения минимальны. К спорам вокруг воды из самого Иордана добавились разногласия вокруг общих водоносных пластов.

В ветхозаветной книге Исход описывается борьба между израильтянами и другими племенами за владение долиной реки Иордан и прилегающими областями. Бог повелел Моисею вывести свой народ из «дома рабства» в Египте «в землю хананеев, хеттеев, аморреев, евеев и иевусеев». Для многих евреев, в XX веке бежавших из урбанистической по преимуществу Европы и от зверств Холокоста, новое сионистское государство Израиль было не просто желанным убежищем, где они могли бы укрыться от погромов и дискриминации. Это была их историческая родина, с землей которой они хотели бы себя отождествлять. Именно поэтому многие «новые израильтяне», ранее поставлявшие из своей среды лучших представителей коммерческой и творческой жизни европейских городов, сегодня выражают желание работать на земле в сельскохозяйственных поселениях на засушливой почве. Для занятий земледелием в таких поселениях необходима вода, а увеличение числа поселений признано стратегически значимым. Землевладельцы и генералы нашли общую идею. Несмотря на то что Иордан совсем не крупная река и по сравнению с другими не несет большие объемы воды — около 1 процента от стока Конго или 2 процентов от стока Нила, — она имеет жизненно важное значение для ирригации в засушливых Израиле и Иордании, а забор воды из нее вызывает ожесточенные споры с момента образования государства Израиль в 1948 году.

Администрация Эйзенхауэра в 1953–1955 годах предпринимала безуспешные попытки заключить договоренность по совместному использованию водных ресурсов в этом ближневосточном регионе; в 1960 году Лига арабских государств представила план отведения воды от верховья Иордана, чем полностью лишала смысла программу Всеизраильского водопровода, предназначенного для транспортировки воды из Иордана для орошения пусты-

ни Негев и прибрежных районов Израиля. Первое столкновение между войсками Израиля и Сирии произошло в 1965 году возле истока реки Дан, одного из трех истоков Иордана. Интенсивность военных столкновений возрастала в преддверии состоявшейся в 1967 году Шестидневной войны, в определенной мере спровоцированной описываемой проблемой, которую все противоборствующие стороны считали вопросом национальной безопасности. «Вода для Израиля — это вопрос жизни», — заявил премьер Израиля Леви Эшколь. После одержанной в 1967 году ошеломляющей победы Израиль оккупировал большую часть территории вокруг верховья реки Иордан. Тем самым Иордану вернули значительную часть ранее доступной воды, гарантировав более надежное водоснабжение Израиля. «Сегодня, — по словам известного американского эксперта Питера Глика, — примерно 40 процентов грунтовых вод Израиля — и более 33 процентов общего годового экологически безопасного стока водосбора — берут начало на территориях, оккупированных во время Шестидневной войны. С 1967 года практически весь прирост водопользования в Израиле происходит за счет вод Западного берега и верхний реки Иордан»¹¹.

После 1967 года споры между Израилем и его соседями по проблемам воды несколько стихли. Наиболее острые из них — связанные с контролем над Голанскими высотами и землями, прилегающими к Тивериадскому озеру, и способные поставить под угрозу доступ израильтян к притоку Иордана Баниясу — когда-нибудь станут предметом серьезных переговоров между Сирией и Израилем. В настоящее время основа разногласий по проблемам воды смещается на отношения между Израилем и палестинцами. Приверженность Израиля принципу существования жизнеспособного палестинского государства может быть поставлена под сомнение по целому ряду пунктов, один из которых заключается в отсутствии справедливого распределения воды. Так еврейские поселенцы на Западном берегу Иордана получают на душу населения воды существенно больше, чем палестинцы: по некоторым оценкам, цифры разнятся в четыре раза, по другим — в пять–восемь раз. Нынешний уровень спроса на пресную воду в Израиле, в том числе для поселений на Голанских высотах и на оккупированной территории, на 10 процентов превышает объемы водоснабжения, составляющие около 2 миллиардов кубических метров. Для компенсации дефицита из водоносных пластов

выкачиваются слишком большие объемы, и поэтому уровень грунтовых вод на Западном берегу и в Израиле снизился, что привело к истощению некоторых скважин и просачиванию морской воды из Средиземного моря. По словам американского ученого Томаса Хомер-Диксона, «рост населения Израиля в следующие тридцать лет, даже без учета непрекращающейся масштабной иммиграции из России и других стран бывшего Советского Союза, может стать причиной того, что спрос на воду в стране превысит предложение не менее чем на 40 процентов»¹².

Более половины воды Израиль получает из водоносных пластов, причем два из трех основных пластов питаются из источников Западного берега Иордана. Хомер-Диксон в том же исследовании сообщает, что «Израиль ограничивает число скважин, которые арабы могут пробурить на этой территории, объемы воды, которую арабам дозволено выкачивать, и время суток, в которое они могут отбирать воду для орошения. С 1967 года арабам не разрешается бурить новые скважины для сельскохозяйственных нужд, но за тот же период «Мекорот» (израильская компания по водоснабжению) пробурила более тридцати скважин для орошения земель поселенцев». Бурение израильянами более глубоких скважин вблизи принадлежащих арабам привело к пересыханию или засолению скважин палестинцев. С учетом всех прочих ограничений, наложенных на ведение палестинцами сельского хозяйства, — затрудненное перемещение продукции ввиду наличия на дорогах военных блок-постов, выкорчевывание фруктовых и оливковых деревьев, отделение Израильским разделительным барьером [протяженность — около 700 км] земельных участков от мест проживания земледельцев — неудивительно, что многие палестинцы предпочли занятию сельским хозяйством безработицу в городах: таков еще один фактор радикализации среди палестинцев. В течение всех пяти лет работы комиссаром по внешним связям Европейской комиссии я с удручающей регулярностью обсуждал с коллегами трагедию отношений между Израилем и Палестиной. Притом что Комиссия финансировала несколько «водных» проектов в Палестине и что знаменитая «дорожная карта» продвижения к миру на Ближнем Востоке содержит беглое упоминание проблемы воды, мне трудно вспомнить хоть одно последовательное обсуждение этого вопроса. И все же совершенно очевидно, что без справедливого соглашения по проблеме воды, которое на деле станет одним из самых простых в целом

ряду сложнейших проблем, подлежащих разрешению, не будет никакого всестороннего соглашения и никакого палестинского государства. Без соглашения водоносные пласты и политические надежды будут по-прежнему истощаться.

Четыре тысячи лет назад в земле царя Менеса и царя Хеопса, в местах зимовки ласточек из Европы, пели гимн о том, что сделало возможной жизнь в Египте, об источнике египетской цивилизации, о реке, которой поклонялись египтяне. «Слава тебе, Нил! Ты возникаешь из земли и приходишь накормить Египет. Ты орошаешь равнины и можешь накормить весь скот. Ты утоляешь жажду алчущей пустыни, лишенной вод. Ты родишь ячмень. Ты создаешь пшеницу. Ты заполняешь амбары и кладовые, не забывая о бедняках. Тебе звучат струны, тебе наша песнь». Сегодня песнь должна звучать столь же громко, а может, и громче. Нил протекает через засушливую Северную Африку, где население растет, несмотря на негостеприимный ландшафт. Нил снабжает водой практически весь Египет, население которого увеличилось примерно с 13 миллионов в 1922 году, когда страна стала (во всяком случае, официально) независимой, до почти 70 миллионов к концу XX века. К середине нынешнего века, по прогнозам, численность населения возрастет до 115 миллионов. Снабжение водой растущего населения и обеспечение граждан продуктами питания — задача не из легких, и поэтому египетское правительство предлагает обводнить земли в Западной пустыне и поселить на этих «Новых землях» до 7 миллионов человек. Гидрологи сомневаются в реальности проекта (вопреки заверениям правительства) без забора больших объемов воды из Нила.

Именно в этом таится опасность возникновения конфликта. Почти весь сток Нила формируется за пределами Египта, в других странах бассейна реки, занимающего 10 процентов материковой Африки. За границами Египта, на территории бассейна вверх по течению реки, в некоторых из беднейших стран мира проживают около 150 миллионов человек. Население этих стран тоже растет. Согласно прогнозам, население Эфиопии увеличится с 62 миллионов человек в 1998 году до 212 миллионов человек в 2050 году; население Судана за это время может увеличиться с 29 до 60 миллионов человек. Таким образом, население только этих стран увеличится за рассматриваемый период на число, значительно превышающее аналогичный показатель для Египта. Смогут ли жители прибрежных регионов Нила, расположенных вверх по его

течению, удовлетворять свои потребности в пище и воде, не забывая больше воды?

Белый Нил и Голубой Нил — две основные ветви речной системы. Верховья Голубого Нила расположены в Эфиопии и Эритрее. Белый Нил вытекает из озера Виктория (с Руандой и Бурунди к западу от озера, Танзанией на юге и Кенией на востоке) и впадает в озеро Кьога в Уганде, а затем в озеро Альберт в Конго. Белый Нил соединяется с Голубым Нилом к северу от Хартума. Голубой Нил обеспечивает большую часть стока в низовьях Нила, который уже единым потоком впадает в озеро Насер (водохранилище, образованное Асуанским гидроузлом), затем проходит по долине, в которой живут и выращивают пищу большинство египтян, а затем разделяется на множество протоков, формирующих дельту Нила на побережье Средиземного моря. В дельте реки зафиксировано увеличение показателя засоления, так как вследствие падения уровня реки морские воды проникают в протоки.

Расположенные вверх по течению реки страны — Эфиопия, Уганда и Судан — создали собственные гидроэнергетические и ирригационные системы. Египтяне, которым ранее удавалось запугиванием и угрозами отстаивать свое привилегированное положение, обеспокоены строительством новых плотин и забором вод Нила для сельскохозяйственных нужд в возрастающих год от года объемах. Привилегированное положение Египта может сильно пострадать, если глобальное изменение климата приведет к увеличению количества осадков в Эфиопии и Центральной Африке и в то же время — к усилению интенсивности испарения, к примеру, в озере Насер и в низменных, более засушливых районах. Если добавить к этому демографическую ситуацию во всех рассматриваемых странах, то предпосылки конфликта очевидны. В 1995 году, когда суданцы высказали предположение о возможности внесения поправок в Соглашение 1929 года по водам Нила, предусматривающее привилегии для Египта, президент Хосни Мубарак в ответ заявил: «Любой шаг в этом направлении вынудит нас на отпор для защиты наших прав и жизни. Наш ответ будет выходить за все рамки, которые они могут себе представить». Судан незамедлительно отступил. Но будут ли Судан и другие расположенные вверх по течению страны мириться со статус-кво, если они окажутся под таким же давлением дефицита воды, как египтяне?

Расположенные восточнее Тигр и Евфрат (формирующие естественные границы самой ранней цивилизации) служат источником столь же острых противоречий. Эти реки берут начало в горах на юго-востоке Турции, намеренной увеличить объем забора воды в целях развития южной Анатолии и одновременного ослабления поддержки курдских сепаратистов и террористов. Такие намерения вызвали напряженные споры с Сирией, получающей из Евфрата 85 процентов своих возобновляемых водных ресурсов, и с Ираком, для которого эти две реки формируют единственный источник воды. Лидерам арабского мира приходится периодически вмешиваться и охлаждать страсти, а Сирия в прошлом оказывала поддержку РПК (курдской террористической группировке). Как и в случае Нила, население прилегающих стран стремительно растет; численность населения всего региона с 1990 по 2050 год может утроиться¹³. Еще вероятнее возникновение связанного с водой конфликта в регионе Средней Азии, расположенном дальше на восток, за Каспийским морем, поскольку ледники — очень точно названные в ПРООН «банками воды» — вследствие глобального потепления начали таять быстрее.

Постсоветские государства Средней Азии — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан — занимают площадь, превышающую площадь Индии, Пакистана и Бангладеш, вместе взятых, а их население составляет около 60 миллионов человек. В этой части Азии климат засушливый или полусушливый. Недостаток воды всегда оставался ключевым фактором в истории региона, расположенного на стыке континентов. Сельское хозяйство было сильно затруднено; городов было мало; немногочисленными примерами успешного урбанистического развития становились перевалочные пункты торговцев, следовавших по Шелковому пути. Через эти земли, на которых доминировали кочевые племена, пролегли пути на Запад нескольких величайших мировых миграционных потоков. Полчища гуннов и монголов, от вторжения которых в Китай издавна защищала Поднебесную империю Великая стена, повернули на запад и на юг, ведомые своими военачальниками (из них наиболее печальную известность снискал Чингисхан). Уже позже, во времена экспансии русских царей в сторону Индии, эти земли, расположенные вдоль северных границ Афганистана, превратились в часть арены «Большой игры», развернувшейся между Британской и Российской империями. При создании Советского Союза регион

был полностью поглощен Россией, а независимость эти страны получили только после краха сплывавшей их идеологии, коммунизма.

На сухих равнинах и склонах гор влаги в виде осадков выпадает меньше, чем теряется за счет испарения. Большую часть пресной воды в реках Амударья и Сырдарья обеспечивают ледники и постоянные скопления снега в горах Таджикистана и Кыргызстана. Речная вода используется для орошения сельскохозяйственных насаждений в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, а также в качестве источника генерации гидроэнергии в двух странах, расположенных вверх по течению. Ускорившееся отступление ледников угрожает нарушением хрупкого баланса, неуклонно склоняющегося в направлении экологической катастрофы и политического конфликта.

Если не считать разведанных в Казахстане и Туркменистане углеводородов, основным видом экономической деятельности и источником средств к существованию в регионе остается сельское хозяйство, сильно зависящее от влаголюбивых культур, прежде всего от хлопка и риса. Режим потребления воды в регионе далек от рационального, а после распада Советского Союза ситуация только ухудшилась. Централизованное региональное планирование сменилось межнациональным противостоянием и разногласиями. Более того, оросительные системы разрушены, и половина имеющейся воды (по некоторым оценкам до 90 процентов) уходит на пути к посевам, для которых она предназначена. Притом что имевшееся во времена советской бюрократии региональное планирование водных ресурсов и инфраструктуры можно признать утратой, советское наследие в других сферах ужасает; частично это обусловлено особым значением, придававшимся в советские времена хлопководству (фактически больше, чем придавалось при царизме) в целях ослабления зависимости страны от импорта. Осушение Аральского моря стало символом водного кризиса в регионе.

Раньше Амударья и Сырдарья впадали в Аральское море, когда-то четвертый по величине континентальный водоем в мире. Высыхание Аральского моря, начавшееся в 1960-е годы, привело к его распаду на два отдельных озера, в которые впадают две эти реки. Первоначальная площадь поверхности моря сократилась на 75 процентов, а падение его уровня составило от 13 до 18 метров. Прилегающие к водоему земли, на которых проживают 4 миллио-

на человек, превратились в токсичную пустошь. Показатель солености воды с 1960 года возрос в восемь раз, а соль и ядовитая пыль с обнажившихся участков морского дна переносятся ветром по прилегающим районам на большие расстояния, приводя их в состояние, непригодное для сельского хозяйства. Двадцать четыре вида рыб, обитавших в Аральском море, исчезли.

Монокультурное хлопковое хозяйство так или иначе связано с наихудшими характерными особенностями региона, как то: политические репрессии, бедность, социальная обездоленность, отсутствие экономических реформ и экологические бедствия. Регион производит 6,5 процентов мирового объема хлопка, а его доля в мировом экспорте хлопка превышает 15 процентов. Наиболее удручающая ситуация сложилась в Узбекистане, поставившем перед собой задачу либерализации системы, доставшейся от советской эпохи, но вместо этого попросту заменившем предыдущее руководство на членов или приспешников правящей элиты (включая некоторых предполагаемых членов ташкентских преступных кланов) и продолжателей дела советского КГБ. Президент Ислам Каримов (переизбранный советский руководитель, как и большинство региональных лидеров) — несговорчивый тип, с которым мне довелось провести в Ташкенте, в его дворце, два не самых приятных часа за обсуждением прав человека, не интересовавших его тогда и еще менее интересующих сегодня. Никого не удивило, когда он в 2005 году позволил своим вооруженным силам подавить народное восстание в городе Андижане на востоке Узбекистана. Восстание стало кульминацией многомесячных протестов против разорительной для страны экономической политики. Было убито почти 750 гражданских лиц, в основном безоружных, в том числе детей. Узбекистан, как и Туркменистан и Таджикистан, закабалит своих крестьян, эксплуатирует женщин в сельских районах и использует во время сбора урожая принудительный труд учащихся и представителей других групп граждан. Существуют многочисленные доказательства использования детского труда. Здоровье нации ухудшается из-за воздействия применяемых в хлопководстве химикатов: сбои на генетическом уровне стали причиной масштабного роста заболеваемости раком. Высокий показатель взвешенной пыли привел к аномальным уровням респираторных заболеваний и астмы, а содержание пестицидов в продуктах питания превышает безопасный уровень в три раза.

Для защиты окружающей среды, здоровья и безопасности граждан необходимо изменение методов выращивания, обработки и продажи хлопка. Но с учетом главенствующей в этих странах политической системы такие изменения маловероятны. Сочетание репрессий и бедности толкает умеренных исламистов в ряды экстремистов. Безработица, нужда и жестокость правительств создают опасность «талибанизации» следующего поколения, уже сегодня страдающего от наплыва наркотиков через афганскую границу. Президент Каримов и его коллеги усугубляют проблемы и разрушают свою экономику и государство.

Для них основной вопрос национальной безопасности заключается в доступе к воде, но не в ее рациональном использовании. Напряженность в отношениях с соседними странами постоянно растет. Наиболее ожесточенные споры между Туркменистаном и Узбекистаном велись по проблеме Амударьи. Распространяются неподтвержденные слухи о тайной войне за реку, ведущейся между этими странами, с захватом узбекскими войсками регулирующих водный поток установок, расположенных на туркменском берегу реки. Кроме того, в 2001 году появились сообщения о кровавой расправе с узбекскими военными на территории Туркменистана. Отношения между странами вряд ли улучшатся после строительства в Туркменистане большого искусственного озера — «Золотого озера», что приведет к снижению уровня Амударьи в Узбекистане. Есть надежда, что сдержать стороны поможет достаточно высокая цена, которую придется заплатить в случае перерастания напряженности в открытый конфликт. Интересам мира в регионе и развитию сельского хозяйства могло бы соответствовать создание некоей формы эффективного регионального управления водными ресурсами, способствующей защите окружающей среды от нанесения дальнейшего — непоправимого — ущерба¹⁴.

В персидском языке «Пенджаб» означает — «земля рек»; основная река региона — это Инд, главная артерия древней цивилизации, подобно Нилу, Тигру и Евфрату. В имперский период управление бассейном реки Инд осуществляло британское колониальное правительство, построившее сеть каналов для орошения сельскохозяйственных земель, площадь которых до разделения Индии превышала площадь культивируемых в то время земель Соединенных Штатов. Сегодня бассейн реки превращен в широкую границу между Индией и Пакистаном, причем основ-

ные прибрежные территории вверх по течению принадлежат Индии. Во время упомянутого ранее визита в Пакистан в конце 1980-х годов я пролетал над долиной Инда по направлению к месту реализации проекта, финансируемого министерством по вопросам развития заморских территорий, цель которого состояла в восстановлении части речной плотины в Суккуре, возведенной в 1920-х годах для борьбы с засухой и голодом, вызванным отсутствием дождей. К местному политическому начальнику, устроившему в честь меня обед под цветастым навесом, его свита относилась как к полубогу и уделяла ему внимания гораздо больше, чем прибывшему с официальным визитом министру, интересному только своей чековой книжкой. Суккур находится на западном берегу реки Инд, а построенная там плотина, изначально называвшаяся «Ллойд», контролировала одну из крупнейших ирригационных систем в мире. Сооружение соединялось с семью каналами — некоторые длиннее Суэцкого канала — и предназначалось для орошения 10 миллионов акров земли [больше 40 тыс. кв. км]. Сегодня плотине и всей ирригационной системе приходится справляться с возрастающим дефицитом воды и падением объемов сельскохозяйственного производства. Инд, подобно прочим речным системам, зависит от стока ледниковых вод и в будущем столкнется с проблемами, характерными для рек Центральной и Восточной Азии. В определенные сезоны в течение года могут происходить внезапные паводки, но в целом следует ожидать существенного снижения объемов воды, доступной для использования в целях орошения, и это в условиях быстрорастущего населения Индии и Пакистана.

Во время раздела территории на две части покидавшие Индию британцы поделили каналы и ирригационные системы бассейна реки Инд между Пакистаном и Индией, и до сих пор, к чести обеих стран, конфликтов на почве водоснабжения удавалось избежать. В 1950-е годы, после нескольких лет довольно жестких переговоров, эти две страны подписали действующее по сей день соглашение о совместном использовании водных ресурсов. В основе враждебных отношений между Индией и Пакистаном оставалась область Кашмир. Несмотря на то что подписанный в 1960 году Договор о водах Инда многие считают образцовым для мирного разрешения связанных с водой споров, этот договор не позволяет полноценно сотрудничать по вопросам развития бассейна реки Инда. Ему предстоит пройти проверку на

эффективность в условиях засоления, обезлесения, заиления и эрозии почвы, роста численности населения, снижения продуктивности сельского хозяйства и сокращения запасов воды.

Не подлежит сомнению, что в некоторых засушливых или полузасушливых районах попытки наладить совместное использование воды могут обернуться конфликтами, но при урегулировании взаимных притязаний на этот жизненно важный ресурс следует также разрабатывать новые модели и инструменты международного сотрудничества, подобно Соглашению 2010 года по подземному водоносному горизонту Гуарани, залегающему под территориями Парагвая, Уругвая, Бразилии и Аргентины. Высказываются мнения, что для реализации таких подходов необходимо формирование под эгидой ООН нового органа, по примеру Международного агентства по атомной энергии или Программы развития ООН. Такой орган поможет государствам определить пути справедливого распределения водных ресурсов рек и водоносных пластов, будет стимулировать проведение научных исследований в сфере опреснения и более эффективного использования воды в сельском хозяйстве (так называемые системы капельного полива), поможет странам с высоким дефицитом воды как создавать системы раннего прогнозирования нарушений водного режима, так и распространять передовой опыт в сфере управления водными ресурсами¹⁵. Лично я не сторонник институционализации решений всех проблем. Но в данном случае, учитывая огромное значение воды и наличие возможности решения связанных с ней проблем, создание на международном уровне эффективного органа представляется разумным. Такой орган поможет государствам усовершенствовать управление водными ресурсами и организовать систему предупредительной дипломатии по проблемам водных ресурсов.

К необходимым инициативам следует отнести новые институты на национальном уровне, стимулирующие эффективное управление водными ресурсами с учетом расширяющейся поддержки от других стран, и на региональном уровне, вырабатывающие программу справедливого и эффективного использования общих водных артерий. ООН следует заняться поиском согласия на основе принципов, необходимых для развития такого сотрудничества. Нужно исключить две модели суверенитета в отношении трансграничного управления водными ресурсами. Во-первых, это доктрина Хармона, регулирующая с конца XIX века споры по

совместному использованию рек между Соединенными Штатами и Мексикой. Доктрина содержит утверждение, что государства должны иметь право использовать воду, находящуюся в пределах их юрисдикций без учета последствий, возникающих за пределами национальных границ. Этому абсолютистскому принципу противостоит не менее категоричный подход, в соответствии с которым жители низовий рек вправе без ограничений использовать воду из потоков, берущих начало в других странах, что серьезно осложняет ситуацию в случае, если отбор воды в нижнем течении отрицательно сказывается на состоянии стока в верхней его части. Во избежание роста международной напряженности и прямых столкновений необходимо придерживаться разумных принципов использования водных ресурсов, подразумевающих, во-первых, справедливое и разумное использование трансграничной воды; во-вторых, предотвращение ущерба интересам «соседей по водоему»; и, в-третьих, обязательное и заблаговременное уведомление соседей о работах и проектах, способных повлиять на их водные запасы и режим водопользования.

Глобальное потепление и климатические изменения существенно обостряют указанные проблемы. Благоразумная экологическая политика во всемирном масштабе, о которой пойдет речь в одной из последующих глав, — это лучший способ избежать конфликтов — и не только по вопросам воды.

Глава 9

Всякое бывает

...и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины: как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? говоря: «не прелюбодействуй», прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога? Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников.

Послание к римлянам 2: 19–24

Свобода неопытна, и свободные люди вольны ошибаться, совершать преступления и делать дурные вещи... всякое бывает.

Дональд Рамсфелд, 2003 г.

Вести борьбу на двух фронтах — против первородного греха и рыночных отношений — задача не из легких. Но рассмотренные нами многочисленные примеры, от Колумбии до Конго, свидетельствуют о том, что грех и рынок прекрасно уживаются. В условиях свободы, по словам г-на Рамсфелда, всякое бывает.

Макиавелли утверждал, что никто и никогда не упустит представившуюся возможность подвергнуть эксплуатации другого. Такое высказывание вряд ли может обрадовать, хотя наш личный опыт подталкивает к признанию, пусть и к неохотному, что это суждение слишком часто оказывается верным. Во время своей первой поездки в Гонконг в 1979 году я побывал в лагерях, организованных для бежавших из Вьетнама «людей в лодках», и услышал множество ужасающих историй. Поток беженцев из Вьетнама не прекращался с середины 1970-х годов, уже после окончания войны. Поначалу беженцам помогали тайландские и китайские рыбаки. Затем рыбаки смекнули, что беженцы перевозят с собой все оставшиеся у них ценности — ювелирные изделия, деньги, радиоприемники и даже сельскохозяйственный инвентарь. На момент моего визита считалось, что пиратством занимаются около 300 тайских рыболовецких судов, или 5 про-

центов тайского рыболовного флота. К 1981 году каждую лодку, направлявшуюся из Вьетнама в Гонконг, перехватывали и грабили в среднем по 3,3 раза. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) в 1981 году обвинило правительство Таиланда, заинтересованное в прекращении потока беженцев, в молчаливом попустительстве пиратству. А рыбаки тем временем становились профессионалами. Они использовали плавучие базы и группировки небольших, быстроходных и хорошо вооруженных катеров с высокотехнологичным коммуникационным оборудованием; они умело загоняли вьетнамцев в ловушки, убивали мужчин, похищали женщин и свозили их на небольшой остров у побережья, где подвергали самым отвратительным видам сексуального насилия. К середине 1980-х годов от 20 до 40 процентов проституток Бангкока были пленными вьетнамками. Подобные зверства происходили, хотя и в меньших масштабах, и в 1990-е годы, когда я был губернатором Гонконга и пытался под эгидой УВКБ ООН решить проблему безопасного возвращения «людей в лодках» в свои дома.

В остальном на рынках Гонконга господствовали идеи Адама Смита. Рассуждая о нелегальной торговле, в опубликованном в 1776 году труде «Исследование о природе и причинах богатства народов», Адам Смит писал: «Немногие люди проявляют щепетильность в отношении контрабанды, когда, не нарушая присяги, могут найти удобный и безопасный случай к этому. Если кто-нибудь сочтет недопустимым покупать контрабандные товары, то... в большинстве стран это было бы сочтено одним из педантических проявлений лицемерия». [Русский текст по изданию 1962 г. «Соцэкгиз», без указания переводчика.] Если заменить «контрабанду» на «контрафакцию», то получится описание значительной части розничных покупателей, совершающих в Гонконге удачные покупки. Пока колониальное правительство пыталось и в конце концов добилось закрытия торговых пассажей в районе Коулун, где процветала торговля контрафактными (и нередко контрабандными) электронными устройствами, видеокассетами и программным обеспечением, — на рынке Стенли и в других местах спокойно и беспрепятственно продолжали торговать поддельной одеждой дизайнерских марок. Игрок в поло от Ральфа Лорана скакал на майках многочисленных туристов, никого не заботило — «реальный ли это парень на подлинном товаре»? А если незадачливый турист не знал, где найти такого же парня со скидкой,

нужно было только спросить. Мой любимый (и правдивый) анекдот о контрафактных изделиях относится к европейскому министру, командированному в Сеул, выразить недовольство кражами интеллектуальной собственности в Южной Корее: сразу после встречи с корейскими официальными лицами чиновник направился на городской рынок — искать поддельные «Ролекс».

Рынок есть для всего — для замороженного горошка, плазменных телевизоров, сомнительных закладных, фьючерсов на свинину, кокаин, для человеческих почек, разрушающих озоновый слой химикатов, секса всех вообразимых (а для большинства из нас и невообразимых) видов. Везде, где есть спрос, рано или поздно появляется предложение, и на протяжении всей истории попытки поколебать этот принцип путем ограничения предложения оканчивались полным провалом. Одним из немногих примеров обратного стала отмена работорговли. Обычно рынки не закрывают «со стороны предложения». «От “сухого закона” до проституции, от азартных игр до клубных наркотиков — принцип остается неизменным. Регулирующее воздействие предложения во многом похоже на то, как цены поддерживают сельское хозяйство, стимулируя производство и увеличивая прибыль»¹. В следующей главе мы обсудим некоторые последствия полученных нами экспериментальных данных с точки зрения искоренения глобальной торговли наркотиками, объем которой, по расчетам ООН, в 2005 году составил 13 миллиардов долларов на уровне производства, 94 миллиарда долларов на уровне оптовой и 322 миллиарда долларов на уровне розничной торговли. Нарушать закон выгодно, и именно поэтому в преступлениях задействовано так много людей, банд, корпораций, банков, правительственных учреждений и государств.

Международная преступность стала одним из ухабов на неидеальной и без того дороге глобализации. Преступность развивается в беспокойном и суровом пространстве между развитыми или развивающимися странами и странами, пребывающими в состоянии застоя или деградации. Преступность оборачивается гражданскими войнами, гражданскими кризисами и падением авторитета и эффективности национальных государств. Борьба между законом и преступлением в любом случае переходит в борьбу между регулированием и рынком, причем преступники всегда быстрее и изворотливее регуляторов в использовании постоянно усложняющихся рыночных инструментов. Жертвами

становятся не только отдельные граждане, но и целые слои общества и даже правительства, призванные держать преступность в узде, а на деле терпящие унижительные поражения и пронизанные повсеместной коррупцией.

Я склонен (не без доли скепсиса) считать, что сегодня во всем — от теории международных отношений до социологии образа жизни — просматривается некая особенность, которую уместно называть постмодерном. Вопрос о возрасте утратил былую значимость (вспомним о бурном развитии бизнеса по организации для лиц старше пятидесяти, к которым я отношусь, свиданий вслепую, блиц-свиданий и даже обычных старомодных свиданий). Подобные новшества в жизни общества не должны вызывать грусть или отчаяние, так как перед нами — общество эпохи постмодерна. Позвольте мне сделать предположение и о существовании преступлений и преступности особого рода, идущей на смену привычной организованной преступности в виде мафии, китайских триад, японских якудза и других преступных корпораций, о которых речь ниже. Преступники в составе организованных банд были представителями стиля модерн, то есть как и современные корпорации, они добивались управленческой эффективности и максимально возможной прибыли за счет централизованной, интегрированной иерархии. «МакКинси» и «Бэйн» узнали бы свои управленческие структуры. Преступные организации чем-то напоминали и современное государство; они выдвигали и защищали конкретные территориальные притязания, нередко завоеванные своеобразной военной силой. В свое время представители ФБР рассказывали мне в Вашингтоне о расширении албанскими бандами контроля над преступностью в нескольких американских городах. Мне говорили, что в одном из городов они получили контроль над проституцией после того, как перестреляли всех сутенеров и подчинили себе всех девушек, прокатившись пару раз машиной по ногам одной из них, *pour encourager les autres* [здесь: чтобы другим неповадно было (*фр.*)]. При этом иногда контроль над территорией основан не только на страхе, но и на своеобразной договоренности с местным населением. Банда вытесняет органы власти со всеми налоговыми инспекторами, полицейскими, городской администрацией и судами. ИРА (преступная и в то же время террористическая организация) контролировала указанным образом некоторые районы Северной Ирландии — поселок Грегган в Ньюри, Кроссмаглен, Богсайд в

графстве Лондондерри. Примерно так же Коза Ностра управляла частью Сицилии. Из-за этого планирование землепользования на острове во многом обязано воззрениям мафии на соотношение между окружающей средой и деньгами.

В противоположность сказанному, многие преступные предприятия, возникшие после окончания холодной войны, можно назвать постмодернистскими. Они представляют собой ориентированные на сделки коалиции, образующиеся и расформирующиеся в соответствии с требованиями рынка, от контрабандных табачных изделий до пиратских компакт-дисков. Они не базируются на той или иной земле, что существенно снижает угрозу междоусобных криминальных войн. Сегодня «разборки» более вероятны между силами национальной безопасности и полиции, чем между преступниками такого типа. Отсутствие «договорных» отношений с местным населением означает, что контакт между преступником и гражданским лицом довольно случаен, но при этом может отличаться большой жестокостью.

«Постмодернистский сетевой преступник» стал тенью постмодернистского человека, еще одним персонажем, плавающим в «сетевом обществе». Его жизнь, как и жизнь каждого человека (и даже, страшно подумать, моя!) — это просто встроенная в Сеть и подчиняющаяся законам рынка ячейка. Подобно алмазным брокерам, торговцам оружием и контрабандистам, вплетенным в паутину деловых партнеров Виктора Бута, такие преступники заполняют торговые ниши. Они занимаются беспощинными сигаретами, перекупкой краденного в объемах грузовых лайнеров, продают поддельную «Виагру», и за счет всего этого оплачивают свои хобби — зимние виды спорта в Уистлере, серфинг на пляже Бонди или просмотр «Клана Сопрано» (для того чтобы увидеть, как делались дела раньше). Наш законопослушный сетевой гражданин гоняется за товаром, недостающим на рынке; его криминальный собрат ищет лазейки в законах. Предприниматель от преступности получает выгоду не от развития мировой экономики, обеспечивающей хлебом и маслом просвещенную элиту мирового сообщества, а от ее разрушения. Именно этим обусловлена связь преступности с зонами военных действий, недееспособными государствами, странами-изгоями и переходными странами, а также трагедия многих гражданских войн, которые, раз начавшись, разгораются все сильнее. Предпринимательство от преступности питает пламя конфликтов. Больше конфликтов —

больше наркотиков; больше рабов, проституток и наемников; больше незаконно добытых полезных ископаемых.

Конец холодной войны и распад Советского Союза повысили нестабильность и вызвали рост преступности в мире. В частности, преступность разрасталась по мере активного развития торговли в условиях облегчения, ускорения и удешевления международных коммуникаций, упрощения порядка выезда, развития национальных экономик, ослабления пограничного контроля и повсеместного использования информационных технологий, от сотовых телефонов и сети Интернет до шифрования. Сегодня проще вести международный бизнес, но проще и заниматься международной преступной деятельностью. Стремительное увеличение числа авиапассажиров и международных рейсов повышает мобильность преступников, перевозящих незаконные товары. Наша глобальная деревня — это и их глобальная деревня. Они используют Интернет для сбора оперативной информации; они общаются (как это делали террористы, причастные к терактам 11 сентября) при помощи компьютерных терминалов в местных бизнес-центрах или интернет-кафе, сохраняя свою анонимность; они используют информационные технологии для изготовления и распространения высококачественных поддельных документов. Существуют даже сайты, торгующие, под видом «сувениров», подделками водительских удостоверений и «грин-карт», с прилагающимися инструкциями о том, как добиться их максимального сходства с официальными документами. В Гонконге «триады» нанимают выпускников местных техникумов на работу контрафакторами².

Государствам непросто контролировать незаконное перемещение товаров и людей через границы, даже если они обладают полным арсеналом для дотошного контроля, как, например, США, имеющие около 100 000 миль береговой линии и почти 6000 миль границ с соседями. Каждый день более миллиона человек и более 400 миллионов тонн грузов прибывают в 301 пункт въезда, оборудованные 3700 терминалами³. Они прибывают по автодорогам, коммерческими и частными авиарейсами и на кораблях. Невозможно осмотреть почти 10 миллионов контейнеров, прибывающих в американские порты; считается, что для тщательного осмотра содержимого 40-футового контейнера необходима работа пяти инспекторов в течение трех часов. Но существующие ограничения сами по себе создают возможности для извлечения

прибыли. Характер государственных и межгосударственных нормативных режимов, а также усилия военных, полиции и таможи по пресечению перемещения нелегальных товаров создают многочисленные возможности для извлечения выгоды. Большинство преступников не занимаются производством; они занимаются спекуляцией и специализированной деятельностью. Их прибыль образуется в результате контроля над ценами, наличия, доступности и качества конкретного товара. Чем больше барьеров и чем выше альтернативные издержки, тем сильнее могут укрепиться позиции преступников. Таким образом, преступные сети используют методы глобальной рыночной экономики как предприниматели, но сами при этом действуют согласно принципам меркантилистов, а совсем не «рыночников»: чем больше границ, чем больше контроля, чем больше правоохранительных органов, чем больше пересечений границ, тем выше стоимость продаваемых товаров и тем больше распределяемая прибыль. Может показаться, что снижение барьеров и переход к более свободной, честной торговле еще сильнее облегчит перемещение нелегальных товаров. Но это вовсе не обязательное следствие. Вреднее всего система строгого контроля, на деле оказывающаяся «пористой» и не работающей. В этом случае теряется экономическая эффективность и генерируются более высокие затраты при совершении операций на законных основаниях, одновременно повышается прибыль тех, кто торгует незаконно. Повышение открытости и эффективности движения товаров и услуг может способствовать изгнанию из бизнеса многих нечистоплотных коммерсантов. Преступники, не будучи особо изобретательны, кровно заинтересованы в сохранении выгодного статус-кво, то есть наличия жесткого на бумаге, но слабо реализуемого контроля. Таково, в общих чертах, сегодняшнее положение, обусловленное в определенной степени тем, что даже в странах с достаточно хорошо налаженным государственным управлением трудно добиться эффективного контроля административными мерами.

Предприимчивые преступники с сетевым взаимодействием известны не так хорошо, как организованные группировки, история создания которых нередко связана с темными страницами страны происхождения. Будучи древнее Ротшильдов или Лазаров, они в течение многих столетий занимались зарабатыванием денег нетрадиционными способами. История японской якудза восходит к XVI веку. Весьма националистически настроенная организация

перед Второй мировой войной помогала императору уничтожать политических оппонентов; репутация патриотов на протяжении многих лет защищала их от преследования со стороны полиции. Обильно татуированные якудза, или борёкудан («самые жестокие»), оплели бизнес при помощи чуть ли не тысячи банд, объединенных в сеть под руководством наиболее влиятельных группировок. Они занимаются вымогательством под предлогом защиты бизнеса от посягательств, залезают в доходы от государственных строительных проектов и выкачивают средства из японских корпораций, работающих в стране и за рубежом. Они инвестировали значительные средства в недвижимость и манипулируют фондовым рынком. С 1960-х годов якудза вкладывают часть своих денег в туристический бизнес в Азии и западной части США.

Китайские триады возникли в XVI веке и особенно сильны на юге страны. Первоначально это было движение сопротивления против маньчжурских захватчиков из династии Цин, а сегодня в их рядах не менее 160 000 членов по всему миру, разделенных на несколько групп — «14К», «Сунъион» и «Вошинво». Мы достаточно успешно сражались с ними в Гонконге; в Тайване, где базируется банда под названием «Объединенный Бамбук», и в Макао, с его прибыльными казино, проблем было больше. Триады ведут свою деятельность из разбросанных по всему миру китайских кварталов, а самые большие деньги делают на транспортировке героина из Золотого треугольника (из части Бирмы, Лаоса и Таиланда), исторически контролируемого армиями наркобаронов, которые первоначально состояли в войсках Чан Кайши, а во время холодной войны пользовались тайным покровительством ЦРУ⁴.

В представлении большинства людей организованная преступность — это мафия, в чем, несомненно, есть и заслуга Голливуда. Мафия возникла в глубине сицилийской истории и стала стремительно развиваться в XIX веке. Члены мафии не раз пытались продемонстрировать свою яркую приверженность националистическим идеалам, уже в сегодняшней Сицилии разорвав связи с албанской группировкой, когда ее объявили террористической, а в Америке, во время войны, охраняя береговую линию США от диверсионных атак немцев. Мафия глубоко проникла в итальянскую политику, бизнес, банковское дело и само государство, включая ватиканский «Банко Амброзиано». Джулио Андреотти, семь раз занимавший пост премьер-министра Италии, из-за обвинений в связях с мафией дважды лишился депутатской неприкос-

новенности. Мафия проводила успешные международные операции, сговорившись, например, с картелем Медельин в Колумбии о продаже героина в обмен на кокаин. После распада Советского Союза мафия сыграла свою роль в бурном расцвете преступной деятельности в России. Роспуск Христианско-демократической партии и распад значительной части традиционной партийной структуры в начале 1990-х годов помогли восстановить способность итальянского государства противостоять мафии. В ответ на усилия правительства мафия применяла насилие и зверски расправлялась со своими видными противниками. При этом в Италии усиливалась общественная поддержка кампании по борьбе с вездесущей преступностью, в ходе которой был достигнут ряд успехов, включая арест и тюремное заключение Тото Риина, жестокого *capo di tutti capi* [«босса боссов» (*um.*)]. Совсем недавно были схвачены другие боссы мафии, в частности Бернардо Провенцано и Сальваторе Ло Пикколо.

На обломках коммунизма в конце 1980-х и начале 1990-х годов расцвела свирепая преступность. Преступные организации России не вновь. «Воровской мир» пережил царскую и советскую власть, несмотря на сталинские репрессии (какая злая ирония по сравнению с первыми днями революции, когда уголовников привлекали в ряды сотрудников спецслужб). Однако не «традиционные бандиты» сыграли главную роль в разграблении России — заслуга в черном деле принадлежит в первую очередь бывшим членам советской номенклатуры, пиратствующим олигархам и ненавистным «этническим бандам», в том числе чеченским. «Откуда взялась организованная преступность?» — задается вопросом Павел Вощанов, первый пресс-секретарь Бориса Ельцина. Это очень просто, заключает он, преступность выросла на появлении общих интересов у политиков, бизнесменов и бандитов, в все остальные в заложниках у этого союза нечестивых, все остальные — это «мы с вами». Либерализация экономики в период с 1987 по 1993 год, вкупе с приватизацией, привела к возникновению дикого капитализма со вседозволенностью в обществе без верховенства права и функционирующих институтов регулирования. Более того, распад Советского Союза на составлявшие его республики сделал их легкой добычей для контрабандистов и других преступников. Стратегические металлы вывозили из Центральной России грузовиками и военными самолетами без опознавательных знаков в балтийские порты. Как только укра-

денные с российского завода товары пересекали границу новой республики, они становились «легальными». В течение определенного времени Эстония экспортировала готовой металлопродукции на сумму полмиллиона долларов в день, хотя в стране не было металлообрабатывающих заводов. Советские золотовалютные резервы оказались разворованы, а тайные зарубежные счета Коммунистической партии исчезли⁵. Для скупки России по дешевке потребовалась лишь небольшая часть украденных денег. Эти операции провернули коррумпированные группировки, объединившие официальных должностных лиц старого режима и главарей зарождающегося капитализма. Для реализации некоторых из этих невероятно выгодных сделок участники не гнушались насилием и убийствами. Полученная в те годы выручка используется сегодня для покупки футбольных клубов и яхт, не уступающих по размерам авианосцам, недвижимости в лондонском Найтсбридже или на побережье Черногории, содержания эскадронов охранников и проституток. Как заметил британский журналист Саймон Дженкинс, нынешнее отношение россиян к Лондону напоминает отношение американцев к докастровской Гаване, хотя в случае Великобритании площадка для расточительства в значительной мере остается под властью закона. Важная роль во многих преступных схемах отводится банкам. В 1994 году во время дачи свидетельских показаний в конгрессе США заявлялось, что под контролем организованной преступности находится до 40 процентов российских банков. Российский капитал — часто вывозимый нелегально, как это произошло в печально известном случае через «Бэнк оф Нью-Йорк» в 1999 году, — лег в основу блистательных афер, подобных тем, которые проворачивал из своей безопасной гавани Марк Рич, по никому не известной причине позорно помилованный президентом Клинтонем в последние дни его правления. Клэр Стерлинг в мельчайших деталях описала самую крупную аферу 1990–1992 годов при участии сицилийской мафии и других преступных группировок и соучастии представителей российского правительства и, вероятно, западных спецслужб⁶. План предусматривал девальвацию рубля путем скупки в России миллиардов рублей на «грязные» доллары и продажи этих рублей на мировых рынках по бросовым ценам. С девальвированным рублем было легче скупать российские активы, товары и пакеты приватизационных чеков у частных лиц. Начальный этап «либерализации» экономики России и грабеж

мало чем отличаются друг от друга. Может, только рост цен на нефть спас Россию от пребывания в состоянии бандитской экономики... а может быть, и не спас.

Расползание Югославии по этническим швам на Балканах положило начало печально известному процессу переплетения организованной преступности и националистической политики в охваченных неурядицами государствах. В Косово организованная преступность и политическая коррупция идут рука об руку, а обширная албанская диаспора изыскивает оружие и перепродает его местным преступникам, тесно связанным с Армией освобождения Косово (АОК). АОК прибрала к рукам множество сфер деятельности, от проституции, похищения людей и вымогательства до топливных монополий. Организованная преступность в Косово зарабатывает и на оказании внутри страны услуг «международному сообществу», в том числе обеспечивая борделями и наркотиками международные полицейские силы. Аналогичная взаимосвязь между организованной преступностью и националистической политикой отмечалась в Боснии и Герцеговине. В основе этих отношений — нелегальное перемещение оружия, наркотиков и людей. Лорд Эшдаун, в должности Верховного представителя по Боснии и Герцеговине, усиленно работал над созданием функционирующей правоохранительной системы, способной противостоять преступности, которая сдерживает экономический и политический прогресс страны. Однажды он отметил, что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять всю важность связи между надлежащей работой следственных органов, функционирующей судебной системой и безопасными тюрьмами. При построении постконфликтных государств международному сообществу в последние годы плохо удастся наладить инфраструктуру верховенства права. А ведь эта задача требует гораздо более срочного решения, чем развертывание воинских контингентов, таких как миротворцы НАТО. В какое-то время, после обретения независимости от Сербии, работу по охране правопорядка в Косово пытались выполнять представители вооруженных сил двадцати семи разных стран; к сожалению, они не смогли договориться даже по основополагающим вопросам, таким как определение термина «убийство». Когда немцы передавали полицейским силам ООН контроль над косовскими тюрьмами, они забрали с собой все, оставив только заключенных и голые стены. Даже колючая проволока вернулась в Германию. В течение пяти лет

моей работы в должности европейского комиссара, ответственного среди прочего за попытки — упрашиванием, поощрением, побуждением и угрозами — наставить страны бывшей Югославии на путь к членству в Европейском союзе, очевидным и главным препятствием оставалась организованная преступность, от контрабанды сигарет в Черногории до торговли людьми в Сербии. Мы в Брюсселе слишком часто делали вид, что верим обещаниям балканских правительств о правоохранительной системе, о борьбе с коррупцией и организованной преступностью, хотя и мы, и они знали, что обещания для того и дают, чтобы их нарушать. Преступность — одно из основных препятствий для расширения Европейского союза в Юго-Восточной Европе. Болгария, несмотря на удручающее положение дел в сфере преступности и коррупции, где ключевую роль играли напичканные стероидами бывшие чемпионы по борьбе, в 2004 году добилась членства в ЕС, пообещав провести преобразования. Болгары по крайней мере не отличались такой же печально известной жесткостью, как, скажем, сербы⁷.

Отношения традиционных организованных преступных группировок и более современных сетевых преступников с некоторыми государствами имеют труднообъяснимое сходство — при всех используемых сегодня новейших технологиях — с отношениями гораздо более раннего периода. Баронам-разбойникам, в XIII и XIV веках бесчинствовавшим в том регионе Франции, на границе Лангедока, где у меня есть дом, легче было бы понять происходящее. Происходящее сегодня — это средневековье с телефонами «БлэкБэрри». Те государства, которые соучаствуют в преступлениях (например, Суринам), в действительности представляют собой оболочки суверенности, неспособные вовсе осуществлять суверенное управление — в целом или в отдельных частях своей предполагаемой юрисдикции — и чаще всего готовые «торговать» определенными аспектами суверенитета на рынке. Конечно же, как уже отмечалось в главе 2, государство само возникает в результате своего рода преступной операции. Государства начинались с покровительства землям, целью которого было выживание и переход таких территорий под наследственную власть действующих правителей. Основными видами деятельности были организованные грабежи и насилие. Дорога оттуда к возникновению политических сообществ была отнюдь не прямой; да и не все дороги ведут в один пункт назначения. Когда в начале XIX века

молодая американская республика решила положить конец берберийскому пиратству, она атаковала не пиратов; американцы атаковали порт и дворец триполийского паши, обладавшего властными полномочиями над пиратами. Пашу старого Триполи от современной суверенной оболочки отличает способ использования суверенитета. Суверенная оболочка не осуществляет власть над кем-либо или чем-либо; единственная задача заключается в недопущении осуществления властных полномочий кем-либо другим. Так небольшое государство Суринам на северном побережье Южной Америки превращается в безопасный перевалочный пункт для торговцев наркотиками, экспортирующих оттуда кокаин, к примеру, в Нидерланды. Аналогичную роль в торговле наркотиками в Европе выполняет Таджикистан. Контролируемый талибами Афганистан осуществлял фундаменталистскую религиозную власть над людьми, и в стране удалось даже ограничить выращивание мака. Но основным проявлением суверенитета талибов была защита «Аль-Каиды» и недопущение международных ограничений деятельности этой организации. Афганистан стал не столько государством, поддерживающим терроризм, сколько террористической кликой, завладевшей государством. Сомали, самое недееспособное из всех недееспособных государств — раздираемое полевыми командирами и джихадистскими группировками, — предоставляет убежище для пиратов, угрожающих торговому судоходству в прибрежных водах Африканского Рога и даже в открытом море и вынудивших военно-морские суда нескольких стран патрулировать эту опасную зону.

В 2004 году ЦРУ в ежегодном докладе конгрессу США определило пятьдесят регионов или стран планеты, где центральное правительство прилагает лишь символические усилия по осуществлению контроля и где создалась обстановка, благоприятствующая деятельности транснациональных контрабандистов и террористов. В этих местах суверенитет был полностью или частично ликвидирован. Примеров этого много: джунгли и плантации коки в Колумбии, где процветает бизнес террористической организации ФАРК; дельта реки Нигер с ее буровыми вышками; уже упомянутые районы добычи колтана в Конго. В каждом из этих регионов любая попытка вмешаться и навести порядок быстро приводит к возникновению или усилению тех или иных поводов для политического недовольства. Происходящие как следствие разбой, перестрелки, грабежи и поджоги обычно

обосновываются западными экспертами, желающими произвести впечатление и получить ученую степень по социологии, с помощью существенно усовершенствованных принципов Джона Ролза о справедливом распределении благ или даже позаимствованной, видимо, у Грамши тревоги по поводу вероятности пролетарского восстания.

В некоторых государствах суверенитет попросту отсутствует в отдельных регионах, превратившихся в правовую черную дыру в региональной и глобальной экономике. Возьмем, к примеру, Сьюдад-дель-Эсте, парагвайский город на границе с Бразилией и Аргентиной. Город представляет собой торговый центр, расположенный на пересечении путей нелегальной торговли. В 1997 году, по оценкам экспертов, через город прошло 45 миллиардов связанных с наркотиками долларов. Этому способствовали пятьдесят банков, работающих в городе с населением в 300 000 человек. Мойзес Наим в замечательной книге «Запрещенное» пишет: «Города, такие как Сьюдад-дель-Эсте, привлекательными для бизнеса делает слабость регулирования, пассивность правительства и безразличие или продажность правоохранительных органов... Они поставляют услугу... продукт.. или товар... которые весь остальной мир готов потреблять в неограниченных объемах»⁸.

Особняком стоят «страны-куртизанки», где суверенитет предназначен для продажи и стал ценным товаром, выставленным на открытом рынке. Несколько столетий назад швейцарцы первыми выдвинули идею сдачи части атрибутов государства в аренду, в виде хорошо натренированных и вооруженных наемников. Сегодня швейцарцы действуют не столь грубо, хотя в прошлом они сильно нажились на использовании своего государства в качестве убежища для банковского сектора и на припрятывании любых незаконных доходов на тайных депозитных счетах. К африканским диктаторам и отставным сотрудникам КГБ здесь относились как к секретным вкладчикам, как когда-то относились к нацистским головорезам. Тувалу, островное государство в Тихом океане, пошло еще дальше, хотя и причиняет миру меньше вреда. За отдельную плату Тувалу выдает лицензии на домены в своей интернет-зоне tv, а также на международный телефонный код 688, используемый для секса по телефону. Каймановы острова успешно превратили свое единственное достояние, суверенитет, в очень востребованный актив. Население островов — всего 48 000 человек, но на Кайманах расположились около 600 банков (в том числе

большинство из 50 ведущих банков мира), 6000 паевых инвестиционных фондов, десятки тысяч офшорных компаний, а также ряд «инновационных финансовых служб». Под мощным давлением международного сообщества Каймановы острова и Швейцария в последние годы стали чуть более тесно сотрудничать с иностранными правоохранительными органами.

Во многих странах коррупция развязывает руки преступности и позволяет ей процветать, опутывая и ослабляя институты государства, в том числе правоохранительные органы. Коррупция принимает разные формы. Наиболее простым побудительным стимулом для коррупции — попустительства, соучастия или игнорирования преступного поведения третьих лиц — остаются деньги, но широко используются также наркотики и проститутки. Нередко применяются угрозы распространения компрометирующей информации или насилие. Иногда бандиты проникают в состав правительства и назначают на важные должности своих ставленников. Чтобы похитить канадские въездные документы, китайские триады нашли сочувствующего, который служил в консульском отделе канадского посольства в Гонконге⁹. Западные спецслужбы давно высказывают обеспокоенность тем, что «Аль-Каида» могла завербовать некоторых пакистанских чиновников, разделяющих убеждения террористов.

Взаимосвязь между организованной преступностью и политикой может привести к разрушению демократии, когда преступники посредством подкупа, вымогательства и насилия избегают преследования и оплетают свою деятельность непроницаемой паутиной и связями с влиятельными людьми в правительстве. Иногда такая взаимосвязь лежит на поверхности, как это было в Италии и Японии. В 1997 году министр обороны Японии, подозреваемый в причастности к ряду совместных коммерческих предприятий с группировками якудза, подвергся нападению и был ранен двумя бандитами. По всей видимости, у него возникли разногласия по вопросу участия в обеспечении выдачи группировке якудза крупного банковского кредита на строительство; в процессе спора исчезло 200 миллионов иен¹⁰. Помимо подрыва демократических устоев общества, преступность искажает экономические отношения, отклоняя чашу весов от законной коммерческой деятельности.

С начала и середины XIX века мафия успешно коррумпировала государственные институты Сицилии и юга Италии, где правовая

инфраструктура была неразвита, а уважение к закону — на низком уровне. До Второй мировой войны, по мере распространения влияния из южных регионов Италии на остальные регионы страны, мафия активно применяла вымогательство и политику преступного крышевания. Мафии удалось перебраться и за границу, в Северную и Латинскую Америку, Северную Африку и в другие страны Европы. Итальянское правительство на протяжении более чем двух десятилетий пытается отсечь и выкорчевать мафию, причем задача осложняется из-за эрозии государственных институтов, подкупов, привлечения чиновников к соучастию в преступлениях и насилия. Коммерческая деятельность мафии по-прежнему многогранна, от сбора мусора в Неаполе до ввоза контрафактных товаров из Азии для модной индустрии Милана. Демократическая политика и верховенство закона в Италии сохранились благодаря отваге отдельных деятелей; но положение остается неустойчивым, особенно учитывая недавний хаос со сбором мусора в Неаполе.

Колумбия была одной из самых стабильных демократий в Латинской Америке, но в 1970-е годы страной, по существу, завладели наркокартели Медельин и Кали, сделавшие огромные деньги на продаже кокаина. Убийствами и подкупом им удалось подчинить себе некоторые ведомства, выполнявшие контрольные функции, подорвав тем самым легитимность правительства. По примеру преступников из других стран, наркобароны коррумпировали демократических политиков, спонсировали местные и национальные избирательные кампании и поддерживали избрание криминальных «авторитетов» на государственные должности. Один из наркобаронов, Карлос Ледер, намеревался организовать (к счастью, безуспешно) свою собственную политическую партию — Латинское националистическое движение. Президент Колумбии Альваро Урибе пытался вырвать контроль над страной из рук террористически настроенных левых, военизированных правых и наркобаронов. Задача была довольно неблагодарной, и при ее реализации Урибе был слишком мягок по отношению к военизированному крылу, которое, как и представители противоборствующих левых сил, само было замешано в торговле наркотиками. При этом Урибе не заслуживал дежурной критики, которой он подвергался со стороны европейских леваков, и в 2006 году был переизбран более чем 60 процентами голосов. Его партия замарана связями с военизированными группировками, но при этом главари этих группировок и некоторые их сторонники преследуются прокуратурой и судами по

подозрению в преступной деятельности и организации преступных сообществ. Кроме того, Урибе не вмешивался в избирательный процесс, в отличие от его левых противников, избранных в Боготе и в других местах. Успешные выборы состоялись даже в тех регионах, где вооруженные отряды левых партизан (ФАРК) пытались их запретить. Урибе — не отчаянный либерал и не носитель прогрессивных взглядов. Он «жесткий парень», чем-то напоминающий бывшего премьер-министра Испании Хосе Марию Аснара — возможно, даже более открытый для дискуссий, чем Аснар. Впервые я встретился с ним во время визита, в качестве европейского комиссара, в Боготе, невероятно красивую столицу Колумбии — страны, которой, по всем меркам, суждено быть процветающей и влиятельной. Какие бы у страны ни возникали проблемы, Колумбия никогда не отказывалась от своих долгов и сохраняла прочные интеллектуальные традиции. Урибе с пониманием комментировал звучащие в его адрес критические замечания, но занял крепкую оборону. Думаю, что если бы я был колумбийцем, то поддался бы притяжению такого сильного, но демократичного президента, как Урибе. Когда имеешь дело с набором проблем, стоящих перед Урибе, гибкость можно считать весьма переоцененным качеством. Чтобы Колумбия стала безопасной и более управляемой страной, он сделал больше, чем можно было ожидать; при этом вполне может оказаться, что спасением страна будет обязана изменению предпочтений на американских и европейских рынках наркотиков в пользу амфетаминов и в ущерб кокаину.

Коррупция способна поразить и самые верхи общества. Главой разведывательной службы при президенте Перу Альберто Фухимори служил некто Владимир Монтесинос, тесно сотрудничавший с ЦРУ и американским Агентством по борьбе с наркотиками. Монтесинос оказался причастен к махинациям на сумму 70 миллионов долларов, и его разоблачение послужило поводом для отставки Фухимори. Президент Филиппин Джозеф Эстрада был изгнан из президентского дворца и посажен в тюрьму после того, как обнаружилось, что он открыл банковский счет на 10 миллионов долларов на имя «Хосе Веларде». Президент Литвы Роландас Паксас в 2004 году был привлечен к ответственности за получение денег от представителей российской организованной преступности. Губернатор американского штата Иллинойс Род Благоевич в январе 2009 года был отстранен от должности по обвинению в нескольких преступлениях, включая попытку «про-

дать» место в сенате США, освободившееся после ухода из него Барака Обамы. Через несколько дней после отстранения от должности Благоевичу, бывшему борцу-любителю, предложили работу председателя подразделения борцовской промоутерской компании «Мейн Ивент Мафия».

«Постмодернистские» криминальные предприниматели удовлетворяют все потребности рынка — от утилизации опасных отходов до продажи детской порнографии. Огромную прибыль приносит изготовление, перевозка и продажа контрафактной продукции. Запчасти для автомобилей, часы, программное обеспечение, одежда дизайнерских марок, лекарства — эти и многие другие продукты подделываются и продаются; ежегодно это обходится американским компаниям в 200–250 миллиардов долларов недополученной прибыли и, по расчетам экспертов Европейского союза, лишает европейские государства 100 000 рабочих мест. США утверждают, что по этой же причине лишились 750 000 рабочих мест. Новый художественный фильм можно посмотреть до его официального выхода в прокат, можно купить поддельные «Ролекс», сделанные настолько хорошо, что даже сам производитель с трудом находит разницу, можно купить поддельную «Виагру», изготовленную в Китае и распространяемую через Интернет из Индии. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, поддельные препараты составляют не менее 10 процентов мирового рынка лекарств. К 2010 году Центр медикаментов в интересах общества подсчитал, что объем мирового рынка поддельных лекарственных препаратов предположительно достигает 75 миллиардов долларов. Такие лекарства могут представлять собой большую опасность, так как в них отсутствует активное вещество или содержится несоответствующий ингредиент или посторонние примеси. Изготовление контрафактной продукции наиболее распространено в тех регионах, где недостаточно развит нормативно-правовой надзор. В Африке и в отдельных частях Азии и Латинской Америки более 30 процентов продаваемых лекарственных средств поддельные. В 2001 году одна китайская газета насчитала (правда неясно, на основании каких данных) 192 000 случаев смерти от поддельных лекарств. Поддельные детали для автомобилей и самолетов также представляют очевидную угрозу для общественной безопасности. Террористы, ответственные за взрывы на вокзале Аточа в Мадриде в 2004 году, занимались торговлей контрафактными компакт-дисками.

Считается, что на поддельных товарах зарабатывали «Хезболла», баскская ЭТА, а также ирландская ИРА¹¹.

Что еще может понадобиться в повседневной жизни, кроме, разумеется, сумок «Гермес» или солнцезащитных очков «Гуччи»? Вторым по объему, после наркотиков, незаконно импортируемым в США товаром считаются озоноразрушающие хлорфторуглеродороды (ХФУ), применяемые в аэрозольных упаковках, как хладагенты и прочие компоненты бытовой химии. Радиоактивные материалы можно отвезти на свалку в Сомали, а приправленную ртутью золу — в Камбоджу. Можно купить животных, находящихся под угрозой исчезновения, — живыми или мертвыми: тигров, леопардов, муравьедов. Вашего удава могут доставить, как это уже было в аэропорту Майами, нафаршированным презервативами с кокаином. Если вас не сильно смутит факт убийства браконьерами еще нескольких слонов, то в Китае, Сингапуре, Таиланде и Конго вам с радостью предложат слоновую кость. Скупка украденных предметов искусства сопряжена с определенными трудностями, за исключением разве что антикварных реликвий, обнаруженных в Нью-Йорке в дипломатическом отпращивании из Перу. А ведь есть еще человеческие органы.

Джордж Сорос неоднократно отмечал, что предоставленные сами себе рынки способны превратить в товар все что угодно. И когда только в Соединенных Штатах в списки ожидания на различные органы внесено более 101 000 человек, а ежедневно примерно девятнадцать человек — согласно последним данным — или примерно 7 000 человек в год умирают, так и не дождавшись донора, то совсем не удивительно, что торговля человеческими органами (в значительной степени незаконная) превратилась в столь прибыльный бизнес¹². По причине успешного развития и широкого распространения практики трансплантации органов — к примеру, почек — международный рынок стремительно развивается, причем основная часть поставок живых органов осуществляется из беднейших регионов южного полушария для удовлетворения спроса на севере планеты. Важную роль в торговле почками играют японские якудза — называемые также «мафией плоти». На Тайване и в Сингапуре, а также в первую очередь в Китае, растет недовольство продажей органов, извлекаемых без согласия из тел казенных заключенных. Правозащитники утверждают, что бесконтрольное применение смертной казни в этих странах привело к

росту торговли почками, роговицами, тканями печени и сердечными клапанами, причем органы продаются иностранцам по ставке от 10 000 до 13 000 долларов США. Известным центром по пересадке почек стал Каир, причем многочисленные доноры прибывают из Судана, Сомали и Эфиопии. Но крупнейшим центром по пересадке, несмотря на запрещающий торговлю органами закон, стала Индия; настолько крупным, что страну называют «почечным поясом». Действует даже подпольный базар, контролируемый бандитами, перешедшими с торговли героином на почки и другие органы. Многие клиенты происходят из стран Персидского залива. Большая часть бизнеса сосредоточена в Мумбаи и Ченнаи [до 1996 года — Мадрас], где за выплачиваемое посредникам вознаграждение в размере до 1000 долларов пациенты наконец-то встречаются с нищими донорами. Сами доноры получают примерно столько же или немногим больше, и все полученные средства уходят на покрытие долгов, помощь оказавшейся в чрезвычайной ситуации семье, покупку еды или выплату приданого. Один из трущобных кварталов в Ченнаи называют «Почечным Ваккамом», ввиду большой роли, которую продажа этого органа играет в местной экономике. Сообщения о насильственном изъятии органов поступают из различных стран, от Бразилии до Средней Азии. Европейская мафия по пересадке органов базируется в странах бывшего Советского Союза и организует, в частности, доставку нелегальных доноров из Молдовы в США и Израиль.

Торговля органами тесно связана с нелегальным вывозом и перемещением людей. Эти два уголовных преступления различны, но между ними есть связь, и первое с легкостью перетекает во второе. Человека перевозят нелегально, если, к примеру, он хочет попасть в другую страну, а этому препятствуют ограничения на границах и на рынке труда. Люди платят за тайное пересечение границ. Билет на лодку в один конец от побережья Африки до Канарских островов стоит 1000 и более евро. Нелегально перемещаемые лица нередко превращаются в рабов — женщин принуждают заниматься проституцией; мужчин, женщин и детей продают в бытовое или производственное рабство. Некоторые из нелегально перевезенных становятся рабами по существу, обязанными — чтобы оплатить стоимость нелегального переезда — работать за мизерную зарплату в тяжелых условиях: мыть посуду в ресторане, расположенном в богатом китайском квартале, сшивать куски ткани на швейной фабрике, собирать на пляже моллюсков во

время отлива. Такой поток мигрантов отвечает потребностям рынка — общего рынка труда и рынков отдельных услуг. В основе феномена современной миграции лежит простой принцип. Если в месте А слишком высокая, а в месте В — слишком низкая плотность населения, причем жители В не имеют возможности в полной мере обслуживать собственные потребности, а жители А знают о таком положении дел, осведомлены о лучших, по сравнению с А, условиях жизни в В и способны действовать соответственно (то есть перемещаться, трудиться и т.п.), то жители А предпримут именно такие действия, которые следуют из их естественных интересов. Таким образом, миграция может принести хорошие или плохие результаты; все зависит от взгляда на ситуацию. Движение американцев в западном направлении в Северной Америке нанесло ущерб американским индейцам и мексиканцам; движение европейцев на запад в направлении США стало хорошей новостью для американцев.

Нас не должно удивлять, что сегодня многие люди из всех сил стремятся попасть в Европу и США. Их родным странам грозит перенаселение (в частности, избыток молодежи в Северной Африке и на Ближнем Востоке), высокий уровень безработицы, политическая нестабильность или репрессии, экологические проблемы и катастрофы, а также низкий уровень жизни. Перечисленные проблемы, характерные также и для Африки, и для Южной Азии, приводят к миграции населения из одной бедной страны в другую. Но основной поток направляется с юга на север — из бедных стран в богатые. В Северной Америке и Европе предпринимаются беспрецедентные в истории усилия по ограничению и даже прекращению такой миграции. В Европе это происходит несмотря на то, что в целом наше население за первую половину века резко сократится. Мы живем дольше и рождаем меньше детей. В бедных странах, граничащих с ЕС, и в отдаленных странах, откуда приезжают мигранты, переизбыток молодых людей; в Европе молодых людей слишком мало, и эта проблема становится все более заметной. Наши политические институты вряд ли в состоянии решить эту проблему рациональным способом. В итоге грязный бизнес по нелегальной перевозке и торговле людьми расширяется, а европейская экономика — как и экономика США — опирается, по сути, на безмолвную и невидимую массу людей, лишенных правовой защиты. С одной стороны, рынку труда в некоторых европейских странах следовало бы добиваться дополнительной иммиграции и ослабления контро-

ля; с другой стороны, нас беспокоит размытие нашей идентичности по мере увеличения в европейской популяции числа инородцев. У нас возникают обоснованные опасения и по поводу нагрузки на систему государственных услуг в некоторых из наиболее благополучных регионов нашего континента, и по поводу влияния новых волн иммиграции на перспективы трудоустройства уже прибывших иммигрантов. В условиях нынешнего экономического спада такая обеспокоенность может только усилиться.

Объемы торговли людьми между тем растут, и к сегодняшнему дню, по оценкам ООН, такая торговля стала третьим по размерам прибылью преступным бизнесом, вслед за наркотиками и оружием, причем ее истинные объемы никому не известны. Управление ООН по наркотикам и преступности приводит цифры на уровне 7 миллиардов долларов в год; Детский фонд ООН считает, что нелегальная перевозка 1,2 миллиона детей в год обходится в сумму, намного превышающую 10 миллиардов долларов. В ЕС годовой объем этого преступного бизнеса оценивается в пределах от 8,5 до 12 миллиардов долларов. По оценкам Международной организации труда (МОТ), ежегодные доходы от торговли людьми в целях их фактического порабощения (принудительного труда) достигают 30 миллиардов долларов. Все приведенные цифры могут оказаться гораздо выше, особенно если учесть данные о том, что нелегальные перевозки людей только из Китая, организуемые международной группировкой так называемых змееголовых, приносят ежегодно от 1 до 3 миллиардов долларов. Несмотря на отсутствие точных цифр, есть общее понимание, что нерегулируемое перемещение людей превращается в довольно крупный и стремительно растущий сектор криминальной экономики.

По мнению представителей ООН, в результате торговли людьми в чужих для себя странах сегодня могут находиться до 200 миллионов человек. Около 3 процентов населения мира — 175 миллионов человек — официально зарегистрированы в качестве международных мигрантов. Число мигрантов без документов оценивается на уровне половины от числа официальных. К ним следует добавить около 11,4 миллиона беженцев и 2,6 миллиона внутренне перемещенных лиц, а также большое число внутренних мигрантов, основу которых — как, к примеру, в Китае — составляют переезжающие в города селяне. В США более 10 процентов населения родились за пределами штатов; примерно так же выглядят цифры в отношении жителей ЕС, родившихся вне

государств — членов ЕС¹³. Легальная миграция становится доступнее по мере снижения затрат на авиаперелеты. Нелегальная миграция, как правило, гораздо менее безопасна, а физические и эмоциональные страдания принудительно и добровольно перемещаемых мигрантов не поддаются оценке. Они испытывают психическую нагрузку и подвергаются физическому насилию, нередко сопряженному с риском травм и смерти. Приведу единственный пример: в 2000 году пятьдесят восемь нелегально перевозимых китайских мужчин и женщин, сначала переправленных самолетом из Пекина в Белград, а затем трейлером через Венгрию, Австрию и Францию в Нидерланды, умерли в разогревшемся запечатанном контейнере, в который их поместили по прибытии в эту страну. Тела были найдены в жаркий июньский день при осмотре грузовика уже в Дувре. Подсчитано, что на ржавых неповоротливых судах и беспалубных шлюпках в Европу ежегодно прибывают от 100 000 до 120 000 мигрантов. Они направляются на Канарские острова, юг Испании, Мальту, южные итальянские острова Лампедуза, Пантеллерия и Сицилия, а также на побережье материковой части Италии. В мае 2007 года двадцать семь мигрантов из развалившейся лодки провели три дня в воде, удерживаясь за сети для ловли тунца, выброшенные мальтийским рыболовным судном. Двумя месяцами позже к югу от Канарских островов погибли пятьдесят человек, когда перевернулась их лодка.

И все же большая часть нелегальных перевозок людей в Европу (и в США) осуществляются сухопутными маршрутами. Один из наиболее часто используемых маршрутов пролегает через Балканы, начинаясь в Турции и заканчиваясь в Германии. Доминирующую роль в транзитных странах играет албанская мафия, сочетая нелегальное перемещение с продажей наркотиков и эксплуатацией мигрантов после достижения ими пункта назначения. После распада Советского Союза появился еще один излюбленный маршрут, который соединяет азиатские страны через Россию и Прибалтику со Скандинавией, Польшей и центром Европы. Особо печальную известность в такой торговле, подделке виз и других документов, коррумпировании сотрудников полиции и миграционных служб снискала русская мафия.

Масштабы нелегальной миграции можно осознать, прокатившись по европейским автодорогам из Рима в Неаполь или из Праги до границы с Германией, или, скажем, проехав по трассе E55 вдоль чешско-германской границы в северной Богемии.

Вдоль обочины выстроились проститутки, греющиеся зимними ночами возле полыхающих жаровен. Именно здесь четко осознается разница между нелегальным перемещением и торговлей людьми, так как многих из этих женщин принуждают заниматься проституцией; по сути, они — жертвы работорговли. Спустя два столетия после запрета работорговли в Британской империи (британцы даже строили суда особого класса, препятствующего перевозке рабов) на планете насчитывается около 27 миллионов мужчин, женщин и детей в рабстве — их эксплуатируют с применением насилия или под угрозой расплаты за долги, принуждают работать, нередко ограничивая физическую свободу. По подсчетам ООН, 100 000 из них работают проститутками в США, 200 000 в ЕС и 50 000 в Японии. Женщин, детей и молодых людей продают в сексуальное рабство, при этом примерно две трети женщин, работающих в германской секс-индустрии, перемещены из Восточной Европы, а треть из Азии и Африки. Но основная цель торговли людьми заключается не в сексуальной эксплуатации, а в удовлетворении общей потребности в дешевой рабочей силе. В исследовании, проведенном в 2005 году Международной организацией труда, высказано предположение, что из 9,5 миллиона азиатских жертв принудительного труда в сфере услуг сексуального характера занято менее 10 процентов. Современных рабов заставляют выполнять домашнюю работу, трудиться в сельском хозяйстве, рыбной отрасли, на строительстве и в ресторанном бизнесе, в горнодобывающей и перерабатывающей отраслях. В некоторых регионах мира контроль над состоянием проблемы сильно затруднен. В Таиланде мужчин не могут квалифицировать в качестве жертв торговли людьми, что не позволяет включать их в статистические данные. Отсутствуют какие-либо свидетельства того, что ужесточение пограничного контроля способно остановить работорговлю. Судя по тому, что за помощью в выезде из своей страны отчаявшиеся люди обращаются к преступникам, пока что можно предполагать только обратное. В свою очередь, даже судебные приговоры и тюремные сроки не отвращают торговцев людьми от чудовищно прибыльного дела. Женщины и дети, которых принуждают заниматься проституцией, приносят ежегодно контролирующим бизнес преступным синдикатам от 120 до 150 тыс. долларов. «Торговлю плотью», которая в известном смысле стала (по словам ученого-антрополога Дэвида Файнголда) «настоящей катастрофой миграции», трудно будет

искоренить без расширения и усиления скоординированных мер, предпринимаемых странами убытия и прибытия мигрантов¹⁴. Но ничто и никогда не сможет искоренить мечты о ярких огнях и больших городах. Мечты зачастую иллюзорны, но они возникают в каждом поколении мигрантов, жаждущих обеспеченной и успешной жизни для себя и для своих семей.

Однако вернемся к основному вопросу дискуссии о миграции, иммиграции и деятельности, связанной с нелегальной перевозкой людей. Преступность часто удовлетворяет спрос, который мы не торопимся понизить посредством более решительных мер внутри страны или более реалистичного взгляда на ситуацию и открытого обсуждения наших потребностей в рабочей силе. Если спрос на рабочую силу невозможно удовлетворить за счет внутреннего рынка, а рост заработной платы недостаточен для удовлетворения спроса путем найма местных жителей, то остается либо обходиться без определенных услуг или видов деятельности, либо перемещать их по возможности за границу, либо позволить выполнять такую работу иммигрантам. Если работодатели игнорируют обязательные для них стандартные условия найма или стремятся снизить минимальные ставки заработной платы, то их следует наказывать штрафами, размер которых существенно превышает нынешний размер. При этом пользование нелегальными услугами должно быть признано преступным деянием, не менее серьезным, чем их предоставление. В случае проституции ее легализация или преследование клиента, а не проститутки могли бы стать более эффективными в сравнении с применяемыми в настоящее время и неадекватными способами противодействия сексуальному рабству.

Темпы роста американской экономики отчасти зависят от показателей иммиграции. Число легальных иммигрантов составляет около 1,2 миллиона человек в год; аналогичный показатель для нелегалов несколько ниже. Для поддержания привычного уровня жизни в притоке мигрантов нуждаются и некоторые европейские страны, испытывающие демографические проблемы, связанные со старением и сокращением населения. Государствам ЕС следует быть более эффективными в вопросах обучения и образования своих трудовых ресурсов, а также более гибкими в вопросах пенсионного обеспечения. Но в некоторых странах даже достигнутые в указанных сферах успехи не приведут к сокращению потребности в увеличении числа трудовых мигрантов. В Великобритании, к

примеру, для заполнения вакансий в определенной категории рабочих мест существует необходимость в экономической иммиграции из-за пределов ЕС. Половина всех новых, зарегистрированных в последние годы врачей и медсестер прибыла из-за границ Европы. За десятилетие с 1997 по 2007 год такие иммигранты заполнили 1,5 миллиона новых рабочих мест — пятую часть из них в государственном секторе и еще пятую часть — в банковской и страховой сферах. При этом страна, принимающая такое число приезжих, не может позволить себе отказ от мер по регулированию рынка труда. Правительству следует установить правила и положения по стандартам занятости и оплате труда. Такие нормативы должны быть соотнесены с публично обсуждаемым ограничением уровня иммиграции. В этом нет никакого расизма. Великобритания становится все более многонациональным обществом. Если положиться во всем на бесконтрольную волю рынка, то это приведет к дальнейшему снижению размера оплаты труда иммигрантов последней волны и повысит уровень давления в некоторых и без того перегруженных сферах занятости, в которых зачастую работают те же недавно прибывшие мигранты. Повышение уровня квалификации рабочей силы серьезно отражается на развитии. Ограничение приема мигрантов только теми работниками, которые обладают нужными нам навыками, формирует своеобразный неофициальный налог на страны третьего мира. Мы готовы принимать из бедных стран только тех мигрантов, на которых бедные страны уже затратили время и образовательные ресурсы, но при этом не способны затратить эти же ресурсы на людей, уже проживающих в наших странах. Даже учитывая обреченность любых попыток централизованного планирования рынка труда, нам стоит серьезно обсудить попытки установления более тесной зависимости между нашей политикой развития и соответствующими требованиями к квалификации работников. Мы могли бы обсудить возможность обучения низкоквалифицированных работников из бедных стран (если у нас нет возможности обучить достаточное число наших собственных граждан) при наличии договорного условия, что по окончании обучения они будут работать в нашей стране в течение определенного периода времени, по истечении которого вернуться на родину.

Большое значение имеют размер страны, а также плотность населения. Америка напоминает нам о том, что созидать процветающее государство помогают не только квалифицированные мигранты. На протяжении многих веков высокообразованные

иммигранты приносили США пользу (послевоенный расцвет Америки подпитывал мощный поток устремившихся за океан европейских интеллектуалов и ученых), и все же значительную часть мигрантов, построивших и сформировавших нацию, составляли стремившиеся к свободе бедные люди. В музыке капитализма различимы ноты хаоса, движения, шума и прогресса — их никак не заменить шелестом бумаг в иммиграционном бюро. Однако гармония в местном сообществе и справедливость по отношению к принимающему населению не позволяют, увы, полностью обойтись без бумаг.

Изучение организованной преступной деятельности по нелегальной перевозке людей вынуждает по-иному взглянуть на разрешенные способы функционирования рынков, а также на провозглашаемые нами ценности. В пылу споров о миграции и перемещению людей по всему миру не забываем ли мы о том, что «валюта» Запада — это либерализм и гуманизм? Иногда создается впечатление, что из-за невнятного популизма, слишком часто лежащего в основе реализуемой нами политики, либерализм и гуманизм оказываются на тех же радикальных позициях, что и 250 лет назад. И вновь необычно начинают звучать утверждения, что между нами и мигрантами отсутствуют фундаментальные и существенные различия; что западные ценности — это общечеловеческие ценности, не скованные рамками расовой или национальной идентичности; что люди, действующие по призванию, обычно поступают хорошо; что стремление к благополучию нельзя ограничивать; что свободные люди и свободные рынки никогда не перестают созидать; что возможности человека безграничны. По-прежнему ли мы в это верим? Разве что иногда...

Объемы нелегальных перевозок, производства контрафактной продукции и торговли оружием — несомненно, удручающие — позволяют понять, почему преступная деятельность столь притягательна. Люди (и даже в ряде случаев правительства) делают на этом большие деньги, так что у государств пропадает заинтересованность в противодействии преступной деятельности. В сражениях между политикой и рынком обычно побеждает рынок. Есть и исключения — уже упоминавшиеся пиратство и работорговля в XIX веке, но жизнь не стоит на месте. Люди делают деньги как могут; другие люди делают деньги, пытаясь остановить первых. Надлежащую тональность такой борьбы пусть определяют клирики и государственные мужи. Но мы и сами можем способствовать

сдерживанию и сокращению международной преступности, начав более эффективно бороться с финансированием, движением средств и банковским обслуживанием преступной деятельности.

После 11 сентября нас обеспокоила система международных переводов денег от одной мусульманской общины другой при помощи «хавала». Подобно китайским «фейцянь» («летающие деньги»), система «хавала» позволяет мигранту, работающему в Абу-Даби или Брэдфорде, переводить деньги домой, передавая в стране пребывания наличные деньги надежному человеку, который, в свою очередь, дает своему коллеге распоряжение выдать соответствующую сумму на родине работника за вычетом комиссионных. Система «хавала» полезна, но и трудноконтролируема. Очевидно, что система может использоваться для перевода денег преступниками и террористами. Но насколько эффективны попытки заблокировать такой отдельный канал финансирования? Ведь отмена валютного контроля, либерализация финансовых рынков, внедрение электронных переводов и кредитных карт предоставляют террористам множество возможностей. Люди, финансировавшие операцию по разрушению башен-близнецов, производили платежи при помощи карт Visa. Комплексными финансовыми услугами, которые предоставлялись в этих известных по всему миру зданиях Нью-Йорка, преступники и террористы пользовались наравне с законами мировой торговли.

Объем ежедневно обмениваемой в мире валюты в настоящее время превышает 3 триллиона долларов. Конкуренция за инвестиции и запутанность финансовых операций стали отличительными признаками глобальных финансов, а информационные технологии двигают рынок вперед, позволяя специалистам по отмыванию денег и управляющим фондами мгновенно проворачивать сделки практически из любой точки мира. Неудивительно, что масштабы отмывания денег не поддаются даже грубым оценкам: они варьируются в диапазоне от 800 миллиардов до 2 триллионов долларов в год, при этом некоторые эксперты утверждают, что объем отмываемых денег может достигать 10 процентов мирового ВВП. Сегодня даже для отмывания наличности совсем не обязательно проводить ее через офшоры на Карибских или Тихоокеанских островах. США и Великобритания — обе эти страны в последнее время ужесточили надзорные правила — в недавнем прошлом оказывали услуги по отмыванию денег внутри своих стран, например в 1990-е годы — нигерийскому диктатору генералу

Абача в Лондоне. В любом случае прекратить отмывание денег чрезвычайно трудно, учитывая возможности создания подставных компаний, проведение законных коммерческих операций с большими объемами наличности, наличие Интернета, электронной коммерции, развивающихся рынков и тому подобного.

Уже достигнут относительно высокий уровень международного сотрудничества в вопросах борьбы с отмыванием денег; но многое еще предстоит сделать. Бывший специальный советник Министерства финансов США Уильям Ф. Векслер в 2001 году описал общие для всех зон отмывания денег особенности: недостаточная прозрачность, отсутствие эффективного обмена информацией, «обособленные» режимы, устанавливающие для иностранных инвесторов правила, сильно отличающиеся от правил для местных инвесторов, а также очень низкие или полностью отсутствующие фактические налоговые ставки¹⁵. Устранить точно описанную Векслером проблему крайне трудно. В 1988 году ООН приняла Венскую конвенцию о борьбе против незаконного оборота наркотических средств, потребовавшую от государств-участников объявить вне закона отмывание денег и сотрудничать в проведении расследований и экстрадиций; в 1989 году страны «Большой семерки» создали Группу разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ: по существу, небольшой секретариат), действующую в качестве органа финансовой «экспертной оценки»; действует также и Базельский комитет по банковскому надзору. В 2000 году ФАТФ объявила двадцать девять офшорных юрисдикций дефектными в финансовом отношении и перечислила пятнадцать наиболее «не склонных к сотрудничеству государств и территорий». ОЭСР составила собственный список «налоговых убежищ», после чего страны «Большой семерки» пригрозили санкциями самым злостным нарушителям. В результате этого несколько государств — такие как Багамские острова, Каймановы острова, Острова Кука, Израиль, Лихтенштейн, Маршалловы острова и Панама — приняли меры по обеспечению соответствия новым стандартам. (Эти меры ни к чему не привели, так как не все страны ОЭСР и ФАТФ полностью соответствовали установленным ими же стандартам.) После террористических актов 11 сентября 2001 года США вывели банковскую деятельность на линию фронта в «войне с террором», а администрация Буша начала проявлять ранее отсутствовавший энтузиазм в деле ужесточения надзора за движением

финансов между странами. Результатом стало принятие Советом Безопасности ООН резолюции, требующей от членов ООН ввести уголовную ответственность за получение средств, предназначенных для террористических целей, а также заморозить активы лиц, подозреваемых в террористической деятельности.

В связи с совершенствованием системы надзора развернулась откровенная дискуссия, и государства в большинстве случаев положительно реагировали на запросы об аресте криминального имущества. Но результаты оказались довольно незначительными. В намерения МВФ входило классифицировать и оценивать финансовые злоупотребления, а также повышать приоритетность проблемы отмывания денег в программе Форума по финансовой стабильности (созданного «Большой семеркой» после азиатского финансового кризиса 1997 года). Однако замораживание активов, связанных с террористическим подпольем и преступными группировками, обернулось кошмаром для конкурирующих юрисдикций с отличиями в нормативно-правовых основах и в юридических, финансовых и правоприменительных требованиях, которые попросту не стали присоединяться к разработанным мерам — деньги через них по-прежнему просачиваются без особых затруднений.

Что же мы имеем? На глобальном уровне принята резолюция Совета Безопасности; государства-члены в целом желают избежать как разрушительных террористических актов, так и гнева американцев, ОЭСР, МВФ и других наднациональных органов. В идеале нам нужны глобальный консенсус и глобальная организация, которая пользовалась бы определенной автономией и уважением и опиралась на глобальную договоренность, достигнутую всеми государствами или ратифицированную ООН. На нынешнем уровне сотрудничества Базельский комитет и ФАТФ способны разве что на периодическое пощелкивание кнутом над головами мелких игроков, таких как Каймановы острова. Но даже на Западе практически отсутствует внутренняя согласованность по вопросам регулирования и надзора за международной валютной средой. Неудавшиеся попытки создать широкую коалицию единомышленников сильно затрудняют давление на закрытые для регулирования, но масштабные зоны, такие как Россия и Китай, не говоря уже об их интеграции в процессе контроля движения финансов. Вследствие этого по-прежнему затруднены противодействие отмыванию денег и борьба с террористическими группировками и организованной преступностью. Для более эффективной борь-

бы с международной преступностью необходимо расширение регионального и глобального сотрудничества в сфере контроля за движением капиталов; такой контроль не должен рассматриваться как преграда для рынка или сдерживающий фактор для инвесторов. Финансовый кризис неизбежно приведет к гораздо более жесткому регулированию и контролю над потоками капитала, что позволит, следует надеяться, более эффективно ограничивать финансирование организованной преступности.

Теми же красками можно описать все важные проблемы, рассмотренные в данной главе, от изготовления контрафактной продукции и нелегальной перевозки людей до торговли оружием. Попытки их решения неизменно наталкиваются на недостаток политической воли. На каком бы уровне, международном или региональном, ни создавались структуры для решения указанных проблем (Интерпол, Европол, Азияпол и др.) мы предоставляем этим органам слишком мало ресурсов и очень незначительные полномочия, в том числе с точки зрения обязательности сотрудничества с ними национальных служб. Правительства хороши в вопросах морализаторства и выброса адреналина. Им нравится создавать «верховные комиссии» и управления. Но запал их пропадает, едва речь заходит о предоставлении ресурсов или о непростых действиях, необходимых для сдерживания (победить преступность не удастся никогда) преступности.

Рассмотрим, к примеру, два различных аспекта безопасности. После цунами в рождественские праздники 2004 года в Малаккском проливе — самых опасных водах на земле — прекратилось пиратство. Однако оно возобновилось 8 февраля 2005 года. Может, к этой дате пираты починили свои суда или заправили их топливом? Возможно и так. Но интересно, что вплоть до 7 февраля по местным морским маршрутам сновали военно-морские корабли, оказывавшие помощь жертвам цунами. Иногда преступников можно остановить посредством покупки еще парочки патрульных катеров, приобретением дополнительного вертолета или вложением средств налогоплательщиков в комплексные технологии безопасности, от биометрических сканеров и радиочастотных средств обнаружения до химической и биологической маркировки и усовершенствованных сканеров досмотра. Избиратели обязаны платить за безопасность; их нужно разубедить в том, что Оксфордский комитет помощи голодающим (вызывающий восхищение, как и многие другие НПО) может

решить все мировые проблемы за необлагаемые налогом двадцать фунтов стерлингов в месяц.

К сожалению, недавний опыт показывает, что государственные расходы на безопасность и охрану правопорядка во время экономического спада часто сокращаются, хотя именно такие расходы должно увеличивать, особенно если учесть рост преступности во время предыдущих экономических кризисов. С 1950-х годов в США пик преступности (особенно имущественных преступлений и ограблений) следует за резким экономическим спадом с отставанием примерно на год. Нынешний кризис уже отразился не только на воротилах с Уолл-стрит, но и на простых гражданах, и даже в Интернете. Зафиксирован неуклонный рост числа киберпреступлений. В недавно проведенном фирмой «МакАфи» исследовании отмечалось, что киберпреступники, при помощи давно известных разновидностей афер, эксплуатируют стремление некоторых потребителей «срубить бабок». Занимающаяся сетевой безопасностью компания «Софос» сообщает, что каждые 4,5 секунды обнаруживает новый зараженный сайт. Правительства не проявляют особого рвения в решении этой проблемы.

Еще одним примером решительных политических действий стало бы формирование или восстановление суверенитета в тех областях, где он был нарушен, что подразумевает развитие государственного строительства. Это серьезная задача, требующая непростых политических решений. Она предусматривает мобилизацию военных и гражданских лиц уже после окончания основного конфликта и после проведения выборов. Иногда это означает работу с действующими правительствами, уже демократическими или «почти» демократическими. Это означает реализацию мер по реконструкции государственных институтов, требующих гораздо больших усилий, чем меры по ликвидации последствий стихийных бедствий.

Не менее тяжелая борьба предстоит в развитых демократических странах. Как урезать рынки, на которых активны преступники? Можно смириться с определенными видами преступной деятельности, найти способ сосуществования с другими и направить больше ресурсов на борьбу с третьими. В некоторых областях уже наблюдаются признаки такого сосуществования. Так, к примеру, выработанный компанией «Эппл» подход к загрузке ПО из Интернета способствовал достижению соглашения о прекращении активного противостояния между представителями музыкальной

индустрии, стремящимися получать за музыку больше гонораров, и публикой, проявившей заслуживающую поощрения готовность отказаться от нелегального скачивания музыки в пользу легального получения записей за разумную плату. Большинство людей склонны к правовому поведению. Сферами деятельности, где необходим разумный усредненный подход, остаются незаконная миграция (здесь нужно отметить предложения президента Буша по амнистии и фактически объявленную правительством Испании амнистию) и проституция. Почему большинство правительств до сих пор предпочитают наказывать проституток, а не клиентов? В экзистенциальном конфликте между жизнью и законом — в вопросах поиска лучшей жизни в другой стране или удовлетворения сексуального желания — закон либо учитывает тем или иным способом жизненные потребности, либо допускает или способствует фактической деградации и разрушению человеческой жизни. Самым важным и непростым будет поиск сбалансированного и эффективного подхода к решению проблем в тех областях, где преступность наиболее активна: производство, контрабанда, продажа и потребление нелегальных наркотических средств. К этой проблеме мы обратимся в следующей главе.

Сколько бы мы ни призывали проявить политическую волю в проведении более эффективной глобальной кампании по борьбе с преступностью, наши беды никуда не денутся. Почему? Выражаясь словами Пого, героя комиксов Уолта Келли, мы столкнулись с врагом, и этот враг — мы сами. Именно наши законы позволяют ввергать женщин, оказавшихся жертвами работорговли, в ужасающее, невыносимое состояние. Именно наши пристрастия разжигают жестокие войны между наркокартелями Южной Америки и набивают карманы террористов на афгано-пакистанской границе. Именно наша неразборчивость в средствах стимулирует торговлю человеческими органами. Именно наша извращенная тяга к потребительству одновременно превозносит и запрещает секс. Именно наш спрос удовлетворяют изготовители контрафактной продукции. Именно наше мелкотравчатое понимание возмездия до отказа заполняет тюрьмы мелкими преступниками, пытавшимися строить убогую карьеру в удовлетворении безответственных желаний законопослушного большинства. Когда Г.К. Честертон спросили однажды, кто несет ответственность за беды человечества, он ответил: «Я». Какой старомодный дядька, этот господин Честертон!

Глава 10

На игле

Прежде чем делать предложение своей возлюбленной, всякому застенчивому юноше следует принять гашиш, ибо гашиш придаст ему храбрость героя, красноречивость поэта и страстность итальянца.

Луиза Мэй Олкотт
Роман «Маленькие женщины»

Представление о мире без наркотиков или даже о свободной от наркотиков Великобритании — это почти определенно химера.

*Отчет Комиссии по незаконному обороту наркотиков
и государственной политике*
(«Наркотики: власть фактов», март 2007 г.)

Я окончил университет примерно в то время, когда туда «зачислили» марихуану. Для большинства представителей моего поколения «косяк» — это нечто, связанное с дверным проемом. Поэтому я никогда не закуривал, не нюхал и не впрыскивал в вену свой «вклад» в уничтожение привычной для нас цивилизации, за исключением одного достаточно неприятного и постыдного случая, когда более сорока лет назад мы раскурили самокрутку на двоих с другом, который в настоящее время занимает должность судь. В отличие от этого, ставшего известным выпускника Оксфорда из Америки я затянулся, и мне показалось, что я умру от удушья. Одного раза мне хватило на всю жизнь. С тех пор я пристрастился к более здоровым, более мужественным занятиям. Я довольно долго курил виргинский табак, пока к середине четвертого десятка не был вынужден бросить это занятие из-за язвы. Мне так и не удалось постичь, почему после этого я не стал чувствовать себя лучше. Ах да, и еще я пью; у меня нет болезненного пристрастия к алкоголю, как вы понимаете, но я люблю белое и красное вино — как говорит мой кардиолог, оно полезно для сердца в умеренных количествах, но я даже во сне не проговорюсь ей о превышении этого самого «умеренного количества».

Мы, конечно, знаем, что алкоголь и табак — дозволенные законом психоактивные вещества — причиняют употребляющим их

лицам и окружающим людям больше вреда — как причины заболеваемости, смертности или насилия, обусловленного действием таких веществ, чем признанные нелегальными вещества. В этом утверждении не следует искать основания для легализации конопли, героина, кокаина и амфетаминов. И оно не оправдывает более терпимое отношение к личным, социальным и политическим последствиям наркозависимости. Пристрастие к героину, например, может уничтожить личность, стать источником страданий для семьи наркомана, вынудить его скатиться к преступной жизни и лишиться свободы; создается рынок веществ, производство и распространение которых ведет к умножению хаоса и преступности. При этом статистика по алкоголю и табаку добавляет рациональности в споры, зачастую ведущиеся на языке обреченности. В Соединенных Штатах от алкоголя ежегодно умирает более 20 000 человек; показатель для Англии и Уэльса составляет примерно треть от указанного числа. Табак ежегодно становится непосредственной причиной 445 000 смертей в США и 82 000 в Великобритании. За вторую половину XX века табак унес в Великобритании 6 миллионов жизней, но ни табак, ни алкоголь не обсуждаются в апокалиптических терминах, которые постоянно используются в дебатах о других веществах. Мы ведем войну (а как же еще?) с наркотиками. Они — зло: враг общества номер один. Наши страны поражены этим моральным и химическим злом. Наркоторговцы так же ужасны, как некогда работорговцы (на самом деле, как мы уже упоминали в предыдущей главе, очень часто они и есть современные работорговцы). Мы считаем наркотики таким бесспорным злом, что редко оставляем хоть какое-то пространство для оценки нашей политики в плане ее эффективности и сбалансированности. Это война абсолютов, и идет она совсем не так, как того хотелось бы «крестonosцам».

ООН занимает несколько иные позиции. Несколько лет назад организация поставила перед собой цель избавить мир от наркотиков к 2008 году. Хотя это несколько причудливая амбиция так и не достигла цели, недавно было заявлено об определенных успехах в борьбе с наркотиками, и, учитывая долгосрочные планы, необходимо надеяться на развитие успеха. В представленном в 2006 году докладе Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), исполнителем которого выступит достойный всяческого восхищения Антонио Мария Коста, утверждается, что международный контроль над наркотиками —

это одна из старейших форм многосторонних отношений и что в течение последних ста лет острота проблемы наркотиков была снижена. За период времени, в течение которого население мира увеличилось в четыре раза, производство опиума упало с 30 000 до 9000 тонн, в том числе 400 тонн, предназначенных для медицинского применения. Немногим более века назад число жителей Китая, употреблявших опиум, составляло 25 миллионов человек при общем населении 450 миллионов. Сегодня, при существенно большей численности населения всей Азии, опиум употребляют всего лишь 9,3 миллиона азиатов.

Опиаты, кокаин и каннабис (конопля) имеют долгую историю применения — для развлечения, в религиозных практиках, в качестве медицинского снадобья и возбуждающего средства. Считается, что на острове Крит опиум употребляли уже в 2000 году до нашей эры. Королеве Виктории назначали каннабис для облегчения болей при менструации. Именно за время ее правления торговля наркотиками достигла небывалого размаха. Еще раньше португальские, голландские и британские торговцы опиумом, несмотря на введенный в 1729 году запрет, пытались наладить поставки этого продукта из своих колониальных монополий в Китай. В следующем столетии для открытия китайского рынка они развязали две войны, добившись в 1858 году легализации торговли опиумом. Наркобизнес в промышленных масштабах не относится к величайшим достижениям Британской империи или ярчайшим проявлениям викторианской морали. Правительство пыталось всячески поддержать торговый баланс Великобритании, в значительной степени сместившийся в пользу Китая. Британия нуждалась в серебре, чтобы удовлетворить собственное пристрастие к чаю. Поэтому англичане вынудили Китай открыть страну для продажи индийского опиума, дабы удовлетворить свое гораздо менее вредное пристрастие.

«Величайший позор», по определению Эдмунда Бёрка, привел к далеко идущим последствиям, в том числе к приобретению Британией колонии в Гонконге и невероятному обогащению британских факторий (фирм), таких как «Джардин Матисон», построившей первое в новой колонии большое каменное здание — склад опиума. В конечном итоге Бог одержал победу над Мамоной; в последние годы XIX века против опиума развернулось целое движение, руководствовавшееся религиозными и гуманистическими идеалами (заметную роль в нем играли кваке-

ры). Когда к процессу с присущим им энтузиазмом присоединились американские миссионеры, Великобритания в 1907 году согласилась сократить завоз опиума в Китай; сами китайцы тоже начали снижать объемы выращиваемого опийного мака, и в 1909 году, в заслуженно пользующемся дурной славой городе Шанхае, состоялась первая крупная международная конференция по торговле наркотиками. За ней последовала Гаагская конвенция 1912 года — первый международный договор по наркотикам, обязывавший подписавшие стороны противодействовать поставкам опия-сырца в страны, наложившие запрет или ограничения на его ввоз.

В период между мировыми войнами Лиге Наций были предоставлены полномочия по надзору за оборотом наркотиков, а последовавшие международные конвенции посвящались ужесточению мер по противодействию расту нелегальной торговли наркотиками. Первым официальным документом ООН по контролю за наркотиками стала Единая конвенция о наркотических средствах 1953 года; затем была принята Конвенция о психотропных веществах 1971 года. В 1988 году подписана еще одна Конвенция, наиболее всеобъемлющий международный закон по наркотикам, ориентированный на криминализацию незаконного оборота наркотиков — их производства, продажи и транспортировки и отмывание доходов от деятельности, связанной с наркотиками¹.

Вполне справедливо отметить предпринятые за прошедшее столетие многосторонние усилия и международное сотрудничество в сфере контроля над наркотиками, но заявление о современных успехах выглядит несколько экстравагантно, особенно если сравнить положение в начале нынешнего века с положением на конец прошлого. Для помощи Индии ее Императорского Величества на наркотики был посажен огромный китайский рынок. В XX веке положение резко изменилось, хотя в двадцатые и тридцатые годы, когда страну терзали гражданская война и вторжение Японии, потребление опиума в Китае оставалось на высоком уровне. Для отказа от вредной привычки китайцам потребовался Мао и кампания против опиума, проводившаяся в 1950-е годы (причем незадолго до этого возглавляемые Мао коммунисты потворствовали опиумной мании путем тайного поощрения производства опиума в провинции Юньнань, где во время отчаянного сопротивления националистам опиум именовался «особой продукцией»)².

Большая часть опиума на мировой рынок поступает и централизованно распространяется из двух регионов — так называемого Золотого треугольника в Юго-Восточной Азии, с сердцем в Бирме (Мьянме) и Лаосе, и Золотого полумесяца, включающего Афганистан и соседние страны. Именно из этих областей поступает наибольший объем опийного мака. Во время сбора урожая из набухших маковых коробочек, надрезаемых ближе к вечеру, вытекает млечный сок, который оставляют на ночь высохнуть и почернеть, чтобы на следующее утро соскрести широкими лезвиями. Кока поступает в основном из Андского региона: по большей части из Колумбии, затем следуют Перу и Боливия. Листья коки измельчают и вываривают в керосине и известковой воде для получения пасты. Затем пасту перемешивают с химическими соединениями, такими как перманганат калия (в быту — марганцовка. — *Ред.*), фильтруют и сушат, получая в результате кокаиновое основание. Последнее, в свою очередь, растворяют в ацетоне, фильтруют и после сушки и прессовки в брикеты получают готовый к отправке и употреблению продукт. Попытки подавить источники производства коки представляют собой самый яркий пример так называемого эффекта воздушного шарика. Если приложить большие усилия в одной стране, то производство раздувается в другой. Стимуляторы амфетаминового ряда, в том числе экстази, изготавливаются по всему миру, причем большая часть производства экстази сосредоточена именно в Европе. Свое начало этот галлюциногенный наркотик берет в немецких исследованиях химического синтеза. Уличное название ему придумали в Калифорнии в 1980-х годах. Каннабис распространяется в двух формах: в виде травы — марихуана, и в виде смолы — гашиш. Выращивают его повсеместно — может быть, даже вон в том доме дальше по улице, где всегда задернуты шторы, а снаружи постоянно множество мешков с мусором и ванночек для выращивания растений. Большая часть гашиша в Европу по-прежнему поставляется из Марокко. Запомнить совсем несложно: ведь *киф*, как называют коноплю в Марокко, в основном произрастает в регионе Риф, откуда и поступает любителям вечеринок *сплиф* — немецкое сленговое название «косяка» с каннабисом.

УНП ООН, в опубликованном в 2008 году докладе, усмотрело положительные тенденции на большинстве рынков и в регионах производства. Площади выращивания коки сократились почти на одну пятую в сравнении с 2000 годом, когда они составляли 221 000 га. В 1990-е годы из-за засухи и резкого падения цен площадь засе-

янных маком земель в Афганистане сильно уменьшилась, но с 2001 года она стремительно растет и к 2007 году достигла значения в 193 000 гектаров, что на 17 процентов больше зафиксированных за год до этого значений. Уровень потребления стимуляторов амфетаминового ряда, кокаина и опиатов, по-прежнему недопустимо высокий. Общее число жителей планеты, употребляющих наркотики, оценивается на уровне 5 процентов населения в возрасте от 15 до 64 лет. Наиболее широко распространенным наркотиком остается каннабис — его употребляют примерно 165 миллионов человек.

Объемы изъятых наркотиков постоянно растут. УНП ООН, приводя данные по отдельным наркотикам, с удовлетворением отмечает снижение производства опиума (около 90 процентов которого поступает из Афганистана), в основном благодаря результатам, достигнутым на территории Золотого треугольника. Сообщается и о стабилизации объемов выращивания мака ниже пиковых уровней 2000 года. Большая часть кокаина потребляется на американском континенте, особенно в Северной Америке (североамериканский рынок, учитывая 7 миллионов потребителей, составляет половину мирового рынка кокаина). Неизвестно, приведет ли суровая экономическая ситуация к сокращению или к увеличению объемов порошка, вдыхаемого на Уолл-стрит. Тревогу вызывает то обстоятельство, что на фоне снижения потребления кокаина в США уровень его потребления в Европе растет, особенно в Великобритании и Испании (в 2007 году доля испанцев, употребляющих кокаин, превысила аналогичный показатель среди американцев). Стабилизируются и рынки амфетаминов, хотя потребление экстази в Западной Европе остается высоким, а в Юго-Восточной Европе даже растет. Наиболее мрачным в докладе представляется положение с самым распространенным наркотиком — каннабисом. Он растет на всех континентах, кроме Антарктиды, и употребляется везде, причем уровень потребления повсеместно увеличивается, а самая сильнодействующая форма — «сенсимилья каннабис», то есть неоплодотворенные соцветия женских растений, — занимает все большую долю рынка. В недавнем исследовании было показано, что риск потребления каннабиса для здоровья в прошлом недооценивался. При этом УНП ООН полагает, что общий вектор направлен в нужную сторону и что сегодня главная задача состоит в «обеспечении дальнейшего прогресса».

При этом ООН признает сомнительность некоторых из приведенных цифр; так, методику оценки итоговых показателей общемировой торговли наркотиками можно назвать как минимум неточной. Критика отчетов УНП ООН «с поля боя» выходит далеко за рамки статистических придинок. Критические замечания — подразумеваемые или высказываемые — сводятся к тому, что ООН преувеличивает успешность международных мер по сдерживанию и сокращению уровня потребления наркотиков и масштабы опасности, которую оно представляет, с целью обосновать нынешнюю твердую уверенность западных политиков в необходимости сокращения предложения наркотиков извне и применения уголовных санкций внутри своих стран. Кроме того, в целях международной поддержки отстаиваемого ООН принципа глобального сотрудничества организация, дескать, должна стремиться к дальнейшему закреплению успехов и указывать на грозящую опасность. Это несправедливая критика, хотя она и поднимает проблемы, имеющие решающее значение для успеха усилий по сокращению масштабов мирового рынка наркотиков, а тональность отчетов ООН иногда напоминает свист пули над кладбищем. На этом рынке присутствуют государства — по сложившейся традиции мы относим их к несостоявшимся, — в которых наркотики выращиваются и изготавливаются, и есть государства, в которых проживает большинство потребителей. Очевидно, что в распадающихся или распавшихся государствах рынки сбыта для своего нелегального экспорта не рассматривают как распадающиеся или распавшиеся. Нам необходимо рассматривать не только обе стороны этого «торгового уравнения», но и обстоятельства, которые позволяют гармонично сосуществовать процветающим и умирающим странам.

Экономическая либерализация естественным образом облегчила незаконный оборот наркотиков. Во-первых, подешевели некоторые вещества, необходимые для производства наркотиков. Это касается, к примеру, 20 процентов всех исходных химических реагентов, используемых в производстве наркотиков. Во-вторых, аналогично происходящему с другими видами нелегальной продукции и деятельности, незаконному обороту способствует дешевеющая и более доступная транспортировка. Контейнерные перевозки предоставили торговцам наркотиками новые возможности. Притом что определенная доля перемещения наркотических средств осуществляется небольшими самолетами или быстроход-

ными судами, основная масса контрабанды в Европу и США поступает по стандартным торговым каналам — автомобильным, железнодорожным и воздушным транспортом. В-третьих, чем выше объемы торговли, тем больше шансов для успешной контрабанды и — зачастую — ниже затраты. Снижающиеся тарифы на авиаперевозки облегчают задачу «глотателей», людей-контейнеров, которые перед прохождением таможенного досмотра проглатывают небольшие упаковки с наркотиками. В-четвертых, сотрудники таможенных органов даже с помощью современных технологий досмотра не справляются с огромными потоками грузов, поступающих в пункты таможенной обработки. В-пятых, как уже было показано в предыдущей главе, отмена регулирования, возросшие потоки капиталов и электронная торговля облегчили процедуру отмывания существенной части доходов от торговли наркотиками. Возможно, ООН следует поблагодарить за то, что, несмотря на расширение возможностей наркоторговцев, ситуация не стала намного хуже.

Соединенные Штаты — крупнейший рынок нелегальных наркотиков — больше всех тратят на применение законов, направленных против продажи и употребления наркотиков. Некоторые эксперты утверждают, что ежегодные затраты США на исполнение законов и правоприменение в этой области могут превышать 40 миллиардов долларов³. Каждый второй житель Вашингтона в возрасте старше 12 лет признавался в употреблении запрещенного наркотического средства. В США отбывают наказание около полумиллиона осужденных за наркотики, и это более чем в пятнадцать раз превышает число заключенных в 1980 году. Этот показатель по абсолютному и относительному значению намного выше числа заключенных в Западной Европе, хотя при этом, к примеру, фактический уровень потребления наркотиков в Великобритании выше, чем в Америке. Знакомство с наркотиками происходит, как правило, с подачи друзей или членов семьи. Наркозависимость заразна, и привычка распространяется подобно инфекционному заболеванию. Первая «эпидемия» наркотиков в США, зафиксированная в конце 1960-х годов, была связана с высокими темпами роста потребления героина, в основном за счет несовершеннолетних обитателей бедных кварталов. Очень часто упоминают о связи с военной службой во Вьетнаме. Второй всплеск «эпидемии» в первой половине 1980-х годов был обусловлен началом потребления кокаина в виде порошка. Третья

волна в конце восьмидесятых связана с крэком, сильнодействующей формой курительного кокаина, вызывающего сильное привыкание. За крэком последовала четвертая волна в виде метамфетаминов, которые вместе с героином и кокаином формируют сегодня, по разным оценкам, до 90 процентов социальных издержек, связанных с незаконным оборотом наркотиков в США. Снижение цен на кокаин и героин не привело к новому всплеску их употребления, и нет сомнений в том, что число лиц, зависимых от самых опасных наркотиков, сокращается, а сами наркоманы стареют. Эндемическое потребление наркотиков остановилось на более низком уровне, чем предсказывалось во времена появления на рынке крэка, а молодые люди, начавшие потреблять марихуану в конце 1990-х годов, перейдут на тяжелые наркотики с вероятностью меньшей, чем это было у более старшего поколения наркоманов в 1970-е годы⁴. Тем не менее связанные с наркозависимостью издержки крайне высоки — в финансовом и социальном аспектах, и не в последнюю очередь из-за общего увеличения числа обитателей тюрем, что стало результатом применения чрезмерно сурового, карательного подхода, увеличивающего социальную напряженность в обществе. Показатели употребления наркотиков не так плохи, как они были раньше или как они могли бы быть. Но при этом они достаточно тревожны, чтобы задуматься, а не будет ли лучше для Америки и других стран поискать способы более эффективного управления процессом вместо попыток устранить проблему как таковую. Полное искоренение — задача невыполнимая, особенно учитывая отсутствие у нас доморощенных талибов или некоего аятоллы в качестве духовного лидера.

Показатели употребления наркотиков в Великобритании, похоже, стабилизируются, но не свидетельствуют при этом об улучшении ситуации, в отличие от Америки. Уровень потребления тяжелых наркотиков в Великобритании выше, чем в других странах Европы, да и цифры потребления легких наркотиков обеспечивают место в верхней части таблицы. В 1975 году в Великобритании насчитывалось 5000 человек с наркотической зависимостью; сегодня эти цифры составляют более 280 000 человек в Англии и более 50 000 человек в Шотландии. Отмечается снижение числа молодых людей, попробовавших каннабис, но и этот показатель, вероятно, застрял на уровне 45 процентов. В Европе Великобритания занимает второе место по уровню смертности от причин, связанных с наркотиками: в 2005

году жертвами наркотиков стали 1644 человека. Социально-экономический ущерб от преступлений, связанных с наркотиками, превысил в Англии и Уэльсе 13 миллиардов фунтов, а объем нелегального рынка наркотиков составил около 5 миллиардов фунтов. В период с 1994 по 2005 год число отбывающих наказание за преступления, связанные с наркотиками, выросло более чем на 100 процентов, причем в 2004-м назначенный судами совокупный срок содержания под стражей в три раза превысил аналогичный показатель десятилетней давности. Таким образом, спрос на нелегальные наркотики в Великобритании, как и в США, остается высоким, несмотря на чрезвычайную суровость приговоров за связанные с наркотиками преступления. Показатели употребления наркотиков в других богатых странах сопоставимы с описанными. В Австралии и Новой Зеландии, к примеру, официальная статистика свидетельствует о более активном, чем в Великобритании или США, потреблении марихуаны, экстази и амфетаминов.

Какие меры могут предотвратить поставки наркотиков, постоянное потребление которых искоренить мы, похоже, не в силах?

Жизнь впервые столкнула меня с афганцами в 1986 году, во время моего первого визита в Пакистан. Меня доставили на перевал Хайбер, история которого обильно полита кровью. Редьярд Киплинг называл его «резаной раной в горах». Перевал служил воротами в Индию, периодически сносимыми захватчиками, такими как Александр Великий и Бабур (основавший в XVI веке империю Великих моголов), а также, при движении в обратном направлении, отправной точкой для трех колониальных афганских войн, развязанных Британией для защиты северо-восточной границы Индии во времена ведения «Большой игры» против царской России. После осмотра перевала мы вернулись в Пешавар, который можно уподобить птичьему глазу, к северу от клюва птицы, контуры которой словно повторяет Пакистан. Горы Тора-Бора, в которых безуспешно искали Усаму бен Ладена, высятся к западу от Пешавара. Основной целью моего визита были не «исторические изыскания». Я направлялся в лагерь Управления ООН по делам беженцев, расположенный за пределами города и сооруженный для размещения беженцев из Афганистана — в основном пуштунов, — покидавших места боевых действий против советской оккупации. Беженцы уже прожили в Пакистане какое-то время. Они прибывали со своими скудными пожитками — кастрюлями,

сковородками, экземплярами Корана и автоматами Калашникова, которые они проносили практически в открытую. Возглавляемый мною отдел британского правительства помогал оплачивать работу лагеря — элементарную медицинскую помощь, экстренные поставки продовольствия и тому подобное. Предполагалось, что старейшины племен, представители которых размещены в лагере, захотят встретиться со мной и лично поблагодарить меня за эту помощь. Нас привели в большой шатер, увешанный великолепными коврами, с расположенным сбоку и накрытом тканями столом, на котором довольно нелепо выглядело выставленное в мисках угощение в виде знаменитых глазированных леденцов английского производства. Старейшины сидели за столом, и я присоединился к ним, оказавшись обращенным лицом к толпе бородатых мужчин в ярких одеждах, размахивающих своими ружьями так, словно это были зонтики или трости. Меня попросили выступить перед собравшимися; я встал и начал говорить, сопровождая речь обильной жестикуляцией. В результате поднялась адская суматоха. Ружья палили. К небесам обращали радостные и благодарственные возгласы. По счастью, меня миновала участь отправиться туда же. Верховный комиссар Британии в Пакистане, знавший языки пушту и дари, рассказывал мне потом, что моя жестикуляция якобы свидетельствовала обо мне как о последователе «Книги». Я себя таковым и считаю, но почитаемая мною священная *Книга* отличается от почитаемой в исламском мире. В любом случае все описанное утверждает правоту банковских рекламных объявлений, в которых сообщается о различиях между странами и культурами, сохраняющихся вопреки глобализации. Не следует поглаживать тайца по голове или показывать ему подошву своей обуви. А выступая перед вооруженными до зубов представителями афганских племен, держите руки в карманах.

В самом Афганистане я впервые побывал зимой 2002/2003 года. Я приехал в страну вскоре после завершения военной кампании по свержению режима «Талибан». В июне 2002-го Хамид Карзай был избран временным президентом Афганистана в своем полуразрушенном дворце в Кабуле, охраняемом тяжеловесами из американской охранной фирмы. Всегда прекрасные белые кустовые розы росли среди развалин разоренного войной города. Некогда красивый кирпичный город методически сравнивали с землей во время боев, которые разрозненные группы боевиков вели за эфемерное преимущество на той или иной улице. Будучи

изгнаны из города, боевики обстреливали все уцелевшие здания. Европейская комиссия обязалась в течение пяти лет истратить на восстановительные работы миллиард евро. Я рискнул озвучить это обязательство на конференции жертвователей в Мадриде, проводимой под председательством Колина Пауэлла; французы попытались заблокировать инициативу, полагая чрезмерным обязательство оказывать помощь в послевоенном восстановлении Афганистана под руководством США. Позже звучали критические высказывания о том, что для помощи в возрождении этой очевидно бедной страны не выделялись в срок достаточные средства. Министр финансов Ашраф Гани (блестящий экономист и администратор МВФ, слишком недолго пробывший в должности) умолял об оказании помощи, которая позволила бы стране преодолеть крайнюю нищету и перейти в состояние, которое он называл «достойной» бедностью. В сетованиях на запоздалое выделение помощи содержалась доля правды. Жертвователям всегда лучше удаются обещания, чем расходование денежных средств, и даже те средства, которые выделены, не всегда используются надлежащим образом. Однако вскоре стало очевидно, что самая большая проблема заключается в другом. В стране не хватало наземных вооруженных сил. Была небольшая группировка в Кабуле, обеспечивающая безопасность в столице, и спецназовцы, которые прочесывали в поисках «Аль-Каиды» пещерный комплекс Тора-Бора. В остальном военное присутствие было слишком незначительным. Во время той первой поездки мне не разрешили съездить на юг, в Кандагар, так как ситуация в сфере безопасности характеризовалась как слишком рискованная. Пентагон переключил все внимание на подготовку вторжения в Ирак, и союзники Америки по НАТО вздохнули с облегчением, так как их перестали просить о дальнейшей помощи Афганистану. Вопрос был закрыт, дело сделано, миссия выполнена. «Талибана» больше нет. Караван направился далеко на запад, к новым триумфам в другой пустыне. После этого влияние правительства Карзая стало угасать. Указы президента едва преодолевали городские границы Кабула, а наличие государственных органов за пределами столицы обычно зависело от политических сделок между Карзаем, лидерами местных кланов и полевыми командирами. Правительство представляло собой лоскутное одеяло сделок и договоренностей, и становилось все более очевидным, что местные и региональные боссы, которых военные США и ЦРУ, как им казалось,

«купили» еще до свержения режима талибов, оказались лишь «арендованными на сезон», подобно загородному домику.

С самого начала работники гуманитарной помощи, военное командование союзников и политики, такие как Карзай и Гани, опасались, что без международной помощи и поступательного развития Афганистан с легкостью превратится в вотчину производителей наркотиков. Если это произойдет, то путешествие будет не очень долгим. Боевые действия, ведущиеся на протяжении более чем двадцати лет, сформировали в Афганистане откровенно военную экономику, в которой производство опиума и торговля оружием стали основными видами предпринимательской деятельности. Советская оккупация Афганистана в 1979–1989 годы, столкновения между советскими войсками и моджахедами и, конечно же, боевые действия между самими афганцами способствовали уничтожению сельскохозяйственной экономики. Иностранцы сторонники моджахедов, в основном американцы и пакистанцы, потратили миллионы на оказание помощи и монетизацию экономических и социальных отношений в стране, вызвав тем самым инфляцию. В регионах, где выращивание мака не представляет сложности, как, например, в верховье долины Гильменд на юге страны, сочетание почвы и климата создают идеальные условия для производства опиума. Поля в этом регионе дают самые высокие в мире урожаи. И даже те лидеры моджахедов, которых на Западе считали «хорошими парнями», принимали в контрабанде и производстве наркотиков активное участие отчасти, надо признать, для финансирования борьбы против советских войск. Если стратегически нужно было выбирать между оказанием сопротивления и последующим изгнанием советских войск и борьбой с торговлей наркотиками, то результат был предсказуем.

Ахмад Шах Масуд, полевой командир этнических таджиков, проживающих на северо-востоке Афганистана, и создавший крупнейший в стране фронт сопротивления, контролировал не только изумрудные и лазуритовые шахты в родной ему Панджшерской долине, но и ввязался в торговлю наркотиками. Когда спустя примерно десять лет администрация президента США Клинтона обсуждала предоставление Масуду и возглавляемому им Северному альянсу дополнительной помощи для борьбы с талибами и заключения сделки с Усамой бен Ладеном, то основанием для одного из возражений против помощи стала его репутация наркобарона. Опасались, что откровенная поддержка Масуда

вызовет протесты общественности. Существовала и опасность вызвать обеспокоенность пакистанцев и их военной разведки. У пакистанцев на довольствии состояли свои собственные полевые командиры (например, оппонент Масуда и настроенный против американцев Хекматиар), а сами они уже давно стали решительными сторонниками талибов (это слово означает «учащийся [религиозной школы]»)». ⁵

За падением, в 1992 году, поддерживаемого Советами правительства Мухаммеда Наджибуллы последовали годы кровавого противостояния между вооруженными группировками; «Талибан» вышел победителем на всей территории Афганистана, за исключением северо-востока, где победа осталась за Масудом. Первоначально торговля наркотиками помогала финансировать талибов. Они взымали с торговли наркотиками налог в размере 10–20 процентов, направляя вырученные средства в военную кубышку, которой распоряжался их вождь, одноглазый мулла Мухаммед Омар. В июле 2000 года, до свержения, талибы договорились с ООН о запрете выращивания опиумного мака, в рамках усилий, направленных на признание движения со стороны международного сообщества. В сочетании с засухой и падением цен из-за небывалого урожая в 1999 и 2000 годах, запрет привел к сокращению производства опиума на 94 процента. Для занятых в отрасли крестьян это стало гуманитарной катастрофой. У них не было альтернативных источников средств к существованию; программа развития, ранее обещанная ООН, была свернута. Тогда полагали, что талибы прибегают к «тактике стран ОПЕК»: когда цены на продукцию падают, сокращение производства помогает их стабилизировать; у талибов была возможность выпускать на рынок опиум из складских запасов, когда им требовались наличные деньги.

Так обстояли дела в 2001 году, пока режим талибов не был свергнут, и Северный альянс (уже без его главы Ахмад Шаха Масуда, убитого боевиками «Аль-Каиды») вошел в Кабул, поддерживаемый войсками США и союзников. Сбор мака вырос практически сразу. Во время упомянутого первого визита в Кабул я разговорился о наркотиках с моим переводчиком. Он рассказал, что пытался купить для себя и своих родителей дом в той провинции, откуда он родом. В прошлом район этот не был центром производства опиума. А теперь, по его словам, опиум производится в большинстве провинций Афганистана, и цена дома, который он хотел купить, была пересчитана продавцом с учетом прилегаю-

щих к дому гектаров земли, на которой можно выращивать мак. Сегодня, по прошествии нескольких лет с момента фактической ликвидации посевов мака в последний год режима «Талибан», Афганистан производит более 90 процентов от общемировых объемов опиума. Посевные площади составляют почти 200 000 га земли или полмиллиона акров. В 2007 году производство опиума достигло мирового рекорда в 8800 тонн.

Всплеск производства опиума сопровождался ростом числа столкновений с вооруженными формированиями, особенно в провинции Гильменд и в некоторых районах, прилегающих к столице. Это привело к необходимости укрепления сил США, НАТО и союзнических контингентов, к пересмотру изначально ошибочного мнения, что поскольку для поддержания мира в войне с Сербией на каждую тысячу косовских албанцев требуется двадцать солдат, то мир в Афганистане можно поддерживать при помощи одного миротворца на каждые пять тысяч афганцев. В угоду исторической иронии британские силы, которые когда-то сражались с китайцами с целью защитить право Великобритании продавать опиум в их стране, сегодня воюют в Афганистане с целью искоренить производство того же наркотика. Это оказалось чрезвычайно трудной задачей, несмотря на проявленную в боевых действиях храбрость воинов, чьи правительства позволяют им участвовать в военных операциях. Для достижения успеха войска должны быть существенно усилены, а правительствам и парламентам стран НАТО, которые выражают готовность к развертыванию войск в стране только в случае, если солдатам будет гарантирована безопасность, следует задуматься о смысле операции еще раз. Провал в Афганистане, частично обусловленный неполной устремленностью европейских членов НАТО, приведет к огромной потере доверия к Европе и нанесет ущерб ее притязаниям на роль гаранта безопасности в мире, а также поставит под вопрос роль и цели НАТО в будущем.

Давление, оказываемое на Европу с целью добиться предоставления Афганистану невоенной поддержки и помощи в развитии, а также дополнительных войск, возросло после избрания президентом США Барака Обамы, приверженность которого принципу многосторонних отношений потребовала большей отдачи от союзников, регулярно упрекавших его предшественника за отсутствие консультаций с европейскими правительствами и желание поступать по-своему. Обама стал в Европе народным

любимцем, например в Берлине, куда он приезжал с визитом в качестве кандидата. Теперь его администрация настаивает, что партнеры должны не только получать, но и давать. От европейцев требуется нечто большее, чем аплодисменты. Вскоре после избрания в 2009 году президент Обама направил в Афганистан еще 17 000 солдат (в дополнение к уже находившимся там 65 000 американцев), для укрепления сил, обеспечивающих безопасность на юге страны, и создания условий для проведения в стране очередных президентских выборов. Что готовы были сделать европейцы в дополнение к предпринимаемым мерам? Позволят ли самые обеспокоенные среди них развернуть свои военные силы в самых опасных районах Афганистана? Позволят ли солдатам выполнять свои прямые обязанности, а не исполнять функции государственных служащих с предусмотренными для них нормами по охране здоровья и безопасности и рекомендациями не выходить на улицу после наступления темноты? От ответа Европы на афганские вопросы будет зависеть многое, но главным образом ее авторитет как партнера США.

Искоренение наркобизнеса в Афганистане сопряжено с определенными трудностями. Во-первых, по расчетам МВФ, торговля наркотиками составляет от 40 до 60 процентов ВВП страны. Хотя для производства опиума используется только около 4 процентов сельскохозяйственных угодий Афганистана, в нем занято 14 процентов населения; эта цифра может оказаться больше, если учитывать обширность семей и кланов афганского общества. Для многих из этих людей сбор мака или выполнение иных функций в торговле наркотиками представляет собой единственно возможный источник доходов и спасает их от нищеты. Побуждение к возделыванию других культур — фруктов, овощей, злаков — не представляется легкой или хорошо оплачиваемой альтернативой. Для выращивания пшеницы требуется больше воды, чем для выращивания мака, да и закупочные цены на зерно существенно ниже. В течение года после падения режима талибов было подсчитано, что афганские фермеры могут выручить 13 000 долларов с каждого гектара мака — в сравнении с 400 долларами с гектара пшеницы. Комплексная программа развития сельского хозяйства должна подразумевать нечто большее, чем просто выращивание альтернативных культур. Она должна включать развитие инфраструктуры и инвестиции в страну, разоренную годами войны. Необходимо также обеспечить доступность банковских кредитов,

возможность закупки семян, удобрений, маркетинговую помощь фермерам и заработка от деятельности вне фермы, и все это еще до того, как афганцы начнут выращивать мак, который приносит приемлемый и гарантированный доход. С учетом слабости государственной власти и сектора государственных услуг реализация указанных мер весьма затруднительна, к тому же в стране, в которой множество зон, куда запрещен доступ представителей общественных организаций и других гражданских лиц. Определенных успехов достигли усилия по созданию островков экономической деятельности вокруг размещенных в стране воинских частей. Но, как и создание работоспособной модели развития сельского хозяйства по всей стране, это — долгая и кропотливая работа.

Разница в подходах со всей очевидностью обнажает несовпадение целей США и их союзников по НАТО в Афганистане. Во-первых, коалиция стремилась подавить мятежных талибов и «Аль-Каиду» и наделить президента и его коллег в Кабуле полномочиями, распространяющимися на всю страну, пусть даже путем сделок с теми полевыми командирами, которые не намерены предоставлять убежище и оказывать помощь боевикам, цель которых в нагнетании нестабильности в регионе (Пакистан, Центральная Азия, Иран) и за его пределами. Сомневаюсь, что кому-то кажется реалистичной цель установления демократии, завещанной «отцами-основателями» США, от границ Белуджистана до гор и ущелий Гиндукуша. Всем хочется видеть в Афганистане хотя бы толику стабильности — пусть и сильно отличающуюся от стабильности в штате Коннектикут или графстве Суррей. Справедливости ради следует заметить, что Афганистан был довольно мирным государством во времена правления последнего короля, Мухаммеда Захир-шаха, до его свержения в результате дворцового переворота 1973 года (если быть точным, переворот произошел, когда он лечил люмбаго, принимая в окрестностях Неаполя грязевые ванны). Он ненадолго возвращался в Кабул после изгнания талибов. Его, изысканного пожилого джентльмена много старше девяноста лет, почитали как отца нации.

Я был у него с визитом на вилле, в обстановке которой сочетались предметы из универмага «Дерри энд Томс» и афганские реликвии. Расположившиеся в креслах немногочисленные придворные наклонялись к нему всем телом в попытках уловить каждое еле слышное слово. Он был одет так, словно собирался посетить званый ужин в лучшем из гольф-клубов. Казалось, он слиш-

ком хорош для этого мира или по крайней мере для той его части, которой он когда-то правил. Вскоре после нашей встречи он, увы, 23 июля 2007 года этот мир покинул.

Сегодня дилемма состоит в следующем — как выиграть битву против мятежников, если мы не владеем сердцами и умами представителей общин, из которых мятежники набирают сторонников? Сердца и умы близки к желудкам и будут наверняка потеряны, если уничтожить источники средств к существованию, а в качестве альтернативы предложить людям нищету. Таким образом, вторая цель союзников — искоренение торговли наркотиками — противоречит успеху в достижении первой. Никому еще не удалось решить эту проблему. Военные действия продолжаются. Торговля наркотиками идет своим чередом. Каждую ночь на улицах Лондона, Антверпена, Парижа и Мадрида изнуренные наркоманы продолжают впрыскивать себе в вены все более сильнодействующий афганский героин, а дилеры жиреют от прибылей. Тем временем арена боевых действий расширяется, так как Кабул и его западные союзники, похоже, бросили вызов пуштунским племенам на юге страны. Пока ситуация не изменится, борьба с доминирующей этнической группой Афганистана — в прошлом главными сторонниками талибов — обещает быть долгой, кровавой и без шансов на победу.

Один из способов противодействия производству опиия — это уничтожение посевов путем опрыскивания или других методов ручного контроля. Великобритания выступает за такой подход, предлагая фермерам, после уничтожения их посевов, альтернативные источники средств к существованию. Американские критики сочли такую тактику слабой и неэффективной. Следует признать, что такой подход потребует времени и всестороннего развития сельского хозяйства, о чем говорилось выше, и даже если он сработает, то риск резкого сокращения доходов по-прежнему останется высоким. В результате рано или поздно мак все равно будут выращивать для погашения возросших долгов. Альтернативой, поддерживаемой многими американцами, во всяком случае в годы правления Буша, было авиационное опрыскивание маковых полей гербицидами (осуществлявшееся под руководством Уильяма Вуда, бывшего посла США в Колумбии, прозванного Химический Билл); в настоящее время для опрыскивания может потребоваться авиационная поддержка в таком объеме, какую США вряд ли смогут обеспечить на постоянной основе. Этот метод использовался в

Колумбии и Боливии, но был сопряжен с большими политическим издержками и привел к весьма ограниченным результатам. Из каждых шестидесяти семи акров кокаиновых кустов, подвергшихся опрыскиванию во время работы Химического Билла в Колумбии, уничтожен был только один акр растений (то есть чуть больше 4 тыс. кв. м. — *Ред.*). Некоторые эксперты утверждают, что масштабная программа опрыскивания была успешной, а другие настаивают, что общий объем производства коки вырос на 30 процентов. Закон спроса и предложения предполагает, что если бы опрыскивание привело к дефициту кокаина, то его цена на улице стала бы расти. Но после начала массированного опрыскивания цена наркотика на американских улицах, наоборот, упала⁶. Авиационное опрыскивание уничтожает не только наркотические растения, но и овощи, фрукты, злаки. Оно может сказаться и на здоровье человека, и есть подтверждения того, что опрыскивание вызывает кожные заболевания и проблемы с дыханием, особенно у детей. Это портит отношения с сельским населением, а в Афганистане может напомнить селянам времена, когда советские вертолеты использовались для обстрелов их домов. Если опрыскивание будет продолжаться или усиливаться, то в гибели от необъяснимой болезни каждой афганской коровы и ребенка будут обвинять США и правительство Карзая. Ашраф Гани, занимающий ныне должность председателя Института государственной эффективности, утверждал: «Сегодня многие афганцы считают, что экономике и нарождающейся демократии угрожают не сами наркотики, а непродуманное отношением к ним».

Для решения проблемы наркотиков выдвигалось еще одно, более комплексное предложение — подход, при котором крестьяне не подвергались бы лишениям, поскольку он подразумевал легализацию выращиваемого мака. Описанный метод использовался в Турции, которая в 1960-е годы была одним из основных мировых производителей нелегального опиума. Турция, при поддержке Америки и ООН, перешла на лицензирование выращивания мака. Легальные фабрики пришли на смену нелегальным. Они закупали опиум у лицензированных фермеров и выпускали морфин, кодеин и другие легальные опиаты. С учетом роста спроса на эффективные средства обезболивания предполагалось, что подобную схему (успешно применявшуюся также в Индии) следует опробовать и в Афганистане. Идея выглядит настолько убедительно — доходы для фермеров, сокращение доходов торгую-

ших наркотиками вооруженных бандитов, НАТО не придется сочетать выполнение боевых задач с задачами по борьбе с наркотиками, — что заслуживает здесь более подробного обсуждения.

Первый тезис состоит в том, что общемировое предложение опиатных медикаментов не соответствует глобальному спросу. В действительности глобальное производство опиатного сырья в течение последних нескольких лет существенно превышает общемировое потребление. Мировой спрос на легальное опиатное сырье составляет 400 тонн; производятся 500 тонн; запасы опиатного сырья составляют 850 тонн и с каждым годом увеличиваются; из афганского урожая 2007 года можно изготовить 1000 тонн морфина (1 кг морфина получается примерно из 7 килограммов опиума). Во многих странах и правда ощущается нехватка наркотических препаратов медицинского назначения, хотя запасы опиатного сырья продолжают расти, и нынешние производители — такие как Австралия, Франция, Венгрия и Испания, а также Индия и Турция — могут и готовы увеличить производство в случае, если мировой спрос повысится. Основными причинами низкой доступности определенных лекарств в некоторых странах мира, по данным Международного комитета по контролю над наркотиками, остаются недостаточно развитая система здравоохранения, негативное восприятие опиатных препаратов многими медицинскими работниками и пациентами, а также чрезмерно строгие нормативы и правила, в частности в отношении импорта. Факт медицинской потребности не так просто трансформировать в наличие реальных потребителей и реальный экономический спрос на афганский опиум. Относительное преимущество Афганистана в выращивании мака — это его нелегальность. Афганские земледельцы, выращивающие мак, «нуждаются» в больших участках земли, находящихся за пределами досягаемости существующей правовой системы, какой бы несовершенной она ни была.

Опий в качестве «легальной культуры» столкнется с проблемами, которые имеют общую природу для других сельскохозяйственных продуктов — плохая инфраструктура, устаревшие технологии производства, медленный и неэффективный выход на рынок. Высокая стоимость наркотиков частично обусловлена запретом; разница в цене нелегального и лицензионного опиума очень велика. Если попытаться изменить это соотношение за счет повышения цен на лицензионный опиум, то неизбежным резуль-

татом станет сокращение объемов опиума, поступающего на нелегальный рынок и, следовательно, резкое его удорожание, что может привлечь новых производителей. Прибыль от нелегальной торговли будет гораздо выше прибыли, получаемой на легальном рынке. Наркаторговцы всегда могут перебить цены, выплачиваемые государством за легальные наркотики (как это происходит в Индии, где около четверти урожая перетекает на нелегальный рынок). Более того, обсуждаемое предложение, по сути, представляет собой субсидию. А почему субсидироваться должны только производители, выращивающие мак? Что делать с хозяйствами, которые на протяжении последних нескольких лет на законных основаниях выращивали пшеницу, гранаты и дыни?

Ликвидирует ли «турецкая система» основной источник финансирования талибов и «Аль-Каиды» в Афганистане? Возможно, что в какой-то степени и устранил, но у этих вооруженных группировок есть и другие источники дохода (контрабанда, например), и они, скорее всего, опорожнят свои склады наркотиков в том случае, если их доход серьезно сократится от перехода на легальное производство. Их новыми мишенями наверняка станут крестьяне и земельные участки, задействованные в любой государственной системе, а также чиновники, необходимые для ее реализации. Для предотвращения политического, этнического и племенного конфликта лицензионное производство придется развернуть на огромной территории. Необходимо привлечь фермеров по всей стране, в противном случае пуштунскому фермеру придется объяснять, почему он не может выращивать мак в провинции Гильменд на юге страны, а таджик на севере может выращивать мак легально, да еще и с государственными субсидиями?! Весьма сомнительно также то, что «турецкая система» позволит снизить афганскую коррупцию; лицензирование и регулирование границ между легальным и нелегальным рынками станет богатой почвой для наживы недобросовестных чиновников.

К сожалению, описанный подход не сможет быстро исправить ситуацию в Афганистане или стать идеальным решением в сфере борьбы с наркаторговлей, не усложнив и не усугубив при этом положение в области безопасности. Необходимы терпение, последовательность и довольно обременительная и длительная работа. Во-первых, для искоренения торговли наркотиками и связанной с ней коррупции нужна политическая воля, исходящая от высшей государственной власти, включая президента. Во-вторых, органи-

зации и страны, оказывающие международную помощь, должны придать наивысший приоритет развитию сельских районов, и, возможно, им следует в первую очередь сосредоточиться на тех районах, которые пока не заняты выращиванием мака и могут быть «привиты» от искушений наркобизнеса. При наличии реальных и устойчивых альтернатив выращиванию мака легче будет обосновать и реализовать регулируемое искоренение посевов. Комплексное развитие сельских районов предусматривает не только упомянутые меры, но и обеспечение безопасности, развитие систем образования и здравоохранения. В-третьих, мы отмечаем уже исключительную важность подготовки и наличия надлежащим образом управляемой, очищенной от коррупции полиции в условиях надзора за ее деятельностью. На афганскую полицию уже истрочены огромные средства — большей частью впустую; никто не знает, к примеру, что произошло более чем с 40 процентами помощников полицейских, получивших за счет международной помощи униформу, оружие и прошедших десятидневную подготовку. Где они сейчас?

По разным оценкам, сегодня в Афганистане смертоносным наркобизнесом управляют двадцать пять или тридцать ключевых торговцев, со своими лабораториями, складами и сетями распространения в Пакистане, Средней Азии и Иране. Мишенью должны стать именно они и созданная ими инфраструктура. Два основных пути доставки на ключевой для них европейский рынок пролегают через Среднюю Азию, на север, и через Иран, на запад. В Средней Азии существует давняя традиция употребления и контрабанды опиатов, а афганская война Советского Союза в 1979–1989 годах привела к увеличению наркозависимости и облегчила трансграничную торговлю. После распада Советского Союза нестабильные социальные и политические условия, слабая экономика и повсеместная коррупция в среднеазиатских республиках превратили их в основной коридор доставки наркотиков в Грузию и, в меньшей степени, в Армению и Азербайджан. В превращении отдаленных горных участков Панкисского ущелья на северо-востоке Грузии в центр по переупаковке наркотиков из Афганистана основную роль сыграли, несомненно, чеченцы. Мутный мир грузинской политики, низкий моральный уровень и ничтожные зарплаты российских военнослужащих, уголовный характер чеченских бандитских формирований, прозрачность границ и вмешательство России в Закавказье (поддержка еще за

несколько лет до войны 8 августа 2008 года претензий на автономию грузинских провинций Абхазии и Южной Осетии) — все это сформировало в регионе благоприятную среду для наркоторговцев.

Маршрут через Иран ведет в Турцию, арабские страны, а затем на Балканы. Один из многих парадоксов наркоторговли состоит в том, что США фактически потворствовали контрабанде наркотиков моджахедами, чтобы оплатить их войну против советских войск в 1980-е годы, а Иран, обложенный санкциями, фактически находился на передовой линии в войне против наркотиков, выполняя опасную и достойную похвалы функцию. Наркоторговцы всегда были вооружены лучше иранских правоохранителей; иногда у контрабандистов были даже ракетные пусковые установки и зенитные комплексы «Стингер», которые ЦРУ поставляло боевикам, противостоявшим советской оккупации Афганистана. Иран, внесенный в черный список стран-изгоев, испытывал трудности из-за запрета доступа к западным технологиям, которые могли бы упростить и обезопасить работу правоохранительных органов. Примерно 80 процентов потребляемого в Европе героина поступает через Турцию, вопреки огромным усилиям турецкой полиции. Рабочая партия Курдистана (РПК), марксистско-ленинская курдская вооруженная группировка (применяющая террористические методы для достижения курдской автономии), принимала участие в торговле наркотиками наряду с другими курдскими и турецкими этническими организациями. РПК играла важную роль во всех сферах наркобизнеса, от создания лабораторий по изготовлению наркотиков до их реализации на улицах Европы. После распада Югославии активизировались преступники, занимающиеся всеми видами криминальной деятельности, и бандитам стало легче использовать старые балканские торговые пути. Балканские страны обладают статусом, который позволяет им быть одновременно внутри и за пределами Европы. Помимо наличия у балканских стран других значительных недостатков, включая коррупцию их правительств и госаппарата, они зачастую не обеспечивают надлежащий пограничный контроль, несмотря на достаточно существенную помощь от ЕС. При этом в Боснии, к примеру, насчитывается более 400 пограничных пунктов.

На протяжении последних лет Афганистан оставался крупнейшим поставщиком героина, но этот наркотик производится и в Золотом треугольнике, включающем восточную Бирму (Мьянму), западный Лаос и (первоначально) север Таиланда.

Объемы производства героина росли наряду с объемами амфетаминов, именуемых «шака» или «лед» и предназначенных в первую очередь для Китая, других стран Азии и Австралии. Торговлю амфетаминами контролировали китайские «триады» (тайные преступные организации в Китае и в китайской диаспоре), что привело к росту числа наркоманов в западной китайской провинции Юньнань и на юге страны, а также к эпидемическому росту потребления амфетаминов в Таиланде. По сведениям ООН, объемы выращивания опиийного мака в Бирме (Мьянме) и в Лаосе существенно сократились, а на севере Таиланда в настоящее время характеризуются как незначительные, что объясняется ростом экономики страны. Авторитарный военный режим в Бирме часто обвиняют в преднамеренном поощрении наркоторговли. По всей вероятности, это не вполне справедливо по отношению к Татмадав (так называются Вооруженные силы Бирмы), хотя лично я не склонен считать генералов людьми, заслуживающими доверия. Под их руководством разрушена экономика страны, для удержания власти военные зверски расправляются с оппонентами, они отказались от гуманитарной помощи гражданам Бирмы после разрушительного урагана в 2008 году и почти двадцать лет держат под домашним арестом или в тюрьме лауреата Нобелевской премии Аун Сан Су Чжи. (Мне в свое время удалось получить запись интервью с Аун Сан Су Чжи для документального телефильма, в создании которого я принимал участие, но я никогда не встречался с ней лично. Даже когда одна из моих бывших личных секретарей занимала должность посла Великобритании в Янгоне (Рангуне), мне не удалось воспользоваться присутствием в стране моей старой знакомой и встретиться с отважным лидером оппозиции.)

На протяжении многих лет Запад придерживался довольно неэффективной политики изоляции бирманского режима, налагая запреты на поездки и отдельные санкции. Сократились американские и европейские инвестиции в богатую энергетическими ресурсами Бирму, доведенную правительством до обнищания, хотя на газовых и нефтяных месторождениях по-прежнему работают «Тоталь» и «Шеврон». Впрочем, для ослабления власти военных или освобождения Аун Сан Су Чжи не было сделано ничего. Попытки стимулирования изменений в политике Бирмы, предпринимаемые ее соседями, также выглядят жалко. Соседние с Бирмой страны, члены Ассоциации государств Юго-Восточной

Азии (АСЕАН), привыкли читать всему миру лекции о преимуществах выстраивания отношений с Бирмой при помощи «метода АСЕАН»; они очень напоминают те африканские страны, представители которых в частных беседах сетуют на Мугабе*, но не готовы предпринять хоть что-то действенное для его свержения. А в это время гибнут люди. «Метод АСЕАН», похоже, заключается в едва слышном цоканье языком, настолько невнятном, чтобы исключить всякую возможность появления недружелюбных заголовков в каком-либо из региональных изданий. Небольшие изменения произошли после расстрела бирманской военщиной буддийских монахов в 2007 году в столице Мьянмы Янгоне; этого чудовищного преступления оказалось достаточно, чтобы выдать несколько слов протеста от правительства Сингапура, а также от более прямолинейного президента Филиппин. Но генеральный секретарь АСЕАН, Он Кен Йон, был против охлаждения отношений с Бирмой. «Это часть нашей семьи», — сказал он. Крупные соседи Бирмы, Китай и Индия, выглядели еще более жалко. Обе эти страны, в обоснование отсутствия давления на военщину, ссылаются на государственные интересы, а также на принцип незыблемости государственного суверенитета. Для китайцев весы уравниваются бирманской нефтью; индийцы опасаются возможности перетекания в Индию этнического конфликта на севере Бирмы и дальнейшей дестабилизации в штате Нагаленд. Но какими бы ни были обоснования, Китаю и Индии не следует ждать ничего хорошего от такого нищего и нестабильного соседа ни сегодня, ни в долгосрочной перспективе. Примеры Бирмы и Зимбабве должны напоминать нам, что положительные изменения в недееспособных государствах с безжалостными правительствами практически неосуществимы без поддержки соседей, заключающейся в жесткой политике кнута.

Тем не менее, как уже говорилось, я считаю не вполне необоснованными обвинения в адрес военного режима Бирмы — изначально известного под неказистой оруэлловской аббревиатурой СЛОПК (Государственный совет по восстановлению закона и порядка), ныне именуемого Государственным советом мира и развития — в преднамеренном соучастии в наркоторговле. Власть Янгона отвергалась полевыми командирами и этническими груп-

---

* Роберт Мугабе (1924), бессменный руководитель Зимбабве с 1980 года.

пировками уже с момента обретения страной независимости в 1948 году. Длительное противостояние между правительством и представителями некоторых из 100 различных, хотя и тесно переплетенных, этнических меньшинств часто перерастало в ожесточенные вооруженные столкновения. Такие группировки частично финансируются за счет наркотрафика. Бирманские военные опасаются вступать в открытую борьбу с армиями наркоторговцев в приграничных районах, в которых выращивается опий и проживают этнические меньшинства. Когда у власти будет новое демократическое правительство, ему не следует надеяться, что существующие проблемы исчезнут сами собой, ему придется обратиться за международной помощью. Не стоит забывать, что США, к примеру, сотрудничали с Бирмой в сфере контроля над наркотиками вплоть до начала гонений на Аун Сан Су Чжи и повсеместного нарушения прав человека. Новому законному правительству надо будет также попытаться урегулировать споры с наиболее миролюбивыми этническими группами, удовлетворив их законные политические чаяния. Новое правительство не обойдется без расширенной помощи, которая позволит уберечь экономику от свободного падения и заложить основы экономического развития, что станет лучшим средством против выращивания мака, производства амfetаминa и контрабанды наркотиков. В заключение следует отметить, что хотя бирманские генералы и не занимаются собственно наркобизнесом, некоторые из них, без сомнений, получают от него прибыль. Коррупция ведет к сговору между военными и армиями наркобаронов. Новому правительству придется решать эту проблему. В любом случае борьба с наркобизнесом в Бирме потребует много времени и усилий, вне зависимости от того, кто поставит перед собой соответствующую задачу. Соседи Янгона больше всех заинтересованы в решении проблемы⁷.

По понятным причинам основное внимание вашингтонских стратегов по борьбе с наркотиками было направлено на страны, расположенные к югу от США. Наиболее часто используемый маршрут транзита наркотиков — мексиканская граница, а основные источники кокаина — это Колумбия, Перу и Боливия. Вооруженные столкновения между леворадикальными повстанцами из ФАРК и военизированными, так называемыми (в основном ими самими) силами самообороны, привели к тому, что Колумбия оттеснила Перу с первого места в списке стран-про-

изводителей коки. За добрых двадцать лет США истратили миллиарды долларов на помощь колумбийской армии в борьбе с торговлей наркотиками, что обеспечило огромную прибыль как ФАРК, так и их противникам, не говоря уже о менее политически ангажированных наркокартелях и наркобаронах. Можно упомянуть определенные успехи — аресты, экстрадиции, эффективное освобождение Ингрид Бетанкур*, приговоры, конфискации, разгром наркокартелей в Кали и Медельине. Но поток наркотиков не иссякает, а ведь за программу химобработки посевов коки пришлось уплатить немалую политическую цену, что к тому же стимулировало наркокартели к выведению новых видов коки, устойчивых к гербицидам⁸.

Испания — основной пункт доставки кокаина из Латинской Америки в Европу. Нидерланды — еще один важный центр нелегальной торговли кокаином. Кокаин доставляется через страны Карибского бассейна, в основном через Нидерландские Антильские острова. Уровень потребления кокаина в Европе растет; этот наркотик недорогой. Мне рассказывали, что торговлю кокаином можно наблюдать даже в самом центре цивилизованного Оксфорда, в субботу вечером, прямо возле банкоматов, и что доза обойдется не дороже нескольких рюмок в пабе. Употребление кокаина приобрело опасную и весьма загадочную привлекательность. Установлены факты сотрудничества между террористическими группировками и наркокартелями при продаже в Европе кокаина и героина. ИРА и баскская ЭТА замешаны в торговле наркотиками и оружием. ЭТА, как известно, использовала доходы от продажи кокаина и героина для оплаты незаконных поставок оружия. Договоренность об этом была заключена с мафиозной организацией Каморра, базирующейся в Неаполе.

Основное звено в цепочке взаимодействия между террористами в Колумбии (ФАРК) и ИРА было вскрыто в августе 2001 года, когда колумбийские власти арестовали в Боготе трех экспертов ИРА по взрывчатым веществам. Эти трое были членами более крупной группировки, численностью, вероятно, около пятнадцати человек, которые курсировали между Колумбией и Европой в

---

* Ингрид Бетанкур (1961), колумбийский политик, кандидат в президенты страны, активно выступала против наркобизнеса. В феврале 2001 г. была захвачена в плен боевиками ФАРК. Провела в плену 6 лет. Была освобождена в 2008-м в результате спецоперации.

рамках выполнения договоренности на сумму 2 миллиона долларов, по которой террористы ИРА обучали членов ФАРК обращению с оружием, взрывчатыми веществами и приемам уличных боев. Притом что после Белфастского соглашения 1998 года ИРА пребывает в режиме «прекращения огня», российские спецслужбы сообщили, что в 2001 году ИРА закупила двадцать высокоэффективных штурмовых автоматов российского производства АН-94 (у коррумпированных российских торговцев), направив на это дорогостоящее приобретение деньги, предположительно полученные от ФАРК. ИРА и другие террористические группировки закупают оружие на Балканах, к примеру в Боснии и Герцеговине и в Хорватии, расплачиваясь кокаином, поступавшим им как часть оплаты от ФАРК. Одним из балканских торговцев оружием был бывший боснийский серб, разыскиваемый за военные преступления. В целом торговля оружием и торговля наркотиками в Северной Ирландии сильно взаимосвязаны, что я обнаружил во время работы председателем комиссии, занимавшейся реорганизацией полицейской службы в провинции (Северной Ирландии) после Белфастского соглашения. Согласно оценке Полицейской службы Северной Ирландии, проведенной в 2001 году, чуть более половины из семидесяти восьми преступных группировок в этом регионе были на тот момент или когда-то ранее связаны с республиканскими (католики) или лоялистскими (протестанты) военизированными организациями, включая ИРА. Более двух третей членов банд занимались торговлей наркотиками. Особо рьяно наркотиками промышляли лоялистские группировки, и зачастую, вместо того чтобы торговать самим, они предоставляли наркоторговцам «франшизы» на работу на территории, которую считали своей⁹.

Как уже отмечалось ранее в этой главе, наиболее широко потребляемый нелегальный наркотик — это каннабис. В прошлом основным источником каннабиса для Европы было Марокко. По данным аэрофотосъемки, проведенной в 2003 году марокканским правительством и УНП ООН, было подсчитано, что выращиванием конопли в северных провинциях Марокко, в том числе в горном массиве Риф, занимаются 96 600 домохозяйств. К этой работе привлечены около 800 000 человек, составляющих две трети сельских домохозяйств региона. Посевами конопли покрыто более четверти обследованных пахотных земель, с общим объемом производства чуть менее 50 000 тонн. Общий доход хозяйств от выра-

щивания каннабиса составлял более 200 миллионов долларов в год, более 2000 долларов на семью. Продукты переработки конопли транспортируются из фермерских хозяйств и расположенных в горах Риф тайников оптовым торговцам на побережье, которые занимаются организацией перевозки товара на основные рынки в Европе. ЕС пытался, довольно бессистемно, оказать содействие развитию в Марокко сельского хозяйства и экономики в целом, что создало бы альтернативу выращиванию конопли, но выпасу коз и выращиванию плодовых деревьев марокканцы предпочитают посеvy конопли. Кроме того, насколько я помню из собственного опыта работы в Европейской комиссии, в Брюсселе всегда были определенные сомнения в отношении того, насколько чистосердечно марокканские власти привержены идее ликвидации производства наркотика¹⁰.

Международное разделение труда в сфере выращивания и торговли каннабисом было недолговечным, причем посевные площади каждые десять лет возрастали вдвое. Сегодня наибольшие объемы наркотика производятся в западных странах, где и потребляется большая его часть, — в Канаде, например, где вьетнамские банды, потеряв контроль над нелегальной торговлей древесиной, переключились на выращивание конопли. Считается, что на большинстве британских «ферм» тоже заправляют вьетнамцы; в период с 2005 по 2007 год здесь было прикрыто 1500 таких производственных подразделений — зачастую за ними присматривали нелегально прибывшие молодые люди, жившие в пригородных домах. Кража электроэнергии из публичной сети существенно удешевляет энергоемкий процесс выращивания. Беспокойство по поводу широкого потребления конопли было вызвано тем, что курить стали сильнодействующие сорта (Белая вдова, АК-47, Радость партизана), а также на почве исследований, показавших связь курения конопли с шизофренией, что, впрочем, впоследствии было опровергнуто.

Употребление каннабиса, во всяком случае, не создает той цепочки проблем, которые ассоциируются с героином и его контрабандой. Существуют убедительные доказательства, что несоблюдение правил безопасности при инъекции героина привело к распространению вируса ВИЧ на маршрутах нелегальной перевозки наркотика из регионов Золотого треугольника и Золотого полумесяца. Из-за несоблюдения правил безопасности при инъекциях гемоконтактные патогены, в том числе ВИЧ и вирус гепатита С,

широко распространились в таких странах, как Бирма (Мьянма) и Китай (где в расположенной к востоку от Бирмы провинция Юньнань зафиксирован самый высокий в стране уровень инфицированности ВИЧ). Пользование общими иглами приводит к росту заболеваемости и в странах Золотого полумесяца, а также в граничащих с ними странах, таких как Афганистан, Таджикистан, Казахстан, Россия и Украина. В Африке в большинстве случаев СПИД передается половым путем, а в Юго-Восточной Азии, за исключением разве что Камбоджи, все значительные вспышки ВИЧ связаны с героином и использованием шприцев. На некоторых из основных маршрутов наркотрафика риск передачи увеличивается за счет доступности сексуальных услуг — болезнь передается, к примеру, через занятых в автотранспортной отрасли Пакистана молодых мужчин — работников секс-индустрии. Во время моей службы в Гонконге городу удалось избежать наихудших последствий проблемы СПИДа и наркотиков, охватившей большинство других стран Азии. Это стало возможным благодаря разумным программам лечения от героиновой зависимости и метадоновой заместительной терапии, которая стала доступной по запросу всем наркоманам. Метадон представляет собой заменитель опиатов. Успешные программы обмена использованных шприцев на новые привели к снижению заболеваемости ВИЧ в Нидерландах, Австралии и Великобритании; долгосрочная метадоновая поддерживающая терапия также снижает риск распространения ВИЧ.

Абсолютно ясно, что основная цель программы обмена шприцев состоит не в ликвидации наркозависимости и потребления наркотиков; она предназначена для ограничения пагубных последствий употребления наркотиков. Снижение наносимого вреда все чаще рассматривается в качестве одного из аспектов политики борьбы с наркотиками, который заслуживает большего внимания. Я уже писал, что иногда обществу приходится корректировать свое поведение и свои правила так, чтобы ограничить ущерб, наносимый явлением, искоренить которое общество не в состоянии. Я привел в качестве примеров незаконное использование сети Интернет, проституцию и незаконную иммиграцию. Поиск способа сосуществования в несовершенном мире — это не всегда признак малодушия; иногда это свидетельство благоразумия. Это утверждение верно и с точки зрения политики в отношении наркотиков. Я сам не сторонник всеобъемлющей легализации

наркотиков — приравнивания марихуаны, амфетаминов, кокаина и героина к алкоголю и табаку. Однако для решения проблемы наркотиков нужно нечто большее, чем моральное порицание.

Во-первых, существует мнение (которое я не разделяю), что в свободном обществе людям должна быть предоставлена свобода решений в отношении того, что делать с собственной жизнью. Если именно так мы поступаем с потреблением алкоголя и табака, то почему бы нам не выбрать ту же линию поведения в отношении героина, кокаина и марихуаны? Не следует ли нам испытывать законную тревогу в отношении всех кажущихся нелепыми действий государства? Уровень преступности можно снизить, о чем бы ни свидетельствовали удручающие показатели; но преступность невозможно искоренить, что бы об этом ни думали последователи Панглосса. Злодеяние присуще природе человека. Иногда оно бывает следствием глупости или несправедливости законов; иногда проявлением варварства в нашей природе. Мудрость заключается в различении двух этих состояний и в соответствующих действиях. Люди хотят, чтобы им было позволено жить своей жизнью; варваров необходимо обуздать. Но ничто не спасет нас в том случае, если мы будем считать варваром всякого, у кого в кармане оказалась «доза».

Прагматическое обоснование легализации представляется мне более убедительным, чем «философское». Нынешняя политика фактически не работает. Возможно, в какой-то стране сократились площади посевов; в другой — победили эпидемию распространения наркотиков. Но Афганистан, Бирма и Колумбия по-прежнему в огне; банды до сих пор зарабатывают на наркотиках больше, чем от любой другой преступной деятельности; в тюрьмах полно стареющих наркоманов. В Великобритании и в других странах «отсутствуют признаки того, что политика в сфере наркотиков влияет на численность их потребителей или на долю потребителей, у которых выработалась зависимость»¹¹. В конфиденциальном докладе, представленном лейбористскому правительству Блэра в Великобритании, утверждается, что, несмотря на усилия, направленные на разрыв цепочки поставок, потребление кокаина и героина растет, цены падают и наркотики по-прежнему доходят до потребителей¹². В США выросло число осужденных наркоманов; цены на наркотики снизились. В США когда-то не сработал сухой закон. Он очевидным образом не срабатывает и с современными наркотиками. Производство идет в ногу с растущим спро-

сом, а цены падают. Криминализированы доходы организованной преступности, как и потребители наркотиков. Неудивительно, что в странах, откуда поступают наркотики, растет негодование оттого, что страны, ответственные за большую часть потребления, столь неэффективны в снижении спроса. Мы подписываем декларации ООН о концепции общей ответственности в сфере борьбы с наркотиками, а сами тем временем строим весьма неэффективную политику на сокращении поставок и криминализации наркомании.

Следует ли Великобритании легализовать наркотики? Многие факты указывают на необходимость двигаться в этом направлении. Но сам я не могу зайти так далеко. С этим подходом связан слишком большой риск, особенно для наркозависимых. Легализация не поможет ликвидировать преступность. И, несомненно, противопоставит Великобританию Соединенным Штатам, которые сегодня и слышать не хотят об альтернативах «войне с наркотиками» — войне, которая, дескать, должна вестись со всей строгостью закона, даже если его величие и поистрепалось. Вероятнее всего нам, британцам и европейцам, следует склонить США к более эффективному подходу, доказав, прежде всего самим себе, что наш принцип действен. Я не сторонник принудительного лечения лиц, употребляющих героин и каннабис, так как считаю, что они мало отличаются от приверженцев сигарет и пива. Но при этом я бы разграничил употребление наркотика и его производство, транспортировку, распространение и продажу. Я бы выносил суровые приговоры с лишением свободы за выращивание, изготовление, импорт и продажу наркотиков, соотнося тяжесть наказания со степенью опасности наркотика. Я бы привлекал к ответственности за владение наркотиками в количествах, превышающих небольшие. Я не наказывал бы лишением свободы потребителей, но настаивал бы на обязательной регистрации потребителей тяжелых, относительно более опасных наркотиков, с обязательным медицинским наблюдением и лечением. Нам, конечно же, следует тратить больше средств на лечение наркозависимости и наркомании — к примеру, на психотерапию, лечение метадонем и другими методами замещения опиатов для героиновых наркоманов. Такие программы не дают абсолютного результата, но приводят к снижению общих показателей потребления наркотиков и уровня преступности среди наркоманов. При этом они достаточно эффективны с экономической точки зрения. Нам нужно тратить больше средств на клиники,

в которых наркоманы смогут получать чистые иглы и проходить сеансы психотерапии. Политика в области наркотиков должна разграничивать преступления и акты насилия, связанные с покупкой, продажей и контрабандой наркотиков, с одной стороны, и их потребление — с другой. Потребление наркотиков следует отнести к проблемам здравоохранения, как и потребление алкоголя и табака. Преступления, связанные со злоупотреблением наркотиками, например насилие, связанное с алкогольным или наркотическим опьянением, должны наказываться соразмерно. Внутреннее законодательство должно быть направлено на сокращение вредных последствий наркозависимости. Тех, кто вредит другим, нужно наказывать; тем, кто решил навредить себе, нужно оказывать помощь.

Сходные, но более комплексные предложения были выдвинуты в Великобритании Королевским обществом покровительства искусствам¹³. Авторы высказывают идею, в числе многих других, что политика в области образования и профилактики оказывала до сих пор лишь незначительное влияние на уровень потребления наркотиков. Нынешняя политика в большинстве стран с высоким уровнем потребления наркотиков основывается на моральном осуждении, но не достигает успехов в этой сфере. Правительствам следует относиться к проблемам, возникающим в связи с наркозависимостью, как к проблемам здравоохранения, а не как к проверке на общественную нравственность. Изменения в политике могли бы в одночасье оставить без работы целые армии «плохих парней»; государства-внутри-государств, управляющие большими территориями в Южной и Центральной Америке, рухнут; у части торговцев стрелковым оружием из под ног уйдет почва; полевым командирам в Афганистане придется проявить повышенный интерес к выращиванию фруктов и овощей, а нам удастся серьезно ослабить карьерные амбиции многих боевиков, контрабандистов, гангстеров и террористов. Это положит конец войне, победить в которой невозможно. Это остановит поток молодых людей, направляющихся в места заключения. Мы сможем направить еще больше государственных ресурсов на борьбу с более серьезными проблемами, такими как нелегальная торговля оружием, политическое насилие и современная работорговля.

Вот еще один пример того, как внутренняя политика становится внешней, и как порочная политика внутри страны приводит к провалам за рубежом. «То же самое, но в большем объеме» —

плохой совет при разработке будущей политики в отношении наркотиков. Наивно думать, что мы будем жить в мире, свободном от наркотиков, даже если УНП ООН удастся добиться гораздо больших успехов в организации многосторонних отношений. До настоящего времени наша политика на международной арене была главным образом благонамеренной, не слишком умной и довольно нерешительной. Смирив бесплодные споры, пора впустить в нее толику разума и методы, основанные на доказательствах.

Глава 11

ТОПЛИВНЫЙ БАК

Две проблемы нашей страны — энергия и чувство тревоги.

Президент Джимми Картер, 1979 г.

От игрового поля до поля деятельности.

Реклама восьмиместного спортивного внедорожника «Тойота Секвойя»

Бизнес есть бизнес. Мы стремимся разделять политику и бизнес ...Я думаю, что положение в Судане — это внутреннее дело Судана.

Чжоу Вэньчжун, заместитель министра иностранных дел Китая, 2005 г.

Не желаете совершить культурно-историческую экскурсию на угольное месторождение? Запросите в поисковике — «король-уголь», и вам предложат то, что нужно. Когда-то уголь восседал на престоле. Это ископаемое топливо питало промышленную революцию и рост экономики XIX века, а началось все в 1805 году, с открытия в долинах Южного Уэльса первой глубинной шахты, Тауэр-кольери. Уголь до сих пор не теряет важного значения в качестве источника энергии, причем в современном Китае, к примеру, еженедельно запускаются две угольные энергоустановки, а в планах предусмотрено строительство еще 550 энергоустановок. По оценкам специалистов, разведанных запасов угля хватит на 147 лет, гораздо дольше, чем запасов нефти и газа. Так что «корольство угля» продолжает существовать, и уголь может найти место в будущем, особенно если нам удастся научиться улавливать и удерживать большие объемы загрязняющих атмосферу выбросов углекислого газа. Но уголь — это еще и культовый реликт истории экономического развития. Даже сегодня можно совершить автобусный тур в прошлое, и машина привезет нас к отработанным карьерам энергетического пояса Канады, расположенным в южной части провинции Альберта и на юго-востоке Британской Колумбии. Очень сомневаюсь, что автобус завезет «угольных туристов» на кладбища в районах добычи или в боль-

ницы, в которых ушедшие на пенсию шахтеры выкашливают из легких черную гадость, накопившуюся за годы работы. С углем связано много крови, и его добыча — очень опасная работа. Уровень смертельной опасности от взрыва газа и обрушения кровли пласта снизился, но при этом в 2004–2008 годах в Китае зафиксировано 23 000 смертельных случаев, связанных с добычей угля. В США ежегодно регистрируют 4000 случаев заболевания пневмокониозом (болезнь «черные легкие» — шахтеров), и за последние десять лет от него умерло более 10 000 американских шахтеров. Помимо того что при горении угля в атмосферу выделяется углекислый газ (о чем чуть позже), добыча угля нарушает уровень грунтовых вод, а после нее на поверхности остаются потенциально опасные терриконы пустой породы. Один такой террикон в 1966 году сполз с горы Мертир в Уэльсе, похоронив заживо 144 человека, в том числе 116 детей.

Можно совершить и другие промышленно-исторические экскурсии, но я сильно сомневаюсь, что покроются, к примеру, расходы организаторов, предлагающих однодневную поездку в город Детройт, если только прогулки среди руин бывшего центра американской автомобильной промышленности не разбавить посещением звукозаписывающей компании «Мотаун». Пару лет назад я проезжал через Детройт. Этот город — не лучшая реклама урбанистического капитализма и градостроительных идей. Когда-то он был сердцем американской промышленности, а его биение было напоминанием о важности нефти и двигателя внутреннего сгорания в истории XX века США. Генри Форд, Уолтер Крайслер и братья Додж создавали здесь свои автомобили в те дни, когда самые большие состояния в стране были так или иначе связаны с ископаемым топливом. Не далее как в 1982 году публикуемый журналом «Форбс» список самых богатых американцев свидетельствовал о том, что богатство половины вошедших в первую тридцатку людей основано на нефти. В былые времена, когда США могли позволить себе добывать большую часть потребляемой ими нефти, доминируя на мировом рынке, не завися от внешних поставок и выполняя функции нефтяного центрального банка, американские автомобили тоже доминировали на рынке легковых и грузовых автомобилей. Внешняя конкуренция (со стороны Японии, Кореи, Европы, а сегодня даже Китая и Индии) отгеснила на обочину большую часть американской автомобильной промышленности, отсюда и печальный закат Детройта, уско-

рившийся по причине катастрофического падения продаж автомобилей в Америке вследствие финансового кризиса. Крах отрасли привел к потере городом миллиона жителей с 1950 года и 126 000 рабочих мест с 2000-го. Эти показатели резко ухудшились в 2008 году, за восемь месяцев которого число рабочих мест сократилось на 57 000. Преступность в неблагоприятном и без того городе растет, а по сообщениям телеканала Эм-эс-эн-би-си, некоторые бездомные заключенные отказываются покинуть тюрьмы по окончании срока своего заключения. Треть жителей Детройта живут на федеральном уровне бедности или ниже его. Немногие из них могут позволить себе ездить на автомобилях, которые англичане прозвали «городскими джипами», а норвежцы «бешеными тракторами», то есть на прожорливых спортивных внедорожниках, обладание которыми представляет собой не что иное, как неприличный жест среднего класса в ответ на предупреждения об опасности глобальной экологической катастрофы. Совсем не удивительно, что для таких, мягко говоря, внедорожников есть и другое определение: «городские штурмовые машины». Это действительно атака на городские дороги, на тревогу по поводу климатических изменений и на здравые понятия о соразмерности. В 1975 году внедорожники, многие из которых проезжают на галлоне (3,8 литра) бензина всего 15 миль, занимали на рынке США долю в 2 процента. Менее чем за тридцать лет их доля выросла почти до 24 процентов; однако есть надежда, что рецессия отразится на привлекательности для части автомобилистов.

Большие прожорливые автомобили — одна из основных причин энергетической нестабильности, на которую жалуются американские политики. В начале 1970-х годов США импортировали около трети потребляемой нефти; сегодня этот показатель возрос до 66 процентов. В начале указанного периода объем внутренней добычи нефти достигал в США пика; с тех пор автомобильная промышленность и водители не убирают ногу с педали газа. США потребляют около четверти мирового суточного объема добычи нефти, больше, чем какая-либо другая страна; больше половины этой нефти предназначено для транспортных средств. Американцы, составляющие менее 4 процентов населения планеты, владеют и разъезжают на 250 миллионах из имеющихся в мире 520 миллионов автомобилей. Стремление заполнить бак по максимально низкой цене стало в Америке навязчивой идеей, и эта идея играет немалую роль в сферах налогообложения, охраны

окружающей среды, внешней политики и политики обеспечения безопасности. В стоимости заправки автомобиля бензином налоги в США составляют около 18 процентов; в Великобритании аналогичный показатель составляет 70 процентов (странность состоит в том, что поездка на машине в Британии все же обходится дешевле, чем на поезде). Политиканы от нефти влияют на результаты выборов, финансируют, поддерживают, смещают или наделяют полномочиями иностранные правительства. Неудивительно, что в период с 1990 по 2002 год лоббирование интересов нефтяников принесло американским политикам из обеих политических партий 159 миллионов долларов, а транспортные отрасли добавили к ним еще 256 миллионов. Президент Буш во время своей кампании 2004 года стал объектом весьма внушительной щедрости добытчиков ископаемого топлива.

Оба президента из семьи Бушей сколотили состояния на нефти. Вице-президент Чейни получал немалое вознаграждение на должности председателя совета директоров и исполнительного директора фирмы «Халлибертон», оказывающей сервисные услуги в энергетической отрасли; он тоже разбогател на нефти. В администрации Дж. Буша-младшего нефтяников было под завязку. Нефть сочилась из всех вашингтонских пор.

Буровые работы при добыче нефти, хотя и представляют собой опасность в некоторых обстоятельствах (например, при добыче с морских платформ), никогда не приводили к бедствиям, которыми истерзана история угольной промышленности. Но и с добычей нефти связано немало кровавых страниц. Нефть всегда служила источником конфликтов, возможно, вследствие ее основополагающего значения для современной экономики, а также потому, что огромные ее запасы залегают под горными породами и песками нестабильных стран и регионов. А может, нестабильность порождается именно наличием нефти, ставшей ресурсным проклятием, или это геология играет с нами злую шутку? С того дня, как в 1912 году Черчилль и адмиралтейство приняли решение заменить угольные двигатели британского флота на нефтяные, обеспечив британским военно-морским судам преимущество в скорости над их германскими противниками, охотой на нефть одержимы стали все крупнейшие державы, полагавшие ее основным фактором безопасности. В ходе страшных сражений Первой мировой войны мобильность всецело зависела от транспортных средств, работающих на нефтепродуктах, особенно от грузовиков. По словам буду-

шего министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона, союзники «плыли к победе на нефтяной волне». В процессе заключения мирного договора в Версале, а также в последовавших за конференцией дипломатических играх, зачастую сопровождавшихся демонстрацией силы, приоритетной для Лондона задачей было расширение и усиление нефтяных интересов в Персидском заливе, в самой Персии и в Ираке (в стране, скроенной Великобританией из трех провинций Османской империи, абсолютно различных с точки зрения истории, географии и религии). Великобритании удалось кое-как удержать целостность этой новой страны, объединившей шиитов, суннитов, евреев, христиан, арабов, курдов, персов и ассирийцев, не гнушаясь воздушными бомбардировками и пулеметными обстрелами.

В годы Второй мировой войны Япония и Германия вели ожесточенные сражения за источники так необходимой их вооруженным силам нефти; японцы надеялись заполучить нефть в голландской Ост-Индии, а немцы продвигались вглубь территории Советского Союза, на Кавказ и к побережью Каспийского моря. Вторжение в СССР (и стремление завладеть источниками нефти) оказалось для Гитлера губительным. После Второй мировой войны США стали доминировать в нефтяной политике, что было окончательно оформлено в 1945 году, уже после Ялтинской конференции, на встрече президента Рузвельта и короля Абдул-Азиза ибн Сауда, монарха-воителя, который создал Королевство Саудовская Аравия в результате завоеваний, осуществленных на Аравийском полуострове в первые три десятилетия XX века. Два прикованных к инвалидному креслу лидера встретились в день Святого Валентина на борту американского крейсера «Куинси», стоявшего в Большом Горьком озере, между северным и южным участками Суэцкого канала. Мы не знаем, обсуждались ли на встрече вопросы нефтяной политики, но мы знаем, что именно американские компании открыли первые два из крупных месторождений нефти в Саудовской Аравии, и что американские чиновники к тому времени уже сообщили президенту, что в ближайшее время центр добычи нефти сместится из Американско-Карибского региона в регион Ближнего Востока и Персидского залива¹. В любом случае история тесного союза Америки и королевства саудитов началась на борту «Куинси» с невысказанной (или гласной) договоренности о том, что саудовцы могут рассчитывать на защиту со стороны амери-

канцев, а американцы могут рассчитывать на саудовскую нефть, если она им понадобится.

Нефть продолжает играть ключевую роль в геополитике, вынуждая политиков совершать дорогостоящие ошибки и просчеты, усложняя достижение в иных обстоятельствах ясных целей внешней политики, вызывая конфликты, становясь причиной спекуляций на предполагаемых будущих конфликтах и увеличивая военные бюджеты. Первым нефтяным переворотом, как мы уже отмечали в главе 5, стало свержение премьер-министра Ирана Моссадека (1953), последствия которого сказываются по сей день. Затем последовала унижительная для англичан и французов развязка Суэцкого кризиса 1956 года. Арабо-израильская война в октябре 1973 года привела к введению эмбарго на продажу арабской нефти и четырехкратному увеличению цены на нефть, продаваемой ОПЕК — сформировавшимся в 1960-е картелем, роль которого существенно возросла после того, как в 1970 году добыча нефти в США достигла пика. Вторжение Ирака в Кувейт в 1990 году привело к первой войне в Персидском заливе; Америка и ее союзники были, по понятным причинам, обеспокоены тем, что после захвата кувейтских месторождений Саддам Хусейн попытается прибрать к рукам нефтяные месторождения на востоке Саудовской Аравии. Нефть была главной, хотя и не единственной причиной войны. Вторая война, в ходе которой иракский диктатор в 2003 году был свергнут, велась уже не только с целью получить доступ к огромным запасам иракской нефти, хотя этот фактор, безусловно, учитывался в качестве дополнительного благоприятного последствия свержения Саддама. В книге «Правильный человек» бывший спичрайтер президента Буша Дэвид Фрум отметил, что целью войны было установление «новой стабильности в самом агрессивном и ожесточенном регионе Земли, а также новый экономический подъем, благодаря безопасности в крупнейшем на планете нефтяном бассейне². Эту точку зрения в своих мемуарах поддержал и американский экономист Алан Гринспен: «Война в Ираке, — писал он, — велась преимущественно из-за нефти»³.

Где же будут разворачиваться нефтяные войны будущего? Чуть позже мы обсудим возникающие в Азии очаги напряженности, причиной которых стал растущий в Китае спрос на энергоносители, а такой рост, несмотря на снижение темпов, не прекращается. Причем это только один из «китайских кошмаров», лишающих

сна некоторых американских стратегов. Они опасаются нефтяного конфликта с Китаем, так как растущая китайская экономика стремится обеспечить свои будущие потребности путем заключения долгосрочных контрактов с нефтедобывающими странами. По мере возрастания темпов роста в ближайшие годы напряженность на рынке нефти будет усиливаться, и поэтому некоторые аналитики считают торговые войны за гарантированные объемы запасов еще одной причиной для опасений, с учетом того, что Китай и США в последние десятилетия века — и это действительно вызывает опасения — соперничают за глобальную гегемонию. Тем временем все более масштабным становится еще один источник потенциальных потрясений, не такой явный. Возникнет ли в будущем конфликте по поводу энергетических ресурсов разграничение на Север и Юг? Никто не отрицает наличия глобальной несправедливости, заключающейся в «устойчивом и непропорциональном распределении потребления энергии между населением стран — участниц ОЭСР и населением других стран мира»⁴. Гражданин развитой страны мира потребляет в 8,2 раза больше нефти, чем человек в развивающейся стране: если сравнить цифры по потреблению всех видов энергии, то соотношение будет равно 5,5. Кроме того, в развивающихся странах спрос на нефть растет в три раза быстрее, чем в развитых: к 2020 году доля развивающихся стран в общемировом потреблении нефти увеличится примерно до 55 или даже более процентов, тогда как в 2004 году их доля составляла примерно 43 процента. Китай считает себя не только лидером, но иногда и выразителем мнения развивающегося мира, а членами крупнейшей в рамках ООН коалиции развивающихся стран, Группы 77, не стали только три из девятнадцати основных нефтедобывающих стран мира. В долгосрочной перспективе, и особенно в условиях нового подъема мировой экономики, энергетическая бедность развивающихся стран может стать ключевым фактором «глобального недовольства» неравенством. Если проблему не удастся урегулировать со всей осторожностью, не восстановить хотя бы подобие справедливости, то это может привести к новым конфликтам.

Ведутся шумные дебаты о том, насколько значимым станет сокращение ресурсов в условиях возобновившегося роста потребления, и, конечно же, о том, обоснован ли страх перед таким сокращением в принципе. Это не просто статистическая дискуссия о геологической методологии между оптимистами и пессими-

стами. Предмет спора отягощен и другими соображениями, например решимостью людей, обеспокоенных изменением климата, заставить мир противостоять ужасающей беспечности потребителей. С другой стороны, некоторые страны и представители нефтяной промышленности не желают признавать никаких аргументов в пользу фундаментального изменения глобального образа жизни или принимать, что они не обладают безграничным влиянием на экономическую и политическую безопасность в мире. В конце концов, если ни одна страна — производитель нефти не может заполучить возможность придушить наше экономическое развитие, если она этого пожелает, то нельзя и полагать, что мы станем закрывать глаза на то, что происходит в ней и как она обращается с собственным народом. Более того, сможет ли такая страна без затруднений заимствовать деньги и привлекать инвестиции? Смогут ли нефтяные компании, которые потеряют контроль над наполнением наших экономических артерий, предложить весомые внутривнутриполитические решения в условиях превращения нефти в несущественный ресурс — превращения настолько стремительного, что мы с головой погрузимся в технологическую охоту на альтернативные способы транспортировки и выработки энергии?

Различают три основных вида ископаемого топлива, которое представляет собой останки организмов, живших много миллионов лет назад. Наиболее распространенный вид ископаемого топлива — это уголь. Он образовался из растений, произраставших в огромных тропических болотах 300 миллионов лет назад, в Каменноугольном периоде. Уголь располагается в пластах между другими слоями осадочных пород, которые к нашему времени превратились в камень. При сгорании угля выделяются чрезвычайно вредные вещества, прежде всего парниковые газы, кислотные осадки и тяжелые металлы. Природный газ чище, чем нефть или уголь. Природный газ, как и нефть, образовался из останков живших в теплых морях крошечных организмов. Газ накапливается в подземных залежах, его транспортировка очень затратна. Нефть, представляющая собой жидкость, не задерживалась в пластах, в отличие от угля, а просачивалась через породы, пока не достигала непроницаемых слоев, под которыми и формировались глубинные озера. С начала XX века, после открытия нефтяного месторождения на холме в Спиндлтопе недалеко от Бомонта, штат Техас, и изобретения двигателя внутреннего сгорания, относи-

тельная роль нефти в качестве источника энергии обогнала значение угля. В XIX веке основным источником энергии в развитых странах был уголь. В других районах, например в Азии и Африке, решающее значение имели древесина и помет. Но к концу XX века на долю нефти приходилось уже около 40 процентов мирового потребления энергии; 26 процентов обеспечивались углем и 24 процента — природным газом. Необходимо уяснить один фактор, объединяющий все эти источники энергии. Несмотря на мнение некоторых ученых, считающих, что нефть имеет неорганическое происхождение и залегает в неисчерпаемых глубинных углеродосодержащих отложениях, существующих с момента образования Земли, большинство ученых признают, что нефть представляет собой органическое ископаемое и, подобно другим видам ископаемых, это невозобновляемый ресурс с ограниченными запасами. Бурение при добыче нефти совсем не аналогично выращиванию пшеницы или доению коров. Запасы с каждым днем сокращаются, и рано или поздно — нам всем следует надеяться, что гораздо позже, чем прогнозируется, — этот ресурс будет полностью исчерпан. Именно по этим проблемам выдвигаются самые яростные аргументы, а на выводах строятся соответствующие прогнозы.

Центральной темой дискуссии становится «нефтяной пик». Так называют момент достижения максимального общемирового объема добычи. После этого добыча нефти будет необратимо падать. Если спрос и потребление нефти продолжают расти до пиковых значений, то как ночь сменяет день, так и доступность нефти для потребителей после пика добычи станет снижаться, а цена на нее будет только расти. Оба события могут стать драматичными. Теория прогнозирования пиков добычи нефти была разработана М. Кингом Хаббертом, который точно спрогнозировал пик ее добычи в США в период с 1965 по 1970 год.

Продолжавшийся в мире до 2008 года экономический рост поставил под сомнение бесперебойность будущих поставок. Международное энергетическое агентство (МЭА) спрогнозировало рост мирового спроса на нефть в период с 2007 по 2012 год в среднем на 2,2 процента в год, повысив цифры предыдущих прогнозов. Рост цен на нефть не останавливает потребление, а рост экономики в Азии способствует постоянному повышению спроса. Спрос на нефть резко сократился осенью 2008 года, что стало следствием глобального спада. Впервые за последние три десяти-

летия возникли предположения, что мировое потребление нефти начнет снижаться. Но по мере восстановления роста экономики вновь вступают в действие долгосрочные факторы, обусловившие опасения по поводу разницы между спросом и предложением. К повышению спроса приводит азиатский консьюмеризм — к примеру, покупка автомобилей. Повышению потребления нефти может способствовать также популярность бюджетных авиакомпаний и рост фармацевтической индустрии. С другой стороны, резкое падение цен на нефть препятствует инвестициям в добычу существующих запасов и в разведку новых месторождений; эта проблема обозначилась еще до падения цен. Но наибольшее влияние на спрос и предложение оказывает степень жизненной необходимости нефти для всех наших нужд. Насколько сильна эта зависимость? Нефтяное топливо — это 90 процентов транспортных перевозок по суше, по морю и по воздуху. В том или ином виде нефть используется при производстве или доставке девяноста пяти процентов всех товаров в наших магазинах⁵. В 2007 году, когда мировое потребление составляло 86 миллионов баррелей нефти в сутки, американское Управление по информации в области энергетики прогнозировало, что к 2030 году этот показатель вырастет более чем на треть и составит 118 млн баррелей. Все более крупными потребителями становятся Китай и Индия, причем Китай в течение десяти лет, с 1996 по 2006 год, удвоил объемы потребления, а импорт нефти Индией к 2020 году вырос втрое — до 5 млн баррелей в сутки. С 2001 по 2025 год на долю легковых и грузовых автомобилей в Индии и Китае придется около трех четвертей роста потребления всей нефти. Это, впрочем, станет простым повторением ситуации в США, где почти 70 процентов нефти используется в сфере транспорта.

Уинстон Черчилль считается выразителем геостратегической мудрости в отношении нефти. «Единственным ключом к безопасности и уверенности в нефтяных поставках, — отметил он накануне Первой мировой войны, — является разнообразие их источников». А что именно происходит в случае, когда разнообразие сменяется повсеместной нехваткой, обусловленной сокращением разнообразия источников или всеобщим дефицитом? Где ключ к безопасности и уверенности в условиях достижения пика добычи нефти? Что в действительности означает «достижение пика», когда бы оно ни произошло? Удастся ли удержать контроль над ситуацией, когда мы признаем, что извлекли половину ее зале-

жей? Пик вряд ли станет частью плавного процесса, в котором потребление будет тщательно регулироваться соответственно добыче и сокращаться по мере снижения объемов добычи. Если не обуздать потребление до достижения пика, то наиболее вероятным станет сценарий, когда максимальные цены на нефть спровоцируют рост объемов добычи до пиковых значений, и продавцы смогут нажиться как никогда. При возрастании спроса на сокращающийся ресурс нефтяные компании и страны-экспортеры нефти на непродолжительное время увеличат предложение, вызвав тем самым еще более резкое падение добычи, которое в конечном счете неизбежно произойдет. Пик превратится в плато с крутым обрывом впереди⁶.

Суровая арифметика добычи нефти должна стать твердым аргументом против политического стремления выдавать желаемое за действительное. Нам, по всей видимости, нужно сравнивать объемы потребляемой нефти с тем объемами, которые у нас предположительно остались. Затем нужно сравнить оцененный объем оставшихся ресурсов с прогнозируемыми объемами потребления в будущем. На этом следует основывать все остальные расчеты, в том числе прогнозы по достижению пика добычи. Акцент делается на слове «следует», поскольку данные по запасам вызывают яростные споры.

Можно начать с одного согласованного показателя. С начала нефтяной эпохи общий объем потребления нефти составил 875 миллиардов баррелей. Что касается будущих резервов, то существуют доказанные ее запасы и запасы, которые пока не открыты, но подтверждены геологическими исследованиями. Доказанными в основном считаются проектные запасы нефтяных компаний и добывающих государств. Эти запасы оцениваются в 1,7 триллиона баррелей, что примерно в два раза превышает объем использованной нами по сей день нефти. Половина этой нефти залегает на Ближнем Востоке. Цифры должны быть точными. Но компании и страны их постоянно преувеличивают из экономических и политических соображений. Нефтяные компании могут завышать резервы с целью увеличения своей стоимости. В 2004 году вокруг нефтяной компании «Шелл» разразился скандал в связи с внезапным исчезновением 20 процентов своих запасов. У стран-производителей может возникнуть желание повысить свой международный статус, а в случае членов ОПЕК — обеспечить себе большую свободу в рамках предусмотренной в организации системы

квот, связанных с запасами, что позволит им нарастить добычу. В заявленных запасах ряда членов ОПЕК периодически обнаруживаются подозрительные скачки, которые невозможно объяснить разведкой новых месторождений или уменьшением резервов вследствие добычи. (Так, к всеобщему удивлению, в конце 1980-х заявленные запасы стран ОПЕК выросли почти в два раза.) В период с 1980 по 2004 год заявленные запасы Ирака возросли почти в четыре раза, и это притом, что на протяжении большей части этого периода страна находилась в состоянии войны или под действием эмбарго⁷. Кувейт, объемы заявленных запасов которого считаются (согласно утечке официальных документов) сильно преувеличенными, не смог подсчитать объемы нефти, сожженной иракскими войсками во время первой войны в Персидском заливе.

Поиск неразведанных запасов нефти все реже увенчивается успехом. Исторически разработка велась в первую очередь на самых крупных и легкодоступных месторождениях. В течение ста лет, с 1860 года, разведка новых месторождений росла. Процесс достиг пика в 1961 году, после чего, за исключением открытия крупных месторождений в Каспийском море, на шельфе Западной Африки и в Мексиканском заливе, результативность разведки неуклонно снижается. Открытие новых месторождений нефти покрывает около 40 процентов от необходимого объема для предотвращения сокращения достоверных запасов. Весьма нелепы заявления о возможном расширении ресурсной базы за счет так называемых нетрадиционных нефтяных ресурсов, в основном тех, которые извлекаются из нефтеносных песков в Альберте и в других регионах. Из таких песков, конечно же, можно извлечь пригодную для использования нефть. Но процесс очистки создает существенные проблемы, а канадские нефтеносные пески позволяют в настоящее время извлечь всего лишь 3 млн баррелей нефти в сутки. Издержки на ликвидацию экологических последствий добычи настолько высоки, что неминуемо вызовут сильное политическое противодействие этому способу: в процессе добычи необходимо использование больших объемов воды (что беспокоит фермеров), а для нагрева воды необходимо расходовать истощающиеся запасы природного газа. Кроме того, процесс сопровождается значительными выбросами парниковых газов. Для получения из нефтеносных песков одного барреля нефти требуется в пять раз больше энергии, чем для получения одного барреля традицион-

ным способом, а выбросы парниковых газов выше в пять раз. Прогнозируемый к 2020 году объем производства в размере до 4 миллионов баррелей в день приведет к ежегодным выбросам огромного количества парниковых газов.

По оценкам Геологической службы США, неразведанные запасы нефти могут составлять около 900 миллиардов баррелей. Если добавить их к доказанным запасам (см. выше), то общий объем составит 2,6 триллиона баррелей; при прогнозируемых темпах потребления это означает (если сравнивать запасы со спросом), что добыча нефти достигнет пика примерно в 2030 году. Эти цифры отражают оптимистический взгляд и не учитывают две важные, но замалчиваемые проблемы. Во-первых, сокращающиеся объемы нефти, которую еще предстоит разведать и выкачать, находятся вне региона, контролируемого ОПЕК. Месторождения, открытые в последнее время вне зоны контроля ОПЕК, оказались намного беднее открытых в прошлом гигантских месторождений, таких как Кантарел в Южной Америке. Во-вторых, энергетические компании инвестируют в добычу нефти намного эффективнее энергетических держав. В свое время мировые запасы нефти и газа находились под контролем так называемых «семи сестер», крупных энергетических компаний, таких как «Шелл», «Бритиш петролиум», «Шеврон» и др. Впоследствии они были сброшены с пьедестала государствами. Сегодня уже более трети мировых запасов нефти и газа и почти треть от общего объема добычи контролируется семью государственными компаниями: «Арамко» из Саудовской Аравии, российским «Газпромом», китайской «Син-эн-пи-си», иранской «Эн-ай-о-си», венесуэльской «Пи-ди-ви-эс-эй», бразильской «Петробрас» и малайзийской «Петронас». Бывшие «семь сестер» в настоящее время производят лишь около 10 процентов мировой нефти и газа и владеют жалкими 3 процентами запасов.

В последние тридцать лет транснациональные корпорации занимались разработкой наиболее перспективных месторождений нефти. Остались месторождения с наиболее трудным и дорогостоящим извлечением, а государственные и контролируемые государствами нефтяные корпорации не всегда желают инвестировать необходимые средства; зачастую они не желают даже инвестировать большую часть своих сверхдоходов, что позволило бы обеспечить разработку гигантских месторождений, в которых им принадлежат доминирующие позиции (как утверждалось

ранее, падение цен на нефть приводит к сокращению инвестиций). Прибыль от нефти, извлеченной из богатейших пластов, растрачивается на имиджевые проекты, исчезает в коррупционных схемах или тратится на социальные проекты, служащие подпоркой легитимности режимов. В Венесуэле, к примеру, президент Чавес (к которому мы еще вернемся в этой главе) направляет на социальные программы две трети прибыли национальной нефтяной компании, в 2005 году это было почти 7 миллиардов долларов. Ярчайшим примером того, что происходит в случае, когда правительство использует государственную нефтяную компанию в качестве открытого банковского счета в условиях ограничения иностранных инвестиций, служит Мексика. Закату мексиканской нефтяной компании «Пемекс» способствовала невозможность добиться от национального конгресса достаточного финансирования для инвестирования. Одним из результатов этой ситуации стало то, что вследствие стремительного истощения огромного месторождения Кантарел, которое за какие-нибудь десять лет превратило Мексику из третьего по величине американского поставщика в нетто-импортера, страна потеряла около 40 процентов налоговых поступлений⁸.

Все это весьма тревожно, особенно с учетом прогнозируемых на ближайшую четверть века затрат на разработку новых энергетических технологий на сумму 20 триллионов долларов. Еще до нынешнего глобального экономического спада главный экономист Международного энергетического агентства подсчитал, что производители испытывают нехватку инвестиций в размере 20 процентов от потребностей отрасли. И поэтому будущий глобальный дефицит нефти станет, вероятно, результатом просчетов государственной политики в сфере инвестирования, а также предельности мировых запасов. Основные месторождения нефти в странах ОПЕК были открыты и разработаны транснациональными корпорациями, но никак не нынешними государственными нефтяными компаниями, которые, за исключением «Арамко» в Саудовской Аравии, не могут похвастать высокими показателями в разведке и разработке.

Яркой иллюстрацией некоторых из обозначенных проблем стал Персидский залив. Американская зависимость от импортируемой нефти уже возросла до 66 процентов. Не менее половины нефти импортируется из стран упомянутого залива. Безрассудное потребление на внутреннем рынке США все более крепко связы-

вает страну с неопределенностью политики и сомнительностью будущего энергетического потенциала региона, а США становятся еще более зависимыми от производителей, чьих запасов в условиях быстрого экономического роста окажется недостаточно. До вторжения Ирака в Кувейт, ОПЕК в целом (а с Ираном, Ираком, Кувейтом, Катаром, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами — это самая большая группа производителей) использовала до 80 процентов мощностей добычи сырой нефти. Ко времени кризиса 2008 года было использовано уже до 99 процентов мощностей, и эти цифры оказали сильное влияние на отношения Америки с Китаем и другими покупателями нефти из Персидского залива, впрочем, как и на отношения с самими производителями. Кроме того, о возможностях ОПЕК удовлетворить растущий спрос свидетельствует и тот факт, что за последние двадцать пять лет потенциал нефтедобычи в регионе снизился, что стало отражением недостаточности капиталовложений в некоторых странах, технического отставания и плохого управления, а также намеренной политики. Так почему мы должны предполагать, что в течение ближайших двадцати лет, при условии восстановления глобального роста экономики, у ОПЕК будет возможность увеличить производство на довольно внушительные объемы — от 20 до 25 млн баррелей в сутки?

Давление, оказываемое странами ОПЕК, совершенно не способствует повышению объема добычи и снижению цен. При защите своих интересов страны-производители все чаще уподобляются торговцам с арабского базара. Они намерены выжать из международного сообщества столько, сколько смогут, при этом не желая слишком быстро истощить свое национальное достояние или сбывать его по дешевке. К этому примешивается и существенная доля горечи за нужду, которую многим странам ОПЕК пришлось испытать в 1990-х во время падения цен на нефть. Это чувство обиды стало заметнее по мере освобождения прессы от определенной части ограничений и в силу большей открытости публичных дискуссий во многих странах ОПЕК. И если государства — члены Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выражают сильную заинтересованность в дешевой и доступной для своих потребителей нефти, то политики ОПЕК выдвигают аргумент о необходимости сократить налоги, которые такие страны взимают у себя с потребителей. Доходы от этих налогов позволяют им субсидировать социальные програм-

мы. Почему же тогда странам ОПЕК следует сокращать свои доходы от нефти и тем самым меньше тратить на национальное образование, здравоохранение и другие программы? Столь жесткая линия поведения ОПЕК в отношениях с основными заказчиками сочетается с растущим антиамериканизмом. Эта тенденция повлияла даже на Саудовскую Аравию. Саудовскому режиму приходится расплачиваться за тесные связи с США, а американцы позволяют себе, несмотря на все протесты со стороны «братьев-саудовцев», игнорировать их озабоченность по поводу Израиля и Палестины. Внутренняя оппозиция крепчает, и Саудовская Аравия больше не способна гарантировать Америке и Западу автоматическое выполнение их запросов. Саудовцам пока удается противостоять наиболее экстремальным требованиям ОПЕК (например, выдвинутому в конце 2007 года предложению отказаться от номинации цены на нефть в долларах). Но они даже не пытаются сдерживать растущую настойчивость организации в таких вопросах, как добыча и цены.

Сложившиеся условия — конечность и, возможно, переоцененность запасов, недостаточность реальных объемов добычи, возникающая вследствие государственного контроля за извлечением нефти, повышение долгосрочного спроса — неизбежно приведут к усилению нашей зависимости от нестабильных стран и регионов. Весьма оптимистично предположение о том, что мы без споров и конфликтов справимся с распределением имеющихся внушительных, но ограниченных ресурсов. Технологии не уберегут нас от необходимости выбора пути решения проблемы, хотя верно и то, что они позволяют нам исследовать доселе недоступные и сокрытые подо льдами и на дне океана районы, гарантируют добычу нефти из месторождений, ранее считавшихся непригодными для разработки, способствуют повышению нормы извлечения и совершенствуют наши возможности по поиску и разведке оставшихся залежей. Но даже вся совокупность этих вселяющих надежду факторов не сможет полностью устранить нашу зависимость от ОПЕК. Так выглядит начало и середина нефтяной истории; нужно надеяться, что это не станет ее окончанием.

Регион Персидского залива, где сосредоточены две трети мировых невоскрывших запасов нефти, не мог не стать одной из основных точек приложения усилий глобальной дипломатии и спецслужб. США и их союзники окутали этот регион «доктринами», провозглашая их незыблемость и присваивая доктринам имена сменяю-

щих друг друга президентов — Трумэна, Эйзенхауэра, Картера. Для защиты своих интересов они посылали туда армии и флоты. На протяжении XX века военное присутствие американцев в регионе только росло. В последнее время туда хлынул поток нефтедолларов, и Запад начал поставлять современное оружие в огромном количестве, особенно в Саудовскую Аравию, своему крупнейшему заказчику. Во время своего последнего визита в регион Персидского залива в 2008 году президент Буш объявил о продаже арабским странам оружия на 20 миллиардов долларов (после объявленной ранее военной помощи Израилю на 30 миллиардов долларов).

Иногда приходится констатировать, что «друзья», которым мы еще вчера продавали оружие, сегодня превратились в настоящую угрозу стабильности. Главные роли в жестоком фарсе играют Ирак и Иран. Основные задачи нашей дипломатии были сформулированы четко: нам нужны бесперебойные потоки нефти и газа. Мы очень боимся очередного эмбарго и прекращения поставок. Мы хотим, чтобы наши друзья из стран Залива с пониманием относились к политике, которая в регионе воспринимается как предвзятая поддержка Западом Израиля и ущемление Палестины. Мы осознаем, что арабы и мусульмане солидарны, но хотим, чтобы по этой проблеме они проявляли максимальную сдержанность. Мы хотим, чтобы они выступали на нашей стороне, когда противник бросает вызов, — как было с Советским Союзом, потом с Ираком, с Ираном и, наконец, с невидимой армией террористов. Если они соответствуют этим условиям и если, что особенно важно, продолжают качать нефть, то и мы будем ограничиваться лишь дежурным вниманием к тому, как именно они осуществляют свою деятельность. Мы, конечно же, поддерживаем демократию, верховенство права, равенство женщин и мужчин и все подобное. Но мы — мужчины и женщины мира; у демократии есть свои ограничения, столь же очевидные в песках Аравии, как и в трущобах Газы и Каира. Так будем продолжать ездить на внедорожниках в наши увеселительные заведения, и пусть правительства на Ближнем Востоке ведут свой традиционный образ жизни.

Итак, наше благополучие в значительной степени зависит от стран с авторитарной, нестабильной и недемократичной властью. Риски, которым мы подвергаемся сегодня, абсолютно не похожи на эмбарго, от которого мы пострадали в 1973 году. Нынешние проблемы обусловлены сочетанием гигантских доходов от нефти

с репрессивными режимами. Эти режимы, как и инфраструктура их энергетической отрасли, уязвимы для экстремистских и террористических атак. На добычу, переработку и транспортировку зачастую направляется слишком мало инвестиций. Описанные риски усиливаются из-за долгосрочного роста спроса и конкуренции на нефтяном рынке⁹.

Основной игрок на нефтяном рынке — Королевство Саудовская Аравия. Это не только доминирующий, но сегодня и стабилизирующий производитель, которому достались самые крупные в мире запасы и который, к счастью, управляет отраслью лучше, чем большинство других стран. Королевство поддерживает добычу на уровне, превышающем необходимый примерно на 2 млн баррелей в сутки. В случае существенного спада добычи на мировом рынке, как это случилось в 2003 году из-за сложностей в Ираке, Нигерии и Венесуэле, такие резервные объемы могут быть использованы для компенсации образовавшегося дефицита. И Саудовская Аравия так уже поступала, причем с немалым удовольствием, когда в преддверии вторжения в Ирак в 2003 году повысила объемы добычи сырой нефти с 7,3 млн баррелей в сутки до 9,4 млн. Саудовская компания «Арамко» рассчитывает инвестировать в отрасль 50 миллиардов долларов в течение следующих пятнадцати–двадцати лет, что обеспечит Королевству сохранение лидирующего положения и увеличит к 2025 году суточный объем добычи нефти до 15 миллионов баррелей. Однако крупнейшие месторождения страны стареют, и возникают сомнения в том, что указанные капиталовложения позволят обеспечить уровень добычи, существенно превышающий 11 миллионов баррелей в сутки (даже если инвестиции будут сделаны)¹⁰.

Далекая от нас Саудовская Аравия, столь важная для нашего будущего (как мы его себе представляем), остается чуждой и непонятной. Я был в Эр-Рияде трижды: урбанистический пейзаж, будто случайно оказавшийся посреди пустыни калифорнийский округ Ориндж, пустые улицы и торговые центры, палящее солнце, роскошные офисы, где кондиционеры поддерживают температуру на уровне чуть выше точки росы. Изобилие контрастов: средневековье и современность, крайнее благочестие в домах и мирская роскошь снаружи, вербовщики террористов и лучшие друзья Вашингтона и Уолл-стрит, спонсоры проповедников ваххабизма и крупные филантропы и инвесторы в западные страны. Мы очень мало знаем и слышим об этой важной стране, за исклю-

чением информации о периодических всплесках насилия. А ведь в 1975 году там застрелили короля Фейсала, в 1979 году в Мекке произошел захват мечети с последовавшим за ним штурмом и подавлением восстания, начавшегося после шиитских траурных церемоний; в более позднее время в стране отмечался рост воинственности, сопровождаемый взрывами и убийствами иностранцев. Благосклонность к «Аль-Каиде» или другим организациям, так или иначе ассоциируемым с ее воинственными целями, ставит Королевство в верхние строчки мировой повестки, напоминая нам о недостатках, присущих режиму, который к тому же опасается перемен и не способен понять, что только всесторонняя программа реформ обеспечит возможность прочной стабильности.

Корни нынешних проблем Саудовской Аравии берут начало из глубин ее истории. На протяжении большей части XVIII и XIX веков представители династии Саудов пытались установить контроль над Аравийским полуостровом. Задача была решена только в первом десятилетии XX века королем Абдул-Азизом ибн Саудом, которому удалось сочетать военную мощь и строгое пуританское учение теолога XVIII века Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба. Ваххабизм — вероучение, проповедующее возврат к традициям раннего ислама — не столь унифицирован в вопросах догматики и обрядов, как это иногда предполагается в западных СМИ. Но будет совершенно справедливой увязка ваххабизма с узким и непоколебимым пониманием исламского государства, с присущим такому пониманию установлением контроля религиозных деятелей над процессом образования, судебной системой и общественной моралью. Первый же поток богатства, хлынувший от продажи нефти в 1970-х годах*, саудовские правители направили на инвестиции в инфраструктуру, школы, больницы и жилье; поданным раздавалась еда, а некоторые из них, благодаря разрастанию бюрократии, получили рабочие места. Но в то время не было проведено никаких реформ той системы, в рамках которой королевскую власть легитимировало ваххабитское духовенство, подобно тому, как в средневековой Европе власть монархов легитимировали папы и епископы. В политической системе, подмятой под себя совершеннолетними принцами (сыновьями короля Абдул-Азиза), полностью доминировала королевская семья, разраставшаяся за счет многочисленных несовершеннолетних чле-

---

* Залежи нефти открыты в 1938 году.

нов. Некоторые из них, как правящий сегодня король Абдалла, заслужили высокую репутацию за свою честность; иные считаются коррумпированными. Некоторые выступают за умеренные реформы; другие опасаются, что любые реформы откроют шлюзы и снесут систему полностью, и их самих в придачу. Неизвестно, чем обернутся эти споры. В 2004 году, на следующий день после убийства саудовскими спецслужбами Халида аль-Хаджа, предполагаемого лидера «Аль-Каиды» в стране, полиция арестовала одиннадцать крупнейших интеллектуалов-реформаторов, в том числе нескольких исламистов, ратовавших за создание независимой правозащитной организации и проведение масштабных политических реформ. Вскоре после этих событий Международная кризисная группа выразила мнение, что эти два события позволили выявить два основных течения в современном исламе Саудовской Аравии: с одной стороны, это воинствующие исламисты, намеревающиеся дестабилизировать режим и изгнать его иностранных покровителей и инвесторов, а с другой — представители умеренных сил, выступающие за политические и социальные реформы. Какая же из сторон будет формировать будущее королевства?¹¹

Саудовский режим стоит перед дилеммой: пули, бомбы, фанатизм, с одной стороны, ответственность и длинный, весьма тернистый путь социальных преобразований — с другой. Дело не только в том, что дилемма практически неразрешима, но и в том, что королевская семья и ее сторонники сами взрастили некоторых деятелей, с которыми уже нет никакой перспективы примирения. Современный джихадизм порожден официальными религиозными учреждениями, которым во время противостояния с советскими войсками в Афганистане, при содействии определенной части властных структур, выплачивались денежные средства за отправку молодых саудовцев в зону конфликта для пополнения рядов моджахедов. Иногда все заканчивалось относительно невинно — путешествием подростка к пакистанской границе; в других случаях в молодых людях воспитывались воинственные, ожесточенные взгляды на мир. В Египте джихадисты пришли к радикализму в своей стране; в случае Саудовской Аравии политизация радикалов осуществлялась за рубежом¹². По окончании афганской войны в 1989 году саудовский режим был вынужден заботиться о значительной части джихадистов, которые теперь становились еще более непримиримыми от унижения, испытываемого по причине

зависимости от американских и союзнических сил при обеспечении защиты от Ирака во время войны в Персидском заливе. Ботинки чужаков топтали святые места — так им это все преподносилось.

Саудовцами были пятнадцать из девятнадцати угонщиков самолетов 11 сентября 2001 года. Их послал не Саддам Хусейн, как на это намекали вице-президент Чейни, Карл Роув и другие. Они были молодыми людьми из страны — важного союзника Америки в Персидском заливе, из страны, царствующих особ которой чествовали в Вашингтоне и которые в ответ посылали своих отпрысков в университеты «Лиги плюща», покупали американское (и, конечно же, британское) оружие, выписывали внушительные чеки на благотворительные цели, инвестировали в хедж-фонды, банки и недвижимость своих друзей. Администрация Буша-младшего была очень сдержанна в своих критических замечаниях. В итоге после принятия решения о наступлении на Багдад у Вашингтона голова болела совсем о другом. Некоторые политики были более откровенны. Сенатор Джон Керри, кандидат в президенты от Демократической партии в 2004 году, обратился к членам своей партии, и не только к ним, со следующими словами: «Если мы намерены серьезно относиться к вопросам энергетической независимости, то нам следует серьезно относиться и к противодействию участию Саудовской Аравии в финансировании и идеологической поддержке «Аль-Каиды» и других террористических группировок. Мы не имеем права продолжать применение мягкого подхода нашей администрации к вопросам снабжения и отмывания денег террористов. Нам необходимо пересмотреть и отношение к финансовой поддержке, оказываемой саудовцами клерикалам, которые пропагандируют идеологию исламского террора. Проще говоря, мы не будем вести дела с Саудовской Аравией как прежде»¹³.

С 2003 года террористы несколько раз атаковали саудовский режим; саудовцы отвечали ударом на удар; Ирак пошел по неверному пути; цены на нефть выросли; иранцы вели себя резко; и США вернулись к «привычному способу ведения дел» с Саудовской Аравией. Но проблемы для саудовцев не исчезли, а совершенные боевиками жесткие насильственные действия дали повод для отказа от необходимых реформ.

Проблемы усугубляются различными социальными, демографическими, религиозными и этническими факторами. Нефтяной

бум 1970-х годов позволил Эр-Рияду направить значительные суммы на инфраструктурные и социальные программы. Довольно быстро Саудовская Аравия стала подобием социального государства с потребительским менталитетом и привлечением иностранной рабочей силы для выполнения как квалифицированной, так и физической работы. Систему образования отличает сильный религиозный уклон. Увеличение числа богатых людей сопровождается быстрым ростом населения. В течение трех десятилетий с начала нефтяного бума население выросло в три раза, до более чем 27 миллионов человек, причем 6 миллионов из них — иностранцы. Саудовский Американский банк отмечает, что в 2002 году более 45 процентов населения составляли лица моложе пятнадцати лет. По некоторым прогнозам, к 2025 году население может достигнуть 40 миллионов, в результате чего в стране, где в нефтяной сфере заняты всего лишь 2 процента трудоспособного населения, остро встанет проблема безработицы. Сегодня безработица составляет около 30 процентов среди молодежи и около 12 процентов в целом по стране. Качество государственных услуг снижается, как и доход на душу населения, который упал с 18 000 долларов США в 1981 году примерно до 8400 долларов в 2002-м. Будет удивительно, если рост социального неравенства не приведет к усилению критики образа жизни некоторых членов царствующего дома, к широкому осуждению коррупции и росту требований социальной справедливости.

Суннитский режим обеспокоен задачей умиротворения своего растущего населения, а также возможными народными волнениями в шиитских районах. Большинство саудовских шиитов, доля которых составляет от 10 до 20 процентов населения, живут в богатой нефтью Восточной провинции, в которой расположена большая часть нефтедобывающих предприятий Саудовской Аравии. В этой провинции шиитское происхождение имеют примерно две трети квалифицированных сотрудников компании «Арамко». Подавление режимом любых забастовок или протестных акций с политической подоплекой приведет к проблемам в нефтяной отрасли. И совсем не удивительно, что нефтяные доходы все в большей степени тратятся на обеспечение безопасности внутри страны, особенно на энергетических предприятиях королевства.

Высокие цены на нефть могли побудить противников реформ в Саудовской Аравии к отказу от изменений внутри страны или к

имитации изменений. Обрушение цен на нефть заставляет думать, что бутафорские реформы не решат проблемы. Неуступчивость верхушки духовенства и хрупкость ситуации в сфере безопасности свидетельствуют в пользу продуманных изменений; от перемен нельзя отказываться, и мерами предосторожности их не заменить. Необходимо обуздать злоупотребление властью и коррупцию. Гражданское общество должно развиваться путем создания профсоюзов и других общественных организаций. Следует поощрять подотчетность и законотворчество на уровне местных и региональных советов, а затем и на национальном уровне (Консультативный совет [Меджлис аш-Шура])* . В изменениях нуждается и положение женщин, которые составляют около 60 процентов выпускников высших учебных заведений, но при этом лишь 5 процентов занятого населения, с предоставлением им более широких возможностей для трудоустройства и смены места жительства, а также обеспечения доступа к здравоохранению. Правовая система должна быть изменена таким образом, чтобы законы были едины для всех, в том числе для членов королевской семьи и государственных служащих. Необходимо уважать свободу слова, собраний и объединений, а также обеспечить защиту мусульманских меньшинств. После проведения подобающей реформы Саудовская Аравия станет более надежным союзником, оставаясь одним из столпов мировой экономики. А в условиях отсутствия реформ мы остаемся зависимыми от способностей возглавляемого стариками режима не подпускать к власти представителей все более беспокойного молодого поколения. Перестановки в вооруженных силах, консультативном совете, религиозной полиции и судах, проведенные в начале 2009 года восьмидесятишестилетним королем Абдаллой, а также первое в истории страны назначение женщины на должность министра образования могут проложить путь для более существенных изменений в будущем. Одним из отстраненных от занимаемой должности сановников стал председатель Верховного суда, высшей судебной инстанции королевства, который несет ответственность за принятое в сентябре 2008 года решение, разрешавшее уничтожить владельцев телеканалов, транслирующих «аморальные передачи».

---

* Совещательный орган, назначается королем на 4 года. Включает 60 членов во главе с председателем. Создан в 1992 году.

Какое мировоззрение предлагается сегодня молодым — и зачастую безработным — саудовцам? Каким они видят свое будущее? К чему они прислушиваются с большим энтузиазмом: к заверениям в дружбе, поступающим с чуждого им по культуре Запада, или к посланию бен Ладена, транслируемому каналом «Аль-Джазира»? Мы можем и дальше бездумно заполнять свои баки арабийским топливом, но во что это нам обойдется с точки зрения политики и безопасности и как долго это будет продолжаться? Пока мы не увидим, что в Саудовской Аравии вероятны тщательно продуманные реформы, мы должны делать ставку на сокращение нашей зависимости от продаваемого королевством товара.

Разумеется, что помимо политических издержек большое значение имеет и сама цена на нефть, в денежном выражении. Цена на нефть, как и на другие сырьевые товары, отражает в первую очередь соотношение спроса и предложения. При этом в той части уравнения, где отражено предложение, содержится показатель надежности и безопасности будущих поставок. Если, к примеру, в одной из стран-производителей возникает конфликт или если вспыхивает забастовка, влияющая на объемы добычи, то цена вырастет, так как спрос подогревают покупатели, пытающиеся застраховать себя от недопоставок в будущем. Цены на нефть достигли пика в 1980 году и составили тогда 101 доллар США за баррель (с поправкой на инфляцию к 2007 году). Рост был вызван свержением шаха в Иране, перебоями в поставках, за которыми последовал спад добычи в Иране и Ираке, обусловленный началом войны между этими странами. В последующие два десятилетия цены испытывали существенные колебания (они, к примеру, подскочили после вторжения Ирака в Кувейт в августе 1990 года), но в среднем снижались с достигнутого в 1980 году пика и оставались на низком уровне. Очередное резкое падение произошло в 1999 году, когда объемы добычи нефти в Ираке выросли, а азиатский финансовый кризис привел к снижению спроса. В августе 2003 года нефть стоила 25 долларов за баррель, затем непрерывно дорожала и достигла отметки в 100 долларов в начале 2008 года, а к июлю 2008-го подскочила до 147 долларов США. В результате кризиса и экономического спада к началу 2009 года нефть потеряла более двух третей цены, опустившись до уровня ниже 40 долларов. Политикам стран-производителей, которым приходится стоять у руля в периоды низких цен на нефть, везет намного меньше, чем тем, кто принимает на себя

руководство в периоды, когда растут цены, а с ними и государственные доходы. Именно это чувство испытывают оппозиционные политики Венесуэлы, наблюдая за ростом расходной части бюджета президента Уго Чавеса, наполняемого за счет нефтяных доходов. Снижение цен станет испытанием для самой основы его бездумного популизма.

К сожалению, не всем странам удастся правильно распорядиться выпавшими им геологическими дарами. И причина не только в том, что экономисты называют «голландской болезнью», обозначая так проблемы, которые возникли в экономике Нидерландов после обнаружения там в 1960-е годы природного газа. В подобных случаях доходы от продажи энергоносителей могут поднять курс валюты страны-производителя, увеличив цену ее экспорта и снизив стоимость импорта, таким образом снижая конкурентоспособность национальных отраслей экономики. На самом деле проблемы намного глубже описанных. Начиная с 1965 года и до конца столетия ежегодный рост ВВП на душу населения в странах ОПЕК замедлялся, в то время как в других странах наблюдалось ускорение. Во многих странах нефтяные богатства способствовали росту маниакальной приверженности гигантским проектам и стимулировали коррупцию. Кроме того, за счет нефтяных доходов оплачивалось наращивание вооруженных сил, что позволило властям игнорировать мнения опытных чиновников и гражданского общества, а также освободило правительства от необходимости повышения налогов (избегая тем самым напряженности, связанной обычно с этим процессом).

Иногда полученные средства инвестировались не в собственной стране, а в США или Европе. В Соединенных Штатах постоянно высказывается недовольство нарушением торгового баланса с Китаем. Но все это затмевается глобальным дисбалансом, возникшим за годы нефтяного бума и обусловленным сверхдоходами, полученными экспортерами нефти за счет роста цен на основную составляющую их экспорта. В период с 2002 по 2006 год страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива — Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты — заработали на экспорте нефти невообразимые 1,5 триллиона долларов. После оплаты всего импорта профицит бюджета указанных стран превысил 540 миллиардов долларов. После ипотечного и банковского кризиса в Америке в 2007–2009 годах западные банки были рады предо-

ставленной возможности получить доступ к этим громадным сокровищам, хотя кризис повлиял и на их объем.

Венесуэлу, чью расточительность в обращении с нефтяными доходами мы уже отмечали, часто приводят в качестве самого показательного примера того, как не следует использовать гигантские нефтяные доходы. Импульсом для последнего скачка цен на нефть в конце 2002 года стало обнаружение в стране нового месторождения. После этого деньги в страну прибывали как вода во время прилива; но даже таких барышей оказалось недостаточно для спуска на воду проекта президента Чавеса по строительству в Латинской Америке социализма XXI века. Чавес, пожалуй, не дурак, хотя он и произносит множество абсолютных глупостей в своих длинных популистских выступлениях, на которых я не раз имел несчастье присутствовать.

Фидель Кастро, по всей видимости, был того хуже. Я никогда не слышал и не встречал кубинского лидера, но некоторые из слышавших его утверждали, что мои впечатления от разглагольствований Чавеса ничто по сравнению с унылостью и нудностью обличительных речей Кастро. Мне хочется надеяться, что в отношениях с Чавесом мы не допустим ту же ошибку, которую допустили с команданте, так как выжить ему помогали изоляция и регулярные упреки со стороны Америки. (Президент Обама недавно предложил отказаться от обличительной риторики.) Вашингтон остается постоянным объектом нападок Чавеса, отчасти потому, что он подозревает американцев в пособничестве неудавшейся в 2002 году силовой попытке сместить его.

Социалистический проект, финансируемый Чавесом за счет нефти, позволил ему найти сочувствующих среди правительств стран Латинской Америки, хотя некоторые из его некогда возможных последователей, такие как Эквадор, начали отнекиваться и покинули вечеринку. В Венесуэле разрослись коррупция и некомпетентная бюрократия, а высокие цены на нефть так и не улучшили перспективы нефтяной отрасли и не помогли справиться с бедственным положением в экономике. Падение объемов добычи нефти частично обусловлено тем, что инвестиции в отрасль урезались в пользу финансирования социальных программ. Но разрыв между доходами богатых и бедных только увеличивался, а с 2000 по 2006 год характер распределения доходов в Бразилии, Мексике и Чили был намного более справедливым, чем в Венесуэле. Пыл президента Чавеса охладили и избиратели,

отвергнув на проведенном в 2007 году референдуме инициативы по расширению полномочий исполнительной власти, предложенные Чавесом в целях осуществления социалистической программы, отказав ему также в продлении мандата на неопределенный срок. Несмотря на это, президент Чавес выиграл в 2009 году повторный референдум, разрешивший ему переизбираться. Но в условиях снижения доходов от продажи нефти с 90 до 20 миллиардов долларов победить в следующей избирательной кампании ему будет гораздо труднее. Нам следует на это надеяться. Совсем неудивительно, что Чавес начал исподволь обхаживать те самые западные нефтяные компании, чьи месторождения национализировал всего несколько лет назад.

Президенту Чавесу совсем не нравится, что его страну по значимости обогнала другая латиноамериканская страна. Мексика стала крупнейшим производителем нефти, заняв место в первой шестерке мировых производителей. Но и здесь огромный урон экономике и обществу наносят коррупция, бюрократическая неэффективность, корпоративизм, неадекватные инвестиции и давняя традиция выжимать средства на социальные субсидии из нефтяных доходов. Я уже упоминал выше о важности крупного месторождения Кантарелл, которое на пике добычи давало до 2,1 миллиона баррелей в сутки. Затем объем добычи резко снизился. В Мексике за двадцать лет не построено ни одного нового нефтеперерабатывающего завода; вследствие этого, несмотря на собственные запасы нефти, страна вынуждена импортировать из США 40 процентов потребляемого бензина. Попытки приватизировать государственную нефтяную компанию «Пемекс» встретят сильное сопротивление со стороны политиков и профсоюза, пять членов которого заседают в правлении компании. Упадок отрасли чреват серьезными последствиями не только для Мексики, но и для всех нас. Нефть составляет 16 процентов ее экспорта и приносит 40 процентов доходов государства.

В Мексике иногда совершались нападения повстанческих группировок на топливные трубопроводы. Например, в 2007 году атакам подверглись нефте- и газопроводы, но ничто из происходящего в Мексике не сравнится с угрозой, которую представляют для Нигерии, как еще одного крупного производителя нефти, тамошние боевики. Ежегодные доходы Нигерии от экспорта нефти составляют более 45 миллиардов долларов, при объемах добычи около 2,3 миллиона баррелей в сутки, в основном из

месторождений в южной части дельты реки Нигер. Будущее отрасли поставлено под сомнение из-за коррупции, бедности, политики и преступности. Рост поддержки повстанцев и пополнение их рядов хорошо вооруженными боевиками напрямую связаны с отсутствием пользующихся авторитетом органов государственного и местного управления, способных направить часть нефтяных доходов на создание новых рабочих мест и социальное обеспечение, в особенности на программы в сфере здравоохранения и образования. На протяжении многих лет основным «товаром», экспортируемым из дельты реки Нигер, были рабы; именно из здешних портов в XVII и XVIII веках отправили в Америку примерно четверть всех невольников из Западной Африки. После рабов крупнейшей статьёй экспорта стало пальмовое масло. В современных условиях нефтяных доходов было бы вполне достаточно для развития региона, в котором зашкаливает недовольство правительством и вооруженными силами. Новая группировка, именующая себя МЕНД — Движение за освобождение дельты Нигера, берет нефтяников в заложники, устраивает диверсии на нефтяных установках, взрывает автомобили и совершает нападения на правительственные войска. Нефтяной отрасли следует стать более прозрачной в своей деятельности, и не в последнюю очередь в том, что делается для защиты окружающей среды, а также активизировать усилия по обеспечению развития на местном уровне. Но основная ответственность за разрешение этого весьма серьезного кризиса лежит на правительстве, которому следует вступить в серьезный диалог с авторитетными группами региона, касающийся справедливого распределения доходов от продажи нефти, активнее воплощать договоренности, достигнутые в результате таких переговоров, а также объявить амнистию для некоторых из вооруженных группировок, действующих в районе города Порт-Харкорт и на прилегающих территориях.

Зависимость от нефти, поставляемой из некоторых стран и регионов, может негативно влиять на политику в странах-потребителях. Энергоносители, как правило, редко используются в качестве явного оружия внешней политики; нефтяное эмбарго 1973 года в отношении США и Западной Европы из-за их поддержки Израиля в войне с Египтом и Сирией было исключением, а не правилом. Страны Персидского залива часто высказывали недовольство политикой США в своем регионе. Но это не стано-

вилось причиной для выдвижения угроз в отношении поставок нефти, что, надо признать, в определенной мере обусловлено богатством и мощью США. Президент Чавес сильно преувеличивал значение венесуэльской нефти. В основе его риторики лежало присущее латиноамериканцам желание подтрунить над гринго. Выпады в адрес Вашингтона были частью его публичного заигрывания с президентом Путиным, которого при прочих обстоятельствах трудно было бы считать партнером именно того типа, который нужен Чавесу. Возможно, Чавес, как и президент Буш, заглянул в душу Путина и увидел там нечто прекрасное. (Интересно, что высказанное мнение президента Буша о душе президента Путина почти совпадает с мнением царя Николая II о душе Распутина.) Одно из политических отличий между Чавесом и Путиным состоит в том, что Путин как раз обладает «энергетическим оружием»...

В России около четверти мировых разведанных запасов газа, примерно в два раза больше, чем у следующего крупнейшего производителя газа — Ирана. В России расположены также примерно 6–10 процентов мировых разведанных запасов нефти. В настоящее время более 60 процентов федерального бюджета России составляют доходы от продажи нефти и газа. Россия стала важным игроком на мировом рынке энергоносителей. Зависимость Европы от российского газа составляет более 40 процентов — причем эти цифры в некоторых странах ЕС существенно выше. Следует добавить, что Россия и сама зависит от долгосрочных газовых контрактов с Европой; зависимость здесь взаимная. Ситуация в Европе, несомненно, намного лучше той, которая была во времена холодной войны: уж лучше находиться под угрозой повышения суммы счетов от «Газпрома» (так именуется подконтрольный государству российский газовый монополист) или отсутствия отопления посреди зимних холодов, чем отправиться в мир иной под ударами баллистических ракет. Но всем европейцам было бы намного комфортнее, если бы нам удалось избежать попадания в цепкие объятия России. Как это ни парадоксально, но далекий предшественник президента Путина, г-н Брежнев, был более надежным газовщиком; преемник Путина на посту президента, Дмитрий Медведев, получается, вообще газовщик без отрыва от производства — такой вывод можно сделать при изучении его продвижения по службе. Медведев занимал должность руководителя «Газпрома», на которую его назначил Путин.

Манеры у президента Медведева лучше, но мало кто сомневается в том, что заправляет всем по-прежнему Владимир Путин.

Анна Политковская (одна из подозрительно большого числа убитых российских журналистов, которые выступали с критикой режима, его действий и главных действующих лиц) в своей книге бесстрашно описала Путина как ищейку из спецслужб, ограниченного и мстительного человека, которому так и не удалось преодолеть барьер от подполковника до полковника¹⁴. На основе собственных впечатлений от нескольких встреч с Путиным, среди которых было эксцентричное посещение в составе делегации Европейской комиссии его «загородной дачи» (очевидно, это был «показательный» дом, русская версия того, что можно лицезреть в Эрлс Корт на выставке «Идеальный дом», организуемой газетой «Дейли Мейл»), могу сказать, что характеристика, данная покойной г-жой Политковской, резковата. Но я всегда считал, что г-н Путин — именно тот человек, который должен был дослужиться до должности руководителя спецслужбы. Он умен, четко выражает свои мысли, внутренне дисциплинирован и совершенно невозмутим. А теперь перейдем к его душе. Темой написанной Путиным диссертации (некоторые обвиняют его в плагиате) было использование энергетики в качестве инструмента внешней политики и обеспечения безопасности. Сама по себе идея предельно проста, и она последовательно воплощается Путиным и Медведевым, его верным ставленником на посту президента. По результатам исследования, проведенного московским Центром изучения элит в отношении более чем 1000 высших должностных лиц, было установлено, что 26 процентов из них работали в КГБ или в органах-правопреемниках КГБ. Процент основных помощников Путина, карьера которых так или иначе связана с КГБ, выше указанного числа примерно в три раза. Россия — не полицейское государство. Но государство в значительной мере принадлежит бывшим сотрудникам КГБ. Они суть контролирующие огромные капиталы преторианцы в сердце так называемой «суверенной демократии», в которой на поверку много суверенитета и мало демократии.

При этом можно с некоторой натяжкой понять стремление использовать энергоносители и ценовую политику для стабилизации российской системы. Уход Горбачева и приход к власти Ельцина привели к краху Советского Союза и диктатуры Коммунистической партии, и обошлось это совсем не дешево.

Возможно, что г-н Ельцин и был бесперспективным политиком и пьяницей, но он был *нашим* пьяницей, словно олицетворяя границу между нами и возвращением к «старым недобрым временам». И так как мы не оказывали ему достаточной помощи и не подталкивали его к наискорейшему реформированию, то русский народ получил старое недоброе настоящее. Экономика обрушилась в начале 1990-х годов в результате «шокового» эксперимента с капитализмом, в условиях отсутствия правовых институтов и верховенства права, что было жизненно необходимо для поддержания правопорядка и недопущения вырождения капитализма в узаконенный грабёж. Жизненный уклад среднего россиянина был полностью разрушен. Смертность в период с 1992 по 1994 год повысилась на 30 процентов. Цифры детской смертности удвоились. Как уже упоминалось в главе 9, российское имущество было разграблено. Чеченские банды мародерствовали по всему Кавказу и даже в Москве; журналист Пол Хлебников, подробно описавший связи между чеченскими бандитами и новым классом олигархов, был убит. Чувство национального достоинства россиян оказалось втоптанно в грязь. Совсем не удивительно, что сегодняшнюю Россию многие считают существенно более благополучной страной. Цены на энергоносители помогли вывести из подвешенного состояния страну, возглавляемую сотрудником спецслужб. Но разграбление не прекратилось; оно стало упорядоченным и систематизированным. Г-н Путин и его высокопоставленные коллеги не собираются покидать высокие посты и жить на скромные государственные пенсии — это можно утверждать наверняка... Путин пообещал, что на смену диктатуре пролетариата в Россию придут демократия и капитализм. А в реальности Россия оказалась под властью смекалистых клептократов.

Со времени прихода к власти в 1999 году господин Путин методично проводит консолидацию нефтяной и газовой промышленности России под государственным контролем. Аналогичные действия осуществлялись в отношении трубопроводов, проходящих по территории России и ее соседей. Иностранные энергетические компании были вытеснены с рынка. Так, в 2007 году, после угроз со стороны российского лицензионного агентства Роснедра отозвать лицензию на разработку Ковыктинского газоконденсатного месторождения, британско-российскому предприятию ТНК-ВР пришлось продать «Газпрому» 62,9 процента своих акций в «РУСИА Петролеум».

Иностранные компании были отстранены от участия и в других крупномасштабных проектах, таких как разработка месторождения Сахалин-2. Самым вопиющим примером установления государственного контроля над энергетическим предприятием стали экспроприация и уничтожение нефтяного гиганта, компании ЮКОС, и арест ее владельца, олигарха Михаила Ходорковского, который, считается, представлял для Кремля политическую и коммерческую угрозу. Зарождение компании Ходорковского окутано мраком, что характерно для того периода российской истории, но вскоре она начала работать с удивительной прозрачностью и применением прогрессивных методов корпоративного управления. Закончилось все тем, что Кремль задаром прибрал компанию к рукам при обстоятельствах еще более темных, чем те, в которых она зарождалась.

Без высоких цен на нефть и газ проблемы Кремля становятся практически неразрешимыми. Самой серьезной проблемой России стал демографический кризис. Население стремительно сокращается. С 1993 года, на протяжении более чем десяти лет, в стране ежегодно умирало на 840 000 человек больше, чем рождалось. Смертность среди молодых мужчин в возрасте 25–55 лет превышает аналогичные показатели для японских мужчин в 7–11 раз. Двадцатипятилетние россияне умирают так же часто, как пятидесятишестилетние японцы. Одна из причин — безудержный алкоголизм. Путин лично признал алкоголизм огромной проблемой для общественного здоровья и даже назвал Россию потенциально богатой страной, населенной бедными жителями (имеются в виду люди, живущие у себя в стране; в России множество очень богатых людей, владеющих внушительными активами за рубежом, хотя кризис разорил некоторых из богатеев, к огромному неудовольствию владельцев и работников судостроительных верфей, специализирующихся на изготовлении больших яхт).

Но при этом, кажется, Путин больше всего озабочен восстановлением регионального и глобального статуса России. В истории России было четыре имперских периода — первый, относящийся к Киевской Руси, которая была разрушена в XIII веке вторгшимися монголами; вторая империя, Московское царство великих князей владимирских и московских, окончила свои дни в начале 1600-х годов, после Ивана IV; третья империя, романовская, была создана в 1613 году и просуществовала до убийства в 1918 году последнего представителя правящей династии в подва-

ле дома в Екатеринбурге; советский режим построил четвертую российскую империю, конец которой был положен под руководством Михаила Горбачева и Бориса Ельцина в начале 1990-х годов. Я не верю, что г-н Путин и г-н Медведев пытаются создать пятую империю. В действительности они пытаются противостоять тому, что считают унижением и притеснением со стороны Запада, и посредством энергетической политики расширить сферу влияния России на прилегающие страны. Основным оружием стал «Газпром», но помимо газового гиганта российские власти используют и другие выпавшие им возможности.

В глазах Москвы поводы для недовольства действиями США и их европейских союзников накапливались непрерывно с момента распада Советского Союза. К ним можно отнести расширение НАТО (в том числе обсуждение членства Украины), расторжение Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), предложение о размещении в Чешской Республике элементов системы ПРО США, войну в Сербии, дислоцирование вооруженных сил США в Центральной Азии, войну в Ираке, «цветные революции» в приграничных с Россией странах и признание независимости Косово¹⁵.

Позиция России по всем этим проблемам не была безупречной, но она и не была абсолютно неверной. В частности, вполне обоснованны претензии России к Договору по ПРО и степени расширения НАТО. Зачем нам в НАТО, к примеру, Украина? Где проходит линия фронта НАТО? Кто наш враг и где он расположен? Более целесообразно расширение ЕС, а не НАТО. Но первое расширение стоит денег; а второе — нет. Первое управляется из Брюсселя; второе — формально из Брюсселя, но на самом деле из Пентагона.

Споры о членстве в НАТО обострились после военного вторжения России в Грузию в августе 2008 года. Одно время Москва не отказывала себе во вмешательстве в дела всех своих соседей. Так в 2007 году начались кибератаки на Эстонию (предположительно — в ответ на демонстрации, связанные с находящимся там советским военным мемориалом). Более того, именно Москва в течение многих лет одобряла движение за отделение от Грузии Абхазии и Южной Осетии, что на практике выливалось в политический патронаж и обеспечение неприкосновенности местных сепаратистов для совершения ими «независимых» от Тбилиси действий. Российские военные воспользовались грубой ошибкой

президента Грузии Михаила Саакашвили, попытавшегося решить проблему контроля над Южной Осетией военным путем. Российские войска изгнали грузинскую армию из региона с удивительными для последней скоростью и легкостью, а также обеспечили прикрытие для проведенной осетинскими вооруженными группировками этнической чистки грузин в Южной Осетии. Вскоре Москва заявила о признании независимости двух самопровозглашенных республик — грузинских территорий, сославшись, в качестве прецедента, на Косово. Авторы этой странной аргументации абсолютно не учитывали методы, применявшиеся Сербией в разгар войны с Косово, и полностью умалчивали недавние этнические чистки в Южной Осетии и совершенные в 1990-е годы нападения на этнических грузин в Абхазии. В ответ на российскую авантюру Вашингтон зацокал языком (осознавая, вероятно, что сделал слишком мало для предотвращения необдуманных авантур самого Саакашвили), и Европейский союз при посредничестве президента Саркози договорился о режиме прекращения огня, который положил конец боевым действиям, но оставил Грузию разделенной, а Россию — с ее военными трофеями. Большинство остальных стран мира было слишком увлечено Олимпийскими играми в Пекине и не уделило этим событиям должного внимания.

А что, если бы Грузия к тому времени была членом НАТО? Воздержалась бы Россия от подобных действий? Выдвинулись бы войска НАТО против России? Такой проблемы, к счастью, не возникло. Описанные события послужили своеобразной проверкой того, в какой мере в дискуссиях о расширении НАТО его сторонники учитывают, что речь идет о членстве в военном союзе, а не в теннисном клубе. Сбивчивые негодующие высказывания европейских стран в отношении поведения России вскоре сменились робким признанием того, что ЕС следует вернуться к ведению дел практически на условиях России. Вопрос о расширении НАТО положили под сукно. Самые ощутимые санкции на Россию наложил сам рынок. Отчасти в ответ на российский авантюризм, а частично вследствие падения цен на энергоносители российский фондовый рынок и рубль обрушились — снижение показателей было более продолжительным и стремительным, чем снижение индексов и валют в других странах с развивающейся экономикой. Экономика России резко просела; возросли показатели безработицы и дефицита бюджета. Но это не отбило у Москвы охоту при

любой удобной возможности создавать неприятности вечным соперникам. Так, к примеру, в 2009 году Россия подбросила лишившемуся средств правительству Кыргызстана 2–3 миллиарда долларов в обмен на угрозу со стороны этой среднеазиатской республики закрыть американскую авиабазу «Манас», имевшую большое значение для кампании НАТО в Афганистане. Кто от этого выиграет? Создается впечатление, что весь смысл действий России заключается в создании проблем в международной политике, с неизменным отстаиванием своих сфер влияния в духе царской политики XIX века. В XXI веке в Европе не может быть места «сферам влияния».

Энергетическая политика России преследует в основном три цели. Во-первых, России необходима надежная система транспортировки своих газа и нефти на наиболее прибыльные рынки Европы и Запада. Большинство транзитных государств — это страны, состоявшие в Варшавском договоре или бывшие частью Советского Союза. Г-н Путин считает их, по его выражению, «паразитами». С точки зрения Москвы, они получают преимущество от заниженных тарифов на транспортировку и энергоносители и печально известны ненадежностью в совершении платежей. Цена и возможность поставки газа уже выступали средством давления на Украину (не далее как в середине зимы 2008/2009 года), Грузию, Беларусь и Литву. Январский газовый кризис 2009 года между Россией и Украиной привел к тому, что восемнадцать европейских стран сообщали о существенном сокращении или прекращении поставок газа. Польша и другие страны сильно обеспокоены своим будущим, особенно учитывая, что, по данным Агентства оборонных исследований Швеции, из пятидесяти пяти случаев преднамеренной приостановки газоснабжения, явных угроз или повышения цены со стороны России с 1991 года, только одиннадцать не имели ничего общего с политикой. Политические интересы постоянно преобладают над коммерческими.

Россия приняла решение построить два трубопровода, намереваясь обойти транзитные государства и получить полный контроль над мощными газовыми потоками. Первый газопровод, названный Южно-Европейским (SEGP), позволил бы нарастить проходящий с юга России в Турцию газопровод «Голубой поток» на запад, через Болгарию и Румынию в Венгрию, которая должна стать перевалочным пунктом, с возможным продолжением до Италии. У ЕС была амбициозная альтернатива под названием «газопровод «Набукко».

Ставилась задача по организации консорциума энергетических компаний Центральной и Юго-Восточной Европы с целью прокладки принадлежащего европейцам трубопровода и поставки до 30 миллиардов кубометров газа в год из стран Ближнего Востока и Средней Азии. Большая часть газа должна поступать из Ирана (который обладает вторыми по величине запасами природного газа) и Египта. Проект будет способствовать диверсификации поставок в Европу, удовлетворит не менее 10 процентов европейского спроса и поможет потребителям путем давления на доминирующего российского поставщика. Европейские инвестиционные банки приняли на себя обязательства по финансированию 70 процентов затрат, что составляет около 5 миллиардов евро. Но Россия — действуя через «Газпром» — сделала все, чтобы сорвать проект. Россия уговорила венгерское правительство и Болгарию поддержать газопровод «Голубой поток», хотя на словах они оставались приверженными проекту «Набукко». Европейский совет по международным отношениям вполне обоснованно назвал поведение ЕС жалким, как у «простодушного зеваки». Очевидные политические трудности подсоединения газовых месторождений Ирана к турецкому трубопроводу обусловлены разногласиями по ядерной проблеме. Несколько более обнадеживающими выглядят усилия ЕС по «Набукко», предпринятые в недавнее время. На встрече в Будапеште в январе 2009 года Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) пообещали оказать финансовую поддержку. Без этого трубопровода зависимость ЕС от российского газа будет только усиливаться, а это именно то, о чем администрация Рейгана предупреждала четверть века назад¹⁶.

Второй российский трубопровод — это изначально спорный Северный европейский газопровод (СЕГ). Им управляет совместное предприятие, созданное «Газпромом» и немецкими фирмами «Винтершел» и «Рургаз». Трубопровод СЕГ, который к 2010 году будет проложен* по дну Балтийского моря из России в Германию, обеспечит поставки в Германию 80 процентов импортируемого природного газа. Канцлер Гельмут Шредер, во время пребывания в должности, был одним из первых сторонников этого проекта;

---

* 1-я 2-я нитки газопровода начали действовать в августе 2011-го и в октябре 2012 года.

после ухода с должности он сразу стал председателем созданного по инициативе России консорциума, осуществляющего строительство трубопровода. Цель южного и северного проектов заключается в захвате европейских газовых рынков, блокировании конкурентов и увеличении зависимости Европы от российских энергоносителей в долгосрочной перспективе. Более того, Россия воспрепятствовала строительству нефте- и газопроводов из Каспийского региона с целью сохранения рычагов влияния на поставку энергоносителей из Средней Азии.

Без заключенных контрактов на поставки трубопровод превращается в пустую трату денег. И поэтому вторым элементом своей стратегии Россия обеспечила заключение отдельных долгосрочных контрактов с большинством европейских стран, намереваясь лишить Европу общей переговорной позиции. Москва достигла больших успехов в разобщении ЕС и нейтрализации мер по осуществлению единой европейской политики. В Восточной и Центральной Европе Россия ведет работу по укреплению своего присутствия в Польше (где «Газпром» уже стал собственником половины польской газораспределительной сети и поставляет 80 процентов газа) и Словакии (где «Газпрому» принадлежит 50-процентная доля в «Словрусгазе»). В Западной Европе «Газпром» предпринимал попытки поглотить энергетические компании, специализирующиеся на транспортировке и распределении газа, и увеличить свою долю на рынке за счет воздействия на основных потребителей. В 2006 году «Газпром» намекал на свою заинтересованность в приобретении доли в британской энергетической компании «Центрика» и начал выдвигать предложения другим потенциальным потребителям, таким как Национальная служба здравоохранения, офисный небоскреб в Лондоне Сити-Пойнт-Тауэр и Йоркский собор. Одновременно с попытками получить доступ к европейским рынкам Россия отказывает европейцам в доступе на собственный. По окончании холодной войны и по инициативе тогдашнего премьер-министра Нидерландов Рюдо Любберса был начат проект Европейской энергетической хартии. Проект был попыткой, после преодоления разобщающего противостояния в прошлом, наладить сотрудничество за счет интеграции энергетических секторов бывшего Советского Союза, стран Восточной Европы и ЕС. Подписанный в 1994 году Договор к Хартии расширил рамки энергетических положений ВТО и сформулировал единые правила для всей энергетической цепочки от

добычи и производства до продажи и транспортировки. Россия так и не ратифицировала этот документ, несмотря на периодически декларируемый интерес к его основным принципам, как это было, к примеру, на прошедшем в 2006 году саммите «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге. В упрощенном виде ситуация выглядит так: Россия выкуривает Европу со своего энергетического рынка — от производства до транзита, одновременно заглаывая те куски европейского рынка, до которых удалось дотянуться.

Вялость реакции со стороны европейских стран позволяла России держаться этой стратегии. Совсем необязательно быть ярким приверженцем единой Европы, чтобы увидеть пользу от общей европейской энергетической политики (подобно общей экологической политике), не в последнюю очередь для возможности коллективно противодействовать российской энергетической дипломатии. Некоторые страны, которые громче всех вопили об общеевропейских идеях и обязательствах, такие как Италия, Франция и Германия, в вопросе сокращения объемов двусторонних сделок с Россией и «Газпромом» повели себя наиболее национально ориентированным образом. Россия, естественно, жестко критикует усилия по формированию единой европейской политики, что дает повод расценивать ее как подлинно необходимую. При ее формировании следует учитывать четыре элемента. Во-первых, Европе необходимо развивать альтернативные источники энергии, направляя значительную долю предоставленных Средиземноморскому региону кредитов и грантов на финансирование энергетических проектов. Необходимо также стремиться к налаживанию партнерских отношений с другими производителями, в том числе с центральноазиатскими и прикаспийскими государствами. Во-вторых, ЕС необходимо создать четкую общую энергетическую инфраструктуру. Нам надо завершить формирование общеевропейских сетей для газа и электричества, что позволит облегчить транзит из одной страны в другую и создать жизнеспособный единый рынок энергии, с проведением реальной, а не мнимой дезинтеграции (то есть отделением производства энергии от ее передачи), и принуждением производителей и поставщиков энергоресурсов соблюдать законодательство о конкуренции. Бурные аплодисменты в адрес ЕС за его противостояние с компанией «Майкрософт» в связи с злоупотреблением доминирующим положением на европейском рынке на фоне соглашатель-

ства с «Газпромом» выглядят весьма комично. В-третьих, ЕС следует добиваться взаимности, что уже довольно давно пытается делать Европейская комиссия. Если российские компании претендуют на право свободного доступа на рынок ЕС, то и европейские компании должны иметь возможность войти на российский рынок. Нужно положить конец издевательствам России над иностранными компаниями, в числе которых «Ройял Датч Шелл» и «Бритиш петролиум». И наконец, есть важные направления сотрудничества с Россией — повышение эффективности энергопотребления, ведь расход энергии для производства одной единицы ВВП в России в два раза превышает аналогичный показатель для ЕС, а также ужесточение нормативов безопасности для старых российских атомных электростанций.

Европе следует быть более расчетливой в отношениях с Россией в энергетической сфере, диверсифицировать, по возможности, источники поставок энергоносителей, исходя из соображений энергобезопасности и политических мотивов. На пути достижения своих геополитических целей, даже несмотря на неэффективность производства, Россия добилась значительных успехов, происходит повышение внутреннего спроса. В покерной терминологии, Россия выиграла раздачу с младшей парой, словно с фул хаус, а Европа спасовала с флеш рояля на руках. Непомерные затраты Москвы на трубопроводы и приобретение сбытовых компаний оплачиваются благодаря отсутствию сколь-нибудь значительных инвестиций в разработку новых месторождений. В свою очередь, внутренний энергетический рынок приносит незначительную прибыль по причине того, что Кремль поддерживает низкие цены для внутренних потребителей. Некоторые аналитики полагают, что Россия вкладывает в свою нефтегазовую отрасль лишь половину того, что требуется для поддержания объемов добычи в долгосрочной перспективе. Учитывая, что две трети добываемого газа в России потребляются внутри страны, Европа начинает все больше полагаться на исключаящие Россию сделки со странами Средней Азии, в частности с Туркменистаном.

Это должно послужить сигналом тревоги для потребителей и инвесторов. С 2009 года объемы поставок по подписанным с Туркменистаном контрактам могут в два раза превысить фактические объемы добычи. И это совсем не удивительно для региона, стабильность которого очень сомнительна, а термин «прозрачность» не используется вовсе. Покойный президент Туркменистана

Сапармурат Ниязов — эксцентричный правитель, которому не нравились золотые зубы, но очень нравились золотые статуи себя любимого, — надежным партнером стать не мог никак. Вполне реальная перспектива сокращения добычи газа разворачивается на фоне роста внутреннего спроса: внутреннее потребление газа в России растет гораздо быстрее правительственных прогнозов; к 2030 году этот показатель может вырасти на две трети по сравнению с нынешним. Вследствие этого мы можем оказаться в ситуации, когда Россия сократит экспорт нефти и природного газа на внешние рынки, чтобы быть в состоянии удовлетворить внутренние потребности. В этом случае она потеряет значительную долю нефтегазовых доходов, что станет слабым утешением для замерзающей Европы. Россия, которая сегодня извлекает большую часть своих энергоносителей из не самых отдаленных месторождений Сибири, неизбежно столкнется с Канадой и Данией за право разрабатывать арктические запасы, особенно с учетом того, что ледниковый покров тает намного быстрее, чем ожидалось. Комиссии ООН по границам континентального шельфа предстоит огромная юридическая работа после предъявления конкурентами претензий на, скажем, хребет Ломоносова, подводную горную гряду, изгибающуюся под трескающимися льдами Северного полюса.

Третий элемент российской стратегии состоит в выходе на наиболее быстрорастущие рынки, расположенные за пределами Европы, особенно в Китай, где стремительное экономическое развитие привело к формированию огромного и динамичного рынка потребления всех видов энергии. В феврале 2009 года Россия и Китай подписали рассчитанный на двадцать лет нефтяной контракт на сумму 25 миллиардов долларов. В определенном смысле верно утверждение, что одной из причин роста экономики Китая стало отсутствие у него больших запасов нефти. Когда Дэн Сяопин одержал победу в борьбе за власть с Хуа Гофэнгом, невзрачным преемником Мао Цзэдуна, он рассчитывал финансировать масштабные программы по реализации десятилетнего плана Коммунистической партии, полагаясь на открытие месторождений нефти. Скважины бурились везде, но обнаруженной нефти оказалось немного. Дефицит государственного бюджета был устранен путем снятия некоторых ограничений с развития фермерского сельского хозяйства. Воспользовавшись предоставленными возможностями, крестьяне стали выращивать больше для себя и своих семей. Капитализм был не за горами¹⁷.

Перефразируя превратившееся в клише синологии высказывание Наполеона о последствиях для всего мира пробуждения Китая, можно сказать, что спящий Китай не только проснулся, но и возжелал обладать телевизором и стиральной машиной и даже управлять автомобилем, так же как вы и я. Полезно напомнить, что если в Китае количество автомобилей на душу населения достигнет сегодняшнего уровня Германии, то на дорогах страны окажется 500 миллионов автомобилей, причем большинство — китайского производства, как недорогие «Чери», что в один прекрасный день уничтожит конкуренцию на международном автомобильном рынке, подобно тому как шелковая отрасль Китая раздавила своих итальянских конкурентов.

Китай и сегодня экспортирует в Корею и Японию небольшие объемы сырой нефти. Но еще в 1993 году он был вынужден отказаться от самообеспечения и стал нетто-импортером энергии. С тех пор потребности Китая в нефти возросли более чем в два раза, превратив рынок страны во второй по величине в мире — на 40 процентов превышающий японский и уступающий только США. Несмотря на замедление роста потребностей, Китай по-прежнему импортирует более 3 миллионов баррелей нефти в сутки. Это соответствует примерно половине общего суточного потребления в стране. Доля Китая на мировом рынке нефти составляет всего лишь 5 процентов, а вот его доля в общемировом росте спроса с 2000 года составляет уже 30 процентов. Из 7 миллионов баррелей в сутки прироста мирового спроса с 2000 года 2 миллиона ушли в Китай. В будущем спрос будет увеличиваться в основном благодаря транспорту, рассматриваемому правительством в качестве одного из ключевых аспектов дальнейшего развития экономики. В настоящее время на автомобили приходится треть потребляемой в стране нефти. Этот показатель, согласно прогнозам, к 2020 году вырастет до 50 процентов, а общий объем энергопотребления в Китае до 2020 года будет увеличиваться не менее чем на 6 процентов в год. В период с 2003 по 2030 год импорт нефти, в основном из стран Персидского залива, возрастет в четыре раза. К этому времени импорт природного газа будет удовлетворять 40 процентов спроса. Китай обладает третьими в мире извлекаемыми запасами угля и интенсивно использует его для производства электроэнергии.

Китай хорошо осознает геостратегические последствия своей энергетической зависимости. Обеспечение надежности поставок

энергоносителей считается основополагающим для способности страны поддерживать развитие экономики. Китайцы помнят о значении, которое во время Второй мировой войны имел запрет со стороны США на доступ Японии к нефти. Они знают о существовании пределов возможности сдерживания роста рынка за счет либерализации цен, с учетом влияния высоких цен на топливо на жизнь сельской бедноты и чаяния городских жителей. Поэтому китайцы пошли по пути умеренного снижения энергоемкости и запустили амбициозную программу разведки на территории страны. Программа уже принесла определенные успехи, например открытие крупного морского месторождения в заливе Бохайвань. И все же в нынешних условиях Китаю вряд ли удастся стать более энергонезависимым, чем Америка: именно поэтому реализуется стратегия «выхода вовне». Четырем крупным национальным нефтяным корпорациям — Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC), Китайской национальной нефтехимической корпорации (Sinopec), Китайской национальной шельфовой нефтяной корпорации (CNOOC) и Синохем (реализация продукции нефтехимии) — было поручено приобрести пакеты акций в зарубежных проектах по разведке и добыче, построить трубопроводы и наладить маршруты транспортировки.

Несколько запоздалое вступление Китая в глобальную схватку за обеспечение поставок энергоносителей свидетельствовало об определенной ограниченности возможностей страны инвестировать в зарубежные проекты. По этой причине китайские компании, при поддержке своего правительства, начали рьяно инвестировать средства во все доступные им потенциально энергоемкие проекты, где бы таковые ни находились и без оглядки на репутации соответствующих стран. Китайцы готовы вкладывать деньги всюду, где есть нефть: без вопросов, без каких-либо условностей. Нам на Западе не следует относиться к этому свысока. Мы сами в прошлом часто забредали туда, куда сегодня идут китайцы. Надеюсь, мы извлекли из этого определенные уроки, но это не дает нам право поучать кого-то.

Китайское правительство обеспечивает финансирование стратегии «выхода вовне» благодаря доступу к дешевому капиталу и государственному целевому кредитованию через Китайский банк развития и Экспортно-импортный банк Китая. Последний считается третьим крупнейшим в мире учреждением кредитования экспорта, уполномоченным финансировать внеш-

нюю, экономическую и торговую политику государства. Помимо поддержки государственного кредитования, Пекин использует политику официальных визитов (председатель КНР Ху был частым гостем в Африке и Латинской Америке) и увеличения объема экспорта китайских промышленных товаров, в том числе оружия. Самым неоднозначным элементом китайской тактики была готовность правительства предоставлять крупные инвестиции и программы помощи в обмен на заключение энергетических (и прочих) сделок. Особенно активно Китай действовал в Африке, и сегодня он стал третьим наиболее крупным торговым партнером континента после США и Франции, опередив Великобританию. В 1999 году объем китайской торговли с Африкой составлял 2 миллиарда долларов; в 2005-м объем достиг почти 40 миллиардов, а в 2008-м — 107 миллиардов, превысив целевые 100 миллиардов долларов на два года раньше запланированного. По разным данным, в относительно долгосрочные командировки в Африку ежегодно приезжают 750 000 китайцев. С 2002 года китайские энергетические компании заключили крупные сделки во многих странах, в числе которых Алжир, Габон, Ангола, Нигерия, Кот-д’Ивуар, Кения, Республика Конго, Намибия, Эфиопия, Мадагаскар и Судан¹⁸.

В дополнение к государственнической стратегии «выхода вовне», призванной обеспечить Китай энергетическими ресурсами из всех возможных источников, правительство страны приступило к реализации так называемой стратегии «Нити жемчуга», нацеленной на построение более тесных связей со странами, расположенными вдоль морских путей от Ближнего Востока до Южно-Китайского моря, для обеспечения безопасной транспортировки товаров и ресурсов, что страна закупает за границей. Китай сильно зависит от безопасности международных морских маршрутов, на которых расположено несколько труднопроходимых участков; 75 процентов китайского импорта нефти проходит через 1100-километровый Малаккский пролив. И поэтому Китай считает дружественные отношения с «жемчужинами» — странами, прилегающими к морскому транспортному коридору, в частности с Пакистаном, Бангладеш, Шри-Ланкой, Бирмой (Мьянмой), Таиландом и Камбоджей, — исключительно важными для поддержания своей энергетической безопасности. А еще Китай создает военно-морской флот, и это вызывает беспокойство в Токио и Вашингтоне.

Какое влияние оказывает стратегия Китая на глобальный рынок энергоресурсов и международные отношения? В краткосрочной перспективе китайские инвестиции будут способствовать скорее возрастанию объемов добычи нефти, а не цены на нее. Инвестиции страны в разведку и добычу вынуждают другие нефтяные компании увеличивать затраты и с повышенным риском вводить резервные месторождения. Еще больший риск представляет напряженность, которая создается Китаем при осуществлении своей стратегии и выборе стран для сотрудничества. Существует реальная опасность дискредитации Китаем стандартов ОЭСР по финансированию экспорта, критериев добросовестного управления и усилий по улучшению качества помощи на цели развития. Другие страны, такие как Индия, Южная Корея и Япония, оказались вынужденными имитировать стратегию китайцев. Проблему можно проиллюстрировать тремя особенно пагубными последствиями нынешнего курса Китая.

Первый пример. Глубоко коррумпированное правительство Анголы в 2003–2004 годах обратилось в МВФ за кредитом, который предназначался для финансирования правительственной программы восстановления после гражданской войны. Фонд настаивал на включении в договор условий, нацеленных на борьбу с коррупцией и улучшение качества регулирования экономики. Китайский Эксимбанк предложил альтернативный кредит на сумму 2 миллиарда долларов с процентной ставкой 1,5 процента и погашением в течение семнадцати лет, привязав кредит к нефтяным сделкам и строительным контрактам. Ангольцы приняли китайское предложение, хвастая, что с помощью Китая они получили столь нужные им деньги на развитие без каких-либо политических условий и — добавим за них — без прозрачности.

Другой жертвой политики Китая стала прозрачность и ее значение в вопросах предотвращения коррупции, хотя британским министрам, когда они читают лекции о коррупции, следует быть более осторожными в выражениях, учитывая принятое правительством Блэра в 2006 году решение о прекращении проводимого Отделом по борьбе с крупными финансовыми махинациями расследования в отношении предполагаемой взятки, выплаченной в 1980-х годах британским производителем вооружений компанией ВАЕ для заключения крупного контракта с Саудовской Аравией. Не следует забывать, что за четыре года до упомянутого решения г-н Блэр, во время Международного саммита по устой-

чивому развитию в Йоханнесбурге, провозгласил создание Инициативы прозрачности в добывающих отраслях (ИПДО). Инициатива призвана решать проблемы, которые могут привести к коррупции, конфликтам и нищете. Она направлена на обеспечение прозрачности выплат, осуществляемых коммерческими компаниями в пользу государства за концессии в нефтяной, газовой и иных добывающих отраслях, а также прозрачности последующего использования правительствами полученных доходов. Инициативу поддержали двадцать пять богатых природными ресурсами стран. Именно такие соглашения и дискредитирует китайская стратегия «выхода вовне», как это уже произошло в Анголе.

Наконец, китайский «выход вовне» за нефтью — где бы она ни залегала и каким бы ни был режим добычи — может вызвать краткосрочные политические проблемы и долгосрочные проблемы устойчивости инвестиций.

Лучшим примером для описанного выше стал Судан, остающийся для Китая главной международной политической обузой, особенно в преддверии Олимпийских игр в Пекине. Китайцы пришли в Судан после того, как оттуда из-за гражданской войны 1980-х годов, несмотря на большие инвестиции, ушла американская энергетическая компания «Шеврон». Вследствие боевых действий в стране и ужасного состояния с правами человека (особенно после переворота, совершенного в 1989 году полковником Омаром Хасаном аль-Баширом), у китайцев в Судане не было конкурентов. Китайцы купили 40-процентную долю в Нильской нефтяной компании (принадлежащей канадцам компании-преемнике «Шеврон»), намеревавшейся разрабатывать нефтяные месторождения в центре и на юге страны и построить трубопровод протяженностью в 1500 километров до прибрежных портовых сооружений недалеко от Порт-Судана. Нефть из страны до 1999 года не экспортировалась. Несмотря на это, результаты оценок свидетельствовали о наличии крупных неразработанных месторождений, и Китаю не составило труда привлечь нужные инвестиции и трудовые ресурсы. Более половины китайской нефти, получаемой благодаря купленным пакетам акций, поступает из Судана, а две трети суданского экспорта направляется в Китай. Имеются основания полагать, что в Судане работает около 24 000 китайцев. Помимо того что Китай контролирует большую часть суданской нефтедобычи и владеет половиной крупнейшего Хартумского

нефтеперерабатывающего завода, китайцы сделали большие инвестиции и в другие отрасли — в аэропорт Хартума, текстильные фабрики и гидроэнергетические проекты. Крайняя бедность Судана в период ведения переговоров позволила Китаю получить очень существенные льготы¹⁹.

Сегодня Китай столкнулся в Судане с тремя большими проблемами. Во-первых, Китай в существенно большей степени отождествляется с севером Судана — с населенным арабами мусульманским Хартумом, а не с населенным африканцами югом страны, где расположена большая часть нефтяных месторождений. Китай путем продажи оружия, в том числе самолетов Ф-7, помог северу защитить свою энергетическую инфраструктуру (и политические интересы), и, несмотря на отсутствие убедительных доказательств размещения в Судане военного контингента для защиты своих трубопроводов, НПЗ, скважин и персонала, Китай, очевидно, действует в интересах севера. В рамках договоренности между севером и югом, в результате которой в стране в 2005 году установился хрупкий мир, на юге страны в 2011 году пройдет референдум об отделении. Это может послужить причиной новой войны; и уж точно награда в виде нефтяных концессий достанется югу, которому для переговоров с китайцами придется пересиливать неприязнь. Во-вторых, государства-изгои, как известно, партнеры ненадежные, и теперь, когда у Судана есть деньги в банках и другие потенциальные инвесторы (например, из Индии, Алжира и Румынии), приезжающие в преобразившийся Хартум и размахивающие чековыми книжками, режим Башира начинает высказывать недовольство тем, что предоставленные Китаю условия были чрезмерно льготными. Надежность китайских инвестиций начинает вызывать серьезные сомнения. Есть немало исторических подтверждений тому, что когда на бедные страны — производителей нефти сваливаются огромные денежные поступления, они сразу же начинают требовать себе большую часть прибыли. В-третьих, из-за продолжающихся зверств в Дарфуре, Китай получил от Запада грозную отповедь за возможную поддержку Хартума. Было бы несправедливо утверждать, что основным источником средств существования для проправительственного арабского ополчения «Джанджавид» были китайские нефтяные деньги, и Китай, несомненно, пытался склонить своих торговых партнеров в Хартумском правительстве к прекращению боевых действий и выдаче разрешения Африканскому союзу и ООН на

мониторинг конфликтной ситуации. Нет никаких сомнений и в том, что китайцы использовали свое место в Совете Безопасности ООН для защиты Судана от усиления давления ООН. Судан был тяжелой обузой для Китая, компрометируя его политику защиты суверенитета других стран взамен возможности делать внутри страны все, что заблагорассудится, особенно в тех странах, где у Китая были коммерческие интересы. В конечном счете такую политику нельзя назвать достойной страны, стремящейся играть роль мировой державы, да и с коммерческой точки зрения особых выгод она принести не может. Нравственность и деньги на удивление часто оказываются на одной стороне.

Разумеется, наибольшую озабоченность по поводу последствий стратегии «выхода вовне» высказывают ближайшие соседи Китая. Китай потратил на свои военно-морские силы огромные средства — закупал военные корабли в России и строил собственные, которые он намерен оснастить западными системами вооружения. Это способствовало увеличению инвестиций в военно-морские силы и в других азиатских странах, в частности в Японии, Малайзии, Таиланде, Сингапуре и Индонезии. Последние обеспокоены тем, что причиной такого увеличения расходов со стороны Китая стал не только Тайвань, но и необходимость защиты нефтепоисковых работ в Южно-Китайском море. В недавнем прошлом шли ожесточенные споры между Китаем и среди прочих Вьетнамом и Филиппинами по проблеме контроля над протяженной цепью островов Спратли в юго-западной части Южно-Китайского моря. Безопасность — это один из нескольких очевидных способов налаживания сотрудничества между государствами в целях защиты их интересов. Безопасность имеет огромное значение на региональном и глобальном уровнях, а также отражает реалии нового века и важность привлечения Азии — особенно ее гигантов, Индии и Китая, — к совершенствованию методов решения глобальных проблем.

Для начала мы обязаны наладить сотрудничество между воздушными и морскими силами для защиты маршрутов транспортировки энергоносителей через уязвимые сегодня пути, такие как Ормузский пролив (имеющий важное значение для транзита нефти из Персидского залива) и Малаккский пролив, и поддержания открытости и безопасности международных морских коридоров. В конце 2008 года один из крупнейших в мире нефтяных танкеров «Сириус Стар» был захвачен сомалийскими пиратами в 450

морских милях от побережья Кении. Когда-то бывший заместитель госсекретаря США Роберт Зеллик — ныне президент Всемирного банка [в 2007–2012 годах] — призвал Китай стать ответственным участником глобальных процессов. Согласно утверждению Фонда Карнеги, если Китай станет подлинным участником процессов международного сотрудничества, то «традиционные державы должны будут предложить Китаю долю»²⁰.

Трудно заставить Китай играть по приемлемым для всех правилам, если мы сами изменяем правила в угоду себе, и еще труднее не допустить Китай до игры, которую мы до сих пор считали своей и в которой не очень приветствуем чужаков. В 2005 году Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация попыталась поглотить старейшую калифорнийскую нефтяную компанию ЮНОКАЛ, девятую по величине нефтяную компанию в мире. Американская палата представителей обратилась к президенту с просьбой вмешаться по соображениям национальной безопасности. Американцам нравилось, когда китайцы скупали их долги, помогая, по сути, финансировать войну в Ираке, но не когда они попытались вкладывать средства в американские энергетические компании. Вместо китайцев компанию ЮНОКАЛ поглотил «Шеврон». Если Китай не может просто оплатить свое вхождение в уважаемый клуб, то чего от него ожидать?

Для повышения уровня взаимопонимания с Китаем по вопросам взаимосвязи добросовестного управления и программ развития, нам следует предоставить китайцам более весомое право голоса в международных финансовых институтах, сделав Китай одним из крупнейших акционеров Всемирного банка и МВФ. Китай, наряду с Индией, Россией и Бразилией, нужно принять в члены Международного энергетического агентства. МЭА было сформировано по инициативе Генри Киссинджера после арабского нефтяного эмбарго 1973 года с целью создания системы перераспределения нефти между странами ОЭСР в случае существенных перебоев в поставках, а также с целью развития сотрудничества в других областях, таких как научные исследования и разработки. В спокойном режиме деятельность агентства была относительно эффективной, способствовала совершенствованию систем реагирования на перебои в поставках, помогла осуществлять программы в области защиты окружающей среды и энергетики, послужила развитию альтернативных источников энергии и повышению энергоэффективности, а также внедрению на между-

народном рынке информационных систем. Расширение деятельности агентства может помочь справиться с угрозами, которые в будущем могут быть вызваны ценой на энергоносители и их доступностью. МЭА следует рассматривать в качестве естественного партнера при создании любых институциональных механизмов, возникающих в результате переговоров, ведущихся по вопросам согласования дополнительных к Киотскому протоколу мер по стабилизации и более эффективному сокращению выбросов, связанных с энергетикой. Наилучшая политика в области энергетической безопасности — это надлежащие меры в области охраны окружающей среды.

Именно эта основная проблема должна быть положена в основу энергетической политики каждой страны. Мы попросту не вправе поступать так, как раньше. Внутренняя политика в области окружающей среды будет формировать нашу способность решать проблемы внешней безопасности. «Императрица-нефть» и «король-уголь» должны быть свергнуты. Без этого политические и экономические риски будут только возрастать, и мы столкнемся с нарастающей угрозой необратимого, судя по всему, экологического бедствия. К этой проблеме, как к наиболее важному предмету абсолютно необходимого сотрудничества между суверенными государствами (суверенность которых перед лицом природных катаклизмов весьма сомнительна) мы переходим в следующей части.

Глава 12

Потепление

Природа, мистер Оллнат, предназначена для того, чтобы человек над ней возвышался.

*Кэтрин Хепберн — Хамфри Богарту в кинофильме
«Африканская королева»*

Работа идет споро, но все это выглядит как конец света.

*Франк Шервуд Роуланд,
лауреат Нобелевской премии, рассказывая жене
о своих исследованиях в области истощения
озонового слоя*

Как вам прошедший XX век? Вертелась ли Земля? А скрипки звучали? Превосходила ли радость побед горесть бедствий? В любом случае вы дожили до завершения века: вам выпало жить преимущественно во второй его половине, у вас на это было больше шансов. Большинство из людей на планете, которым выпала столь счастливая судьба, проживут более долгую и здоровую жизнь, чем предыдущие поколения. Мы получили образование лучшее, чем наши предки сто лет назад. Технологии и изменение социальных установок и привычек существенно улучшили положение женщин в обществе. Мы едим больше (и, скорее всего, лучше), путешествуем больше, у нас больше свободного времени, да и новости поступают нам лучше и быстрее, чем нашим родителям. Мы пьем чистую воду. Технологии согревают нас в холодном климате и освежают в жарком. Ничего подобного земля не видела со времен Эдемского сада.

Ученые, посвятившие жизнь изучению комара, утверждают, что у этого вредного насекомого в жизни только две цели — поест и совокупиться. Если бы историю нашей планеты писал комар, к примеру азиатский тигровый, прервавший на время свою работу по разнесу вируса лихорадки Западного Нила в Нью-Йорке, то насекомое могло бы сказать о *Homo sapiens* то же самое, что мы сказали о комаре, и злорадно добавило бы, что еще мы воюем. Тезис о соитии и потреблении подкрепляется цифрами. В прошлом веке население планеты увеличилось в четыре раза, а множителем

роста городского населения стало число 13. Промышленное производство выросло в 40 раз, потребление энергии — в 13, выбросы углекислого газа — в 17, потребление воды — в 9, вылов морской рыбы — в 35 раз. При этом площадь лесов существенно сократилась, и мы потеряли множество видов птиц и млекопитающих. Многие виды пока еще держатся. Благодаря созданию смертоносного оружия — гарпунной пушки — мы поставили на грань исчезновения некоторые виды китов¹. Я люблю китов; неспроста в ветхозаветной книге Бытия говорится: «И сотворил Бог рыб больших», а вьетнамцы хоронят выбросившихся на сушу китов. При всем этом мы убивали этих величественных млекопитающих в невероятных количествах; согласно данным Всемирного фонда дикой природы, с 1904 по 1979 год в Южном полушарии люди убили почти 750 000 финвалов. И если мы не изменимся, то надвигающееся на нас бедствие станет вполне заслуженным, хотя киты, по всей вероятности, исчезнут раньше людей.

За прошлый век люди оказали на нашу планету влияния больше, чем все остальные существа вместе взятые. Воспользовавшись дешевой энергией, доступом к чистой воде и относительно стабильным, благоприятным климатом, мы стремительно расплодились и увеличили мировую экономику в четырнадцать раз. По заявлению Дэн Сяопина: «Разбогатевший достоин славы». Его слова применимы не только к Китаю в XX веке, но и к веку в целом. В основе успеха, причем в США даже в большей степени, чем в Европе, лежало могущество, которого мы достигли благодаря углю, нефти и газу — геологическим результатам тысячелетий воздействия солнечного света на растительные организмы. Король Великобритании Георг III как-то спросил Мэттью Болтона, делового партнера изобретателя Джеймса Уатта и первого продавца паровых двигателей, о том, как он зарабатывает на жизнь. «Ваше Величество, — ответил тот, — я занимаюсь производством товара, возделенного всеми властителями». На вопрос, что он имеет в виду, Болтон уточнил: «Энергию, Ваше Величество»². Правители и ныне ценят энергию, потому что она напоминает им о собственной власти, подданным же нравится мощь, которая движет их автомобилями и питает телевизоры.

Заметное воздействие человека на окружающий мир началось более 2,5 миллиона лет назад, когда гоминиды научились изготавливать каменные орудия труда, вследствие чего получили возможность изменять окружающую среду с целью сбора плодов и

охоты. По мнению археологов, первобытный человек сталкивался с такими экологическими проблемами, как эрозия почвы и снижение плодородия, засоление и выбивание пастбищ скотом³. Сельское хозяйство как таковое началось с одомашнивания растений и животных. К 7000 году до нашей эры сельское хозяйство стало доминирующей отраслью на Ближнем Востоке и начало распространяться в Южную Европу и Северную Африку. В античную эпоху греки и римляне приносили на завоеванные территории новые зерновые культуры и системы земледелия. Вырубка лесов, по всей вероятности, началась еще в эпоху бронзы и железа. Вырубка вполне обоснованно ассоциируется с морскими походами афинян и соответствующей потребностью в древесине для судостроения. После падения Римской империи развилась система открытых полей, затем — огораживание, а уже в XVIII веке произошла аграрная революции. Уголь и пар стали источником энергии для промышленности, а рост численности рабочей силы в городах стимулировался излишками продуктов питания, получавшимися благодаря севообороту, повышению урожайности, увеличению пахотных земель и применению в сельском хозяйстве научных достижений. Население, растущее, несмотря на эпидемии, загрязненность и плохие санитарные условия, вопреки мнению Томаса Мальтуса кормило себя, причем в Европе частично за счет колониальных ресурсов, включая неприязательный картофель. В эпоху колониализма на новые континенты попали чужеродные для этих мест животные, сельскохозяйственные культуры и болезни. Многие биологические виды исчезли; люди умирали от новых болезней. Посетителям Королевской капеллы в Гранаде, в которой покоятся католические короли Изабелла и Фердинанд, предлагается воздать должное распространению иберийской культуры и католической религии в Северной и Южной Америке. К середине XVI века, в течение пятидесяти лет после первого контакта с европейцами, население Мексики сократилось с 25–30 миллионов до 3 миллионов человек. Благопристойнее было бы умерить ликование, даже самым рьяным католикам, утешающим себя тем, что некоторые из погибших американских индейцев успели принять крещение.

За время моей жизни (а родился я в 1944 году) рост экономики практически непрерывно ускоряется. Считается, что с 1500 года и до конца прошлого века мировая экономика выросла в 125 раз. Причем к 1820 году экономика выросла всего лишь в три раза, а

реальный взлет произошел только после промышленной революции. Мы быстрее росли, больше вырубали, больше добывали, больше вылавливали, больше сжигали. Именно в этом состоит проблема. Мы вели себя так, будто можем делать все, что заблагорассудится, без учета воздействия на окружающий мир. Мы играли с будущим нашей планеты.

Всем известно, что стабильного климата на нашей планете не было никогда. Всего лишь 20 тысяч лет назад — миг по геологическим меркам — Земля была скована последним ледниковым периодом. Завершился он примерно 12 000 лет назад, и в течение 10 000 лет люди жили в условиях практически стабильной температуры, за исключением немногочисленных отклонений — возможного потепления в XI веке (хотя в целом в Средние века было холоднее, чем сегодня) и похолодания в XVII. Мы жили в благодатных условиях, не похожих ни на жару на Венере, от которой плавится свинец, ни на холод на Марсе, от которого крошится сталь. Но способы, которыми мы развивали нашу цивилизацию, были издевательством над Геей (так называл Землю ученый Джеймс Лавлок, выдвинувший гипотезу о том, что наша земля похожа на организм размером с планету, где все тесно взаимосвязано, в том числе и погода). Экосистема, подобно опылителю и цветку, находится в состоянии полной взаимозависимости. Человек не отделен от природы и не может поступать с ней, как ему заблагорассудится. Наши действия влияют на такую взаимозависимость, оставаясь при этом ее частью. В первой книге Библии — и это согласуется с утверждениями Аристотеля — сказано, что природа создана для того, чтобы мы правили ею по своему усмотрению. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и Бог сказал им: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею; и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле». Но было бы безумием, преступным безумием, полагать, что упомянутое здесь *владычество* означает абсолютную или неограниченную власть. В любом случае было бы странно, если бы христиане вели себя так, будто Бог полностью уступил Свои права человеку и устранился от мирских дел. Ведь все остальное в Библии — это, вне всяких сомнений, история об усилиях, предпринимаемых Богом, Его пророками и Его Сыном для разъяснения, что люди несут ответ-

ственность за свои поступки, по меньшей мере перед Всевышним. И поэтому аксиома владычества — это лишь явное утверждение ответственности человека, с предоставлением ему временных полномочий.

Галилею понадобилось время, чтобы убедить своих современников в гелиоцентричности нашей планетной системы. Ватикан долго отрицал, что именно Земля вращается вокруг Солнца по смещенной эллиптической орбите, а не наоборот. Утверждение о геоцентричности, по причине его связи с Римом, повторялось из века в век и приписывалось даже папе Бенедикту XVI, который, согласно недостоверной информации, отрицал научное открытие Галилея. Наука об изменении климата и глобальном потеплении попала в схожую ситуацию. Но у нас нет времени переубеждать всех, кто отрицает выводы большинства ученых (в среде которых царит на удивление полное согласие) о том, что климат становится теплее, и что мы — люди — в значительной степени несем за это ответственность. Ах да, надо не забыть упомянуть о чрезвычайной сложности климатологии, о неисчислимых переменных, циклах внутри циклов и обратной связи. Обязательно использовать сослагательное наклонение, и ни в коем случае — не активные глаголы. Понатыкать «вероятно», «возможно» или «может быть» в каждое второе предложение. Одержимость бесконечными придирками, которые преподносятся как политкорректность в вопросах изменения климата, зачастую оказывается ничем иным, как оправданием бездействия. Ведь доказательства будут оспаривать даже после гибели последнего белого медведя и затопления прибывающим океаном жилищ миллионов бангладешцев. Мы не можем ждать, пока орудия рациональности разрушат все рудуты иррациональности; осада может продолжаться бесконечно долго. Нам следует начать действовать сейчас, пока не слишком поздно. Для чего «слишком поздно»? Для того чтобы большинство из нас жили привычной жизнью; чтобы наши дети и внуки жили с тем же уровнем комфорта, как многие из нас; для того чтобы многие жители Земли просто продолжили жить.

Ниже приведятся некоторые сведения о климатических изменениях, хотя, учитывая объем литературы по данному вопросу, излагать здесь все научные аргументы не имеет смысла. На данном этапе я лишь хочу подчеркнуть важность данного вопроса в контексте общей аргументации книги. В книге, не нагнетая истерическую тревогу и не пытаясь предложить кардинальные реше-

ния, я предпринял попытку описать большинство глобальных проблем, с которыми сталкиваются национальные государства. Как я уже говорил в начале книги, всеобъемлющего и глобального ответа на эти вопросы не существует. Но мы можем выработать наиболее оптимальные способы противодействия проблемам, по крайней мере тем из них, которые, подобно распространению ядерного оружия, могут уничтожить нашу планету или сделать непригодными для проживания ее отдельные части. В большинстве случаев нам нужно четкое осознание важности более тесного сотрудничества национальных государств на региональном и глобальном уровне. Мы должны смириться с необходимостью передачи определенной доли суверенитета на международный уровень и даже на согласованное внешнее вмешательство в сферы, которые долгое время относились к суверенной юрисдикции. Необходимо согласиться на регламентированное разделение полномочий, создание механизмов разрешения споров, регулирование деятельности властей, а также повысить уровень прозрачности их действий и сформулировать региональные и глобальные правила. Ничто из перечисленного не драматично по сути, но драматичным может стать сам процесс реализации этих мер, подобно тому как для формирования импульсов, позволивших нам создать Организацию Объединенных Наций и Бреттон-Вудские учреждения, понадобилась Вторая мировая война.

Климатические изменения лежат в плоскости, никак не пересекающейся с другими проблемами, обсуждаемыми в данной книге. Для описания этой конкретной проблемы трудно подобрать слова, лишённые оттенка истеричности. Лично мне никаких исторических аналогий найти не удастся. В тридцатые годы Черчилль метал молнии, предупреждая о надвигающейся буре, и впал в отчаяние после того, как мир отказался внимать ему. Черчилль предупреждал свободные и суверенные государства о страшной военной угрозе, связанной с применением всех имевшихся тогда видов вооружения. Значимость нависшей над нами сегодня проблемы ничуть не уступает значимости войны — с той только разницей, что проблема климата коснется всего человечества, его настоящего и будущего. Для ее решения потребуется сотрудничество между национальными государствами на поистине беспрецедентном уровне и признание того, что государства не смогут определять свою внутреннюю политику самостоятельно, так как последствия будут важны для судьбы всего челове-

ства. И это вопрос не только экологической политики или экономики как таковой. Это вопрос всей политики — политики настолько всеобъемлющей, какой только она может быть. А во главе стран должно встать настолько отважное и находчивое политическое руководство, какого мы еще никогда не видели. С проблемой невозможно справиться при помощи лукавых комбинаций: выстроить критиков с одной стороны, их противников — с другой, а самому встать в золотой середине. Межпартийное противостояние тоже абсолютно неуместно. Необходима выработка согласованного полномасштабного решения. Такое решение нужно всем. Такое решение нужно всем уже сейчас. Ниже я покажу, что такое решение возможно. Мы можем сократить объемы диоксида углерода, закачиваемого человеком в атмосферу планеты, снизив выбросы парниковых газов, которые пропускают солнечный свет, но удерживают при этом тепло, не давая ему вернуться в космос.

Один из аргументов, использованных администрацией США для вторжения в Ирак, заключался в отсутствии альтернативы борьбе с терроризмом и усилиям Вашингтона в предотвращении распространения ядерного оружия. Иными словами, если сохранялась хоть доля возможности повторной атаки на Америку, то «профилактическая акция» почиталась оправданной. Можно провести аналогию с принципом страхового полиса. Самое худшее, может, и не случится. Но риск лучше застраховать. И поэтому жизни американцев, британцев и в первую очередь иракцев должно принести в жертву сегодня, чтобы предотвратить еще более трагичные события завтра. В описанном случае мы выплачивали страховые взносы, опираясь, в какой-то мере, на сомнительные, а может, и откровенно сфабрикованные данные спецслужб. В отношении климатических изменений данные спецслужб сомнений не вызывают, даже с учетом обоснованного утверждения, что такие данные принимаются не абсолютно всеми учеными (но их принимают *почти* все ученые). Отсутствие ответных мер приведет к последствиям куда более пагубным, чем очередной теракт. В 2004 году главный научный консультант британского правительства сэр Дэвид Кинг утверждал, что изменение климата — это «самая серьезная из стоящих сегодня перед нами проблем, более серьезная, чем даже угроза терроризма». Его слова вызвали скандал. Но это было правдой. Покажите мне террористов, которые способны растопить вечную мерзлоту, изменить погодный режим в Север-

ной Атлантике, вызвав тем самым засуху в Дарфуре, или увеличить разрушительную силу ураганов, подобных «Катрине»?

Если вы решили не страховать свой дом от пожара, наводнения или кражи, то вы хотя бы точно знаете, что будет в случае, если что-то из перечисленного все-таки произойдет. Но у нас нет полной уверенности в точности моделируемых последствий сохранения на нынешнем уровне объемов выброса углекислого газа в атмосферу. Ученые делают предположения на основе имеющейся информации; они создают компьютерные модели; они строят догадки; иногда даже попадают пальцем в небо. Скептическое отношение к точности некоторых предсказаний я считаю вполне обоснованным. Неопровержимо только одно утверждение: у нас нет хороших новостей. Пламя приближается, и дом, с большой вероятностью, загорится. Меня больше всего тревожит то, что ученые называют «положительной обратной связью», которая не сулит нам ничего положительного. Это значит, что совокупный эффект в непредсказуемый момент приведет к точке опрокидывания: если положить на стопку книг одну лишнюю, то опрокинется вся стопка. Похоже, что изменение климата не происходит в соответствии с постоянным вектором. Изменения происходят рывками, каждый из которых чуть приближает нас к миру, где рывки станут более частыми и более разрушительными. Так что, разве страховой полис — плохая идея?

Реакция на информацию об изменении климата оказалась разной. Нечто подобное происходило после первых предупреждений ученых о вреде курения или, к примеру, об опасности использования асбеста при строительстве зданий. Вот и сейчас заинтересованные стороны отказываются признавать пагубные последствия своей деятельности. Тем самым они помогают патронам дискредитировавшей себя индустрии утверждать, в формулировке сенатора от Оклахомы Джеймса Инхофа, что изменение климата — это «величайшая из мистификаций, которым когда-либо подвергался американский народ» или по меньшей мере, что все это бездоказательно. Экологическая политика всегда проводилась вопреки возражениям такого рода. Отрасли промышленности, подвергавшиеся обвинениям в выбросах, непременно опровергали все утверждения о том, что выбрасываемые или используемые в процессе производства вещества наносят ущерб природе. Обвинения в отношении использования химических пестицидов (например, ДДТ), выдвинутые Рэйчел Карсон в опубликованной в 1962 году

и получившей мировую известность книге «Безмолвная весна», обрушили на ее голову гнев представителей агрохимической промышленности. Ее называли противником науки и даже истеричкой. Администрация Буша, если бы она действовала пятьдесят лет назад, стала бы одним из критиков Карсон, назначив, по своему обыкновению, защитников отрасли арбитрами для защиты отраслей, которые они же и лоббировали. В администрации Буша более 100 высокопоставленных должностных лиц следили за тем, чтобы законы в отношении медицинских препаратов, политика в отношении землепользования и продуктов питания и нормативы по загрязнению воздуха не противоречили интересам компаний и отраслей, в которых они когда-то работали⁴. Любые ограничения в экологической сфере ущемляют чьи-то интересы. Японцы научно обосновывают убийство китов. Некоторые добывающие компании настаивают на своем неотъемлемом праве копать там, где им вздумается. Застройщики считают меры по планированию землепользования и созданию районов ограниченной застройки нарушением принципов рыночных отношений. В свое время представители отрасли ископаемых энергоносителей финансировали мощные нападки на тех, кто указывал на неблагоприятные последствия сжигания их продукции. Автопроизводители хвастали ужесточением стандартов по расходу топлива и уровню выбросов.

Предвзятая аргументация резонирует с эгоизмом общества в целом. Засухи в Африке не причинят особого вреда обитателям северного полушария. Мы не будем смыты из-за повышения уровня Тихого или Индийского океана, хотя нам и придется исключить Мальдивы из списка направлений для зимнего отдыха, ибо таких островов на карте не будет. Но сегодняшние проблемы, даже с учетом очевидности их существования, ничто по сравнению с теми, которые могут возникнуть в будущем. Оставим же завтрашние проблемы будущим поколениям — нашим детям и внукам, сами же будем наслаждаться сегодняшним днем. В итоге опросы свидетельствуют о том, что молодые люди обеспокоены проблемами экологии больше своих родителей.

Эгоизм подкрепляется бесосновательно оптимистичным технологическим детерминизмом. Время все решит. Ученые и технологи во всем разберутся. Заботу о будущем нужно доверить будущему. Нас спасет ядерный синтез... ну или водород. Присущая человеку изобретательность, выручавшая нас на протяжении

тысячелетий, не подведет и сейчас. Это утверждение может оказаться истинным; но в отсутствие убедительных доказательств того, что мы сможем производить нужную нам энергию без опасных последствий, имеет смысл предпринимать и другие меры. Более того, если мы так уверены, что ответ на все вопросы, несомненно, существует и только ждет часа своего обнаружения, то целесообразнее добиваться от правительств и частных корпораций увеличения инвестиций в исследования и разработки в сфере энергетики.

Представители некоторых евангелических общин в США оправдывают бездействие в отношении экологических угроз религиозными убеждениями. Бог, сотворивший мир за неделю, как сказано в Библии, разрушит мир тогда, когда Ему захочется. Не в наших силах противиться промыслу Божьему, который можно прояснить для себя, только раскрыв смысл Книги Откровения. Упомянутый выше сенатор Инхоф считает, что Божий замысел предполагает заселение евреями Западного берега реки Иордан, что как раз помогло бы укоротить путь к концу нашей планеты, решая будущее Ближнего Востока, нам надлежит отдаться на волю Всевышнему и прекратить тягаться с Ним. После заселения евреями Святой Земли произойдет последняя битва с легионами Антихриста в долине Армагеддон; затем евреи примут христианство или будут сожжены, и все истинные верующие вознесутся на небеса и сядут одесную Бога, откуда открывается превосходный вид на их противников, претерпевающих страдания. Как возглашает шекспировский король Лир: «...Мир содрогнется!.. Я еще не знаю, что сделаю, но сделаю такое, что страшно станет» («Король Лир», акт 2, сцена 4, пер. М. Кузмина). А если так, то какой смысл в нашей скудоумной озабоченности углекислым газом, сокращением популяции рыб или таянием ледников? Надо признать, однако, что есть и другие христиане, которых все это ужасает и которые считают, что Бог создал нас хранителями нашей планеты, а не ее беспечными хозяевами. Тем не менее важной опорой Республиканской партии США остаются лица, купившие билет до Армагеддона, а не до Киото, где в 1997 году было подписано международное соглашение о сокращении выбросов парниковых газов. Карл Роув хорошо осознавал значение таких адептов, даже если пренебрегал их теологическими взглядами, которые в отношении него самого заключались, вероятно, в непрестанном насвистывании мелодии гимна «Вперед,

солдаты Христа» во время блужданий по коридорам Белого дома при подготовке к президентским выборам 2004 года.

Еще одним обоснованием бездействия в отношении экологических угроз становится убежденность, что все наши программы окажутся слишком дорогостоящими, и можно ожидать, что цена вопроса, по мере углубления экономического кризиса, будет только расти. Нам придется пожертвовать плодами экономического роста или по меньшей мере определенной частью таких плодов. Мы будем вынуждены взвалить на некоторые отрасли такие затраты, которые снизят их конкурентоспособность. Подобные перспективы вызывают серьезную обеспокоенность в странах ОЭСР, промышленные отрасли которых уже сталкиваются с жесткой конкуренцией стран Азии. Но ничто из уже сделанного в сфере повышения энергоэффективности и сокращения выбросов парниковых газов не сможет повлиять на преимущество, которым преобладают бедные страны по причине более низких затрат на оплату труда. Ужесточение экологических стандартов приведет, скорее всего, к повышению, а не к снижению конкурентоспособности. Ни в одном из солидных исследований, содержащих расчет затрат, связанных с предотвращением климатических изменений, не выдвигалось предположений о невыносимости такого бремени. Совсем не обязательно погружаться в глубины экономической статистики и сопутствующую аргументацию об учетных ставках и предпосылках роста, чтобы сформулировать одну простую мысль. Сэр Николас Стерн, бывший главный экономист Всемирного банка, в опубликованном им в 2007 году докладе «Экономика изменения климата» утверждал, что проблема заключается не в том, можем ли мы себе позволить борьбу с изменением климата, а в том, можем ли мы себе позволить не бороться с ним. Убытки от бездействия существенно перевешивают затраты на необходимые действия.

По большому счету, возражения против принятия мер в области климатической политики переживают уже третий этап эволюции. В начале отрицалась сама необходимость что-либо предпринимать. На «мистификацию» нет необходимости реагировать. Предположения ничем не обоснованы, и нам следует дожидаться получения более убедительных доказательств. На следующем этапе, за неохотным признанием полученных учеными результатов, последовало истеричное сваливание в кучу всего, что нам якобы нужно сделать. Меры выставлялись дорогостоящими и

политически небезопасными; они, мол, повлекут за собой существенные изменения в нашем образе жизни. Как нам удастся согласовать все необходимые меры на глобальном уровне? Третий этап вызывает в воображении кроликов, попавших в свет фар надвигающегося автомобиля. Все это слишком сложно и слишком ужасно. Будем надеяться на лучшее. Худшее может и не произойти. Автомобиль может резко затормозить и не наехать на нас. И вообще, может, эти фары вовсе не автомобильные. Подобными рассуждениями срок жизни кроликов не продлить.

Все большую обеспокоенность вызывает сохранность видов наших соседей по планете. Никто не отрицает, что вымирание видов — это не современный феномен. Девяносто процентов всех морских видов враз исчезли 245 миллионов лет назад, а динозавры уступили место млекопитающим около 65 миллионов лет назад. Подсчитано, что на Земле существовало около 14 миллионов биологических видов, но большинство из них к сегодняшнему дню исчезли⁵. Поэтому в вымирании нет ничего нового, но его темпы, по всей вероятности, ускоряются. Нынешние темпы исчезновения видов примерно в 1000 раз превышают показатели доиндустриальной эпохи⁶. К концу XX века исчез 1 процент птиц и млекопитающих, существовавших в 1900 году. Истощение биоразнообразия обусловлено несколькими причинами. Одна из них — вырубка лесов. Леса занимают около 6 процентов поверхности суши, обеспечивая при этом ареал обитания для 50–80 процентов всех сухопутных видов животных и растений. В бытность министром по вопросам охраны окружающей среды Великобритании я ездил в Бразилию с целью обсуждения с правительством страны соглашения, по которому Великобритания будет оказывать финансовую поддержку в деле защиты лесов Амазонии — ввиду их важности с точки зрения биоразнообразия и воздействия на климат. Я посетил несколько фармацевтических лабораторий, которые, воспользовавшись преимуществами биоразнообразия, применяют растения, произрастающие в бассейне Амазонки, для изготовления лекарственных препаратов. Планета потеряла почти половину своих лесов, причем половина была вырублена или сожжена в XX веке. При нынешних темпах вырубки четверть всех оставшихся лесов будет уничтожена в ближайшие пятьдесят лет. За время, существенно меньшее, чем то, что требуется для прочтения настоящего абзаца, уничтожается примерно десять акров тропических лесов — одно футбольное поле в секунду.

Еще одной причиной исчезновения видов стало изменение климата. Некоторые ученые полагают, что к концу века мы можем потерять от одной пятой до трети существующих на планете видов; другие считают такую оценку заниженной и говорят о половине всех видов. Животные и растения, несомненно, эволюционируют. Они приспособлены к жизни в определенных климатических условиях, и с изменением таких условий изменяются сами. Считается, что во второй половине XX века растения, животные и насекомые мигрировали в направлении Северного и Южного полюсов со скоростью около четырех миль в десятилетие. Им следует передвигаться быстрее: подсчитано, что температурные зоны перемещались со скоростью тридцать пять миль в десятилетие. Наибольшая опасность грозит полярным животным и видам, обитающим на склонах горных хребтов, — потепление оттесняет их все выше и выше, в конечном итоге обрекая на исчезновение⁷. У обитателей перенаселенной планеты стало меньше возможностей для маневра, но многие виды пытаются найти для себя приемлемые условия.

Разнообразие морских существ сокращается столь же быстро, как наземных, особенно в Атлантическом и Индийском океанах. Люди вылавливают морских рыб быстрее, чем их популяции могут пополняться. Объемы улова постоянно уменьшаются, как и популяции промысловых рыб. Субсидии и технологии лова уничтожили определенные промысловые виды рыб и нанесли ущерб другим. Ненасытность наших рыболовных флотилий сократила запасы трески в Северном море до 10 процентов от уровня 1970 года. К 1980-м годам рыбаки вылавливали за два года столько рыбы, сколько их предшественники за весь XIX век. Согласно одной из оценок, в XX веке мы извлекли из Мирового океана столько же рыбы, сколько и за все предыдущие столетия⁸. Некоторые из возникших дефицитов восполняет аквакультура. Но разведение рыбы требует опять же вылова рыбы для изготовления корма, к тому же существуют серьезные опасения по поводу использования в этой отрасли антибиотиков. Китобойные флотилии поставили синего кита, по сути, на грань исчезновения, после чего занялись прореживанием популяции финвалов. Несмотря на подписанные в течение века международные соглашения, человек продолжал хищнически уничтожать китов ради их жира. По подсчетам, в 1949–1980 годах пиратские китобойные суда, в том числе и советские китобойные флотилии, уничтожили

90 000 животных. Китов убивали норвежцы, исландцы, японцы и греческий судовладелец, миллиардер Аристотель Онассис, использовавший для промысла китов вертолеты и нанимавший на работу бывших пособников нацистов из Норвегии. Проблема сохранения популяции рыб и китов решается очень просто. Правительства принимают мораторий на вылов и консервацию запасов и подписывают соглашения, соблюдать которые некоторые страны все же не намерены. Большая часть наших океанов находится во всеобщем пользовании. Это общее достояние человечества. Отсутствие собственника означает, что злоупотреблять морскими ресурсами может каждый. Нам еще предстоит воспитать чувство общей ответственности, что существенно для всех принципов глобального разумного управления. Зачастую мы боимся, что от сокращения вылова нашими флотилиями не будет никакой пользы, так как наши соседи не собираются поддерживать благие начинания.

В последние несколько лет достигнуты определенные успехи в реализации мер по сохранению биоресурсов в отдельных регионах Мирового океана. Причиной послужило катастрофическое оскудение морских ресурсов. И тем не менее единая политика Европейского союза в области рыболовства лишь ненамного лучше, чем единая сельскохозяйственная политика ЕС. Рекомендации ученых по-прежнему игнорируются; рыбная промышленность по-прежнему связана контрпродуктивными обязательствами; поток субсидий не иссякает. В опубликованном в конце 2007 года отчете Европейской счетной палаты отмечено, что государства-члены, несущие ответственность за надзор за соблюдением рыболовной политики в своих странах, лгут и плутуют. Правила нарушают несколько государств, особенно вопиющим образом — Италия, Польша и Испания. В ходе инспектирования, проведенного в северо-восточной части Атлантического океана, было выявлено существенное снижение рыбных ресурсов.

Самыми сложными задачами, которые мне приходилось решать в должности министра по вопросам охраны окружающей среды, были контроль за состоянием прибрежных вод Великобритании на международном уровне и обеспечение качества нашей питьевой воды. За предшествующие годы мы слишком мало инвестировали в улучшение качества воды и в водосточные сооружения. Для повышения объемов и качества инве-

стиций на эти цели нам потребовались приватизация и внедрение европейского законодательства в области экологии. Меня радует прекращение сброса в Северное море твердых продуктов сточных вод, ведь эта практика не доставляла особого удовольствия нашим соседям по побережью. В XX веке загрязнение вод, вызванное урбанизацией и индустриализацией, превратилось из локальной проблемы в повсеместную. Оно стало причиной гибели десятков миллионов человек. Загрязнению подверглись не только воды, но и почва, особенно в непосредственной близости от предприятий химической и металлургической промышленности. В Японии серьезной проблемой стало загрязнение почвы тяжелыми металлами, сделавшее непригодными для выращивания риса около 10 процентов полей. Рост численности населения и интенсификация сельского хозяйства привели не только к истощению, но и к эрозии почвы, в результате чего с 1960 года в Китае пришлось отказаться примерно от трети всех пахотных земель, а в Африке снизилось производство продовольствия в расчете на душу населения.

Надо признать, что не вся информация об экологии столь же удручающа. В некоторых городах ситуация с загрязненностью воздуха скверная, и она ухудшается; в других же наблюдается существенное улучшение. «Холодный дом» Чарльза Диккенса — яростное обличение судебной системы Великобритании XIX века — начинается с описания Лондона. «Туман. Туман везде». Ко времени моего взросления, в пригороде послевоенного Лондона, туман уже назывался смогом, специальным термином для туманов, возникающих в долине Темзы и смешивающихся с городским воздухом, загрязненным от сжигаемого в домах и на промышленных предприятиях угля. Случалось и такое, что по дороге в школу, особенно зимой, мне едва удавалось разглядеть свою вытянутую руку. По призрачным жилым кварталам Гринфорда меня обычно вела за руку старшая сестра, пока мы не достигали торгового района, где путь нам освещали желтоватые отблески света в окнах. Зимой 1952 года от воздействия смога в городе умерли 12 000 человек. Законодательные меры по борьбе с задымленностью Лондона очень быстро очистили небо. Смог ушел в историю.

Такие же по значимости успехи были достигнуты в Японии, к великой радости жителей Токио и Осаки. Промышленным предприятиям было предписано применять более экологичные мето-

ды производства, а производителям и водителям автотранспорта — следовать строгим нормам выбросов. Результатами такой политики стали также разработка новых экологических технологий и успехи японской автомобильной промышленности на рынке Америки. Что касается других примеров, то мегаполисы развивающихся стран Азии и Латинской Америки страдали от загрязнения окружающей среды даже больше, чем их урбанистический прототип — Лос-Анджелес. Жители Мехико, Калькутты и Пекина по-прежнему дышат грязным воздухом, хотя власти последнего из перечисленных городов изо всех сил стараются улучшить качество воздуха, чтобы прибывшим для участия в Олимпийских играх 2008 года спортсменам не пришлось задыхаться на пути к рекордам. Для улучшения качества воздуха в помпезно перестроенном городе власти Пекина пошли на такую меру, как временное закрытие промышленных предприятий. Снижению уровня загрязненности воздуха в Европе способствовало принудительное закрытие устаревших производств в Польше, Чехии и бывшей ГДР, а также объединение Германии и принятие европейских экологических норм.

Более века назад четыре слоя атмосферы, окружающие Землю, получили образное название «великий воздушный океан». Эти слои такие же взаимозависимые части нашей планеты, как и настоящие океаны. Атмосферные слои вносят свой вклад в формирование мирового климата и климатических условий отдельных регионов, влияя тем самым на погодные условия во всех уголках планеты. Постиндустриальная деятельность значительно увеличила степень влияния человека на атмосферу. Самую большую обеспокоенность сегодня вызывают выбросы парниковых газов. Еще в XIX веке французский математик Жозеф Фурье задумался над тем, почему же наша планета не нагревается все сильнее и сильнее под палящими лучами солнца, и пришел к выводу, что ответ заключается в так называемом тепловом излучении, возвращающем полученную энергию обратно в космос. Но если бы речь шла только об этом физическом явлении, то результатом была бы Земля, покрытая льдами. И тогда Фурье предположил, что в атмосфере есть нечто, препятствующее полному оттоку тепла. Это *нечто*, подобно кровле теплицы, должно пропускать свет от солнца и останавливать часть излучаемого тепла. Основываясь на предположениях Фурье, ирландский ученый Джон Тиндаль установил, что кровлю теплицы формируют пар-

никовые газы — углекислый газ, метан и водяной пар. Если добавить небольшие объемы этих газов к содержащимся в атмосфере азоту и кислороду, то климат нашей планеты будет оставаться теплым и достаточно постоянным. Поэтому парниковый эффект в умеренной степени — это благо. Но стоит концентрации парниковых газов увеличиться, как климат станет избыточно разогреваться. Именно этим и занимаются люди, сжигая ископаемое топливо и закачивая в атмосферу углекислый газ. На протяжении тысячи лет до 1800 года объемная концентрация углекислого газа в атмосфере колебалась в диапазоне от 270 до 290 миллионов долей. К 2008 году этот показатель возрос до 387 миллионов долей и ежегодно увеличивается примерно на 2–3 миллионные доли. Сегодня в атмосфере углекислого газа примерно на 40 процентов больше, чем в доиндустриальную эпоху. Если добавить к этому увеличение содержания метана (что частично обусловлено ростом степени почвообработки и ростом поголовья скота и неизбежного газовыделения) и искусственных химикатов, разрушающих солнцезащитный озоновый слой, то выбросы в атмосферу в эквиваленте углекислого газа превышают прежние значения на 60 процентов; соответствующий показатель возрос до 430 миллионов долей⁹. (Ниже я расскажу вселяющую определенные надежды историю о том, как люди остановили истощение озонового слоя.)

Первые научные догадки о степени влияния сжигаемого нами ископаемого топлива на климат побудили ООН и Всемирную метеорологическую организацию (ВМО) создать в 1988 году Межправительственную группу экспертов по изменению климата (МГЭИК). В состав МГЭИК, в 2007 году разделившей с вице-президентом Элом Гором Нобелевскую премию мира, входят ведущие ученые-климатологи и правительственные советники. Решения группы принимаются на основе консенсуса, и иногда желающие отвергнуть или поставить под сомнение процессы блокируют более явные предупреждения о климатических угрозах. Дело доходило до того, что в 2002 году администрация Буша отказала в поддержке выдающемуся американскому ученому, занимавшему должность председателя МГЭИК, предположительно на том основании, что его подданство скомпрометирует администрацию, занявшую позицию главного скептика и аутсайдера в международной дискуссии по проблемам экологии и способам их решения. Работа МГЭИК добавила тем в повестку «Саммита Земли», проведенного в 1992 году в Рио-де-Жанейро, и в Рамочную кон-

венцию ООН об изменении климата, обозначившую 2000 год в качестве срока, к которому участники обязаны сократить свои выбросы до уровня 1990 года. Все это казалось чересчур оптимистичным, однако вскоре последовал Киотский протокол, установивший для подписавших его развитых стран конкретные показатели сокращения выбросов и позволивший согласовать процедуры торговли квотами на выбросы. Соединенные Штаты и Австралия (во времена премьерства Говарда игравшая роль закадычного друга Вашингтона) отказались выполнять условия протокола по причинам, прояснившимся позже. По большому счету, Киотский протокол был небесполезным первым шагом, но не более того. МГЭИК продолжала выпускать доклады, тон которых становился все более твердым и уверенным. В опубликованном в 2007 году докладе свидетельства потепления, происшедшего за последние несколько десятилетий, названы «неоспоримыми», с одновременным признанием увеличения выбросов парниковых газов единственным фактором, способным привести к «столь масштабному, практически повсеместному потеплению». В том же 2007 году МГЭИК сообщила, что одиннадцать из последних тринадцати лет вошли в список двенадцати самых теплых лет за все время наблюдения: самыми жаркими стали 1998 и 2005 годы, затем следовали 2002 и 2003 годы. Среднегодовая температура сегодня выше, чем когда-либо за последнее тысячелетие.

МГЭИК сообщила, что температура превысит значения доиндустриального уровня не менее чем на $1,4^{\circ}\text{C}$, что бы мы ни делали. С середины XIX века средняя глобальная температура повысилась на $0,75^{\circ}\text{C}$, и несмотря на любые предпринимаемые нами усилия по сокращению использования ископаемого топлива, потепление на $0,6^{\circ}\text{C}$ произойдет вследствие наличия в атмосфере того объема углекислого газа, который мы уже выбросили. Даже если бы мы были в состоянии зафиксировать потепление, скажем, на уровне 2°C или меньше (против $1,4^{\circ}\text{C}$, названных выше), то нам все равно пришлось бы столкнуться с определенными довольно серьезными изменениями. У человека возникнут проблемы со здоровьем, вызванные сильной жарой, недоеданием, засухами, наводнениями и инфекционными заболеваниями. Связь недавних погодных аномалий с глобальным потеплением весьма сомнительна. Но такие экстремальные условия дают нам некоторое представление о последствиях, которые будут вызваны существенным изменением климата. В очень жаркий летний период

2003 года во Франции (в тот день, когда моя дочь выходила замуж, температура достигала 40 °С, а это примерно та температура, при которой организм начинает испытывать тепловой шок) в первые двадцать дней августа из-за жары погибли почти 15 000 человек. Тем летом в Южной Европе от проблем, связанных с перегревом, по первоначальным оценкам, погибли более 35 000 человек (в основном пожилые люди), но впоследствии эти цифры были пересмотрены некоторыми организациями в сторону повышения до значений выше 52 000. Наводнение в Новом Орлеане во время страшного урагана «Катрина» в 2005 году унесло жизни 1300 человек. Люди в Европе погибали и жарким летом 2007 года: в Венгрии, к примеру, с повышением температуры увязывают гибель 500 человек.

При повышении температуры на 2 °С обострится нехватка воды (как мы уже отмечали в главе 8), а в полузасушливых тропиках и в средних широтах участятся случаи засухи. Урожайность некоторых культур возрастет; а вот урожайность тропических культур будет падать, увеличивая опасность возникновения голода в соответствующих регионах. Усиление интенсивности дождей приведет к росту количества наводнений, в том числе в регионах, ранее страдавших от засушливой погоды. Ураганы, подобные «Катрине», станут еще сильнее, а длительность периодов аномальной жары увеличится, что будет сопровождаться пожарами и засухами. Люди будут мигрировать в поисках дефицитных ресурсов, провоцируя конфликты; на Земле осталось немного просторных незаселенных мест, в которые люди в прошлом мигрировали, пролив немало крови (например, при переселении европейцев на Тасманию и Ньюфаундленд). Во время обсуждения в ООН проблем безопасности, возникающих вследствие климатических изменений, некоторые из участвовавших в диспутах представителей африканских стран выражали озабоченность уже сегодня существующими в их странах группировками, которые запасаются оружием для будущих войн за ресурсы.

МГЭИК отмечает, что при достижении средней глобальной температурой каждой последующей отметки возникнет целый ряд серьезных проблем, и это в дополнение к описанным ранее. При потеплении в пределах от 2 °С до 3 °С все риски существенно возрастут. Будет больше наводнений, более интенсивные периоды жаркой погоды, более обширные засухи, усилится голод, обесцветится большинство коралловых рифов, исчезнет ряд биологиче-

ских видов, повышение уровня моря будет сопровождаться ускоренным таянием льдов Гренландии, отступлением, а возможно, и исчезновением высокогорных ледников, затоплением прибрежных районов и малых островов, усилением ураганов и, вероятно, ослаблением муссонных дождей. Если же температура повысится еще на один или два градуса, то катастроф не избежать, причем ледяные покровы Гренландии и Западной Антарктики почти полностью растают, потепление ускорится, так как части нашей экосистемы больше выделяют, чем поглощают углерод (пример «положительной обратной связи»), наводнения усилятся, производство продуктов питания сократится, и человечеству не избежать множества смертей — огромного множества смертей. Перспективы становятся настолько мрачными, что воображению трудно с ними справиться; трудно, но возможно. Все доказательства налицо. Составить полную картину совсем нетрудно. Рискнет ли человечество на нее взглянуть?

Какие мысли могли бы укрепить нас при построении планов по предотвращению катастрофы? К сожалению, нам уже не удастся избежать повышения температуры примерно на $2\text{ }^{\circ}\text{C}$ по сравнению с доиндустриальным уровнем. Наиболее серьезные для нас угрозы таятся в повышении температуры свыше указанного предела, и поэтому чем ближе к значению в $2\text{ }^{\circ}\text{C}$ мы сможем удержать ход событий, тем лучше. Если нам повезет, то мы сможем установить планку на этой цифре; если не повезет, то окажемся в опасной зоне с потеплением свыше $3\text{ }^{\circ}\text{C}$. Таким образом, задача состоит в обеспечении прохождения пика выбросов парниковых газов в течение пятнадцати лет и сокращения объемов выбросов до половины их нынешнего уровня к середине столетия. Ученые, в числе которых британец Дэвид Кинг, показали, как этого можно добиться, не ожидая какого-то технологического прорыва, путем сочетания экономии топлива в автомобилях, энергоэффективности зданий и бытовых приборов, улавливания и хранения углекислого газа на угольных электростанциях, использования альтернативных источников энергии, таких как солнечные батареи и ветровые генераторы, прекращения вырубki лесов, посадки новых деревьев в тропиках и увеличения мощности ядерной энергетики. Цель может быть достигнута, если есть воля.

Нас должно вдохновлять успешное устранение другой серьезной угрозы для планеты, а именно истощения озонового слоя стратосферы, защищающего нас от ультрафиолетового излуче-

ния. Проблема возникла после изобретения в 1930-х годах химиком-исследователем Томасом Миджли фреона, первого из хлорфторуглеродов. (Несчастный мистер Миджли стал автором «дубля»: ведь именно он был тем человеком, который обнаружил, что добавление тетраэтилсвинца в бензин устраняет детонацию в двигателе автомобиля и улучшает характеристики двигателя.) Фреоном заменили некоторые из опасных газов, ранее использовавшихся в холодильной технике. Благодаря фреону стало возможным кондиционирование воздуха, и он оказался полезен в растворителях и аэрозольных распылителях. К сожалению, по мере роста использования хлорфторуглеродов после Второй мировой войны стало ясно, что выбросы разрушают озоновый слой. Небольшие дыры возникли над Чили и Австралией. Усиление ультрафиолетового излучения создает угрозу развития катаракты, рака кожи и подавления реакции иммунной системы. В Чили, на территории которой расположен самый южный город в мире, Пунта-Аренас, сильно возрос уровень заболеваемости раком кожи. Нам еще крупно повезло, что самым вредным химическим компонентом хлорфторуглеродов был хлор. Если бы мы шире использовали взаимозаменяемый с хлором, но более дорогостоящий бром (который входит в состав используемого для пожаротушения хладона и разрушает озон быстрее и в гораздо больших объемах), то мы попросту разорвали бы озоновый слой в ключья.

В 1970-е годы компания «Дюпон» и другие производители химикатов пытались поставить под сомнение растущее число подтверждений связи между применением хлорфторуглерода и истощением озонового слоя. Но доказательства наличия такой связи становились все убедительнее и вызывали общественное беспокойство, не в последнюю очередь из-за демонстрируемых по телевидению снимков дыры в озоновом слое. Начиная с Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 года, международное сообщество предпринимало действия по сохранению солнцезащитного слоя планеты. Монреальский протокол 1987 года дважды — в 1990 и 1992 годах — подвергался ужесточению с целью обеспечения поэтапного сокращения производства и использования хлорфторуглеродов и хладонов. Я председательствовал на проведенном в Лондоне в 1990 году заседании, организацией которого в основном занималась американская делегация. Американцы настаивали на том, что в основе наших действий должен лежать принцип

предосторожности в научных изысканиях — другими словами, нам следует полагаться на растущее число очевидных свидетельств повреждения озонового слоя, а не дожидаться окончательного, однозначного доказательства. Следует также исходить из принципа, в соответствии с которым развитые страны обязаны начать действовать первыми, постепенно вовлекая в процесс развивающиеся страны путем передачи технологий и ресурсов от более богатых стран, подписавших протокол. Переломным для работы конференции стал момент, когда предложенной концепции согласились следовать Китай и Индия. Так, к примеру, для Китая поэтапный отказ от производства хлорфторуглеродов предусматривался до 2010 года. Успех соглашения измеряется исключительно тем, что происходит с озоновым слоем. Полученные на сегодняшний день результаты обнадеживают, ведь озоновая дыра над Антарктикой закрывается. Причина для столь детального рассказа об этом соглашении заключается в том, что процесс начался с отрицания фактов, сопровождался сетованиями на то, что кроме благих намерений на стол положить нечего, но в конечном итоге достиг своей цели под руководством США и при содействии Китая и Индии. Описанная модель вселяет веру в возможность разрешения гораздо более сложной проблемы глобального потепления и изменения климата.

Нам следует перейти к завершающей фазе подготовки обязательного международного соглашения по рассматриваемой проблеме. Отправной точкой будет Киотский протокол, формально представляющий собой поправку к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН). Протокол согласован в 1997 году и действует с 2005 года. Его ратифицировали более 170 стран. После смены правительства в Канберре в конце 2007 года в группу подписавших стран вошла и Австралия. Правительство США, возглавляемое президентом Бушем, неуклонно выступало против соглашения. Протокол проводит различие между развитыми странами, по существу, создавшими сегодняшние проблемы, и развивающимися странами, нуждающимися в поддержке во избежание проблем завтрашнего дня. Развитые страны обязуются в период с 2008 по 2012 год сократить выбросы парниковых газов до значений на 5 процентов ниже уровня 1990 года; для стран ЕС, к примеру, это означает сокращение выбросов до значений на 15 процентов ниже показателя 2008 года. Протоколом установлена также схема торговли квотами на выброс углекислого газа, в рам-

ках которой развитые страны или их отрасли могут «торговать выбросами» — производители с чрезмерными объемами выбросов покупают квоты у компаний или стран, сокративших такие выбросы. Такая система называется системой «ограничения и торговли квотами»: страны соглашаются с ограничениями, но получают возможность оплачивать превышение норм, если принимаемых мер недостаточно для соблюдения принятых обязательств. Страны могут покупать квоты друг у друга или у развивающихся стран, например путем финансирования проектов в рамках Механизма экологически чистого развития, призванного снизить уровень выбросов (подобно программам по лесонасаждению или улавливанию и связыванию углекислого газа на угольных электростанциях). Выполнение условий Протокола считается первым шагом. Но при этом благодаря Протоколу создается инфраструктура для последующих, более строгих соглашений, по которым страны устанавливают обязательные ограничения на выбросы, вырабатывают глобальную схему торговли квотами на выбросы углекислого газа с реалистичными расценками и принимают взаимную и общую ответственность за снижение уровня выбросов парниковых газов, выделяемых при сгорании ископаемого топлива.

Предпринятые в 2007 году попытки выработать более строгое соглашение на основе и взамен Киотского протокола особыми успехами не увенчались. По результатам декабрьской сессии на Бали, участниками которой были многочисленные переговорщики, всякого рода приспешники, неправительственные организации и журналисты, была признана серьезность проблемы: мир нуждается в достижении договоренности до конца 2009 года, чтобы новое и обязывающее всех соглашение вступило в действие к 2012 году, когда истечет срок Киотского протокола. Однако — в том числе вследствие избранной американской делегацией абсолютно неприемлемой тактики блокирования — прогресс на этом пути был весьма незначительным. Была согласована схема компенсаций, выплачиваемых развивающимся странам за сохранение ими лесных массивов. Помимо этого делегаты договорились о том, что следует попытаться выработать всеобъемлющее соглашение к концу 2009 года. Была согласована «дорожная карта» (не лучшая в данных обстоятельствах метафора) для будущих переговоров. Американцы, под давлением, дали согласие на участие в таких переговорах. После этого десять с лишним тысяч участни-

ков высокого собрания по изменению климата разлетелись по домам, не признав себя побежденными — объединенные надеждой (что-то вроде напутственного благословения) на будущие переговоры по согласованию всеобщей конвенции. Конференция ООН, проведенная в 2008 году в польском городе Познани, оказалась ненамного успешнее баийской. По ее окончании все взоры обратились на встречу в Копенгагене в 2009 году, хотя упования на то, что политический класс Америки к тому времени проникнется экологическими идеалами, довольно призрачны.

В будущем основная схватка развернется вокруг наиболее действенного способа ограничения климатических изменений. Нельзя допускать, чтобы обсуждение таких мер подменялось идеологическими спорами. Есть определенная доля истины в доводах Николаса Стерна о том, что выбросы в атмосферу огромных объемов углекислого газа свидетельствуют о несовершенстве рыночных механизмов. Человечество в своей экономической деятельности в принципе отзывается на ценовые сигналы. А вот за выбросы углекислого газа достаточная плата не взимается, а значительная доля мировой экономики вообще ничем за это не облагается, что ведет к росту выбросов углекислого газа в атмосферу. Чем дороже будет обходиться углеродное сырье, тем меньше будет вероятность его применения. Кроме того, рынки, как правило, изыскивают наиболее дешевые и наиболее эффективные способы достижения социально приоритетных целей, таких как надлежащее жилье или увеличение инвестиций в энергетику. Если соединить изложенные доводы, то предстоящий нам маршрут не выглядит сложным. Мы повышаем цены на углеродные вещества, установив заранее ограничения на возможные объемы выбросов парниковых газов, и позволяем рынку сделать все остальное, переложив таким образом основную работу на рыночные аспекты схемы «ограничения и торговли квотами». Торговля выбросами углекислого газа, вне всяких сомнений, представляет собой полезный инструмент, и в ЕС удалось добиться значительного прогресса в развитии рынка квот выброса. Подобного рода подход успешно применялся в США в середине 1990-х годов для сокращения выбросов двуокиси серы и предотвращения кислотных дождей. При этом трудности, возникшие при разработке схемы торговли квотами, указали на важность точной проработки контекста, в котором работает рынок. В ЕС было выдано слишком много разрешений на выбросы таким отраслям, как производство

электроэнергии, производство цемента и металлургия. Это привело к снижению фактических цен на выбросы углекислого газа и сделало разрешения практически незначительными. Для эффективной работы рынка необходимо повысить затраты на выбросы углекислого газа путем введения ограничений, что повлечет за собой сокращение объемов выбросов. Торговать квотами можно сколько угодно, но необходимо установить более жесткие ограничения на допустимые объемы выбросов.

Использование рыночных инструментов должно сопровождаться государственным регулированием. Именно потребность в регулировании вызывает у некоторых доктринеров рынка рефлексивное отторжение. Мне кажется, будто все более широко распространяется мнение, что после победы над социализмом нам ни в коем случае не следует допускать усиления централизованного контроля и регулирования нашей жизни. Некоторые квази-оружелловские решения, предлагаемые в целях глобального регулирования вопросов окружающей среды (о них мы расскажем позже), только усугубляют такие опасения. И все же от постоянного регулирования отказаться невозможно, но лучше, если оно будет относительно мягким, не допускающим нанесения рыночными механизмами ущерба благосостоянию общества или отдельных его представителей. Мы прекратили использовать свинец в бензине. Мы ужесточили нормы выхлопа продуктов сгорания бензина и повысили эксплуатационные характеристики двигателей. Мы ограничили курение, и теперь некурящим не приходится вдыхать чужой табачный дым. Мы привлекли инспекторов санитарных служб к работе по обеспечению безопасности продуктов питания. Мы установили стандарты энергоэффективности для электроприборов и нормативы по теплоизоляции домов и рабочих мест. Мы обязали частных и государственных поставщиков гарантировать безопасность питьевой воды. Регулирование не обязательно враждебно рынку: оно может помочь ему работать лучше. Эффективность международного соглашения по глобальному потеплению будет обусловлена только наличием жестких и бессрочных ограничений. Снижение выбросов до уровней ниже таких ограничений возможно в случае осмысленного применения механизма ценообразования. Наложение ограничений и обеспечение их соблюдения по всему миру — задача намного более сложная, чем выработка и повсеместное применение четкого механизма торговли квотами на

выбросы, неплохо зарекомендовавшего себя на национальном и региональном уровнях.

Какими должны быть основополагающие элементы «пост-киотского» соглашения? Во-первых, нам необходимо наметить глобальную цель — сдержать глобальное потепление на уровне от 2 °С до 3 °С, если это, конечно, возможно. Для этого потребуется выполнение промежуточных целей до 2025 или 2030 года, с сокращением к середине века уровня выбросов углекислого газа на 80 процентов от уровня 1990 года. Для достижения глобальной цели нам, несомненно, потребуется установить национальные цели, и именно по этому вопросу ожидаются дипломатические и политические стычки. Национальные показатели должны учитывать историческую ответственность за нынешние уровни выбросов парниковых газов, объемы выбросов в расчете на душу населения, общий уровень выбросов по стране, способность страны к переменам, благосостояние и уязвимость по отношению к последствиям изменения климата¹⁰. Необходимо будет также заключить соглашение о начальной точке процесса. С 1990-х годов в США наблюдается быстрый рост, а в России — экономический спад, и поэтому принятие за основу уровня 1990 года потребует огромных усилий со стороны Америки, Россия же получит значительный бонус. Обсуждается также вопрос распределения ответственности между секторами промышленности и между группами стран. Как поступить с воздушными и морскими перевозками? Следует ли возложить ответственность в этой сфере на страну судовладельца, страну пункта отправления, пункта назначения или на страну происхождения большей части пассажиров или грузов? Наиболее сложным представляется распределение ответственности между развитыми и развивающимися странами, в рамках которого самые большие вопросы вызывает выверка баланса между США и Китаем. В настоящее время Китай выбрасывает в общей сложности больше углекислого газа, чем Соединенные Штаты Америки. Но если сравнить показатели выбросов на душу населения, то американские значения превышают китайские почти в пять раз. Нерешенными остаются также вопросы исторической ответственности и относительного благосостояния. Любое предложение по объединению всех элементов должно учитывать различные исходные точки, промышленные цели и, конечно же, устанавливать непосредственную взаимосвязь экономического роста с наибольшей эффективностью

использования топлива. Необходимо предусмотреть финансирование и передачу технологий из богатых стран в бедные, а также помощь в расходах на смягчение последствий глобального потепления, например в виде содействия бедным странам в создании систем береговой защиты.

Европейский союз, в качестве одного из основных участников переговоров по вопросам экологии, и здесь не место для самодовольства или самоуспокоенности, — это, возможно, наиболее подходящее место для достижения самых амбициозных целей. В настоящее время на ЕС приходится немногим более 30 процентов мирового ВВП и 15 процентов общемировых объемов выбросов углекислого газа. К 2050 году последний показатель необходимо снизить до 10 процентов. В прошлом ЕС наряду с США были главным источником выбросов двуокси углерода. На состоявшейся в 2007 году встрече Европейского совета (на уровне глав правительств) ЕС принял на себя обязательство к 2020 году сократить выбросы на 30 процентов по отношению к уровню 1990 года, но при условии, что другие развитые страны поступят так же; в любом случае, даже при отсутствии какой-либо твердой международной договоренности, европейцы обязались сократить выбросы на 20 процентов. Совет высказал мнение, что развитым странам следует к 2050 году добиться уровня снижения выбросов от 60 до 80 процентов, ведь именно такие значения необходимы для удержания глобального потепления в диапазоне от 2 °С до 3 °С. Для достижения этих амбициозных, но при этом принципиально важных целей ЕС поставил перед собой ряд задач, таких как использование возобновляемых источников энергии и инвестиции в эффективные с низким потреблением углеродных технологии. ЕС в той или иной степени остается приверженным описанным всеобъемлющим планам, несмотря на небольшие уступки, вызванные давлением со стороны отдельных отраслей промышленности, к примеру автопроизводителей, а также со стороны политиков, подобных господину Берлускони, утверждающих, что развитые страны не смогут одновременно справиться и с рецессией, и с ужесточившимися экологическими стандартами.

Существует несколько причин, почему ЕС в принятии таких нацеленных на перспективу обязательств продвинулся намного дальше, чем другие страны. Во-первых, чувство опасности изменения климата (особенно среди молодых избирателей) в Европе развилось сильнее, чем в других регионах. Такое отношение

вовсе не означает, что превращение Европы в низкоуглеродную экономику не будет встречать политического противодействия. Политики большинства стран до сих пор избегают политических позиций, которые могут вызвать недовольство избирателей (например, по вопросам налогов на загрязнение окружающей среды и повышение стоимости проезда на автомобильном и воздушном транспорте). Идее экологически устойчивого экономического развития непросто найти свое место в повестке политических обсуждений или в предвыборных программах большинства основных партий. Ядерная энергетика — экологически чистый источник энергии — до сих пор пугает многих европейских избирателей (за исключением, по-видимому, Франции, в значительной степени зависящей от ядерной энергетики), а рациональные доводы по этому вопросу отвергаются. Мое личное мнение таково, что ядерная энергетика представляет собой важный для Великобритании и для всего мира источник энергии, особенно в аспекте сдерживания глобального потепления. За редким исключением, европейские политики и публицисты, вне зависимости от их политических установок, не склонны оспаривать научный консенсус по проблеме изменения климата и роли антропогенного воздействия на него. Те же, кто все-таки оспаривает этот тезис, например датский статистик Бьорн Ломборг, приобретают довольно скоротечную известность, во многом обусловленную естественным для широкой общественности восторженным отношением к людям, выражающим сомнение и протестующим против общепринятого мнения.

Европейские страны — это благополучные демократии с высоким уровнем жизни и развитым чувством коллективной ответственности (в ущерб, по мнению некоторых, идеям частного предпринимательства). У европейцев консервативное отношение к изменениям; с этим, вероятно, связана обеспокоенность значительными изменениями, которые несет с собой глобальное потепление, даже с учетом того, что последствия для Европы будут менее серьезными, чем на других континентах. В Европе сильна «зеленая» традиция довольно влиятельных партий второго эшелона, идентифицирующих себя практически полностью с экологическими проблемами. Периодически эти партии получают поддержку избирателей и вынуждают нервничать представителей основных политических сил. На большей части территории Европы (за исключением, увы, Великобритании) существует раз-

витая система общественного транспорта с высоким уровнем обслуживания, появившаяся частично как следствие проповедуемой в Европе политики всеобщего благоденствия, а частично благодаря развитию городской и сельской инфраструктуры в XIX веке. Европейская экономика больше других зависит от газа, что создает нам, как мы уже говорили в предыдущей главе, стратегические проблемы в отношениях с Россией, но при этом благоприятно влияет на наши экологические показатели: 41 процент выбросов углекислого газа в атмосферу приходится на уголь, 39 процентов — на нефть, и только 2 процента на газ. Некоторые из старейших, наиболее сильно загрязняющих окружающую среду предприятий обанкротились и закрылись в результате распада восточноевропейской части советской империи. Но некоторые европейские предприятия по-прежнему создают проблемы. Канцлеру Ангеле Меркель приходится вести борьбу с немецкими автомобильными предприятиями с целью повышения эффективности потребления топлива их далеко не экономичными автомобилями. Такие меры расцениваются некоторыми автоконcernами как лишаящие их существенного преимущества перед более экономичными автомобилями из Италии и Франции. Но Меркель оказалась непреклонной в борьбе за ужесточение топливных нормативов, настаивая на том, что снижение уровня выбросов повысит конкурентоспособность транспортных средств. Европа была в авангарде стран, пытавшихся внедрить эффективную схему торговли выбросами углекислого газа. Но для достижения целей, поставленных перед собой Европой, еще предстоит свернуть горы. Сформулированная задача тем не менее может быть решена, и самый лучший способ стимулировать других — это уверенность Европы в своих силах, без оглядки на действия, запланированные на ближайшее время другими странами. Политики ЕС зачастую ищут высший смысл в своем союзе национальных государств. Что такое Европа в XXI веке? Что ей следует делать? Как Европе продемонстрировать свое видение и значимость — в целях мотивирования своих граждан? В попытках ответить на эти вопросы слишком много пустословия. Наилучшим ответом будет взять на себя ответственность и возглавить международные усилия по спасению нашей планеты.

Первый совместный с ЕС саммит, который посетил президент Буш, состоялся в шведском Гётеборге в 2001 году. Дело было до трагедии 11 сентября, и президент Буш только нащупывал почву

для придания своему президентству определенного значения и цели. Он еще не стал, следуя печальной логике истории, «президентом войны». Тем не менее кое-что было ясно уже тогда. Он не разделял взгляды своих европейских коллег на окружающую среду. На пресс-конференции по итогам саммита он лукаво привлек внимание к проблемам, с которыми столкнулись некоторые европейские страны при выполнении своих задач по сокращению выбросов. Его отец, первый президент Буш, во время конференции в 1992 году в Рио-де-Жанейро поведал миру, что американский образ жизни не может быть предметом для переговоров. Буш-младший пошел еще дальше. Одним из первых его действий на посту президента стало заявление о том, что Соединенные Штаты не намерены ратифицировать Киотский протокол (который был подписан его предшественником, хотя и с нулевой вероятностью последующего одобрения сенатом). Согласно его выражению, в котором доля радости превышает долю правды, «Киотский протокол мертв». Одним ударом ему удалось нивелировать политику прежней администрации, связанную с именем Альберта Гора, человека, над которым Буш одержал победу в борьбе за президентский пост, а точнее, в серии судебных разбирательств. Подобным заявлением он обращался и к своим сторонникам в Республиканской партии, считавшими всю шумиху вокруг изменения климата надуманной и поднятой силами тьмы, намеревающимися отдать в руки ООН управление Америкой и обуздать американское удалство международным правом. Кроме того, ему хотелось избежать совершения каких-либо действий, которые могли бы стать непопулярными в среде энергетических компаний, вредящих экологии отраслей промышленности, налогоплательщиков, водителей автомобилей, автомобильных компаний или финансовых покровителей безрассудного обращения с природой. Он довел партию до того, что правое крыло во главе с губернатором Миттом Ромни, безуспешно пытавшееся унаследовать боевой штандарт Буша, вынуждено было утверждать, что глобальное потепление не имеет к США никакого отношения. Если земной шар полагает, что потепление реально, то земному шару следует самому озаботиться этой проблемой, оставив в покое «планету Америку». Для президента Буша это и было «мнением из Вашингтона», озвученным госсекретарем Колином Пауэллом. Пусть Вашингтон займется реальными вопросами охраны природы, попытается переписать зако-

нодательство о чистом воздухе, чистой воде и биологических видах, находящихся под угрозой исчезновения, ослабив при этом ограничения в отношении выбросов и вырубив побольше американских лесов. Подход президента Буша, отвергшего великие традиции Америки в деле защиты природы — от Бенджамина Франклина, Генри Дэвида Торо и до Тедди Рузвельта, глубоко разочаровал всех друзей и почитателей США, прекрасно осознававших, что экологические проблемы могут быть решены только при участии США, а также уверенных в том, что проблемы *можно* решить в случае, если к делу подключатся США. Как и президент Путин, Буш полагал, что экономика на первом месте, а окружающая среда — на втором. Пусть остальной мир пропадет пропадом, а если проблема возникнет у будущих поколений, то пусть они, с Божией помощью, делают, что сочтут нужным, в том числе и расплачиваются по долгам, наделанным во время его пребывания у власти.

Все это было вдвойне удивительно и предосудительно. В 1970-е годы Соединенные Штаты были мировым лидером в области энергоэффективности, энергосбережения и развития альтернативных источников энергии. Такой была положительная реакция на рост цен на энергоносители в экономике, усиление которой в прошлом в значительной степени зависело от дешевого топлива. Однако у многих политиков акценты сместились весьма удивительным образом. После получения достаточных подтверждений в отношении парниковых газов американские политики и лоббисты начали высмеивать идею о наличии проблемы, ибо «если бы она действительно существовала, то ее решение было бы сопряжено с радикальными переменами в Америке». Сначала администрация президента Буша отрицала науку, подвергала сомнению научные данные, компрометировала институты, публиковавшие такие данные, и забалтывала научные выводы по мере их обнародования. Затем администрация переключилась на ограничение ущерба дипломатическими методами, стремясь перессорить всех в процессе обсуждения выдвигаемых администрацией безболезненных и не предусматривающих изменений альтернатив Киотскому протоколу. Помощь Вашингтону в этой недобросовестной затее оказывало возглавляемое Джоном Говардом австралийское правительство, присоединившееся к продвижению Азиатско-Тихоокеанского партнерства. Задача партнерства заключалась в выработке дальнейших шагов по «чистому

развитию и климату». По данным Климатического института Австралии, предлагаемые в рамках партнерства меры привели бы к 2050 году к двойному по меньшей мере увеличению глобальных выбросов парниковых газов.

Самым прискорбным в описанном поведении австралийцев было то, что они больше других стран должны были ценить необходимость выработки радикальных мер международного сотрудничества по вопросам климатических изменений. Природная среда Австралии подвержена повышенной опасности. Для начала отметим, что в Австралии неплодородная и засоленная почва, с малым и непрогнозируемым количеством осадков. Завезенные первыми британскими поселенцами кролики и лисы вызвали катастрофические последствия, как и более поздняя вырубка растительности и чрезмерное поголовье овец. Все описанное привело к тому, что принято называть антропогенной засухой. Еще одной угрозой для нестойкой природной среды Австралии стала естественная засуха в бассейне реки Муррей и в основных зерновых регионах на юго-западе. Одно из наиболее привлекательных туристических мест в Австралии, Большой Барьерный риф, находится под угрозой обесцвечивания кораллов, вызванного повышением температуры воды, что указывает на их разрушение. Австралия была в числе стран, наиболее сильно пострадавших от истощения озонового слоя, и вполне правомерно стала ревностным сторонником глобальных мер по его восстановлению. В те времена Австралия не оправдывала бездействие тем, что развивающиеся страны освобождены от обязанности принимать превентивные меры, обязательные для промышленно развитых стран, внесших наибольший вклад в создание проблемы.

В рассматриваемом случае именно таким было оправдание бездействия, не раз озвученное господином Говардом и его коллегами по кабинету министров в ходе проведенных в начале 2000-х годов переговоров с ЕС. Согласно их утверждениям, Австралии не следует предпринимать никаких мер по вопросам климатических изменений до тех пор, пока это не сделают развивающиеся страны, так как в случае наложения ограничений или удорожания выбросов углекислого газа отрасли промышленности со значительными объемами выбросов (затраты которых на электроэнергию зачастую субсидировались за счет внутренних австралийских потребителей электроэнергии) будут переведены

в Индонезию. Кроме того, они утверждали, что сами размеры Австралии привели к увеличению использования автомобильного топлива, игнорируя тот факт, что 60 процентов этого топлива используется в городской среде. К концу срока полномочий своей администрации господин Говард, учитывая растущую озабоченность австралийской общественности экологическими вопросами (частично обусловленную непрекращающейся засухой), вынужден был признать, что для борьбы с климатическими изменениями на международном уровне предстоит сделать еще очень многое. Исполняемая премьер-министром роль главного тихоокеанского подручного и подпевалы президента Буша не получила народной поддержки, даже после их совместного визита в Ирак и совместного отъезда из Киото. Одним из первых актов его преемника, Кевина Радда, стало подписание Киотского протокола. После подписания протокола Австралия, имевшая самые высокие показатели выброса газов на душу населения из всех промышленно развитых стран и самые высокие темпы увеличения объемов выбросов среди всех стран ОЭСР, вступила в ряды борцов с изменением климата. По мнению большинства австралийцев, так Австралии и надлежит поступать.

Канада вела себя ненамного лучше правительства Говарда, не ставя перед собой целей по сокращению выбросов, а также изворачиваясь и уклоняясь на Бали в попытке избежать каких-либо обязательств по ужесточению ограничений. Выбросы парниковых газов на душу населения в Канаде немногим ниже, чем в США и Австралии. Совсем не этого ожидали от страны, которая так напирает на свою репутацию «добропорядочного гражданина мира».

В последнее время в США становится заметной общественная обеспокоенность вопросами климата, что заставляет вспомнить о ситуации, послужившей толчком к смещению господина Говарда (одним из примеров стали успешные продажи превосходной книги австралийского ученого Тима Флэннери «Творцы погоды»). В Америке на уровне муниципалитетов и штатов, от Флориды до Калифорнии, произошли определенные сдвиги в отношении выбросов парниковых газов, введения нормативов по эффективности использования топлива и поощрения углеродной нейтральности (например, в Остине, столице родного для президента штата). К требованиям действовать присоединились такие компании, как «Волмарт» и «Дженерал Электрик», приняв при этом самостоятельные меры и выступив в поддержку госу-

дарственных программ. Особую поддержку американцев получило стимулирование использования биодизельного топлива и этанола, получаемых из растений, поглощающих углекислый газ в процессе роста и выделяющих тот же газ при сжигании. В США предусмотрены огромные субсидии для выращивания зерновых культур, используемых в производстве этанола, входящего в состав топливной смеси для транспортных средств. Описанная ситуация уже оказала влияние на цены на кукурузу. В других странах успешно используются другие культуры, например сахарный тростник в Бразилии, где этанол стал значимым источником энергии. Биотопливо может стать выгодной альтернативой ископаемому топливу, но его производство, по мнению Европейского союза, тоже способно нанести ущерб окружающей среде. В Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, в целях высвобождения места для выращивания зерновых культур, используемых при производстве этанола, нередко вырубаются тропические леса и другие формы естественной растительности. Уничтожаются заболоченные участки, пастбища и леса, но при этом при производстве биотоплива могут использоваться работающие на ископаемом топливе тракторы. Выращивание соответствующих культур сопровождается использованием азотных удобрений и больших объемов воды. Тем не менее при надлежащем регулировании биотопливо может стать целесообразным средством удовлетворения потребностей транспортной отрасли более экологичными способами.

Любые попытки добиться успеха в борьбе с глобальным потеплением сильно зависят от изменения отношения государственных органов Америки, и, к счастью, такие изменения начали происходить после избрания президента Обамы. Он обещает возглавить проведение политических преобразований в сфере защиты окружающей среды в стране, которой придется скорректировать свой образ жизни и в которой политикам и лоббистам удалось пошатнуть веру в научное подтверждение климатических изменений. Уже теперь очевидно, что сам новый президент науку не отрицает, и он успел назначить на службу в своей администрации несколько выдающихся ученых, таких как Стивен Чу, занимающий должность министра энергетики. До перехода в правительство Чу работал над проблемами солнечной энергетики в Университете Беркли. Джон Холдрен, физик из Гарвардского университета и эксперт по вопросам изменения климата, стал старшим советником президен-

та США по науке. В пакет мер по налоговому стимулированию президентом Обамой включены меры по развитию экологически чистых видов энергии и сокращению энергопотребления; двумя его первыми приказами установлены федеральные целевые показатели экономии топлива к 2012 году, а Агентству по охране окружающей среды поручено пересмотреть принятое в 2008 году решение, не допустившее введение в Калифорнии более строгих нормативов по выбросам автомобилями парниковых газов. Администрация Обамы приступила к работе по созданию системы ограничений и платы за выбросы углекислого газа, однако сталкивается со значительными трудностями в проведении через конгресс всеобъемлющего экологического законодательства. Президент Обама четко осознает, что при подписании любого глобального соглашения лидирующее положение Америки будет иметь решающее значение. Более того, он понял — и этой точки зрения придерживалась госсекретарь США Хиллари Клинтон во время своей первой поездки в Пекин, — что в основе любого международного соглашения будут лежать договоренности между Соединенными Штатами и Китаем. Китай не сдвинется с места без Америки, а Америка не сдвинется с места без Китая. Они прикованы друг к другу. Договоренность между ними имеет жизненно важное значение.

Столь пристальное внимание к Китаю вовсе не означает, что мы можем забыть о других развивающихся странах. К концу текущего столетия, к примеру, численность населения Индии превысит численность населения Китая. Но объемы выбросов углекислого газа Индией, измеряемые в абсолютных цифрах или в пересчете на душу населения, составляют лишь треть от аналогичных показателей Китая, что свидетельствует о гораздо больших объемах китайской промышленности. Если Китай сдвинется с мертвой точки, то так же поступят и другие страны с развивающейся экономикой, хотя некоторые из них (и Индия тому самый яркий пример) не горят желанием задумываться о проблеме сегодня, предпочитая дежурные заявления о важности дипломатических методов подготовки соглашения, учитывающего ответственность за выбросы в прошлом, нынешнюю численность населения и экономический потенциал. Рост экономики Китая был важнейшим фактором изменений в мире, и этот рост, вне всяких сомнений, приведет к чрезвычайно важным экологическим последствиям, как для самого Китая, так и для всех нас.

Население Китая составляет примерно одну пятую от общей численности населения планеты. Пятьдесят лет назад от голода в Китае погибло 38 миллионов человек, что в значительной степени стало следствием бредовых идей председателя Мао. Все его идеи остались в мрачном и далеком прошлом. Населяющие сегодняшний Китай 1,3 миллиарда человек превратили страну в рабочий цех мировой экономики. В стране самые высокие объемы производства стали и цемента. Китайцы выпускают значительную часть покупаемых нами товаров, от кроссовок до спортивных костюмов, от телевизоров до ноутбуков, от микроволновых печей до детских игрушек. Мой отец долгие годы лелеял свою так и не сбывшуюся мечту, как и мечту многих представителей английского среднего класса, — приобрести автомобиль «Ровер». И если раньше автомобили этой марки производились исключительно в Бирмингеме, в одном из центральных графств Англии, то сегодня автомобили под маркой «Эм-Джи Ровер» делает в штате Оклахома китайская компания «Нанкин аутомобайл корпорэйшн». Если еще недавно мы с несколько недоверчивой улыбкой вопрошали, может ли и дальше работать эта «китайская штукавина», подразумевая экономику Китая, то теперь мы от нее зависим, и не в последнюю очередь потому, что доходы китайской экономики помогли вытянуть из беды наши банки и даже компенсировать разрушительные последствия обесценивания наших активов и финансового «изобретательства».

Китай заплатил высокую цену за столь головокружительный, стремительный рост. Сегодня в Китае самый высокий уровень потребления угля и удобрений и даже табака. Он стал крупнейшим потребителем древесины. На существенно разросшуюся дорожную сеть страны ежедневно выезжает семь тысяч новых автомобилей, причем такие темпы сохранятся до 2030 года. Качество воздуха ужасающее; согласно данным Китайской академии природоохранного планирования, к 2010 году от заболеваний органов дыхания ежегодно будут преждевременно умирать примерно 380 000 человек. Почва подвергается эрозии, нарастает опустынивание. Качество воды плохое, а объемы водных ресурсов сокращаются (не в последнюю очередь вследствие влияния таяния ледников на водоносность и уровень рек). Что же касается главных рек Китая, Чжуцзян, Янцзы и Хуанхэ, то теперь остановка их течения в определенных периоды года стала привычным явлением. В 400 из 668 крупнейших городов Китая люди испыты-

вают нехватку воды, а нормирование потребления воды становится все более распространенным¹¹. Давление урбанизации на окружающую среду растет. Увеличение числа городов фиксируется по всему миру, но в Китае оно особенно заметно. В 1900 году в городах проживало около 225 миллионов жителей Земли; к концу века этот показатель вырос до 2,9 миллиарда. Разрастание городов создает целый ряд экологических проблем и напрямую вызывает рост добычи ископаемого топлива¹². Председатель Мао не очень любил города, но после его ухода и с началом реформ Дэн Сяопина сельские жители хлынули в города для работы на новых предприятиях. Во время коммунистического переворота в Китае в 1949 году городов с населением более 1 миллиона было пять; к концу века таких городов стало сорок. В Японии их шесть. Подсчитано, что к 2050 году 1 миллиард китайцев будет жить в городах. В Китае расположены шестнадцать из двадцати самых загрязненных городов мира.

Руководство Китая, похоже, прекрасно осознает масштабы экологических проблем, которые уже обходятся экономике весьма недешево, а в будущем способны ее подорвать. В 2006 году глава шанхайского горкома партии, Чен Ляньгу, был смещен со всех постов — в том числе из-за критики в отношении предпринимаемых пекинским руководством попыток сдержать рост экономики, сделать его более равномерным и разобраться с промышленными предприятиями, особенно сильно загрязняющими окружающую среду. Китайские лидеры помнят амбициозный и безрассудный лозунг Мао — «Человек обязан покорить природу», попиравший традиционную китайскую веру в гармонию между природой и человечеством¹³. Но вопрос заключается не в том, насколько глубоко председатель Ху или премьер Вэнь осознают необходимость радикальных перемен, нацеленных на сохранение природной среды Китая, а в том, насколько реальны их возможности обеспечить проведение таких реформ на местном уровне. Как далеко за пределы пекинской кольцевой дороги может добежать глашатай нынешних императоров? И еще — как китайским лидерам удастся интегрировать решение экологических проблем в составляющий основу их легитимности проект, подразумевающий постоянный подъем экономики? Их может напугать политическая турбулентность, обусловленная экологическими проблемами; они, безусловно, обеспокоены и тем, что замедление неупорядоченного роста экономики может разрушить основания авторитарной политиче-

ской системы, номинально коммунистической, но широко использующей капиталистические методы. Для населения Земли это вовсе не отвлеченная головоломка. Поиск решения стоящих перед Китаем задач — ключевой фактор для спасения планеты.

Еще в 1928 году Махатма Ганди пророчески изрек: «Не дай Бог Индии когда-либо последовать западному примеру индустриализации... Если вся страна с 300-миллионным населением пойдет по пути подобной экономической модели, она объест мир, словно саранча». Если отбросить ностальгию по натуральному хозяйству, то это высказывание окажется применимым не только к Индии, но и ко всем развивающимся странам. Что произойдет с миром, если 1,3 миллиарда китайцев решат жить так, как живут американцы и европейцы (причем отсутствие у них такого стремления было бы странным)? Что будет с нашей планетой, когда потребление возрастет до уровня, соответствующего потенциалу двух планет? Проблемы Китая обостряет сильная зависимость от угля. Активные поиски нефти в 1970-х и 1980-х годах успехом не увенчались, и с этого момента экономику (а ее рост начался с предпринимательства в сельской местности) питает в основном уголь, которым Китай обладает в изобилии. И это еще один довод в пользу активизации уже предпринимаемых в ЕС усилий, направленных на совместную с Китаем разработку недорогой технологии улавливания и хранения углекислого газа. Такая технология позволяет улавливать диоксид углерода, выделяемый при сжигании ископаемого топлива, до его попадания в атмосферу. По расчетам МГЭИК, к 2050 году можно будет улавливать и хранить примерно от одной до двух третей глобальных выбросов углекислого газа при выработке электроэнергии, и еще на одну треть можно сократить выбросы других крупных загрязняющих соединений.

В дополнение к описанным выше проблемам, в 2008 году Китаю, как и всем остальным странам, нужно было справиться с ростом цен на продукты питания. Частично изменение цен было вызвано растущей потребностью в более разнообразном питании, а частично — засухой и высокими ценами на зерно в Австралии. Китайское руководство можно извинить за то, что оно сочло запутанные проблемы с изменением климата незначительными на фоне прочих проблем, стоящих перед страной.

Как я уже говорил в начале главы, решение проблем глобального потепления лежит в значительной степени в политической

плоскости, а не в плоскости экономики или экологии, и именно политикам следует начать обсуждение конвенции, которая последует за Киотским протоколом и свяжет обязательствами Китай и Соединенные Штаты. Сэр Николас Стерн с определенной долей оптимизма утверждал, что «по мере повсеместного признания научных выводов о проблеме изменения климата, общественное мнение воспрепятствует политикам в преуменьшении значимости основательных действий». К сожалению, политики редко действуют рационально. Если бы лягушки могли голосовать, проголосовали бы они за выключение газовой горелки до того, как в нагревающейся воде они сварятся живьем? Прошу экологов и ученых не воспринимать мои слова как проявление неуважения, но глобальное потепление нельзя и дальше считать проблемой, поднятой специалистами в узкой области знаний. Если бы такое отношение возобладало, то вице-президент Гор выиграл бы президентскую гонку, а не Нобелевскую премию мира. При всей нелюбви экологов к президенту Бушу надо признать, что он был дважды избран — ладно, ладно, введен в должность президента дважды, — но его никто и никогда не принуждал сделать для планеты что-либо более полезное, чем предпочтительное для него безрассудное бездействие. Глобальное потепление — это вопрос внешней политики и безопасности; вопрос торговли и бизнеса; вопрос обеспечения возможностей и развития; вопрос стратегического управления; вопрос, который касается 70 процентов живущих сегодня и всех, кто, возможно, будет жить в 2050 году. Это проблема генералов, священников, магнатов, лидеров профсоюзов, юристов, фермеров, государственных служащих, врачей и наших экстренных служб, а не только экологических НПО. Речь идет о внесении изменений в личную жизнь каждого, нередко с неблагоприятными последствиями, которые мы не в состоянии самостоятельно предусмотреть или тем более оценить. Речь идет о сбалансированности политических действий и технических решений с более эффективным применением рыночных механизмов там, где это возможно. Глобальное потепление — это не просто одна из важных проблем, это *основная* проблема. К ее решению необходимо подходить реалистично и решительно.

Нужно отвергнуть мысли об опасности всемирной «антиуглеродной диктатуры», которая неумолимо перейдет от контроля за каждым отдельным случаем выброса до попытки

контроля численности населения планеты и выдачи «разрешений на размножение». Непростой задачей будет выстраивание глобального механизма, включающего международный надзор за политикой на национальном уровне, выработку процедур урегулирования споров и обеспечение выполнения решений отдельными странами. Задумываться о том, что предстоит сделать после достижения описанных амбициозных целей, пока преждевременно. Нам следует сосредоточиться на решении этих практических задач, какими бы трудными они ни оказались. Нам следует запустить процедуры, которые без особых затрат и потрясений позволили бы спасти нас и будущие поколения. Для этого потребуются объединить усилия всех ответственных и оптимистично настроенных политиков от Вашингтона до Пекина и от Москвы до Канберры. У нас осталось не так много времени на согласование конвенции, которая преобразит нашу жизнь и спасет планету. Такой международный договор согласовать будет труднее, чем Версальский. Но он *должен* оказаться гораздо более успешным.

Глава 13

Кашель и насморк

Куда бы ни ступила нога европейца, смерть, как нам представляется, немедленно пускается за туземцем в погоню...

Чарльз Дарвин на борту брига «Бигль», 1836 г.

Улучшения в охране здоровья, вероятно, произойдут от изменений в условиях, ведущих к началу болезни, нежели от вмешательства в механизмы смерти, пришедшие в действие после развития заболевания.

Томас Маккиун, историк медицины, 1976 г.

Микроб крайне мал
И страшно удал,
И много жадных до наук особ
Узреть его стремятся в микроскоп.

Хилэр Беллок. Микроб, 1912 г.

Жила-была птичка
По имени Энца,
Раскрыл я окно и тут –
Ин-флю-энца.

Детская считалочка периода эпидемии «испанки», 1918 г.

Что бы мы ни говорили о международной политике, сегодня все мы вовлечены в длиннейшую, самую беспощадную, жестокую и несправедливую войну в истории. Наилучшим выходом из нее станет выживание рода человеческого. Вечный враг в этой войне — болезнь.

Мы часто забываем о влиянии болезней на историю человечества и на развитие сообществ, в которых живем. Фельдмаршал Бернард Монтгомери, один из величайших героев Великобритании во Второй мировой войне, сказал, выступая перед палатой лордов в 1962 году: «Правило первое на странице первой Книги войны — не идите с походом на Москву...». Сей мудрый совет имеет отношение не только к недавнему опыту Гитлера, но и к катастрофическому походу Наполеона на русскую столицу летом 1812 года. Наполеон направился в Москву, имея под ружьем более полумилл-

лиона человек. Ко времени Бородинской битвы численность его армии существенно снизилась. К концу того же года погибло примерно 400 000 французских и союзных Франции воинов, причем лишь четверть из них — на поле боя. В летнюю жару солдаты пили воду и даже мочу, оставшуюся в следах лошадиных копыт. Они страдали от обезвоживания, недостаточного питания и, все больше, от дизентерии. Полки, бредущие по нечистотам тех, кто шел впереди, оказались стерты в прах. Отступление некогда великой армии превратилось в ручейки несчастных солдат, страдавших от измождения, голода, холода, туберкулеза и тифа. Потери французов составили примерно 300 000 человек из населения в 27 миллионов. Сегодня это соответствовало бы, в относительных цифрах, потере 700 000 человек. Маршал Ней писал, что великую армию сразили не русские пули, а «генерал-голод» и «генерал-мороз». К ним можно было бы добавить «генерала-тифа» и «генерала-туберкулеза»¹.

Ранее мы говорили о последствиях походов испанских конкистадоров для Нового света. Эрнандо Кортес и его 600 испанцев покорили Мексику. Франциско Писарро — империю инков в Южной Америке. Противостоявших испанцам американских индейцев уничтожали болезнью. Туземцы, в отличие от европейцев и азиатов, не имевшие тысячелетнего опыта соседства с домашними животными и контактов с переносимыми ими инфекциями, попадали под удары одной эпидемии за другой. Оспа, корь, инфлюэнца и тиф оказались самыми беспощадными убийцами, но за ними следовали и другие болезни (дифтерия, малярия, свинка, чума, желтая лихорадка). С начала XVI до начала XVII века туземное население Америки сократилось на 90 процентов. Развитые сложные общества, создавшие свои города и памятники культуры и архитектуры, были в течение нескольких поколений низведены до уровня кочевых охотников и собирателей. Социальная катастрофа была ужасающей, и зачастую люди забывали, что у них всего за несколько поколений до этого были великие предки, выстроившие мертвые теперь города и памятники, развалины которых окружали их. Эрнандо де Сото, который в 1540 году путешествовал по территории, впоследствии ставшей юго-восточными Соединенными Штатами, нередко наткнулся на недавно покинутые города. Привезенные испанцами болезни всего на несколько лет предшествовали путешествиям де Сото. Ко времени прибытия французов, спустя еще век, единственным сви-

детельством цивилизации индейцев Миссисипи были монументальные курганы.

Однако болезни отразились не только на исходе военных кампаний, вторжений и завоеваний — от Мексики до Москвы. Воздействовали они и на развитие культуры. Уильям Макнил утверждает, что болезни отчасти объясняют триумф испанской культуры и христианства в Латинской Америке, а также относительную простоту испанской военной экспансии². Число испанцев, отправившихся в Новый Свет, было, вообще говоря, немногочисленным. Однако культура Пиренейского полуострова, привезенная конкистадорами из бедных, раскаленных, как печь, городов и деревень Экстремадуры [юго-запад Испании], навсегда угнездилась на целом континенте, чьи обитатели, по меньшей мере выжившие, полностью отказались от прежних религиозных верований и ритуалов в пользу Евангелия миссионеров. Они видели, как их армии и их военачальники пали, сраженные европейскими болезнями. Они признали превосходство Бога испанских завоевателей — Бога, уничтожающего врагов тех, кто Ему поклоняется. Тогда как туземные боги оставили их. Отступничество, таким образом, представлялось ацтекам и инкам вполне разумной мерой, исполненной предосторожности. Таким образом, сегодня благодарность за ниспосланную Богом кару можно возносить в королевской часовне Гранады, о которой я выше упомянул.

Можно сказать, что в известной степени болезни способствовали консолидации политической власти и системы государственного управления в Европе XV и XVI веков. Крысы, блохи и морская торговля перенесли «черную смерть» в Западную и Северную Европу из предполагаемого места зарождения инфекции — из армий монгольского князя, осаждавшего торговый город Кафу в Крыму в 1346 году и приказывавшего перебрасывать трупы умерших от чумы через стены осажденного города. Зараза, распространяемая посредством укусов блох, а также воздушно-капельным путем, оказалась смертельной. Считается, что в 1346–1350 годах с лица земли исчезла примерно треть населения Европы — от Гренландии до Средиземного моря. Демографический шок длился более столетия. Люди начали бороться с чумной заразой в северо-итальянских городах-государствах, которые первыми начали вводить минимальные требования к общественному здравоохранению — санитарные прави-

ла, усовершенствование общественной гигиены и механизмы профилактики инфекции. В 1348 году в Венеции и во Флоренции были учреждены комитеты здравоохранения. Расположенная на Адриатическом побережье Рагуза ввела требования карантина ко всем морским перевозкам, и этому примеру вскоре последовали в других частях Европы. Милан и Мантуя ввели нормы регулирования сухопутной торговли. Во многих городах были устроены лазареты — больницы с изолированным содержанием. В фарватере городов-государств Северной Италии следовали большие европейские государства — Англия Генриха VIII, Испания Филиппа II и позже Россия Екатерины Великой. В ответ на угрозу чумы и эпидемических болезней политическая власть была сосредоточена в руках немногих людей, способных справиться и противостоять катастрофе. Более того, государства начали соревноваться друг с другом, чтобы показать свою способность защитить здоровье и благосостояние граждан³. Борьба с болезнями стала созидательным фактором раннего развития европейского государства.

В Соединенных Штатах стимулирующее влияние на развитие системы государственного здравоохранения (от лабораторий до санитарной службы в городах) оказала желтая лихорадка, что отражало растущую социальную солидарность в борьбе с эпидемиями. В XVIII и XIX веках желтая лихорадка была самой смертоносной болезнью в городах США: во время вспышки 1793 года это переносимое комарами заболевание уничтожило 5000 горожан Филадельфии, то есть десятую часть населения города, несмотря на меры предосторожности, выражавшиеся в сжигании дегтя на улицах. Страшно пострадал от желтой лихорадки Новый Орлеан, уже в следующем веке. Последняя эпидемия болезни на территории США разразилась в 1905 году, но болезнь продолжает убивать в Африке и Южной Америке. В 1990-е годы вспышки желтой лихорадки наблюдались в Кении и Сенегале, а первый за последние полвека случай в Америке был зарегистрирован в 1999 году в Боливии.

Для успешной борьбы с болезнями нам необходима эффективная система управления и сильные общественные связи. Вновь и вновь болезнь формирует наше общество. Увы, очень часто человечеству не удавалось выстоять в этой схватке: борьба с вирусами и бактериями — это не симметричное противостояние по правилам джентльменского бокса маркиза Куинсберри.

У нас, то есть у людей и наших врагов, разные эволюционные стратегии. Люди — необычайно выносливые, крепкие существа, но у вирусов и бактерий больше подвижности и способности приспособляться. Они безжалостно ищут щели, и это удается им гораздо лучше, чем людям. Мы неизбежно исповедуем антропоцентрический, удобный и уютный взгляд на мир, в соответствии с которым мы находимся в состоянии некоего равновесия с болезнями. Так, например, люди сражаются с «грязным» золотистым стафилококком (антибиотико-резистентной бактериальной инфекцией) в больницах, где его якобы не должно быть. В сущности, золотистый стафилококк живет везде, включая наше собственное тело, причем, к несчастью, лучшие условия для его роста создаются как раз-таки в больницах, где иммунитет пациентов ослаблен. Хотя нам самим идея равновесия представляется вполне разумной, всего в полутора метрах от земной поверхности мечутся существа, смысл жизни которых целиком сосредоточен в отчаянной борьбе за выживание, и они не признают такого понятия, как равновесие. Дарвиновская теория эволюции оказалась потрясением не столько потому, что она якобы ниспровергала христианское мировоззрение (с отдыхающим после шести дней трудов Богом), но потому, что она ниспровергала человеческое мировоззрение, утверждая, что основная характеристика мироздания — это динамизм, а не равновесие. Динамизм — это музыка жизни. К несчастью, одно из последствий такого положения дел состоит в том, что каждая битва за здоровье, которую мы выигрываем, удваивает давление на возбудителей болезни, и поэтому они, воспользуемся аллегорией, стремятся нанести ответный удар, отчаянно сражаясь за выживание.

Человек обладает эффективной способностью познавать и наделен эмпирическим мышлением, то есть способностью действовать на основе опыта. Однако мы не слишком строго и последовательно применяем эти качества, даже если речь идет о нашем выживании. Мы слабо представляем себе, как можно и должно применять наши знания и опыт, позволяя мифам, небылицам и слухам довлеть над нашей способностью оценивать ситуацию и противостоять болезням. Это, конечно же, усложняет нашу борьбу с болезнями, и мы неоднократно в этом убеждались, например в последнее время — в «войне со СПИДом». Пандемия СПИДа вонзила когти в гомосексуальное сообщество Сан-Франциско и Нью-Йорка отчасти потому, что в конце 1970-х годов эти сообще-

ства только оправлялись от длительной, отважной и лишь отчасти успешной битвы за равноправие и терпимость. В течение ряда лет, до середины 1980-х, понимание того, что ВИЧ передается половым путем, играло лишь второстепенную роль в сообществах, где свободная любовь была символом сопротивления репрессивным, социальным и культурным нормам. На ранних этапах попытки контролировать распространение заболеваний иногда рассматривались как часть более широкой кампании принуждения. Например, настойчивые усилия установить контроль над пандемией зачастую наталкиваются на стойкие, но совершенно безосновательные переживания. Подобные проблемы, связанные с научными и нравственными аспектами, сопутствуют вакцинации против кори, краснухи и свинки в Великобритании, борьбе с полиомиелитом в Западной Африке и вакцинации против вируса папилломы человека (ВПЧ). Идея о необходимости прививки девушек против передаваемого половым путем ВПЧ, который поражает более четверти американских женщин в возрасте от четырнадцати до тридцати девяти лет, воспринимается как нечто более ужасное, чем смерть женщин от вполне предотвратимого рака шейки матки, который может быть спровоцирован вирусом папилломы⁴. Александр Поуп, в «Опыте о человеке» (XVIII в.), называет нас «великим правителем всего сущего», но и с горечью замечает: «О правде судишь ты, хоть сам не прав; / Всемирною загадкою представ» (Перевод В. Микушевича).

Эпидемии оказали длительное и мощное воздействие на эволюцию человеческих сообществ, но пока человечество было разбросано по планете относительно изолированными общинами, люди были не самой приоритетной целью болезнетворных микроорганизмов. Хотя можно вообразить себе, как случайная мутация в бактерии, вирусе или грибе уничтожила целое отдельное сообщество. С эволюционной точки зрения это означало бы тупик как для инфекции, так и для сообщества. С эволюционной позиции инфекция опаснее тогда, когда она опережает способность к сопротивлению нашей иммунной системы. Тогда процесс естественного отбора ведет к жизнестойкости инфекции и способности распространения болезни. Этой характеристикой обладают многие из наших древнейших врагов, например малярия и туберкулез. Что касается «недавних» болезней, следует указать исключительность СПИДа, вируса, для которого характерен длительный временной промежуток между заражением и первыми симп-

томами заболевания. В сочетании со способностью разрушать нашу иммунную систему и поразительной адаптивностью вируса, его латентность делает СПИД, пожалуй, самой грозной болезнью в истории человечества.

Одни болезни носят эпидемический характер, другие эндемичны для человека. Эпидемические болезни вызываются контактом с некими новыми микроорганизмами, создающими тяжелую и внезапную нагрузку на человеческие сообщества, которые стремятся, в свою очередь, выработать сопротивляемость, изменить модели поведения или найти методы облегчения течения заболевания или его излечения. Подобная встреча человека с инфекцией может оказаться катастрофичной, и тогда эпидемия превращается в пандемию, то есть в ситуацию, при которой многочисленные волны одной и той же болезни или ее разновидности начинают упорный поход по большим человеческим сообществам. Однако на этой стадии некоторые болезни угасают. Так, заболевание «пикардийский пот» (схожее с английской потливой горячкой, поражавшей в XV и XVI веках Англию, хотя и сопровождавшейся сыпью и менее смертоносной) прокатилось по Франции в XVIII веке, подобно лесным пожарам. Впрочем, последний клинический случай этой таинственной болезни был зарегистрирован в 1861 году.

Однако некоторые болезни прodelывают эволюционный скачок и становятся повсеместными. Они вырабатывают способность эффективно распространяться в человеческих сообществах. Порой их действие не означает убийство человека-хозяина — или по меньшей мере не скоротечное убийство. Как туберкулез, так и малярия захватили себе эволюционную нишу в человеческих сообществах; они стали распространенными заболеваниями, все более заразными, хотя и не всегда смертельными. Малярия существует с человеком, наверное, уже 50 000 лет, но в большинстве случаев переход от эпидемической к эндемической форме представляется относительно недавним. Возникновение и перенос заболеваний зависит от действия трех факторов: контакта с животными, и в особенности с домашними животными; развития сельского хозяйства и роста населения, а впоследствии и роста урбанизации; развития торговых и миграционных потоков по суше и по морю.

Указанные обстоятельства превратили Евразию в великий садник человеческих болезней. Евразия не только изобилует мно-

гочисленными речными долинами, где зародилось и начало процветать земледелие, но и служит домом для огромного разнообразия животных, поддающихся одомашниванию. Во многом именно благодаря одомашниванию животных Евразия стала мировым центром торговли и междивизиационного взаимодействия и смешивания. Обитатели Евразии контактировали с крупным рогатым скотом, лошадьми, козами, свиньями, с разнообразными птицами, верблюдами, ослами, собаками и так далее. В Новом Свете этот диапазон был существенно уже, и животные, способные служить людям транспортом, например лошадь, были в основном неизвестны в Новом Свете, что позволяет объяснить, почему инки, ацтеки и цивилизации Миссисипи могли сосуществовать в Новом Свете без тесных контактов. Привычное для Старого Света взаимодействие в течение многих тысячелетий между людьми и животными, как и между людьми, привело к тому, что множество ужасающих болезней, эндемичных для европейцев, оказались губительны для вступившего с ними в контакт туземного населения Нового Света: к ним относятся корь, туберкулез и ветряная оспа от крупного рогатого скота; инфлюэнца от свиней и уток; коклюш от свиней и собак и малярия, возможно, от птиц. Длительное соседство позволило жителям Евразии выработать определенную сопротивляемость к некоторым из этих заболеваний, однако результат столкновения с ними жителей Нового Света оказался для последних катастрофичным.

Болезни пронизывают человеческую историю. Эпидемии чумы, прокатившиеся по Европе в позднем Средневековье и в эпоху раннего Возрождения, подняли относительную стоимость труда, что стало основой малой промышленной революции: распались социальные и экономические институты крепостной зависимости, выросли города, появились стимулы для использования животных, энергии ветра и воды в целях увеличения производительности труда. На пейзажах английской, голландской и французской школ XVII и XVIII веков часто запечатлены мельницы, построенные за пару веков до этого. Тем временем в Экваториальной Африке, до открытия хинина в качестве профилактического средства, основным препятствием к исследованиям и развитию была малярия⁵; при этом малярия и сегодня остается существенным фактором, сковывающим экономику стран Экваториальной Африки. Малярию европейцы завезли в Центральную и Южную Америку, где эта болезнь также стала

препятствием на пути развития. В XIX веке страшным убийцей японских детей был менингит; болезнь унесла жизни четырех из шести детей императора Комеи (пятый умер от других причин) и, таким образом, способствовала восхождению императора Мэйдзи на Хризантемовый трон. Помимо мутирования болезней или их угасания, мы говорим о глубоком взаимном воздействии человеческих сообществ, их истории и общих тенденций развития в контексте истории инфекционных заболеваний.

Отношение к инфекциям, особенно в богатых странах, нередко видится через розовые очки. Наука идет вперед; расходуются огромные средства; учреждается и расширяется система здравоохранения и медицинских услуг; болезни отступают. Но это лишь часть истории. Больше столетия назад в романе «Спящий просыпается» Герберт Джордж Уэллс предсказывал появление мира, в котором болезни окажутся побежденными. С тех пор медицинская наука достигла удивительных высот. Мы победили ранее смертоносные болезни. Инсулин, пенициллин, антибиотики продлили и улучшили качество жизни бесчисленных миллионов людей. Вакцины и успехи хирургии привели к увеличению продолжительности жизни. Помимо этого в целом по миру наблюдается, что особенно отраднo, снижение детской смертности. К середине XX века прогресс в системе мероприятий общественного здравоохранения, казалось, отвел от развитых стран угрозу инфекционных болезней, и все мы надеялись, что не за горами прогресс в странах развивающихся. Но к началу XXI века мы отмечаем, что во многих частях света возвращаются и возникают новые инфекционные заболевания, в том числе ВИЧ/СПИД, болезнь Крейтцфельдта-Якоба, болезнь легионеров, вирус атипичной пневмонии, вирусный грипп⁶. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) считает, что в настоящее время возникло примерно сорок болезней, неизвестных даже поколение назад. Вновь возрождаются туберкулез и холера. Случаев холеры в Латинской Америке не было в течение целого века, пока в начале 1990-х годов по региону не прокатилась эпидемия. К 1995 году умерло более 10 000 человек, заболело более миллиона. Развал экономики Зимбабве, страдающей под гнетом жестокого, коррумпированного режима, привел к вспышке холеры в 2008 году, что привело к смерти по меньшей мере 4000 человек и заболеванию гораздо большего числа людей. Как и следовало ожидать, президент Мугабе категорически отверг информацию о вспышке болезни.

Возвращению инфекций не следует удивляться: мы вовлечены в беспрестанную борьбу. Итальянский врач и поэт Джироламо Фракасторо, соученик Коперника и автор дидактической поэмы о симптомах и лечении сифилиса, отмечал в своем трактате «О заразе»: «С течением времени появятся еще и новые и необычные недуги. А болезнь [сифилис] уйдет, но позже возродится, и ее увидят наши потомки». Сложности в нашей борьбе с болезнями были предопределены и рядом объективных факторов. К ним следует отнести, в частности, быструю урбанизацию, особенно в развивающихся странах (сегодня здесь сосредоточено наибольшее число крупных городов). В Нигерии, например, доля городского населения возросла к 1990-м годам с одной пятой до одной трети населения страны. Это произошло всего лишь за 30 лет. Со времени возникновения первых городов они становились олицетворением не только монументального величия, но и грязи и убожества. Так, например, необычайно трудно проходила борьба с нечистотами. В викторианском Лондоне, в середине XIX века, каждый двадцатый дом вмещал в подвале горы человеческих нечистот. К сожалению, города способствуют перенесению инфекций по воздуху, воде, в результате прямых контактов, а также таких переносчиков, как насекомые. Изменения правил землепользования, например вырубка лесов в крупных масштабах, также может привести к распространению инфекций — как в богатых, так и в бедных странах. В 1990-х годах масштабная эпидемия достигла в Соединенных Штатах болезнь Лайма, переносимая клещами, причем десятки тысяч случаев регистрируются ежегодно и в Германии. Распространение этого заболевания обычно связывают с развитием поселений городского типа в повторно облесенной местности. А вырубка леса в Западной Африке уничтожила места размножения одного вида комаров, на смену которому почти тут же пришел более агрессивный вид, служащий переносчиком еще более тяжелой формы малярии⁷. Прокладывание новых дорог через лесные участки местности увеличивает взаимодействие с заразными животными, птицами и насекомыми. Лесники и лесорубы в Центральной и Южной Америке зачастую заражались желтой лихорадкой от комаров, живущих в кроне деревьев. Впоследствии рабочие лесозаготовок приносят с собой болезни в города. Межправительственная группа экспертов по изменению климата, о работе которой говорилось в предыдущей главе, считает, что глобальное потепление

увеличивает опасность таких заболеваний, как малярия, жизненный цикл возбудителя которой поддерживается при высоких температурах. Тропические дожди влияют на места размножения комаров, откладывающих яйца в стоячей воде. Британское правительство предостерегает, что в английскую сельскую местность малярия может вернуться уже к 2020 году, по мере того как комары мигрируют на север, что связано с потеплением климата.

Увеличение объема торговли и путешествий привело к исключительному увеличению скорости, с которой распространяются болезни. В 2006 году авиапутешествие предприняли более двух миллиардов людей в мире. Некоторые из них, наряду с багажом, везли с собой болезни. Так, например, вирус лихорадки денге, зародившийся, вероятно, в тропиках Западной Африки, был перенесен с одного континента на другой. Эта лихорадка чревата смертельным исходом. Эпидемия Денге поразила миллионы людей в странах от Латинской Америки до Юго-Восточной Азии. За каждое из последующих четырех десятилетий среднее ежегодное число случаев этого заболевания увеличивалось вдвое⁸. Абстрактные предположения по поводу путей распространения вируса атипичной пневмонии вызывает в воображении скорее возможность переноса вируса, скажем, самолетом в Дурбан, где санитарная надзорная служба и карантин по меньшей мере поверхностны по сравнению с Торонто, где представители системы здравоохранения быстро и компетентно справились с инфекцией.

Новые пути распространения болезней открываются и с развитием методов ведения сельского хозяйства. Основной источник распространения кишечной палочки бактерии (*E. coli* — главной причины острой почечной недостаточности у детей) — это инфицированная говядина, хотя переносчиком, конечно, может выступать и всякое лицо, вступившее в контакт с фекальными бактериями. Кишечная палочка может распространяться и посредством контакта между людьми или попадания в организм инфицированной воды, например, в плавательном бассейне. Эта бактерия обладает исключительной жизнестойкостью, она резистентна к многим кислотам, солям и хлору. Во влажной среде она выживает в течение нескольких недель; кроме того, она обладает устойчивостью к морозу и, напротив, к очень высоким температурам. Ее высокопатогенный энтерогеморрагический штамм был известен достаточно давно — в 1980-х годах, но особую остроту переносимые ею заболевания приобрели в следующее десятилетие; к концу

1990-х в Соединенных Штатах было зафиксировано примерно 73 000 случаев кишечного заболевания, связанного с *E. coli*, из которых 60 привели к летальному исходу. Тревогу вызывают и современные методы выращивания и забоя крупного рогатого скота: скот часто перевозят на большие расстояния к откормочным центрам, где животные содержатся в помещениях с навозом, а также получают инфицированный корм и воду; нередко скот затем транспортируют на еще большие расстояния, на скотобойни; после забоя происходит свежевание и разделка туши — процесс, в продолжение которого не исключено заражение, или, точнее, попадание фекалий на большое количество мяса. Впоследствии мясо распределяется посредством исключительно развитой разветвленной «системы дистрибуции», так что единственное зараженное животное может инфицировать до 32 000 фунтов (около 14,5 тыс. кг) переработанной говядины. Американские надзорные органы отмечают, что в зависимости от времени года от 1 до 50 процентов всего крупного рогатого скота могут переносить опасные для человека бактерии кишечной палочки: худшее время — это, конечно, лето. Современная система распределения, таким образом, представляет собой исключительно действенный способ распространения бактерий, который может привести к катастрофическим последствиям для больших популяций людей. Ситуация усугубляется повсеместным использованием труда мигрантов — легальных и нелегальных. Таким образом, мы наблюдаем теневую практику использования рабочих, малообразованных и несведущих о гигиене в пищевой промышленности, низкооплачиваемых и настолько изнуренных трудом, что они совершают ошибки, и, кроме того, находясь на нелегальном положении, испытывают ужас перед правительствами, представителям которых они вряд ли станут сообщать об ужасных проблемах в трудовых отношениях или на производстве⁹. Проблема становится острее и из-за недостатков системы контроля. Всеобъемлющие стандарты безопасности пищевых продуктов, призванные в том числе противостоять распространению инфекции, стали приниматься в отдельных регионах Соединенных Штатов в ответ на вспышку заболеваний в 2006 году. Схожую ситуацию мы видим в истории с коровьим бешенством (вариантной болезнью Крейтцфельдта-Якобса); в последнем случае эпидемия была, вероятно, спровоцирована тем, что скот, как известно, принадлежащий к травоядным млекопитающим, получал в качестве пита-

ния продукты переработки отходов после разделки крупного рогатого скота. Полагаю, что мне удалось отбить у читателя охоту отправиться за очередным гамбургером.

Среди других причин возникновения и повторного распространения болезней следует назвать крушение базовой системы здравоохранения в ряде стран — из-за войн, иных конфликтов, а также экономического кризиса. Здесь разителен контраст между Азией и Африкой. Хотя в Азии по-прежнему существуют огромные проблемы (так, например, в Индии ужасающая статистика детской смертности, несмотря на экономический рост), в целом история успехов в здравоохранении в большинстве азиатских стран проистекает из кардинальных реформ этой системы. Мы уже говорили, что войны в африканских странах повлекли за собой резкое повышение распространения смертельных заболеваний. Недалековидные структурные реформы в 1980–1990-х годах (при которых в бедных и без того странах были снижены бюджеты социальных программ здравоохранения и введены в действие неадекватные тарифы на услуги за счет кредитов и грантов от стран-доноров и международных финансовых институтов) также произвели хаос в насущно важных программах базового здравоохранения. Среди развитых стран зловещий пример неудач в рыночных реформах являет собой Россия. Ее система здравоохранения развалилась в 1990-х годах, что повлекло за собой повышение уровня смертности, особенно среди мужчин. Быстрое распространение СПИДа, сифилиса и иных заболеваний, передающихся половым путем, пришлось именно на эти годы, а уровень заболеваемости туберкулезом с 1990 года вырос в России на 80 процентов. Согласно оценкам Красного креста, ежедневно в России умирает от туберкулеза около 80 человек.

По-прежнему вездесущим убийцей остается малярия: болезнь переносят комары, биологическое разнообразие которых насчитывает более 3500 видов. Комары могут преодолевать большие расстояния и чувствовать возможную добычу на расстоянии до 30 миль. Укус малярийного комара вызывает анемию, головную боль, тошноту и резкие перемены состояния от высокого жара до озноба. Паразиты, кишачи в крови, иногда поражают и головной мозг¹⁰. По различным оценкам, на 2004 год в мире насчитывалось от 350 до 500 миллионов больных малярией. Болезнь убивает примерно миллион человек в год, по большей части в Африке. Это основная причина смертности среди молодых африканцев.

Малярия уносит 18 процентов жизней всех африканских детей, умерших в возрасте до 5 лет. Каждые 30 секунд от малярии умирает ребенок. Будучи прямой причиной летального исхода, малярия косвенно, из-за последствий заболевания, приводит к смерти еще миллиона семисот тысяч человек. Борьба с малярией в странах Экваториальной Африки обходится в 12 миллиардов долларов ежегодно. Противодействие этой болезни занимает до 40 процентов региональных расходов на систему государственного здравоохранения.

Борьба с малярией представляет собой пример благих усилий международного сообщества по спасению бедных от наиболее распространенных смертельных болезней, как эпидемических, так и эндемических. В 2002 году, после саммита «Большой восьмерки» 2001 года был основан Всемирный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией. Это партнерская организация, основанная на сотрудничестве между государственным и частным сектором; среди его наиболее щедрых жертвователей была администрация президента Буша и Фонд Билла Гейтса. Фонд спонсирует ряд инициатив, включая разработку вакцин и распространение пропитанных инсектицидами сетчатых покровов кроватей. Честолюбивые цели президента Обамы, высказанные им во время Форума глобальной инициативы президента Клинтон в конце 2008 года, состоят в том, чтобы положить конец смертности от малярии в Африке к 2015 году. Если поначалу включение в эту кампанию малярии наряду со СПИДом могло показаться случайным, в действительности между двумя этими заболеваниями существует медицинская зависимость, как, впрочем, и между СПИДом и туберкулезом. Лица, инфицированные ВИЧ, гораздо более подвержены заражению малярией, а малярийные паразиты, возможно, увеличивают число вирусных частиц у лиц, инфицированных ВИЧ.

История кампаний против ВИЧ-СПИДа с еще большей наглядностью, чем проблема малярии, показывает, как тесно связаны между собой причина болезни и попытки найти пути ее лечения. СПИД также заставляет сосредоточить внимание на некоторых вопросах безопасности, которые всегда, так или иначе, были частью дискуссии о серьезных болезнях. К вопросам безопасности я перейду позже в этой главе. В первую очередь, однако, нам нужно разобраться, как действовать одновременно на национальном и международном уровнях для противостояния мировой эпи-

демии СПИДа.

ВИЧ — вирус, таящийся в иммунной системе. Здесь мы имеем дело с одним из многочисленных заболеваний, которые преодолели межвидовой барьер от животных к человеку, в данном случае от африканских обезьян. Спорной остается точная причина передачи вируса: перешел ли он к человеку от одной убитой обезьяны, посредством заражения вакцины или шприцев и игл, или же, отдадим должное предрассудкам, от каких-то неизвестных и тайных жертвоприношений, с употреблением обезьяньей крови?¹¹ Не уверен, важно ли вообще нам теперь понимать, как вирус преодолел межвидовой барьер. Ключевые же вопросы в том, почему он распространился столь быстро и как нам его остановить?

На протяжении ряда лет в Африке и Гаити случаи СПИДа оставались в рамках системы здравоохранения незамеченными, и только в 1979–1980 годах вирус был случайно обнаружен американскими эпидемиологами в Центре контроля и предотвращения инфекционных болезней. Исследователи изучали многочисленные запросы на антимикробные препараты для редкой формы пневмонии. Впервые я сам осознал размах болезни в годы службы министром по международному развитию в середине восьмидесятых годов. При посещении больницы в столице Уганды Кампало, к примеру, стало очевидно, что большая часть пациентов в центральной больнице страдает от СПИДа (вне зависимости от того, как квалифицировалась эта болезнь в больничных записях), а позднейшие анализы показали, что ВИЧ-положительными были и многие из представителей медицинского персонала в клинике. Уже тогда в спорах о СПИДе поднимались многие из вопросов, актуальность которых была осознана только позднее. В Восточной и Юго-Восточной Африке болезнь чаще всего связывали с водителями грузовиков и проститутками. В Замбии ее называли «Скандия», по модели грузовиков, водители которых якобы распространяли болезнь по африканскому континенту, точно так же как в XVI и XVII веках матросы разносили по всему Средиземноморью сифилис. Большинство африканских правительств отказывались серьезно воспринимать болезнь, быстро принимавшую форму пандемии, причем нередко к СПИДу относились как к своего рода западной сенсации или даже заговору. Запад упрекали в презрительном отношении к африканцам, и, кстати сказать, в Европе и в США мы немало сделали для того, чтобы разжечь это пламя неприязни, ссылаясь на то, что пути

передачи вируса отражают якобы присущую африканцам половую невоздержанность. Стигматизация болезни побуждала чиновников замалчивать ее масштабы. Мужественный чиновник Всемирной организации здравоохранения Джонатан Манн из всех сил старался привлечь внимание правительств африканских государств к этой проблеме. К несчастью, он и его супруга погибли в авиакатастрофе в 1998 году. Одним из немногих африканских руководителей, воспринимавших СПИД серьезно, был президент Уганды Йовери Мусевене — в отличие от, скажем, президента Южной Африки Табо Мбеки, который долго задавался вопросом, а служит ли ВИЧ единственной причиной СПИДа? Еще в 1996 году угандийский президент Мусевене призвал к воздержанности в половых связях, требуя отказаться от практики связей с несколькими партнерами одновременно. Президент утверждал, что борьба со СПИДом — это патриотический долг, и положил начало программе, состоявшей в полном контроле над кровью и продуктами крови, а также в образовании молодых людей в вопросах заражения ВИЧ.

Чтобы успешнее противостоять СПИДу в Африке, необходимо принять тот факт, что африканцы не больше склонны к промискуитету, чем люди на Западе. На Западе случайные половые связи в большей степени носят так называемый серийный характер: в определенный период времени у человека чаще один сексуальный партнер. В Африке, согласно данным исследований, у людей в целом не больше партнеров, чем в Европе или США, но, похоже, больше распространены одновременные связи с несколькими партнерами. Таким образом, принцип воздержанности в половых вопросах, проповедуемый президентом Мусевене, нацелен на отказ от множественных половых связей в один период времени. Неправильно было бы ассоциировать СПИД с жизнедеятельностью водителей грузовиков или проституток. Причины распространения вируса гораздо более сложные и разнообразные. К ним, безусловно, относится передача вируса путешественниками, в частности, мужчинами, работающими вахтовым методом на рудниках и фермах Южной Африки. Проживание в исключительно мужском сообществе, вдали от семьи, ведет к тому, что рабочие-мигранты нередко возвращаются с инфекцией, подхваченной во время случайного контакта. Противостояние болезни должно основываться на понимании того, что происходит на местном уровне, и на социальной соли-

дарности, что было очевидно во время успешной кампании в Уганде¹². Мы часто склонны распространять свои установки и воззрения на организацию кампании против СПИДа в Африке, не скупясь на нравственные проповеди. Давно ведутся ожесточенные споры между теми, кто считает достаточной лишь полную воздержанность, и теми, кто справедливо считает, что коль скоро человек часто игнорирует благонамеренные советы, массовое распространение презервативов может снизить уровень заражения ВИЧ. Половая воздержанность — это правильный посыл, но учитывая, что мы живем в несовершенном мире, презервативами не следует пренебрегать. Целесообразным представляется и поощрение обрезания: уровень ВИЧ/СПИДа существенно ниже в Западной Африке, где выше численность обрезанных мусульман, в отличие от Восточной Африки.

Половая невоздержанность на всех континентах, а в особенности в Африке, привела к ужасающим результатам. За последние четверть века вирусом СПИДа были заражены 65 миллионов человек, а 25 миллионов скончались от заболеваний, связанных со СПИДом. Всемирная организация здравоохранения полагает, что в конце 2007 года в мире было 36 миллионов ВИЧ-инфицированных, 3,2 миллиона человек были инфицированы в этом году, а 2 миллиона скончались в том же году от СПИДа. Наиболее страшными эти показатели были в Африке, где проживает почти две трети инфицированных ВИЧ, причем жертвами болезни стали 1,5 миллиона человек в рассматриваемый год. Страшными эти показатели были и в Азии — 5 миллионов инфицированных и 380 тысяч умерших. С 2006 года тем не менее в мире наблюдался небольшой прогресс, в том числе снижение инфицированности и смертности. В субэкваториальной Африке снизилась инфицированность ВИЧ. Но, несмотря на почти экспоненциальный рост антиретровирусных препаратов, не сделано еще очень многое — так, например, эти препараты получают менее сорока процентов беременных женщин, инфицированных ВИЧ. Во многих обществах эпидемия изменила демографическую ситуацию. Например, в Малави (Восточная Африка) почти треть всех детей — сироты. Демографические изменения во многом проистекают из высокой смертности молодых людей, что, конечно же, еще больше ухудшает и без того не блистательную экономическую ситуацию. Понимая, что болезнь вызвала один из крупнейших кризисов в истории, международное сообщество на уровне ООН, а также

ВОЗ предприняли попытки решительных действий. В борьбу со СПИДом инвестируется все больше средств, в частности в странах с низкими и средними доходами. Эти капиталовложения, достигшие 10 миллиардов долларов в 2007 году, расходуются на лекарственные средства, госпитальную инфраструктуру, образование и курсы подготовки, а также консультации. К сожалению, однако, финансирование составляет лишь половину необходимых в данной области инвестиций.

На переднем крае борьбы со СПИДом и другими инфекционными заболеваниями стоит Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), основанная в 1948 году как учреждение ООН. ВОЗ основывалась на опыте организации охраны здоровья, созданной под эгидой Лиги Наций в 1920 году. Международное сотрудничество в области борьбы с болезнями имеет длительную историю. В середине XIX века было признано, что защита здоровья заслуживает пристального внимания международного сообщества. Позже, в том же XIX веке были подписаны первые соглашения об уведомлении и политике контроля в области предотвращения холеры и чумы. Эпидемии тифа, холеры, оспы и дизентерии, а также инфлюэнцы, опустошавшие Европу и другие части света после Первой мировой войны, привели к созданию организации охраны здоровья. ВОЗ на протяжении последних десятилетий занимается надзором в области международных правил санитарно-гигиенической и медицинской безопасности. Последний и наиболее исчерпывающий свод правил был согласован в 2005 году после вспышки вируса атипичной пневмонии в 2002–2003 годах и в условиях, когда опасность птичьего гриппа серьезно озаботила общественное мнение.

Атипичная пневмония — это новая разновидность угрожающего жизни пациента легочного заболевания, отличающаяся высокой контагиозностью. Первая вспышка болезни наблюдалась в Южном Китае в ноябре 2002 года, однако из-за привычной секретности, присущей коммунистическому Китаю, власти замолчали инцидент. Всякая дурная новость воспринимается в Китае как потенциальная опасность для системы — сюда относятся случаи массового голода, бунты в связи с продажей зараженного молока или вопиющий случай 55 тысяч китайских доноров плазмы (в основном в провинции Хэнань), которые оказались инфицированы ВИЧ. В случае атипичной пневмонии наблюдалась другая проблема: новое китайское правительство, в частности председатель

КНР Ху Дзиньтао и политбюро КПК, готовились к введению в должность весной 2003 года. Ничто не должно было затмить блеск инаугурации. Все же благодаря надзорной работе фонда Всемирной инициативы по предотвращению пандемий, сотрудничеству между американскими центрами по контролю над болезнями, ВОЗ и несколькими общественными группами и компаниями (включая IBM, а также отважного отставного военного доктора Цзян Яньюна), были приняты надлежащие меры, и эпидемия не переросла в пандемию. Так или иначе, было зафиксировано более 8000 случаев заболевания, причем смертность составила один на каждые десять случаев. Только подумать, что статистика могла возрасти до миллионов заболевших. Наблюдался негативный экономический эффект во всей Азии: по разным оценкам, потери бизнеса из-за опасений перед распространением болезни составили 60 миллиардов долларов США. Так миру вновь была продемонстрирована важность надзора в сфере здравоохранения, а также прозрачности в учете инфекционных болезней. Новые международные медико-санитарные правила, принятые в 2005 году, обязывают правительства сотрудничать с ВОЗ и генеральным директором организации, бывшим руководителем гонконгской системы здравоохранения Маргарет Чан. Правила предусматривают также немедленное сообщение и распространение сведений об опасности пандемий.

У Маргарет Чан богатый опыт. В 1997 году ей пришлось противостоять вспышке птичьего гриппа в Гонконге (тогда ей пришлось отдать приказ об умерщвлении более полутора миллиона птиц), а в 2003 году — вспышке вируса атипичной пневмонии. Ей прекрасно известно о важности своевременного распространения информации и донесения ее до широкой общественности. Впрочем, в этом и состоит основная проблема. Общественность должна ясно осознавать, что возникла угроза здоровью. Людям приходится мириться с нарушением их привычного распорядка или с некоторым ограничением гражданских прав. Люди должны понимать, что принимаемые меры необходимы. К несчастью, ни одно из этих условий, похоже, не выполнялось в Северной Нигерии, где в 2003 году бойкоту была подвергнута программа вакцинации от полиомиелита. Программе не доверяли сами чиновники от здравоохранения и общественность. Распространялись слухи о причудливой связи массовой вакцинации с неким западным заговором, каким-то образом связанным с войной в

Ираке. В результате сопротивления вакцинации во всей области выросло число подтвержденных случаев полиомиелита¹³.

Маргарет Чан и ее старшие коллеги искренне надеются, что новые правила и нормы помогут им предотвратить превращение вспышки птичьего гриппа в массового убийцу. За последние 500 лет пандемии гриппа происходили в среднем три раза за столетие. В XX веке наблюдались вспышки в 1957 году (азиатский грипп), в 1968 году (гонконгский грипп), но наиболее серьезная вспышка — так называемая испанка, или испанский грипп, — случилась в 1918–1920 годах. Впрочем, первые случаи «испанки» были вовсе не «испанскими»; в действительности они были выявлены по другую сторону Атлантики в Форт-Рили, штат Канзас. Пандемия распространялась по миру тремя волнами, унесшими десятки миллионов жизней. По разным оценкам, от испанского гриппа погибли от 40 до 50 миллионов человек. Недавние исследования показали, что число жертв могло быть еще выше, во всяком случае гораздо выше, чем число погибших в Первую мировую войну. Среди знаменитых жертв «испанки» были французский поэт Гийом Аполлинер и немецкий социолог Макс Вебер. На нашей памяти это самый жестокий грипп-убийца, поражавший в большей степени молодых мужчин и беременных женщин, нежели людей старых и немощных. Удивительно, что «испанка» не слишком сохранилась в общественной памяти. Представляется, что мы гораздо больше знаем о средневековых заразах, например о «черной смерти», то есть об эпидемии чумы¹⁴.

После обнаружения штамма H5N1 птичьего гриппа в Гонконге в 1997 году международное сообщество достаточно эффективно отреагировало на угрозу мутации вируса, допускающей его передачу не только от птицы к человеку, но и от человека к человеку. Пока у нас нет свидетельств, что такая мутация имела место. Грипп тем не менее вызвал немалый переполох. Старший координатор ООН и ВОЗ по птичьему и человеческому гриппу был настолько встревожен, что в 2005 году предсказывал, что жертвами птичьего гриппа могут стать от 50 до 150 миллионов человек; на сегодняшний день, однако от вируса погибло менее 200 человек. Тревога наша несколько снизилась благодаря эффективной системе надзора, отчетности и регулирования поголовья домашней птицы, а также огромных запасов препаратов и миллиардов доз вакцины. Страны Юго-Восточной Азии, в частности Таиланд

и Вьетнам, стали более эффективно идентифицировать и выделять случаи гриппа у человека, а также регулировать поголовье домашней птицы. На сегодняшний день, по крайней мере, международное сотрудничество дает плоды. Эпидемию удалось сдерживать. Но праздновать победу рано, если такое понятие вообще применимо к «сражениям с инфекциями». Так, совсем в недавнее время предметом озабоченности стал доселе неизвестный штамм вируса H1N1, содержащий смесь человеческого, птичьего и свиного гриппа, выявленный в Мексике весной 2009 года. Вирус быстро перекинулся на США и другие страны. Несмотря на несколько случаев летального исхода, штамм вируса не представляется настолько опасным, как казалось вначале. Тем не менее существует озабоченность, что он может вернуться к более агрессивной форме, как это произошло с вирусом «испанки». Более того, сегодня наблюдается недостаток запасов вакцины от гриппа на всемирном уровне.

Опасность болезней и история их воздействия на цивилизацию заставляют неизбежно воспринимать болезни как проблему безопасности. В рамках такого понимания развитый мир отграничивается от бедных стран, будучи в то же время не в силах избежать контакта с ними по причине вседесущности эпидемий. Так вопрос этот попадает в поле зрения генералов и специалистов в области безопасности, а не только врачей и эпидемиологов. С одной стороны, одна из ключевых черт так называемого развитого мира и основа его могущества состоит в числе прочего в способности избегать, предотвращать или лечить инфекционные заболевания. С другой стороны, болезни вызывают системные социальные и экономические потрясения (в особенности, но не только в Африке), угрожая некоторым странам полным распадом. К концу второго президентства Клинтона инфекционные заболевания были названы вопросом повестки безопасности¹⁵. В контексте войны с террором ранг биобезопасности и защиты от инфекционных заболеваний был еще более повышен. Ужасы 11 сентября 2001-го и последовавшая вскоре после терактов рассылка писем с возбудителями сибирской язвы возродили страхи о применении химического и биологического оружия и окончательно перевели здравоохранение в область политики безопасности. Фактор болезней нередко осложняет военное вмешательство в дела других стран или даже служит ему барьером. Серьезным препятствием для всякой интервенции исторически служили болезни, подобные

малярии. Между прочим, в этом одна из причин, почему Соединенные Штаты, по сути, отказались от имперского пути развития. Вскоре после вторжения в Ирак, объясняя «ограниченные амбиции» Америки на Ближнем Востоке, один агент ЦРУ сказал мне: «Мы плохо переносим диарею». Многочисленные случаи явного психического расстройства среди служащих вооруженных сил в результате принятия антималярийных препаратов также умерили желание американцев посылать войска в регионы, где малярия эндемична.

В контексте связи между здравоохранением и безопасностью следует различать три взаимосвязанных вопроса. Первое — это пределы, в которых противоборство с болезнями и развитие здравоохранения можно считать задачей национальной или всеобщей безопасности. Тут мы говорим о распоряжениях, перечнях, правилах, нормах и ограничениях в привычной жизни общества. В истории мы сталкивались с этим несколько раз, начиная с эдиктов и указов властей итальянских городов-государств. Второй фактор — это те малые и грязные войны и конфликты, о которых мы говорили ранее. Наконец, третье — это особая угроза, которая представляет собой ВИЧ/СПИД. Так, Соединенные Штаты несколько раз отказывались от экспедиции американских миротворцев в те или иные регионы по причине распространенности ВИЧ-инфекции.

Восприятие болезней в качестве проблемы безопасности может обладать преимуществами, так как мы часто присваиваем безопасности более высокую значимость, чем здравоохранению. Впрочем, такая расстановка приоритетов весьма сомнительна, как уже было показано на примере сравнения жертв «испанки» — в 1919–1920-х годах и в Первой мировой. Так или иначе, фатализм, способный воздействовать на общественный подход к болезням и здравоохранению, в последние годы отходит на второй план из-за нервозности по поводу биотерроризма. Мы признаем, что об общественном здоровье необходимо думать больше. Вопросы безопасности относятся к одной из немногих областей жизни на Западе, в контексте которых обществу отдается приоритет над личностью. Так, противостояние террористической угрозе привело к определенным ограничениям личных и гражданских свобод. С точки зрения общественного здоровья лечение отдельного человека не есть самоцель, так как речь идет о защите общества в целом. К этой же сфере относятся иные строгие меры безопасно-

сти, такие как энергичное введение карантина, достаточно разумной меры, предоставляя судьбе распорядиться в отношении помещенных вместе зараженных людей. Эксперты, пишущие о сценариях пандемии, например о необходимости огромных запасов вакцины «Тамифлю» для сражения с птичьим гриппом, замалчивают тот факт, что в случае действительно массивной и смертоносной пандемии, западные правительства, вероятнее всего, прибегнут к военизированным мерам, таким как обязательный карантин и тактика снижения ущерба. В таких обстоятельствах гражданам не придется жить обычной жизнью, ходить по магазинам, путешествовать, ходить на работу, на футбольный матч или в кино. Нам следует об этом помнить и, упреждая подобные ситуации, понимать тем не менее, по какому сценарию они могли бы развиваться.

Следует также отметить прямую связь между распространением инфекций и снижением роли безопасности как основополагающего общественного блага. Так, например, несколько новых штаммов ВИЧ, судя по всему, в недавнее время пришли из Бирмы и Конго. Почему эти страны стали «горячими точками» ВИЧ, не вполне понятно. Тем не менее оба региона, как раз ввиду хаоса, нищеты и военных действий, стали рассадником новых разновидностей ВИЧ. Кроме того, Бирма длительное время остается крупным «экспортером» наркотиков и лиц, занимающихся проституцией, а Конго — крупным «импортером» армий и наемников со всей Африки, в дополнение к силам миротворцев¹⁶. Не исключено, что основой для зарождения новых разновидностей вируса служат неблагоприятные факторы, такие как проституция, сексуальное насилие, промискуитет, нищета и употребление наркотиков. Поэтому ожидающим спасительной вакцины против ВИЧ, увы, следует умерить оптимизм.

Усматривается и очевидная связь между распространением болезней, в частности ВИЧ/СПИДа, и деградацией института государства. Ранее мы упоминали о демографическом и экономическом шоке, который может повлечь за собой СПИД. Длительный латентный период этого вируса означает, что человек, зараженный в возрасте двадцати лет, вероятно, умрет после тридцати, то есть в период наиболее высокой экономической и общественной активности. Таким образом, уровень инфицированности ВИЧ представляет собой один из основных факторов предсказания долговременного здоровья, продуктивности и устойчивости государства. Во всемир-

ном справочнике ЦРУ содержатся показатели по заболеваемости ВИЧ/СПИДом, которые, вероятно, вызывают бессонницу у экспертов по Африке в Ленгли. Статистика по заболеваемости СПИДом недооценивает значимость этой проблемы в отдельных демографических срезах, и в первую очередь в армии, где уровень инфицированности обычно в два-пять раз выше, чем в общем по стране. Это ведет к двум последствиям. Во-первых, размещение миротворческого контингента в том или ином регионе может привести к повышению случаев передачи инфекции. Во-вторых, в зонах конфликта заболевание может передаваться посредством обычного полового контакта или изнасилования (в нескольких зонах конфликтов, в частности в Сьерра-Леоне и Ирландии, зафиксированы случаи намеренной передачи инфекции при изнасиловании). Так или иначе, присутствие фактора ВИЧ еще более утяжеляет последствия военных конфликтов. В общем случае это означает, что один из основных институтов государства — вооруженные силы — претерпевают в таких странах вырождение¹⁷.

Одна из проблем восприятия болезни и здравоохранения как вопроса безопасности состоит в том, что таким образом эти вопросы общемировой значимости немедленно заключаются в жесткие национальные рамки. Так необходимость сдерживать вспышку нового смертоносного штамма птичьего гриппа может оказаться нивелированной национальными государствами, ревностно охраняющими свои стратегические запасы противовирусных препаратов. Лихорадочная риторика национальной обороны в применении к болезням может помочь в случае чрезвычайной опасности, но и сдерживать международные усилия по искоренению угрозы. Международному сотрудничеству вредят и общие рассуждения о том, что, дескать, инфекционные заболевания и их распространение могут быть связаны с терроризмом или биологическим оружием. Так, многие помнят безумные измышления, что вирус атипичной пневмонии появился в результате заговора.

Что следует предпринять? Надзор в области возбудителей инфекции требует совместных действий между государствами и внутри стран. Однако сколько бы мы ни рассматривали вопросы всемирного и межправительственного сотрудничества в области противодействия заболеваниям, существует опасность пренебречь коренными недостатками в системе здравоохранения стран, страдающие народы которых и выступают в роли цели междуна-

родных программ развития. Нам известно, что в так называемых южных странах, на юге, наблюдается недостаток и несовершенство самой основной инфраструктуры здравоохранения. Я знаю не понаслышке, что, если бы даже все атрибуты развитой системы здравоохранения, от сети дистрибуции лекарственных средств до аппаратов МРТ, были внезапно по мановению волшебной палочки завезены в африканские страны, значительная часть этих знаний и оборудования пропали бы даром. Во многих из этих стран попросту нет персонала, способного квалифицированно обращаться с этими технологиями и препаратами — медицинских сестер, способных квалифицированно забрать материал для анализа, лабораторных сотрудников, клиницистов и фармацевтов. Многие из квалифицированных специалистов, уроженцев таких стран, сегодня работают в экономически богатых государствах. Решить проблемы, стоящие перед мировой системой здравоохранения, это не просто получить доступ к товарам, таким как препараты или технологии. Речь идет и о способности правильно использовать и распределять такие товары и технологии. Здесь встает целый ряд экономических и политических вопросов государственной жизни. Кампании за справедливое распределение благ, «поход против зла», воплощенного в фармацевтических компаниях или американском империализме, зачастую довлеют в развивающихся странах над коренными недостатками собственной системы и чудовищной неспособностью местных правительств обеспечить хотя бы базовую медицинскую помощь. Государства, которые наиболее агрессивно выступают за лицензирование препаратов-дженериков, такие как Бразилия, чаще оказываются яркими приверженцами развития собственной системы здравоохранения, достигшими в этом секторе определенных успехов. Факт состоит в том, что обязательное лицензирование препаратов, позволяющее относительно бедным странам производить собственные дженерики, представляется довольно бесполезным политическим инструментом в отсутствие собственного производства таких препаратов, их надлежащей дистрибуции и системы эффективного применения.

В 1899 году Редьярд Киплинг советовал Соединенным Штатам (на Филиппинах) взять на себя «бремя белого человека»: «Заставь болезнь отступить и голоду рот закрой». Однако сегодня богатые страны попросту неспособны, даже если принять во внимание «щедрости неокOLONиализма», обеспечить должную систему

здравоохранения на юге. Суверенитет еще не настолько вышел из моды, чтобы мы могли говорить о всемирной системе здравоохранения. Таким образом, нам необходимо предоставлять больше помощи нуждающимся, подобно тому, как это делает Фонд Билла Гейтса для развития системы здравоохранения в бедных странах. Данные программы должны следовать процедурам сотрудничества с местными группами, развития социальной солидарности, как это видно на примере кампании против СПИДа в Уганде. Мы говорим о долговременном проекте, требующем преданности, терпения и желания учиться и обучать. На эмоциональном уровне, казалось бы, следует побуждать богатый север действовать более активно — хотя точных рецептов не дает никто. В ряде случаев нужно понимать, что успешная деятельность для предотвращения бедствий в сфере здравоохранения часто смыкается с социальной работой, а не только с медицинской.

Вопрос об увеличении доступа к жизненно важным медицинским препаратам часто ведет к обличительным рассуждениям, которые, пожалуй, не служат делу. На долю африканских государств приходится от одного до двух процентов в высшей степени прибыльного фармацевтического рынка, общая стоимость которого превышает полтриллиона долларов. Выдача лицензий для производства препаратов или использование дженериков в борьбе с инфекционными заболеваниями не слишком отразится на деятельности фармацевтических компаний, тем более что многие из потенциальных клиентов не смогли бы воспользоваться плодами деятельности этих международных фармацевтических концернов. Значительная часть исследовательских работ и опытных разработок в сфере фармацевтики финансируется университетами, благотворительными фондами и правительствами западных стран, а это означает, что использование дженериков не слишком скажется на принятии решений в области исследований. Но справедливо и то, что существенная часть исследований посвящена как раз таким хроническим патологиям, которые в первую очередь поражают людей на Западе, например ожирение. Таким образом, инфекционные заболевания нередко оказываются за пределами научных интересов. Хотя обвинять фармацевтические компании в пренебрежительном отношении к бедствиям третьего мира весьма удобно, следует помнить и о недостаточности стимулов для развития именно этой области фармакологии и фармацевтики. Следует признать, что развивающийся мир представляет собой не

только крайне сложную среду с точки зрения проведения исследований (как я убедился, посетив несколько исследовательских лабораторий получателей гранта Оксфордского университета в нескольких странах), но и совокупность проблем с точки зрения лицензирования, правовых процедур и общественных отношений. Болезни — это не единственное бедствие развивающегося мира. Здесь мы встречаем также оппортунистически настроенных журналистов и юристов, правительства-паразиты и даже, Боже упаси, завистливые и алчные НКО. Правила и нормы изменяются без всякого предупреждения. Скандал с препаратом «Триван», судебная тяжба в связи с этим антибиотиком компании «Пфайзер» в Нигерии в середине 1990-х годов — это наглядные примеры того, что может произойти, если корпорации (помните фильм «Преданный садовник»?) немедленно обвиняют в заговоре, злом умысле и в сговоре с правительством. Этот судебный случай привел к целому каскаду судебных процессов.

По логике вещей жизненно важные препараты должны быть доступны гражданам развивающихся стран вне зависимости от их экономического положения и покупательной способности. ВОЗ стремится регулировать соглашения в области торговли и защиты интеллектуальной собственности таким образом, чтобы последние не получили примат над вопросами общественного здоровья. Особой чувствительностью обладает вопрос об антиретровирусных препаратах против СПИДа. Несколько стран, включая Бразилию, Индию, Китай, Таиланд, Южную Африку, создали масштабную и процветающую индустрию препаратов-дженериков, а крупные страны, подобно Бразилии, к тому же успешно используют свое экономическое и политическое могущество в целях снижения стоимости сложных терапевтических методов. Однако пройдет еще немало времени, прежде чем цена перестанет быть ограничивающим фактором лечения болезней в бедных странах; и даже при достижении прогресса в этой области вопрос о дистрибуции препаратов не потеряет своей актуальности.

Хотя мы еще очень далеки от всемирной координации исследований в области здравоохранения или объединения ресурсов систем здравоохранения, мы уже отмечаем определенный прогресс, достигнутый ВОЗ, не в последнюю очередь относительно контроля над распространением заболеваний и соответствующей системы предупреждений. Опасения относительно синдрома атипичной пневмонии придали организации определенный полити-

ческий стимул. Разумеется, в современности ВОЗ следует уделять больше внимания смертельно опасным факторам образа жизни, часто сопутствующим экономическому прогрессу — например, ожирению и курению. Ежегодно от инфаркта или инсульта в мире умирают более 17 миллионов человек. Однако в ближайшем будущем основной задачей ВОЗ останется защита мира от эпидемических болезней. Боюсь, что сам эпитет «ближайшее» в применении к будущему может оказаться весьма эластичным. Синдром атипичной пневмонии показал, что в условиях распространения инфекционных болезней возможна координация усилий разных стран. Однако противостояние СПИДу и малярии — это в принципе другая и более сложная задача. В данном случае мы имеем дело с хроническими эндемическими болезнями, которые поражают широкие слои населения в разных странах. Они, к сожалению, часто относятся к «старой нудной сказке», несмотря на то что они настолько же ужасны или даже более ужасны, чем та же атипичная пневмония. Эти заболевания влекут за собой длительное, медленное ухудшение состояния пациента, и смерть зачастую наступает от вторичной инфекции. Перед нами стоят большие и тяжелые задачи.

В 1854 году во время крупной вспышки холеры в Лондоне местный врач по имени Джон Сноу ходил по городу, составляя список клинических случаев заболевания и нанося их на карту города¹⁸. Он пришел к выводу, что всю эпидемию можно проследить до единственного источника — зараженного водяного насоса, который и был немедленно заглушен районным советом. Это положило конец эпидемии. Подход Сноу — применение знаний географии, статистики и общественного устройства — представлял собой принципиально новое направление в медицине. Так медицина вышла за пределы терапии отдельного организма и клинических проявлений: отныне речь шла также об общественном здравоохранении и поведении популяции в целом. Благодаря таким новым течениям мы стали понимать природу и логику распространения заболеваний, а не просто составлять каталоги клинических проявлений и отвечать на них. Мы научились лучше понимать значение случайностей, использованных и упущенных возможностей, которые сыграли роль в порождении болезни. Впрочем, мы всегда использовали это знание крайне неохотно, медлительно, потому что болезнь ведь не придерживается ни справедливости, ни нравственности. Инфекции не останавли-

ваются перед священными коровами. Болезнь не щадит благочестивых, не уважает культурные установки или личные предпочтения. Встать лицом к лицу с реальностью болезни требует огромной отваги, ведь при столкновении с самыми мелкими нашими врагами тускнеют и самые великие идеи.

Если кто-то усомнится в смертоносной поступи болезней, достаточно вспомнить, что убийственные инфекции сыграли зловещую роль в исчезновении с лица земли цивилизаций ацтеков, инков и индейцев Миссисипи. Противоборство болезни требует не просто «исцеления». Исцеление, в конце концов, иногда напоминает магический амулет, так много мы о нем говорим. Мужчины и женщины в белых халатах с пробирками и колбами не обязательно спасут нас от болезней, примерно так же, как Джон Сноу не спас нас от холеры. Всесторонний подход к болезни требует сочетания ответственности и честности. От нас требуется идти на соразмерный риск и осуществлять информированный выбор. Противоборство болезням требует, чтобы мы следовали эмпирическим наблюдениям, медицинским исследованиям и клинической практике. В современном мире угроза болезней, и в частности инфекционных заболеваний, служит наглядным примером того, насколько отжившим и несвоевременным становится понятие суверенитета. Хотя, с другой стороны, тему этой главы я воспринимаю как раз как ту область, в которой суверенитет должен сказать свое решающее слово. Споры о суверенитете в последние годы все чаще сосредоточиваются на обязанности правительств защищать своих граждан, а не подавлять их. Суверенитет — это нечто большее, чем управление ломтем географического пирога в рамках отдельной юрисдикции. Это ответственность за благополучие граждан, что подразумевает эффективную борьбу со смертельно опасными болезнями.

Глава 14

Пусть звенит свобода

Таким образом, наши требования в этой войне несут благо не только нам. Мы желаем, чтобы мир был безопасным и пригодным для проживания. В частности, чтобы он был безопасным для каждого миролюбивого народа, который, подобно нам, стремится жить своей жизнью и определять собственное устройство, а также желает быть уверенным в справедливых и честных отношениях с другими народами и защите от применения силы и своекорыстной агрессии. Все народы мира, по существу, партнеры в этом деле, и мы, со своей стороны, прекрасно сознаем, что без справедливого отношения к другим не будет и справедливого отношения к нам. Так, программа мира во всем мире — это наша программа...

Вудро Вильсон. Вступление к «Четырнадцати пунктам»*. 1918 г.

Лично я чувствую облегчение от того, что у нас больше нет союзников, которых необходимо ублажать.

Обращение короля Георга VI к своей матери, королеве Марии, в июне 1940 г.

Уровень развития этих мест потрясает воображение. Вы знаете, мне приятно осознавать, что я имел к этому какое-то отношение.

Ричард Никсон, при повторном посещении Ханчжоу в 1993 г.

Растущий интерес к физической вселенной услужливо снабжает нас образными клише геополитики. Мы исследуем протоны и Большой взрыв, изумляемся, с какой точностью водород превращается в гелий, поражаемся тому, как много могут рассказать нам камушки и обломки породы о геологических эпохах, с энтузиазмом изучаем жизнь лишайников и поражаемся тому, как жизнь могла появиться из моря и доисторического ила. Однако, пожалуй, движения земной коры — невидимые, перемальвающие все, неотвратимые — дают нам самую удачную метафору современно-

---

* Проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну, разработанный президентом США и представленный конгрессу 8.01.1918 г.

сти. В мировых делах мы словно наблюдаем смещение тектонических плит. В ком мы видим новых лидеров? каков зарождающийся характер власти? насколько эффективно демократии сегодняшнего дня справляются с насущными проблемами и какой ответ они могут предложить Китаю, бросающему вызов идее демократического универсализма? Каковы союзы, ценности, национальные интересы, институты регионального или всемирного управления, которые помогут нам справиться с проблемами, описанными в настоящей книге? Кто и как поможет нам пробраться сквозь эти дебри и предотвратить доведение мира, пораженного спадом, до полного обрушения?

Ранее я упоминал, что для многих день 11 сентября 2001 года означал начало новой эпохи и что события того дня по меньшей мере пребудут в нашей памяти ужасом, свидетелями которого все мы стали. Порою врата истории открываются и захлопываются стремительно и с громким лязгом. «Сегодня мир не тот, каким он был в июле», — сказал посол США в Лондоне президенту Вильсону в октябре 1914 года. «Ничто не осталось прежним». В иное время перемены настигают нас, как участники детской игры «замри — отомри!». Вот они в другом конце комнаты, а вот уже треплют нас по плечу. Возвышение Китая (или, может быть, всей Азии?) происходило по схожему сценарию. Общие настроения на Западе перешли от несколько надменного интереса и удивления к почти что навязчивому состоянию и даже озабоченности, часто движимой узкими националистическими взглядами на экономику. В первое время мы замечали лишь то, что в азиатских странах производят СВЧ-печи и портативные компьютеры. Затем мы подсчитывали выгоду, которую сулит нам Китай, — снижение цен, не говоря уже о снижении учетных ставок в Соединенных Штатах. Затем мы стали замечать, что рост азиатского могущества приводит к потере рабочих мест и закрытию предприятий среднего бизнеса на Западе. Потом последовали миллиардные потери на биржах, заискивание банков-попрошак перед Пекином и другими азиатскими столицами, а также повышение цен на продовольствие и другие товары, вызванное тем, что их покупают и в Китае. Так мы стали задаваться вопросом: являет ли собой переставший быть «красным» Восток больше угрозу, нежели выгоду? Угрожает ли нам азиатский Восток, особенно когда его экономическое влияние стало конвертироваться в политическое могущество, что повлекло за собой вызов

принципам либерализма, которые, как нам казалось, уже завоевали мир. Так внезапно у всех на устах возник Китай с его броской, блистательной Олимпиадой. Но когда мы думали, будто азиатский пейзаж ограничивается Китаем, мы стали замечать с растущим удивлением, что индийцы купили некогда сугубо британские компании, такие, например, как «Ягуар», а также стали главным коммерческим попечителем игры, которую мы (если вы, подобно мне, считаете себя англичанином) считали своей собственной: крикет. Неужто ничего не свято?

В моей жизни было немало мгновений, когда мир, знакомый с детства, менялся на глазах, да так стремительно, как если бы вселенная епископа Беркли теперь расширялась в направлении далеких галактик Азии. Порою предчувствие перемен обманывало меня. Я был на пекинской площади Тяньаньмэнь в 1989 году, за несколько дней до возобновления работы городских служб, ошибочно полагая, что мир становится свидетелем самой важной и глубокой из всех мирных демократических революций. В иных случаях пекинская мозаика таит подлинные перемены. Что производит на меня большее впечатление: строительные ли краны в каждом китайском городе, которые возводят половину всех зданий, что появятся в мире в 2000–2030 годах, или то обстоятельство, что во время моего последнего посещения китайской столицы встречавший меня у трапа молодой дипломат был обут в мягкие туфли с кисточками? Что важнее, тот ли факт, что мой недавно приобретенный итальянский шелковый галстук в действительности изготовлен в Китае, или то, что я недавно провел вполне серьезные, без партийной белиберды, переговоры с китайскими правительственными чиновниками об Африке и Северной Корее. Или, наконец, то, что я только что провел в Лондоне конференцию, посвященную обсуждению современного китайского романа. Индия, пожалуй, посылает в наш так называемый западный мир еще более конкретные сигналы. Вспомним всемирно известные индийские торговые марки, происходящих из этой страны программистов и «удаленных» бухгалтеров, занимающихся в невидимых для нас индийских конторах заполнением налоговых деклараций простых американцев и подсчетом западных счетов. Молодежь дает нам хорошее представление о том, что, возможно, нас ожидает. В то время как я пишу эти строки, четверть студентов школы бизнеса Оксфордского университета — это индусы. Более трети всех математиков на первых или высших курсах уни-

верситета — китайцы. Двери открыты для многих, это безусловно так, но для кого они по-прежнему закрыты? Быть может, только для тех, кто сам захлопывает свою дверь.

Провозглашенные в 1918 году четырнадцать упомянутых выше пунктов Вудро Вильсона (на четыре больше, чем потребовалось Господу, как заметил французский премьер Жорж Клемансо) оставались актуальными на протяжении всего XX века. Они явили собой ответ либерального националиста Ленину, Троцкому и большевистской революции с ее исходной аксиомой, что, дескать, пролетарии всех стран поднимутся на борьбу, следуя примеру своих русских братьев. Приверженность президента Вильсона свободе торговли, самоопределению народов и демократии в конечном итоге превратилась в американскую внешнеполитическую стратегию целого века, хотя и не без фальшстартов. Чтобы стратегия Вильсона стала реальным инструментом политики, Соединенным Штатам пришлось выйти в мир и стать частью мира, пытаясь служить ему образцом¹. В американской патриотической песне «Америка», бывшей прежде гимном США, звучит, что свобода должна звенеть с каждого горного склона в любимой земле свободы. Ее колокола, думаю, должны быть слышны не только в Бостоне или в Сан-Хосе, но и в Гамбурге, Москве и Ханое. К несчастью, после Версальской конференции 1919 года, положившей конец Первой мировой войне, Америка сосредоточилась на себе. Мир волен был идти ко всем чертям. Мир и пошел, да так, что США пришлось вполне предсказуемо иметь дело с последствиями этого в начале сороковых годов. Стратегия Вильсона и тогда воспринималась как идеализированный принцип, а после Второй мировой войны пришло время стряхнуть с нее пыль и вступить в новую фазу развития.

Империи пали вследствие национально-освободительной борьбы покоренных народов, коммунизм был погребен демократией (хотя только после того, как от утопического вируса погибло более ста миллионов человек), а бедность и автаркия во многих частях мира уступили место свободной торговле. На этом пути было сделано немало ошибок и глупостей. Кампучийцев убивали тяжелые американские бомбардировщики или их собственный безумный диктатор. Палестинцы изнемогали от безысходности в пространстве где-то между европейским чувством вины, арабским безумием и израильской неустойчивостью. Слишком много бедных и несчастных людей стали пешками в

чужих битвах или были оставлены на произвол бесчестных правителей. Но известны ли нам более выверенные стратегии мира и процветания, чем вильсоновская концепция, обогащенная прозорливостью Рузвельта, мужеством Трумэна и интеллектуальной ясностью Кеннона? «Пусть звенит свобода» оказалось посланием более гуманным, чем идея Ленина, будто свобода столь дорога, что ее необходимо отпускать по карточкам.

Программу Вильсона часто отождествляли с теорией международных отношений, практическое осуществление которой вступает в противоречие еще с одной теорией. Так, «демократический мир» соревнуется с посылкой о том, что «демократии не способны на внешнюю политику». В голубом углу ринга Иммануил Кант, в красном — Алексис де Токвиль. В сочинениях Канта (это поистине лучшее, что когда-либо произошло из Кенигсберга, ныне Калининграда, российского города, увязшего по прихоти истории в мрачной скудости на балтийском побережье) подразумевается, как говорили впоследствии многие его противники, что демократии никогда не воюют друг с другом. Эта теория вызывает ухмылку у многих людей, которые не способны воспринимать международные отношения без всеобъемлющей гипотезы, в рамки которой они пытаются втиснуть любые события в мировой истории, которые они не слишком тщательно исследуют. Можно долго спорить о том, что подразумевается под демократией и что ведет к войне. Но, пожалуй, достаточно сказать, что ни одна из мировых войн не опровергает теорию Канта. Современный опыт подсказывает, что демократические страны — лучшие из возможных соседей. Особенно в тех случаях, когда демократия не ограничивается время от времени проводящимися выборами. Де Токвиль, в свою очередь, утверждает в труде о демократии Америки, что демократиям сложно держаться длительных обязательств, что они «в большей степени склонны к импульсивности, чем к осмотрительности»; они часто обнаруживают, что внешняя политика подвергается воздействию общественного мнения, и испытывают большие затруднения с решением, касающимся начала войны или ее окончания².

Авторитарные режимы склонны принимать скорые решения втайне от всех. Им не надо объяснять людям логику своих действий (об этом часто говорит Генри Киссинджер), хотя Советскому Союзу, в исторической перспективе, это не слишком помогало. Как

раз из-за проблем, выявленных де Токвиллем в тридцатых годах XIX века, конституция США наделяет институт президентства относительно широкими полномочиями в области внешней политики, а в Великобритании у исполнительной власти больше рычагов влияния на внешнеполитическую деятельность, чем у других ветвей власти. Хотя верно то, что британский кабинет министров и парламент были информированы о готовящемся вступлении страны в иракскую кампанию, ответственность за вступление Британии в войну, несмотря на миллионы протестующих на улицах, лежит преимущественно на господине Блэре. Такое положение дел привело к межпартийному соглашению 2007 года, в соответствии с которым британское правительство впредь не будет иметь права объявлять войну без одобрения парламента. И все же это не изменит основополагающего принципа, в соответствии с которым внешняя политика обычно дистанцирована от институтов народного представительства. Тем не менее демократии предусматривают достаточно действенный механизм наказания тех, кто слишком уклоняется от курса, предписанного общественным мнением, как это показали примеры господина Буша и господина Блэра.

С точки зрения векового или, точнее сказать, полувекового стремления к демократии и свободе вильсонова политика проводилась в жизнь далеко не всегда последовательно. Большая игра велась против советского коммунизма и его — впрочем, довольно умеренных — проявлений в других частях света. Коммунизм проиграл бой в результате нокаута, однако на перчатках участников осталось не так много крови (войны между НАТО и Варшавским пактом не случилось, несмотря на всю кровь, которую проливали их подопечные в третьих странах). Доктрина сдерживания была простой и понятной, и поведение Советов в последние дни Второй мировой войны и после ее окончания позволяло сохранять единство в рядах антикоммунистического альянса. Однако в других вопросах политика была далеко не всегда последовательной. Соединенные Штаты щедро помогали силам, которых они считали антикоммунистическими, вне зависимости от их демократичности, и всегда выступали в защиту стабильности — во всех случаях, когда это отвечало тем или иным национальным интересам США — например, для защиты поставок ближневосточной нефти или защиты демократического Израиля. При этом американцы не принимали во внимание то обстоятельство, что для достижения

этих целей они в ряде случаев поддерживали тиранические режимы. Такая политика проявилась со всей наглядностью при президенте Буше, который во время турне 2008 года по Ближнему Востоку, посещая далеко не самые демократические Кувейт, Абу-Даби, Саудовскую Аравию, Египет и Бахрейн, лишь вскользь упоминал о демократии. Помощник президента США по национальной безопасности Стив Хэдли, комментируя эту поездку, уверил мировую общественность, что «эти ребята следуют программе свободы, но делают это по собственной методике». Их собственная методика, по-видимому, не включает предоставление права выбора собственному народу. Есть несколько способов скомпрометировать демократию, и флоридский инцидент при подсчете голосов во время выборов президента (им стал Джордж Буш) в 2000 году был одним из сбоев системы.

После Второй мировой войны американское экономическое превосходство позволило развиваться мировому сообществу со стабильной международной валютой, корпоративной моделью, добросовестной деловой практикой и постоянно расширяющимся открытым рынком, на котором все страны мира могли продавать свою продукцию. Американские потребители вполне заслужили нашу благодарность. Вслед за европейцами выгоду из создавшихся условий извлекли восточноазиатские «тигры», начиная с Японии и включая Тайвань, Южную Корею, Гонконг и Сингапур. За ними последовали другие государства АСЕАН. Было время, когда Япония воспринималась в США как главная угроза: японский экспорт, например, автомобилей рос, как на дрожжах; ее бизнес-модели повсеместно перенимались; золотовалютные резервы росли; капиталовложения в американскую недвижимость и корпорации достигли невероятных значений. Япония восхищала или пугала. К концу восьмидесятых годов XX века шесть из десяти крупнейших мировых банков по рыночной стоимости были японскими. В 1986 году Банк «Сумитомо Мицуи» купил значительную долю активов инвестиционного банка США «Голдман Сакс». Затем последовал экономический спад 1990-х годов, и пузырь японской недвижимости и фондового рынка лопнул. Плохие кредиты составили примерно пятую часть ВВП. Япония потеряла почти десятилетие из-за политического руководства, которое интересовала экономика, но не политические реформы. Тут внезапно обеспокоенность стала вызывать не процветающая, а сползающая в кризис Япония. В других восточноазиатских странах

прогресс удавалось удерживать на основании выигрышной комбинации, которую я описал в книге «Восток и Запад» почти десять лет назад — политическая стабильность, инвестиции в образование и здравоохранение, аграрная реформа, поддержка — с различной степенью государственной поддержки — частного предпринимательства и экспорта. Пожалуй, ни одна страна не была настолько привержена принципам либерального рынка, как Гонконг, но можно сказать, что экономика росла во всех восточно-азиатских странах, чему сопутствовал рост среднего класса и снижение числа бедных.

В шестидесятых — семидесятых годах XX века Соединенные Штаты ввязались в прескверную войну ради спасения Юго-Восточной Азии от наступавшего коммунизма. Так или иначе, но ко времени разгрома США во Вьетнаме коммунизм уже направлялся на помойку истории, изъеденный изнутри идеологической несостоятельностью и экономической безграмотностью. Как система коммунизм заезжен буквально до смерти: все, что от него осталось, если не считать жалких руин Северной Кореи и облупленных домов на бульварах кубинских городов, это шелуха автократии и ленинистская политика, поддерживаемая некоторыми элементами протокапитализма. Америка проиграла вьетнамскую войну, но выиграла поствьетнамский мир.

Нигде перемены не были столь драматичны, как в Китае, где руководство случайно вступило на верный политический курс. После неудачных попыток 1970-х годов найти достаточные запасы нефти, для финансирования десятилетнего плана, а также столкнувшись с растущим экономическим кризисом, вызванным безумным правлением Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин и его главный экономический советник Чен Юнь ослабили ограничения на производство сельскохозяйственной продукции, и полуосвобожденные селяне взяли дело в свои руки. Как только двигатель экономики заработал, удивляться осталось не столько поразительному экономическому росту, столько тому, как же Китаю удавалось избегать этого роста в предшествующие десятилетия. Мы наблюдали восстановление значимого места Китая в мире. До промышленной революции [начало XIX в.] на долю Китая приходилась примерно треть мирового ВВП (если присовокупить к этому Индию, то эта доля возрастет до половины, хотя показатели душевого благосостояния были значительно ниже, чем на Западе). Затем последовал длительный упадок династии Цинь и

многочисленные войны. Китай был разграблен колониальными державами, не в последнюю очередь Великобританией в XIX веке. А в XX его разрывали на части войны между коммунистами и националистами, а также агрессия Японии, и наконец страну объединил диктатор, которого уважают за восстановление единства Китая, хотя его мания и заковала страну в цепи. Впрочем, для рабочих китайских заводов, принадлежащих тайваньской контрактной компании «Ю Йен», которая производит спортивный инвентарь для фирм «Найк», «Пума» и «Адидас»; для работников предприятий также тайваньской компании «Хон Хай», производящих товары для «Хьюлетт Паккард», «Делл» и «Эппл»; для 240 тысяч человек, работающих в сборочных цехах компании «Фоксонн» в Шеньчжэне; для китайских семей, недавно приобретших автомобиль «Чери», квартиру или DVD-проигрыватель, все это уже стало историей. Впервые за последние два века люди в Китае стали ближе к комфорту. Заслугу необходимо приписать Дэн Сяопину и его последователям, не забывая о том, что экономический рост Китая оказался весьма благотворным и для нас.

Китай штурмовал мировые рынки благодаря скорости и относительно дешевизне промышленного производства (хотя порой произведенные в Китае товары — от шин для грузовых автомобилей до детских игрушек и зубной пасты — оказываются небезопасными). Многие китайские фирмы, обычно достаточно небольшие, используются в качестве предприятий промышленного аутсорсинга иностранными компаниями. Наибольшую прибыль от подобной деятельности получают мировые торговые марки, организующие производство в Китае, и розничные торговцы. В мире не так много широко известных китайских марок — пожалуй, можно упомянуть «Леново», купившую технологию и бренд «Синкпэд» у Ай-би-эм и пиво «Циндао» (продукция этой пивоварни хорошо известна мне и, пожалуй, еще Гельмуту Колю, которому я однажды это пиво порекомендовал). Нет никаких очевидных экономических причин, по которым такой промышленный рост Китая не будет продолжаться, принимая во внимание, что современная рецессия вряд ли окажется затяжной. Рынок труда не представляет собой проблемы в стране, где семьсот миллионов человек все еще живут в сельской местности. Многие из этих крестьян так же умны и способны к образованию, как молодая красавица в очаровательном романе Дай Сы-цзе «Бальзак и

портниха китаяночка», и они так же хотят избежать невыносимой тоски и бедности сельской жизни. Нет причин полагать, что мы увидим снижение темпов роста производства, при условии что государство в Китае продолжит приватизацию национальных компаний с целью расширения частного сектора. Основным вопросом продолжает оставаться деполитизация кредитов. Политический контекст этой проблемы я покажу ниже.

Что касается развития собственно технологий, Китай, очевидно, отстает от Индии, например, в инновациях, а также теряет 70 процентов от миллиона молодых китайцев, уезжающих ежегодно за рубеж для прохождения обучения и по окончании университетского курса предпочитающих остаться в стране пребывания. До настоящего времени Китай решал эту проблему тройственным образом. Во-первых, он покупает необходимую технологию, как, например, двигатель для автомобильной «Чери». Во-вторых, Китай приобретает технологию — от производства полупроводников до изготовления турбин и генераторов — посредством создания совместных предприятий. В-третьих, Китай обладает сомнительной репутацией в области интеллектуальной собственности, так что она превосходит даже печально известную «пиратскую» историю Америки в XIX веке (когда Чарльз Диккенс ворчал о дешевых пиратских изданиях своих произведений в США). Джеймс Киндж вспоминает историю японской компании «Ямаха» (компания, господствующей в отрасли промышленности, которую британцы некогда считали собственной), которая в течение ряда лет работала над разработкой дешевой модели мопеда для китайского рынка. В течение нескольких месяцев после изготовления и начала продаж модели «Динбао» в 1995 году точные копии этого мопеда уже производились на 36 китайских заводах всего за треть начальной цены³.

Размеры Китая, объем инвестиций в китайскую экономику, приближающихся к 90 миллиардам долларов в год (несмотря на более низкие проценты возврата инвестиций, чем в других частях Азии), необходимость наверстывать упущенные десятилетия, трудолюбие и необузданное предпринимательское рвение народа — все это подразумевает, что тенденция бурного двузначного роста в Китае вполне может продолжиться при условии сохранения и открытости экспортных рынков. Китай — отчасти в силу численности населения и относительно благоприятной деловой среды — оставался крупнейшей экономикой мира на

протяжении восемнадцати из последних двадцати столетий. Не будет удивительно, если Китай пребудет таковой и на протяжении наступившего столетия, хотя он не станет таким богатым, как США или Европа, с точки зрения душевого благосостояния. Кроме того, население Китая, в отличие, например, от Индии, имеет тенденцию к старению. К 2040 году треть населения Китая, или 400 миллионов человек, будет находиться в возрасте старше 60 лет. Наконец, Китаю предстоит найти путь в очень бурном политическом море — и, похоже, без ясной карты.

Китайские руководители гордятся своей пресловутой способностью окидывать мысленным взором гораздо более длительную, по сравнению с остальным человечеством, историческую перспективу. Есть в этом что-то от синдрома Срединного царства. За пределами Великой стены горизонты якобы сужаются. Напротив, ясновидцы, сидящие в Пекине, способны видеть гораздо дальше. Один из многочисленных анекдотов, возможно апокрифичный, который питает эту самопровозглашенную способность китайского руководства, относится к Чжоу Эньлаю, премьер-министру Китая при Мао Цзэдуне — деятелю гораздо более дальновидному и цивилизованному, чем его шеф (достижения которого оказались весьма скромными). Когда его спросили о результатах Великой французской революции, он, говорят, ответил, что об этом еще слишком рано судить. Я никогда не понимал, почему эти слова следует воспринимать как отражение мудрости и глубинного понимания исторических процессов. В конце концов, все мы прекрасно знаем, что произошло вследствие Французской революции. Все мы страдали от романтического национализма и утопии. Ответом на этот вопрос можно заполнить тысячу томов. Сегодня, при всем восхищении интеллектуальными способностями китайских премьеров последних лет — Чжу Жунци и Вэнь Цзябао, мне не кажется, что кто-либо из китайского руководства способен заглянуть в историю дальше, чем их коллеги в других частях света.

Иными словами, китайские руководители просто пытаются решить насущные вопросы сегодняшнего дня, прежде чем перейти к решению насущных вопросов дня завтрашнего. Причина этого отчасти в том, что страна настолько велика, система управления запутанна, а проблемы огромны, что удастся реагировать только на проблемы сегодняшнего дня. Спрос на пшеницу да еще болезнь свиней повышают цены на продовольственные продукты

для трудового населения — как справиться с этим без последствий для политической стабильности? Организация Олимпиады и 20 тысяч иностранных журналистов, рыщущих по стране в поисках признаков дестабилизации, — как удержаться и не позволить вскипеть политическому котлу? Растущий протекционизм западных стран угрожает экспорту — как успокоить американский конгресс и европейские парламенты? Тибетцы протестуют против угнетения — как разместить в Лхасе больше вооруженных полицейских подразделений и держать подальше от Тибета телевизионных журналистов?

Ранее я упоминал вполне понятную озабоченность китайского руководства социальным равенством и состоянием окружающей среды. В Китае на востоке восходит не только настоящее солнце, но и солнце экономики. Экономический бум начинается в прибрежных провинциях и идет вглубь континента. Однако многие регионы страны все еще существенно отстают от развитых, тогда как в ряде процветающих регионов загрязненный воздух вызывает кашель и болезни. Высокий уровень загрязнения окружающей среды считается одной из причин врожденных пороков у новорожденных в угледобывающих областях, а состояние экологии одна из причин повышающейся смертности от рака — до полутора миллиона человек в год, согласно министерству здравоохранения Китая. Очевидно, что с двумя этими проблемами будет очень сложно справиться, если, в соответствии с многочисленными прогнозами, экономический рост затормозится. Однако и экономический рост сам по себе не предлагает ответов на все вопросы. Более того, экономический рост поднимает в Китае, в сущности, экзистенциальный вопрос, на который пока еще, похоже, не могут найти ответа ни в одном из интеллектуальных центров страны. С одной стороны, позиция сторонников жесткого курса, которые против чересчур быстрых рыночных реформ, с другой — реформаторов, которые хотят еще больше ослабить государственный контроль. Первые опасаются, что если партия продолжит либерализовать экономику, в частности предоставляя кредиты согласно рыночным, а не политическим критериям, продолжая приватизацию крупных государственных предприятий, поощряя все большую вовлеченность иностранных компаний в экономику, то рано или поздно потеряет контроль над государством. Реформаторы же утверждают, что если рыночным силам не будет позволено действовать в рамках всей экономики, то это приведет к снижению

иностранных капиталовложений, темпов роста производительности, а также затормозит рост и приведет к росту безработицы. В таких обстоятельствах, утверждают сторонники либерального курса, партия точно потеряет контроль над государством. Историческая дилемма Китая, в мирном разрешении которой все мы заинтересованы, состоит в том, что оба эти аргумента верны. Китайское руководство просто не знает, в какую сторону поворачивать. Правительство предлагает лозунги, иногда поддерживаемые политическими мерами, чтобы снять остроту проблем. Подход президента Ху Дзиньтао к вопросам социального равенства и окружающей среды основывается на концепции гармоничного общества и научного развития. Но эти ориентиры фактически не предлагают ответа на фундаментальные, по сути, экзистенциальные вопросы. Не предлагают они и ответа на вопросы о растущей безработице в пораженных кризисом областях, где закрываются заводы, а работники возвращаются в свои деревни и села. У политического компаса китайского руководства, хотя настоящий компас был изобретен именно в Китае, похоже, нет магнитной стрелки.

В Китае не осталось марксизма, хотя все еще присутствуют фрагменты ленинизма. Революционный пролетариат в облике партийного руководства, во многом состоящего из младшего поколения когорты китайской номенклатуры, диктует политику, весьма отдаленно напоминающую социализм. Правда, что условия жизни во многих заводских общежитиях аутсорсинговых предприятий и в китайских селах, обойденных прогрессом, не слишком отличаются от тех условий, которые в свое время породили социализм. Социализм с китайским лицом — это пустая фраза. Потемкинские фасады политической философии не более чем видимость, тогда как рыночный капитализм с китайскими особенностями по меньшей мере может служить отправной точкой в рассуждениях. Однажды меня попросили выступить с лекцией в Китае на тему, родственную сердцу людей, подобных Питеру Мандельсону и Дику Моррису — политиков «постидеологической» эпохи. Эпоха для кого-то, может, и «постидеологическая», но не для тех из нас, кто упрямо считает, что экономический и политический либерализм так или иначе взаимосвязаны. Я не принадлежу к сторонникам «постидеологических» дебатов. Я враждебно отношусь к любой форме авторитаризма и нарушения прав человека. Не станем отрицать, что сегодня китайский народ находится в гораздо

лучших экономических условиях и гораздо более свободен, чем это было на протяжении десятилетий. Однако необходимо ли для того, чтобы этот процесс продолжался, сохранять систему, подавляющую всякое инакомыслие? Можно ли считать, что Китай способен процветать, только если Коммунистическая партия — идея которой состоит в ее бессмертии — продолжит оставаться у власти, непроницаемая и не подлежащая критике, недвижимая? Можно ли полагать, что история, которая якобы все еще ждет оценки результатов Французской революции, на стороне этой гипотезы? Мне это кажется весьма сомнительным. Неужто человек рождается свободным везде, но не в Китае?

Поиск ответов на эти вопросы ведется в китайских академических и партийных исследовательских институтах. Китайский интеллектуал — это не вымерший вид. Британский политолог Марк Леонард пронизательно пишет о течениях мысли и идеях, предлагаемых сегодняшними интеллектуалами партии (обратите внимание на охват аудитории)⁴. Господин Леонард задается вопросом: «Что думает Китай?» Наверное, ответ на этот вопрос выходит далеко за рамки настоящей книги. Конечно же, мыслящие люди в Китае не перестают искать ответы на неразрешимый, вообще-то говоря, вопрос: как наполнить смыслом демократию, не подразумевающую выборы во властные структуры? Так, обсуждаются эксперименты с сельским демократическим управлением или более широкий список кандидатов при партийных выборах, а также расширенные политические консультации и участие граждан в процессе принятия решений. Не следует забывать, что метрополии в пору заката колониализма, например британцы в Индии, уже предпринимали подобные тщетные попытки, дабы остановить или повернуть вспять волну национально-освободительного движения. Но всякие дискуссии о предметах, подобных верховенству права или влиянию технологий на плюрализм, иссякают и, в сущности, безнадежны, так как ведут к допущению, что демократия — это вовсе не то, что о ней думают, что те, кто ее исповедует, в реальной политической жизни поступают совершенно иначе, что демократии присущи огромные недостатки (да горят синим пламенем «флоридские мошенники»!), что в выборах часто побеждают весьма сомнительные личности и что, в сущности, демократия ведет... к хаосу. Так или иначе, подобные суждения выливаются в атаку на вильсонизм, и в этом состоит главная угроза для США и Запада в целом: речь идет не о росте экс-

порта, а об опасности для демократии, о необходимости размежевать понятия бурно развивающейся экономики и ленинизма. Какой уровень ВВП можно гарантировать, если запереть в тюрьму своих оппонентов и заткнуть рот журналистам?

Но довольно повторять, что демократии присущи недостатки. Это мы уже слышали. Платон недолго любил демократию: она, считал он, приводит к власти людей алчных и праздных, которые неизбежно приканчивают людей благородных, подобных Периклу (он, кстати, погиб от чумы), тех самых, что дали народу демократию. В глазах мыслителей Возрождения демократия сеяла мятеж, а в эпоху Просвещения она воспринималась как угроза нравственности. Американские отцы-основатели считали, что она приведет к экспроприации собственности, а противники демократии в Великобритании пуще огня боялись навлечь на страну ужасы революционной Франции. Тем не менее мы убедились, что демократия, при всех ее недостатках, представляет собой лучшую гарантию прав человека и стабильности и наиболее приемлемую среду для устойчивого развития, учитывающего особенности его социального положения. Этому учит нас XX век, несмотря на все недостатки и несправедливое, в глазах многих, распределение приобретений и потерь при демократическом устройстве.

Философия «выхода в мир» не только сопутствует китайской политике удовлетворения потребительского спроса, но и служит сопутствующим посланием для всего мира, отрицающим необходимость фундаментальных изменений в стране. «Выйти в мир», чтобы сказать, что Китай сумел прийти к процветанию без демократических реформ. «Выйти в мир» и объяснить правителям, что основное право человека — его благосостояние, а не право голоса. «Выйти в мир» и объявить, что на первом месте — экономическое развитие, и лишь на втором, да и то с оговорками, политическая реформа. «Выйти в мир» и напомнить, что принципы Вестфальского мира незыблемы, что права государства выше прав граждан и что никто не вправе вмешиваться во внутренние дела Китая или во внутренние дела любого другого суверенного государства. «Выйти в мир» и указать всем на лицемерие Америки и Европы. «Выйти в мир» и напомнить всем, что случилось в России, когда политическую реформу поставили впереди экономической. Неужто именно такую катастрофу Запад хочет видеть повсеместно, закрывая глаза на бедствия, порождаемые пресловутой западной политической этикой?

У Китая есть единомышленники и соратники, в частности Россия. Россия, экономику которой до недавнего времени поддерживали высокие цены на нефть и газ, а национальную гордость — хвастливая агрессивность, солидарна с Китаем и утверждает, что успехи капитализма не обязательно связаны с той формой демократии, которая установилась на Западе. И здесь Вильсону противостоит идея нелиберального капитализма. Россия утверждает, что она — демократическое государство, «суверенная демократия», тогда как однажды она была «народной демократией». Мне кажется, есть закономерность, что когда слово «демократия» употребляется с каким-либо определением, то такая форма государственного устройства довольно далека от демократии. Шанхайская организация сотрудничества, в которую входят Китай, Россия и государства Средней Азии, показывает среди прочего, что она готова противостоять господству трансатлантического сообщества в мировых делах. В ООН Китай втайне сотрудничает с исламскими и другими государствами, дабы размыть авторитет Совета по правам человека ООН и подвергнуть обструкции исходящую из него критику. В Совете Безопасности Китай и Россия выступают в защиту государств, подобных Судану, Бирме [Мьянма] и Зимбабве, часто воспринимаемых как изгои в США, Европе и в их странах-союзниках. Впрочем, в ряде вопросов Китай все чаще выступает как великая держава, заинтересованная в сохранении стабильности. Так, Китай постепенно вынудил своего беспокойного клиента — Северную Корею — начать диалог о ядерном оружии с неохотно вступившими в него Соединенными Штатами. Китай все чаще поддерживает миротворческие операции ООН и посылает на участие в миссиях ООН свои контингенты, выступает за осторожность и продолжение диалога в Хартуме. Китай несколько отдалился от безумного зимбабвийского диктатора Мугабе (хотя по-прежнему поставляет ему оружие) и посоветовал бирманским генералам переговоры вместо танков, если они хотят удержать власть. Наконец, Китай все более мастерски проводит дипломатию, главная идея которой в целом расходится с мировоззрением, за которое сражались и жертвовали жизнями американцы, европейцы, канадцы, австралийцы и их союзники.

Как поступать нам, на Западе? Китай являет собой самый успешный пример страны, достигшей в последние годы относительного процветания в политическом и экономическом простран-

стве, созданном главным образом Соединенными Штатами, — и все же Китай отказывается принимать этические основы этой системы. В первую очередь мы не можем просто пренебрегать смещением чаш экономических весов. Доля Америки в мировой торговле значительно снизилась, доля Европы возросла лишь ненамного. Как государство-должник, США вынуждено прибегать к помощи стран Персидского залива и Азии. Тем не менее США остаются единственной сверхдержавой мира. И «мягкая сила» США, связанная, в частности, с привлекательностью Америки для студентов, ученых и вообще иммигрантов, все еще имеет большое значение в мире, несмотря на некоторое ослабление этого фактора в последние годы. Кроме того, Америка — это единственная страна, которая имеет вес везде, на каждом континенте. Америка — это единственная страна, способная возглавить движение к многосторонним международным отношениям, где региональные и глобальные проблемы будут решаться на основе подлинного партнерства. Однако возвышение Китая и Индии означает, что США придется работать с этими азиатскими странами в формировании политики и возрождении учреждений, необходимых для решения проблем, поднятых в настоящей книге. Америке придется сотрудничать с Китаем, не поступаясь вильсоновой этикой. Америке придется более последовательно и внятно интегрировать политические принципы в политические программы. Сложность внешней политики в условиях открытой демократии состоит в ясном представлении целей политики, которые должны соответствовать национальным интересам и либеральным, демократическим, плюралистическим ценностям. Выдвижение президентом Бушем «программы свободы» не было ошибкой. Беда в том, что он преследовал эту программу неуклюже и неверно. В конце концов это привело к ущербу как для национальных интересов Америки, так и для заявляемых ею ценностей.

Президент Обама пришел в Белый дом с твердым намерением вести совершенно иную политику, согласно которой дипломатия должна основываться на силе примера. Так, новоизбранный президент ясно сознавал, что если его государству суждено развивать демократические ценности, плюрализм и верховенство права за рубежом, то Америке следует в первую очередь заняться этим у себя дома. Непозволительно давать согласие на применение методов физического воздействия, или замалчивать пытки, или пускаться в споры о смысле этого понятия. Необходимо просто оста-

новить практику пыток. Именно это сделал Обама по приходе в Белый дом. Необходимо придерживаться взятых на себя международных обязательств. Недопустимо идти в обход установившихся международных норм процессуального характера. Недопустимо сажать людей в тюрьмы за пределами страны и без доступа к правосудию. Недопустимо заглушать ярость людей, недовольных положением дел. Несмотря на все присущие ей недостатки — власть денег, влияние лобби, значительную специфику выборного процесса, — президентская кампания в США обладает своего рода магнетической силой. Президентская кампания Демократической партии 2008 года наполнила энтузиазмом сердца людей на всех материках. В истории найдется не так много примеров «мягкого влияния» или «мягкой власти» Америки. Неужто же душевный подъем стольких людей за пределами США, наблюдавших за демократией в действии, никак не связан с формой правления в их собственных странах?

Разрешение внутренних проблем должно быть, по идее, относительно простой задачей. Однако для того, чтобы распространять свободу и демократию за рубежом, нужно понимать, что это не избирательная политика. Нельзя выступать за демократию в Индии, но не особо интересоваться ею в Пакистане. Нельзя утверждать, что вы сражаетесь за демократию в Афганистане, но игнорировать ее в Узбекистане. Необходимо быть последовательным, хотя это не означает отказа от национальных интересов или принуждения мира к единой модели демократизации. Последовательная политика в области развития демократии подразумевает три принципа. Во-первых, должна существовать разница в отношениях с государствами, разделяющими основные ценности либеральной демократии, и с теми, которые их не разделяют. Насколько бы мы ни были заинтересованы в конструктивном сотрудничестве с Китаем, должно существовать качественное отличие в отношениях Запада с демократическими Индией, Бразилией или Южной Африкой, с одной стороны, и Китаем — с другой. Во-вторых, несмотря на необходимость вести переговоры со всеми сторонами, нужно положить конец самоцензуре при встречах с участниками международного процесса, не разделяющими эти ценности. Так, вежливое, но твердое утверждение позиции по правам человека не тождественно жертвованию деловыми интересами. Если же это так, то, пожалуй, это деловые интересы, без которых можно обойтись. В международных отношениях

крайне важно снискать уважение и репутацию. В-третьих, необходимо на словах и на деле демонстрировать, что плюралистичная демократия и защита прав человека — это не «западный рецепт». Это понятие имеет общемировые корни и всеобщую ценность.

Распространению и развитию свободы способствуют хорошо известные, зарекомендовавшие себя инструменты. Речь идет об образовательных программах и фондах создания институтов, организаций гражданского общества, а также правительственных структур. Речь идет о схемах и моделях поддержки свободных СМИ (я участвовал в этой работе, будучи европейским комиссаром, когда мы помогали в развитии демократических газет и радиостанций в Сербии Милошевича. Речь идет о проектах помощи, обуславливающих экономическую помощь прогрессу в системе управления. Мы знаем и то, что не может сработать: демократию не принести на штыках, то есть посредством военного вторжения). Вторжение в Ирак якобы должно было привести к установлению демократии от Сирии до Саудовской Аравии, как предсказывал наряду со многими другими сенатор Маккейн. Не думаю, что подобный подход будет испробован когда-либо еще. Небесполезно также заняться разрешением вопросов, которые вызывают ярость у мировой общественности и создают впечатление, что в стремлении к свободе и демократии государство применяет двойные стандарты. Это, например, проблема, стоящая перед США на Ближнем Востоке, в частности в контексте палестино-израильского противостояния. Парадоксально, но в этом случае мы имеем дело с демократическим государством, окруженным, по крайней мере до недавнего времени, соседями с жесткими авторитарными режимами. Это вопрос, раздувающий пламя ненависти мусульман, и в особенности арабов, к США, по причинам одновременно искренним и лицемерным. Это также вопрос, в полной мере демонстрирующий мудрость наблюдения де Токвиля о сложностях ведения внешней политики при демократии.

Американо-израильские особые отношения основаны на ряде предпосылок, отчасти веских, отчасти же шатких и эфемерных. Европейцы чаще всего колеблются между жесткой критикой и нежеланием понять эти отношения и опасностью навредить или скомпрометировать отношения между США и Израилем. Результатом этого стало то, что, несмотря на личные усилия представителя ЕС Хавьера Соланы, Европа почти ничего не сделала для того, чтобы разрешить кровавый конфликт. В Европе мы с гораздо

большей неохотой критиковали политику Израиля, чем многие израильтяне. При этом мы выписывали чеки палестинцам и заламывали руки из-за продолжающегося кровопролития. За 2000–2008 годы Европейская комиссия предоставила помощь Палестине, Западному Берегу и сектору Газа примерно на три миллиарда евро. Около 50 миллионов евро было истрачено на физическую инфраструктуру сектора Газа. Большая ее часть была разрушена в прах израильскими силами обороны во время удара по силам ХАМАС в секторе Газа в новогодний период 2008–2009 годов. После завершения военной операции Европа предложила финансовую помощь для восстановления разрушенных районов без какой-либо гарантии, что и эти новые капиталовложения не превратятся в груды бетона и перекрученной металлической арматуры.

Наиболее серьезной европейской инициативой на Ближнем Востоке была так называемая дорожная карта мира 2002 года, изначально подготовленная Данией, затем поддержанная остальной Европой, США, Россией и ООН. В «дорожной карте» предлагалось понятие параллельных, а не последовательных действий и усилий по достижению мирного урегулирования. Предполагалось, что обе стороны в конфликте пойдут на уступки одновременно, чтобы не оправдывать бездействие невыполнением другой стороной своих обязательств. Однако «дорожная карта» никуда не привела, в первую очередь потому, что Европа, так же как и остальные участники инициативы, так называемый квартет, не желала настаивать на реальных действиях Израиля и Палестины. Таким образом, израильтяне вновь не получили безопасности, которой жаждут много лет, а палестинцы остались без государственности, способной принести им вполне заслуженный мир и процветание. Это чудовищная трагедия, которая отравляет международную обстановку и имеет далеко идущие последствия.

Особые отношения Америки с Израилем не уникальны. Этнические диаспоры и общие институты и идеологические установки позволяют Америке поддерживать тесные связи с самыми различными государствами мира. При этом следует признать, что израильское лобби обладает особым весом и влиянием и что в американо-израильских двусторонних отношениях присутствуют элементы весьма нездоровые⁵. Исторически эти отношения обусловлены сионизмом, то есть стремлением евреев к обретению родины, — политическая задача, разрешение которой стало неизбежным после Холокоста, — а также предпринимавшимися

Западом в годы холодной войны попытками сдерживать коммунистическое влияние на Ближнем Востоке и деколонизацией Ближнего Востока, наряду с растущими антизападными настроениями. Поначалу Америка не воспринимала Израиль естественным союзником в регионе. Однако исторические обстоятельства — рост арабского фундаментализма, развал европейских империй, начало холодной войны — привели к сближению двух государств. При всей озабоченности поставками нефти США, как оказалось, выбрали себе в самые близкие региональные союзники единственную страну, не обладающую нефтью. Вместо того чтобы распространять американское влияние в регионе (такова была цель США во время Суэцкого кризиса), Вашингтон подружился с тем единственным государством, которое гарантированно снижает американское влияние на Ближнем Востоке. Шестидневная война 1967 года привела к крушению панарабизма. Великолепная победа Израиля в этой войне против гораздо более сильных и поддержанных Советским Союзом врагов снискала Израилю чрезвычайное расположение и восхищение американского народа и большинства европейцев.

Война за культурные ценности в Соединенных Штатах в 1970–1980 годах разделила страну на так называемое молчаливое большинство и на громких левых, среди которых было множество людей либерального мировоззрения. Так пролегла река между американцами, которые в июле 1969 года смотрели в семейном кругу запуск «Аполлона-11» и высадку первого человека на Луну, и теми, кто месяц спустя отправился в грязный Вудсток, чтобы слушать рок и упражнения в риторике. В то же время американцы, униженные и уязвленные вьетнамской войной, считали, что их положение и значение в мировых делах постепенно снижается, притом что врагов в мире становится все больше, а друзей все меньше. Для большинства робких и молчаливых американских граждан одним из любимых героев был Грязный Гарри из серии голливудских фильмов [в том числе «Блюститель закона», 1976], полицейский, в прошлом воевавший во Вьетнаме, беспощадно наказывающий революционеров-хиппи и левацких террористов. Но был еще и Израиль, отвечавший целому ряду традиционных американских ценностей и идей — демократии, свободе от угнетателей, бегству от европейской несправедливости и бесправия, идеалам битвы с алчными, агрессивными соседями.

Однако демографическая ситуация в Израиле быстро менялась по мере того, как евреи-ашкеназы, выросшие в условиях центральноевропейских городов и часто исповедовавшие социалистические взгляды, постепенно уступали место сефардическому еврейству Ближнего Востока и новым иммигрантам из России и стран Варшавского договора. Политика в Израиле стала принимать выраженную религиозную окраску и отличаться жесткостью с возвышением Национально-либеральной партии Ликуд и ее победой на выборах в 1977 году. До окончания холодной войны Израиль был ценным союзником США, ибо служил противовесом арабскому радикализму и советскому влиянию. После окончания холодной войны главная дипломатическая роль Израиля состояла в решении палестинской проблемы, а также в перипетиях общего арабо-израильского конфликта и парадигме отношений между Западом и исламским миром в годы так называемой войны с террором. В этот период непримиримость, провокационный характер действий, непропорциональный ответ на террористические акты и медлительность в дипломатических средствах осложнили отношения Запада с государством Израиль. Нельзя говорить, что вина в конфликте лежит исключительно на одной стороне. Когда в 2000 году Ариэль Шарон посетил храм Аль-Шариф (Храмовая гора в старом Иерусалиме) в сопровождении полицейского эскорта, его намерения, казалось бы, состояли в том, чтобы устранить всякую перспективу мирного урегулирования. Так оно и произошло. ХАМАС и Бригады мучеников аль-Аксы начали вторую интифадую или восстание, хотя, впрочем, им вовсе не стоило реагировать на демарш Израиля, следуя рефлексу согласно теории Павлова, такое мнение, пожалуй, могли бы поддержать Ганди, Мандела или Гавел. События эти стали частью кажущейся бесконечной череды трагических обстоятельств. Палестинцы реагируют на то, что совершили израильтяне вчера, а затем израильтяне реагируют, причем с гораздо большей силой, на действия палестинцев, совершенные сегодня. Одним из последних столкновений в этой трагической цепи событий стал конфликт, когда в ответ на ракетные удары в самом конце 2008 года по южному Израилю из находящегося под контролем боевиков ХАМАС сектора Газа, повлекшие смерть и ранения невинных граждан, Израиль ответил массовой военной операцией. За три недели операции погибли 1300 палестинцев, тысяча были ранены и остались без крова, и каждое седьмое здание на территории сектора Газа было полностью или

частично разрушено. Возможно, эти действия случайно совпали с избирательной кампанией в Израиле (во время которой возросло влияние крайне правых), а также с последними днями президентства Буша перед инаугурацией президента Обамы. Так или иначе, мировое сообщество оплакивало жертвы, критиковало ХАМАС за провоцирование трагедии в Газе и выражало благочестивое желание обеим сторонам скорейшего завершения конфликта. Иными словами, жизнь продолжается. Политика «око за око», судя по всему, привела к полной политической слепоте.

Строить мирные планы несложно. Это делается повсеместно и постоянно — и не только отважными радетелями мира с израильской и палестинской стороны. Дело здесь не столько в деталях, сколько в политическом подходе ко всей ситуации. Как разорвать кровавый круг? Проще это было бы сделать Соединенным Штатам, которые к тому же заинтересованы в мирном урегулировании не меньше, чем противоборствующие стороны. К несчастью, каждый раз, когда ракета попадает в израильское поселение или бомба увечит и убивает людей в тель-авивском автобусе, американцы мысленно видят рушащиеся башни-близнецы. Битва Израиля с террористическим неприятелем отождествляется с безопасностью самой Америки. С другой стороны, каждый раз, когда израильская ракета или танк сокрушают дом в секторе Газа, когда по западному берегу реки Иордан проходит очередной похоронный кортеж с убитым ребенком, зрителям ТВ канала «Аль-Джазира» видится звездно-полосатый флаг. В этом прослеживается жуткая симметрия, из разряда тех, которые с интересом исследовал де Токвиль.

Вашингтонская администрация президента Обамы могла бы, пожалуй, сделать два шага. Во-первых, гораздо более критично относиться к американской политике поддержки Израиля. Следует ли США закрывать глаза на ведущийся Израилем шпионаж? Следует ли США поддерживать оборонную промышленность Израиля, который с энтузиазмом продает высокотехнологичное вооружение Китаю и другим? Следует ли Вашингтону постоянно давать понять, что Израилю вовсе не нужно идти на какие-либо уступки (об этом часто недвусмысленно заявляет конгресс США)? Давление, которое Вашингтон способен оказать на Тель-Авив, может быть, и ограничено, но, безусловно, интересам Америки не соответствует ситуация, когда давление израильского лобби на правительство США столь очевидно. Во-вторых,

Америка не должна замалчивать явные политические просчеты и ошибки Израиля. Это относится к масштабным израильским военным операциям и несоразмерной реакции на палестинскую агрессию. Это относится и к расширению ареала еврейских поселений, к созданию колоний на Западном берегу Иордана. Во многих переговорах это выступает ключевым вопросом. Бывший израильский премьер-министр Леви Эшколь будто сказал однажды, что израильтянам нравится приданое, но не невеста. Они хотели бы заполучить Западный берег, но не слишком жалуют арабов, которые на нем проживают. Целью американской политики должно быть начало открытых дебатов в Вашингтоне о политических возможностях выхода из конфликта. Безопасность, долговременная устойчивость Израиля от этого только выиграют.

Ничто из вышесказанного не выглядит простой задачей. Пытаясь привлечь Израиль к ответу за его разнообразные грехи, каждый американский президент и конгресс сталкиваются со значительными сложностями у себя дома. Несмотря на несколько преувеличенные оценки могущества израильского лобби, оно, безусловно, обладает большим влиянием: взять хотя бы эпизод из раннего периода президентства Обамы, когда назначение крупного чиновника в разведывательном ведомстве было заблокировано только потому, что в прошлом кандидат критиковал политику израильского правительства. Наряду с еврейским солидным весом обладают в США и многие другие лобби, отстаивающие конкретную позицию (группы противников аборт, сторонников права на аборт, защитников права на владение оружием или его противники и т.д.); при этом особой эффективности такие группы влияния достигают именно тогда, когда их цели воспринимаются как признаки и проблемы, обозначившиеся отчетливо в «культурной войне» конца 1960-х годов. Все лобби в конечном итоге сильны не столько из-за доступных им ресурсов или тактики, сколько благодаря своей способности выстраивать мосты между избирателями и избранными чиновниками. Ранее я говорил о подразумеваемом сходстве между традиционалистскими ценностями Америки и Израиля. Тем не менее несоразмерные действия против палестинцев нанесли репутации Израиля такой же ущерб, как злоупотребление лоббистами ярлыком «антисемитский» в отношении всякой критики политики Израиля. Тем не менее многие из ценностей народа Израиля по-прежнему находят сочувствие среди американцев. Этого нельзя сказать о традиционных арабских ценно-

стях, сосредоточенных, как считается, на тесных семейных связях, общинной солидарности, частном владении бизнесом и религиозности. Кроме того, в Соединенных Штатах широко распространено мнение, что у Европы нет никакого морального права судить о палестино-израильских отношениях. Израильское правительство искусно играет на этих настроениях, отрицая саму возможность появления палестинского руководства, которое было бы привержено миру и на деле выражало интересы своего народа. С другой стороны, поддерживается абсурдная, контрпродуктивная политика США не иметь дела с теми, кто не нравится американцам (включая демократически избранных лидеров ХАМАС, которых США и Израиль решили совместными усилиями уничтожить)⁶. Вдобавок утверждается, что в Европе до сих пор процветает звериный антисемитизм, восходящий к времени Холокоста. Рано или поздно мы все же увидим мудрого американского президента, который возьмется за дело серьезно, и я не принимаю циничных замечаний, что единственной реакцией на подобную отвагу могут быть издевательские насмешки. Решимость в стремлении покончить с ближневосточной бедой обрадовала бы друзей Америки, которых в мире гораздо больше, чем принято считать, и помогла бы принести мир и безопасность Израилю. По крайней мере, в раннюю пору своего президентства Барак Обама выказывает большую приверженность к поискам мира, чем его предшественник. Так, он назначил специальным посланником на Ближнем Востоке сенатора Джорджа Митчелла, американца ливанского происхождения, отличившегося дипломатическим мастерством при заключении Белфастского соглашения [1998], которое отчасти стало возможно благодаря вовлечению бывших террористов в политический процесс.

Кто поможет Америке нести бремя лидерства в изменившемся мире, где оно с высокой степенью вероятности будет оспариваться и где его потребуется делить с другими субъектами международного права в зависимости от времени, места и обстоятельств? Кто сегодняшние греки? То есть не нынешние — они там же, где были всегда, — а метафорические греки. Обсуждая отношения Великобритании с США, британский премьер-министр Гарольд Макмиллан сказал однажды политику-лейбористу Хью Дальтону: «Мы подобны грекам в поздней Римской империи. Они фактически управляли империей, потому что были намного умнее римлян, но никогда не говорили им об этом». Бытует мнение, что в

сердце «англосферы», якобы создавшей современный мир и все еще способной управлять им, Великобритания по-прежнему стоит плечом к плечу с Соединенными Штатами (или, подобно греческому рабу римского полководца-триумфатора, стоит, отступив на полшага). Говорится, что протестантская этика, общность языка, приверженность принципу верховенства права, сочетание примата индивидуальных свобод внутри страны и сильного государства во внешних сношениях, вера в свободу торговли — эти факторы позволили англоязычным народам вырасти в неодолимую силу от Веллингтона до Вашингтона, от Ванкувера до Сиднея, от Лондона до Лос-Анджелеса (где, впрочем, определение «англоязычный» далеко не бесспорно).

Для институтов, сообщающих жизнеспособность демократии и капитализму, существенен социальный компонент; для эффективной работы этим институтам необходима приверженность либеральным ценностям, в той или иной форме. Однако институты, призванные служить опорой для плюралистических демократий, весьма разнообразны. Значительные отличия обнаруживаются в мире и между демократиями, в частности англоязычными. Канадская Либеральная партия, перенеси ее на юг, вряд ли победит на выборах в Сан-Франциско, а тем более в Южной Дакоте. По сравнению с консерватором с Высоких равнин в штате Нью-Мексико британский консерватор — это практически социалист. Имеющий полудинастическую природу Индийский национальный конгресс выглядел бы, к примеру, совсем не к месту в Австралии. Дискуссия о социальном и культурном родстве может вызвать в памяти те малоприятные рассуждения конца XIX века, в соответствии с которыми Америка «разбавила свою британскую кровь», постепенно превращаясь в «расу полукровок». Не могу исключить, что многие жители США ощущают теплые чувства, думая о Британии и о британской родословной, но иные американцы с равной гордостью вспоминают о том, что в жилах их течет ирландская, норвежская, латвийская, немецкая, турецкая или даже кенийская кровь. Во время массовых беспорядков, которые сопровождали президентские выборы в Кении в 2008 году, Барак Обама позвонил кандидату в президенты (а позже премьер-министру страны) Райла Одингге, который происходит из того же племени, что и сам Обама. У Великобритании и США давние институциональные связи, в частности, в сфере обороны и разведки. В обеих либеральных демократиях высоко ценятся принципы

верховенства права и частной собственности. Существует развитая традиция обмена в области образования и экономики. Эти страны активно инвестируют друг в друга, но также и в другие страны — от Франции до Южной Кореи. В значительной степени мировой порядок после Второй мировой войны основывается на договоренностях между США и Британией (которые, впрочем, созидали этот порядок не как «расовый» или «национальный» проект); оба государства защищают собственные интересы. Это делали и глава британской делегации Кейнс в Бреттон-Вудсе, и президент США Трумэн в Потсдаме. И все же если музыка «сердечного согласия» становится слишком слащавой, нужно этим озаботиться. Эпоху дружбы при свечах Тэтчер и Рейгана мы пережили совсем неплохо. Музыка согласия в целом не помешала деловой стороне отношений между США и Великобританией, пусть даже для журналистов спорные вопросы в американо-британских отношениях иногда были неочевидны. Роман Буша и Блэра оказался более проблемным: пролилась кровь, у нас много неоплаченных счетов, а высочайшая награда Америки — Медаль свободы приколот к лацкану г-на Блэра.

Представляется разумным и желательным, чтобы США воспринимали ЕС как своего основного партнера. К этому стремился и Вашингтон — с тех самых пор, когда в условиях все еще полыхавшей в Европе и в Азии войны, политики и дипломаты задумались о послевоенном устройстве мира. Европейский союз — необычайное образование в истории, но его нельзя назвать предопределенным. Особая природа этого исторического события заставляет задуматься о том, что в ближайшие годы он вряд ли сможет послужить образцом для региональных групп государств. Это не исключает, разумеется, передачи другим государствам практического опыта по объединению суверенитета в отдельных областях и учреждению наднациональных систем разрешения споров (одно из триумфальных завоеваний ЕС). Однако страны АСЕАН, страны Меркосур (ряд стран Южной Америки), Андского пакта и группы Сан-Хосе (включающей государства Центральной Америки), страны Магриба и Африканского союза вряд ли достигнут в скором времени уровня организационного устройства ЕС. Более того, заслужившее похвалу качество жизни в Европе — баланс, достигнутый между индивидуализмом и социальной солидарностью, — очень привлекательно, однако оно достигнуто за счет десятилетий устойчивого экономического

роста, который в будущем может подвергнуться риску со стороны демографических факторов и ужесточения конкуренции. Поэтому, несмотря на раздающиеся время от времени лестные слова, что Европа — это образец для мира, дух будущего, я лично сомневаюсь в том, что мы в состоянии предъявить миру манифест об устройстве мира в XXI веке. Сегодняшняя Европа выросла из Европы вчерашней, а последняя — это, увы, несчастливая история; к тому же мы уклоняемся от вопроса, какими мы хотим стать, оттого ли, что не знаем ответа или же, зная его, не желаем сталкиваться с его последствиями.

Проект ЕС справедливо было бы назвать ясным, активным, романтичным, смелым и дальновидным. ЕС возник как реакция на национализм, сотрясавший европейский континент во время двух мировых войн и который из-за своего этнического характера привел к Холокосту. Европейский союз не следует сравнивать с федерацией Соединенных Штатов Америки. Сравнение, сделанное президентом Франции Валери Жискар д'Эстеном по поводу его труда над похороненной европейской конституцией и конституцией отцов-основателей в Филадельфии, не вполне корректно. В Филадельфии субнациональные субъекты создали нацию. В Брюсселе — начиная с Римского договора — мы наблюдаем, как национальные государства преобразуют понятие национального суверенитета, не уничтожая его. Европейский союз выходит за пределы национального суверенитета, но не ниспровергает его⁷. Каждое национальное государство остается суверенным, за исключением областей, в которых оно соглашается на расширение границ суверенитета, причем ключевым следует назвать здесь слово «соглашается». Американская конституция начинается словами: «Мы, народ...»; самый недавний договор, который регламентирует институциональные отношения внутри ЕС, открывается так — «Его Величество Король бельгийцев» — и далее, в алфавитном порядке, следует перечисление всех глав государств — членов ЕС. Источником легитимности и ответственности не служит некая фраза: «Мы, народ Европы...» Законность и полномочия Европейского союза утверждает другая формула: «Мы, народ такой-то и такой-то страны...»

Поначалу ЕС стремился достичь политических целей вполне прозаичными экономическими средствами. Так, ради того чтобы уберечь континент от опасности новой войны, две основные опоры Европы — уголь и сталь — были поставлены под управле-

ние сообщества наций. С течением лет прозаическое стало (по крайней мере, по масштабам) почти героическим, и это неизбежно привело к политическим последствиям. Европа создала таможенный союз, затем общий рынок, потом ввела единую валюту, которая имеет хождение в центральной части континента. В области торговли, в экологической политике, в системе корпоративного управления, в качестве экономического блока Европа — это великая держава, великая гражданская держава, простирающаяся от западного побережья Ирландии до Белоруссии. «Мягкая сила» Европы стала магнитом для демократических реформ, по мере того как ЕС расширялся, охватывая новые страны, пострадавшие от авторитаризма правого и левого толка, и последовательно распространял идеи и практику плюрализма, социального капитализма и верховенства права. У Европы есть некоторые основания для удовлетворенности собой. Но Европа осознает и необходимость перемен, хотя бы потому, что исключительный комфорт современного европейского образа жизни, а также политика ЕС, направленная на более полную интеграцию экономик отдельных государств-членов, несомненно, будет испытывать нагрузку от растущей конкуренции и рецессии.

Увы, Европа слишком мало вкладывает в НИОКР и высшее образование, что крайне неблагоприятно. Решить этот вопрос, на мой взгляд, не слишком сложно. В пропорции к национальному богатству ЕС расходует на высшее образование менее половины соответствующих затрат США; кроме того, во многих государствах — членах ЕС правительства неоправданно часто вмешиваются в управление университетами, что ухудшает саму систему управления и ведет к повышению количества студентов, бросающих учебу. Некогда университеты Германии служили образцом для американской университетской науки. Сегодня бюджет немецкого университета обычно в пять раз меньше Стэнфордского, и здесь в два раза больше студентов. Соответственно иммиграция ученых в США не должна вызывать удивления. За последние десять лет или около того лауреатами Нобелевской премии стали пять немцев; четверо из них работают в США. Эта тенденция будет только нарастать по мере обострения конкуренции наукоемких секторов экономики европейских стран с США, Китаем и Индией. Пока Европе удастся выдерживать конкуренцию, причем доля ЕС в мировом торговом обороте даже чуть выросла, отчасти благодаря экспортной ори-

ентации и качеству немецкой промышленности. Мысль о том, что Европа истощена, что она потеряла путь и неминуемо соскользнет в «низшую экономическую лигу», во всем уступив азиатским гигантам, карикатурна, хотя перед государствами ЕС, конечно, стоит необходимость реформ в области социального обеспечения, трудовых отношений, а также науки и образования.

Основная проблема, с которой сталкивается сегодня Европа, состоит в гражданской идентичности, о чем, в общих словах, я уже говорил в конце второй главы. Многое из того, что делает сегодня Европа, весьма успешно как благодаря межправительственному сотрудничеству, так и принятию, когда это необходимо, обязательных к исполнению «наднациональных» решений. Оба подхода необходимы и нередко эффективны. Некоторые политические области лежат вне «наднационального правительства» — это компетенция национальных государств — налогообложение, здравоохранение, программы социальной помощи и др. Иные области, как, например, энергетическая политика, требуют большей «европейскости», то есть наднационального подхода, в частности в отношениях с Россией и с другими экспортерами энергии, а также в согласовании энергетической политики с требованиями климатической безопасности. И все же нам не хватает ясного, достаточного понимания «европейского плана» или, если угодно, призвания. Причина кроется отчасти в недостатке, а не в избыточности демократической составляющей европейской политики.

Разумеется, в первые годы существования «новой Европы» общественность находилась под впечатлением от примирения политических фигур — бывших врагов. Появление канцлера Коля и президента Миттерана бок о бок на кладбищах Вердена в 1984 году подняло волну народного сопереживания и взаимопонимания. Что могло бы стать объединяющим мотивом в современной Европе? Всем известно, что существует Европейский парламент, обреченный скитаться между Страсбургом и Брюсселем: в парламенте часто выражают «общеевропейские чувства». Но, увы, Европейскому парламенту присущи в первую очередь не безусловная его значимость, а бесконечные часы заседаний. И каков итог? Многие члены парламента добросовестны и выполняют важную работу; иные, как и многие парламентарии в национальных собраниях, энергично пользуются привилегиями, за принятие которых сами голосуют; третьи (особенно этим отличаются британские консерваторы) превратили обличие всего европей-

ского проекта в своеобразное хобби, вроде садоводства, которое финансируют налогоплательщики. Так, мы имеем дело с политикой Европейского парламента, которая, по большей части, анонимна, и с политикой министров, которая делается в некогда прокуренных конференц-комнатах и коридорах. Однако «народной политики» европейского проекта не существует: есть парламент, но нет народа, есть избранные представители, но нет *демоса*. В качестве наглядного примера следует назвать попытку обеспечить поддержку европейского «не-электората» европейской «не-конституции». Французские и голландские участники голосования положили этой игре конец [референдумы в 2005 году]. Сегодня Европа стоит перед неприятным парадоксом. Мы говорим о «единой Европе», но наблюдаем, что источником наибольшего энтузиазма в некоторых странах становится «субгосударственный» этнический национализм — сепаратизм шотландцев, басков, каталонцев, бретонцев. На этнические фрагменты распалась Югославия. Какой ценой удастся удерживать у одного очага фламандцев и валлонцев? В брюссельском пригороде, где расположена штаб-квартира НАТО, разговорный французский едва терпят. А какими видят себя эти этнические группы? Своим сторонникам они предлагают путь, дескать, вполне желательный — возможность самоидентификации с данной национальностью при условии сохранения членства в богатом клубе держав. Так Европа превращается в лифт для этнических амбиций. Тогда как проект Европы должен быть гораздо более возвышенным и открытым для созидания самими гражданами государств-членов, которые вольны его принять или — такова природа демократии — отвергнуть.

Во-первых, европейскую риторику необходимо совместить с европейской действительностью. Как часто европейская болтовня пронесется мимо ушей целевой аудитории — избирателей, и не в последнюю очередь потому, что представители политического руководства произносят слова, нисколько не связанные с делами! Целительное воздействие оказала бы публичная трансляция заседаний Совета министров ЕС, побуждая политиков и чиновников в большей степени соотносить публичные речи с будничными делами. При обсуждении денежных вопросов и национальных интересов «Ода к радости» [гимн ЕС] уступает место куда более прозаичным доводам. Наиболее досадным разрыв между риторикой и реальностью становится в области, где существует наибольший

разрыв в степени и в объемах расходов ЕС и США, а именно в сфере международных отношений и безопасности.

Не сомневаюсь, что средние по размеру европейские страны способны больше влиять на международную политику, если они будут действовать сообща, принимая единую позицию и стратегию. Впрочем, успехи в этом направлении следует признать весьма скромными. Отчасти это объясняется тем, что внешняя политика и политика в области безопасности непосредственно соотносятся с понятием национального государства. Готовы ли вы стрелять и подвергать опасности собственную жизнь во имя своей страны? Возможно. Сделаете ли вы то же самое ради Европы? Крайне маловероятно. Усилия по координации европейской внешней политики нельзя рассматривать в отрыве от существования стольких же министров иностранных дел, сколько в ЕС государств-членов, — и стольких же премьер-министров, которые держат своих министров на вторых ролях и нередко принимают окончательные решения вместо них.

Еще более важный вопрос состоит в том, на какие вообще жертвы готовы пойти европейцы — как налогоплательщики, частные граждане или военнослужащие — ради влияния на население в других частях света. Европейский союз — это крупнейший в мире донор международной помощи; финансирование «мягкой силы» посредством программ помощи в развитии весьма масштабно и, в общем, не подвергается критике в политических кругах. Ситуация в корне меняется, когда речь заходит о «наземных операциях», о летательных аппаратах, необходимых для транспортировки «живой силы» в горячие точки и о поддержке войск с воздуха. Многие из проблем, о которых говорится в этой книге, время от времени требуют вмешательства вооруженных сил — подразумевается защита мирного населения, восстановление государственности, противодействие пиратству и терроризму, последствия стихийных бедствий, изменений климата и конфликтов по поводу ресурсов. Те традиционные войны, в целях которых создавался блок НАТО, стали — скрестим пальцы — достоянием истории. Однако армия нам необходима — для поддержания международного права, прекращения конфликтов, предотвращения зверств, ликвидации голода. Европейцы не любят, когда им напоминают: оружие стоит денег и стреляет, причем снаряды часто достигают цели.

На это обстоятельство часто обращают внимание американские обозреватели. Американский политический обозреватель

Роберт Каган уподобляет европейцев Венере, а американцев — Марсу; что ж, замечание вполне справедливое, хотя Кагану, вероятно, следовало отметить, что Европа вступила в «постмарсову» эпоху, так как мы знаем, что может натворить бог войны, если выпустить его из клетки⁸. Американский историк Джеймс Шихан утверждал, относительно недавно, что Европа, возможно, и станет «сверхгражданским» образованием, но ей никогда не стать сверхдержавой по причине недостаточного оборонного бюджета, отсутствия баланса и согласованности в военном планировании и снабжении, а также нерешительности и нервозности в использовании силы, которой она уже обладает. Действительно, европейские оборонные бюджеты сократились; Германия, к примеру, расходует на оборону лишь 1,6 процента своего ВВП, причем две трети этих расходов тратятся на содержание личного состава, включая 130 000 гражданских служащих в ведении министерства обороны⁹. Поколение моего отца желало, чтобы немцы меньше тратили на свои вооруженные силы; того же желало поколение моего деда. Сегодня нам хочется, чтобы немцы тратили на оборону больше, и это, безусловно, более предпочтительная ситуация. Европейские страны внесли весомый вклад в миротворческие операции. Однако масштабные боевые действия, как в Афганистане, не по силам некоторым государствам — участникам ЕС как в плане выделения личного состава, так и в плане средств. Так, направленные в Афганистан войска были лишены достаточного числа вертолетов и других средств ведения боевых действий. Нередко военнослужащие и гражданские сотрудники переправлялись в Афганистан на арендованных украинских самолетах.

Если бы не НАТО, то вклад Европы в урегулирование ситуации в Афганистане и в других регионах был бы, пожалуй, еще скромнее. При этом основная задача, стоявшая перед НАТО, разрешилась с падением Берлинской стены. Где в Европе пролегает сегодня фронт НАТО и где враг этой организации? Русские, очевидно, тревожатся, что американцы и европейцы до сих пор видят в них неприятеля; впрочем, даже критики «царя Путина» не так далеки от этого мнения. Можно ли считать НАТО реликтом былых успехов трансатлантического сотрудничества, от которого мы боимся избавиться, дабы с точки зрения безопасности не оказаться в вакууме? Отчасти да. С моей точки зрения, отказ от НАТО выглядит необдуманным прыжком в неизвестность. Мне кажется, что без НАТО участие Европы в усилиях по военному

урегулированию конфликтов будет затруднено. Европейскому союзу, вне всякого сомнения, будет крайне сложно принимать решение об участии в военных действиях, от которых отмежевался его союзник — сверхдержава. Европейцы попросту не обладают для этого ресурсами, которые Североатлантическому альянсу предоставляют Соединенные Штаты. Сегодня Европу возможно мыслить и без НАТО, но это неблагоприятно и слишком рискованно.

Европейцам приходится считаться с последствиями своих устремлений играть роль великой державы, не оплачивая при этом надлежащие счета. Вряд ли можно считать оправданным ворчание по поводу самоуправства США в вопросах безопасности, когда сами мы не готовы залезть в карман и оплачивать военные расходы так же, как американцы. Более того, порой следует взглянуть на себя так, как смотрят на нас американцы, — как на крепких задним умом критиканов, убеждения которых сильны только на бумаге. Посмотрим, как поведет себя Европа при новой вашингтонской администрации. По крайней мере есть две возможности помочь Америке в международном партнерстве и в решении стоящих перед миром проблем. Возможно, таким образом Европа обретет новое призвание или, во всяком случае, поможет нам определить, какова позиция и возможности ЕС.

Во-первых, Европе следует принять на себя ответственность, связанную с ее статусом «гражданской державы». Это особенно важно в двух областях. Нам следует проявлять гораздо большую щедрость и творческие подходы в наших усилиях по снижению неравенства в масштабах планеты. Это непосредственно связано с торговлей и политикой в области сельского хозяйства. Европа не сможет выступать лидером, не отказавшись от инстинктивного протекционизма в ряде областей. ЕС надлежит также возглавить деятельность международного сообщества по сдерживанию глобального потепления и изменений климата. Если этот вопрос так же важен, каким он представляется мне, то европейским правительствам следует поместить его во главу политической повестки ЕС.

Во-вторых, ЕС необходимо осознать ключевую значимость вопроса о дальнейшем расширении Союза, и в частности о турецкой заявке на членство в ЕС. При условии развития и завершения политических и экономических реформ в Турции, переговоры о ее членстве заслуживают положительного исхода. Вхождение

Турции в состав ЕС изменит облик Союза — обстоятельство, которое нам не следует скрывать от граждан государств-членов. Одной из сторон в договоренностях с Турцией должен стать европейский *демос*, и при надлежащих усилиях европейскую общественность можно убедить в целесообразности вступления Турции. На фоне старения и сокращения населения Западной Европы Турция с населением в девяносто миллионов, динамичной экономикой и трудовыми ресурсами могла бы помочь в оздоровлении европейской экономики. Демократическая Турция — светское государство, большинство населения которого исповедуют ислам, — способна помочь и в преодолении культурных барьеров и столкновений, которые нередко мы сами и провоцируем. Профессиональная армия демократической Турции придала бы больший вес ЕС как гражданскому объединению. Если отвергнуть Турцию, то роль ЕС в XXI веке окажется довольно скромной, а обеспечение стабильности по периметру европейских границ окажется под вопросом.

Европейцам нужно будет тесно сотрудничать с США в целях вовлечения крупных азиатских держав в обсуждение и разрешение основных мировых проблем. Отношения как США, так и ЕС с демократическими государствами в азиатском регионе существенно отличаются от отношений с Китаем, притом что Европа сохраняет положение одного из крупнейших инвесторов и торговых партнеров Китая. С точки зрения «особых» отношений явственным примером может служить Индия, и европейцам следует акцентировать данное обстоятельство в диалоге с этой страной. По очевидным причинам индийцы не желают выглядеть геополитическими пешками в долговременной борьбе с Китаем. Такая «манипулятивная» политика Запада была бы нелепой и попросту опасной.

В восприятии англичанина или англо-ирландца, к которым отношу себя я, Индию окружает ореол пленительной романтичности, рожденной во время или еще до эпохи британского владычества. В Оксфорде я учился двумя курсами младше Мансура Али Хана, последнего наваба [правителя] города Патауди, который был одним из величайших индийских игроков в крикет. Статный и дерзкий красавец, он играючи разделялся с лучшими из вестиндских пейсменов в парках Оксфорда. (Спустя годы наши дочери вместе снялись в политически остром болливудском [от Болливуд — центр киноиндустрии Индии] кинофильме.) Индия

всегда изумляла меня — изумляла и часто шокировала. Я помню, с каким благоговением рассматривал здания Правительственного секретариата, построенное архитектором Гербертом Бейкером, во время своего первого посещения Дели. Сооружения олицетворяли тогда великую гордость британской миссии, хотя и оставившей после себя столько шрамов. Наследие колониализма сильно осложнило отношения Запада, в частности отношения Великобритании с Индией, после долгих, мучительных лет борьбы за независимость и в конце концов бесславного ухода британцев. На протяжении долгих лет экономического застоя (многие индийцы презрительно именуют их «экономическим ростом по-индусски») Индией управляла элита одновременно западническая и антизападная. Причины очевидны. Приверженные идеям Фабианского социализма, руководители Индии пытались претворить его в жизнь с общими для многих развивающихся стран последствиями.

Сегодня обстоятельства изменились. Изменения в политике и развитие промышленности, вырвавшихся из тисков старомодной системы контроля и бюрократического регулирования, позволили Индии порвать с историей так называемого лицензионного Раджа [система правил регулирования бизнеса в 1947–1990 годы]. Индийская экономика вошла в созвездие стран, которым уготован, по прогнозу «Голдман Сакс», экспоненциальный рост. Но бочка меда не без ложки дегтя. Во-первых, для достижения устойчивого роста Индии необходимо продолжать программу усовершенствования своей инфраструктуры, находящейся в плачевном состоянии, открыть рынки и провести либерализацию трудового законодательства. Все это цели, к которым, более-менее последовательно, движется правительство Индии. Во-вторых, индийская система партийной политики распадается. Как для партии «Индийский национальный конгресс», так и для главной оппозиционной партии «Бхаратия джаната» становится все труднее формировать правительство без поддержки многочисленных региональных или представляющих отдельные касты партий. Хотя демократия в целом позволила сохранить единство этнически удивительно разнообразной Индии, она и осложнила проведение решительных структурных реформ. В Индии наблюдается межпартийный консенсус в пользу умеренной реформы, потенциал которой постоянно ослабляется сделками ведущих политических партий с отдельными лобби. Больше всего страдают нищие и

отверженные — пожалуй, именно ужасающая бедность в первую очередь потрясает всех посетителей Индии. Но в жертву приносятся и экономическое развитие. Взятки и мыльные пузыри экономики довели налоговый дефицит Индии до 7,5 процента ВВП, а изощренная сеть премиальных выплат не обеспечивает, по словам премьер-министра Манмохана Сингха, «ни равенства, ни эффективности». В результате сокращается бюджет развития; важные программы социального обеспечения сжимаются, уступая место субсидиям и дотациям. Экономика страдает от коррупции — нужные двери открываются только за мзду. Но хуже всего то, что в борьбе за власть все чаще используются факторы кастовой и этнической принадлежности. Наиболее отвратительным примером этого стали антимусульманские бунты в Гуджарате в 2002 году, хотя индийские СМИ, к их чести, вскрыли факты потворства погромщикам со стороны властей.

Несколько слов о привлекательных чертах Индии. Это свободное общество, основанное на принципах верховенства права, несмотря на огромные проблемы, стоящие перед страной. В Индии растущий средний класс; из ее высших учебных заведений вышло яркое поколение инженеров, врачей и руководителей бизнеса; здесь созданы известные во всем мире промышленные и торговые марки; Индии свойственны новаторство и воображение. Каковы бы ни были стоящие перед страной проблемы (а Индия сегодня существенно беднее Китая), ей не придется отвечать на экзистенциальные вопросы Китая. У Индии крепкая политическая структура, а не карточный домик; ее политическая среда способна адаптироваться к экономическим и социальным переменам. Если страна продолжит расти и развиваться, она станет жизненно важным партнером в решении проблем XXI века. Успех придаст Индии уверенности и сил в утверждении своего места на международной арене.

Что в конце концов позволит выманить Индию из шатра и побудит ее присоединиться к усилиям по решению общемировых задач? Индии никто не предлагал стать постоянным членом Совета Безопасности ООН. Место за одним столом с Китаем, Южной Африкой и Бразилией — до или после основного ежегодного заседания «Большой восьмерки» — это не слишком лестно для Индии и несообразно реалиям XXI века. Более того, если учесть, что треть населения Индии живет меньше чем на доллар в день, а миллионы индийцев стремятся пополнить ряды среднего

класса, почему мы должны ожидать, что Индия будет прислушиваться к нашим призывам — о нераспространении ОМП, о торговле или о защите окружающей среды? Схожие настроения распространены в Китае: отдельные представители китайского руководства считают наши призывы к защите окружающей среды планом лишить граждан страны прав на материальные блага, которые на Западе воспринимаются как данность (тогда как от предоставления экономических стимулов зависит само выживание китайской политической системы). В свою очередь, нас в Европе очень беспокоит хваленое европейское благополучие, на которое, дескать, покушаются со всех сторон. В Америке сокращение рабочих мест, отсутствие индексации заработной платы, растущее социальное неравенство и падение доверия к финансовой системе порождают ворчливое недовольство «неблагодарным» внешним миром. Может быть, Соединенным Штатам пора отставить жалобщиков и заняться насущными делами? Готова ли по-прежнему Америка, по словам президента Кеннеди, «заплатить любую цену, вынести любое бремя, пройти через любое испытание, поддержать любого друга, воспрепятствовать любому врагу, утверждая жизнь и достижение свободы»? Общие настроения и положение в экономике трансатлантического сообщества вряд ли способствуют сегодня утверждению лидерства, которое необходимо миру. Так что же нас ждет?

Глава 15

Итак...

Когда Морлана назначили министром внутренних дел, некий придворный, случайно наблюдавший его приезд в Версаль, с отвращением воскликнул: «Боже милосердный! Вы видите? У него на туфлях нет пряжек». — «Ах! — ответил генерал Дюмурье. — Тогда все пропало».

Ф. Стендаль. Рим, Неаполь, Флоренция

Меттерних и Талейран вели себя привычным образом. Меня же тем временем охватило как никогда сильное осознание тщеты всех человеческих предприятий и слабостей тех людей, которые держат в руках мир...

Фридрих фон Генц о Венском конгрессе, 1814 г.

Будущее могло бы составить превосходный предмет для исследований, если бы только источники были более надежными.

Мудрое изречение профессора сэра Адама Робертса

Молодым человеком я служил у лорда Каррингтона, тогда министра иностранных дел Великобритании. Пожалуй, это была самая важная часть моего образования. После того как ему в подробностях разъясняли ту или иную проблему, лорд Каррингтон, по обыкновению, поднимал бровь и говорил: «Итак?» Очевидно, что вопрошание «итак?» представляется вполне уместным в конце книги, которая призвана очертить некоторые (разумеется, не все) из важнейших проблем, стоящих сегодня перед миром. Когда я начинал писать книгу, моим намерением в условиях безнадежной и опасной политики односторонних действий первых лет правления администрации Буша-младшего было объяснить, что национальные государства обязаны эффективно сотрудничать друг с другом для решения общих для всех нас проблем. В то же время мне хотелось показать, что национальные государства, как я понял, исходя из личного опыта работы в самой успешной системе политической и экономической интеграции — Европейском союзе, не стоят на грани развала и способны вполне качественно управлять жизнью местных сообществ. Однако национальным

государствам необходимо выйти за рамки привычного понятия суверенитета, чтобы преобразовать его в нечто более действенное. Впрочем, иногда решение общих проблем требует не только расширения международного сотрудничества. Решению глобальных проблем может помочь более рациональная внутренняя политика и развитая система государственного управления. Так, малоэффективная внутренняя политика в области контроля над наркотиками во многих развитых странах обеспечивает работой главарей вооруженных бандитов в Афганистане; крайняя неразвитость системы государственного здравоохранения в некоторых бедных странах создает питательную среду для эпидемий, грозящих как им, так и богатым странам. Крах на финансовых рынках вряд ли стоит истолковывать как необъяснимое цунами, родившееся где-то за горизонтом. Напротив, обвал на рынках происходит из-за плохой политики в отдельных национальных государствах, последствия которой, подобно заразным болезням, поражают мировые финансовые институты и нанесли удар по рыночной интеграции. В целом лучшие из правительств стремятся расширить свободу своих граждан; мы заинтересованы в максимальном расширении пространства личной свободы, всемерно способствуя исправной работе системы соответствующих институтов и услуг. То, что происходит внутри государственных границ, должно находить отражение во внешней политике, расширяя пространство свободы народа. Сегодня различия между внутренней и внешней политикой часто размываются, и это вполне закономерно. Каков основной вопрос, стоящий перед внешней политикой национальных государств? Всемирное потепление и изменение климата — эта тема непосредственно затрагивает нашу жизнь, наш дом, наше общество.

Я осознаю, что последовательное описание грозящих нашему миру проблем нагнетает уныние, а тональность дискуссии грозит ввести в меланхолию. Стоит только взвалить на плечи груз нерешенных проблем, и покажется, что человек бредет к краю бездны. Так как мне завершить книгу? Следует ли с неохотой вернуться к перспективам необходимых для спасения мира изменений? Стоит ли предложить несколько рецептов с показным оптимизмом врача, мигом распознавшего обреченного пациента? Это не убедит меня самого, так почему это должно убедить вас? Впрочем, я могу, наверное, позволить себе обозначить некие вселяющие надежду аспекты, предостеречь против тупиков и ложных путей,

расставить приоритеты и высказать несколько мыслей о том, как нам следует поступать в качестве граждан.

Во-первых, пытаясь разобраться в сложившейся ситуации, нам следует принимать во внимание то обстоятельство, что многие из наших проблем — это побочный продукт наших достижений, в особенности в прошлом столетии, а не наших постоянных неудач. Мы справедливо тревожимся относительно распространения ядерного оружия, но уже давно ушли в прошлое 1950-е и 1960-е годы, когда американский социолог и футуролог Герман Канн рассуждал о сценариях ядерной войны и выступал с рекомендациями по гражданской обороне. В частности, Канн интересовался вопросом не о том, как запустить баллистические ракеты, а что делать, когда они упадут на Землю. Как, скажите на милость, нам выжить в таких условиях? Туннели и рукотворные пещеры в скалах; бункеры-бомбоубежища; тщательнейше продуманные залы оперативного управления, например, в Великобритании, вплоть до мест альтернативного вещания радио Би-би-си (правда, непонятно, на какую аудиторию оставалось бы вещать); распоряжение капитанам ядерных подлодок попытаться, после обмена ядерными ударами, настроиться на программу «Сегодня» по «Радио-4 Би-би-си», прежде чем открывать конверт с инструкциями премьер-министра для Судного дня¹; забытые склады оружия, амуниции и медикаментов, на которые то и дело сегодня натываются строители. Все эти принадлежности гипотетической могилы нашей цивилизации превратились в любопытные артефакты. Разумеется, мы по-прежнему нервничаем оттого, что оружие Судного дня может попасть в руки государств менее надежных и разумных, как мы полагаем, чем наше, или что ядерное оружие попадет в руки террористической группировки, и все же вопросы безопасности представляются нам вполне разрешимыми. Это скорее предрассветный сумрак, нежели крошечная тьма холодной войны.

Во-вторых, мир в известном смысле меняется меньше, чем может показаться. В конце концов, эпидемические болезни — не новость. Новой можно назвать нашу способность, впервые в истории человеческого рода, объединить усилия в попытке противостоять и предотвращать вспышки и развитие новых заболеваний, не ограничиваясь борьбой с симптомами. Наша озабоченность в связи с эпидемиями — это результат открывшихся возможностей, а не новая угроза. Из всех современных изменений действительно

новая угроза по ее природе и масштабам — это вред, который мы наносим окружающей среде. Это, пожалуй, пока отдаленная, но реальная угроза существованию человечества. Настоящее испытание нашего общечеловеческого сознания состоит в том, чтобы признать существование этой угрозы. Более того, сможем ли мы убедить большинство людей на планете принять необходимые меры и остановить бедствие?

Это подводит меня к третьему, умеренно оптимистичному выводу. Неразрешимой не представляется мне даже проблема изменения климата планеты. Мы знаем, какие меры необходимо предпринять. На этом пути нет загадок и тайн. Решение и ответы на сложнейшие вопросы очевидны при рассмотрении всех проблем, затронутых в моей книге — распространение оружия массового поражения, отмывание денег и преступность, кризис на Ближнем Востоке, энергетическая безопасность, истощаемые ресурсы, гражданские войны. Вопрос не в том, что делать, а скорее в том, кто и как будет это делать? В большинстве случаев решения зависят от воли. Мы знаем, почему требуются те или иные действия. Обычно известно и что делать. Проблема в способности действовать, а не в понимании того, что именно необходимо предпринять. Способность человека с грехом пополам доводить дело до конца, угробив на это тысячу лет, несколько меня успокаивает.

В-четвертых, международная система, в рамках которой государства осуществляют суверенитет на основе правового равенства, очень далека от совершенства. Существуют государства, которые суть не что иное, как прикрытие для преступных или террористических группировок. Есть государства, которые лишь придают подобие легитимности безжалостным полевым командирам, сбывающим богатство своей страны тем, кто предложит выгодную цену. Есть и такие, для которых защита своего суверенитета сводится к противодействию внешним силам, озабоченным произволом и нарушением прав собственных граждан. Поэтому нам, конечно, не следует смотреть на будущее сквозь розовые очки. Длительная история государственности — это, увы, не череда добродетельных деяний. Вспомним идею империи, которая, похоже, набирала популярность в первые годы президентства Джорджа Буша-младшего. Были ли, к примеру, европейские империи просвещенными или нет, мы не обсуждаем. Хотя я испытываю гордость за многие дела, которые вершились по всему

миру во имя моей родины, верно и то, что европейские империи были просвещенными, когда это соответствовало их интересам, и безжалостно сеяли смерть, если это было не так. Не станем спорить, британцы построили в Индии много железных дорог; но в 1919 году они хладнокровно расстреляли по меньшей мере 379 индийских гражданских лиц в Амритсаре, а затем возвеличили человека, приказавшего солдатам открыть огонь. Мир тогда был иным, возможно, он казался более упорядоченным — но был ли то лучший мир?

В нашу эпоху мы наблюдаем нечто беспрецедентное в человеческой истории. Большинство мужчин и женщин на планете уже достигли или движутся в сторону достижения политической ответственности и права вершить свою судьбу. На этом пути было много неверных шагов и извилин, оползней и сожженных мостов. Человечеству пришлось расправиться с армией негодяев, тиранов и демагогов. Увы, люди совершали в отношении своих ближних чудовищные жестокости, которые размывали нашу веру в человеческую порядочность. Однако, несмотря на свидетельства в пользу пессимистического взгляда на состояние дел человеческих, следует признать, что сегодня, пожалуй, в мире, который мы считаем свободным, живет больше людей, чем когда-либо в истории. Еще больше людей отчаянно стремятся к нам присоединиться. На каждое государство-изгой приходится немало стран, осуществляющих либеральные реформы, строящих свободные и стабильные институты в плюралистических, идущих к процветанию обществах.

Для либеральных демократий, особенно тех, которые обладают ответственностью перед миром, возложенной на них богатством и привилегированным положением, должна существовать «повестка свободы» — риторический оборот президента Джорджа Буша-младшего. Следует, безусловно, подвергать человека жесткой критике, глубоко сожалея о том, какой ущерб он нанес, преследуя благие цели. Однако само дело представляется справедливым, и его адепты в мире одерживают медленную, но верную победу. Так что не следует предаваться унынию из-за трудностей, опасностей и препятствий, так же как не следует забывать обо всех странах, которые, несмотря ни на что, эволюционируют в либеральную демократию. Не каждую битву и даже не каждую войну нам удастся выиграть. И все же нам не следует терять веру в свои силы, в источники нашей силы, в

нашу демократию, свободные рынки, свободные институты, гражданское общество, верховенство права и в независимый, беспристрастный суд. Впервые в истории свободные институты не выглядят мечтой или утопией. Они перестали быть предметом утопической литературы и поэзии. Они не смутные воспоминания о некоей мертвой цивилизации. Такие институты — это реальность или возможность для всех живущих сегодня в мире людей. В великом приливе истории побуждение дышать свободно, дух плюрализма означает гораздо больше, чем мрачные заголовки в ежедневных газетах. Да, правительство все еще стреляет в оппонентов в Тибете; оппозиционеры голодают в Зимбабве; их обкрадывают и сажают в тюрьмы в России. Однако дух свободы, похоронивший коммунизм, похоронит и его авторитарных последователей. «В мире всегда были тираны и убийцы, и часто они кажутся непобедимыми, но в конце они все равно падают», — сказал Махатма Ганди. Безусловно, перед нами стоят большие задачи. Но теперь они не сводятся к равновесию влияния, к бесконечной борьбе за империю, к расовой дипломатии ушедших дней. Нам следует об этом помнить и, обернувшись в прошлое, посмотреть, откуда мы пришли. Выступая за общее дело, окидывая взглядом возможности для решения стоящих перед миром проблем, нам следует набраться мужества. В нашем мире предостаточно бедствий. Но нам уже удалось выправить многое, успешно применяя и распространяя заветы Вудро Вильсона. Так что можно сказать: стакан не только наполовину полон, но продолжает наполняться.

Как решить стоящие перед человечеством задачи? Будет ли решение найдено на крупных международных конференциях, которые теснятся в календаре международных мероприятий? Произойдет ли это на конференции в Киото в 2009 году или на конференции по ядерному нераспространению в 2010-м? Эти даты, безусловно, отражены в дневнике Барака Обамы, однако первым вызовом для его политической энергии станет задача избавить американцев от порочной практики жить в долг. Все уверяли нас, что модель, основанная на банках, живущих в кредит, поддерживаемая закредитованными рынками, работает. Сколько времени потребуется Бараку Обаме и другим политикам для того, чтобы разобрать завалы после оглушительного краха этой модели? Достаточно ли у американского президента политической воли и убежденности, чтобы сохранить верность принципу свобо-

ды торговли, сопротивляться протекционизму и вернуться к повестке Дохи*, а также отказаться от помощи ловких торговцев, которые утверждают, что американцы автоматически беднеют, по мере того как богатеют китайцы? Может быть, достигнув экономического дна, мы вернемся в мир, в котором господствуют более традиционные принципы и добродетели? Наверное, мы вновь подтвердим приверженность финансовому благоразумию и фискальной открытости, ожидая, что наши банкиры будут людьми скучными и осторожными, предпочитая подлинное искусство расчета заманчивости финансовых схем. Но придет день, и алчность, наряду с глупостью, вновь появится в нашей жизни. Гюстав Флобер сказал однажды во время франко-прусской войны: «Когда эта война закончится, мы будем глупыми по-прежнему».

Я далек от мысли, что острейшие проблемы, стоящие перед нами, должны решаться на больших международных собраниях или, если угодно, сборищах. Во-первых, существенная часть международных дел — это не что иное, как следствие дел внутренних, внутренней политики, и к этому тезису я еще вернусь. Во-вторых, великие международные конгрессы и конференции, которые в разное историческое время приводили к переменам на карте мира, имеют довольно спорную родословную. Их результаты, впрочем, не всегда были столь же недолговечны, как итог встречи на «поле золотой парчи» между королем английским Генрихом VIII и королем французским Франциском I в 1520 году (поле это располагается примерно там, где сегодня во Франции выныривают на свет божий из туннеля под Ла-Маншем поезда). Уже через год договоренность между королями была отставлена, а англичане и французы вновь занялись любимейшим делом — интригами друг против друга (англичане всегда любили Францию, но никак не могут смириться с тем, что там полно французов). Конференции не ведут к установлению немедленной дружбы. Так, Вестфальский мир (1648) не привел под одну христианскую крышу 176 полномочных представителей сторон. Католики остались в Мюнстере, протестанты — в тридцати милях, в Оснабрюке. Справедливо утверждение, что Венский конгресс (1814–1815) поставил точку в наполеоновских войнах,

---

* Очередной, восьмой раунд многосторонних переговоров в рамках деятельности ВТО. Начался в ноябре в Дохе (Катар) и завершился в 2013 году.

однако Берлинский конгресс (1878) заложил основы для будущих бедствий, ознаменовав возвышение Германии, как крупнейшей державы в континентальной Европе, и побудив балканские народы искать решение своих политических проблем насильственными методами. Дизраэли назвал это «почетным миром». Он не последним использовал это выражение. Версальская конференция 1919–1920 годов началась с больших ожиданий; итогом Версаля следовало бы считать не возникновение нацизма (такая гипотеза весьма натянута), но утверждение того, как малого можно достичь, если некогда великие державы перестают быть великими и если величайшие из государств, которые становятся все более могущественными, отстраняются от мировых дел². Более того, Версаль показал, насколько сложно обуздать страсти, развязанные религией и национализмом.

Ялта наполнена для меня особым звучанием. Однажды в Ливадийском дворце, в летнем дворце русских царей, я встретился с президентом Украины Леонидом Кучмой и членами его правительства. В этом же дворце в 1945 году состоялась знаменитая трехсторонняя встреча между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем³. Тут они взирали на сияющее внизу Черное море, тут они расчертили карту послевоенного мироустройства, предоставив Польшу и Восточную Европу Советскому Союзу, Грецию и Западную Европу — трансатлантической демократической системе, части Азии — Москве, в качестве награды за начало войны с Японией (в которую Москва и так вступила бы); тогда же союзники договорились отдать советскому правительству бесчисленных русских военнопленных и, предположительно, советских граждан, воевавших на стороне нацистской Германии, — всех их ожидала смерть или сталинский ГУЛАГ. В первой версии своей парламентской речи (слова эти были впоследствии вымараны личным секретарем) Черчилль назвал эту договоренность почетным миром, а сторонники Мюнхенского сговора в британской палате общин проголосовали против Черчилля, словно очищая свою совесть. Во время моего посещения президента Кучмы в 2003 году для нас накрыли роскошный стол в павильоне, располагавшемся в дворцовом парке. У каждого места за столом стояла промышленных размеров лохань с икрой и графин ледяной водки. Я разве что не проникся симпатией к президенту Украины — человеку, привлекательность которого, наверно, скрыта уж очень глубоко. Посреди трапезы зазвонил мобильный телефон президента. Это

звонил президент России Путин, желавший поздравить президента Кучму с днем рождения. Было понятно, что они оба таким образом посылают Европейскому союзу сообщение о тесных связях между Россией и Украиной. Послание это, пожалуй, было не слишком тонким.

Пожалуй, наиболее положительным следствием Ялтинской конференции 1945 года стало то, что Сталин неохотно согласился на предложение Рузвельта по учреждению прототипа мирового правительства — Организации Объединенных Наций. Замысел организации родился в Вашингтоне в разгар войны, но был оформлен только на конференции в Сан-Франциско 1945 года. Замысел ООН нес в себе надежду, что войны наконец отойдут в историю. Мир будут гарантировать великие державы — США, Россия, Великобритания и Китай (поначалу в своем националистическом облике — Тайване), к числу которых великодушно добавили Францию. Военно-штабной комитет, согласно первоначальному плану, нес ответственность за управление военными силами, приданными Совету Безопасности, в котором у «большой пятерки» сохранялось право вето по всем решениям. Экономический и социальный совет, как предполагалось, должен был заняться уменьшением бедности, столь часто ведущей к конфликтам. Попечительский совет взял бы на себя ответственность за постепенное достижение независимости колоний. Наконец, Международному суду вменялось рассмотрение международных споров. Организация Объединенных Наций, выросшая из планов Рузвельта, была оформлена уже после смерти президента усилиями его преемника Гарри Трумэна, для которого ООН представляла собой воплощение одной из величайших грез человечества. Трумэн, говорят, носил в кармане текст довольно страшноватой викторианской элегии Альфреда Теннисона «Локсли-холл»⁴, в которой содержались следующие строки: «В парламенте людей, в федерации мира / Где здравый смысл большинства восторжествует над царством страха, / Благословенная земля успокоится в прибежище всеобщего права». Свежо предание, говаривала моя матушка...

Обращаясь к заключительной пленарной сессии Сан-Францисской конференции, Трумэн воззвал к «справедливому и длительному миру», достичь которого можно в том числе посредством международного сотрудничества, призванного устранить или выправить экономические и социальные причины конфлик-

тов. Трумэн желал снять искусственные торговые барьеры, а также учредить международный билль о правах для защиты прав и основных свобод человека. Цель состояла в установлении посредством всемирного царства разума долговременного мира «под божьим покровительством». Цели были благородны и основывались на здравом смысле, по божественному промыслу или без него. Однако исполнение плана, увы, вполне соответствовало нашей несовершенной породе.

Цели Трумэна актуальны и сегодня. Можно ли утверждать, что ООН провалилась? Когда мне случается слышать это утверждение, то, во-первых, я задаюсь вопросом о том, каким бы был мир без ООН, и, во-вторых, думаю о свершениях, ставших возможными вопреки человеческой слабости. Я вспоминаю и тех честнейших людей, которые служили и погибли во имя ООН, ради лучшего, более разумного мира. Во-первых, позвольте назвать Верховного комиссара ООН по делам беженцев (оказывающего помощь двадцати миллионам человек, изгнанных в результате военных конфликтов из своих домов в Южной Америке, Азии и Африке), программу по развитию ООН (с ее новаторской деятельностью по развитию управления, утверждению равенства между полами и образования на Ближнем Востоке), Детский фонд ООН, такие связанные с ООН организации, как МАГАТЭ, Всемирная продовольственная программа и Всемирная организация здравоохранения. Кроме того, следует вспомнить о миссии миротворцев — от Конго до Восточного Тимора. Примечательно, что в последние годы наибольшее число потерь среди служащих ООН было не среди миротворцев, а среди гражданских служащих. Позвольте вспомнить бразильского дипломата Сержиу Виейра-ди-Меллу, погибшего при взрыве бомбы в Багдаде в августе 2003 года⁵. Я познакомился с ним еще в Гонконге, когда он работал в Управлении Верховного комиссара ООН по делам беженцев, помогая нам с вьетнамскими беженцами (которых, кстати, нам не позволяли именовать беженцами, чтобы не брать на себя слишком много обязательств). Посетив Ирак после «выполненной миссии» (по выражению президента Буша), я пришел к разрушенному зданию «Канал-отеля», где погиб Виейра-ди-Меллу, погребенный под кучей бетонной арматуры. Он находился в Ираке, так как Соединенные Штаты вынудили ООН санкционировать оккупацию этой страны, и помогал миссии ООН в организации временного иракского правитель-

ства. Несмотря на все пренебрежение со стороны администрации Буша, роль ООН в урегулировании этого кризиса была важной. С гибелью Виейра-ди-Меллу организация потеряла одного из лучших и самых мужественных своих сотрудников, олицетворявших высокие принципы и устремления ООН.

Однако справедливо и утверждение, что ООН не оправдала ожидания людей, которые надеялись, что с созданием организации мир безмятежно погрузится в блаженный сон «в прибежище всеобщего права». В первые годы своего существования ООН, безусловно, отражала нашу решимость не допустить нового Дрездена, новой Хиросимы, новой Бирмы или Бухенвальда. По мере того как холодная война заморозила мир в парадигме двух враждебных лагерей, на ООН возлагалась надежда не допустить ядерный Армагеддон.

Какой же была реальность этой организации? Во-первых, ООН была (а могло ли быть иначе?) порождением своего времени, и ее основные институты тогда отражали миропорядок в конце Второй мировой войны. В каком-то смысле ООН была продолжением военных альянсов, а всякие исключения и уловки⁶, которые с течением времени стали наносить ущерб организации, как с точки зрения морали, так и практики, были результатом торга между разгромившими Германию и Японию державами. Применение или угроза применения права вето не раз дискредитировали и лишали ООН дееспособности, хотя именно это право, возможно, убедило великие державы, им обладающие, не покидать организацию в приступе геополитического гнева⁷. Не последнюю роль в снижении американского энтузиазма сыграли случаи наложения вето советскими послами, а также восприятие ООН как организации, враждебно настроенной к Израилю. В 1975 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в соответствии с которой сионизм определялся как разновидность расизма и расовой дискриминации (резолюция была отозвана в 1991 году). Бюрократию ООН нередко называли византийской по природе, неэффективной и коррумпированной; генеральные секретари организации, пожалуй за исключением Дага Хаммаршельда и Кофи Аннана, представляли собой галерею посредственностей и скорее были секретарями, нежели генералами, хотя в лице Курта Вальдхайма, как оказалось, организация получила руководителя, который целое десятилетие был если и не генералом, то уж точно офицером-орденоносцем

германского вермахта. Он, кроме того, весьма экономно обращался с правдой — ограничимся здесь милосердным эвфемизмом. Это, конечно, не способствовало росту репутации ООН.

При Курте Вальдхайме — с 1972 по 1981 год — ООН обнаружила, что ее роль существенно изменилась. Отныне организация занималась главным образом переговорами не между воюющими сторонами, а между богатым миром и бедными странами южного полушария⁸. Бедные требовали нового международного экономического порядка, который сделал бы их (и всех вообще) еще беднее. Невзгоды, случившиеся с этими народами при «старом порядке», должны были освещаться в западных СМИ согласно новому международному «информационному порядку», который лишил бы свободы газеты и вещающие компании в развитых странах, как их лишились СМИ в развивающихся странах. Это было не лучшее время для здравого смысла. Поэтому, вероятно, неизбежно было и то, что США все неохотнее стали признавать право ООН ограничивать Америку в использовании ее мощи, и чем чаще это происходило, тем чаще большинство государств — членов ООН видели себя силой, противостоящей единственной сверхдержаве мира. Так была подготовлена сцена для вторжения в Ирак в 2003 году; так была написана роль для посла США в ООН Джона Болтона, ужасающая пантомима в этой грустной истории.

Какой путь следует избрать? Множество из проблем, описанных в этой книге, было бы гораздо легче решить, если бы деятельность ООН в современном мире соответствовала первоначальному замыслу. Мне кажется, что нам не следует оставлять попытки реформировать ООН. Однако нет смысла ждать того прекрасного дня, когда реформа увенчается успехом. Взять, к примеру, центральную для ООН тему применения власти и ресурсов крупнейших держав при обсуждении и поиске путей решения проблем, стоящих перед всеми странами. Роль Совета Безопасности как сердцевины ООН тормозят процедуры и правила членства. Применение права вето или угроза вето стоит на пути к эффективному и оперативному реагированию на проблемы, подобные дарфурской [этническая резня в Судане в 2002–2003 годах]. Китай и Россия блокируют практически все попытки преодолеть вестфальское представление о суверенитете; США автоматически отвергают все реальные или кажущиеся попытки критиковать государство Израиль. Усилия по ограничению права вето вопроса-

ми высочайшей национальной значимости для государства, имеющего право вето, а также попытки обсуждения права вето в Генеральной Ассамблее ни к чему не приводят. Подобным образом, обреченной представляется всякая попытка корректировать принцип членства в Совете Безопасности; постоянные члены — это по-прежнему союзники во Второй мировой, хотя в 1971 году коммунистическое правительство Китая заменило в Совете националистический режим Тайваня. Какие у Германии шансы войти в Совет Безопасности, когда места за столом добиваются и Италия, и разве Франция и Британия откажутся от своих «послевоенных кресел», пожертвовав этим выражением суверенитета во имя, скажем, единого европейского места в Совбезе? (Когда я был европейским комиссаром, на заседания «Ближневосточного квартета» в ООН — наряду с США, Россией и собственно ООН — являлись целых три представителя Европейского союза. В каких случаях четыре равно шести? Пригласите на встречу главу Совета от председательствующего в этот момент в ЕС государства-члена, Верховного представителя по общей и внешней политике, а также комиссара по международным вопросам.) Разве может войти в Совет Безопасности Япония, когда на пути у Японии стоит Китай, а если в Совбезе нет Японии, то разве может вступить в него Индия? А если вступит Индия, то как быть с Бразилией и Мексикой, если уж не считать Пакистан и Аргентину? А как оставить за дверьми Египет? Какие африканские страны войдут в Совет, если за стол усядутся представители Нигерии и ЮАР? Кроме всего прочего, действительно ли мы хотим видеть за столом Совбеза президента ЮАР Мбеки, учитывая его бесхребетную позицию в отношении Зимбабве? Может быть, всем было бы лучше, если бы Африку представляли докеры из Дурбана, которые в апреле 2002 года отказались разгружать китайский сухогруз с оружием для клиентов Китая в Хараре? Реорганизация Совета Безопасности ООН подобна игре в трехмерные шахматы в темной комнате. Может быть, однажды партию удастся завершить. А еще, может быть, однажды, по словам поэта Уистена Одена, «за окном запоет лосось».

Реформа ООН и ее аппарата будет продолжаться, но, пожалуй, медленнее, чем таяние вечной мерзлоты вследствие глобального потепления. При этом нам не следует слишком преувеличивать масштаб проблемы. Иракский скандал, связанный с программой «нефть в обмен на продовольствие» выявил целый ряд недостат-

ков в управлении ООН, нанеся жуткий удар по авторитету Кофи Аннана. Проблема, впрочем, в той же мере относилась к государствам-членам, бюрократия которых подвержена коррупции и некомпетентности. Так как нам ускорить реформу и навести порядок в ООН? Направить туда группу российских или ангольских госслужащих? Или же, позвольте мне стать на мгновение патриотом, десантировать в ООН команду британских чиновников, которые пытались информатизировать национальную систему здравоохранения или обезопасить личные данные британских граждан?

Я полагаю, что в будущем по крайней мере произойдут позитивные перемены в отношениях между США и ООН. Это, в свою очередь, вызовет вздох облегчения у наиболее разумных участников ООН и, возможно, создаст более благотворную атмосферу для давно назревших реформ, в том числе с точки зрения отношения к понятию национального суверенитета. Пример недопустимой ситуации, создавшейся в годы работы в ООН Болтона, это состав и сфера компетенции нового Совета по правам человека [заменял в 2006 году Комиссию по правам человека], в котором любые серьезные критические замечания, связанные с защитой прав человека в какой-либо стране, могут блокировать заседающие в Совете страны, регулярно нарушающие права человека, сетуя при этом на «двойные стандарты», вызванные в политике США в последние годы. Если препирательству в Белом доме в связи с пытками водой будет положен конец, то это позволит демократическим странам более эффективно воздействовать на государства, где пытки стали чуть ли не рутинной частью допросов, особенно в отношении людей, которые, по словам вице-президента Чейни, «работают на темные силы»⁹.

Перед Всемирным саммитом ООН в 2005 году Кофи Аннан предложил ряд кардинальных реформ для Организации Объединенных Наций по целому ряду вопросов, включавших развитие, защиту прав человека, миротворчество, разоружение, противодействие терроризму и безопасность. Предложения были весьма разумными и преследовали высокие цели. Впрочем, уже в начале саммита пакет реформ был выхолощен, а к концу встречи из всего набора предложений сохранилось, пожалуй, только одно, хотя и оно не нашло конкретного отражения в документах ООН. Речь идет о принципе так называемой ответственности по защите CR2P — попытке в приемлемом для всех держав виде принять

заповедь — «никогда больше». Подобное обязательство, адресованное государствам большим и малым, богатым и бедным, «вестфальским» и «поствестфальским» призвано было выработать механизм предотвращения злодеяний.

В разработке и распространении концепции ответственности по защите [обязанности защищать] значимую роль сыграла международная кризисная группа — организация по предотвращению и разрешению конфликтов, сопредседателем которой я выступаю. В этой работе следует особо отметить заслуги недавно ушедшего от нас президента антикризисной группы Гарета Эванса, бывшего министра иностранных дел Австралии. Концепцию родил ужас перед зверствами. В 1994 году, когда всего за сто дней было истреблено восемьсот тысяч руандийцев, мир стоял в стороне. Никогда больше! Но вот уже на следующий год восемь тысяч боснийских мужчин и юношей-мусульман, укрывавшихся в так называемом анклав под защитой ООН в Сребренице, были убиты солдатами сербского генерала Ратко Младича. Не станем отрицать, что истории известны примеры вмешательства, военных кампаний, сумевших предотвратить жестокости (кампания Индии в так называемом Восточном Пакистане в 1971 году, Вьетнама в Камбодже — в 1975–1979 годах, Танзании в Уганде — в 1979 и 1981 годах), так же как были миротворческие операции, которые ни к чему не привели (в Сомали в 1992–1995 годах). Политики и общественные деятели стали искать концепцию, которая позволила бы сформулировать, обосновать и узаконить действия, призванные предотвратить или остановить геноцид, зверства и этнические чистки. Бернар Кушнер, основавший организацию «Врачи без границ», позже полномочный представитель генсека ООН в Косово и министр иностранных дел Франции, когда-то начал эти дебаты, выступая в защиту права на вмешательство в гуманитарных целях. Позже, в 1999 году, после того как коалиция, возглавляемая странами НАТО, вмешалась в балканский кризис, чтобы защитить Косово от репрессий сербов, эту линию продолжил Тони Блэр в своей знаменитой чикагской речи. Основная проблема в аргументах господина Блэра и в различных их версиях заключалась в том, что эти доводы гораздо больше подходили богатым западным странам и, казалось, в них придавалось больше веса могущественным государствам — членам ООН, нежели слабым странам. Поэтому в них часто видели прямое покушение на традиционное понятие национального суверенитета. Логика

господина Блэра представляется мне заслуживающей сочувствия. Он пытался описать механизм, который мог бы оказаться функциональным, вот только делал он это на языке своего далекого предшественника Уильяма Гладстона, то есть на таком языке, за которым сегодня нет ничего, что напоминало бы о могуществе Великобритании времен Гладстона. Так или иначе, сложно представить, как подобные аргументы могли привести к консенсусу слабые и могущественные страны и этим самым достичь легитимности посредством ООН. Это не вполне удалось и Кофи Аннани, предпринявшему попытку провести различия между национальным и индивидуальным суверенитетом, утверждавшему, что права граждан — это не монополия государств. Однако концепция обязанности защищать, как мне представляется, обрела жизнь.

Идея обязанности защищать родилась из деятельности целой череды влиятельных и высокопоставленных международных комиссий, объединенных в том числе членством Гарета Эванса. Речь шла о видоизмененной и дополненной концепции права на вмешательство. Обязанность государств по защите граждан, не в последнюю очередь против жестокостей, содержала также обязанность предотвращать подобные события (например, посредством экономических мер, дипломатии или создания необходимых институтов), оперативно реагировать на совершаемые жестокости и преступления против человечности, а также содействовать восстановлению обществ, где произошли столь печальные события. Защитники концепции всегда утверждали, что обязанность защищать не обязательно предусматривает военное вмешательство, что она не представляет собой закамуфлированную гуманитарную интервенцию и что данное понятие в международной политике — это не вспышка неокOLONИализма. Тогда как большинство других пунктов в аннанинской программе глобальных реформ 2005 года потерпели неудачу, обязанность защищать выжила. Развитие этой концепции представляется одним из успехов международного сотрудничества в последние годы, хотя нам и не следует предаваться иллюзиям. Для бурного восторга пока мало оснований, несмотря на то что папа Бенедикт, к примеру, выразил поддержку этой концепции в весьма красноречивом послании к ООН в апреле 2008 года. Теперь необходимо, чтобы концепция обязанности защищать работала. Во-первых, не следует выдавать желаемое за действительность: хотя без устали

твердили, что эта концепция помогла предотвратить постизбирательный кризис в Кении в 2007–2008 годах, здесь все же в большей степени сыграли роль традиционные методы дипломатии. Не стоит полагать обязанность защищать незаменным принципом предотвращения любого конфликта. Во-вторых, подлинное испытание этой концепции произойдет тогда, когда еще одно государство распадется на части в буре этнического противостояния (увы, в истории это неизбежно). Я сильно сомневаюсь в том, что мы близки к консенсусу по вопросу определения сути и границ государственного суверенитета. В-третьих, можно ли будет сказать — при возникновении очередной ситуации, когда будет необходимо военное или иное вмешательство, чтобы положить конец зверствам, что мы приблизились к положению вещей, когда Совет Безопасности в состоянии обеспечить легитимность такому вмешательству, а также предоставить необходимые средства и инструменты для выполнения этой задачи? В-четвертых, внутри и вне ООН все еще наблюдается поляризация богатых и бедных, сильных и слабых стран, а это, увы, не может не оказывать влияния на попытки взаимодействовать с распадающимися государствами или государствами-изгоями — от Зимбабве до Бирмы.

Вопросы, которые встают в связи с понятиями гуманитарной интервенции и обязанности защищать, побуждают некоторых авторов говорить, что нам не следует уповать только на ООН. Не следует, говорят они, отказываться от ООН, но, учитывая, что мы, по-видимому, не в состоянии исправить присущие ООН недостатки, нам необходимо создать более узкую по составу организацию, своеобразный «альянс демократий», наделенный полномочиями и правом выступать в защиту свободы. Это могла бы быть своего рода укрупненная НАТО, союз, в который входили бы, помимо западных держав, не только богатые неатлантические страны, такие как Австралия, Новая Зеландия и Япония, но также и развивающиеся демократии, как Индия, или относительно развитые, но не входящие в ОЭСР государства, подобно Бразилии и Южной Африке. Впрочем, следует сказать, во-первых, что вне зависимости от целей, любая подобная группировка стран, конечно же, уничтожит ООН и похоронит все надежды на ее реформирование. ООН превратится в еще более шумное лобби для «стран юга», выступающих против «богатого севера». Во-вторых, почему в такую организацию захотели бы войти Бразилия или Южная

Африка? Ведь, войдя в такой союз, они связали бы свою судьбу с государствами, которые олицетворяют (справедливо или нет) колониальное прошлое и эгоистичное настоящее, которое эти растущие страны юга осуждают. Таким образом, и крупные развивающиеся страны исполнены подозрения к «поствестфальским» идеям суверенитета. В-третьих, вопрос не в том, как исключить Китай и Россию из глобального лидерства, но как убедить их стать более ответственными в выполнении своей роли лидеров. Нет никаких сомнений в том, что вопросы глобального потепления или нераспространения ядерного оружия должны решаться с участием Китая и России. В-четвертых, разве могла бы относительно небольшая группа государств обеспечить легитимность, к примеру, военного вторжения или жестких санкций, если подобные меры не одобрит организация, представляющая практически все страны мира? Ответ на проблемы ООН — это не отказ от организации, а терпеливая и последовательная работа по ее совершенствованию. Если посредством ООН в ряде случаев невозможно достичь приемлемого результата, то может возникнуть необходимость альтернативного партнерства и временного использования иных инструментов, таких как региональные организации с несколько усеченной легитимностью. Однако в целях решения всемирных проблем нам следует в первую очередь опираться на ООН. Для этого организация и создана, для этого она существует. Разумеется, ООН стала бы более эффективной, если бы наши попытки сделать ее лучше, увенчались успехом в противоположность безрадостному увяданию, которое наблюдал упомянутый выше постпред США Джон Болтон.

Право вето больших или, в ряде случаев, некогда больших государств в Совете Безопасности неизбежно делает ООН уязвимой для критики в контексте смещения интересов глобального управления в сторону могущественных и ущемления прав бедных стран. Учитывая, что я не верю в близкое наступление эры планетарного правительства, при котором все государства воспринимаются как равные перед неким органом управления и где ответственность за решения возлагается на нескольких «граждан мира» (которые, очевидно, будут рассматриваться скорее как граждане мира, чем Америки, Китая или Парагвая), не думаю, что в этом смысле ООН претерпит изменения. Принимая во внимание мои взгляды на национальное государство, на его жизнеспособность и необходимость, я воспринимаю мечты о планетар-

ном правительстве именно как мечты. Для чего позволять фантазиям овладевать нами? Так или иначе, разве хотели бы мы жить в мире, где верховная власть настолько отдалена от отдельных граждан, что это, по сути, выхолащивает демократию? Замечательный французский философ и политолог Раймон Арон в равной степени не терпел утопические учения и тоталитаризм. Первое, увы, часто перетекает в другое. Мне представляется, что такая опасность неизбежна, как только мы начинаем размышлять о практических аспектах планетарного правительства. Я с гораздо большим пониманием отношусь к равенству в таких институтах, образованных в качестве элементов послевоенной системы экономического управления, как Всемирный банк и МВФ. Эти организации должны действовать в рамках гораздо большей прозрачности и подотчетности перед своими основными клиентами в развивающемся мире. Со времени основания США претендовали на главенство во Всемирном банке, а Европа — на высшие должности в МВФ. Главы обеих организаций должны назначаться согласно их заслугам, а не соответственно практике политического дележа двух этих высших постов между трансатлантическими партнерами. Попытки преодолеть глобальную рецессию и предотвратить повторение тяжелых ошибок прошлого в полной мере высвечивают важность реформирования экономических институтов, основанных в Бреттон-Вудсе в 1944 году.

По мере углубления рецессии, и в частности нарастания ее болезненных последствий в беднейших странах, все более длинную тень на традиционные дискуссии в области внешней политики и безопасности будет отбрасывать вопрос глобального равенства. Люди, принадлежащие к «обездоленному» миллиарду, не станут в одночасье богаче и никуда не исчезнут. По мере стабилизации численности населения в богатых странах и обеспеченных группах будет увеличиваться число бедных; чем больше бедных мы оставим без внимания, тем больше их станет. Люди в бедных странах будут все явственнее видеть наш комфорт, а мы — их нищету и обездоленность. Постепенное перетекание ресурсов из богатых стран в бедные продолжится, но этот процесс должен быть осмысленным. Разумное обусловливание международной помощи не следует считать последним шансом колониализма. В то же время развитым странам негоже отказываться от своих обязательств по оказанию помощи лишь потому, что в них ухудшается экономическая ситуация. Особый приоритет должен быть

отдан образованию (включая образование девочек и молодых женщин), управлению водными ресурсами и обеспечению доступа к чистой воде, а также развитию систем здравоохранения, опирающихся на потребности местных сообществ. Таков один из уроков успеха кампании против СПИДа в Уганде. Доноры должны расширять сотрудничество и принимать единые стандарты и критерии оценки результатов. Надлежит освободить бедные страны от бюрократической ноши бесконечных инспекций и проверок со стороны доноров. Нам следует убедить Китай, который стал таким крупным донором в Африке, насколько важна система управления. Китайцы, возможно, неохотно станут отождествлять это с демократией, но по крайней мере могут согласиться, что система надлежащего управления неотделима от борьбы с коррупцией, верховенства права и прозрачности в расходовании государственных средств. Инициатива прозрачности в добывающей промышленности [2002] заслуживает всяческой поддержки в целях надлежащего использования ресурсов бедных стран и предотвращения нелегального вывоза выручки от их реализации и оседания средств на частных банковских счетах. Гласность и прозрачность в определении происхождения природных ресурсов должны касаться не только древесины и алмазов — этот опыт следует внимательнее отслеживать и применять для действенного контроля торговли огнестрельным оружием.

Известно, что для развивающихся стран торговля важнее программ помощи. Эта мысль была в центре недавней инициативы ВТО обеспечить заключение многостороннего соглашения по либерализации торговли, упомянутого выше Доха-раунда переговоров стран ВТО. Соглашение призвано показать, что более открытая торговая система пойдет на пользу бедным странам, не подвергая их дальнейшим тяготам. Однако до настоящего времени прогресс в этой области разбивался о камни протекционизма в сельском хозяйстве, опасений относительно последствий устранения торговых барьеров и недостатка политической воли, что происходит отчасти из-за недостаточного лоббирования своих интересов со стороны промышленных и торговых кругов. Вообще переговоры о либерализации торговли окружает сегодня атмосфера общей усталости. Большая опасность состоит в том, что американская рецессия и экономическая стагнация повернут вспять процесс открытия рынков. Перед нами маячит тень протекционизма, а риторика американских президентских кампаний вряд ли

звучит гимном свободе торговли. Пожалуй, гораздо уместнее было бы говорить о поощрении накоплений и сбережений — единственном средстве справиться с торговым дефицитом США. Миру остается надеяться, что президент Обама не поддастся популистским протекционистским настроениям. В первые недели на посту он по крайней мере отказался от опрометчивого призыва «покупай американское» в своей программе экономических стимулов. В то же время экономические и финансовые сложности в стране осложняют эту задачу. Когда люди теряют дома и работу, когда они ощущают, как падает уровень их жизни, их непросто убедить в необходимости дальнейшей либерализации рыночных отношений или тем более побудить их думать о проблемах всего мира.

Новому американскому президенту придется проявить немало изобретательности, чтобы выработать адекватную позицию по вопросам глобального потепления в первые месяцы пребывания у власти, когда в дверь Овального кабинета стучится столько экономических бед. Тем не менее существует план заключить жизненно необходимое для выживания планеты соглашение на конференции в Дании по климату до конца 2009 года. При всей желательности или даже жизненной необходимости этого соглашения я с трудом вижу, как сегодня его можно достичь. Важно, что такая конференция должна послужить вехой на пути к окончательному обязательному соглашению, а для этого нам необходимо признать важность центрального политического вопроса. Ни одно соглашение не станет достаточным или исполнимым, если оно лишь откроет некие дебаты. Обсуждаемые здесь вопросы настолько важны, что это не позволит нам прийти к соглашению, а потом спокойно разойтись по домам, пытаясь осуществить его в своей стране. Соглашение о противодействии изменению климата должно быть конечной точкой дебатов, а не их началом. Оно должно отражать общее понимание всех сторон и согласие в отношении заявленной проблемы. Такие меры должны стать в основание политической мысли, а не наоборот. Такова в общих чертах позиция, которую мы заняли в Европе, хотя и здесь наблюдается определенный спад, особенно на фоне воплей крупных загрязняющих атмосферу предприятий и отраслей о нечестной конкуренции и беспрецедентности проблем, которые приходится испытывать производителям. Однако почему прожорливые, копящие небо автомобили, скажем, должны

пользоваться нашей привязанностью? Производители таких автомобилей должны достигать конкурентных преимуществ именно посредством снижения вредного воздействия своей продукции на окружающую среду. Право на управление гигантским, пожирающим топливо автомобилем — это не некий священный атрибут европейской цивилизации. Учитывая, что мы заняли ответственную позицию в вопросе глобального потепления, было бы катастрофической ошибкой для ЕС отклоняться от выбранной позиции, ставя ее в полную зависимость от действий других стран. Другие страны последуют за Европой, если она предложит путь. Более того, изменение климата — это именно та область, в которой ЕС может занять лидерскую позицию в мире, возможно, компенсируя дефицит политической воли и эффективности в других областях.

В основе всякого эффективного и глобального соглашения об изменении климата должна быть договоренность между США и Китаем, а это представляет собой огромную проблему для обеих сторон. Как Китаю скорректировать свою модель роста, не отказываясь от стимулирования среднего класса и стремления к развитию, которое и легитимирует политическую систему? Даже если бы китайское руководство знало, как это сделать, есть ли уверенность, что решения, принимаемые в центре, будут исполняться за пределами Пекина? Впрочем, это всегда было проблемой для китайских властителей, как свидетельствует конфуцианская Книга песен:

Мы встаем на рассвете.
И ложимся на закате.
Мы копаем колодцы и пьем.
Мы пашем поля и едим.
Что нам могущество императора?

И что «нам» могущество современного политбюро Китайской коммунистической партии? Среди проблем, стоящих перед американским президентом, необходимость убедить граждан США, что договоренность с Китаем, которая поначалу неизбежно будет выглядеть как передача экономического преимущества величайшему конкуренту Америки, — это единственно правильный выбор. Придется отказаться от ложной и опасной мысли, будто начавшийся век станет столетием неизбежной схватки за гегемонию между Китаем и Соединенными Штатами. Подобный взгляд

на вещи для многих на Западе — это стародавняя традиция искать варваров у своих ворот. Отогнав очередную орду, мы нервно озираемся, пытаясь понять, откуда придут новые варвары. Предстоит ли Китаю выполнить роль варвара, сверхдержавы, способной сначала закопать нас в спецпредложения на манер «Волмарта», а затем выставить нам геополитический счет, каким бы он ни был? Хотя я и считаю возвышение Китая поразительным, тем не менее не следует воспринимать его как угрожающую нам новую сверхдержаву. Ранее я говорил об огромных проблемах, стоящих перед Китаем, включая сонм проблем управления, неизбежно сопутствующих полузакрытой, громоздкой авторитарной системе, пытающейся выполнять роль экономического гуру. Мне лично сложно поверить, что государственное образование, которому так сложно выживать, — это сверхдержава. Подавление, заключение в тюрьмы или расстрелы политических критиков и инакомыслящих не кажутся мне признаком спокойной, уверенной в себе власти. Если Китаю суждено стать сверхдержавой, то его правительству придется в начавшемся столетии решить множество проблем. Интересам Америки и Китая соответствовало бы партнерство в решении общих для нас проблем и содействие строительству более стабильного, экономически процветающего мира. Несмотря на иную систему ценностей, США должны видеть в себе партнера, а не соперника Китая.

Где еще мы встречаем варваров? Их тени различимы в мрачном мире исламского терроризма, а некоторые усматривают опасность в ближневосточных странах, бросающих вызов Америке и угрожающих Израилю. Теперь, когда Саддама Хусейна нет, его давние недруги в Иране воспринимаются многими как основная угроза всему региону, в особенности если они затаили надежду заполучить ядерное оружие. Уже в течение первых двух лет пребывания в Белом доме новый американский президент должен стать одним из главных действующих лиц в Обзорной конференции 2010 года по Договору о нераспространении ядерного оружия. Ранее я говорил о важности для Соединенных Штатов и для их союзников, обладающих ядерным оружием, предпринять шаги, благодаря которым ужесточение процесса мониторинга, согласно Договору о нераспространении, было бы более приемлемым в отношении неядерных держав. Таковой должна быть главная тональность в подходе к Ирану, наряду с расширением здесь полномочий МАГАТЭ, чтобы она могла выступать своего рода мировым ядерным банком для

мирного атома. Если и можно привести пример проблем, которые Америка в полной мере принимает на себя, то Иран являет собой такой пример. Не вполне ясно, действительно ли иранцы стремятся к созданию ядерной бомбы. Но безусловно то, что они стремятся к легитимности, то есть в данном случае к переговорам с Америкой, и президент Обама, кажется, не отвергает эту идею. Выходки Ирана всегда состояли в прямой пропорции с отказом Америки иметь дело с иранским правительством. Переговоры с Ираном, попытки вывести эту страну из порой безответственной самоизоляции помогли бы Европе покончить с зависимостью от российских нефте- и газопроводящих сетей, напрямую соединив ЕС через Иран с Центральной Азией.

Политические взаимосвязи на Ближнем Востоке вполне очевидны. Невозможно добиться сделки по Палестине без участия представителей как ФАТХ, так и ХАМАС. Сделка по Палестине крайне маловероятна без разрешения сирийско-израильского спора по вопросу Голанских высот, а разрешение этого вопроса потребовало бы перемирия с «Хезболлой» в Ливане и возобновления мирного процесса на истерзанной ливанской земле. Взаимодействие с Ираном помогло бы распутать узел в Сирии и Ливане. Мирная договоренность между Израилем и Палестиной, особенно если бы она была достигнута в рамках регионального пакта о безопасности, снизила бы стремление к терроризму как средству политической борьбы. Деликатное решение и переговоры с Турцией относительно членства этой страны в Европейском союзе помогли бы снизить накал гнева в отдельных частях мусульманского мира в отношении того, что воспринимается там как двойные стандарты, неокOLONиализм и высокомерие Запада. К сожалению, Соединенные Штаты и Европа воспринимаются на Востоке как преимущественно меркантильные державы. При этом не следует забывать, что на нефтяные состояния зачастую скупаются на том же Востоке огромные пошлые образцы западного образа жизни, на которые смотрят выглядывающие из-под хиджабов через солнцезащитные очки «Армани» обитательницы этого мира. В свою очередь, Запад разглагольствует о свободе, поддерживая авторитарных правителей во имя бесперебойных поставок нефти и газа.

Рост политического исламизма в его умеренной и экстремистской формах породил на удивление яростный шторм критики всех религий и верований. Если до недавнего времени считалось, что

религия неактуальна в контексте современной политики, то теперь ее гневно обвиняют во всех несчастьях, называя причиной ужасов на Ближнем Востоке и в других частях света. Многие из нападок повторяют друг друга и не блещут оригинальностью: секуляристский фундаментализм сталкивается с фундаментализмом религиозным. Но нужно ли снова погружаться в архивы инквизиции или выдавливать насмешки о вере в чудеса? Следует ли нам вновь и вновь обращаться к книгам и веб-сайтам фундаменталистов — христиан, иудеев, мусульман, которые ставят возмездие выше любви и милосердия, которые превращают буквальное следование священным текстам в величайшего врага разума? Все до боли знакомые нападки на религию упускают нечто важное относительно ее роли в современном обществе. Визит папы Иоанна Павла II в Польшу в 1979 году побудил Леха Валенсу, по его словам, основать движение «Солидарность». Приезд папы в 1981 году вынудил коммунистический режим выпустить Валенсу из тюрьмы для встречи с понтификом. Встав в ряды «Солидарности», Иоанн Павел II тем самым встал на защиту индивидуальных свобод, выступив против тоталитарного режима. Католическая церковь не вела войны с Советским Союзом; не делали этого и группы лютеран в Восточной Германии. Однако все они создавали фундамент, на котором многие люди в государствах Варшавского блока возрождали гражданское общество. Верно, католичество и лютеранство были важны, но они были лишь одной из сил сопротивления, наряду с движением профсоюзов, а также гражданскими объединениями, приверженными гуманитарным ценностям — свободе собраний, организаций и слова. Когда тоталитарным властителям приходится признавать (как это сделали под нажимом буддистов правительства Бирмы и Китая), что в этом мире всему есть границы и пределы, тогда всей тоталитарной системе, режиму террора и ложных ценностей наносится смертельный удар. В утверждении справедливого и человеческого, в желании пожертвовать всем ради веры религия может наложить властной рукой ограничения на, казалось бы, безграничную светскую власть.

Роль религии в отдельных частях Западной и Центральной Азии объясняется отчасти тем, что светская власть здесь превратилась практически в абсолютную. Современность этих обществ весьма поверхностна. Так называемый западный образ жизни и «гламур» пришли сюда без присущих западной истории мук,

трудностей, тупиков, творческой энергии и культурной свободы. Правительства предлагают все, что душе угодно, за исключением политической свободы и подлинного плюрализма. Практически тотальная идеологическая мощь религии в этом регионе отражает разрушение гражданского общества. Требование верующих вполне определено, они заявляют государству: «Не вмешивайтесь в нашу жизнь, иначе быть беде». Парадоксальным образом в этом звучит нота гражданского либертарианства. В этом смысле ислам, подобно христианству или буддизму, сохраняет в себе зерно деятельного гражданского общества. Но при отсутствии широкого пространства гражданских свобод, при условии что государственные власти стремятся зажать рот гражданскому обществу, существует опасность взрывного мусульманского инакомыслия. Вот почему многие на Западе, разглагольствуя о свободе и демократии вообще, с определенной тревогой относятся к перспективе свободного общества в мусульманских странах. Что же, господину Мубараку в Египте нужно было твердить о необходимости свободных и честных выборов? К чему бы они привели? Что вообще мы можем предложить обществу от Алжира до Саудовской Аравии? Однако чем больше продолжается вытеснение гражданского общества на обочину или его подавление, тем выше вероятность, что общественная атмосфера накалится и мусульмане будут вынуждены выбирать между светским государством и исламом. Это, в свою очередь, может привести к снежному кому бедствий. Современная эпоха уходит корнями в то время, когда растущие европейские государства осознали, что они могут сломать зубы о христианство. Следует избежать такого положения дел, при котором коррумпированные, пребывающие в застое авторитарные государства сломают себе зубы об ислам.

Меня не перестает удивлять, как часто подлинные ответы на проблемы, лежащие где-то там, обнаруживаются «здесь». Успешная внешняя политика — это часто успешная внутренняя политика и наоборот. Наша внутренняя политика в области контроля над наркотиками не привела к победе в так называемой войне против наркотиков; мы без конца противостоим и зачастую уничтожаем производителей и торговцев наркотиками за границей, тогда как в большинстве стран Запада наши тюрьмы заполнены лицами, употребляющими наркотики. Этот проклятый рынок не сужается. Проблемы международной торговли оружием часто связаны с тем, как и согласно каким процедурам мы производим

и распространяем оружие дома. Угроза эпидемических заболеваний отчасти связана с фармацевтическими исследованиями, с лицензированием и судебными тяжбами внутри страны. Глобальное потепление — это результат работы автомобилей, на которых мы ездим, бытовой техники, которую мы используем, домов, в которых мы живем, наших служебных занятий, процессов производства и использования энергии. Все это не означает, что за рубежом у нас не осталось дел. Но если продолжать думать, что решение наших проблем состоит в решении проблем в других странах, без решения наших собственных, внутренних проблем, то мы потерпим неудачу.

Эту тему следует трактовать гораздо шире, памятуя о вопросах, которые, казалось бы, отражают наше чувство мирового гуманизма: речь идет о демографии, о правах человека и обо всех других областях, где произносить слова гораздо проще, чем действовать. Мы проповедуем мир и любовь курдам, шиитам и суннитам, но часто ли мы задумываемся о том, как сами относимся к иммигрантам и к меньшинствам в собственных странах? Стоит ли удивляться тому, что рассуждения о правах человека так часто воспринимаются как болтовня? Я ощущал это на себе в собственной стране, например, тем вечером, когда я вел большое собрание в Северной Ирландии, посвященное реформе полиции. «Вам гораздо проще, приехав из Лондона, читать нам лекции о примирении, чем нам осуществлять это здесь на практике», — сказала одна женщина, задавшая мне вопрос. Так и есть: нам куда проще призывать к терпимости в других странах (и чем дальше они, тем лучше), чем делать это у себя дома, убеждая людей терпимо и честно относиться к переселенцам и к лицам, ищущим политического убежища. Конечно, существует опасность того, что западные политики заболтают этот вопрос, читая нотации другим странам и преподавая им основы добродетельности, в то же время прислушиваясь к соцопросам и к фокус-группам у себя дома, настаивая на жесткой политике и рассуждая, как старые солдафоны. Я и сам так поступаю. Иногда мне кажется, что я больше знаю о тюрьме Гуантанамо, чем об обстановке и об условиях содержания в британских тюрьмах или в миграционных центрах. Насколько же сложнее бороться со своими чудовищами, чем обнаруживать их в других местах.

Наконец, есть соблазн призвать к развитию гражданственности, потолковать о появлении более крупных и надежных лидеров.

Тут ворчливые старики встречаются у стойки бара с отставными политиками. Все идет к чертям (утверждение это настолько же нелепо, насколько мысль о том, что молодежь сегодня гораздо более идеалистична, чем мы, «умудренные опытом люди»). Мы на краю пропасти. Надежды не осталось. Только посмотрите на них: серьги в ушах и никаких пряжек на обуви. Как воскликнул однажды министр иностранных дел Франции [во времена Французской революции] генерал Дюмурье — «Все пропало». В такие дебри меланхолии могут забрести и самые замечательные и мудрые из людей. В конце своих «Жизненных зарисовок» Джордж Кеннан, роль которого в планировании стратегии противостояния трансатлантического сообщества советскому коммунизму невозможно переоценить, впал в привычное отрицание материализма, алчности и упадочности современного общества, призывая к «подлинному главенству духовности и сохранению окружающей среды в качестве первейших целей цивилизации»¹⁰. Уверяю вас, он наверняка знал, что ничего подобного не произойдет. Я готов присоединить голос к обличению материализма, алчности и нравственного упадка. Все же я надеюсь, что упадок не должен оказаться всеобъемлющим, по крайней мере с точки зрения достигнутого на Западе. Сегодня мы видим, как в мире растет пространство личной свободы и выбора (больше, чем когда-либо в истории), мы видим духовные искания, мы слышим смех, мы наблюдаем благородные устремления, великодушие, любовь в семьях, пронизывающую поколения, жертвенность во имя других и, может быть, возросшее чувство причастности к единому человечеству. Пожалуй. Могу добавить, что в мире сегодня чуть больше осознания того, что для жизни в еще лучшем мире, качественно отличающемся в лучшую сторону от сегодняшнего, нам необходима более активная демократическая гражданственность, чувство, присущее риторике Барака Обамы во время его избирательной кампании. Многие критиковали его лозунг: «Да, мы сможем». Неужто нам нужны лидеры, утверждающие: «Нет, мы не сможем»? Как граждане, мы вправе надеяться, что мир станет лучше, ведь в конце концов именно мы выступаем носителями суверенитета. Этот тезис, в частности, содержался в речи господина Аннана, посвященной гуманитарной интервенции. Здесь должны начинаться и оканчиваться поиски суверенитета.

Некоторые авторы рассуждают о «конце суверенитета» так, как если бы он означал начало захватывающей новой эры народо-

властия. Однако конец суверенитета нам не грозит, так как мы, как личности, как граждане, и есть настоящие носители суверенитета. Мы возлагаем свой суверенитет на правительство национального государства в знак доверия. Национальное государство, как я говорил в начале книги, это не странный анахронизм, а компромисс, начертанный кровью, благодаря которому во второй половине прошлого столетия удалось обуздать демонов во власти и вынудить правительства к миролюбивой и прогрессивной политике. Эти правительства национальных государств могут и обязаны работать сами и сотрудничать с другими в осуществлении суверенитета, которым мы их наделили. Если правительство вдруг заявит, что суверенитет пропал, то это будет вроде заявления банковского управляющего о том, что наши сбережения исчезли. Так с какой целью звучат эти заявления о «конце суверенитета»? Ведь это говорят о *моем* суверенитете. Если суверенитет вдруг исчезнет в дыму политологии, то проблемы, обрисованные в этой книге, перестанут быть нашими проблемами, а если они перестанут быть нашими проблемами, то мы не в силах будем их решать. В действительности же сделать мы можем много, не считая себя всемогущими, разумеется, но признавая, что вместе мы — то есть семейное «мы», «мы» национального государства, «мы» — европейцы, азиаты, латиноамериканцы, североамериканцы, африканцы или австралийцы, всемирное «мы» — все же можем идти или брести вперед, иногда решать, порой преодолевать или даже попросту стойко переносить нашу общую участь, опасности общей планеты.

Каковы основания для таких мыслей, какой смысл поднимать выцветшее и чуть поистершееся знамя оптимизма? В школе я заучивал стихотворения выдающегося английского поэта и писателя Джона Мейсфилда [1878–1967], и в особенности его стихи о морских подвигах пятивесельной галеры «Ниневии», величественного испанского галеона и грязного британского каботажного судна. Творчество Мейсфилда пронзало века. Часто его слог напоминал мне Киплинга. Он еще застал людей, которые сражались при Ватерлоо. В значительной степени его словарь, почерпнутый из морских странствий, отжил свое: грот и бизань-мачты, юферсы, талрепы, паруса¹¹. Сегодня о Мейсфилде нечасто вспоминают, и читать его, по правде говоря, не очень просто. Наиболее понятное в его сочинениях чуть банально — банально, но правдиво. Его надгробная плита находится в уголке поэтов

Вестминстерского аббатства. На ней нет эпитафии, но он, можно сказать, сочинил себе эпитафию в романе 1926 года под названием «Одтаа», посвященном вымышленному южноамериканскому государству:

Я видел, как из камней растут цветы,
Как делают добро мужчины с мерзкими лицами,
Как берет золото худшая лошадь на скачках.
Так что верить могу и я.

Почему стало таким расхожим мнение, что все мы обречены, хотя это утверждение никак не обосновано. В мире, все еще способном на рациональное мышление, на творчество, на великодушные и доброту, строфа из Мейсфилда, пожалуй, служит для меня Альфой и Омегой, началом и концом. «Верить могу и я». В конце концов, какой еще выбор остается любящему дедушке?

Примечания

Глава 1.

Смешной старый мир

1. Richard Haas, 'State Sovereignty Must Be Altered in Globalized Era', *Taipei Times*, 21 февраля 2006 г.
2. Benedict Anderson, *Imagined Communities* (Verso, 1991).
3. Anna Reid, *Borderland* (Phoenix, 1997).
4. Martin Rees, *Our Final Century* (Arrow Books, 2003).
5. Thomas J. Biersteker, 'State, Sovereignty and Territory', см. Walter Carlsnaes, Thomas Risse and Beth A. Simmons (под ред.), *Handbook of International Relations* (Sage, 2002), с. 157–177, здесь с. 161.
6. Kenneth N. Waltz, *Theory of International Relations* (McGraw-Hill, 1979), с. 88.
7. Institute for National Strategic Studies, Washington, DC, 'Strategic Assessment, 1999', с. 250.
8. Lawrence Wright, *The Looming Tower* (Knopf, 2006).
9. Хорхе Луис Борхес, «История война и пленницы» ['Story of the Warrior and the Captain'] в издании Borges, *Labyrinths* (Penguin, 1971), с. 163.
10. Winston S. Churchill, *The World Crisis* (Scribner's, 1923–1931), том I.I, глава 11.

Глава 2.

Точка отсчета

1. Frances Stonor Saunders, *Hawkwood: Diabolical Englishman* (Faber and Faber, 2004).
2. Цит. по: Charles Tilly, *Coercion, Capital and European States, AD 990–1992* (Oxford, Blackwell, 1992), с. 84.
3. Geoffrey Parker, *The Military Revolution* (Cambridge University Press, 1988; репринт 1996 г.).
4. C.V. Wedgwood, *The Thirty Years War* (Cape, 1938; переиздание NYRB Classics, 2005), с. 460.
5. Parker, *The Military Revolution*.

6. Jessica T. Matthews, 'Power Shift', *Foreign Affairs*, январь — февраль 1997 г., с. 61.
7. Anthony Quinton, in A. Kenny (ed.), *The Oxford Illustrated History of Western Philosophy* (Oxford University Press, 1997).
8. Henry Kissinger, *Diplomacy* (Simon and Schuster, 1994), p. 20–21.
9. William H. McNeill, *The Pursuit of Power* (University of Chicago Press, 1982).
10. Christopher A. Bayly, *The Birth of the Modern World* (Blackwell, 2004).
11. Linda Colley, *Britons: Forging the Nation, 1707–1837* (Random House, 1992).
12. Milan Kundera, *Life is Elsewhere*, trans. Peter Kussi (Faber and Faber, 1986).
13. Piers Brendon, *The Dark Valley* (Pimlico, 2001).
14. Отчет Всемирного банка № 32205, 'Democratic Republic of Congo: Economic and Sector Work, Governance and Service Delivery', 30 июня 2005 г.

Глава 3.

Бигмаки и крах

1. Michael Veseth, *Globaloney* (Rowman and Littlefield, 2005).
2. Adam Gopnik, *Paris to the Moon* (Random House, 2001).
3. Giuseppe di Lampedusa, *The Leopard* (Everyman's Library, 1991).
4. Nayan Chanda, *Bound Together: How Traders, Preachers, Adventurers and Warriors Shaped Globalization* (Yale University Press, 2007).
5. Angus Maddison, *The World Economy: A Millennial Perspective* (OECD, 2007).
6. Martin Wolf, *Why Globalization Works* (Yale University Press, 2005).
7. Chanda, *Bound Together*.
8. Thomas Friedman, *The World Is Flat* (Allen Lane, 2005).
9. Martin Wolf, 'Will the Nation-state Survive Globalisation?', *Foreign Affairs*, январь–февраль 2001 г.
10. Robert Keohane and Joseph Nye, *Governance in a Globalizing World* (Brookings Institute Press, 2000).
11. Veseth, *Globaloney*.
12. William Greider, *One World, Ready or Not: The Manic Logic of Global Capitalism* (Simon and Schuster, 1997).
13. Wolf, 'Will the Nation-state Survive Globalisation?'
14. Об этом говорится в труде Чанда: Chanda, *Bound Together*.
15. Wolf, 'Will the Nation-state Survive Globalisation?' Мартин Вульф обстоятельно перечисляет примеры лицемерного поведения богатых стран в вопросах торговли.
16. John Ralston Saul, *The Collapse of Globalism* (Atlantic Books, 2005).

17. David Held and Anthony McGrew, *The Global Transformations Reader* (Polity Press, 2003).
18. 'The End', Michael Lewis, *Portfolio.com*, декабрь 2008 г.
19. Там же.
20. 'The Reckoning', Eric Dash and Julie Cresswell, *The New York Times*, 23 ноября 2008 г.
21. Keohane and Nye, *Governance in a Globalizing World*.
22. Anne-Marie Slaughter, 'Governing the Global Economy through Government Networks', in Held and McGrew, *The Global Transformations Reader*.

Глава 4.

Небо в огне

1. Обращение к совместному заседанию палат конгресса США и американскому народу [Address to a Joint Session of Congress and the American People], 20 сентября 2001 г.
2. Audrey Kurth Cronin, 'Behind the Curve', *International Security*, 27, 3 (зима 2002/2003 г.).
3. Louise Richardson, *What Terrorists Want* (Random House, 2006).
4. Paul Bowles, *The Spider's House* (Random House, 1955; переиздание Abacus, 1991).
5. Ivo Andric, *The Damned Yard and Other Stories*, ed. Celia Hawkesworth (Forest Books, 1996).
6. Lawrence Wright, *The Looming Tower* (Knopf, 2006).
7. Там же.
8. Там же.
9. Fareed Zakaria, *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad* (W. W. Norton and Co., 2003).
10. Wright, *The Looming Tower*.
11. Bowles, *The Spider's House*.
12. Amartya Sen, *Identity and Violence: The Illusion of Destiny* (Allen Lane, 2006).
13. Paul Wilkinson, Memorandum for the House of Commons, Foreign Affairs Committee, июнь 2003 г.; Jane Corbin, *The Base* (Simon and Schuster, 2002).
14. Walter Laqueur, *No End to War: Terrorism in the Twenty-First Century* (Continuum, 2003).
15. Bruce Hoffman, 'Rethinking Terrorism and Counterterrorism Since 9/11', *Studies in Conflict and Terrorism*, 2.5 (2002).
16. Cronin, 'Behind the Curve'.
17. Джеймс Феллоуз пишет об этом в журнале *Atlantic Monthly*, сентябрь 2006 г.

18. Adam Roberts, 'The "War on Terror" in Historical Perspective', *Survival*, 47, 2 (лето 2005 г.).
19. Robert Thompson, *Defeating Communist Insurgency: Experiences from Malaya and Vietnam* (Chatto and Windus, 1966).

Глава 5.

Грибовидные облака

1. Jonathan Schell, *The Fate of the Earth* (Cape, 1982.; переиздание Stanford University Press, 2000).
2. J. Cirincione, J. B. Wolfsthal and M. Rajkumar, *Deadly Arsenals* (Brookings Institution, 2005).
3. Robert Hutchinson, *Weapons of Mass Destruction* (Cassell, 2004).
4. Joachim Krause, 'Enlightenment and Nuclear Order', *International Affairs*, 3 (2007).
5. Thomas Graham, Jr., *Commonsense on Weapons of Mass Destruction* (University of Washington Press, 2004).
6. Там же.
7. Цит. по Hutchinson, *Weapons of Mass Destruction*.
8. Lawrence S. Wittner, *The Struggle against the Bomb*, vol. 2, *Resisting the Bomb* (Stanford University Press, 1997).
9. Английские соответствия приведенных названий и сокращений: Coordinating Committee for Multilateral Export Controls (COCOM), Comprehensive Test Ban Treaty (CTBT), Cooperative Threat Reduction (CTR), Senior Defense Group on Proliferation - NATO (DGP), Fissile Material Cut-off Treaty proposal (FMCT), Initiatives for Proliferation Prevention (IPP), Material Protection Control and Accounting Programme (MPC&A), Nuclear Cities Initiative (NCI), Non-Proliferation Treaty (NPT), Nuclear Suppliers Group (NSG), Proliferation Security Initiative (PSI).
10. Krause, 'Enlightenment and Nuclear Order'.
11. Chaim Braun and Christopher F. Chyba, 'Proliferation Rings: New Challenges to the Nuclear Non-proliferation Regime', *International Security*, осень 2004 г.
12. Международная кризисная группа "Межконфессиональная рознь в Пакистане" ['The State of Sectarianism in Pakistan'], апрель 2005 г., www.crisisgroup.org.
13. Guarav Kampani, 'Second Tier Proliferation: The Case of Pakistan and North Korea', *Non-Proliferation Review*, осень — зима 2002 г.
14. Braun and Chyba, 'Proliferation Rings'.
15. Я рассказал об этой поездке в книге: *Not Quite the Diplomat* (Penguin, 2005).
16. Jaswant Singh, *A Call to Honour* (Rupa and Co., 2006).
17. Strobe Talbott, *Engaging India* (Brookings Institution Press, 2004).

Глава 6.

Сто миллионов ружей

1. *Human Security Report, 2005* (Human Security Centre, University of British Columbia/Oxford University Press, 2005).
2. Paul Collier, *The Bottom Billion* (Oxford University Press, 2007).
3. Jeffrey Boutwell and Michael T. Klare (eds.), *Light Weapons and Civil Conflict* (Rowman and Littlefield, 1999).
4. *Small Arms Survey, 2006* (Graduate Institute of International Studies, Geneva/Oxford University Press, 2006).
5. Moises Naim, *Illicit* (Heinemann, 2006).
6. Rachel Stohl, 'Fighting the Illicit Trafficking of Small Arms', *SAIS Review*, Winter-Spring 2005.
7. См. подробнее об этом деле в статье Кати Остин: Kathi Austin, 'Illicit Arms Brokers: Aiding and Abetting Atrocities', *Brown Journal of World Affairs*, весна 2002 г.
8. Там же.
9. Neil Cooper, 'What's the Point of Arms Transfer Controls?', *Contemporary Security Policy*, April 2006.
10. Ishmael Beah, *A Long Way Gone* (Fourth Estate, 2007).
11. 'The Usual Suspects', report by Global Witness, 2003, www.globalwitness.org/media_library_detail.php/96/en/theusualsuspects.
12. Martin Meredith, *The State of Africa* (The Free Press, 2005).
13. 'Moldova, the Country that Europe Forgot', *Economist.com*, Дневник корреспондента журнала «Экономист», 18 мая 2007 г., www.economist.com/daily/diary/displaystory.cfm?story_id=9173421
14. Cooper, 'What's the Point of Arms Transfer Controls?'
15. Sarah Percy, *Mercenaries* (Oxford University Press, 2007).
16. Rajiv Chandrasekaran, *Imperial Life in the Emerald City* (Knopf, 2007).

Глава 7.

Алчность, война и «беднейший миллиард»

1. Tim Butcher, *Blood River* (Chatto and Windus, 2007).
2. Paul Collier, *The Bottom Billion* (Oxford University Press, 2007).
3. David Landes, *The Wealth and Poverty of Nations* (Little, Brown, 1998).
4. Jeffrey Sachs, *The End of Poverty* (Penguin, 2005).
5. Martin Meredith, *The State of Africa* (The Free Press, 2005).
6. Michael Klare, *Resource Wars* (Henry Holt and Co., 2001).
7. William Reno, 'Shadow States and the Political Economy of Civil Wars', в издании: M. Berdal and D. M. Malone (ред.), *Greed and Grievance: Economic Agendas in Civil Wars* (Lynne Rienner, 2000).
8. Нижеследующее описание основывается во многом на превосходном

- отчете НПО «Глобальный свидетель» [Global Witness], 'Same Old Story', опубликованном в 2004 г.: www.globalwitness.org/media_library_detail.php/118/en/same_old_story.
9. Keith B. Richburg, *Out of America: A Black Man Confronts Africa* (Basic Books, 1997).
  10. Collier, *The Bottom Billion*.
  11. P. T. Bauer, *Equality, the Third World, and Economic Delusion* (Harvard University Press, 1981).
  12. Sachs, *The End of Poverty*.
  13. Там же.
  14. William Easterly, *The White Man's Burden* (Penguin, 2006).
  15. Collier, *The Bottom Billion*.
  16. Robert Calderisi, *The Trouble With Africa* (Yale University Press, 2006).
  17. Collier, *The Bottom Billion*.
  18. Landes, *The Wealth and Poverty of Nations*.

Глава 8.

Вода и кровь

1. Emily Arnold and Janet Larsen, *Bottled Water* (Earth Policy Institute, 2006).
2. United Nations Development Programme, *Human Development Report 2006* (UNDP, 2006).
3. Marcus Moench, 'Water and the Potential for Social Instability', *Natural Resources Forum*, 26, 3 (2002).
4. United Nations Development Programme, *Human Development Report 2006*.
5. James Kynge, *China Shakes the World* (Weidenfeld and Nicolson, 2006).
6. United Nations Development Programme, *Human Development Report 2006*.
7. 'Climate Change and Agricultural Vulnerability', отчет, подготовленный Международным Институтом анализа прикладных систем [International Institute for Applied Systems Analysis], 2002 г.
8. Moench, 'Water and the Potential for Social Instability'.
9. Michael Klare, *Resource Wars* (Metropolitan Books, 2001); Peter H. Gleick, 'Water and Conflict', *International Security*, 18, 1 (1993), and 'Environment and Security', в издании: Gleick, *The World's Water 2006-2007* (Island Press, 2007); Thomas F. Homer-Dixon, 'Environmental Scarcities and Violent Conflict', *International Security*, 19, 1 (1994).
10. Gleick, 'Environment and Security'.
11. Gleick, 'Water and Conflict'.
12. Homer-Dixon, 'Environmental Scarcities and Violent Conflict'.
13. Klare, *Resource Wars*.
14. Проблемы водных ресурсов в Средней Азии подробно рассматривают-

ся в работе Сиверса: Eric W. Sievers, 'Water, Conflict, and Regional Security in Central Asia', *New York University Environmental Law Journal*, 10, 3 (2002), и в двух отчетах Международной кризисной группы [International Crisis Group]: 'Central Asia: Water and Conflict' (2002) and 'The Curse of Cotton' (February 2005).

15. Klare, *Resource Wars*.

Глава 9.

Всякое бывает

1. R. T. Naylor, *Wages of Crime, Black Markets, Illegal Finance and the Underworld Economy* (Cornell University Press, 2004).
2. Louise Shelley and John Picarelli, 'Methods not Motives: Implications of the Convergence of International Organized Crime and Terrorism', *Police Practice and Research*, 3, 4 (2002).
3. Stephen Flynn, 'Beyond Border Control', *Foreign Affairs*, ноябрь — декабрь 2001 г.
4. Manuel Castells, *End of Millennium* (Blackwell, 2000). Книга Кастелла содержит превосходно написанную главу о криминальной экономике.
5. Там же.
6. Claire Sterling, *Thieves' World: The Threat of the New Global Network of Organized Crime* (Simon and Schuster, 1994).
7. Misha Glenny, *McMafia* (The Bodley Head, 2008).
8. Moises Naim, *Illicit* (Heinemann, 2006).
9. Shelley and Picarelli, 'Methods not Motives'.
10. Castells, *End of Millennium*.
11. Naim, *Illicit*. В книге Наима широко освещаются вопросы торговли контрафактными товарами и другие виды преступной деятельности.
12. См. об этом, в частности, у Нэнси Шепер-Хью [Nancy Scherer-Hughes]: <http://sunsite.berkeley.edu/biotech/organswatch/pages/cannibalism.html>.
13. Andrew Nichols Pratt, 'Human Trafficking: The Nadir of an Unholy Trinity', *European Security*, 2004.
14. David A. Feingold, 'Human Trafficking', *Foreign Policy*, сентябрь–октябрь 2005 г.
15. William F. Wechsler, 'Follow the Money', *Foreign Affairs*, июль–август 2001 г.

Глава 10.

На игле

1. Kal Raustiala, 'Law, Liberalization and International Narcotics Trafficking', *International Law and Politics*, Fall 1999.

2. Jung Chang and Jon Halliday, *Mao: The Unknown Story* (Cape, 2005).
3. Jonathan P. Culkins and Peter Reuter, 'Reinventing US Drug Policy', *Issues in Science and Technology*, Fall 2006.
4. Там же.
5. Steve Coll, *Ghost Wars* (Penguin, 1004).
6. Transnational Institute, Drug Policy Briefing, January 2005.
7. Richard Gibson and John Haseman, 'Prospects for Controlling Narcotics Production and Trafficking in Myanmar', *Contemporary South East Asia*, April 2003.
8. Moises Naim, *Illicit* (Heinemann, 2006).
9. 'The Nexus among Terrorists, Narcotics Traffickers, Weapon Proliferators, and Organized Crime Networks', исследование, подготовленное для Библиотеки Конгресса США, декабрь 2003 г.
10. Hans T. van der Veen, 'The Trans-Mediterranean Drug Complex', *Mediterranean Policy*, 9 (Autumn 2004).
11. Peter Reuter and Alex Stevens, 'An Analysis of UK Drug Policy', отчет, подготовленный для Комиссии Соединенного Королевства по политике в области наркотиков, 2007 г.
12. Misha Glenny, *McMafia* (The Bodley Head, 2008).
13. 'Drugs: Facing Facts', отчет Комиссии Королевского общества искусств по незаконному обороту наркотиков, преступным сообществам и государственной политике [Royal Society of Arts Commission on Illegal Drugs, Communities and Public Policy], март 2007 г.

Глава 11.

Топливный бак

1. Matthew R. Simmons, *Twilight in the Desert* (John Wiley and Sons, 2005).
2. David Frum, *The Right Man* (Random House, 2001).
3. Alan Greenspan, *The Age of Turbulence* (Penguin, 2007).
4. Susanne Peters, *Coercive Western Security Strategies* (Routledge, 2004).
5. Jeremy Legget, *Half Gone* (Portobello Books, 2005).
6. Paul Roberts, *The End of Oil* (Mariner Books, 2005). Робертс убедительно пишет об этой тенденции к «пику и плато».
7. Там же, цит. работа геолога Колина Кемпбелла.
8. Carola Hoyos, 'The New Seven Sisters', FT.com, 11 марта 2007 г., www.ft.com/indepth/7sisters.
9. Jan H. Kalicki and David Goldwyn, 'Energy, Security and Foreign Policy', в издании: Jan H. Kalicki and David Goldwyn (eds.), *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy* (Johns Hopkins University Press, 2005).
10. Joe Barnes and Amy Myers Jaffe, 'The Persian Gulf and the Geopolitics of Oil', *Survival*, 48 (весна 2006 г.).

11. 'Who are the Islamists?', International Crisis Group, September 2004, www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=3021.
12. 'Can Saudi Arabia Reform Itself?', International Crisis Group, July 2004, www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=2864.
13. Речь сенатора Джона Керри в Сिएтле 27 мая 2004 г.
14. Anna Politkovskaya, *Putin's Russia* (Metropolitan Books, 2004).
15. Flynt Leverett, 'The New Axis of Oil', *The National Interest, Inc.*, лето 2006 г.
16. Derek Brower, 'Checkmate Gazprom', *Prospect*, July 2007.
17. James Kynge, *China Shakes the World* (Weidenfeld and Nicolson, 2006).
18. Ian Taylor, 'China's Oil Diplomacy in Africa', *International Affairs*, 82, 5 (2006).
19. Henry Lee and Dan Shalmon, 'Searching for Oil', Harvard University John F. Kennedy School of Government, March 2007.
20. Josh Kurlantzick, 'Beijing's Safari', *Carnegie Endowment*, November 2006.

Глава 12.

Потепление

1. John McNeill, *Something New Under the Sun* (Penguin, 2000).
2. Tim Flannery, *The Weather Makers* (Text Publishing, 2000).
3. A. M. Mannion, *Global Environment Change* (Addison-Wesley-Longman, 1997).
4. Rachel Carson, *Silent Spring* (Houghton Mifflin, 1962; переиздание Mariner Books, 2002); Bill Moyers, 'Welcome to Doomsday', *New York Review of Books*, 24 марта 2005 г.
5. McNeill, *Something New Under the Sun*.
6. William Rees, 'Degradation', доклад на конференции Фонда Трюдо «Климат примирения» [Climate of Reconciliation], Калгари, 5–17 ноября 2007 г.
7. Jim Hansen, 'The Threat to the Planet', *New York Review of Books*, 13 июля 2006 г.
8. McNeill, *Something New Under the Sun*.
9. Gabrielle Walker and David King, *The Hot Topic* (Bloomsbury, 2008).
10. См. там же обстоятельный анализ проблем, стоящих перед отдельными странами во время переговорного процесса.
11. James Kynge, *China Shakes the World* (Weidenfeld and Nicolson, 2006).
12. Clive Ponting, *A New Green History of the World* (Vintage Books, 2007).
13. Jonathan Mirsky, 'China's Assault on the Environment', *New York Review of Books*, 18 октября 2001.

Глава 13.

Кашель и насморк

1. Adam Zamoyski, *1812: Napoleon's Fatal March on Moscow* (HarperCollins, 2004).
2. William H. McNeill, *Plagues and Peoples* (Anchor Books, 1976).
3. Paul Slack, 'Introduction', в издании: Terence Ranger and Paul Slack (ред.), *Epidemics and Ideas* (Cambridge University Press, 1992).
4. Данные об инфекциях взяты из «Журнала Американской медицинской ассоциации» [*Journal of the American Medical Association*], 28 февраля 2007 г.
5. Fiammetta Rocco, *The Miraculous Fever Tree: Malaria and the Cure that Changed the World* (HarperCollins, 2003).
6. Robin Weiss and Anthony McMichael, 'Social and Environmental Risk Factors in the Emergence of Infectious Disease', *Nature Medicine*, December 2004.
7. Arno Karlen, *Man and Microbes* (Simon and Schuster, 1995).
8. 'A Safer Future', отчет Всемирной организации здравоохранения, 2007 г.
9. Eric Schlosser, *Fast Food Nation: What the All-American Meal Is Doing to the World* (Penguin, 2001).
10. Helen Epstein, 'Death by the Numbers', *New York Review of Books*, 28 июня 2007 г.
11. Tony Barnett and Alan Whiteside, *AIDS in the Twenty-first Century* (Palgrave Macmillan, 2006).
12. Helen Epstein, *The Invisible Cure* (Viking, 2007).
13. Ayodele Samuel Jegede, 'What Led to the Nigerian Boycott?', *PLoS Medicine*, март 2005 г.
14. Karlen, *Man and Microbes*.
15. Michael Mandelbaum, 'Foreign Policy as Social Work', *Foreign Affairs*, январь–февраль 1996 г.; Samuel Berger, 'A Foreign Policy for the Global Age', *Foreign Affairs*, ноябрь–декабрь 2000 г.
16. Laurie Garrett, 'The Lessons of HIV/AIDS', *Foreign Affairs*, июль–август 2005 г.
17. Stefan Elbe, 'HIV/AIDS and the Changing Landscape of War in Africa', *International Security*, 27, 2 (2002).
18. Steven Johnson, *The Ghost Map* (Penguin, 2006).

Глава 14.

Пусть звенит свобода

1. John Lewis Gaddis, *The Cold War* (Allen Lane, 2005).
2. Alexis de Tocqueville, *Democracy in America* (1835–1840; переиздание Signet, 2001).

3. James Kynge, *China Shakes the World* (Weidenfeld and Nicolson, 2006).
4. Mark Leonard, *What Does China Think?* (Fourth Estate, 2008).
5. John Mearsheimer and Stephen Walt, *The Israel Lobby and US Foreign Policy* (Farrar, Straus and Giroux, 2007).
6. David Rose, 'The Gaza Bombshell', *Vanity Fair*, апрель 2006 г.
7. David Marquand, 'Verdun, Auschwitz and the Future of Europe', Мемориальная лекция им. Адама фон Тротта, Оксфорд, 2008 г.
8. Robert Kagan, *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order* (Knopf, 2003).
9. James Sheehan, *The Monopoly of Violence* (Faber and Faber, 2008).

Глава 15.

Итак...

1. Peter Hennessy, *The Secret State* (Penguin, 2002).
2. Margaret Macmillan, *Peacemakers* (John Murray, 2001).
3. David Reynolds, *Summits* (Allen Lane, 2007).
4. Stephen Schlesinger, *Act of Creation* (Westview Press, 2003).
5. Samantha Power, *Chasing the Flame* (Allen Lane, 2008).
6. Gabriel Kolko, *The Politics of War* (Random House, 1968).
7. Paul Kennedy, *The Parliament of Man* (Allen Lane, 2006).
8. James Traub, *The Best Intentions* (Bloomsbury, 2006).
9. Philippe Sands, *Torture Team* (Allen Lane, 2008).
10. George F. Kennan, *Sketches from a Life* (Norton Paperback, 2000).
11. Peter Vansittart, *In the Fifties* (John Murray, 1995).

Именной указатель

Абдул-Азиз ибн Сауд, король Саудовской Аравии 237, 371, 385

Абу Тахир Бухари Сед 174

Адамс Джерри 113, 115, 121

Альенде Сальвадор 92, 179

Амин Иди 208, 252

Андреотти Джулио 307

Андрич Иво 126

Аннан Кофи 533, 536, 538, 550

Антюфеев Владимир 212

Аполлинер Гийом 475

Арбагов Георгий Аркадьевич 76

Арендт Ханна 43

Арон Раймон 541

Аселор Чарльз 202

Аснар Хосе Мария 316

Атта Мохаммед 21

Аун Сан Су Чжи 356, 358

Ахерн Берти 115

Ахмадинежад Махмуд 179

Ачесон Дин 178

Балладюр Эдуар 57

Бальзак Робер де 29, 493

Банда Хастингс 242

Бауэр Питер Томас 256

Бахтияр Шапур 177

аль-Башир Омар Хасан 411

Беа (Бих) Ишмаэль 205

Бевин Эрнест 10, 162, 163

Бекхэм Дэвид 71

Бен-Гурион Давид 161

- Бенедикт XVI, папа римский 420
Бёрк Эдмунд 150, 258, 335
Бен Ладен Усама 22, 113, 133, 138, 140, 145–147, 186, 187, 342, 345, 390
Благоевич Род 316, 317
Блэк Конрад 12
Блэр Тони 83, 99, 115, 254, 363, 410, 490, 511, 537, 538
Бове Хосе 59, 68
Болтон Джон 182, 185, 216, 219, 534, 536, 540
Болтон Мэтью 419
Борхес Хорхе Луис 23, 553
Боулз Пол 126, 134
Браун Гордон 93, 96, 99
Брежнев Леонид Ильич 395
Бремер Пол 222
Бут Виктор 200, 304
Бутчер Тим 228
Буш Джордж (младший) 81, 526, 527
Буш Джордж (старший) 168, 194
Бхутто Беназир 170, 172
Бэкон Фрэнсис 30, 35
- Валенса Лех** 547
Вальдхайм Курт 533, 534
Вебер Макс 17, 475
Веджвуд Вероника 31
Ведрин Юбер 57
Векслер Уильям 328
Весет Мишель 56
Вильпен Доминик де 57
Вильсон Вудро 13, 485, 486, 488, 489, 500, 528
Вошанов Павел Игоревич 308
Вуд Уильям 350
Вульф Мартин 65, 84
Вэнь Цзябао 495
- Галилей Галилео** 420
Ганди Махатма 453, 506, 528
Ганди Раджив 116
Гани Ашраф 344, 351
Гаранг Джон 210

Гейтс Билл 70, 257, 469, 481
Гелдоф Боб 256
Гитлер Адольф 42, 43, 69, 154, 371, 456
Говард Джон 274, 433, 446–448
Голдберг Вупи 253
Голль Шарль де 128, 163
Гопник Адам 58
Горбачев Михаил Сергеевич 152, 185, 396, 399
Грей сэр Эдвард 109
Грейдер Уильям 74
Гринспен Алан 101, 372
Гроций Гуго 34, 39
Грэм Томас 158
Гуль Хамид 22

д'Адзельо Массимо 39
Дальтон Хью 509
Дарвин Чарльз 456
Джей Джон 39
Дженкинс Саймон 309
Джонсон Линдон Бэйнс 166
Дизраэли Бенджамен 530
Доббс Лоу 82
Доу Сэмюэл 205, 242
Дрейк сэр Френсис 28

Ельцин Борис Николаевич 153, 156, 308, 396, 397, 399

Жискара д'Эстен Валери 512
Жюппе Ален 58

Закария Фарид 132
Зардари Азиз 172
Захеда Фазлолла 178
Зеллик Роберт 414

Иванов Игорь Сергеевич 213
Инхоф Джеймс 423, 425
Иоанн Павел II, папа римский 547
Иосиф Флавий 112

Истерли Уильям 259

Кабила Жозеф 247

Кабила Лоран 51, 229, 244, 246, 247

Кагаме Пол 244

Каган Роберт 517

Каддафи Муаммар 205

Калдеризи Роберт 264

Каллаган Джеймс (Джим) 261

Канн Герман 525

Кан Диогу 231

Кант Иммануил 489

Кадиргамар Лакшман 117

Карзай Хамид 343

Каримов Ислам 295 296

Каррингтон Питер, лорд 523

Карсон Рэйчел (Рахиль) 423, 424

Картер Джимми 179, 367, 383,

Кастро Фидель 392

Кейнс Джон Мейнард 44, 101, 511

Келлер Фред 202

Келли Уолт 332

Кеннан Джордж 119, 550

Кеннеди Джон Фицджеральд 151, 160, 163, 164, 166, 522

Кент Брюс 152

Кеохэйн Роберт 71, 106

Кервьель Жером 59

Керзон, Джордж Натаниэль, лорд 371

Керри Джон 387

Кибакви Мваи 263

Ким Дэ Чжун 235

Ким Чен Ир 175

Кинг сэр Дэвид 422, 435

Кинг Маккензи 159

Киндж Джеймс 494

Киплинг Редьярд 10, 342, 480, 551

Киссинджер Генри 32, 34, 42, 128, 185, 186, 414, 489

Китинг Пол 77

Клаузевиц Карл фон 37, 109

Клемансо Жорж 488

- Клинтон Билл 97, 101, 158, 167, 168, 175, 183, 189, 309, 345, 469, 476
Клинтон Хиллари 86, 186, 450
Кокберн Клод 23
Колко Габриэль 74
Коль Гельмут 493
Кольбер Жан-Батист 57
Кольер Пол 193, 229, 239, 241, 254, 265
Кони Джозеф 209
Конрад Джозеф 16
Корбин Джейн 139
Кортес Эрнандо 62, 457
Коста Антонио Мария 334
Краузе Иоахим 166
Кронин Одри Курт 124, 144
Ксаверий Франциск 63
Кубрик Стенли 151
Кук Алистер 230
Кундера Милан 41
Купер Нил 220
Кутб Саид 127, 133
Кучма Леонид 530, 531
Кушнер Бернар 537
Куэльяр Перес де 111
- Лавлок Джеймс 419
Лакер Уолтер 142
Ла-Пьер Уэйн 216
Ле Карре Джон 112, 200
Ле Пен Жан Мари 68
Ледер Карлос 315
Леонард Марк 498
Леопольд II, король Бельгии 231, 244
Лерер Том 149, 150–152
Ливингстон Дэвид 63, 231
Ливис Фрэнк Раймонд 150
Линкольн Авраам 154
Ло Пикколо Сальваторе 308
Лодж Генри Кабот 36
Ломборг Бьорн 443
Лэндис Дэвид 230, 266

- Макартни Джордж, лорд 36
Маквей Тимоти 111
Макгиннесс Мартин 115
Макдональд сэр Кен 118, 125
Макиавелли Никколо 25–27, 31, 33, 34, 220, 300
Маккейн Джон 503
Макмиллан Гарольд 163, 509
Макнил Уильям 36, 458
Маколей Томас Бабингтон 64
Мальтус Томас 269, 418
Мандела Нельсон 121, 123, 162, 506
Манн Джонатан 471
Мао Цзэдун 80, 406 492, 495
Маркс Карл 67
Мартин Уильям 101
Мартине Жан 33
Массю Жак 127, 128
Масуд Ахмед Шах 345, 346
Махатир бин Мохаммад 77
Мбеки Табо 253, 471, 535
Медведев Дмитрий Анатольевич 395, 396, 399
Мейсфилд Джон 551, 552
Мёрдок Руперт 15, 139
Мередит Мартин 209
Миджли Томас 436
Миним Леонид 201
Миттеран Франсуа 44, 514
Митчелл Джордж 115, 509
Младич Ратко 537
Мобуту Сесе Секо 51, 199, 202, 229, 242–245, 263
Мои Даниэль арап 262
Монтгомери Бернард 456
Монтесинос Владимир 316
Мохаммед Реза Пехлеви, шах Ирана 178
Мубарак Хосни 292, 548
Мугабе Роберт 107, 253, 255, 268, 357, 464, 500
Мусевени Ёвери 208, 209, 244, 247
Моссадек Мохаммад 372
Мухаммед Захир-шах, король Афганистана 349
Мушарраф Первез 145, 170–172

Мэдисон Ангус 64
Мэнли Майкл 45
Мэхэн Альфред Тайер 237

Наджибулла Махаммад 346
Наим Мойзес 313
Най Джозеф 71, 106
Нанн Сэмюэль 185
Насер Гамаль Абдель 127, 148, 280, 292
Нето Агостино 240, 241
Нив Эйри 113
Никсон Ричард 101, 156, 178, 485
Нилекани Нандан 70
Ниязов Сапармурат 406
Ньютон сэр Исаак 23

Обама Барак 9, 101, 105, 123, 140, 172, 179, 186, 218, 317, 347, 348, 392,
449, 450, 469, 501 502, 507–510, 528, 543, 546, 550
Оботе Милтон 208
Оден Уистан Хью 150, 535
Одинга Раила 510
Омар Мухаммад 201, 346
Оуко Роберт 262

Падеревский Игнаций Ян 39
Паксас Роландас 316
Пан Ги Мун 176
Пауэлл Джон Енох 114
Пауэлл Колин 134, 344, 445
Пенни сэр Уильям 163
Пери Уильям 185
Перо Росс 105
Перри Мэттью 37
Перси Сара 222
Писарро Франциско 457
Политковская Анна Степановна 396
Полсон Хэнк 96
Поппер Карл 258
Поуп Александр 461
Прабхакаран Велупиллаи 116, 117

- Принцип Гаврило 23
Провенцано Бернардо 308
Путин Владимир Владимирович 45, 148, 214, 395–399, 401, 446, 517, 531
- Радд Кевин 448**
Райс Кондолиза 147, 153
Райт Лоуренс 129, 187
Рамсфелд Дональд 300
Рейган Рональд 93, 101, 185, 205, 402, 511
Рич Марк 309
Ричардсон Луиз 124, 125, 135, 142, 148
Ричбург Кит 253
Риччи Матео 63
Ришелье, Арман Жан дю Плесси, кардинал 32
Роберто Холден 240
Робертс сэр Адам 146, 523, 560
Робеспьер Максимилиан 123
Ромни Митт 445
Роув Карл 118–120, 146, 387, 425
Рубин Роберт 96, 97
Рузвельт Франклин Делано 237, 371, 489, 530, 531
- Саакашвили Михаил 400
Савимби Жонас 199, 240
Сакс Джеффри 230, 256, 258, 259
Самюэльсон Пол 228
Санко Фодей 205, 206, 241
Сантуш Жозе Эдуарду душ 249–251
Саркози Николя 57, 59, 104, 400
Сеймур Джеральд 200
Сен Амартия 135
Сингх Джасвант 161, 188
Сингх Манмохан 521
Скотт сэр Вальтер 40
Слим Карлос 82
Слотер Энн-Мари 107
Смирнов Владимир 212
Смирнов Игорь 212
Смит Адам 25, 64, 301
Сноу Джон 483, 484

Соганалян Саргис 202
Соин Дмитрий 212
Солана Хавьер 503
Солсбери Роберт Артур Гаскойн-Сесил, лорд 10, 11, 36
Сомоса Анастасио 202
Сорос Джордж 318
Сото Эрнандо де 457
Спринг-Райс Сесил 40, 41
Стайн Герб 104
Стайн Марк 12
Сталин Иосиф Виссарионович 69, 160, 183, 530, 531
Стенли Генри Мортон 301
Стерлинг Клэр 309
Стерн сэр Николас 259, 426, 439, 454
Стиглиц Джозеф 259, 265
Сэндс Бобби 127
Сяопин Дэн 80, 406, 417, 452, 492, 493

Тэлботт Строуб 189
Тейлор Чарльз 194, 205–207, 216, 241,
Теннисон Альфред, лорд 531
Тиндаль Джон 431
Токвиль Алексис де 14, 100, 489, 490, 503, 507
Толберт Уильям 204
Томази ди Лампедуза Джузеппе 60
Томпсон сэр Роберт 147
Тото Риина 308
Трумэн Гарри 159, 160, 178, 183, 383, 489, 511, 531, 532
Тэтчер Маргарет 10, 42, 113, 114, 209, 262, 278, 511

Уайтлоу Вилли 262
Уилкинсон Пол 139
Уильямс Джоди 68
Уоллес Генри 61
Уатт Джеймс 417
Урибе Альваро 315, 316
Уэллс Герберт Джордж 464

Файнголд Дэвид 323
Феллоуз Джеймс 145, 555

Филдс Уильям Клод 255
Флобер Гюстав 529
Флэннери Тим 448
Форсайт Фредерик 200
Фракасторо Джироламо 465
Франц-Фердинанд, эрцгерцог Австрийский 23, 31, 119, 418
Фридман Томас 54, 69, 70
Фрум Дэвид 372
Фрэнкс Барни 93
Фукидид 154
Фурье Жан Батист Жозеф 431
Фухимори Альберто 316

аль-Хадж Халид 386
Хаменеи, аятолла 179
Хаммаршёльд Даг 533
Хан Абдул Кадыр 173, 174, 200
Хатами Мохаммад 179
Хатчинсон Роберт 156
Хёрт Джудит 261
Хеффлер Анке 239
Хлебников Пол 397
Хоар Майк 221, 227
Ходорковский Михаил Борисович 398
Хоквуд сэр Джон 26, 220
Холбрук Ричард 172
Холдрен Джон 449
Хомейни Рухолла, аятолла 179
Хомер-Диксон Томас 290
Хорн Алистер 128
Хрущев Никита Сергеевич 151
Ху Дзиньтао 474, 497
Хуа Гофэн 406
Хусейн Саддам 372, 387, 545
Хэдли Стивен 491

Чавес Уго 380, 391–393, 395
Чан Кайши 275, 307
Чан Маргарет 474, 475
Чанда Наян 61, 67

Чандрасекаран Раджив 222, 223
Че Гевара 51, 212
Чейни Дик 101, 139, 180, 185, 370, 387, 536
Чемберлен Джозеф
Чен Ляньгу 80, 452
Чен Юнь 492
Черчилль Уинстон Спенсер 23, 178, 370, 376, 421, 530
Честертон Гилберт Кит 25, 332
Чжоу Эньлай 495
Чингисхан 63, 293
Чиринчионе Джозеф 159
Чу Стивен 449

Шарон Ариэль 506
Шелл Джонатан 152, 377
Ширак Жак 57, 83
Шихан Джеймс 517
Шлезингер Артур 74
Шрёдер Гельмут 402
Шульц Джордж 185
Шут Нэвил 150, 152

Эванс Гарет 537, 538
Эдуард II, король Англии 242
Эйзенхауэр Дуайт 178, 191, 288, 383
Эйлерс Вильгельм 202
Элисон Грэм 187
Эль-Барадеи Мохаммед 148, 186, 188
Элюар Поль 41
Эмери Лео 45
Энджелл Норман 65
Эстрада Джозеф 316
Эттли Клемент 159
Эшдаун Пэдди, лорд 310
Эшколь Леви 289, 508

Библиотека
Московской школы гражданского просвещения

Кристофер Паттен

Что дальше?
Выживание в XXI веке

Компьютерная верстка В. Козак

Подписано в печать 5.12.2017. Формат издания 60x90/16.
Печ. л. 36. Тираж 1000 экз. Заказ №

Московская школа гражданского просвещения
127006 Москва, Старопименовский пер., д. 11/6, стр.1

*Издано некоммерческой организацией, принудительно включенной
в реестр Минюста РФ как подпадающая под статус «иностранный агент».*